

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

11/2011

Журнал
«Семь искусств»

Ноябрь 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Ноябрь 2011

© Евгений Беркович (составление и
редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской
старины»

Содержание

Михаил Зеликин	
Лев Семенович Понтрягин.....	5
Евгений Гордон	
Адресат Л.С. Понтрягина – И.И. Гордон.....	16
Хаим Соколин	
«Я вдоволь посмеялся...».....	204
Владимир Тихомиров, Василий Демидович	
Вадим Александрович Трапезников	213
Владимир Тихомиров, Михаил Зеликин	
Владимир Михайлович Алексеев	218
Анна Тоом, Андрей Тоом	
Павел Антокольский :неизвестные стихи	242
Александр Лейзерович	
«Еврейские мелодии» и «Испанцы» М. Лермонтова	274
Семен Талейник	
Эта роковая ушная раковина	310
Борис Тененбаум	
Простые граждане Республики Флоренция.....	316
Эрнст Зальцберг	
Российские композиторы-евреи в Америке	331
Наум Зайдель, Александр Баршай	
Баршай не пропал без России и без Израиля	343
Марк Фукс	
Художник Анатолий (Танхум) Каплан.....	351
Александр Зелинский	
Фет.....	377
Йеѓуда Векслер	
Целый мир	398
Елена Минкина	
«Что наша жизнь»	407
Надежда Далецкая	
Пражские каникулы.....	414
Эстер Пастернак	
«Я утону в Твоих садах...»	421
Лорина Дымова	
Четыре темперамента	425
Артур Кальмейер	

Последние дары.....	429
Вильям Баткин	
Этюды души	445
Людмила Штерн	
Неистребимый.....	449
Владимир Матлин	
Амур.....	457
Елена Матусевич	
Три дня в деревне.....	470
Яков Лотовский	
Ханука-47.....	481
Евсей Цейтлин	
Одинокие среди идущих	490
Александр Каневский	
Несколько коротких рассказов	500
Михаил Вайнер	
Весна-осень сорок четвёртого	512
Арье Бацаль	
Чепуховинка	543
Роланд Кулесский	
Жизнь души в ранге метафоры.....	560
Виктор Гопман	
Общие места	572
Об авторах	590

Михаил Зеликин
Лев Семенович Понтрягин
Воспоминания и размышления

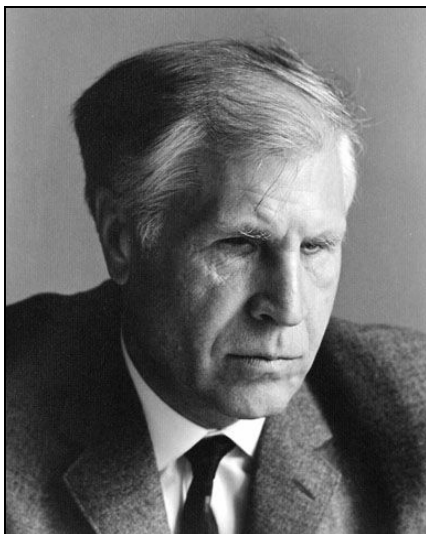

ретьего сентября 2008 года исполняется ровно 100 лет со дня рождения Льва Семеновича Понтрягина – одного из величайших математиков двадцатого века. Жизнь его была очень непроста. В возрасте 13 лет с ним произошло несчастье. Он чинил примус, и примус в его руках взорвался. Мальчик лишился обоих глаз. Но сила духа этого мальчика оказалась сильнее даже такого страшного физического недостатка как абсолютная слепота. Он сумел стать не только замечательным человеком, но и великим математиком.

Мне выпало большое счастье: Лев Семенович был моим непосредственным научным руководителем, начиная со второго курса механико-математического факультета МГУ. Случилось это так. Семинары по аналитической геометрии в нашей группе вел тогда еще молодой преподаватель Евгений Фролович Мищенко (сейчас он академик Российской академии наук). Мои выступления на семинаре ему, по-видимому, понравились, и он мне сказал: "Миша, разумно учиться у Понтрягина". Он рекомендовал меня Льву Семеновичу и таким образом я оказался его учеником. Помню нашу первую встречу. Лев Семенович пригласил меня к себе домой и просил прийти к 11 часам. Я очень волновался, боялся опоздать и подъехал к его дому заранее. Погуляв перед домом, я поднялся на нужный этаж и посмотрел на часы. Было без двух минут 11. Выждав эти 2 минуты, ровно в 11-00 я нажал на кнопку звонка. Лев Семенович открыл дверь, пригласил войти и спросил меня: "Это Вы несколько минут назад поднялись на лифте?" Он конечно же слышал звук подъехавшего лифта. Я подтвердил, и они с его мамой весело посмеялись над моей излишней педантичностью. Потом он сказал: "Я сейчас

думаю над одной проблемой, давайте мы будем работать вместе". Надо сказать, что математика мне нравилась со школьных лет. Но в сознании моих одноклассников слово математик связывалось с понятием учитель. Они говорили:

"Разве в математике возможна творческая работа? Там ведь все известно". Но уже на первом курсе мехмата я почувствовал, насколько необозрима математика. Да что там "я"! Сам Ньютон, который знал наверное все известные в его время математические достижения, и не только знал, а сам создавал новые математические направления, говорил, что он чувствует себя ребенком, играющим камушками на берегу океана Неведомого.

Л.С. Понтрягин

И вот великий Понтрягин приглашает меня, желторотого студента, работать вместе.

Он объяснил мне ситуацию и начал диктовать, временами задумываясь, создаваемое им доказательство. Я едва успевал записывать. Текст был сложный, с большим количеством довольно длинных формул. Было такое впечатление, что он читает книгу, открытую перед его мысленным взором. Изредка он просил меня перечитать какую-нибудь из формул, но чаще он их и так помнил. В

какой-то момент он надолго задумался над доказательством. Потом сказал: "Кажется, что-то похожее было у Осгуда. Миша, возьмите на второй слева и третьей сверху полке седьмую слева книгу. Это книга Осгуда по теории функций. Откройте такую-то главу и прочтите ее мне". Книга была на немецком языке, но к счастью я учил немецкий в школе. Выслушав текст, Лев Семенович воскликнул: "Так вот как он это делает! Ну что же, используя эту идею, мы сделаем слегка покороче и посовременнее." "Ага!" - решил я тогда про себя - "Значит, главное в профессии математика это изучить методы доказательств и уметь их применять". Теперь я думаю немного по-другому. Мне представляется, что гораздо важнее осознавать связи между математическими объектами, которые кажутся различными, и, используя эти связи, усматривать результаты и теоремы, которые надо доказать, для того чтобы эти связи прояснились еще ярче и полнее. Правда, есть еще одна очень важная математическая деятельность по самому созданию математических объектов. Но это надо делать крайне осторожно, так как новые объекты могут оказаться мертворожденными. Например, великий немецкий математик Карл Гаусс писал, что он всегда старался избегать введения новых понятий для преодоления реальных трудностей.

Есть старый вопрос, вызывающий много споров: каков источник математических открытий? Придумывает ли математик новую реальность, или, согласно теории Платона, он всего лишь вспоминает то, что он каким-то образом уже знал о вечных неизменяемых идеях? Являются ли математические открытия результатом интеллектуальных усилий исследователя, или сам Господь Бог указывает ему решения? Приведу несколько примеров в пользу последнего утверждения. Карл Гаусс в течение многих лет тщетно пытался найти доказательство закона взаимности (некоторое важное соотношение в теории чисел). И вдруг, в один момент, он увидел идею доказательства, лежащую совершенно в стороне от тех путей, на которых он ее до той поры искал. Гаусс в дневниках писал, что это было так, как будто бы ему внезапно была показана вся картина

доказательства. Гениальный французский математик Анри Пуанкаре упорно работал над проблемой автоморфных функций. И вдруг однажды, в тот момент, когда он поднимал ногу на ступеньку омнибуса, он внезапно осознал, что изучаемые им функции это те, которые остаются инвариантными относительно дискретной группы движений плоскости Лобачевского. Но с другой стороны, замечательный немецкий математик Леопольд Кронекер считал, что Господь Бог создал только целые числа, а все остальные конструкции это дело рук человеческих. Заметим кстати, что русский философ Владимир Соловьев, в отличие от Платона, считал, что идеи не являются вечными и неизменными. Они способны изменяться подобно живым существам. Это мнение тесно связано со странной и глубокой мыслью греческого философа Плотина, который полагал, что идеи имеют тела и души. Лично мне очень нравится точка зрения прекрасного французского математика Шарля Эрмита. Он писал, что источником математических прозрений является внимательное вглядывание. Это означает, что математическая реальность в каком-то виде существует. Общаясь с соответствующими живыми идеями, математик видит некий совершенный образ (по выражению Гамлета "в очах своей души"), и нужно внимательно в него вглядеться, чтобы осознать, а может быть лучше сказать, чтобы вложить в него, его истинный смысл. О математических достижениях Л.С. Понтрягина красноречиво говорят даже термины, вошедшие в золотой фонд математической культуры: двойственность Понтрягина, характеристические классы Понтрягина, принцип максимума Понтрягина и др. В этой краткой заметке невозможно хоть сколько-нибудь полно охватить замечательную и многообразную математическую деятельность Понтрягина. Я коснусь лишь вышеназванных тем.

Если раньше определяли двойственность как равенство чисел Бетти, то Понтрягин определил ее как ситуацию, в которой одна группа гомологий служит группой характеров другой. Это и стало называться двойственностью в смысле Понтрягина. Исходя из этого взгляда, Лев

Семенович развил общую теорию групп характеров, которая служит основой гармонического анализа. Эта теория (наряду с целым рядом других результатов) изложена им в знаменитой книге "Непрерывные группы", являющейся образцом четкой строгости и при этом понятности и доступности изложения сложных математических фактов. Другая прекрасная книга Льва Семеновича: "Гладкие многообразия и их применение в теории гомотопий" содержит, в частности, изложение метода оснащенных многообразий, который, по существу, послужил основой созданной впоследствии теории кобордизмов. Кстати сказать, первый топологический инвариант, препятствующий тому, чтобы данное гладкое замкнутое многообразие было границей, тоже был найден Понтрягиным. Характеристические классы для группы вычетов по модулю 2 были построены Уитни, а в случае поля комплексных чисел - Чженем. Случай действительных чисел оказался самым трудным. Соответствующая теория была построена Львом Семеновичем. Она получила название Характеристические классы Понтрягина.

В пятидесятые годы во Франции организовалась группа молодых талантливых математиков, решивших перестроить все здание математики на новых, более разумных, как они считали, основах, стремясь вывести все математические результаты из нескольких основополагающих положений и принципов. Как и всякие революционеры, они считали, что к этой работе не следует привлекать ни "стариков", утративших чувство нового, ни недостаточно компетентных специалистов.

Поэтому они организовали замкнутую законспирированную группу, выступавшую под псевдонимом Бурбаки. Свои математические статьи они публиковали, используя создаваемую ими терминологию, не только не заботясь о понимании со стороны остального математического сообщества, но, может быть, даже сознательно отгораживаясь от него. Получалось нечто вроде шифрования математических результатов и методов. Лично мне кастовость Бурбаки представляется серьезным математическим грехом, который, кстати, имел вредные

последствия при попытках применения принципа "от общего к частному" в реформе математического образования. Тем не менее, среди публикаций Бурбаки был ряд замечательных результатов, в частности, о гомотопических группах сфер. Желая осознать новые результаты, Понтрягин обратился в правительство СССР с просьбой о командировке во Францию. Нет никаких сомнений в том, что при прямых контактах с соответствующими учеными Лев Семенович мгновенно овладел бы новыми методами, и вновь вошел бы, как это было для него привычным, в группу ведущих топологов мира. Но в командировке ему было отказано. Быть на вторых ролях Понтрягин не привык и не хотел. Не знаю, явилось ли это причиной для смены математической тематики творчества Понтрягина, но сам он объяснял эту смену своим давним стремлением заниматься вопросами, имеющими непосредственные реальные приложения.

Самой, пожалуй, знаменитой из прикладных работ Льва Семеновича является Принцип Максимума Понтрягина. Поведение физической системы: полет самолета или ракеты, поведение атомного или химического реактора, работа станка и пр. описывается дифференциальными уравнениями. Если мы управляем физической системой, то в эти дифференциальные уравнения входят функции, выбираемые нами в процессе управления.

Эти функции и называются управлением. Часто, если управление выбрано, то результат процесса определяется однозначно. Обычно выбирается какой-нибудь критерий, который численно характеризует результат процесса. Он называется функционалом. Цель управления состоит в том, чтобы найти оптимальное управление, т.е. выбрать управление, которое минимизирует (или максимизирует) этот функционал. Принцип Максимума Понтрягина это некоторая система соотношений, которая позволяет находить оптимальное управление для очень широкого класса задач. Общность полученного результата такова, что Принцип Максимума Понтрягина с момента его создания с успехом был неоднократно применен и

продолжает применяться чуть ли не во всех областях техники и экономики. Именно он сделал имя Понтрягина известным во всем мире.

Чтобы дать более полное представление о личности Понтрягина, необходимо рассказать о том, какую роль сыграл Лев Семенович в общественной жизни своей эпохи.

Одной из характерных черт Льва Семеновича было подлинное духовное бесстрашие.

Ниже я приведу несколько примеров. Но забавно, что сам Лев Семенович однажды сказал Игорю Ростиславовичу Шафаревичу: "Я всю жизнь боялся". Зная его, Игорь Ростиславович принял это за шутку или даже кокетство, пока не обратил внимания на то, чего же Понтрягин боялся. А ведь он действительно боялся неудачи тех дел, за которые брался: того, что начатое математическое исследование не удастся и затраченные громадные усилия пропадут даром, того, что напечатанная работа окажется ошибочной, того, что важное общественное начинание натолкнется на противодействие... И этот страх заставлял его забывать о том, чего чаще всего боятся люди: переутомления, недовольствия начальства, притеснения властей, ареста.

Приведу примеры бесстрашия Льва Семеновича. Математик В.А.Ефремович весь срок, который он в сталинское время отбывал в лагере, регулярно получал письма от Л.С.Понтрягина. И это в то время, когда человек, пославший даже одно такое письмо, рисковал свободой. Замечательный математик Владимир Абрамович Рохлин, во время войны оказавшийся в окружение и попавший в немецкий концлагерь, был после окончания войны арестован. Лев Семенович не только добился его освобождения, но, что было не менее трудно, устроил его на работу в Математический институт им. В.А.Стеклова Академии наук СССР.

Конец 40-х годов был эпохой погромных постановлений против "формалистических" направлений в литературе и искусстве, "буржуазных и лженаучных" направлений в биологии. Один ретивый партийный деятель решил идти в ногу со временем и выступил на одном из

заседаний Ученого Совета Математического института им. В.А.Стеклова Академии наук СССР с заявлением, что, дескать, топология это буржуазная лженаука, ненужная для народного хозяйства. Лев Семенович встал и спросил: "Скажите, пожалуйста, решение какой конкретной задачи механики было бы по Вашему мнению важно для народного хозяйства?" Выступавший был ученым, мягко говоря, очень посредственным, занимавшимся теорией механических систем. Он не нашел ничего лучшего, чем с целью саморекламы сказать о задаче, связанной с его собственными, весьма неглубокими исследованиями. Тогда Лев Семенович сказал, что к очередному заседанию Ученого Совета он берется решить эту задачу средствами "буржуазной лженауки" топологии. Свое обещание он выполнил и принес свое решение на следующее заседание Совета. Его оппонент, струсив, конечно же, не явился. Лев Семенович просто проинформировал Ученый Совет, что задача решена.

С тех пор разговоры о топологии, как о буржуазной лженауке больше не возникали.

Расскажу о вкладе Л.С. Понтрягина в дело победы над ужасным природоразрушительным проектом поворота Северных рек на юг. Идея переброски части стока Северных рек на юг приобрела к 70-тым годам, по существу, статус закона. Она была поддержана постановлением ряда Пленумов ЦК КПСС, включена в программу "Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 гг.", закреплена решениями XXV съезда КПСС. Над реализацией этого проекта работали 44 научно-исследовательских института различных министерств и ведомств. Поразительно, что ни одно из этих научных учреждений не выступило против проектов переброски. Максимум, на что отваживались отдельные сотрудники этих институтов, это на осторожное указание некоторых возможных трудностей и негативных последствий перераспределения стока рек.

По всем канонам эпохи бороться против идеи переброски как таковой казалось абсолютно бессмысленным. Она была подобна локомотиву, развившую

полную скорость. На ее стороне была вся партийная и государственная машина СССР. Выступление против этой "стройки века" означало выступление против политики Партии, а в те времена на это требовалось немалое мужество. Но вся жизнь Льва Семеновича была жизнью по настоящему мужественного человека. Подпись Понтрягина стояла под самым первым письмом против переброски, направленным в ЦК КПСС от ряда выдающихся деятелей науки и культуры. Это письмо было проигнорировано правительственными чиновниками, поскольку его аргументация была чисто гуманитарной. Кроме того, оппозиция проекту была в то время представлена довольно узким кругом людей. Одним из самых активных и результативных борцов с проектом поворота рек была покойная Людмила Филипповна Зеликина, сумевшая очень много сделать для консолидации движения протеста против переброски. Мы с ней изучали прогнозы падения уровня Каспийского моря, игравшие ключевую роль в обосновании экономической эффективности проекта. Были найдены математические и концептуальные ошибки этих прогнозов. Последующее развитие событий показало, что наша критика была вполне оправданной. Вопреки предсказаниям горе-прогнозистов, уровень Каспийского моря вместо падения начал вскоре расти и непрерывно повышался вплоть до самого последнего времени.

Мы рассказали результаты нашего анализа Льву Семеновичу. Он очень обрадовался возможности воспользоваться математикой для критики проекта с профессиональных позиций и решил дать нашим результатам как можно более широкую огласку. Лучшим средством для этого было решение Отделения математики АН СССР. Лев Семенович был неукротим как в любви, так и в неприятии. А ведь глубокие чувства заразительны. Непререкаемый научный авторитет Льва Семеновича Понтрягина и его страстный темперамент помогали ему оказывать нравственное влияние на все Отделение математики. К тому же, высшее математическое общество состоит, в основном, из очень благородных людей. Может быть это происходит потому, что получение серьезных

математических результатов требует от человека высокой общей культуры, напряженнейшего сосредоточения и огромной внутренней работы. Эта работа и воспитывает душу. Лев Семенович добился того, что математические ошибки прогноза стали предметом обсуждения сначала Бюро, а потом и общего собрания Отделения математики АН СССР. Решение было единогласным: Методика прогнозирования является научно несостоятельной, и ее нельзя класть в основу народно-хозяйственных решений. Нам говорили, что после этого постановления в правительственных кругах пошли разговоры: "Математики нашли ошибки". Это было первым публичным выступлением против проекта переброски с естественно научных позиций. Именно оно позволило ученым разных специальностей сбросить оковы страха и высказать наконец свою настоящую точку зрения. Были приняты постановления еще четырех Отделений АН СССР о научной необоснованности проекта и о его вредных последствиях. Протест против проекта стал принимать все более массовый характер. Вице-президент АН СССР академик Александр Леонидович Яншин был председателем комиссии Академии наук, созданной для изучения проблем переброски. Он принимал участие в заседании Совета Министров СССР, решавшем судьбу проекта. Он рассказывал нам, членам его комиссии, что все основные ведомства СССР: Госплан, Госкомитет по науке, Госкомгидромет, ВАСХНИЛ, Министерство водного хозяйства и др. высказывались за переброску.

Однако, председатель Совета Министров Николай Иванович Рыжков, подводя итог обсуждения, сказал: "Передо мной бумаги с решениями пяти Отделений Академии наук. Тут стоят подписи таких ученых как Л.С.Понрягин и Н.Н.Красовский, к каждому слову которых прислушивается весь мир. Я думаю, что их мнение наиболее авторитетно, и его следует поддержать". Окончательное решение должен был принять Съезд Коммунистической Партии. И тут немалую роль сыграло письмо Льва Семеновича, написанное Горбачеву накануне открытия Съезда. Решением Съезда работы по переброски были

исключены из списка перспективных направлений развития народного хозяйства в следующей пятилетке.

В моем представлении Лев Семенович Понрягин это истинный воин. Воин, сумевший справиться с тяжелейшим недугом, поразившем его в детстве, – слепотой. Воин, одержавший грандиозные победы в своей профессиональной математической деятельности. Воин, никогда неуступавшийся своими нравственными и моральными принципами, и, более того, умевший добиваться их торжества.

От редакции. Впервые статья была опубликована в "Историко-математических исследованиях", Вторая серия. Выпуск 9(44). "Янус-К", М. 2005 г.

Евгений Гордон
Адресат Л.С. Понтрягина –
И.И. Гордон
Приложение: Письма Л.С.Понтрягина
И.И.Гордону
Вступительные заметки

Внимание читателя предлагаются письма выдающегося математика академика Льва Семеновича Понтрягина к моему отцу, Израилю Исааковичу Гордону. Эти письма охватывают период с 1937 по 1969 год и содержат много интересных фактов, касающихся не только истории математики, но и жизни страны в указанный период. Поэтому, как мне кажется, они представляют интерес не только с точки зрения истории математики, но и как живое свидетельство эпохи.

Хорошо известно, что Л.С. Понтрягин потерял зрение в возрасте тринадцати лет. Азбукой для слепых он не пользовался, а сам печатал свои письма на обычной пишущей машинке. Поэтому в подлинниках писем сравнительно много грамматических ошибок. Разумеется, в тексте все они исправлены. Чтобы читатель мог составить более полное впечатление, в публикацию включены фотокопии некоторых писем

Цель настоящих вступительных заметок – рассказать об адресате этих писем, а также о других лицах и событиях, которые в них упоминаются. Учитывая, что письма охватывают весьма длительный период времени, не удивительно, что отношение Л.С. к тем или иным людям, фигурирующим в письмах, со временем меняется. Иногда, он позволяет себе весьма резкие высказывания по адресу некоторых лиц. Как правило, такие высказывания сделаны под влиянием сиюминутного настроения и не отражают его

действительного отношения к этим лицам, а характеризуют лишь его манеру выражаться. В настоящей публикации не сочтено возможным делать какие-либо купюры. Все письма приводятся полностью так, как они сохранились в подлиннике.

И.И. Гордон был первым аспирантом Л.С. Понтрягина. Он поступил в аспирантуру в 1932 году и окончил ее в 1935. Небольшая разница в возрасте (2 года) и молодость обоих (в 24 года, как известно, Л.С. был уже математиком с мировым именем) способствовали возникновению близкой дружбы, продолжавшейся до 1969 года. В течение всего этого периода между ними продолжалась переписка. И.И. имел обыкновение хранить письма своих друзей, поэтому большинство писем Л.С., начиная с 1942, сохранились. Довоенные письма не сохранились, по-видимому, по причине эвакуации И.И. Гордона с семьей из Воронежа в Казахстан. Дом, в котором они жили в Воронеже, был полностью разрушен во время войны. Сохранились всего три письма Л.С., относящиеся к довоенному периоду. Письмами И.И. к Л.С. автор настоящих заметок не располагает. Исключение составляет одно письмо И.И. 1964 года, копия которого сохранилась. Это письмо приведено в примечаниях.

И.И. Гордон родился 16-го июня 1910 года в городе Гродно в семье инженера Исаака Израилевича Гордона, получившего высшее образование в знаменитом Политехникуме в Карлсруэ (Германия) и вследствие этого имевшего возможность жить вне черты оседлости. Некоторое время семья жила в Петербурге, где мать И.И. Гордона умерла в 1915 году. Позднее семья переехала в Харьков, где отец И.И. Гордона, убежденный большевик и член ВКП(б), занимал какой-то крупный пост в Наркомпросе Украины. Забегая вперед, скажу, что в 1938 году он был исключен из партии, поскольку заступился за своего репрессированного друга. Уцелев каким-то чудом, он до конца дней (он скончался в 1972 году в возрасте 94 лет) оставался верен своим коммунистическим убеждениям.

После окончания техникума в Харькове в 1927 году И.И. Гордон поехал в Москву и поступил в Московский

университет по специальности “Математика”. В те годы он был весьма убежденным комсомольцем, что было вполне естественно для 17-ти летнего еврейского юноши. Однако в первый же год своего обучения в МГУ он был исключен из комсомола как троцкист при следующих обстоятельствах. Все мы учили в курсе истории КПСС, что “во время празднования 10-ти летней годовщины Великого Октября была устроена наглая троцкистская вылазка: троцкисты вышли на демонстрацию не с большевистскими, а со своими троцкистскими лозунгами”. Эта демонстрация действительно была и в ней приняли участие некоторые студенты-математики МГУ. После этого состоялось комсомольское собрание, на котором все они были исключены из комсомола. И.И., как идейный большевик, разумеется, осуждал троцкистов и тоже считал, что они должны быть исключены из комсомола, но когда на собрании был поставлен на голосование вопрос, предоставить ли им слово для объяснения своей позиции. И.И. казалось вполне естественным, что такое слово должно быть предоставлено. При голосовании оказалось, что он был единственным, кто голосовал за это. В результате он сам был обвинен в троцкизме секретарем комсомольской организации, впоследствии известным математиком Дмитрием Абрамовичем Райковым, и исключен из комсомола. И.И. рассказывал мне, что Д.А. Райков в те годы был настолько непримирим и фанатичен, что его сравнивали с членами Комитета Общественного Спасения времен Французской Революции. Позднее, в 30-х, Д.А. сам был исключен за троцкизм из партии и выслан в Воронеж, где преподавал в университете в течение двух лет, но потом был оправдан, восстановлен в партии и вернулся в Москву.

В 1927 году И.И. также был восстановлен в комсомоле какой-то более высокой инстанцией. Однако по окончании первого курса вынужден был перевестись из Московского Университета в Ленинградский, поскольку не мог найти жилья в Москве.

В Ленинграде он учился в одной группе и был близко дружен с известным впоследствии специалистом по теории приближений Георгием Рудольфовичем Лоренцом

(G.G. Lorentz), эмигрировавшем из СССР во время войны и много лет работавшим в Университете штата Техас в Остине (США). В недавно опубликованных воспоминаниях [1]

Подписано отцом на обратной стороне. Датировано 29 марта 1931 года – выпуск математического факультета Ленинградского университета. Верхний ряд (слева направо): И.И. Гордон, Борис Николаевич Соколов, Василий Никитич Галич. Нижний ряд (слева направо) Марковец Николай Николаевич, Инпиц (?) Мария Даниловна, Лоренц Георгий Рудольфович. Последний эмигрировал во время войны, стал знаменитым математиком, специалистом по теории приближений. Много лет был профессором университета штата Техас в Остине, США (G.G. Lorentz), скончался в январе 2006 года. Я общался с ним, когда приехал в Америку. Его биография весьма любопытна, но не имеет отношения к данной публикации, поэтому я не буду на ней останавливаться. Об остальных мне ничего не известно.

Г.Р. Лоренц пишет, что в то время И.М. Виноградов читал спецкурс по своим работам всего для двух слушателей – его самого и И.И. Лекции проходили на квартире И.М. Виноградова. По окончании ЛГУ И.И. в течение года проработал там в качестве ассистента – вел практические занятия по анализу за Г.М. Фихтенгольцем, а затем в 1932 году поступил в аспирантуру в МГУ (проблема жилья в то время у него уже не стояла). Первоначально, по его рассказам, он хотел заниматься теорией чисел, но вступительный экзамен у него принимал Л.С. Понтрягин, встреча с которым определила его интерес к топологии. Л.С. стал его руководителем.

Первую свою работу [2] И.И. выполнил в совместном семинаре Л.А. Люстерника, Л.С. Понтрягина и Л.Г. Шнирельмана. В ней было показано, что на любом n -мерном многообразии существует функция, имеющая $n+1$ критическую точку. Тем самым было доказано, что полученная ранее Л.А. Люстерником и Л.Г. Шнирельманом нижняя оценка числа критических точек гладкой функции на многообразии точна. За эту работу И.И. получил первую премию на конкурсе аспирантских работ.

И.И. защитил кандидатскую диссертацию “Об инвариантах пересечений комплекса и его дополнительного пространства” в 1935 году в числе первых, кто защищал диссертации после введения в Советском Союзе ученых степеней. Его диссертация была позднее опубликована в журнале *Annals of Mathematics* [3]. В ней независимо и одновременно с А.Н. Колмогоровым и Дж. Александером было введено кольцо когомологий. Все трое сделали доклады на эту тему на знаменитой международной топологической конференции в Москве в 1935 году. Вот что писал об этом известный швейцарский тополог Х.Хопф[4]:

“Особенно важной вехой в развитии топологии по многим причинам оказался 1935 год. В сентябре в Москве состоялась “Первая международная топологическая конференция”. Независимые друг от друга доклады Дж. Александера, И. Гордона и А.Н. Колмогорова, прочитанные на этой конференции, положили начало теории когомологий (истоки этой теории восходят к Лефшецу, который в 1930 году ввел понятие “псевдоцикла”).

Меня – очевидно, и других топологов – тогда особенно поразило не появление групп когомологий – последние представляют собой не что иное, как группы характеров обычных групп гомологий, а возможность для любых комплексов и даже более общих пространств определить умножение, т.е. появление кольца когомологий, являющегося обобщением кольца пересечений в случае многообразия. Ранее нам казалось, что подобное положение может возникнуть лишь в силу локальной евклидовости, присущей многообразиям”.

Конструкция умножения когомологий И.И. Гордона отличалась от конструкций Дж. Александера и А.Н. Колмогорова, которые были идентичны. Несколько позднее изоморфизм колец Гордона и Александера-Колмогорова был доказан Г. Фройденталем [5] (см. по этому поводу письмо Л.С. от 1.4.37).

Несмотря на то, что диссертация И.И. была в то время довольно заметным событием в топологии, она была утверждена ВАК лишь в 1938 году, что было связано с политическими проблемами. Как уже отмечалось, И.И. был исключен из комсомола как троцкист в 1927 году первичной организацией, но восстановлен какой-то вышестоящей инстанцией. Как известно, в 1934 году был убит по указанию Сталина Киров. Это убийство было свалено на троцкистов и зиновьевцев, против которых прошли широкомасштабные репрессии. Сначала были расстреляны без всякого суда многие десятки заключенных, отбывавших наказание по обвинению в контрреволюционной деятельности. Списки расстрелянных печатались в “Правде” под заголовком: “В ответ на убийство тов. Кирова были расстреляны следующие враги народа...” Затем прошла чистка в партии, а после нее – чистка в комсомоле. При этом из комсомола были автоматически исключены все, кто ранее имел какие-либо взыскания. Эта участь постигла и И.И. После этого обвинение в троцкизме преследовало его вплоть до войны, по окончании которой он перестал указывать в анкетах, что был исключен из комсомола. Это сходило ему с рук, как он считал, потому, что соответствующие архивы были утеряны во время войны. В общем, каким-то чудом он уцелел и избежал ГУЛАГа.

Следует отметить, что несмотря на исключение из комсомола по обвинению в троцкизме, И.И. в то время пользовался постоянной, в том числе и формальной поддержкой Л.С., а также П.С. Александрова, которая существенно помогала ему в поисках работы. По его рассказам и утверждение его кандидатской диссертации в ВАК стоило им значительных усилий в связи с его “сомнительным политическим лицом”. Позволю себе привести один совместный отзыв П.С. и Л.С. об И.И.,

который в случае его ареста мог бы и для них повлечь весьма тяжелые последствия.

Подписано моей мамой Н.А. Губарь. Датировано 23 мая 1934 года.
Сидят слева направо: аспирант Козьмин, и.о. профессора Райков (см. о нем мою заметку), студентка Губарь, студент Желтухин (смотри о нем мою заметку), ассистент Федосеев, доцент Баженов

Отзыв.

И.И. Гордон окончил успешно аспирантуру в Математическом Институте Московского Университета и защитил весьма интересную диссертацию о гомологических свойствах дополнений к полиэдрам в n -мерном пространстве, за которую ему и присуждена степень кандидата математических наук. Еще перед этим, в бытность свою аспирантом И.И. Гордон сделал работу премированную 1-й премией на конкурсе аспирантских работ. Работа эта опубликована в Трудах 2-го Всесоюзного Математического Съезда, на котором была доложена автором. Диссертация И.И. Гордона опубликована в американском журнале *Annals of Mathematics* по приглашению редакции этого журнала.

Работы И.И. Гордона посвящены трудным и актуальным вопросам топологии и ее приложений и свидетельствуют о наличии у их автора творческого математического дарования. И.И. Гордон проявил себя в них, как вполне серьезный математик-исследователь.

О своих исследованиях И.И. Гордон делал также доклад на 1-й Международной Топологической Конференции, имевшей место в сентябре 1935 года в Москве.

Являясь, таким образом, одаренным молодым ученым, уже вступившим, и при том вполне плодотворным образом на путь самостоятельной научно-исследовательской работы, И.И. Гордон в то же время является преподавателем высшей школы, обладающим высокой научной культурой и хорошими педагогическими данными. Его преподавательская работа в Московском Университете, протекала, как мы можем засвидетельствовать, с полным успехом.

Резюмируя сказанное, нижеподписавшиеся считают И.И. Гордона за талантливого молодого математика, уже сделавшего ценный вклад в науку и дающего все основания к тому, чтобы ждать от него дальнейших ценных достижений. Несомненно, он является и ценным работником высшей школы, который имеет все данные, чтобы осуществлять ответственное преподавание на многих весьма ответственных участках математической науки, требующих от преподающего очень высокой математической квалификации.

Член-Корреспондент Академии Наук СССР,
доктор математических наук П. Александров.
Профессор Московского Гос. Университета,
доктор математических наук Понтрягин
Крым, Бати-Лиман, 17 сентября 1936 г.

Отзыв написан от руки П.С. Александровым. Подписи заверены Ученым секретарем НИИМ 4.11.37. В приведенном тексте отзыва сохранена орфография и пунктуация оригинала.

Понимали ли П.С. и Л.С., что поддержка “троцкиста” представляет опасность для них самих? Трудно сказать. Мне кажется, что до конца не понимали или просто не задумывались об этом. Я как-то спросил И.И., понимал ли он, что ему грозит опасность в любой момент быть арестованным. Он ответил, что никогда об этом не думал, хотя после 34-го года полностью изменил свои взгляды и до

конца жизни относился к советской власти абсолютно непримиримо, полностью отдавая себе отчет о ее преступной сути. Он сказал: “Как о смерти каждый день не думаешь, так и об этом я в то время не думал”. Возможно, такая защитная реакция организма и есть основа всякой смелости, а И.И. всю жизнь был удивительно бесстрашным человеком. В то время в окружении И.И. были люди, которые реагировали на все по-другому. Например, по его словам, когда в 38 году он переехал в Воронеж и познакомился со своей будущей женой, моей мамой, Ниной Александровной Губарь, которая в то время тоже имела проблемы с НКВД (об этом ниже), жившие тогда в Воронеже известный впоследствии геометр, товарищ И.И. по аспирантуре, Николай Владимирович Ефимов и его жена Роза Яковлевна Берри отговаривали И.И. с ней встречаться, мотивируя это тем, что оба они имеют подмоченную политическую репутацию и им могут приписать создание контрреволюционной организации.

После окончания аспирантуры И.И. начал работать в Саратовском университете. Его пригласил на работу ректор Саратовского университета Хворостин, у которого был план сделать из СГУ, как он говорил, “Геттинген на Волге”. Поэтому он пригласил туда на работу уже знаменитых в то время математиков старшего поколения И.Г. Петровского и А.Я. Хинчина, а также подающих надежды молодых математиков Виктора Владимировича Вагнера и И.И. В.В. Вагнер был родом из Саратова и впоследствии всю жизнь проработал в СГУ, став известным алгебраистом и геометром. Уже в 35 году среди большой группы первых выпускников аспирантуры, прошедших процедуру защиты диссертации, он был одним из двух человек, кому по результатам защиты была присуждена степень доктора математических наук. Дружба И.И. и В.В. продолжалась в течение всей жизни обоих. В архиве И.И. сохранилось много писем этого замечательно интересного человека, свободно владевшего минимум 10 европейскими языками, блестящим знатоком истории и литературы.

И.И. жил в Саратове в 36-37 годах. Он много рассказывал мне об этом периоде. Вот некоторые наиболее

интересные фрагменты его рассказов, записанные мной по памяти.

По-видимому, относится к приездам Л.С. в Воронежский университет с лекциями. Фото не подписано и не датировано. По-видимому относится к 36-37 году. Сидят справа налево: Александра Ивановна Цветкова (впоследствии жена известного математика А.Г. Сигалова), Н.А. Губарь, Виктория Семеновна Рабинович (жена заведующего кафедрой математического анализа Максимилиана Михайловича Гринблума), Л.С., Анна Александровна Гуревич (впоследствии жена В.А. Рохлина), Роза Яковлевна Берри (жена Н.В.Ефимова), Н.В. Ефимов. Ефимов был тогда заведующим кафедрой геометрии, В.С. Рабинович - доцентом кафедры математического анализа. Все остальные перечисленные женщины в то время были студентками. Все они позднее защитили диссертации и работали доцентами вузов. Все перечисленные на этой фотографии многократно фигурируют в письмах (особенно 40-х годов, и начала 50-х), вступительной статье (см. также примечания)

Окна комнаты, в которой жил И.И., выходили на знаменитую саратовскую тюрьму. Вся улица перед тюрьмой была заполнена женщинами, высматривавшими в окнах тюрьмы своих мужей. В один “прекрасный” день это прекратилось – ночью все тюремные окна были закрыты так называемыми “намордниками” – наклонными ставнями, позволявшими свету проникать в камеры, но закрывавшими вид на улицу.

На улицах встречалось много высланных ленинградцев, которые выделялись в толпе более столичным, интеллигентным и аристократическим видом. Все они также исчезли в одну ночь. И.И. вспоминал какого-то высланного из Москвы старого большевика, красного профессора (выпускника созданного Бухариным Института Красной Профессуры), который ходил всегда в полном одиночестве с орденом Красного Знамени на груди, тоже быстро исчезнувшего.

В доме, в котором жил И.И., было 28 квартир. В 26-ти из них кто-нибудь был арестован. В подъезде сидел вахтер, который, когда И.И. проходил мимо, шептал ему – сегодня взяли такого-то. Однажды, когда И.И. выходил, он увидел нового вахтера, который сообщил ему, что того вахтера арестовали...

Тот факт, что руководство университета предоставило жилье приглашенным на работу иногородним ученым, по-видимому, в ущерб предоставления жилья местным работникам, вызвал озлобление некоторых из них, начавших всяческие интриги (квартирный вопрос испортил не только москвичей). И.И. вспоминал, как однажды после заседания Ученого совета ректор Хворостин процитировал Есенина: "... трудно хворостиной управлять скотиной". И.И. стал первой жертвой этих интриг – всплыл его "троцкизм", и ректор вынужден был его уволить. Он поехал добиваться восстановления в Москву. Тогда только что было открыто метро в Москве. И.И. вспоминал, как тяжело на него действовали таблички "Нет выхода" на дверях метро. Тем не менее, ему удалось добиться того, что приказ о его увольнении был признан незаконным. Его не только восстановили на работе, но и заплатили за вынужденный прогул за полгода. Напомню читателю, что это был 1937 год.

Однако проработал И.И. недолго. В конце 37-го года ректор Хворостин был арестован и впоследствии умер в заключении. После его ареста И.И. был немедленно уволен с формулировкой: «...уволить, как бывшего троцкиста, приглашенного на работу врагом народа...». На этот раз надежды на восстановление на работе никакой не было.

Спасло положение то, что к этому времени по стране скопилось огромное количество безработных, потерявших работу по аналогичным причинам. По-видимому, на уровне Политбюро было принято решение о том, что пока эти люди на свободе (думается, что на свободе осталась меньшая их часть), они должны работать. В “Правде” появился фельетон М. Кольцова о перестраховщиках (этот факт описан Л.К. Чуковской в замечательной повести “Софья Петровна”). После этого И.И. был вызван в Наркомпрос, где ему было предложено выбрать место работы. Он хотел вернуться в Саратовский университет (факт, показывающий, что он не до конца понимал происходившее и не осознавал опасность, которая ему грозила). Это ему хотя и не запретили, но вполне по-дружески не посоветовали. Тогда он выбрал Воронежский университет, где кафедрой геометрии заведовал Н.В. Ефимов. По рассказам И.И., Н.В. был весьма напуган тем, что на его кафедре будет работать столь политически скомпрометированный человек, но сделать ничего не мог, да, скорее всего, учитывая дружбу с И.И. еще со времен аспирантуры, и не пытался. Позднее В.В. Вагнер говорил И.И., что у него справлялись в НКВД об И.И., однако в те времена в обычаи НКВД не входило разыскивать людей в других городах - незачем было возиться, всегда можно было взять кого-то другого прямо на месте. Видимо это и спасло И.И. от ареста, неминуемого, если бы он остался в Саратове.

Вскоре по приезде в Воронеж произошло весьма знаменательное для автора этих строк событие – И.И. познакомился со своей будущей женой, моей мамой, Ниной Александровной Губарь. Они поженились летом 1938 года.

Н.А. Губарь родилась 29 июля 1915 года в Петрограде в семье врачей. После революции и гражданской войны семья оказалась в Воронеже, где отец Н.А., крупный врач-терапевт, скончался в 1928 году в возрасте 42 лет. Старший брат Н.А., Михаил Александрович, был арестован и осужден на 5 лет лагерей в 1933 году за участие в теософском кружке. Следовательно прямо объяснял ему, что “ в настоящее время ваш кружок не является контрреволюционным, но мы же не можем ждать, когда он

переродится”. Так же, как и моим родителям, М.А. Губарю сопутствовало везение. Он был освобожден в 1938 году по окончании срока, его восстановили в медицинском институте, который он окончил перед войной, прослужил всю войну в качестве санитарного врача, затем до самой смерти в 1969 году занимался научной работой в области военной гигиены, был полковником медицинской службы и доктором наук. Везение, о котором я пишу, состояло в том, что он не был арестован повторно, как большинство осужденных по политическим статьям в те годы.

Н.А. Губарь окончила математический факультет Воронежского университета. В то время Воронеж был довольно заметным центром математической науки. Как уже упоминалось, в Воронеже преподавал в течение 1933-35 годов Д.А. Райков. После окончания аспирантуры и защиты диссертации там заведовал кафедрой геометрии Н.В. Ефимов. Кафедрой теории функций заведовал Б.А. Фукс, а кафедрой анализа – Максимилиан Михайлович Гринблум. Жена последнего – Виктория Семеновна (Витя) Рабинович была знакомой Л.С. Понтрягина еще по Москве. Упоминание о ней имеется в его автобиографии [6]. Л.С. неоднократно приезжал с лекциями в Воронеж, так же как и Л.А. Люстерник.

Все они были еще очень молоды и компания студентов и преподавателей была общей. Н.А. Губарь вспоминала, как по утрам, когда лекция Н.В. Ефимова по расписанию уже начиналась, а его не было в аудитории, студенты бегали будить его в его квартиру, которая была при университете. В одной группе с Н.А. Губарь учились Роза Яковлевна Берри, ставшая впоследствии женой Н.В. Ефимова, Анна Александровна Гуревич, вышедшая замуж за погибшего во время войны брата Б.А. Фукса, а впоследствии ставшая женой Владимира Абрамовича Рохлина, и Александра Ивановна Цветкова, впоследствии жена Александра Григорьевича Сигалова. Все они поддерживали дружеские отношения с Л.С. Понтрягиным и неоднократно упоминаются в письмах.

В этой же группе учился и Владимир Иванович Соболев, впоследствии известный специалист по

функциональному анализу, автор совместного с Л.А. Люстерником первого русского учебника по функциональному анализу.

Хочется сказать несколько слов и еще об одном студенте этой группы, человеке нелегкой и интересной судьбы Николае Алексеевиче Желтухине. Он был арестован, когда был студентом третьего курса, по доносу одного из товарищей, поскольку отрицательно отзывался о коллективизации и голоде на Украине. О том, как сложилась его судьба, он рассказывал у нас дома, когда приезжал в Горький в 1970 годах. Воспроизвожу его рассказ по памяти. Сначала Н.А. оказался в лагерях в Архангельской области на лесоповале. Там он почувствовал, что доходит. Кто-то объяснил ему, что те, кто что-то изобрел, могут послать описание своего изобретения в специальный отдел НКВД и может случится, что этого человека отзовут в одну из так называемых “шарашек” – специальных закрытых НИИ, где работали заключенные. Условия жизни в шарашках были неизмеримо лучше, чем в лагерях (см. знаменитый роман А.И. Солженицына “В круге первом”). Хотя по своим научным интересам Н.А. был в то время чистым математиком и даже сделал работу по дескриптивной теории множеств, он, еще будучи школьником и прочитав в журнале “Техника – молодежи” статью о тракторах, придумал, как какое-то устройство описанное в этой статье можно приспособить к самолетам. Н.А. не относился к этому изобретению серьезно, но других шансов выжить у него не было, и он составил описание и опустил его в висевший на сосне почтовый ящик. Каково же было его удивление, когда его отозвали, и он оказался в шарашке, где работал под руководством будущего создателя космических кораблей С.П. Королева. Оказалось, что его изобретение попало на экспертизу к академику Б.С. Стечкину (создателю пулемета Стечкина и отцу известного математика), который, будучи в то время заключенным, возглавлял комиссию, производившую экспертизу подобных изобретений. Стараясь спасти как можно больше людей, Стечкин давал заключение “Целесообразно вызвать автора” часто и тогда, когда “изобретение” никакой ценности не представляло (об

этой благородной деятельности Б.С. Стечкина тоже написано в романе “В круге первом”). Как рассказывал Н.А., позднее – как-то встретив Стечкина – он набрался наглости и спросил, помнит ли тот его изобретение и что он может о нем сказать. На что получил ответ: “Как же, конечно помню Вы, батенька, такую ерунду понаписали. Там же будет не нагревание а охлаждение”. И объяснил почему. Дальнейшая научная судьба Н.А. Желтухина сложилась удачно. Через несколько лет по окончании войны он был выпущен на свободу, впоследствии до самой смерти работал в институте механики в Новосибирском Академгородке, стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

По делу Желтухина Н.А. Губарь неоднократно вызывали в НКВД, где она отказывалась давать какие-либо показания и вела себя вызывающе. Каким-то образом ее не арестовали, а только написали бумагу о ее недостойном поведении в университет, но ее даже не исключили из университета (комсомолкой она не была), а только проработали на собрании. Тем не менее, многие ее товарищи после этого боялись с ней общаться. К моменту приезда И.И. Гордона в Воронеж она находилась в некоторой изоляции, о чем я упоминал выше.

Незадолго до начала войны у И.И. и Н.А. родился их первый сын Александр. Поэтому, когда в сентябре 1941 года был издан приказ об эвакуации Воронежского университета в Сибирь, их семья, как имеющая грудного ребенка, была эвакуирована в числе первых (И.И. как кандидат наук, а также по зрению имел белый билет и призыву в армию не подлежал). Когда их поезд стоял в Петропавловске (Казахстан), они услышали по радио сообщение об отмене приказа об эвакуации Воронежского университета. Ехать дальше смысла не имело, но и возвращаться почему-то возможности не было. Им удалось устроиться на работу учителями математики и физики в средней школе в селе Больше-Изюм в Петропавловской области. Условия жизни там были исключительно тяжелые - семья постоянно голодала. Л.С. Понтрягин, находившийся в эвакуации в Казани, был в курсе их положения, так же, как и положения многих других своих друзей, и старался, как мог,

это положение облегчить. Из его писем видно, что он пытался найти для И.И. работу в каком-нибудь ВУЗе, что было чрезвычайно трудно. Такую работу И.И. нашел в Омском политехническом институте через своих родственников, эвакуированных в Омск. Однако надо было получить разрешение на увольнение из школы. Этому решительно препятствовал директор школы: в школе было всего двое мужчин и в дальней Казахстанской глуши при призыве в резервный полк белый билет не помог бы И.И. (весь ужас таких полков описан в романе В. Астафьева “Прокляты и убиты”). При увольнении же его пришлось бы призываться директору школы. Здесь Л.С. предпринял огромные усилия, подключив директора МИАН академика Соболева и министра образования Кафтанова. Об этом подробно говорится в письмах 1943 года. Эти усилия увенчались успехом. Весной 1943 года И.И. с маленьким сыном переехал в Омск. Н.А. оставалась в большеизюмской школе до конца учебного года. Директор школы в армию призван не был.

В Омске семья И.И. прожила чуть больше года. Осенью 1944 года И.И. получил работу в Горьковском университете. Это явилось следствием рекомендации Л.С. академику Александру Александровичу Андронову. В Горьком И.И. и Н.А. прожили до конца своей жизни. После войны И.И. сделал еще несколько работ по топологии [7-9]. Он очень много преподавал на механико-математическом и радиофизическом факультетах. Иногда приходилось читать по шесть курсов в семестр. Многие из его бывших студентов, сами ставшие известными учеными, до сих вспоминают его лекции с большой благодарностью, а его самого с теплотой и уважением.

Н.А. Губарь занялась качественной теорией дифференциальных уравнений под руководством Евгении Александровны Леонтович-Андроновой, защитила диссертацию и до пенсии работала в Горьковском институте инженеров водного транспорта доцентом кафедры математики.

Жизнь в Горьком в течение долгого времени тоже не была очень легкой. Только в 1962 году семья оказалась в

более или менее приличных жилищных условиях – трехкомнатной хрущевке для семьи из пяти человек. В том же году у И.И. случился очень тяжелый инфаркт, повлекший чрезвычайно серьезные осложнения. И здесь Л.С. проявил значительное участие – два раза помог И.И. получить путевку в очень хороший академический санаторий под Москвой, что, конечно, способствовало тому, что И.И. сумел оправиться после инфаркта и прожить еще более двадцати лет.

Мой отец в рубашке с галстуком и слева от него академик Александр Александрович Андронов (он фигурирует во многих письмах с 44 по 52 год) и, вообще, играл большую роль в жизни и Л.С. и И.И.

Профессор-терапевт, смотревшая И.И. во время инфаркта, задала вопрос о том, что предшествовало этому инфаркту. Когда об этом рассказали заведующему кафедрой, на которой работал И.И., замечательному человеку и математику Дмитрию Андреевичу Гудкову, тот прокомментировал: до этого было 20 лет травли. Действительно, в течение многих лет на математическом факультете Горьковского университета была тяжелая атмосфера. Очень активная группа слабых математиков, занимавших руководящие партийные и административные посты, преследовала по разным причинам практически всех сильных и квалифицированных работников. Об этом я уже писал в своих воспоминаниях о Д.А. Гудкове [10]. И.И.

вызывал их особую злобу, благодаря своему независимому характеру прямоте и резкости высказываемых суждений.

Слева направо И.И., Л.С., Андрей Андреевич Марков (знаменитый математик-логик, тополог, алгебраист - член - корр. АН СССР), акад. П.С. Александров (учитель Л.С. - фигурирует в очень многих письмах), профессор Вадим Арсеньевич Ефремович (см. письма 44 года) на топологической конференции в Математическом институте АН СССР в мае 1950 года (см. письма 49-50 гг.).

И все-таки жизнь моих родителей в Горьком была счастливой и интересной в значительной степени, благодаря замечательным друзьям, которые их окружали. В первую очередь здесь следует отметить дружбу с А.А. Андроновым, который был не только выдающийся ученый, но и необыкновенно интересный, яркий, обаятельный и благородный человек. К сожалению, А.А. ушел из жизни, очень рано, в 1952 году в возрасте 51 года. Об А.А. написано много. Недавно Нижегородский университет издал интересную подборку документов о нем [11]. После смерти А.А. математическую ветвь его школы возглавила его жена, профессор Е.А. Леонтович-Андропова. И.И. принял участие в написании совместно с Е.А. двух монографий [12, 13], содержащих основные результаты школы Андропова по качественной теории динамических систем на плоскости. Здесь не место описывать весь круг друзей И.И. и Н.А. Для меня эти люди являли собой яркий пример того, что называлось настоящей русской интеллигенцией.

Израиль Исаакович Гордон скончался 22 апреля 1985. Нина Александровна Губарь пережила его на девять лет. Она скончалась 13 августа 1994 года.

Контакты И.И. и Л.С. прекратились в первой половине 1969 года. Деятельность и жизненная позиция Л.С. в последующие годы широко известны и неоднократно описаны как самим Л.С., так и многими другими. Комментировать это не входит в задачу данных заметок.

ЛИТЕРАТУРА

1. G.G. Lorentz. Mathematics and politics in the Soviet Union from 1928 to 1953. *J. of Approx. Theory* 116 (2002), no. 2, 169-223.
2. I.I. Gordon. On the minimal number of critical points of a real function defined on a manifold. *Матем. сб.*, 4 (46) (1938), 105 - 113.
3. I.I. Gordon. On intersection invariants of a complex and its complementary space. *Ann. of Math.* 37:3 (1936), 519 - 525
4. Х. Хопф. Некоторые личные воспоминания, относящиеся к предистории современной топологии. *УМН*, т. XXI, вып. 4 (130) (1966), 8 - 16
5. H. Freudenthal.
6. Л.С. Понтрягин. Жизнеописание Л.С. Понтрягина, математика, составленное им самим. М., ИЧП «Прима В» (1998)
7. И.И. Гордон. Классификация отображений n -мерного комплекса в n -мерное действительное проективное пространство. *ИАН, сер. матем.*, 16 (1952), 113 - 146.
8. И.И. Гордон. К вопросу о покрытиях сфер. *УМН*, т. VIII, вып. 5 (57) (1953), 147 -152.
9. И.И. Гордон. Обобщение теоремы Какутани о непрерывной функции, заданной на сфере. *УМН*, т. X, вып. 1 (63) (1955), 97 - 99
10. E.I. Gordon. Recollections on D.A. Gudkov. *Topology of real algebraic varieties and related topics*, 11-16, *Amer.Math.Soc.Transl.Ser.*, 173, *Amer.Math.Soc.*, Providence, RI, 1996.
- 11 Каталог выставки «XX век. Люди. События. Идеи». Личность в науке. А.А. Андронов. Нижний Новгород. Изд-во ННГУ (2001)
12. А.А. Андронов, Е.А. Леонтович, И.И. Гордон, А.Г. Майер. Качественная теория динамических систем второго порядка. М (1966)
13. А.А. Андронов, Е.А. Леонтович, И.И. Гордон, А.Г. Майер. Теория бифуркаций динамических систем на плоскости. М (1967)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любовь Григорьевна Великсон (урожденная Вольфензон) – знакомая И.И., биолог. В настоящее время проживает в Париже. Л.С. был в те годы увлечен и Л.Г. и даже делал ей предложение стать его женой, но получил отказ.
2. Роза Яковлевна Берри (см. вступительные заметки).
3. Максимилиан Михайлович Гринблум, его жена Виктория Семеновна Рабинович и их сын Максим (см. вступительные заметки).
4. Анна Александровна Гуревич (см. вступительные заметки).
5. Лев Яковлевич Берри - брат Р.Я. Берри, биолог.
6. Владимир Владимирович Морозов - казанский алгебраист, профессор.
7. Первая жена Л.С. (см. о ней его автобиографию [6])
8. Валентин Николаевич Флору - друг детства И.И., к.т.н., жил в Харькове.
9. Вадим Арсеньевич Ефремович находился в то время в заключении (см. [6]).
10. Софья Савельевна Слиозберг - родственница И.И., врач поликлиники АН, личный врач Л.С.
11. Мельцер Любовь Абрамовна впоследствии закончила аспирантуру и была распределена в Горьковский университет. Скончалась в Горьком в 1947 году.
12. См. по этому поводу вступительные заметки.
13. Костин Василий Иванович (1910-1953) – товарищ И.И. по аспирантуре, геометр, в то время доцент Горьковского университета.
14. Сигалов Александр Григорьевич (1913 – 1969) – доктор физико-математических наук, профессор, ученик Л.А. Люстерника, автор выдающихся результатов в области вариационного исчисления (решение 19-ой проблемы Гильберта в размерности два) и математической теории атомных спектров. С 1946 г. работал в Горьком.
15. Многие факты биографии Владимира Абрамовича Рохлина, относящиеся к его работе в МИАН после войны можно найти в книге: В.А. Рохлин. Избранные труды. Воспоминания о В.А. Рохлине. Редактор А.М. Вершик. МЦНМО, Москва 1999 г.
16. Речь идет о некоем партийном функционере мехмата.
17. Неймарк Юрий Исаакович (р. 1921 г.) – ученик А.А. Андропова, доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, специалист по теории динамических систем, неголономной механике и распознавании образов. Работает в Нижегородском

государственном университете. Речь идет о книге Ю.И. Неймарка Устойчивость линеаризованных систем. Ленинград. (1949)

18. История увольнения В.А. Рохлина из МИАН подробно изложена в воспоминаниях С.П. Новикова в книге: В.А. Рохлин. Избранные труды. Воспоминания о В.А. Рохлине. Редактор А.М. Вершик. МЦНМО, Москва 1999 г.

19. Горелик Габриэль Семенович (1906-1956) – сотрудник А.А. Андропова, ученик Л.И. Мандельштама, известный физик и блестящий педагог, автор популярного учебника Колебания и Волны. До 1953 года работал в Горьковском университете, где в 1952 году подвергся травле в связи с «идеологическими ошибками» в упомянутом учебнике. В отличие от многих других, оказавшихся в аналогичной ситуации не каялся и отвечал травившим его исключительно мужественно и достойно. В 1953 году переехал в Москву, работал в МФТИ. Трагически погиб в 1956 году, попав под поезд в Долгопрудном.

20. А.А. Андронов скончался 31 октября 1952 года.

21. Речь идет о защите Н.А. Губарь кандидатской диссертации.

22. Дж.Г.К. Уайтхед.

23. Родыгин Лев Викторович (1929-2003) к этому времени окончил Горьковский университет и принял участие в построении математической теории мультивибратора под руководством известного специалиста по теории колебаний, ученика А.А. Андропова – Николая Александровича Железцова. Результаты этой работы были опубликованы в заметке Железцов Н.А., Родыгин Л.В. К теории симметричного мультивибратора. ДАН СССР 81(1951), стр. 391-392 (см. по этому поводу в кн. Мищенко Е.Ф., Розов Н.Х. Дифференциальные уравнения с малым параметром и релаксационные колебания. Гл. Ред физ.-мат лит-ры. изд-ва «Наука» (1975), стр. 15). В аспирантуре под руководством Л.С. Понтрягина занимался дифференциальными уравнениями с малым параметром, защитил кандидатскую диссертацию. Впоследствии работал в Горьком.

24. Баутин Николай Николаевич (1908-1997) – ученик А.А. Андропова, доктор технических наук, профессор, специалист по качественной теории дифференциальных уравнений и ее приложениям. Работал в Горьковском институте инженеров водного транспорта.

25. Алексеев Артемий Сергеевич (1924-1979) – ученик А.А. Андропова, доктор технических наук, профессор, специалист по теории колебаний. Работал в Горьковском университете

26. Фуфаев Николай Алексеевич (1920-1996) – ученик А.А. Андропова, доктор физико-математических наук, профессор,

специалист по неголономной механике. Работал в Горьковском университете.

27. Речь идет о докторской диссертации Е.А. Леонтович-Андроновой, по которой Л.С. был оппонентом.

28. Это письмо является ответом на письмо И.И. от 8-го июня 1964 года. В то время И.И. работал над книгой [13] (см. вступительные заметки). Это письмо было, по-видимому приложено Л.С. при ответе, т.к. в архиве И.И. сохранился его текст. Вот этот текст.

Дорогой Лева!

Как Вы поживаете? Что у Вас слышно? Я уже давно собираюсь Вам написать, но в основном не писал из-за плохого самочувствия. Поездку в Харьков я перенес хорошо в смысле состояния сердца, но и до поездки и, в особенности, после поездки меня стало мучить брюхо и это очень портило настроение. Это бывало и раньше, но раньше это продолжалось недолго, а сейчас примерно два месяца, и я впал в полное ничтожество. В начале июля стало лучше – так же без всякой причины, как и началось, но полного блаженства нет и сейчас. В остальном у нас все по-старому. На этой неделе мы собираемся переехать на дачу, где я собираюсь продолжать работать – писать книгу. В связи с этим у меня есть к Вам математический вопрос – очень простой и скучный, но я консультировался здесь у трех докторов наук и толку никакого, так что, по-видимому, требуется помощь Академии Наук. Я бы все же не решился Вас обременять этим вопросом, но он относится прямо к основной теореме о грубой системе, автором которой во всей мировой литературе, как я убедился, считаетесь Александр Александрович и Вы. Как автору я имею некоторое моральное право задать вопрос. К сожалению, его и сформулировать не очень просто. К тому же и вопрос, может быть, возникает от моего недопонимания совершенно элементарных вещей. Я изложу его на отдельном листе (это лист не сохранился – Е.Г.), и если Вам не очень неприятно, напишите мне.

Через неделю у нас под Горьким, в доме отдыха «Волга», в сотне километров вниз по Волге открывается двухнедельная топологическая школа, организованная здесь Альбером. Приедет целый ряд старых знакомых и Ваших учеников – Болтынский, Постников, Фет, Рохлин и др., – но я по состоянию здоровья не решаюсь туда поехать, да и топологией давно уже не занимаюсь, так что вряд ли кого-нибудь увижу, тем более, что уезжаю на дачу. Все-таки немножко обидно, что не смогу туда поехать.

Лева, напишите мне по городскому адресу, так как связь с домом у нас будет непрерывная. Как здоровье и самочувствие Александры Игнать...

Дальше текст не сохранился. И.И. рассказывал, что по наброскам, присланным Л.С., ему удалось восстановить доказательство теорема Андронова-Понтрягина о грубых системах. Именно в таком виде оно и вошло в книгу [13].

29. Плотников Владимир Иванович (1922-1988) – ученик А.Г. Сигалова, доктор физико-математических наук, профессор, специалист по оптимальному управлению.

30. Фет Абрам Ильич (р. в 1924 г., скончался в 2007 году) – ученик Л.А. Люстерника, доктор физико-математических наук, специалист по Римановой геометрии в целом, топологии и теоретической физике. Работает в Новосибирске. В 1967 году А.И. вместе с группой ученых Академгородка подписали письмо протеста против процесса над диссидентами А. Гинзбургом, Ю. Галансковым и др. По указанию КГБ руководство Сибирского Отделения АН заставляло подписавших это письмо публично каяться. Отказавшиеся каяться А.И. Фет и А.В. Гладкий подверглись репрессиям. А.В. Гладкий уехал из Академгородка и нашел работу в Калининском университете. А.И., работавший в то время с Ю.Б. Румером, уезжать не захотел, и вскоре был уволен и из университета и из института математики. Горьковские друзья А.И. были очень обеспокоены его положением. Е.А. Леонтович-Андропова обратилась с письмом к М.А. Лаврентьеву, И.И. совместно с А.Г. Сигаловым к П.С. Александрову. Кроме того, И.И. написал Л.С. Ниже приводятся эти письма и ответ П.С. Александрова. Ответа от М.А. Лаврентьева не последовало. Реакция Л.С. видна из его письма.

Все это не помогло А.И., и он четыре года был без работы в очень тяжелых материальных условиях. Стараясь облегчить его положение, Ю.И. Неймарк организовывал для него переводы иностранных научных статей. Аналогичную помощь оказывали ему и ленинградские математики. В частности, именно А.И. Фет был переводчиком собрания сочинений Г. Кантора, работа над которым была издательством прекращена по инициативе Л.С. Понтрягина, о чем рассказано в его жизнеописании [6]. Вопреки тому, что говорится в [6], никаких денег переводчику издательство не заплатило. В связи с тем, что А.И. Фет был в то время без работы, договор о переводе был заключен издательством с А.В. Гладким. Когда перевод был готов, А.В. получил извещение о том, что издательство прекращает работу

над книгой, в связи с тем, что ее содержание слишком абстрактное и устаревшее.

Письмо Е.А. Леонтович-Андроновой М.А. Лаврентьеву

(печатается по копии из архива И.И. Гордона).

Горький 20.3.69

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич!

Я обращаюсь к Вам без каких бы то ни было формальных оснований и по совершенно нестандартному вопросу – именно, по поводу Абрама Ильича Фета. Я его знаю по целому ряду встреч (в частности, на Горьковской топологической школе) и разговоров на математические темы.

Абрам Ильич Фет – насколько мне известно – единственный из математиков, подписывавших разные бессмысленные заявления, который до сих пор не имеет работы. Я не сомневаюсь, что одна из причин этого, если не основная причина, заключается в его «колючем» характере, в резкости его высказываний, в отсутствии у него гибкости и т.п. Но у меня нет сомнений, что эти его качества (которые, возможно, могут вызвать неприязнь к нему у лиц, недостаточно его знающих) ни в коей мере не перевешивают его ценнейших свойств как человека, математика и педагога. Я знаю его как человека большой научной честности и скромности, как ученого большой глубины и широкого диапазона, как человека с большим педагогическим даром и любовью к педагогическому делу, умеющего привлекать к себе молодых математиков и вырастившего много учеников. Мне кажется то, что человек с такой квалификацией лишен возможности найти работу в Новосибирске, выглядит и является дикой нелепостью. Если бы даже Математический институт после восьми лет работы в нем А.И. Фета не счел возможным оставить его хотя бы на неруководящей работе, то ведь в Новосибирске есть ВУЗы, в которых, я не сомневаюсь, он был бы весьма ценным работником.

Я так прямолинейно обращаюсь к Вам по поводу А.И. Фета, потому, что были ситуации (мне это точно известно от «пострадавшего» в такой ситуации), когда Вы, как лицо, занимавшее то или иное официальное положение, были вынуждены применять к человеку весьма суровые санкции, а затем, – по собственной инициативе, когда это становилось возможным, – помогли ему.

Мне очень хочется надеяться, что в данном случае с Абрамом Ильичем Фетом может оказаться аналогичная ситуация.

Я еще хочу добавить, что А.И. Фету неизвестно, что я пишу это письмо и мне бы не хотелось, чтобы он об этом узнал.

Письмо И.И. Гордона и А.Г. Сигалова П.С. Александрову (печатается по копии из архива И.И. Гордона).

Горький 10.5.69

Глубокоуважаемый и дорогой Павел Сергеевич!

Хотя нам очень не хотелось беспокоить Вас, мы все же решили обратиться к Вам в связи с тем положением, в котором находится Абрам Ильич Фет. До октября прошлого года он в течение восьми лет работал в Институте Математики СОАН в Новосибирске. В октябре прошлого года он был уволен из Института Математики и с тех пор уже седьмой месяц не может устроиться на работу. Поводом увольнения послужило, по-видимому, участие А.И. в одном из коллективных заявлений, направленном в официальные инстанции.

Несомненно, Вы сами, Павел Сергеевич, достаточно хорошо знаете Абрама Ильича – и как ученого, и как педагога, и как очень честного и принципиального человека, и нет необходимости останавливаться на этом. Вероятно, именно его принципиальность в соединении с некоторой резкостью высказываний и нежеланием быть в какой-то мере дипломатом является истинной причиной его увольнения. То, что человек столь высокой квалификации уже седьмой месяц лишен возможности получить работу в Новосибирске,

Представляется нам печальной и дикой нелепостью. Нас также очень беспокоит материальное положение семьи Абрама Ильича, состоящей из 4-х человек и живущей в настоящее время на мизерный заработок его жены – преподавательницы вечерней школы.

Мы не сомневаемся, что если бы с Вашей стороны были возможности помочь Абраму Ильичу, Вы бы с охотой сделали это. Можно ли найти такие возможности?

Простите, что беспокоим Вас.

С искренним уважением и наилучшими пожеланиями.

Ответ П.С. Александрова И.И. Гордону и А.Г. Сигалову.

Москва В-234

МГУ, корп. Л кв. 9

13.5.1969

Дорогие Израиль Исаакович и Александр Григорьевич!

Только что получил Ваше письмо и сейчас же написал Сергею Львовичу Соболеву. При этом я позволил себе приложить и Ваше письмо ко мне. С.Л. Соболев – единственный математик, к которому по этому поводу я могу обратиться с надеждой на успех.

Он – доброжелательный и справедливый человек, я уверен, что он сделает все возможное. Во всяком случае – обратиться к нему – это единственное, что, в исполнении Вашей просьбы могу сделать я.

Шлю Вам искренний привет.

Ваш (подпись)

PS Может быть Вам целесообразно по этому же поводу обратиться к Л.А. Люстернику (который особенно хорошо знает А.И. Фета) и Л.В. Канторовичу) как к новосибирскому академику и, следовательно, влиятельному там человеку.

Приложение

Письма Л.С. Понтрягина И.И. Гордону

Публикация Е.И.Гордона

1/4/ 37. Москва.

Дорогой Израиль Исаакович,

как Вы и разрешили мне, я не сразу прочел математическую часть Вашего письма. Прочтя ее, я пришел к заключению, что все Ваши соображения справедливы, правда, я не проверял тщательно, но, в той мере, в какой я могу судить по первому взгляду, мне кажется все благополучным. Далее, я думаю, что Курошевская композиция совпадает с прежней, а доказательство при помощи ее значительно проще. Более того, оба доказательства по существу очень сходны, но в первом выкинуты некоторые лишние детали второго. Соображения с зацеплениями заменяются простым утверждением, что некоторые циклы геометрически совпадают. Теперь Вам следует проверить то и другое рассуждения и доказать совпадение обоих композиций – это для осторожности: если есть два доказательства, то надежнее. Далее, советую Вам рассмотреть сходство обоих доказательств.

Вам следует также постараться разобрать и случай общих групп Бетти, без этого результат неполон.

Никаких особых событий на математическом фронте в Москве за последнее время не произошло, если не считать статьи Шнирельмана о Гангнусе, а также статьи о книге Кольмана. Вы, вероятно, читали и то, и другое. Статья Шнирельмана появилась в результате длительной борьбы математиков и представляет собой большой успех. Как это ни странно, искоренить неграмотный учебник оказалось делом трудным, но это, конечно, благодаря тупости и недобросовестности наркомпросовских чиновников. Рассказывают что-то даже о взятках в связи со стабильными учебниками. Книжка Кольмана, по признанию большинства математиков, представляет собой баракло, во всяком случае, в ней

масса неграмотностей. Только Колмогоров считает, что она представляет некоторый интерес в философском отношении. Несмотря на отрицательное отношение к книжке Кольмана, большинство математиков относится отрицательно к статье об этой книжке.

Я последнее время почти ничего не делаю, так как жду, когда же Плеснер просмотрит мою книжку, и тогда я ее начну исправлять. Дело, кажется, уже идет к этому. В середине апреля думаю поехать в Ленинград.

Да, могу сообщить Вам, что Вашу приятельницу Любу (1) собираются отправить на работу в Бурято-Монголию в среднюю школу, но она героически заявляет, что никуда не поедет. Вообще сейчас с направлением на работу оканчивающих Университеты происходит чистое безобразие. Как видно Арахеловшвили отправляет Университетских студентов в самые плохие места, а Педвузовцев – в более хорошие. Вся деятельность этой вредной бабы вызывает у меня чрезвычайное раздражение.

На актив Наркомпроса из математиков с самого начала был приглашен только Коган. Это тоже система, ясно, что Коган никакой критики наводить не будет. Я был ужасно зол, что меня не пригласили.

Шлю привет. Пишите.

Л.Понтрягин.

P.S. Забыл сообщить Вам, что Фройденталь сочинил заметку, в которой, между прочим, доказывает, что определенное Вами в комплексе кольцо изоморфно кольцу, которое определено Александром. Хотя доказательства полного нет, но я на этот раз Фройденталю верю. Если интересуетесь, могу прислать Вам заметку. Я ее читаю сейчас по просьбе Александрова на предмет реферата в Центральблат.

17/3/38. Москва.

Дорогой Израиль Исаакович,

уже несколько дней назад получил Ваше письмо, но отвечаю не сразу, так как накануне получения письма уже отослал Вам письмо.

Вчера я узнал, что математический съезд в этом году не состоится, так как Совнарком его не утвердил. Ввиду этого еще больше увеличилась моя склонность поехать в Воронеж, так как я в нынешнем году никуда не ездил. Еще размышляю и о поездке в Ленинград, но одно другому, я думаю, не помешает. Посоветуйте же, что и как рассказывать в Воронеже, мне не хотелось бы особенно себя там перегружать. Что касается Ваших эгоистических стремлений в связи с моей поездкой, то вряд ли

могу оправдать Ваши надежды. Действительно, я имею в Воронеже сравнительно много знакомых, если учитывать, что я там был только три шестидневки, но все эти знакомые принадлежат к числу знакомых Розы (2). Таким образом, они Вам вполне доступны. Я думаю, что, скорее, Вы должны мне содействовать в Воронеже, я же Вам взамен буду давать математические советы.

Относительно Вашего курса геометрии я боюсь что-либо посоветовать, так как никогда ничего подобного не читал и на эти темы не думал, так что мои соображения были бы неизменно поверхностными.

Относительно неравенств для чисел симплексов и чисел Бетти Вы совершенно правы, однако я не думаю, чтобы было необходимо выкидывать соответственное место из статьи, ведь там это занимает маленькое место. При корректуре в примечании можно будет написать, что соотношения верны и для любых комплексов в силу таких-то соображений. Если же вычеркнуть, как Вы хотите, весь абзац, то вообще соотношение нельзя будет упомянуть, а упомянуть все же, пожалуй, стоит.

Теперь относительно проблематики. Наиболее конкретная задача из тех, о которых мы говорили – это нахождение кольца пересечений трехмерного ориентируемого многообразия, исходя из диаграммы Хегарда. Об этой задаче я говорил нескольким участникам моего семинара, и они собирались ею заниматься. Поэтому, пожалуй, Вам не стоит ее брать, а то может произойти перекрытие. Если бы Вам удалось закончить свое изыскание о группе Бетти произведения бесконечных комплексов, то это было бы очень хорошо. Желательно, однако, сделать для полных групп Бетти, иначе результат будет неполным. Если Вы видите какую-либо возможность справиться с задачей, то постарайтесь ее решить. Во всяком случае, я советую Вам время от времени о ней думать, быть может, что-либо выйдет. Я имею обычно сам несколько задач одновременно. Следующая задача такова.

Пусть многообразие M задано одним уравнением в n -мерном евклидовом пространстве. Представьте себе, что уравнение это меняется, тогда будут наступать такие моменты, что многообразие M будет получать особую коническую точку, т.е. такую, в которой разложение в ряд ее уравнения будет начинаться с квадратичной не вырождающейся формы. После перехода через такое положение топологическая структура многообразия изменится в зависимости от типа критической точки (как у Морса) и в зависимости от того, как окрестность этой точки расположена

в многообразии. Такое преобразование многообразия можно описать чисто топологическим образом, без всякого уравнения. Происходит стягивание в точку целой сферы из M , и на месте нее возникает другая сфера. Эту операцию можно описать в терминах вырезания окрестности вышеупомянутой сферы и приклеивания другой окрестности другой сферы. Для того чтобы хорошо представить себе процесс, можете вспомнить Морса. Там роль многообразия M играет сечение, функция равна константе. Когда константа меняется и проходит через критическое значение, сечение претерпевает описанное изменение. В общем, возникает определенный способ менять топологическую структуру многообразия. В связи с ним возникает несколько задач. Самая общая задача: можно ли путем таких модификаций получить из сферы любое ориентируемое многообразие. Далее, как меняется при таких модификациях кольцо пересечений. Если бы указанными модификациями можно было бы получить любое многообразие, то получился бы способ найти вид кольца любого многообразия или хотя бы обнаружить какие-нибудь соотношения в кольце, до сих пор не замеченные. В связи с той же модификацией возникает еще одна задача, которая меня интересует. Если многообразие дифференцируемо в смысле внутреннего определения, т.е. можно ввести локальные координаты, связанные дифференцируемыми переходами, то можно ли построить многообразие всех p -векторников, где p – размерность многообразия. Вектора, касательные в данной точке, нужно считать ортогональными. Для p -мерной сферы многообразие касательных p -векторников, как легко заметить, гомеоморфно группе вращений p -мерной сферы. Интересно было бы выяснить, как меняется многообразие p -векторников, когда многообразие само претерпевает модификацию. Здесь, пожалуй, стоило бы в первую очередь заняться числами Бетти. Так как для сферы числа Бетти известны (моя работа о числах Бетти группы), то можно было бы найти числа Бетти многообразия касательных p -векторников для более широкого типа многообразий. Мне это, кажется, будет нужным при изучении отображений сферы на сферу.

Еще одна задача. Найти кольца пересечений для групп Ли, т.е. продолжить мою вышеупомянутую работу. Картан, кажется, где-то заявлял, что кольцо пересечений будет то же самое, как и для произведения сфер, но я в этом неуверен, во всяком случае, доказательство этого факта было бы интересно и нетривиально.

Вот все, что я могу Вам в настоящий момент рассказать. Последняя задача кажется мне вполне конкретной.

Относительно Любы могу сообщить Вам, что она весьма занята, очень устает, и даже уговорить ее пойти в театр бывает весьма трудно. Если также будет продолжаться дальше, то я, пожалуй, приму в отношении ее Ваши позиции.

Книжный шкаф – очень маленький, стоит 264 рубля.

Относительно квартиры из Моссовета пока ничего не слышно. Если до 25-го так ничего и не будет слышно, то 25-го я приму решительные меры в Академии.

Пока до свидания. Вполне возможно, что я соберусь в Воронеж.

Л.Понтрягин

P.S. Асе я написал. Надеюсь, что она получит мое письмо. При случае спросите у нее, получила ли.

14/5/40. Москва.

Дорогой Изя,

простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо, все не было времени придумать то доказательство, которое Вы просили. Деньги мама благополучно получила. Телеграмма также благополучно прибыла, за поздравление спасибо.

Докажу предварительное замечание.

Пусть \mathbf{A} и \mathbf{B} – две векторные группы, а f – алгебраически изоморфное и непрерывное отображение группы \mathbf{A} на некоторое, всюду плотное подмножество группы \mathbf{B} . Тогда f есть изоморфное отображение топологической группы \mathbf{A} на топологическую группу \mathbf{B} .

Пусть x_1, \dots, x_k – базис векторного пространства \mathbf{A} , а y_1, \dots, y_k – соответствующие элементы в \mathbf{B} . Если a_1, \dots, a_k – некоторые рациональные числа, то линейная форма $a_1x_1 + \dots + a_kx_k$ переходит в линейную форму $a_1y_1 + \dots + a_ky_k$. Сперва доказывается для целых коэффициентов, а затем для рациональных, в силу однозначности деления. Далее утверждение переносится и на любые действительные коэффициенты, в силу непрерывности отображения f . Из алгебраической изоморфности отображения f следует, что y_1, \dots, y_k независимы в \mathbf{B} , а из того, что $f(\mathbf{A})$ всюду плотно в \mathbf{B} следует, что y_1, \dots, y_k образуют базис в \mathbf{B} . Таким образом, утверждение доказано.

Пусть теперь \mathbf{G} – произвольная локально компактная группа, и \mathbf{G}' – группа ее характеров. Через \mathbf{A} обозначим векторный сомножитель компоненты нуля группы \mathbf{G} , а через \mathbf{A}' – такую же подгруппу группы \mathbf{G}' . Далее, пусть \mathbf{H} есть аннулятор группы \mathbf{A}' и \mathbf{H}' – аннулятор группы \mathbf{A} . Вы уже умеете доказывать,

что пересечение A и H есть нуль, и что групповая сумма $A+H$ всюду плотна в G . Аналогично и для группы G' . Через B обозначим группу характеров группы A' , тогда G/H изоморфна группе B . При естественном гомоморфизме группы G на группу B с ядром H подгруппа $A+H$ переходит во множество, всюду плотное в B . А так как каждый элемент из H переходит в нуль, то образ группы A в B всюду плотен. Далее, при нашем отображении подгруппа A отображается алгебраически изоморфно. Таким образом, при гомоморфизме G/H подгруппа изоморфно отображается на B . Из этого уже легко следует, что $A+H$ совпадает с G . Доказывайте сами.

Был очень рад узнать, что Вы вскоре приедете в Москву. Надеюсь, что это произойдет совсем скоро. Тогда поговорим.

Шлю привет Вам и Нине. Мама также. Лева.

10/1/42. Казань.

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от 29/12, несколько дней назад получил Вашу открытку и тогда же ответил на нее. В своей открытке я уже писал Вам, что мы здесь живем, в основном, без перемен и все здоровы, но напишу подробнее, так как, возможно, Вы не получали от меня писем от октября.

Шестнадцатого октября из Москвы выехала целая группа математиков, среди них Александров и Колмогоров, которые, впрочем, имели свое барахло и семьи уже перевезенными сюда, но были и новые, именно: Плеснер, Люстерник и ряд других. Выехали они крайне поспешным образом, почти без вещей и в отвратительном настроении, так что привезли его сюда, и нам тоже захотелось ехать куда-нибудь дальше, тем более что ряд институтов АН проследовали прямо в Алма-Ату, а Университет – в Ашхабад, однако ехать, куда попало без существенных причин никто здесь не решился, и очень хорошо. Постепенно к началу ноября здесь собрался весь наш институт АН, и постепенно все и всё успокоилось. Вещи, брошенные в Москве, прибыли и прибывают теперь, правда, некоторые чемоданы несколько почищены, но все же никто не находится в отчаянном положении, хотя Казань страшно перенаселена, но все же всех кое-как разместили. Теперь у нас здесь есть столовая, в которой можно немножко поесть, а также коммерческий гастроном специально для АН, где нам дают нечто вроде пайка, причем, академикам и членкорам даже довольно порядочно, включая прекрасное вино Цоликаури, я его очень люблю. Все это весьма существенно, так как рынки почти пусты, не говоря уже о ценах, которые весьма велики, например, картофель – 10 рублей кило, масло – 170 рублей

кило, молоко – 60 рублей четверть и т.д. АН исправно платит нам жалованье, подъемные, компенсации за отпуск и вообще все, что полагается по закону, таким образом, материальное наше положение вполне благополучное. Значительно хуже положение университетских работников в Ашхабаде. Вчера я получил письмо от Петровского, который представляет от Университета в Ташкенте. Оказывается, университетские профессора за октябрь получили аванс по пятьсот рублей, за ноябрь уже по двести, а в дальнейшем предвидят сокращение, так как студентов оказалось только семьсот, простите, даже шестьсот на весь университет.

Об Асе я уже писал Вам, что она имеет адрес: Сталинобад, до востребования, и что у нее умерла после дороги младшая племянница. Вообще в пути она натерпелась очень много. Гринблумы (3) – под Ташкентом и ниже приведу их адрес.

Как уже сказал, почти весь наш институт в сборе и благополучно действует, недавно даже состоялась защита докторской диссертации Мальцева, на коей я был оппонентом. Я усердно занимаюсь математикой, как топологией, так и другими вещами, о которых говорят, что они имеют прикладное значение. Имею некоторые результаты и получаю от этой деятельности большое удовольствие.

В Вашем положении меня несколько беспокоит, как будет у Вас с работой, это теперь не простой вопрос, впрочем, Гринблум и Л.А.Гуревич работают в средней школе, Мак – трактористом, вероятно, и Вам удастся получить работу в средней школе.

У меня почти не осталось знакомых в Москве, во всяком случае, письма оттуда, я получаю только от одного лица, и там последнее время сравнительно спокойно. Все, конечно, там просто счастливы со времени начала нашего наступления, да и здесь у нас настроение резко переменялось. Могут быть, конечно, разные неожиданности, но все абсолютно уверены в том, что бандиты-немцы будут бесповоротно уничтожены.

Мы все шлем сердечный привет Вам, Нине и Шурику.
Лева.

Адрес Гринблума: Ташкент. Чирчикстрой. Поселок Таваксай. Улица Хан-Арык. Д.7. А.Н.Щекиной, для....

18/3/42. Казань

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше длинное письмо, а еще раньше открытку, на которую сразу же ответил. Рад был узнать, что Вы все же кое-как устроились, хотя и неважно, сейчас главное – прожить до конца войны, а в деревне это, быть может, и легче. Мы

живем без существенных перемен. Я уже писал Вам, что мама нездорова, с сердцем не совсем хорошо: головокружение и, главное, общая слабость, так что хозяйством она по возможности занимается мало. Я довольно много в последнее время занимался математикой и имел некоторые успехи, но в последнюю неделю, после окончания своей темы, что-то ничего не могу начать делать. И даже впервые здесь почувствовал скуку, как-то болтаюсь без дела, но это, конечно, очень временно, да и в небольшой степени. Тася (10) по-прежнему работает в госпитале, но очень мало, так как, благодаря болезни мамы, ей приходится много заниматься хозяйством. Недавно получил письмо от Аси Гуревич (3), она устроилась в Ташкенте, в каком-то вузе, где работает Ефимов – это, конечно, очень хорошо. Она сообщила мне, что Зоя Михайловна развелась с Л.Я.Берри (5) и вышла замуж за Меймана, этот, последний, впрочем, теперь не в Самарканде, где З.М., а в Ташкенте, там он работает в местном университете, куда влили его самаркандский вуз. На днях вернулись из Москвы несколько наших академиков, где они были на комиссии по Сталинским премиям. По математике премии присуждены Бернштейну и ленинградскому Александрову, соответственно, первая и вторая, наш Александров не получил. По технике получил премию первую Христианович, за работы, имеющие оборонное значение. Хотя в Москве и очень приятно по сравнению с нашей провинцией, но все же жить там трудно в смысле пищи и возвращаться туда теперь никак невозможно, так как просто не пускают. Что касается общего военного положения, то приехавшие привезли, в общем, оптимистические настроения. Оптимистически настроенные военные считают, что немцы еще в феврале начали сильно расходовать свои резервы, предназначенные на весну, мы же, наоборот, сохранили еще резервы, которые предназначались на прежнее время, но, конечно, весной ожидаются большие события. Больше, пожалуй, ничего существенного не рассказали. Я не вижу другого способа разыскать Вашего раненого товарища, как написать ему, и сделаю это очень скоро. Должен сказать, однако, что открыток здесь нет, равно, как и конвертов, и все это без затруднения изготавливается дома из бумаги, которая в некотором количестве имеется. Здешние математики живут сравнительно благополучно, конечно, мы не роскошествуем в смысле пищи, но все же не голодаем. Все занимаются так или иначе, я думаю, не хуже других специальностей, правда, у физиков, говорят, больше оборонных тем, но это, конечно, и естественно, так как экспериментаторы всегда ближе к практике. Что касается Вашей просьбы

относительно беллетристики, то я постараюсь что-нибудь купить для Вас в лавках, собственного у меня ничего нет, а посылать чужую книжку я не могу ввиду ненадежности теперешней почты. Сам я пользуюсь хорошей библиотекой Морозова (6), в квартире которого живу, впрочем, имеются и общественные библиотеки, также хорошие. Математическая литература здесь тоже имеется в достаточном количестве, к сожалению, читать ее мне здесь некому, так как мама больна, а Тася (7) занята хозяйством. Имеется здесь, правда, Бокштейн, который порядочно знает и имеет много общих со мной интересов, но он уж очень какой-то беспорядочный и растяпистый, так что даже сговориться с ним о чем-нибудь довольно трудно. Все мы шлем сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Тася всегда смеется, что Ваши письма пестрят Шуриком. Пока до свидания. Пишите. Лева.

17/4/42. Казань

Дорогой Изя,

третьего дня получил Ваше печальное письмо, а накануне его получения у меня был В.Н.Флору (8). Его положение тоже не блестяще. Его часть осталась в Харькове. Рана руки такова, что пальцы ее двигаются плохо, сверх того все его имущество состоит из обмундирования второй очереди, выданного ему при выходе из госпиталя. Он решил остаться в Казани и скоро, по-видимому, найдет себе работу, жить ему здесь также есть где, но настроение у него самое скверное, и он вогнал меня в крайнюю мрачность при своем визите. По всем вопросам электротехники он, конечно, сможет теперь поговорить с нашими физиками. Письмо ему я отослал куда-то в Пермь, но это теперь уже не важно. У нас в академии теперь некое смутное время. После свержения Шмидта начальство еще не установилось, будет общее собрание академиков в Свердловске второго мая, где решится вопрос и о (неразборчиво), и о месте пребывания президиума. Пока начальство занято своими делами, нас вовсе перестали кормить, а если президиум уедет в Свердловск, то и в дальнейшем надежды на корм малые. Местные казанские власти относятся к академии очень плохо, а так как здесь автономная республика, то это имеет еще большее значение, чем в других местах. Что касается местных жителей, то они для эвакуированных, вероятно, повсюду одинаковы. Хозяин нашей квартиры – зверь зверем, и он, конечно, охотно удушил бы нас всех, если бы это можно было сделать без риска, и, главное, если бы ему не поселили сюда новых жильцов. Цены на рынках таковы, что и при моих очень значительных доходах прожить на них было бы трудно. Молоко уже перевалило за тридцать рублей литр, картофель также стоит тридцать рублей

кило. Все остальное в том же роде. До сих пор весьма существенную роль играли выдачи из академии, но сейчас они прекратились, и магазинчик закрыт, есть пока только столовая, если исчезнет и это, что, говорят, возможно, то положение наше будет очень неважное. Все же надо признать, что пока мы не голодали, если и было что, то – некоторое недоедание, и то больше из психологических поводов в порядке экономии. Нужно, однако, ожидать, что очень скоро деньги здесь вообще перестанут котироваться на рынке и в связи с этим мне очень хочется привезти из Москвы некоторое количество менового барахла. Нашу квартиру в Москве пока, кажется, еще не обокрали, однако поехать туда почти невозможно. Что касается предстоящих весной и летом событий, то я также не представляю себе, что это будет. Теперь, во всяком случае, продолжаются наступательные бои с нашей стороны. Несомненно, что многие важные пункты нами окружены, но взять их не удастся пока. Сообщения о том, что на фронте без перемен, говорят именно об этом, а не о прекращении или ослаблении военных действий. Из Воронежа я имел письмо только от конца января, и тогда там было, кажется, довольно сносно. Флору говорил, что в феврале немцы будто бы были километрах в тридцати от Воронежа. Возможно, и даже очень вероятно, что там теперь неважно с пищей. Наверное, я знаю, что с пищей очень плохо в Москве, т.е. в части рынка, централизованное же снабжение, конечно, лучше, чем здесь. Последние дни я почти не занимался математикой. О том, что придумал за последнее время, напишу как-нибудь в другой раз. Должен сказать, что наше положение в смысле пищи, в общем, пока вполне удовлетворительное, и если приходится беспокоиться, то за будущее. Ничего похожего на то, что испытываете Вы, мы не имеем, я говорю о себе, рядовые сотрудники академии... (далее отсутствует)

Шлю Вам и Нине сердечный привет. Лева.

Решил продолжить письмо еще. Здоровье мамы хотя и стало лучше, но все же оно не может быть названо исправным. Имеется сильная физическая слабость. Трудно ожидать, что при имеющихся условиях она может поправиться вполне. Недели три назад я получил письмо от отца Розы из Алма-Аты, где он сообщал мне, что его сын Л.Я. уволен с работы по придирке директора из института академии, и просил меня узнать о его деле в президиуме, куда оно направлено. Я узнал, что дело – у Деборина, и он сказал мне, что, вероятно, Л.Я. будет восстановлен, но теперь началась суета со сменой начальства и я уже никак не могу застать Деборина в его кабинете. Свержение Шмидта, по-

видимому, достигнуто усилиями Комарова, который из Свердловска развил чрезвычайную активность. Свердловская группа Академии наук, по-видимому, стремится сделать себя главной и перевести туда президиум, она сравнительно малочисленна, но, быть может, более влиятельна. Мы уже имеем телеграмму правительства, в которой говорится, что правительство не возражает против перевода президиума в Свердловск. Не совсем понятно, к чему это все, и как-то начинает казаться, что все это склока, притом мало своевременная. У нас здесь, наконец, настоящая весна, по улицам бегут ручьи воды, смешанной с навозом, который зимой в изобилии покрывал все, так как канализация почти везде работала слабо. Были даже большие опасения, что вначале лета будет серьезная опасность эпидемии на этой почве, но, надеюсь, все обойдется благополучно. Очень приятно, что становится тепло и не нужно пока заботиться о дровах. У нас теперь имеется опять электричество, правда, только от восьми вечера до восьми утра, зато опять прекратился водопровод, и приходится таскать воду на пятый этаж. Еще раз сердечный привет В (далее отсутствует).

16/5/42. Казань

Дорогой Изя,

уже давно не имею от Вас писем, последнее было с адресом Любы, но на него я не ответил, т.к. оно пришло почти одновременно с предыдущим, на которое ответ был уже послан. Это в нем Вы, кажется, спрашиваете, какова тенденция жизненного уровня в Казани, могу только ответить, что это вопрос наивный. Теперь у нас на рынке молоко уже пятьдесят рублей четверть и мы (ошибся, не четверть, а литр), конечно, не можем уже его покупать, только очень немного берем для кофе, который здесь имелся в изобилии и хороший. Самое последнее время произошло, однако, улучшение в снабжении академии, особенно академиков, членкоров и лауреатов. Есть хорошая столовая, в которой почти можно наесться, и по карточкам выдают все, что написано, и, кроме того, дают немножко в виде пайка, в нем, конечно, нет декларированного шоколада, но все же есть пища. В столовой, правда, кормят только самих работников, но не членов семей. В общем, мне, однако, стало лучше. Последнее время я болел гриппом и потому занимался очень мало, так что почти ничего не сделал. У нас теперь новое начальство в академии, хотя было все напечатано в газетах, но не знаю, есть ли они у Вас, поэтому сообщаю. Вице-президенты – в Казани: Иоффе и Орбели, в других городах – еще четыре, но нет среди них Шмидта. Пока еще не видно, что даст нам такая перемена, но ничего плохого

пока не видно. Имеются пока еще не проверенные слухи, что отыскался Рохлин, который пропал с октября, он был в окружении. Говорят еще, что расстрелян в плену у немцев Глезерман. Вы, вероятно, помните обоих. Имею письма от Ефремовича (9), он теперь работает стрелочником. Очень доволен, пишет, что работа спокойная. Пусики едут в Москву для работы в Университете. Колмогоров, по-видимому, будет междугородним деканом. Пишите. Шлю сердечный привет Вам и Нине.

20/5/42. Казань

Дорогой Изя,

только что получил Ваше письмо от 4/5. Как раз перед тем написал Вам. Кое-что написал о себе уже в том письме, теперь буду подробнее. Меня несколько огорчает, что нам вот уже второе лето приходится сидеть в городе. Казань, правда, имеет много садилов и парков, но это все же не то. Окрестности здесь тоже неплохие, но для того, чтобы попасть в них нужно преодолеть несколько километров пригорода пешком, а подступы к городу совершенно отвратительны, пыль стоит страшная. Я думаю, что эти места были бы непроходимы для танков, так как водители не могли бы ничего видеть в той пыли, которая поднимется, несомненно, при проходе танка. В городе стоит повсюду вонь от идущих по поверхности земли канализационных канавок. Нам теперь тоже нужно заботиться об огородах, которые будут за городом, так что нужно будет каждый раз преодолевать малоподходящие подступы к городу. Впрочем, еще неясно, как будет с огородами, нам уже обещали вспахать землю тракторами и посадить картошку машиной. Если это все удастся, то останется только уход и сбор, тогда все благополучно, если же это сделано не будет, то огорода мы не получим, так как сами теперь уже не успеем все сделать, да и семян достать невозможно. Наше пищевое положение в настоящее время неплохо, так как снабжение академии достигло наивысшего с начала войны уровня. Прежде всего, семьи наши получают по карточкам все, что на них значится, и это очень большая привилегия в Казани. Далее, для работников (академиков и членкоров) имеется хорошая столовая, после обеда в которой иногда даже возникает ощущение сытости. Далее имеется академический паек, он не слишком обилен, но все же – добавка. К сожалению, столь удовлетворительное положение распространяется только на академиков и членкоров, остальные находятся в худшем. Я уже довольно долго почти не занимаюсь математикой, так как был болен и закончил некоторый кусок. Теперь собираюсь заняться внешней баллистикой, там есть интересные задачи, уже давно стоящие, решение которых было бы

интересно и в том случае, если бы оно было получено и в мирное время, а теперь, конечно, особенно. По постановке своей задача – несекретная. От Вити Рабинович я имел только одно письмо и, притом, очень давно, им было тогда весьма плохо, не знаю, как теперь, вряд ли стало много лучше. Я переписываюсь с Асей Гуревич. Она сообщила мне, что Зоя Михайловна имела очень тяжелые роды с кесаревым сечением и мертвым ребенком, который, по-видимому, Меймановский. Мейман живет в Ташкенте, а она в Самарканде, есть предположение, что брак их расстроится и будет восстановлен старый. Сам Мейман ужасно мечтает приехать в Казань, я считаю, что с жира бесится. Как у Вас с куревом? Я получаю табак в академии, раньше мне отдавали свою порцию еще Пусики, теперь они уже берегут на обмен. Таким образом, табак есть, но нет гильз и очень трудно со спичками: у нас полагается коробка на месяц по карточкам. Есть электрическая зажигалка, но накал такой плохой, что не зажигает, приходится держать зажженную керосиновую лампадку. Здоровье мамы стало несколько лучше, но, конечно, не совсем хорошо, и загородные прогулки она делать не может. О жизни и деятельности математиков писал Вам в прошлом письме, так что теперь уже не пишу больше. Валентин Николаевич был у меня однажды, больше не заходил. Об этом визите я тебе писал в одном из прошлых писем. Шлю сердечный привет Вам и Нине. Лева.

9/7/ 42. Казань

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от 1/7, на предыдущее письмо я не ответил, был болен, вообще меня изнуряет повышенная температура и грипп. Время от времени лежу, а если и хожу, то часто чувствую себя плохо – ощущение сильной усталости. Я не вполне разделяю Вашу тревогу относительно общего положения. Это, конечно, не значит, что я спокоен, но состояние мое несравнимо с состоянием осени прошлого года. Те или иные успехи немцев означают лишь большую или меньшую продолжительность войны, исход ее представляется мне все же несомненным. То, что наши оптимистические ожидания не оправдываются, не означает катастрофы. Соотношение сил изменилось. Если изменение это и недостаточно, чтобы мы могли уже теперь догнать немцев, то оно все же достаточно для того, чтобы они не успели одержать решительного успеха раньше вступления в полное действие Америки. Очень серьезно положение в Египте, но и оно уже начало выправляться, и острота его так велика, что может получиться совершенно противоположный результат. Ваше беспокойство относительно

Ваших близких, напротив, более чем основательно, но это отнюдь не снимает ничего из ранее сказанного. Что касается Вашего ослабления внимания к огороду, ввиду общих событий, то оно совсем напрасно, не в лучшем, а, наоборот, в худшем случае, огород будет особенно полезен для Вас. У нас тоже имеется огород. Сто кв.м. картофеля, он растет очень хорошо, его уже окопали, и скоро будем удобрять. В другом месте имеется полтора гектара разных овощей. В основном – моркови и свеклы, есть также капуста и брюква, завтра будем сеять репу, это для репы – самое время, более раннюю жрет мошка. К сожалению, посевы были сделаны с опозданием, но почва настолько исключительно хороша, что все же надеемся на урожай. К сожалению, плохая организация в Академии, привела к потраве части посевов лошадьми, они катаются на посевах и все уминают так, что даже всходов нет. Есть некоторые новости относительно Московского Университета. Имеется распоряжение правительства относительно реэвакуации его из Ашхабада в Свердловск. Цель, по-видимому – избавить людей от непривычного страшного климата и поместить университет в место, где он действительно может работать. Возникает даже мысль, что часть работников может остаться в Свердловске навечно для укрепления местного университета. Последнее соображение приводит в ярость ашхабадских работников МГУ. Они решительно протестуют против реэвакуации. Это объясняется тем, что их раньше времени уже напугали оставлением навечно в Ашхабаде, и сделал это весьма не остроумно Колмогоров. Он придумал стать междугородним деканом и иметь, тем самым, возможность жить где угодно: Москве, Казани, Ашхабаде, а также перевести на такое же положение Александрова. Само по себе это не плохо и для университета, так как в Москве нет приличных математиков, и университетом правит сомнительная личность. Однако Колмогоров впал в увлечение и написал в Ашхабад, что вот хорошо бы оставить часть людей там навечно, и что он имеет планы формирования нового лица факультета под свою личную ответственность. Ашхабадцы взвыли и стали что-то писать по начальству, они теперь просто ненавидят Колмогорова. Отчего произошло дальнейшее, не знаю, но последовало распоряжение о реэвакуации и переводе ректора в Свердловск, а относительно Пусиков произошел отказ им в праве работать и жить в Москве, ибо их драгоценные жизни не должны подвергаться опасностям. Для организации же факультета вызывается в Москву Петровский. Исход кажется мне весьма удачным. Возможно, что в надлежащих инстанциях усмотрели чрезмерную личную заинтересованность

Пусиков и неумение Колмогорова наладить хорошие отношения с коллективом. Что из этого всего выйдет, не знаю. Стоит отметить еще, что в Москву теперь опять пускают весьма неохотно. Виноградов И.М. придерживается той точки зрения, что непатриотично и бессовестно сейчас из желания быть дома лезть в Москву; если человек не работает на военные нужды, то пусть он хоть не вертится под ногами и не мешается. Ведь пребывание в Москве означает, что нужны специальные усилия, чтобы человека кормить. На днях получил письмо от Любы Вольфензон. Она полна мечтаний о Москве, ее отец и супруг уже там, она же прыгает в Свердловске изо всех сил, чтобы только прорваться в Москву. Думаю, что это ей в ближайшее время не удастся. На днях получил письмо от Ефремовича, здоровье его весьма не важно: сердечная болезнь, отеки ног. Я за него боюсь. Имею сведения о Меймане и его романе с З.М., она его покинула и вернулась к супругу, впрочем, возможно, это он ее покинул. Ефимов, узнав про Ваше плохое положение от меня через Асю, проявил некоторое внимание, по крайней мере, формальное. Он попросил меня прислать рекомендацию Вас для работы в среднеазиатских вузах, мыс Александровым это сделали, но реального значения этому, я не придаю, впрочем, все может быть. Шлю привет Вам и Нине. Мама с Тасей также.

6/9/42. Казань

Дорогой Изя,

Ваше письмо от 1/8 прибыло ко мне, вероятно, уже давно, но только на днях мы вернулись из дома отдыха, о нем – позже. Относительно Воронежа я знаю только от Аси Г. Четвертого июля работники университета получили эвакуационные справки и двумя колоннами пешим ходом отправились в деревню Пески близ Борисоглебска, кто там был из знакомых – не знаю. Надеюсь, теперь Вы уже имеете сведения о родственниках из Воронежа. На днях получил письмо от Плоткина на бумаге весьма хорошего качества. В нём сказано, что пока работы для Вас нет, но возможность ее не исключена. Копия послана Вам, не знаю, можно ли придавать этому серьезное значение. Ефимов, я думаю, здесь не причем, т.е. от него ничего не зависит, и сделать он, вероятно, для Вас ничего не может. Кстати, в его семье важное событие – Роза забеременела, между тем, врачи говорили, что она к этому не способна, раньше они это очень хотели, но теперь Ефимов в крайнем отчаянии и ругает врачей. Пусики, я думаю, не стремятся ничего из себя разыгрывать и сохранять важность и значение. Их цели более реальны, просто они хотят устроить свое существование наиболее сносным

способом, а для всех эвакуированных возвращение на прежнее место жительства – это верх мечтаний. У Пусиков – это и вполне удобно, дача их предохранит не только от неприятностей налетов, но и от холода. Для того чтобы попасть в Москву нужны, однако, большие усилия, Колмогорову уже удалось там обосноваться, а Александрову – нет. Если бы Колмогоров получил руководящее положение в университете, то он мог бы ввести и Александрова. Я тоже очень хочу съездить в Москву на короткий срок или, по крайней мере, отправить туда Тасю за некоторыми вещами и кое-какими оттисками и рукописями. Очень вероятно, что Тася ... (неразборчиво)..., но мало вероятно, что пустят меня, на этот счет – какие-то особые распоряжения не пускать в Москву академиков и членкоров без крайней необходимости, может, это потому, что их там нужно кормить. Мы сильно беспокоимся о предстоящей зиме в смысле пищи, правда, сейчас снабжение удовлетворительное, но овощей и картошки не дают, таким образом, хоть это нужно запастись, хорошо тоже и масла, так как нельзя быть уверенным, что снабжение сохранится на нынешнем уровне. Денег для образования запасов, конечно, недостаточно, и, вот по примеру прочих мы решили продавать вещи, здесь их, конечно, мало, а потому нужно привезти из Москвы, там масса всякого барахла, которое теперь имеет ценность. Сегодня мы как раз были на огороде. Несмотря на поздний посев, потравы скотом и кражи, там еще сохранилось очень много овощей, так что, если дальше не разворуют, нам огород очень поможет. Там у нас очень много свеклы, много репы, порядочно брюквы, есть редька, морковь. Картошка – на другом огороде, и ее судьба еще не выяснена, там еще не были, но по всей Татарии на картошку напала какая-то болезнь, и урожай всюду очень плохой. Это конечно не страшное бедствие в теперешнее время.

В доме отдыха мы провели время замечательно. Лучше всего его можно описать, сказав, что в нем похоже на "до войны". Корм, правда, ограниченный, но неголодный и доброкачественный. Рядом – Волга с собственными лодками, а по другую ее сторону – прекрасный безлюдный пляж и лес. Мы довольно часто туда ездили, и самая езда тоже приятна. После двухлетнего перерыва снова попасть за город было для нас наслаждением, даже война там забывалась. Что касается военных событий, то я предпочитаю о них не думать, считаю, что сие от меня не зависит, и предпочитаю заниматься тем, что действительно находится в моей власти, таковы огород, зимние запасы, математика. Сейчас занимаюсь устойчивостью движения вращающегося снаряда, это оказалось не так уж ужасно трудно, и

я уже несколько начинаю чувствовать предмет, на днях пошлю Вам два оттиска сделанных в этом году топологических работ. Впрочем, это только заметки в Докладах.

Недавно сюда приехал Марков из Ленинграда, он сравнительно благополучно провел там зиму, так как имел дачные запасы продовольствия. Нужно признать, что, быть может, самое страшное, что произошло за время войны – это ленинградский голод. В доме отдыха мы познакомились с ленинградцами, семьи которых более чем наполовину вымерли, и сами они уцелели лишь на грань от смерти. Даже трудно поверить, что люди могут такое выдержать. Цинга и дистрофия – это медицинские названия того состояния, в котором находились люди, фактически же – это крайнее истощение, раны на коже и чрезвычайное отупение, плохое владение всеми органами и прочее. Когда у людей, находящихся в таком состоянии, умирали близкие, они этого почти не замечали и не переживали. На ленинградских кладбищах работали экскаваторы, но масса трупов лежала на улицах, на чердаках и в подвалах, часто они объедались, т.е. срезались кусочки мяса для еды с умерших. Если человек падал на улице, то без посторонней помощи он обычно уже не мог подняться и умирал, таких никто не подбирали.

Я полагаю, что заниматься теперь такого рода личными делами, как переездом на другое, более подходящее место, ничуть не зазорно, но, конечно, мне трудно, что-либо посоветовать Вам. Рассчитывать серьезно на Плоткина, боюсь, невозможно. Ясно, что если бы Вы определились на работу в какой-нибудь вуз, особенно военный, то Вам было бы неизмеримо лучше, и пользу Вы приносили бы гораздо большую. Как Ваши военные дела?

Здоровье мамы остается неважным, дом отдыха не принес ей должной пользы, так как она слишком увлеклась сбором грибов и ягод, но это доставляло ей исключительно большое удовольствие. Если бы нам удалось разрешить проблему заготовок на зиму удовлетворительным образом, то и для здоровья мамы это было бы чрезвычайно полезно, недостаточное питание, конечно, одна из причин ее болезни. Сверх того, некоторая уверенность в дальнейшем питании и достаточное количество пищи сделали бы ее хозяйственную деятельность более легкой. Мое здоровье, в общем, ничего, но я за год войны несколько отошал, на этой почве у меня теперь стало хуже с простудами и бессонницей. В доме отдыха я под конец простудился и теперь еще не вполне поправился, очень легко устаю. Тася вполне удовлетворительна. Правда, ей приходится много работать

физически, но это ей не вредит, так как она сильная и здоровая от природы.

Ну вот, я написал Вам весьма обстоятельное письмо. Пишите мне почаще, время действительно идет страшно быстро. Несмотря на всю мрачность происходящих на фронте событий, я далек от уныния и по-прежнему верю в хороший исход войны. Шлю Вам сердечный привет, а также и Нине. Почему мало пишете о Шурике, вернее даже не пишете совсем в последних письмах? Лева.

4/10/42. Казань

Дорогой Изя,

еще в начале сентября я написал Вам, но ответа еще не имею, Вы, как всегда, не торопитесь отвечать. Весь сентябрь я проболел, у меня было воспаление легких, и пять дней температура держалась около сорока, а иногда выше. Встал только несколько дней назад и еще чувствую себя плохо. Во время моей болезни Тасе пришлось одной убирать и таскать овощи с нашего огорода, а это пять километров от дома. Всего она на себе переносила пудов двадцать. Академия не смогла организовать транспорт, и все таскали сами. Александров П.С., которому ввиду склероза это просто опасно делать, тоже носил картошку. Тася ужасно измучилась, но все же мы удовлетворены огородом, это серьезная помощь на зиму. У нас пудов восемь картошки, несколько пудов свеклы, есть редька, брюква, репа, морковь, капуста. Все время, пока я болел, а Тася таскала овощи, мама занималась домашним хозяйством на железной маленькой печке-буржуйке, так как электричество у нас ненадежно, а керосина нет. В общем, месяц выдался ужасным, и если бы мы не побывали в доме отдыха, то, пожалуй, и не выдержали бы. Надеемся, что в дальнейшем будет легче, если, конечно, не произойдет чего-либо чрезвычайного. Мне сообщили, что Воронежский Университет теперь в Елабуге, это недалеко от Казани, но сообщение только водное. Подробностей не знаю. Важная математическая новость: женился Колмогоров, он еще весной ускользнул в Москву, Александров не мог за ним последовать, ввиду трудности получения командировки, и вот к осени он женился – что значит, без присмотра его оставили. Теперь Александров тоже отправился в Москву в месячную командировку, но, конечно, с намерением, по возможности, там застрять. Вообще все или почти все рвутся в Москву в надежде, что там лучше жить, да и просто хочется домой. Люстерник уже там обосновался, там же Бермант, Райков, Нейшулер, Акушский, скоро отправляется Плеснер, Гельфанд и даже Зоря Шапиро. Мне бы тоже хотелось на несколько дней туда

поехать, но я еще не предпринимал никаких шагов из-за болезни. Не знаю, удастся ли мне это, уж очень много народу туда отправилось, а есть, по-видимому, указание слишком много не пускать. Относительно общих событий я стараюсь не думать, одно только кажется несомненным, что второго фронта в этом году уже не будет. По этому поводу даже имеется анекдот о естественном и сверхъестественном окончании войны. Естественное окончание: Господь бог посылает на фашистов десять тысяч ангелов с бомбами. Сверхъестественное окончание: англичане и американцы открывают второй фронт. Напишите, имеете ли Вы сведения о своих воронежских родственниках. У Тази родители были в Анапе, и никаких известий пока нет.

Не помню, писал ли я Вам, что вопреки предсказаниям врачей, Роза Берри забеременела, это приводит Ефимова в отчаяние.

Последний месяц я, конечно, не мог заниматься математикой, вообще же занимаюсь теперь снарядом. В начале августа послал Вам оттиски своих топологических работ, сделанных прошлую зиму.

Имел за последнее время письма от Любы Вольфензон, она рвется в Москву, считает, как и все, что, конечно, не следует перегружать в военное время Москву и тем самым затруднять работу транспорта, так что, вообще говоря, граждане должны сидеть, где сидят, но ей лично обязательно нужно жить в Москве. Такое рассуждение со стороны Александрова мне теперь понятно, ввиду тяжких происшедших последствий, но почему Любе так уж нужно, мне не ясно.

Впрочем, нечего, ругать других, я сам тоже хочу съездить в Москву, так как там много вещей, а денег на жизнь нам решительно не хватает, и даже тогда, когда будут реализованы прибавки, не хватит. Знаете ли Вы, что научным работникам даны значительные прибавки жалования? Это опубликовано в различных специальных газетах, как-то: Учительская, Медицинская и прочее. Пока до свидания. Пишите почаще, а то Вы все приглашаете меня писать, а сами даже и на письма отвечаете плохо. Привет Нине и Шурику.

11(?) / 10 / 42. Казань

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от 25/9, в нем порядочный кусочек вымаран. В этом письме впервые упоминаете о письмах от уполномоченного К.В.Ш., таким образом, одна Ваша открытка пропала. Я совсем недавно послал Вам большое письмо, следующее за тем, которое Вы получили. Я сообщал в нем, что

был болен воспалением легких, теперь мое здоровье лучше, но есть еще остатки воспаления и маленький плеврит, сверх того предполагается хроническая малярия, хотя она под вопросом, но я ее все же лечу. В общем, чувствую себя неважно. Тася уже несколько отошла от утомления, вызванного уборкой огорода. Теперь мы имеем уже значительные запасы овощей, но масла очень мало и оно – шестьсот рублей кило, так что купить трудно, барахло продается нелегко, но все же, если бы привезти кое-что из Москвы, то это сыграло бы положительную роль. Нам выдали около десяти кило какао-бобов, я их ручным способом чищу и мелю на мясорубке, затем можно просто варить какао, которое от обычного отличается большим содержанием жира, можно также изготавливать шоколад, прибавляя мед или сахар. Зато мяса, рыбы и масла нам вовсе не дают, карточки за сентябрь на эти продукты аннулировали, ничего не дав. Именно ненадежность снабжения вызывает тревогу за зиму. Математикой уже занимаюсь, но еще мало, сильно устаю после болезни. На днях получил письмо от Л.Вольфензон, она жалуется на отсутствие писем от Вас и, спрашивает, чем Вам плохо. Ее мечты о возвращении в Москву несколько умерились, и она допускает мысль, что придется остаться в Свердловске на зиму. Уже писал Вам, что В.Г.У. находится в Елабуге, здесь недалеко. Писал также, что женился Колмогоров. Это я повторяю для надежности. Шлю Вам всем привет. Лева.

9/11/42. Казань

Дорогой Изя,

сейчас получил Ваше письмо, начатое 19/10. Все-таки очень плохо Вам живется. Аналогичные сведения получаю от одной бывшей моей студентки, которая теперь учительницей в деревне, впрочем, у нее, кажется, благополучно с начальством. Неразборчивое место в Вашем письме, о котором писал Вам, Тасе удалось разобрать, оно относилось именно к Вашему школьному начальству. Гринблюмы живут близ Ташкента, я с ними не переписываюсь, но знаю о них от Аси. Макс преподает в школе, Мак работает трактористом, а Витя, по-видимому, не работает. Живут они очень плохо, в общей избе с большим количеством детей, очень голодно, Макс стал совсем стройным и говорит, что отвык есть, Витя совсем одичала и выглядит старухой. Вот все, что я знаю. От Любы Вольфензон получил недавно письмо, она очень просит Вас написать ей, адрес дам ниже. Живет она довольно благополучно, но надежды на переезд в Москву оставила.

На днях мы с Тасей едем на юбилейную сессию академии в Свердловск, это нас радует, в Свердловске – М.Г.У., встречу с товарищами. Петровский пишет, что в результате трех эвакуаций (из Москвы, из Ташкента, из Ашхабада) их жизнь совершенно расстроилась, почти не занимаются, и университетское имущество находится в плачевном состоянии. Из Свердловска надеемся проехать на неделю в Москву, уже имею командировку от академии, но нужно разрешение Н.К.В.Д., его здесь получить до отъезда не успею, а хочется поехать прямо из Свердловска, так как здесь только транзитные поезда. Впрочем, совсем не очевидно, что разрешение вообще удастся получить. Въезд в Москву становится всё более и более затрудненным, слишком много теперь желающих отправиться туда, и приходится с этим бороться. Наша жизнь после тяжелого периода сентябрь-октябрь понемногу налаживается. Мы сделали все запасы, какие могли – овощи, дрова, замазали окна, в общем, подготовились к зиме, как могли. Электричество у нас не надежно, и есть нормы, так что готовим теперь на маленькой железной печке – это довольно тяжело, зато быстро. Пока у нас еще есть немного керосина, так что, когда не бывает электричества, зажигаем лампу или коптилку, смотря по надобности. Мама и Тася в основном здоровы. Я пока еще чувствую себя неуверенно, после воспаления температура прыгает, но силы постепенно восстанавливаются. Непосредственно после болезни было плохо с продуктами, но сейчас перебои в снабжении ликвидировались. Я уже занимаюсь математикой.

О жене Колмогорова знаю только, что она его сверстница, товарищ по школе. Следует сообщить Вам еще, что директором М.Г.У., кажется, скоро назначат Соболева, прежний был очень вредный, я имею в виду Орлова, Бутянин же был снят с должности во время эвакуации за то, что бежал впереди университета. Теперь он преподает методику математики в Алма-Ате. Адрес Любы Вольфензон: Свердловск, Шейномана, д. 19, кв. 62. В нынешнем году опять получил приглашение читать специальный курс в Казанском Университете. Конечно, это совсем не то, что до войны, здесь меня слушают не студенты, а почтенные преподаватели, и не поймешь что это, в порядке вежливости или же действительно хотят узнать что-нибудь от меня. Все же я доволен. В общем, живу я не очень плохо, но главное, на чем держится жизнь, это ожидание, когда кончится война. По сравнению с прежней жизнью – отвратительна, и это не только, конечно, благодаря материальным лишениям. Самые бодрые письма я получаю от Брушлинского, он в Ташкенте, преподает в

военном вузе, много работает и очень уверенно и спокойно смотрит на будущее, особо больших лишений, по-видимому, не терпит и теперь.

Ленинградские математики разбросаны в разных местах. Марков, Фаддеев, Линник здесь, Тартаковский тоже был здесь, но уехал в Баку уже давно. Смирнов, кажется, в Уфе, другие где – не знаю. Янчевский умер в Ленинграде, Левинсон или попал к немцам под Ленинградом или умер. Ефремович мне писал, но уже давно, здоровье у него плохо, боюсь, что он не выдержал или не выдержит. Из молодежи некоторые пропали – Рохлин, Глезерман, Веденисов. Привет. Лева.

8/12/42. Москва

Дорогой Изя,

я, наверное, писал Вам, что имею намерение отправиться в Москву, теперь это намерение реализовано. Еще 11 ноября мы с Тасей поехали на сессию АН в Свердловск, а оттуда направились прямо в Москву. Разрешение на поездку получили без труда. Сюда приехали 23 ноября и до сих пор здесь, хотя имели намерение оставаться в Москве очень мало.

Приехав сюда, мы обнаружили, что квартира и вещи наши в полном порядке и что здесь вполне можно жить. Квартира слегка отапливается, градусов на десять, но можно немного подогреть, газ и электричество действуют бесперебойно. Очень приятно пожить дома, и становится непонятным, почему нам нужно жить в Казани. Все, живущие в Москве, усердно уговаривают меня переезжать сюда совсем, при этом они утверждают, что все, кто этого сильно хочет, добивается так или иначе возможности перебраться сюда, конечно, если есть где жить. Некоторые живут без прописки подолгу, в конце концов, получают постоянную прописку. Сперва мысль о возвращении уже теперь показалась мне слишком неожиданной, постепенно я к ней привыкаю и все больше склоняюсь к мысли, что нужно стараться остаться в Москве. Конечно, имеется масса трудностей как в вопросе о разрешении, так и с перевозкой всего нашего барахла. Имеется, конечно, и некоторый риск, хотя бы в том, что, если наши удобства перестанут действовать здесь, например, прекратится отопление, то мы можем просто замерзнуть или ужасно мучиться, как мучаются многие в Москве. Нужно, однако, сказать, что и те, которые мучаются, все же не хотят никуда ехать и радуются, что в свое время остались, да они и правы. Разница между Москвой и другими городами все та же, какая была до войны, а для постоянных жителей Москвы, эвакуированных в другие города, она еще разительнее. Что касается работы, то здесь,

как Вам, вероятно, писал, имеется некоторый филиал нашего института, где можно работать. Университет здесь в загоне, т.е. студентов мало, а профессоров более чем достаточно, так что приткнуться туда невозможно, хотя я и остаюсь профессором университета, только имею бесплатный отпуск. Вспоминаю Ваши рассуждения о том, что наши научные деятели стремятся сохранить видимость своего значения и потому едут в Москву. Желание ехать в Москву объясняется не этим, а просто стремлением быть опять дома. Что же касается того, буду ли я здесь кому-нибудь мешать, то мне кажется – нет. Ведь самое главное – моя квартира все равно содержится в полной готовности к моему возвращению и никем не заселяется. Впрочем, всякие рассуждения – ничто перед стремлением людей вернуться к себе на родину и на место постоянного жительства из эвакуации, помешать этому можно только силой. Когда мы ехали сюда, то были свидетелями того, как возвращаются люди без всякого разрешения, и при этом они окружены сочувствием всех, вплоть до проводников вагона. Наша проводница давала советы о том, как можно прятаться, одной такой девочке.

В Свердловске я провел время очень приятно. Встретился с работниками университета, в том числе, Курошем. Все они там очень измучились и рвутся в Москву. Настроение у них плохое и работают плохо, только Курош по-прежнему руководит там несколькими семинарами. Другие мало что делают. Степанов жалуется, что он голодает. Зато там есть студенты и, если переезд в Москву теперь не выйдет у меня, то буду ездить в Свердловск из Казани читать лекции в М.Г.У.

В Свердловске встречался с Любой, на первый взгляд она не изменилась и физически чувствует себя хорошо, но все же и с ней произошли какие-то перемены, ей живется плохо, хотя, конечно, лучше, чем многим другим. Ее отец и муж – в Москве и она, конечно, о них скучает.

На сессии центром внимания была пища, кормили нас там чрезвычайно даже сточки зрения довоенной, а теперь это приобрело особую актуальность. Боюсь, что это иногда даже мешало работе сессии, так я один раз почти целиком пропустил доклад Соболева о развитии сов. мат. за двадцать пять лет, благодаря тому, что задержался за завтраком. В общем, никаких существенно интересных вещей на сессии не было. Даже политические доклады, которые делались ответственными гражданами, не содержали ничего нового, что так хотелось бы услышать.

В Москве у меня чрезвычайно снизилось непосредственное ощущение войны, главное, чем она меня угнетает непосредственно – это эвакуация. Как было бы замечательно, если бы удалось с ней покончить. Здесь мне тепло при тринадцати градусах, а в Казани я замерзаю при шестнадцати.

Простите за многочисленные опечатки. Машинка не моя, взята на время из академии. Шлю Вам всем сердечный привет.

19/1/43. Казань

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от 2/1. В нем опять не все можно было разобрать. Вам писал еще из Москвы, но не помню когда, ясно, что письмо это запоздало, но возможно еще дойдет до Вас. Относительно возможной Вам помощи пока приходят в голову следующие предложения: можно поступать к нам в докторантуру, правда, время несколько упущено, так как прием уже производился раньше, но все же можно попробовать. Об этой возможности я писал Вам когда-то очень давно. Нужно, однако, иметь в виду, что для семейного докторанта жизнь у нас отнюдь не сладкая, главная трудность – это жилище. Нине по специальности работу здесь будет найти, пожалуй, невозможно, но, какую-нибудь, вероятно, можно. Для Нины возможно, вероятно, поступить в аспирантуру М.Г.У., но это я толком не знаю, во всяком случае, поддержку оказать могу. Я теперь профессор университета с обязательством ездить в Свердловск, куда и предполагаю поехать в конце февраля. Где находится К.В.Ш., сейчас не знаю, напишу через несколько дней. Тогда же и насчет докторантуры более определено. Относительно работы в вузах сейчас ничего не знаю, во всяком случае, в Казани работы нет. Насколько заметил, в Свердловске работу достать не трудно. Во всяком случае, почти все работники университета совмещают там в Индустриальном институте, точно также и аспиранты. Вот пока все мои соображения, но надеюсь написать в ближайшие дни. Если склонны к докторантуре, то пишите и шлите немедленно заявление, а там будет видно. Из Москвы я уже писал Вам, что были мы с Тасей в Свердловске несколько дней и прямо оттуда отправились в Москву. Вся эта поездка была огромным событием в моей жизни. Ее основной вывод заключается в том, что для возвращения в Москву, вернее для попытки такого возвращения, нет надобности ждать окончания войны и реэвакуации академии, а можно стараться уехать до этого, конечно, тут большие трудности, но не такие уж трансцендентные. Жить в Москве можно, квартира наша в исправности, правда, очень холодно, но зато просторно и приятно быть дома. Имеется электричество и не нормированный

газ, последним можно отеплять комнату: я провел по резиновой трубке и установил горелку в столовой, где мы жили с Тасей, получилось градусов пятнадцать. Действует также канализация и водопровод. Я так подробно на всем этом останавливаюсь потому, что как раз на днях у нас в Казани кончилась вода, затем электричество, а затем возникла угроза канализации. Жизнь здесь, в Казани, после Москвы кажется особенно отвратительной. В Свердловске университетские живут весьма неважно, но в жилищном отношении сравнительно сносно. Настроение у них у всех плохое, все рвутся в Москву и мечтают, что день возвращения уже не так далек. Несмотря на всю мою осторожность в суждениях такого рода, я под влиянием успехов на фронтах тоже начинаю помышлять о возможности весьма фундаментальных успехов с нашей стороны. То, что происходит теперь, несомненно, гораздо значительнее событий прошлой зимы. Очень хочется думать, что война, быть может, окончится еще в этом году. Наше пищевое положение в этом году гораздо более твердое, чем в прошлом. Снабжение хотя и скромное, но регулярное, кроме того, у нас имеются значительные запасы, главным образом, благодаря огороду. Наша поездка, продолжавшаяся полтора месяца, дала чрезвычайную экономию в пище. Дальнейшие поездки, если они произойдут, будут иметь тот же эффект. Таким образом, мы обеспечены грубой пищей, масло тоже есть. Почти не имеем мяса, но это, конечно, пустяк. Благодаря болезни в сентябре и октябре, а затем поездке, за последнее время очень мало занимался, но теперь начал опять. Скоро буду писать Вам опять, пишите и Вы почаще, для меня каждое полученное письмо доставляет радость. Шлю сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Мама с Тасей также. Л.

21/1/43. Казань

Дорогой Изя,

хочу добавить несколько слов к написанному третьего дня. В связи с окончанием докторантуры Бокштейном, здесь были получены предложения работать в педвузах следующих городов: Рязань, Чита, Красноярск. Если считаете это сколько-нибудь подходящим, то напишите непосредственно туда. Думаю, достаточно будет написать название города и приписать Педагогический Институт, так дойдет. Они хотели туда доктора, но, возможно, захотят и Вас. Сегодня или завтра я напишу Кафтанову в Москву по поводу Вас. Вот и все, что хотел прибавить.

Шлю привет. Лева.

4/3/43. Казань

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо от (отсутствует). Очень жаль, что к тому моменту Вы еще не получили моего письма из Казани. Я сообщал Вам о некоторых моих шагах в направлении помощи Вам. Я писал Кафтанову, но, к сожалению, до сих пор ответа не имею. Сверх того сообщал Вам, что некоторое время назад были свободные должности в Рязанском и Красноярском педагогических институтах, и советовал Вам обратиться туда непосредственно. Насколько могу судить по разговорам, места работы в вузах есть, но благодаря моей удаленности от центральных органов и благодаря чрезвычайной суете, которая теперь, как говорят, происходит в Наркомпросе, очень трудно добиться толку. Гельфонд говорит, что суета происходит, благодаря предполагаемому возвращению многих вузов, в том числе, кажется, и М.Г.У. Теперь я решил просить Александра попытаться путем непосредственного контакта с начальством добиться для Вас какого-либо успеха и буду ему сегодня писать. Работа почты за последнее время так ужасно испортилась, что просто невозможно ей пользоваться для делового общения, Впрочем, в Москву я воспользуюсь оказией. Добиться для Вас места в вузе представляется мне вполне возможным, но все идет страшно медленно. Вы напрасно удивляетесь, что я не спешу в Москву. Хотя там и очень приятно, но переезжать туда зимой было бы не разумно. С пищей там не блестяще и втроем было бы трудно без наших здешних запасов, которые почти невозможно перевезти. Сверх того – холод и, по имеющимся у меня сведениям, он весьма усилился в нашей квартире после нашего отъезда, так что мой дядюшка живет в кухне и отапливается газом, а представьте себе, что газ прекращается, что тогда делать? Здесь у нас совершенно достаточно дров и большое количество овощей с нашего огорода, мы сыты и нам тепло, а Москва от меня не уйдет. На днях получил письмо от Любы, она все еще в Свердловске, и я удивлен, она не имеет, кажется, столь благоразумных установок, как я, а ее желание попасть в Москву, и предприимчивость ее семейства в целом очень велики. Шлю Вам сердечный привет. Буду стараться сделать для вас, что могу, надеюсь, что и Александров с искренней охотой постарается. Привет Нине и Шурику. Л.

5/3/43. Казань

Дорогой Изя,

вчера как раз написал Вам и сразу же после этого получил Ваше письмо с сообщением, что у Вас имеются шансы на получение работы в Омске и с просьбами ко мне в связи с этим. Я

еще не принял решения относительно того, что я могу предпринять. Отзыв я, конечно, напишу, но только от своего имени, так как Александров в Москве. Писать в Обл. ОНО от своего имени мне кажется не слишком целесообразным, а Соболева нет. Насколько я понимаю, только он мог бы написать или, вернее, подписать убедительное заявление на предмет Вашего не задержания в средней школе. Написать такое письмо от имени академии или института невозможно, так как Вы к этим организациям не имеете никакого отношения. Соболев же вернется из Москвы не раньше середины марта. Даже если бы он был здесь, мне было бы довольно трудно заставить его подписать соответственное письмо, поскольку Вас пока еще не задерживают, а Соболев все же старается, по возможности, отвитьнуть от всякого подписывания. Вариант же ожидания приезда Соболева тоже не слишком хорош, так как это берет время и не исключена возможность, что я за это время уеду в Свердловск. Ввиду всего этого я просто еще не знаю, что смогу предпринять, не считая, конечно, писания и посылки Вам отзыва. На всякий случай давайте условимся, что в случае, если Вас действительно не будут отпускать, Вы пошлете мне телеграмму. Это отнюдь не исключает каких-либо моих действий до ее получения, если только что-либо можно будет предпринять. Конечно, я уже сейчас мог бы написать в Обл.ОНО от себя, но какое это может иметь значение, и не ясно еще какое действие такое письмо может оказать ввиду того, что Вас пока еще и не задерживают. Я совершенно согласен с Вами в том, что задерживать, вероятно, будут, но не в том дело. Во всяком случае, в ближайшие дни пришлю Вам письмо с отзывом и тогда дополнительно сообщу о том, что делаю. Очень желаю Вам успеха в Вашем предприятии. Шлю сердечный привет Вам и Нине. Лева.

10/3/43. Казань.

Дорогой Изя,

уже несколько дней назад писал Вам в ответ на Ваше письмо с просьбой помочь вам выбраться из деревни. Я уже сообщал Вам в нем, что Александрова, а главное, Соболева нет в Казани, и потому я не имею возможностей предпринять какие-либо действия, чтобы принять предварительные меры на предмет Вашего не задержания в средней школе. Как это ни печально, но, по моему мнению, невозможно писать в Обл.ОНО раньше, чем Вам будет действительно отказано. Во всяком случае, сейчас я вообще туда ничего не могу написать, так как мое обращение на этот предмет ничего не может дать положительного, и не исключена возможность, что произведет отрицательное действие.

Одновременно с этим письмом шлю вам телеграмму с предложением телеграфно известить меня в случае задержания на работе. К тому времени, когда Ваша телеграмма сможет придти, Соболев, вероятно, уже вернется и, даже в случае моего отъезда в Свердловск он напишет в Обл.ОНО, во всяком случае, я оставлю ему письменную просьбу сделать это, и мама его попросит. Отзыв о Вас прилагаю к этому письму. Из-за него я и задержался с этим письмом, так как задержали с перепиской в академии, а я хотел иметь его переписанным без помарок.

Все последнее время я усердно занимался математикой и был в хорошем настроении. Вчера закончил работу, которой доволен. К несчастью, сегодня радио принесло опять мрачные сведения с фронта и, конечно, это подавляет все. Много говорят, о возвращении академии в Москву, но, боюсь, что это – несерьезная болтовня. Желаю Вам удачи. Пишите. Привет Нине.

15/3/43. Казань.

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше второе заказное письмо с убедительной просьбой действовать немедленно. По этому случаю я принимаю следующие меры. Отправляю письма в ВКВШ, далее письмо в Обл.ОНО в Петропавловск, далее письмо директору Вашей школы с приложением копии письма в Обл.ОНО, копию этого письма к директору прилагаю к этому письму для Вас. Далее, я прошу Соболева написать в Наркомпрос Казахстана или в Обл.ОНО. Письмо в ВКВШ и к Соболеву заберет с собой в Москву Гельфонд, который туда уезжает в ближайшие дни, это будет скорее, чем по почте. На днях я послал Вам телеграмму с просьбой телеграфировать мне, если Вас не будут отпускать, телеграмму послал срочную, так что Вы ее должны были уже получить. Надеюсь, что это, по меньшей мере, информирует Вас о месте моего пребывания.

К этому письму приложу еще второй экземпляр отзыва, первый был послан с неделю назад.

Сегодня целое утро занимался писанием по Вашему делу и потому уже не имею сил продолжать это письмо.

Желаю Вам успеха и шлю привет Вам и Нине. Лева.

?/3/43. Казань.

Дорогой Изя,

три дня назад приехал сюда Соболев, вчера он уже отослал Наркому Просвещения Казахстана письмо относительно Вас, где указывает на нецелесообразность задержания Вас на работе в Школе. Приблизительно неделей раньше я писал Вам и сообщал, что сам написал в Обл.ОНО и директору школы, а также

в ВКВШ. Думаю, что Соболевское письмо покрывает всё предыдущее, и действие будет достаточное. Надеюсь, что все это не будет слишком поздно или, в крайнем случае, пригодится на будущее. Телеграмму, из которой Вы можете, по крайней мере, узнать, что я в Казани, послал Вам уже давно. Она была срочная. Соболев привез важную новость – согласно имеющемуся плану возвращения в Москву академии, наш институт должен вернуться в первой половине мая, я страшно рад. Конечно, могут быть задержки и, возможно, даже большие, если что произойдет непредвиденное, но все же приятно иметь впереди надежду, связанную с определенным решением и определенным сроком. Вы, быть может, не имеете известий, так вот в номере от 24/3 имеется статья Кафтанова по поводу новых лауреатов, где сказано: "Ученик маститого ученого Кагана, молодой ученый, профессор Александров сам является основателем топологической школы". Премии получили он, Бухгольц и ряд лиц того же рода. На меня это произвело сильнейшее впечатление. Картина – совершенно довоенная и даже гораздо ярче. Несмотря на страшные события нашего времени, все остается по-прежнему. Знаете ли Вы, что Бутагин снова назначен ректором М.Г.У. Это просто символично. К крайнему моему сожалению, Петровской премии не получил. Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Привет Нине. Лева.

7/4/43. Казань

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо от 3/3. Вы живете, словно в преисподней: письма ходят к Вам больше месяца, да и в такой срок доходят, по-видимому, не все. Одновременно с письмом Кафтанову, ответ на которое Вы уже получили (предложение работы в Борисоглебске), я, конечно, написал Вам об этом письме, но Вы ничего не получили от меня. По поводу того, чтобы Вас отпустили работать в вуз, я сделал все, что мог. Написал в КВШ, директору Вашей школы, в Обл.ОНО и, сверх того, Соболев написал в Ваш Наркомпрос. Обо всех этих мерах я сообщал Вам в нескольких письмах и телеграфировал срочно. Вообще почта стала работать теперь скверно, я получаю мало писем, но с Вами делается что-то уж совершенно безобразное.

Я уже писал Вам, что имеется решение Правительства, согласно которому Академия переводится в Москву. По плану наш институт должен выехать в конце мая. Я очень рад этому и надеюсь, что до того времени не произойдет никаких событий, препятствующих переезду. Хотя я, несомненно, мог бы поехать в Москву и без общей эвакуации, но технически это было бы очень трудно, да и не решился бы я, вероятно, на это, ввиду

некоторой рискованности предприятия. Теперь же мне не нужно принимать решения, даже при желании я не мог бы остаться здесь, разве что совсем поступив в здешний университет.

С самого начала этого года я усердно занимаюсь математикой, сделал одну работу по теории операторов и начал ее писать, а тем временем уже начал другую. Занимаюсь с большим удовольствием и помногу.

Сюда приехал Мейман. Раньше он работал в нашем институте, но уехал из Москвы не с ним. Теперь он хочет поступить обратно, но дело это не клеится, хотя два месяца назад Соболев и обещал принять его, и именно поэтому он приехал сюда. Теперь положение Меймана весьма критическое.

Наша жизнь в бытовом отношении не изменилась. Пищи у нас вполне достаточно, мы все еще не съели наших овощей. Огород для нас сыграл весьма важную роль, и было бы весьма ценно, если бы удалось его устроить этим летом в Москве, боюсь только, что, как всегда, план будет выполняться с опозданиями: мы не успеем посеять овощи.

Пока до свидания. Привет Нине и Шурику. Лева.

Только что получил Ваше письмо от 23/3. Очень рад за Вас. Скоро напишу еще.

29/4/43. Казань

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с благополучным прибытием в Омск. Очень рад, что Вы довольны началом. Ваше пребывание в Изюме было тяжким, можно только утешать себя тем, что все члены Вашей семьи живы и здоровы. Вчера получил Ваше письмо из Омска, написанное через две недели по прибытии туда – это первое письмо из Омска. Уже довольно давно получил Ваше письмо из Петропавловска и сразу же переадресовал только что написанное письмо на Омск.

Главное событие у нас – это предстоящий отъезд в Москву, для нашего института уже назначен срок 16/5, поэтому ближайшие письма нужно посылать одновременно в Москву и сюда, если есть копирка, то пользуйтесь ею. Я говорю так потому, что не могу гарантировать отъезда. Мой московский адрес Б.Калужская, 13, кв. 8.

Все последнее время чрезвычайно усердно занимаюсь математикой. Закончил работу по операторам и в значительной части написал ее, но не кончил писания, так как увлекся новой темой, теперь работа по ней тоже успешно продвигается к концу. Когда закончу, напишу вам результаты. Занимаюсь так много и

усердно, что ничего больше не делаю и сильно устал, поэтому и письмо короткое.

Отъезду в Москву все мое семейство очень радо. Однако не все реагируют так. Многие боятся возвращения и хотели бы остаться. На днях получил письмо от Лефшеца, это было очень приятно. Он уверяет, что США с исключительной интенсивностью и полнотой поглощены войной, в частности, многие математики оставили свою нормальную работу и занимаются военной. Шлю Вам сердечный привет. Недавно получил письмо от Нины, она сообщает о Вашем отъезде и о получении моих писем. Лева.

20/5/43. Казань

Дорогой Изя,

я уже имел от Вас известия из Омска и ответил на Ваше письмо оттуда. В самые ближайшие дни первая часть нашего института выезжает в Москву. Я пока не еду туда совсем, а отправляюсь только в командировку с Тасей. Мама остается здесь. Июль мы предполагаем провести в доме отдыха под Казанью, на Волге, там же, где и в прошлом году. Там очень хорошо. Мы решили, что будет благоразумнее отложить полное возвращение в Москву, но огород мы будем устраивать там сразу же по приезде, кроме того, у меня в Москве имеются разные другие, в том числе, математические дела. Последнее время я занимался очень мало, так как имел разные переживания по поводу предстоящего отъезда, главное, мне было очень трудно решить, ехать ли уже совсем в Москву, остаться ли пока всем здесь или поехать на время и оставить здесь маму. Было очень жаль оставлять маму одну, хотя материально она здесь и будет полностью обеспечена, но, в конце концов, пришли к этому решению, как наиболее благоразумному. Виноградов с семьей пока задерживается здесь, его сестра больна, да и без того он считает, что здесь пока лучше. Мы все здоровы, шлем Вам и Нине привет. Надеюсь, что Нина уже с Вами или скоро прибудет. Лева.

Вчера через Казань проследовал в Москву М.Г.У.

15/8/43. Москва

Дорогой Изя,

мы тринадцатого, наконец, окончательно прибыли в Москву. Здесь я нашел Ваше большое письмо. Очень рад, что основные жизненные проблемы Вам удалось разрешить. Пишу пока кратко, так как по приезде должен написать многим. У нас в Москве тоже есть огород – 250 м. картошки и немного редьки. Снабжение здесь вполне хорошее и рыночные цены не выше, а скорее ниже казанских, так что в пищевом отношении мы будем вполне обеспечены. Мама очень рада нашему возвращению, мы

же с Тасей пережили это по частям, ведь мы уже третий раз в Москве. Я не болен, но чувствую себя скверно, просто физическая слабость – это вряд ли последствия недоедания, скорее результат постоянного нервного напряжения в военное время. Не знаю, будет ли здесь какое-либо спокойствие. Уже около двух месяцев не занимаюсь математикой, а первую половину года занимался очень усердно. Привет.

28/8/43.

Дорогой Изя,

сейчас только получил Ваше письмо от 16/8, а перед тем было еще одно большое письмо в Москву, на которое я ответил Вам только открыткой. Письмо, посланное Вами в Казань, пропало – я тогда был в Москве, и мама переслала его с Соболевым, а он потерял всю пачку, не только Ваше.

Очень рад был услышать, что Вы надеетесь начать заниматься математикой, очень бы мне хотелось, чтобы Вы опять стали заниматься. Конечно, условия жизни у Вас чрезвычайно тяжелы, пожалуй, мало, кто из моих знакомых испытал так много во время войны, как Вы. И все-таки хотелось бы надеяться, что Вы снова начнете заниматься. Во-первых, это очень приятно, а во-вторых, и чрезвычайно выгодно. Я сужу по себе: никакая педагогическая работа не дала бы мне таких жизненных успехов, как математика. И это верно, каковы бы ни были масштабы работы. Теперь расскажу, как мы прожили все последние месяцы. После декабрьской поездки в Москву у меня резко изменилось настроение: ранее оно было довольно безнадежное в смысле дальности того времени, когда можно будет вернуться домой. Побывавши же в Москве, я вновь с несомненностью почувствовал, что она существует, и что здесь не только можно жить, но и гораздо лучше, чем в изгнании. С того времени я уже нетерпеливо стал ждать возвращения, при этом считал, что возвращение академии, возможно, состоится еще очень не скоро, но что можно будет, набравшись решимости вернуться независимо, как делали другие. В апреле начали распространяться слухи, что академия будет возвращаться в течение лета. Тогда они показались мне совершенно неправдоподобными, но вот все определеннее и определеннее стали говорить о решении правительства и, наконец, объявили официально. Сперва меня охватила радость, но потом под влиянием слишком осмотрительных товарищей я впал в колебания и из-за них не решился полностью перебраться в Москву вместе с институтом в мае. Тогда мы оставили часть барахла, подавляющую часть, и отправились с Тасей в Москву. Здесь приводили в порядок квартиру, посадили двести пятьдесят

метров картошки, страшно замучились от неорганизованной жизни и постоянной спешки. До этого я с самого начала года чрезвычайно усердно занимался, а к концу июня совсем выбился из сил, заболел гриппом и не могу оправиться как следует до сих пор. Живя в Москве, я очень беспокоился о маме и, наконец, двенадцатого июля мы отправились обратно в Казань в весьма неопределённом настроении относительно времени окончательного возвращения. Настроение было столь неопределённо, что даже поволокли обратно в Казань мою машинку, которая весит пуда полтора. Приехав в Казань, обнаружили, что выехать оттуда можно не раньше, как через месяц, так как нет эшелона, да, сверх того, мы были столь измучены, что не могли бы сразу предпринять грандиозную работу по организации полного возвращения. Тогда решили отправиться в дом отдыха в Шалангу, где были прошлым летом, но оказалось, что ехать всем вместе невозможно, так как не на кого оставить барахло. Решили ехать с мамой, и Тася осталась на две недели одна стеречь барахло. Время в доме отдыха провели отвратительно, страшная жара, изводившая нас в Казани, внезапно сменилась дождями, которые сделали невозможными прогулки, так что мы целыми днями сидели в мерзкой хибарке, у которой текла крыша, и подмокал пол, так как лежал прямо на земле. Кроме того, корм был совершенно омерзительный. В это время мы уже ясно понимали, что вся наша езда взад и вперед была напрасной перестраховкой. Наконец, мы с радостью узнали, что эшелон отправляется десятого, в действительности он выехал одиннадцатого, и тринадцатого мы прибыли в Москву. Доехали вполне благополучно. Около недели потратили на организацию жизни, и теперь дома – полный порядок. Как это ни странно, я не ощутил почти никакой радости, теперь полностью перебравшись в Москву. Раньше этот день казался мне чуть ли не самым счастливым в жизни, а теперь я живу дома и не только не испытываю острой радости, но ощущаю, что нервы у меня совершенно растрепаны, сплю в ночь не больше четырех часов, раздражаюсь из-за всякой мелочи и т.п. Думаю, что это из-за плохого физического состояния, которое надеюсь скоро наладить. Пищей мы здесь обеспечены полностью и в полном изобилии, но самый процесс получения ее в магазинах столь трудоемок, что вот еще дней десять, как Тася каждое почти утро отправляется в какой-нибудь магазин и возвращается часам к трем. Мама и Тася очень довольны своим существованием, я же не то, чтобы не доволен, но чувствую себя плохо. С первого на две недели мы

поедем в подмосковный Дом отдыха Узкое, где обещают хорошо кормить.

Университет тоже вернулся в Москву в конце мая, таким образом, все математики, за малыми исключениями, в Москве, кстати, Курош просил передать Вам привет. С людьми, однако, встречаюсь мало: все страшно задержаны и заняты. Любопытное явление происходит с некоторыми нашими учеными, у которых жены работают. Так как работа у них такова, что им нужно ходить на службу, а у самих почтенных ученых этого нет, то ученые деятели буквально превращаются в домохозяек. Так обстоит у Хинчина и Колмогорова. Колмогоров очень жалобно говорил мне, что он, конечно, понимает, что его супруга служит и устает и что ей нужно помогать по хозяйству, но, с другой стороны, на службу можно ходить и в утомленном виде, а заниматься математикой в таком состоянии совершенно невозможно. Ввиду этого он намеревается снять свою жену с работы.

Университет теперь совершенно не работает. Только теперь начинается прием в аспирантуру, довольно много кандидатов, но хороших не слишком много.

Наши успехи на фронтах совершенно замечательны, но союзники ведут себя, как совершенные подлецы. Я в последнее время проникся уверенностью, что только силой можно их заставить открыть второй фронт, но мне неясно, каковы возможности у нас оказывать на них давление. Если бы они взялись за дело, то война, возможно, закончилась бы совсем быстро, но над ними не каплет и им спешить некуда.

Ну вот, я написал вам огромное письмо, принимая во внимание, что за сегодняшнюю ночь я проспал только два часа, это настоящий подвиг. Шлю сердечный привет Вам и Нине с Шуриком. Мама и Тася присоединяются к нему.

Кстати, проблема зимнего холода весьма актуальна и для нас. Топить будут, вероятно, градусов на восемь, а подтопить нашу квартиру дальше газом и электричеством вряд ли возможно, печку же ставить некуда, дымохода ни одного. Привет. Лева.

6/11/43. Москва

Дорогой Изя,

Вашу телеграмму из Горького я получил и сразу же ответил Вам, но звонка не последовало, как видно телеграмма запоздала. Хотел поговорить с Вами по делу, теперь приходится писать. Сейчас у нас в Математический институт А.Н. происходит прием докторантов, сроки здесь не играют роли, прием, вероятно, будет происходить по мере появления подходящих кандидатов. Если бы Вы захотели поступить в докторантуру, Ваша

кандидатура была бы хорошо поддержана многими членами совета института, и я почти совершенно уверен, что Вы были бы приняты. Обязанность докторанта заключается в том, чтобы заниматься научной работой и в три года сделать докторскую диссертацию. Докторант получает стипендию рублей семьсот-восемьсот и нормальный паек научного работника, что в Москве довольно неплохо. Можно, конечно, получить и дополнительную педагогическую работу. Весь вопрос заключается в жилище. Академия не только его не предоставляет, но еще требует справку о том, что Вы так или иначе можете устроиться с жильем, и только тогда посылает вызов. Я говорил по этому поводу с Софьей Савельевной (Она предполагает, что Вы, быть может, могли бы поселиться у своей тети вместе с Ниной и Шуриком. Вопрос этот выяснять, конечно, должны уже Вы сами. Для меня Ваше присутствие в Москве было бы очень желательно и приятно, так как я имел бы квалифицированного собеседника на математические темы.

Я сейчас занимаюсь отвратительной деятельностью – изучением докторской диссертации Юлии Антоновны Рожанской, жены Степанова. Так как диссертация не годится, то она требует тщательного изучения. Это – весьма отвратительное сочинение, с гнусными громоздкими определениями, с массой мелкого вранья и с малым математическим содержанием, но вот уже две недели я на него потратил и еще придется потратить столько же. Я эту гадину готов избить: вместо того, чтобы заниматься математикой, мне приходится тратить время и силы на изучение ее испражнений, не могу иначе высказаться.

Наша жизнь в Москве идет, конечно, на уровне гораздо более высоком, чем в Казани, но разных бытовых забот здесь тоже очень много. У нас в квартире – очень хорошо, уже слегка топят и потому тепло, хорошо горит газ и бесперебойно действует электричество, причем для академиков и членкоров оно не лимитировано. С другой стороны, большая квартира требует большого ухода. Кормят нас совершенно достаточно, но приходится много времени тратить на езду в распределители.

Мехмат еще не начал работать нормально, так как здание, поврежденное бомбой, еще не отремонтировано, но ремонт идет и есть надежда, что к началу второго семестра мы вселимся домой. Я еще не начал читать лекции, однако полагаю скоро начать курс комбинаторной топологии. У меня имеется одна аспирантка.

В Москву прибыла Люба Вольфензон и нанесла нам визит. Просит передать Вам привет.

Сейчас мы все здоровы, только у меня остатки гриппа. Тася была больна, пролежала две недели, но теперь уже совершенно поправилась.

Мы все шлем сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Пишите. Лева.

5/12/43. Москва

Дорогой Изя,

только что получил Ваше письмо от 21/11. Очень рад был узнать, что Вы живете сравнительно благополучно. Жаль только, что Вам постоянно хочется есть, мы уже вышли из этого состояния. Наш быт, правда, отнюдь несовершенен, но конечно, ввиду военного времени, он очень благополучен.

В докторантуру у нас было подано двадцать восемь заявлений, число же мест приблизительно пять, но можно было его, в случае надобности, увеличить почти до десяти. Нам же не удается принять и пяти докторантов. Среди подавших заявление масса барахла, которое только загружает нас рассмотрением бумаг и работ. Я – председатель комиссии по приему докторантов, аспирантов и их руководству в институте А.Н., поэтому все хорошо знаю. Имеется, однако, несколько человек, довольно приличных, но одни не могут поступить, ввиду отсутствия жилищ в Москве, другие же – в Армии, и неизвестно еще, отпустят ли их оттуда. Пока приняли только Верченко. Имеется четыре военных кандидата, сравнительно достойных, это Шилов, Толстов, Козлов, Фомин. Хотели принять Волковысского, но ему негде жить. Любочку Мельцер (11) решили пока не принимать, пока приняли ее в заочную, так как нет уверенности в ее самостоятельности, посмотрим, как она себя проявит. Вопрос о жилище в Москве стоит исключительно остро. Мальцев, который блестяще закончил докторантуру, и теперь признан всеми выдающимся математиком, наряду с другими руководящими, такими, как, например, Плеснер, но, может быть, гораздо талантливее, до сих пор не имеет возможности получить от академии хотя бы койку в общежитии. Сейчас его временно поместили в самом здании института. Лаврентьев, который, благодаря небрежности (не платил за квартиру), потерял жилище, живет в гостинице как украинский академик и не имеет никаких шансов получить что-либо от нашей академии. Ввиду того, что Вы все равно откладываете время своего поступления на будущий год, я пока воздержусь от всяких высказываний относительно жилища для Вас: за несколько месяцев кое-что может измениться, но не думаю, чтобы можно было рассчитывать на академию. Самое лучшее, что здесь было бы возможно, это койка в общежитии, но и этого пока не

предвидится. Возможно, что с освобождением Ленинграда кое-что улучшилось бы, так как много ленинградцев теперь живет здесь. При поступлении в докторантуру требуется представить план работы диссертационной. Конечно, его в дальнейшем можно изменить, но план должен быть разумным. Часто чтение плана сразу же дает нам возможность сделать вывод о непригодности данного кандидата. Я пишу Вам об этом с тем, чтобы Вы могли серьезно подумать об этом и, если угодно, обсудить вопрос со мной.

Сразу же по приезде в Москву, я оказался загруженным разной текущей работой. Кроме диссертации Юлочки, у меня на отзыве докторская диссертация Эльсгольца, возможно, тоже мало пригодная и, следовательно, требующая внимательного изучения. Далее, я – председатель вышесказанной комиссии, а каждого кандидата мы изучаем весьма фундаментально. Довольно много всяких заседаний. Далее, начались лекции. В общем, для научной работы времени совсем не так много, как в Казани, а главное, силы у меня стали теперь слабые, физически я чувствую себя неважно – дохну все время. За последние дни дописал работу, которую сделал еще в начале этого года, работу о линейных операторах, я Вам о ней, наверное, писал. Подробно не пишу, так как это от Вас далеко. Затем написал заметку в ДАН "Некоторые топологические инварианты римановых многообразий". Когда выйдет, пришлю Вам. Это есть перевод на язык дифференциальной геометрии моей работы "Характеристические циклы многообразий". Я, конечно, посылал Вам оттиск. Также рассматривается тангенциальное отображение многообразия и изучается оно методом дифференциальных форм. Теперь в плане у меня стоит изучение топологических комбинаторных свойств пространства семейств линий на сферах различного числа измерений и, быть может, на многообразиях более общих. Эта задача возникает из вариационной, но увлекает меня и сама по себе, здесь я использую свой опыт по изучению топологических свойств конкретных многообразий, приемы, которые выработал при изучении групп Ли. Пока, однако, занимаюсь мало, так как почти каждый день какое-либо неотложное дело, и чувствую себя при этом весьма неважно.

Мне сейчас хочется восстановить свои физические силы, которые оказались порядочно подорванными, хочется заниматься математикой и начать вести хоть немного светский образ жизни, т.е. общение со знакомыми, которое раньше так много значило для меня. Пока мне это трудно, так как люди просто утомляют меня, и нет сил оживленно общаться с ними. Все же я уже встречаюсь с

людьми теперь гораздо больше, чем раньше. Два раза у нас была Любочка Волфензон. Она, как Вам вероятно известно, развелась со своим супругом и потому больше склонна к общению, впрочем, она тоже чувствует себя физически неважно и находится в значительном материальном упадке, так что даже туфель у нее нет, а ходит в каких-то босоножках. Мне казалось, что семейство ее сравнительно обеспеченное. Кстати, напишите, если знаете, подробности о ее разводе, я очень интересуюсь всякими сплетнями. Ее адрес приведу ниже. Многих моих друзей сейчас нет в Москве, другие утратили для меня прежний интерес, а возможно, что это от упадка сил. В общем, я не слишком доволен своим существованием. Адрес Любы В.: Метростроевская, д. 1/9, кв. 11.

Из домашних новостей, пожалуй, можно сообщить, что Тася решила возобновить свою деятельность по специальности, но так как, ввиду хозяйственных забот, поступить на работу ей невозможно, она поступила, вроде как, в аспирантуру в один энтомологический институт А.Н., точнее она прикрепилась к нему для подготовки кандидатского минимума и диссертации. Это дает ей возможность работать в тамошней лаборатории, притом в удобное для нее время и в размере, допустимом для нее. Я весьма одобряю это мероприятие.

Мама хотя и не больна, но чувствует себя не совсем хорошо, довольно нервно, и я собираюсь отправить ее в санаторий Узкое недели на две.

Наше здание университета сильно пострадало от бомбы. Теперь его ремонтируют и уже закончили все снаружи, но внутри, конечно, труднее и неизвестно, когда закончат. Поэтому ютимся в психологическом корпусе: там очень тесно, аудитории крошечные. Я, например, имею шестнадцать слушателей, но они не могут все сидеть в крошечной комнатке, которая предоставлена для моих лекций. Мне в этом здании особенно неудобно, к старому помещению я очень привык и чувствовал себя там, как дома, так как знал, где что находится, в новом же мне неприятно и трудно. Я прочел две лекции и не получил от них никакого удовольствия, страшно устал от дохлости, и время тянулось бесконечно долго. Готовиться было тоже трудно.

Относительно семьи Гринблюмов ничего решительно не знаю. Ефимов недавно был в Москве и посетил меня. Он пытался устроиться здесь, но возникают трудности, так как его вуз не отпускает его. Теперь он уехал обратно в Ташкент. Роза в Алма-Ате. Ася в Ташкенте и тяжело заболела малярией. Последнее письмо получил от нее месяц назад, она писала из больницы и

была очень несчастная. Мне ее очень жаль. Ее Фуксик, как видно, погиб, шансов на то, что он найдется, почти нет (12). Недавно, правда, отыскался один наш математик – Фролов, который тоже пропал в октябре 1941 в ополчении. Он, оказывается, попал в плен, где пробыл год, затем бежал и был с партизанами. Теперь обнаружился, когда Красная армия заняла Смоленщину. Но у Фуксика на такое спасение шансов меньше, так как он еврей, да и для русского такое спасение граничит с чудом.

Недавно Тася получила письмо из Анапы от своего брата и мачехи. Ее отца немцы угнали при отступлении, брат остался, так как у него туберкулез костей. Там угнали всех трудоспособных в возрасте до шестидесяти пяти лет. Получил еще письмо от своей тетки из Донбасса – у нее угнали внучку. Сколько погибло людей в нашей стране, даже представить себе страшно, и материальное разорение – ужасное, как удастся все это пережить? Теперь, когда миновала нависшая раньше угроза, начинаешь думать, что же будет после окончания войны, и невозможно представить себе этого. Конечно, будет лучше, чем теперь, но что именно непонятно, и кажется, что хорошо не будет, уж очень велико разорение, а заставить немцев восстанавливать вряд ли возможно. Наши союзники, конечно, меньше всего думают о благополучии нашей страны, и трудно себе представить, чтобы они помогли нам. Да и сейчас они не проявляют никакого благородства в отношении нашей страны.

Несмотря на войну и всяческие трудности, в математической среде процветают по-прежнему интриги. Ужасно неприятно ведет себя Соболев. По-видимому, не чувствуя себя уверенным в своем высоком положении, он всеми силами стремится захватить себе все почести и сделать вид, будто бы является вождем математиков, это доходит до мелочности и страшно всех раздражает. Он настолько не популярен, что его провалили на должность вице-президента мат. общества, раньше он был вице-президентом, более того, его не выбрали в правление, куда выбирают человек пятнадцать. Ясно, что ни при каком тайном голосовании ни на какую должность он не может пройти. Теперь перед нами встает задача изгнать его из директоров института и восстановить Виноградова, не знаю, удастся ли это. Если бы Соболев был умнее, он ушел бы сам, но, думаю, он этого не сделает.

Пока до свидания. Шлю сердечный привет всему Вашему семейству. Лева.

18/2/44. Москва

Дорогой Изя,

около недели назад получил Ваше письмо, центр тяжести которого усматриваю в описании Вашей новой квартиры, его я читал с напряженным вниманием и острым увлечением. Вообще, я склонен считать, что жилище есть главное из материальных благ в жизни человека: можно ходить обтрепанным и питаться неважной пищей, но квартира должна быть хорошей. Это у меня реализовано, и я очень рад теперь и за Вас. Не отвечал Вам так долго потому, что до вчерашнего дня не мог сообщить Вам об окончательных результатах нашей работы по изгнанию Соболева из директоров института. Вчера наша победа была формально увенчана избранием на общем собрании академии Виноградова директором института. Совершенное коллективом математиков дело является крупным достижением демократии, и мы все очень горды содеянным. Несмотря на полное единство и решимость, потребовались огромные усилия с нашей стороны, так как задача была трудная и совершенно новая (беспрецедентная). Я считаю, что мы открыли новую страницу в истории науки. Даже при полном отсутствии чинов и званий у директора такое не удавалось еще совершать никому, а Вы должны припомнить каковы чины у нашего противника. Притом, он оказывал отчаянное сопротивление.

Последнее время я занимался очень мало, но все же достиг некоторых результатов, которые не давались мне в течение нескольких лет, правда, мне всего-навсего удалось рассчитать несколько примеров, я действительно не мог сделать этого года четыре, но для достижения основного результата нужно сделать еще гораздо больше. Речь идет все о том же – классификации отображений сфер разной размерности. Впрочем, полученные результаты имеют и самостоятельный интерес. Я ввел некоторые новые инварианты, и только для многообразий размерности не ниже четырех они действительно новые. Так вот, до сих пор мне не удавалось вычислить этот новый инвариант ни для какого четырехмерного многообразия в случае, если он отличен от нуля, хотя я умел доказать, что для одного многообразия он не равен нулю. Теперь я вычислил его для этого многообразия, он оказался равен трем; к сожалению, все остальные примеры тоже дают кратность трем, и я не знаю теперь всегда ли это так. Мне хотелось бы привлечь Вас к этим моим изысканиям, так как там много вопросов.

27/5/44. Москва

Дорогой Изя,

уже очень давно не писал Вам, произошло даже вопиющее нарушение моих обычаев – не ответил на два Ваших письма. Это все оттого, что слишком много было у меня за последнее время событий. Сообщу Вам их вкратце. Я уже раньше писал Вам о наших усилиях извлечь Ефремовича из его места пребывания и доставить в Москву. Представьте себе, что это чудо осуществилось. Третьего дня Ефремович получил паспорт Московской области и прописался в Пушкинском районе. Это, конечно, не совсем Москва, но, принимая во внимание его прежнее место пребывания, все же очень неплохо. Сегодня он отправился в военкомат, боюсь, как бы ему не попасть в трудовую армию. Дело в том, что он еще не работает, а только имеет договорную работу с издательством: мы с ним вместе пишем книжку по комбинаторной топологии. Найти педагогическую работу в Москве теперь оказывается очень нелегко. Пока просто не обнаруживается никаких подходящих мест, хотя Ефремович, будучи профессором, согласен и на доцентскую должность. Как утвержденный профессор Ефремович был бы освобожден от военной службы, а тем более от службы в трудовой армии, но оформляться это освобождение должно через место работы, и вот получается неясность. Так что я беспокоюсь. Вся операция с Ефремовичем потребовала от меня очень значительных усилий и продолжалась немало времени, но я горжусь достигнутым результатом. Специалисты признают, что он граничит с чудом.

Неделю тому назад уехала в экспедицию во Фрунзе Тася, это тоже сопровождалось чрезвычайной суетой и порчей нервов, не стоит рассказывать подробностей. Были и другие дела, в результате всего этого я был слишком отвлечен мыслями от Вас и не писал Вам.

Сегодня мне позвонил Ефимов и сообщил, что имеется правительственное постановление о восстановлении Воронежского Университета, и что в связи с этим он думает написать Вам, не хотите ли Вы вернуться в Воронеж. Я рассказывал ему Ваше настоящее положение, но, конечно, не мог за Вас дать ответ. В связи со звонком Ефимова я и решил написать Вам. Ваши перспективы переезда в Москву представляются мне довольно неясными. Докторантура в этом смысле ничего не может дать Вам, так как нужно жилище, а его достать очень трудно. Ефремовичу, ввиду чрезвычайных обстоятельств, дал комнату на своей даче брат П. С. Александрова, и это дело неповторимое. До осени приема в докторантуру нет, прием прекращен. Вопрос о

том, стоит ли возвращаться в Воронеж или нет, конечно, не простой, но Вам следует помнить, что особенно серьезно рассчитывать на Москву невозможно.

Вы меня все просите написать математическое письмо, было бы правильнее прислать Вам некоторые работы, сейчас я не помню, послал (?)

Пока писал это письмо, пришла открытка от 13/5. Если она и есть третья, то все письма дошли, но, по-видимому, Вы говорите о других трех письмах. Не понимаю, почему у Вас опять новый адрес? Как раз звонил Ефимов, и я дал ему старый – "3-я Линия", позвонил, теперь его уже нет – уехал к себе за город. Он работает теперь в каком-то лесном институте и живет за городом, там же Роза с дочкой и Аса, которую он определил в свой вуз. Одновременно с Вашим письмом пришло письмо от семьи Таси, сообщают, что ее отец, угнанный немцами, освобожден и написал своим. Это для Таси будет большая радость.

На днях пошлю Вам отписки своих работ, о которых не помню, посылал ли. Мы так давно не встречались с Вами, что мне просто очень трудно написать Вам математическое письмо. Шлю сердечный привет. Пишите. Лева.

1/8/44. Москва

Дорогой Изя,

два дня назад получил Ваше письмо. Простите, что за последнее время мало уделял внимания Вам. Прежде всего, постараюсь высказаться по Вашим делам.

Как я уже писал Вам, основным препятствием для поступления в докторантуру является вопрос с жилищем. Вас просто не зачислят, если не будет представлена справка о том, что Вы имеете место, где Вас в Москве пропишут. Это положение, мне кажется, не изменится в ближайшем году. Что касается Воронежа, то в случае, если Университет решит привлечь Вас обратно на работу, Вас задержать не смогут, они имеют возможность возвращать людей даже из армии. Почему о Вас вспомнил Ефимов, я не знаю. Относительно Харькова ничего сказать не могу. В Горький могу написать Андронову, не желают ли они получить Вас на работу в Университет. Когда я писал Вам о возможности месячного вызова в Москву, дело представлялось мне весьма простым. Тогда Колмогоров – председатель аспирантской комиссии – развивал идею, что мы широко развернем деятельность с докторантами-заочниками и будем их вызывать на консультации. Докторантов-заочников действительно набрали много, но настолько много, что дело это утратило всякий смысл, никакой работы с ними не ведется, а вызовов им не дают.

Попробую поговорить еще раз с Колмогоровым по этому поводу, но опять тоже препятствие – даже в случае месячного вызова нужно представить справку, что на это время Вы будете прописаны независимо от академии. Что касается Ваших омских цен, то, вероятно, московские не сильно от них отличаются: картошка у нас на рынке стоит, например, тридцать рублей. Цены, о которых пишет Вам Ваш отец, совсем другие, за ними и ехать нужно туда, где он живет.

Простите, что до сих пор не послал Вам обещанных оттисков, это потому, что, благодаря отсутствию Таси, всякое такого рода мероприятие представляет некоторую сложность. Оттиски нужно искать, а мама замучена хозяйством. Работницы у нас нет. Пошлю на днях, но боюсь, что я их Вам уже посылал. Книжку по комбинаторной топологии пишу совершенно элементарную, основные понятия, комплекс, группа Бетти, их инвариантность и теорема о неподвижных точках Гопфа. Мне уже очень надоело это все рассказывать на лекциях, а так как сжатого вполне детального изложения этого нигде нет, то решил написать, чтобы в начале семинара можно было требовать знания этого минимума от участников. Дело сейчас идет плохо, Ефремович заболел желтухой и лежит в больнице, а без него даже формулы мне вписывать некому. Много времени у меня отнял доклад на сессии в Университете о роли советской и русской науки, доклад "Топология в СССР", я к нему долго готовился, сделал плохо и потом писал. Как видите, в последнее время занимаюсь математикой мало. Более подробно напишу о своих занятиях в последнее время в следующем письме, так как это хочу отослать поскорее. Наш успех с Ефремовичем не знаменует новой эпохи, и причины его нам не ясны. Возможно, что здесь дело в совершенно случайном совпадении некоторых обстоятельств, и это случайное совпадение мы тоже почти случайно использовали. Тася отправилась во Фрунзе и далее в горы Тянь-Шань для сбора материала для своей кандидатской диссертации, которую она замыслила писать. Не заниматься же ей все время хозяйством, и так три года она потеряла для своей специальности. Что касается трудностей, то они не так уж велики. Во всяком случае, из Москвы она отбыла в мягком вагоне прямого сообщения. Во Фрунзе имеется филиал академии, и его президент – ее знакомый по Казани, так что там она остановилась у него, а в горах проблема жилища не стоит, вероятно, очень остро. Что же касается пищи, то ее там больше, чем в Москве. Да, по поводу Ефимова – он работает профессором какого-то Лесотехнического Института, расположенного под Москвой, но там не только телефона, но даже

и печки приличной нет, так что они лишь раз в день имеют горячую пищу. Почему Ефимов интересуется ВГУ, сказать не могу. Он говорил, что напишет Вам, и брал адрес. Привет. Лева.

4/10/44. Москва.

Дорогой Изя,

весь сентябрь я провел в Узком под Москвой и за это время получил Ваши письмо и открытку. Оба доставили мне большое удовольствие, первое – тем, что Вы начали заниматься математикой, а второе – тем, что переезжаете в Горький, так что мы сможем с Вами встречаться. Соединение обоих обстоятельств может обоим нам принести пользу. Я уже давно писал Андронову о том, что Вы хотели бы переехать в Горький и работать в Университете, только в сентябре я получил от него письмо, в котором он сообщал мне, что Вам посылается приглашение, он писал, что Костин (13) в Горьком также поддержал Вас.

Ваш переезд в Горький – вещь чрезвычайно удачная, надеюсь, он уже состоялся, мне очень хотелось бы встретиться с Вами и поговорить на всякие темы, особенно математические. Последнее время я мало занимаюсь математикой и это, возможно, потому, что мне не с кем поговорить о своих планах, а планы есть и, мне кажется, хорошие. Они мне по силам, и результаты должны получиться неплохие, но все довольно громоздко и требует значительных познаний в комбинаторной топологии. Благодаря этому лишь немногие могут быть моими собеседниками, особенно пока ничего еще не достигнуто, а имеются лишь планы. Устроиться на работу в Москву теперь довольно трудно, так что Ваш переезд сюда имел самые ничтожные шансы, это не только из-за жилища, но и ввиду большого наплыва математиков в столицу. Прием в докторантуру тоже стал меньше, чем раньше. Так что Горький, как в смысле расстояния, так и в смысле работы – очень подходящее место. Если бы Вы захотели войти немного в курс исследований по качественной теории дифференциальных уравнений, то нашли бы себе многих товарищей в Горьком, но мне даже не очень хочется этого из совершенно эгоистических соображений.

В Узком я сравнительно хорошо отдохнул, но все же должен признать, что чувствую себя физически не вполне удовлетворительно и боюсь, что это не усталость, а некоторая фундаментальная порча здоровья, происшедшая за последние годы: тут и война, да и просто возраст, мне уже исполнилось тридцать шесть лет. Я по-прежнему плохо сплю, но возникающее, благодаря этому, выматывание нервов сказывается теперь на

работе сердца, так что я ощущаю упадок физических сил, что меня очень огорчает.

Мне предстоит масса работы. Я уже писал Вам, что начал книжку по комбинаторной топологии, уже написано немало, и теперь я в колебании, нужно ли еще прибавить кое-что, или же нужно поскорее ее закончить и приниматься за более интересную деятельность. Нужно еще написать две или три большие работы, сделанные давно, это займет немало сил и времени, имеются также интересные математические планы. Вы хотели, чтобы я написал Вам о них, но было бы гораздо лучше, если бы я мог рассказать их Вам при встрече. Когда устроитесь в Горьком, напишите мне как можно скорее, каковы возможности поездки в Москву, будет гораздо проще вызвать Вас в командировку из Горького, чем из Омска. Педагогическая работа на этот год у меня тоже имеется. Буду читать курс непрерывных групп и вести семинар по комбинаторной топологии. Непрерывные группы буду читать впервые после выхода моей книжки, еще не знаю, как нужно учесть в лекциях наличие книжки, я думаю довольно точно держаться ее, конечно не полностью, а делая выборки. Хорошо ли это – читать на лекциях то, что можно легко прочесть в книжке? Оправданием может, пожалуй, служить только то, что я буду рассказывать не все. С одной стороны, я не буду, конечно, излагать все главы, а с другой стороны, можно пропускать на лекциях малоинтересные доказательства. Пока еще не решил, как все это буду делать.

Ефремович после продолжительных поисков нашел себе работу. Интересно отметить, что, хотя он отнюдь не реабилитирован, а только отпущен, препятствием его семилетнее отсутствие не было, а просто было трудно найти свободную вакансию. При встрече хотелось бы рассказать Вам подробно, как удалось нам извлечь его и ввезти в Москву, я считаю это дело крупным спортивным достижением, точно так же, как и изгнание Соболева. То и другое дело стоило мне столько сил и нервов, что я зарекся заниматься подобной деятельностью в этом году, в дальнейшем, быть может, не выдержу, но годик передышки необходим.

Шлю сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Очень рад, что Вы перебираетесь в Горький. Пишите чаще. Лева.

12/10/44. Москва

Дорогой Изя,

только что получил Вашу открытку из Горького. Поздравляю Вас с успешно совершенным переездом. Я уже послал Вам большое письмо в Горький (главный почтамт, до востребования) в

начале октября. Теперь напишу опять подробно, когда получу от Вас письмо. Очень хотел бы, чтобы Вы смогли заниматься. Хотя я и отдыхал месяц довольно хорошо, но все же чувствую себя несколько дохло. Пока еще не принялся, как следует за занятия. Книгу дальше писать не хочется, так как уже печатается книга Александрова. То, что написано – хорошо, потому что кратко, а дублировать Александрова нет смысла, лучше писать в продолжение ему. Хочу вести семинар по многообразиям и нахожусь в затруднении, так как теория пересечений нигде не изложена обозримым образом. Лефшец, боюсь, будет труден для студентов. Привет всему семейству.

12/1/45. Москва.

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше новогоднее послание. Мне кажется, что в начале декабря я не получал Ваших писем, во всяком случае, я отвечаю на каждое полученное, но так как Вы пишете редко, то и моих писем получается мало. До новогоднего письма последние сведения о Вас имел от Костина, который сообщил мне, что Вы собираетесь в Москву в феврале. Очень мне хочется встретиться с Вами. Неужели и Вы износили Ваши коньковые ботинки или оставили их в Воронеже? Я ужасно хочу кататься на коньках, но у меня нет компании. Тася кататься не умеет, так что в этом году я катался только один раз с моей бывшей аспиранткой. Последнее время очень усердно занимаюсь, но ничего совсем хорошего пока не придумал. Очень хорошо наладил свое здоровье, главное – сон, достигнуто это тем, что совершенно не сплю днем и систематически гуляю. Никаких интересных склок у математиков сейчас нет, все живут спокойно.

Мое преподавание в Университете идет спокойно, есть немного сравнительно хороших студентов. У меня имеется два прикрепленных дипломника, аспирантов нет, так как единственную имевшуюся у меня аспирантку я прогнал к Пусику. Занятия со студентами стимулируют мою собственную научную деятельность, во всяком случае, я начал читать математическую литературу, чего раньше почти не делал. Вопреки ожиданию, все понимаю легко и читаю с удовольствием. Самое интересное, что прочел – это работа Радемайстера, в которой делается полная классификация линзовых пространств, это очень тонкая вещь, и я уяснил себе почему. Сам думаю по вопросам многообразий, но пока ничего радикального не придумал. Лекции читаю по топологическим группам, слушателей около десяти, делаю это без удовольствия. Кроме того, имеется семинар по комбинаторной топологии. Вот и вся моя деятельность.

Шлю сердечный привет. Приезжайте обязательно в Москву, уж очень давно мы с Вами не встречались. Привозите коньки, если они у Вас целы. Лева.

3/3/45. Москва

Дорогой Изя,

пишу Вам потому, что мне все равно нужно переслать Вам письмо Гринблума, которое привезено для Вас моими Ташкентскими знакомыми. Они же сообщили о большом несчастье у Гринблюмов, их мак сошел с ума, у него – шизофрения. Напишите Гринблюмам, они находятся теперь в очень тяжелом состоянии. Оказывается, Витя писала мне три раза и не получила ответа, в то время, как я писал ей дважды и тоже не получил ее писем. Таким образом, пропало пять писем сряду.

Со времени Вашего отъезда у меня не произошло никаких существенных событий. Математикой последние дни почти не занимаюсь. Сперва был занят реализацией промтоварного лимита, от чего чрезвычайно устал, а теперь нужно готовиться к предстоящим лекциям, что меня не слишком радует.

В день Вашего отъезда мы с мамой были у хорошего врача по поводу ее состояния. Оказалось, что печень почти совершенно прошла, а плохое самочувствие происходит от блуждающей почки. Не знаю, насколько это плохо, маме нужно теперь несколько потолстеть, только это может ее вылечить, так как блуждающая почка обычно появляется от недостатка жировых креплений.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Лева.

13/5/45. Москва

Дорогой Изя,

прежде всего, поздравляю Вас с Победой и миром. Наконец-то закончилась война.

Я очень виноват перед Вами, так как вот уже получил третье письмо и только отвечаю. На первое я не ответил просто потому, что совсем недавно писал Вам, и Вы ничего существенного меня в этом письме не спрашивали. Дальше же причины совершенно другие. Вот уже месяц, как мой сон пришел в такое расстройство, что я совершенно ничего не могу делать, едва выполняю свои непосредственные обязанности, да и от них стараюсь уклониться. Ответить на математические вопросы было для меня почти невозможно. Теперь тоже не буду отвечать на все, пишу потому, что нельзя же совсем не отвечать на Ваши письма. Ваш первый математический вопрос из второго письма решается именно тем самым тривиальным образом, как Вы это обнаружили позже и сообщили мне в третьем письме. Это на Вас какое-то

затмение нашло, что Вы с ним возились. Что касается других вопросов, то постараюсь ответить на них в течение ближайшей недели, сегодня совершенно не имею на это сил и ограничусь беллетристикой.

Я так плохо себя чувствую, что даже победа воспринимается мной не достаточно остро, или уж слишком постепенно она пришла, и слишком очевидно стало в последнее время, что немцы кончаются. В прошлую войну они крахнули более неожиданно. Нужно думать, что жизнь теперь станет несколько легче, хотя, конечно, преувеличивать не следует. Тася сдала кандидатский минимум по английскому языку и теперь готовит философию. Здоровье мамы неважно, но ничего особенно плохого нет. Неделю тому назад мы добыли свой приемник, на что ушло много сил, так как не хотелось ждать извещения, и разыскивали его сами. Тут я обнаружил, насколько испортились мои нервы, так как нервничал из-за каждой ерунды. Приемник в полной исправности и работает как прежде, но я, как и прежде, не понимаю по радио ни одного иностранного языка, и это меня очень раздражает. Мне хотелось бы выучиться, но, по-видимому, таковы уж мои способности, что я этого сделать не могу. Сессия академии наук, которая должна была начаться 25 мая, отложена теперь на 15 июня. Она должна сопровождаться поездкой в Ленинград, и я рад, так как надеюсь, что к тому времени как-нибудь буду лучше себя чувствовать. В течение ближайших двух недель я полностью сверну всю свою педагогическую работу. Мои дипломники уже сделали хорошие работы, теперь остается добиться, чтобы их приняли в аспирантуру. Еще прочту две лекции и проведу два собрания своего семинара и на том покончу. Буду отдыхать и, может быть, начну спать.

Вопрос об отображениях n -плюс одномерной сферы на n -мерную решен ведь и Фрейденталем, и у меня где-то есть ссылки на эту работу. Вот и почитайте ее, пока у Вас ничего не выходит. Я теперь никак не собираюсь писать в полном виде свои заметки, во всяком случае, до будущего года. У меня еще книжка лежит почти написанная, и я не могу за нее взяться.

В ближайшее время напишу Вам опять и тогда уже по математике. Шлю привет всему семейству. Лева.

4/7/45. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше июньское письмо. Сперва расскажу о юбилейной сессии. Из французов, кроме известных уже Вам, был еще Фреше. С ними я почти не общался, но со слов других знаю, что живут они у себя в очень тяжелом материальном

положении. Из американцев был только Александер, Лефшец не был, так как находился в Мексике, где читал лекции. С Александером я изъяснялся по-английски, но, конечно, очень плохо, главное, трудно понять, сказать легче. Он рассказывал довольно интересные математические вещи, докладывал их на кружке, и я все хорошо понял, надеюсь применить это к своим вещам. Речь идет о весьма своеобразном построении кольца пересечений для совершенно общего топологического пространства, но построение такое, что и для многообразий оно ново и, быть может, поможет мне разобраться в совершенно конкретных вопросах.

Сессия была совершенно праздничная и научного почти ничего не содержала. Она была страшно перегружена разными торжественными заседаниями, банкетами и коллективными посещениями концертов. Три дня было проведено в Ленинграде, и это было наиболее приятной частью, так как там я посетил своих друзей. Среди банкетов следует в первую очередь отметить прием Правительством в Кремле и, кроме того, небольшой прием у американского посла, где из математиков были Александров, Колмогоров и я. Александер спрашивал, не желаем ли мы поехать в Америку, на что я ему сказал, что сие от меня не зависит. По правде сказать, я не имею никакого желания ехать. Мне кажется, что провести среди чужих людей восемь месяцев, да еще без знания языка будет очень тягостно. Я так привык все время общаться со своими знакомыми и друзьями, что не знаю, как смог бы обойтись без этого.

Во время сессии произошло массовое награждение работников академии орденами, причем и я получил причитающийся мне орден Трудового Красного Знамени. Говорю причитающийся, так как основная масса членков получила такой.

За время сессии я не только не отдохнул, но здорово измотался. Сегодня особенно чувствую себя совершенно отвратительно и даже не могу понять, в чем тут дело. Все болит, голова почти не соображает, и настроение плохое. Нужно сказать, что сессионные развлечения, кроме поездки в Ленинград, не принадлежали к числу тех, которые люблю. Самое приятное для меня пребывание – в узком, интимном кругу моих друзей, а есть и пить вино в обществе людей, с которыми меня свел алфавитный порядок фамилий, мне не доставляет удовольствия.

Перехожу к математике. В моей заметке действительно не сказано, что установленный мною инвариант является единственным, и я даже сам не понимаю, как такое могло

случиться. Я все время имел в виду этот факт и, по-видимому, счел его совершенно очевидным при писании. Действительно, если имеется только два класса, и существует инвариант, который способен принимать два значения, то не ясно ли, что других инвариантов уже не нужно.

Появились слухи, что жив Рохлин. Пришло письмо от одной жительницы Варшавы, где сказано, что в январе этого года через Варшаву прогоняли русских пленных, и один из них подошел к женщине и, назвав себя Рохлиным, просил написать по определенному адресу, что он жив и здоров. Конечно, Рохлина могли убить и после этого, но теперь шансы на его существование гораздо выше, чем раньше. Было бы большой радостью, если бы он отыскался.

Шлю сердечный привет Вам и семейству. Пока еще не знаю, когда буду в доме отдыха, но если чего не произойдет, то предполагаю отдыхать один месяц на протяжении июля и августа в Узком под Москвой. Лева.

26/7/45. Москва

Дорогой Изя,

сегодня я отправляюсь в Узкое на месяц, а, вернувшись в Москву, предполагаю на две недели отправиться в Крым, так что буду в Москве в середине сентября. Крым – это еще не совершенно окончательно. Эти планы выяснились только три дня назад, так что раньше написать не мог. Если будете в Москве в течение августа, то в Узкое поехать очень легко. Как именно, Вам расскажут дома, так как сперва здесь будет Тася, а затем мама. Тася сдала уже третий экзамен по кандидатскому минимуму, остался только один, так что она скоро уже будет иметь ученую степень. Шлю Вам и семейству сердечный привет. Пишите, письма будут переправляться очень быстро. Лева.

28/8/45. Москва

Дорогой Изя,

сегодня мы с Тасей уезжаем в Крым, поэтому пишу Вам очень коротко. За время пребывания в Узком получил два Ваших письма, но так как три дня пребывания в Москве полностью пошли на сборы, то отвечаю в последний момент. В Узком я отдохнул неважно, во всяком случае, недостаточно, и не знаю почему, правда, погода была плохая. С Любой, кажется, никаких событий не происходит, встречался с ней уже давно. Ася, Ефимовы и Фуксы живут по-прежнему под Москвой и перебираться, кажется, никуда не собираются. Вот и все, что сейчас могу Вам написать. Мог бы изложить Вам разные

соображения по поводу атомной бомбы, но нет времени, да и устал сегодня ужасно.

Шлю Вам и Нине сердечный привет. В Москву вернусь к началу учебного года.

Лева.

27/10/45. Москва

Дорогой Изя,

вчера вечером получил Ваше письмо. Начинаю с математики.

Группа отображений сферы в групповое пространство, построенная при помощи групповой операции перемножения, действительно изоморфна гомотопической группе группового пространства, и этим, конечно, можно пользоваться, кажется, я даже это делал где-то. Из сфер только одномерная и трехмерная могут быть групповыми пространствами, это вытекает из полного знания всех групп Ли компактных и из их топологических свойств.

Ваш проект доказательства полноты гоффовского инварианта вполне осуществим и не слишком сложен, это был первый вариант моего доказательства. Но описание имеющихся там геометрических конструкций довольно сложно, так что здесь я его привести не могу. Приходится деформировать прообраз так, что он в течение деформации претерпевает самопересечения. Конечно, момент самопересечения таков, что прообразом в это время кривая быть не может. Но по обе стороны этого момента имеются прообразы, и классы отображений эквивалентны для них между собой, если только закручивание вокруг прообразов сделано надлежащим образом. При этом закручивания отнюдь не близки, а, так сказать, отличаются на две единицы.

В вопросе о классификации отображения K^d на S^2 Вы предполагаете, что при отображениях f и g , совпадающих на трехмерном подкомплексе, необходимое и достаточное условие эквивалентности состоит в том, что надлежащий ∇ цикл гомологичен нулю. Достаточность этого условия очевидна. Это верно для любых размерностей сферы и комплекса, необходимость же отнюдь не ясна. Ведь достаточность имеет место и в случае отображений K^3 на S^2 , но необходимое условие гораздо слабее.

Доказательство результата классификации отображений K^{n+1} на S^n сейчас привести не могу, я его просто не помню, да если бы и вспомнил, не мог бы изложить в письме.

Не прошло еще и тридцати двух суток со времени возвращения моего из Крыма, а от отдыха не осталось и следа. У

меня опять дикая бессонница. Сегодня спал только три часа за ночь, а вчера перед лекцией – четыре, так что во время лекции у меня начинало моментами все путаться в голове. К сожалению, я растратил силы довольно бессмысленным образом на изучение диссертаций, писания разного рода отзывов и заседания, даже на лекции ушло сравнительно мало. Размышляя на эти темы, прихожу к мысли, что нужно всеми возможными способами уклоняться от малоинтересной и совершенно бесполезной для меня работы. Если не оказывать сопротивления, то такими делами могут совершенно загрузить. К примеру, Эльсгольц желает излагать мне свои изыскания по траекториям динамических систем, он уже давно рвется в доктора, но тема эта меня крайне мало интересует, слушать его не следует. Далее, моя бывшая студентка Ася Гутерман, обладающая весьма посредственными способностями, рвется в аспирантуру под мое руководство, принимать ее не следует. И все в таком роде.

Относительно атомной бомбы могу сказать, что здесь не один только рок: если ее бояться, то нужно не жить в больших городах – Омск, например, место весьма безопасное.

Недавно получил письмо от Лефшеца от января этого года. Он, между прочим, пишет, что американское издание моей книжки разошлось, и они собираются по окончании войны ее переиздать. Это, конечно, очень приятно.

У нас тоже происходит хозяйственная осенняя суета, правда, почти без моего участия. Тася замазывала окна, покупала картошку, капусту и прочее. Она со своей кандидатской деятельностью так извелась, что тоже теперь страдает бессонницей. С ее кандидатской деятельностью не все обстоит благополучно – руководство кандидатской работой очень плохое. Во-первых, квалификация руководителей совсем другая, чем это бывает у математиков, а во-вторых, желания руководить совсем нет. Мне очень обидно, что я, который содействовал образованию стольких кандидатов, мало чем могу помочь собственной супруге, впрочем, кажется, все же несколько могу помочь и даже больше, чем руководители энтомологи.

Маму на днях отправлю на Кавказ. Эта идея возникла из-за энергичных приглашений Чогошвили, который при моей консультации писал свою докторскую диссертацию и третьего дня защитил ее. Маме захотелось ехать, так он ее соблазнил, а теперь мы передумали, и мама, по-видимому, поедет в санаторий в Кисловодск.

В начале следующего года предполагаются выборы в академию. Как все это будет обстоять, пока судить трудно, но

думаю, что на этот раз Пусика выберут. Что касается меня, то я имею шансы лишь при условии, если математикам дадут три места, что почти невероятно.

Напишите, как Люба Мельцер, многие спрашивают у меня о ней.

Люба Вольфензон успешно развелась со своим супругом, она находит, что судебное разбирательство носит совершенно формальный характер, поскольку оба супруга желают развестись.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.
Лева.

5/1/46. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо от 24/12. Вашей предшествующей открытки не получал, а имел лишь письмо с многочисленными математическими вопросами, на которое ответил заказным письмом, надеюсь, Вы его получили. Уезжать на каникулы никуда не собираюсь, так что приезжайте.

На днях только вернулись мы с Тасей из Ленинграда, где были на сессии Физико-математического отделения Академии. Впрочем, сессия меня мало интересовала, просто было удобно и недорого поехать в Ленинград, а там у меня много друзей. Поездка в Ленинград доставила мне большое удовольствие в смысле встреч с людьми. Даже трудно описать, в чем тут дело, но было в ней что-то небудничное, хотя в смысле комфорта дело обстояло весьма плохо. Ленинград вообще находится в довольно плохом состоянии: во многих домах замерз водопровод, а вместе с ним и канализация, почти везде в квартирах холодно и по комнатам стоят буржуйки или кирпичные печи. Живется ленинградцам неважно, особенно если смотреть с точки зрения моей квартиры, в которой, в общем, все благополучно и даже прилично в смысле тепла, сверх того нам теперь в достаточном количестве дается горячая вода в ванную.

Главным образом я встречался в Ленинграде со своей старой приятельницей, с сестрой которой, Ниной, мы однажды вместе с Вами были на “Евгении Онегине” в Большом Театре. Нанес также краткий новогодний визит Любочке и познакомился с ее супругом (новым). При беглом знакомстве он не произвел на меня импозантного впечатления. Тася находит, что он несколько староват для Любы, во всяком случае, на вид.

Математикой уже давно не занимаюсь. Масса всяких дел, а сил у меня мало. Теперь у меня основная научная деятельность — это руководство Тасиной диссертацией про саранчу, Вы не думайте, что я шучу, я, в самом деле, никакю во все и помогаю

Тасе разговорами на саранчинные темы, а также при посредстве писания самой работы. Хотя саранча для меня тема и новая, но все же опыт писания у меня очень велик и, если я хорошо что-нибудь понимаю, то могу сравнительно легко писать. Сперва было очень трудно, особенно потому, что Тася капризничала и мешала мне, но теперь приладился и привел Тасю к порядку, так что она ведет себя сравнительно прилично, т.е. не вносит своих предложений в изложение установленных мною фактов.

Мама только что вернулась из санатория Узкое, где сравнительно хорошо отдохнула. Все же ее здоровье не совсем хорошо – болят печень и почка.

Сам я чувствую себя несколько лучше, чем раньше, так как в течение значительного времени сравнительно прилично сплю при помощи удачной комбинации снотворных средств. Шлю сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Рад буду встретить Вас. При случае передайте привет Андронову. Скажите ему, что уже давно написал ему деловое письмо (заказное), но не имею ответа, и очень хотел бы его получить. Лева.

2/4/46. Москва

Дорогой Изя,

третьего дня получил Ваше письмо, открытка тоже была мною получена, но на нее я не ответил, так как тогда еще нечего было писать, а позже был слишком занят.

Вскоре после Вашего отъезда я начал приводить в порядок свои соображения относительно аппроксимации аналитическими отображениями отображений непрерывных, там мне нужно было иметь несколько, на мой взгляд, довольно очевидных предложений из теории аналитических функций многих переменных. Оказалось, однако, что предложения эти никак не доказываются, а московские специалисты не в курсе дела. Тогда я занялся изучением самого предмета, т.е. аналитических функций многих переменных, совместно с Мейманом, который тоже интересуется предметом. Предмет оказался очень интересным и близким мне по духу. Теоремы Римана и Вейерштрасса решают самые основные и естественные вопросы, например, очень хорошо и подробно изучается множество точек, определяемое несколькими аналитическими уравнениями, поскольку никаких требований, характера независимости или не обращения в нуль каких-либо детерминантов, не налагается, вопрос довольно тонкий. Мы с Мейманом получили большое удовольствие от чтения книги Озгуда, но отнюдь не закончили ее. Затем Мейман уехал в Казань и до сих пор еще не вернулся. Этим временем мне пришлось

заняться переживаниями по поводу Тасиной диссертации. Я сам таковой никогда же не писал, и потому всяческие переживания на эту тему всегда казались мне смешными. Теперь мне привелось до некоторой степени почувствовать это дело. У Таси оказалось очень сложное положение – ее фактический руководитель не имеет права на руководство, будучи кандидатом, формальный же руководитель находится в плохих отношениях с фактическим. В течение всей работы от формального руководителя Тася только и слышала, что у нее ничего не выйдет, и потому она от него пряталась, когда же работа была сделана и представлена ему, то он несколько ошалел, так как успех у Таси оказался очень большой. Потребовалось, однако, значительное время пока формальный руководитель привык к мысли, что работа действительно хороша и пригодна как кандидатская диссертация. А пока он привыкал, он гонял Тасю по разным специалистам за отзывами, и хотя отзывы были хорошие, он все говорил, что ему вопрос еще неясен. Тем временем Тася ужасно нервничала и портила нервы мне. Теперь диссертация уже отпечатана и переплетена, как это ныне требуется. Остается только одно беспокойство: для не аспирантов полагается два экзамена по специальности, а Тася сдала только один. При этом дирекция может допустить или не допустить к защите и при одном экзамене по своему усмотрению, такова традиция в академии, но управляет институтом замдиректора, который и был формальным руководителем Таси. Как решится этот вопрос – неясно.

Решение Совнаркома о значительном повышении жизненного уровня научных работников я в высшей степени приветствую, так как оно самым решительным образом отразится не только на мне, но и на почти всех моих друзьях. Мое положение было и без того не очень плохо, но все же соблюдение диеты мамой представляло значительные трудности – приходилось тратить деньги весьма аккуратно, теперь же я буду получать очень много. Если окажется, что я буду сверх работы в академии иметь штатную должность профессора университета, то мой заработок в месяц будет четырнадцать тысяч, после вычетов все же останется порядочно. Кроме того, будет больше пищи, и, я надеюсь, она будет более подходящая к моим вкусам и потребностям, т.е. более молочная и фруктовая. Кроме материальных обстоятельств очень радостно и то, что наука и культура у нас, конечно, будут развиваться гораздо быстрее.

Сейчас у меня в результате нервничания по поводу Таси ужасная бессонница, но все же я благополучно закончил исправления статьи Глезермана по теории пересечений и намерен

приняться за окончание маленькой книжки по топологии, которую пишу ужасно давно. Одновременно буду заниматься с Мейманом, как только вернется. Ужасно жаль, что я такой дохлый, и что сил у меня мало, было бы больше, я бы мог сделать гораздо больше и, главное, получал бы от жизни гораздо больше удовольствия. Лева.

4/5/46. Москва

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше письмо. У нас по выходным дням тоже бывает повышенное напряжение электричества, и у моего приемника раньше всегда по воскресеньям перегорал предохранитель, теперь я заменил его суррогатом за невозможностью добывать предохранители. Не перегорел ли у Вас тоже предохранитель, мне кажется, что лампочки перегорать не могут, они могут только быстрее изнашиваться, ведь в нити у лампочки имеется электронно-излучающая смесь, так вот при повышенном напряжении она расходуется быстрее, но порча лампочки происходит постепенно, а не внезапно.

Двадцать третьего апреля Тася успешно защитила диссертацию. Она ужасно волновалась и я вместе с ней, так что теперь я основательно познакомился с переживаниями диссертанта на себе самом, хотя и не защищал никогда никаких диссертаций. Пока Тася продолжает работать моим секретарем и потому не пользуется никакими привилегиями кандидата, только карточку вместо служащей ей дают рабочую. Нам, правда, всего так достаточно, что ее кандидатская пища была бы излишней, но она немного огорчена, что не получила никакой материальной реализации своего успеха.

В последнее время я почти не занимался математикой, слишком много было волнений по поводу Таси, и Мейман надолго уезжал в Казань, так что чтение прервалось. Теперь он вернулся, но я опасаясь, что ему уже надоело читать Озгуда, мне же – нет. Сегодня у меня был Андронов и рассказал, что затруднения с Мейманом в Горьковском университете ликвидировались, но мне кажется, что Мейман сам очень не хочет ехать к Вам. Он, по-видимому, поедет лишь в случае, если ему так и не удастся найти работу в Москве, пока он не нашел.

Я надеюсь, что Ваш жизненный уровень теперь поднялся достаточно для того, чтобы Вам выздороветь от Вашей печенки и заниматься математикой. Из двух оттисков, которые Вы у меня взяли по косым произведениям, первый, я думаю, Вы поймете, а второй, ввиду чрезмерной краткости, нет.

На лето определенных планов я пока не имею, хочется поехать на юг и есть фрукты, а это возможно лишь осенью, так что

планирую поехать на август и сентябрь, но пока еще не знаю точно, куда именно.

Пока до свидания. Шлю привет. Пишите. Лева.

5/6/46. Москва

Дорогой Изя,

получил Ваше письмо и, прежде всего, отвечаю относительно Мельцер. Для получения снабжения в Москве она должна привести с собой следующие документы:

1. Снятие со снабжения и дата снятия.
2. Документы о степени, звании и о работе в Горьковском Университете на полной ставке.

3. Заключение врачей о необходимости выезда в Москву на лечение. Эти документы необходимы, но не достаточны, только в случае, если она будет прописана в Москве, она получит снабжение. Если же она будет помещена в больницу, то получит, кажется, рабочую карточку, которую туда и возьмут, это если прописки не будет. Неофициально сказано, что теперь в Москве никого не прописывают. Все эти сведения получены в отделе университетов Министерства Высшей Школы.

О себе ничего хорошего сообщить не могу, чувствую себя отвратительно, так как бессонница совершенно меня замучила. На днях был у частного врача и собираюсь серьезно начать лечиться, потому что так я скоро сойду. Сейчас стараюсь дописать книжку, но работа идет плохо из-за плохого состояния здоровья. Нужно, однако, закончить все до отпуска, который намерен получить на август и сентябрь.

Сейчас заканчиваю, так как даже писать трудно.

Шлю привет всему Вашему семейству. Мама и Тася тоже. Лева.

3/7/46. Москва

Дорогой Изя,

с неделю уже, как получил Ваше письмо. Выражаю Вам сочувствие по поводу порчи радио. Если с дымом, то это плохо, но, вероятно, починить все же можно, у Вас ведь радио на такой высоте. Вам не следовало заменять предохранитель проволокой: раз напряжение не ровное – это риск. Нужно было достать предохранитель. У меня недавно радио тоже портилось, и я думал, что очень серьезно, но сменил лампочку и теперь все в порядке.

Теперь перехожу к математике, по поводу снижения числа l , которое Вы не придумали. Я пользуюсь соображениями из моей работы "Один метод вычисления гомологий многообразий".

Пусть M – многообразие, f – функция на нем, а P и Q – подмногообразия, на которых функция f достигает соответственно

максимума и минимума, так что вне P и Q критических точек нет. Размерности многообразий обозначим через m, p, q . Пусть F – замкнутое подмножество из M размерности r , тогда если $q+r < m$, то можно непрерывной деформацией перевести F в P . Сперва нужно перевести деформацией F в некоторый полиэдр в M . Это возможно, именно F можно перевести в нерв. Полиэдр можно сдвинуть с Q ввиду того, что $r+q < m$. Далее по ортогональным траекториям в P .

Пусть теперь $H(k,l)$ – многообразие всех k -мерных ориентированных плоскостей $(k+l)$ -мерного евклидова пространства R , проходящих через $a \in R$. За M примем $H(k,l)$. Пусть a – некоторый вектор из R , за $f(x)$ примем синус квадрат угла между плоскостью $x \in H(k,l)$ с вектором a . Тогда максимум f достигается при условии, что x ортогональна к a . Минимум f достигается, когда x содержит вектор a . Легко видеть, что P есть $H(k,l-1)$, а Q гомеоморфно $H(k-1,l)$. Размерность $H(k,l)$ равна kl . Отсюда все, что нужно для снижения числа l , вытекает при помощи деформаций.

Я уже почти совсем дописал книжку, уже написано заглавие и предисловие, осталось только введение, думаю, что не больше десяти страниц. Все последнее время трудился чрезвычайно напряженно, и была страшная жара. Чувствовал себя отвратительно, все время повышалась у меня температура. Теперь жара резко спала и у меня температура стала нормальной, так что чувствую себя хорошо, правда, уже несколько дней не пишу. Когда напишу введение, то останется только перечитать, думаю, исправлений будет мало.

Седьмого собираюсь на неделю поехать в Ленинград, а на август и сентябрь отправлюсь в Крым – путевок еще нет, но обещают дать в санатории Министерства Животноводства. Интересно, как будет в чужом санатории? Санаторий ученых в Крыму не существует, есть только Гаспра, да и та для медицинской академии, но у животноводов, говорят, лучше.

Мама на днях вернулась из поездки к родственникам в колхоз. Возвращалась из Ярославля пароходом, идущим из Горького в Москву, очень ей это понравилось и билет достать легко. Рекомендую Вашему вниманию.

Пока до свидания. Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

Я очень рад, что Мальцев получил Сталинскую премию.

10/9/46. Москва

Дорогой Изя,

третьего дня я на самолете вернулся из Кисловодска, где был с мамой. Это был мой первый полет, мне так понравилось, что завтра мы с Тасей отправляемся в Крым также на самолете. Мой адрес на ближайший месяц будет: Крым, Кореиз. Санаторий Гаспра.

Шлю привет. Пишите. Л.Понтрягин.

20/10/46. Москва

Дорогой Изя,

шесть дней назад мы с Тасей прилетели из Крыма. В Крым тоже летели, и оба перелета были чрезвычайно удачны, качки не было совершенно, так что я даже не знаю, как бы стал на нее реагировать. На обратном пути, от Харькова до Москвы летели на высоте более трех километров, и это было определенно неприятно. Я чувствовал себя как-то странно: что-то было с ногами, их тянуло, невозможно было найти удобной для ног позы, при спуске же с этой высоты была острая боль в ушах и горле. Что касается опасности полета по сравнению с железнодорожным путешествием, то думаю, что на самолете опаснее, но об авариях за последнее время не слышал. Знаю только, что руководящие работники партии и правительства не имеют права летать без специального разрешения. Это постановление действует с двадцать девятого года, когда сряду было несколько авиационных катастроф.

За работу еще не принимался. Послезавтра начинаю курс комбинаторной топологии, а несколько дней спустя семинар совместно с Ефремовичем, тоже по комбинаторной топологии. Научная деятельность будет заключаться в писании работ о характеристических циклах и косых произведениях. Американцы сильно заинтересовались работой, которая опровергает Витнея. Получил от Лефшеца уже второе письмо с предложением опубликовать ее у них. Между прочим, он пишет: "Если Вы чувствуете, что должны печатать по-русски, то мы готовы опубликовать перевод, хотя это делается у нас лишь в очень редких случаях". Мне не совсем понятно, причем тут русский, когда почти все работы и у нас я публикую по-английски. По-видимому, он думает, что у нас такие установки, чтобы не публиковать за границей или на иностранных языках. Хотя это и не верно, но для эффективности можно воспользоваться этим предложением. Трудность заключается в том, что для того чтобы дать полное изложение последней работы, нужно предварительно изложить три других, которые были, по-видимому, поняты

американцами и по краткому изложению. Во всяком случае, я уже так долго не писал полных изложений, что нужно приняться за это дело.

Тася на несколько месяцев уехала в Ленинград. Она получила очень лестное предложение работать в институте Павлова в Колтушах, причем работа является непосредственным продолжением ее работы, проведенной здесь в качестве кандидатской. Орбели обещал ей хорошие бытовые условия, в частности, хорошую комнату с центральным отоплением и не лимитированным электричеством. Я теперь, надо думать, часто буду ездить в Ленинград.

Мама из Кисловодска уехала в Грузию, в гости к родителям Чогошвили, где она принята с исключительным радушием. Пишет, что хорошо отдохнула и давно уже не чувствовала себя так хорошо, как теперь. Ее возвращения ожидаю в конце октября. Теперь живу без своих дам, с Ефремовичем и домашней работницей. Пока мне еще не наскучило.

Мы с Тасей отдохнули в Гаспре очень хорошо, хотя там и было довольно голодно, и погода во вторую половину отдыха стояла скверная. Тем не менее, природа так хороша в тех местах, что было страшно приятно. Я совсем не простужался, немного купался и пару раз даже делал большие заплывы в море. Тася начала учиться плавать и уже стала держаться немножко на воде.

По приезде в Москву опять впал в бессонницу, но, надеюсь, что она скоро пройдет.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Лева.

3/11/46. Москва

Дорогой Изя,

третьего дня получил Ваше письмо с подробным описанием Вашего теперешнего состояния. Должен сказать, что мое состояние изменилось не так сильно и остается гораздо лучше, чем доапрельское. Впрочем, возможно, я не вполне уясню себе положение, так как и до апреля не чувствовал особенно острого состояния. Несколько другое явление совершенно поразило меня. Полностью прекращена выписка книг для частных лиц, за исключением лишь академиков. Таким образом, я уже не смогу получать Ревью. Мне сказали в Международной книге, что все поступающие журналы и книги будут теперь со штампом "Для служебного пользования", это значит уже гораздо больше, чем простая невозможность получать книги и журналы в собственность. Неясно, будут ли такие книги давать на дом, и смогут ли их вообще читать люди, не имеющие в данном учреждении служебного положения. Смогут ли аспиранты и

студенты пользоваться научной литературой. Все это неясно и непонятно.

На днях я получил от Лефшеца приглашение на двухсотлетний юбилей Принстонского университета, в нем сказано, что формальное приглашение послано, его я не получил до сих пор.

Как можете Вы сравнивать меня с Витенеом, ведь он от своего американского звания ничего не имеет, а я, даже будучи членкором, получаю деньги и лимит. Относительно ситуации с выборами могу сообщить, что меня не выберут, так как Александров признан несомненным кандидатом и неловко меня, как ученика, выбирать раньше, выбрать же двух топологов сразу невозможно. Таким образом, нужно думать, что Александров несомненен, а на второе место имеется три реальных кандидата: Лаврентьев, Петровский и Чеботарев. Относительно Андронova я слышал, что его кандидатура идет хорошо по обоим отделениям, но больших подробностей не знаю. По просьбе Андронova я говорил с Фигуровским относительно Меймана, и тот сказал мне, что дело улажено. Передайте это, если не трудно, Андронovu, впрочем, через пару дней я напишу ему сам.

Я сейчас уже начал писать свою работу "Характеристические циклы многообразий". Дело идет неплохо, и я надеюсь закончить в течение месяца. Тогда пошлю Вам один экземпляр. Намерен писать без перерыва пять работ, ранее опубликованных в ДАН. Сперва это казалось мне ужасно трудным, но теперь уже не кажется. Книжку по комбинаторной топологии уже сдал, и теперь ее редактирует технический редактор Шура-Бура. Надеюсь, что переделок будет мало.

Могу предложить Вам некоторые вопросы, связанные с работой Штифеля и моей о характеристических циклах. Думаю, что это не слишком трудно, но с маху у меня не вышло. Мне совершенно ясно, что в терминах характеристических циклов можно ответить на вопрос: будет ли данное четырехмерное ориентируемое многообразие параллелезуемо или нет. Точно также: можно ли на нем построить два векторных поля, всюду линейно независимые. Далее, можно ли на нем установить поле двумерных элементов без особенностей. Когда Вы будете хорошо знать характеристические циклы, то сможете об этом подумать. Попробую придумать для Вас и другие какие-либо вопросы.

Начал в Университете курс лекций по комбинаторной топологии и семинар на ту же тему совместно с Ефремовичем. На лекциях – человек тридцать, на семинаре – десять. Количества, которые меня удовлетворяют.

Сейчас уже половина двенадцатого ночи, а я сижу и жду, когда придет поезд из Тбилиси, для того, чтобы поехать его встретить. Он должен был прийти в полдень, но опоздание постепенно накапливается в течение дня – от девяти часов с утра, до тринадцати с половиной; этот процесс, впрочем, может продолжиться и дальше. Машину можно будет получить только до пяти часов утра, не знаю, как это все выйдет.

Тася благополучно прибыла в Колтуши, но у нее были трудности с пропиской, а, следовательно, с пищей. Пока имел только телеграммы и один телефонный разговор, так что картина еще не вполне ясна мне. Теперь с выдачей карточек такие затруднения, что я за нее беспокоюсь.

Шлю сердечный привет Вам и всему семейству.
Л.Понтрягин

24/12/46. Москва

Дорогой Изя,

очень давно не писал Вам, не ответил на большое письмо, и на открытку отвечаю с запозданием. Все время усердно пишу работу "Характеристические циклы многообразий". К сожалению, выходит длинно, уже написано сорок пять страниц и еще придется написать страниц двадцать. Меня в этом огорчает, что размер работы будет отпугивать читателей. Правда, пишу очень обстоятельно и почти без всяких ссылок, что, несомненно, облегчит чтение. Как только закончу, смогу передать Вам один экземпляр. После этой думаю писать подробно еще две заметки "Топологические инварианты римановых многообразий" и "Классификация отображений трехмерной сферы в комплекс". Первая из этих работ не нужна мне в дальнейшем, но она близко примыкает к тому, что пишу сейчас и поэтому удобно писать ее теперь, чтобы не забыть всего. Дальше в плане стоят две заметки о косых произведениях. Впрочем, первую можно было бы не писать, так как она сделана другими. Таковы мои литературные планы. В процессе писания кое-что придумывается и новое, во всяком случае, возникают некоторые планы. К сожалению, писание идет очень медленно – в среднем, страница в день.

Вы интересуетесь совместной работой Колмогорова и Лузина. Это, конечно, нужно рассказывать, а не писать, так как требуется выражение голоса, чтобы передать все. Летом Колмогоров сказал мне, что единственное его беспокойство относительно избрания Александрова заключается в том, что он стал несомненным кандидатом за четыре месяца до выборов. Пустики провели большую подготовительную работу в смысле установления всяких соглашений с академиками. Виноградову,

например, было обещано, что Колмогоров будет поддерживать Лаврентьева за то, что Виноградов поддержит Александрова. В общем, казалось, что все будут за Александрова. Бернштейн, например, на заседании института сам выдвинул кандидатуру Александрова, правда и Чеботарева тоже. Колмогоров договорился с начальством, что его включают в экспертную комиссию. Первой тревожной вестью было то, что его не включили, но он надеялся, даже был уверен, что это уж не важно. После работы экспертной комиссии произошло несколько закрытых совещаний академиков по обсуждению кандидатов, и тут только Колмогоров узнал, что ни один из членов экспертной комиссии не поддерживает Александрова. Бернштейн, напротив, яростно против него возражает, говоря, что у Александрова вредное направление. Поведение Бернштейна кажется мне до сих пор мало понятным, быть может, он просто поругался с Пусиками. Все остальное довольно понятно. Лаврентьев оказался почему-то беспспорным кандидатом и не нуждался в поддержке Колмогорова, который и в комиссию-то не входил. Таким образом, Виноградов вовсе не нуждался в Колмогорове и Пусике. Что же касается Соболева, и Христиановича, то первый чрезвычайно ненавидит Пусика за изгнание из директоров, второй же – его друг и приятель. При сложившейся обстановке надежды на успех почти не было. Оставалась только возможность, что некоторые из академиков-математиков поддержат Александрова, физики его поддержать хотели, но, конечно, не могли идти против всех математиков. Лузин стал надеждой Пусиков, он был ими приглашен в Комаровку и обещал поддержку. Однако на окончательном закрытом совещании выступил против Александрова. По выходе с этого совещания совершенно расстроенный и обозленный Колмогоров подошел к Лузину и сказал, что не может теперь иметь с ним ничего общего. Лузин же сделал вид, что ничего не понимает, и стал говорить так: "Голубчик, успокойтесь, да что с Вами, да Вы больны, успокойтесь". Вот это нужно было рассказывать с выражением. Колмогоров тогда сказал ему: "Ну что же мне с Вами делать, в физиономию Вам плюнуть или по морде дать?" Подумав, он решился на последнее.

Неделю тому назад вернулся из Ленинграда, где был в гостях у Таси. Работа у нее идет очень хорошо, за полтора месяца она, по-видимому, сумела получить существенные результаты. Теперь она занимается морфологией нервной системы саранчи. У нее есть способности в изготовлении тонких препаратов, а это там нужно. Бытовые условия тоже хорошие.

В Москве – Гринблум, он очень интересуется Вами, не собираетесь ли Вы в Москву на каникулы?

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Не обижайтесь за топологию, разница между положением членкора и академика очень невелика, а причины, решающие вопрос об избрании очень случайны. Лева.

14/1/47. Москва.

Дорогой Изя,

Ваше последнее письмо, посвященное рассуждениям относительно совместной работы Колмогорова и Лузина, получил уже давно. Задержался с ответом потому, что все время страшно усердно пишу работу о характеристических циклах многообразий. Написал уже почти все, причем получилось около семидесяти страниц, а, написав, пришел к мысли, что работа или должна быть сокращена, или должна быть написана с чрезвычайной тщательностью, иначе ее никто не будет читать. Ввиду этого начал писать все снова, сильно меняя расположение материала. Пока переделанного получилось двадцать шесть страниц, но боюсь, что получится не меньше прежнего. Зато придумал одну занимательную вещь. Вы, конечно, помните работу Штифеля, так вот я придумал более общую постановку задачи и притом, обобщение, мне кажется, нетривиальное. Пусть M – k -мерное дифференцируемое многообразие. Рассмотрим на нем систему из n векторных полей, причем n – произвольно, т.е. может быть больше k . Пусть теперь t – число, меньшее обоих чисел k и n . Точку p из H будем называть особой точкой рассматриваемой системы векторных полей, если число линейно независимых векторов нашей системы в ней не превосходит числа t . Множество всех таких особых точек обозначим через O , оно зависит уже от двух произвольных чисел – n и t . Оказывается, что множество O представляет собой характеристический цикл, в моем смысле. Особенно интересно, что цикл этот может быть и нуль мерным. Например, при k равным 4, n равным 4, t равным 2, получается нуль мерный целочисленный цикл, т.е. числовой инвариант, аналогичный эйлеровой характеристике, я его уже давно знал, но такое толкование придумал только теперь – оно кажется мне очень наглядным и, быть может, даст возможность вычислять. Теперь собираюсь включить это в работу. Методы Штифеля здесь совершенно не годятся.

Относительно присылки Вам работы могу только сказать, что она пишется, думаю, что первый вариант, который у меня есть послать не стоит, так как будет скоро лучший, но если хотите, могу послать.

Шлю Вам сердечный привет. Лева.

10/2/47.

Дорогой Изя,

сегодня приехал из Ленинграда и получил Ваше письмо. Сигалов (14) взял у меня рукопись первого варианта работы. Мне кажется, что второй лучше, но, к сожалению, он не короче, а вместе с новыми соображениями относительно векторных полей он будет длиннее. Я придумал еще способ получить все характеристические циклы при помощи векторных полей, но не придумал пока, как это писать, так что придется некоторое время потратить на размышления. Очень жаль, что у Вас опять материальные затруднения, и Вы не можете приехать. Будем надеяться, что приедете в апреле. Когда будете собираться ехать, то напишите, так как я могу опять отправиться в Ленинград.

Гринблум все еще здесь. Он находится в приличном настроении, но все болел, сперва у него был общий сепсис, а затем крупозное воспаление легких. Состояние Мака признано безнадежным, а в последнее время он переведен в очень неприятное отделение больницы для буйных. Там обращение с больными плохое, кажется вплоть до побоев.

В Ленинграде я хорошо провел время и отдохнул. В Москве все время писал, так что загнался и очень устал. Сегодня, как только вернулся, на меня навалились всякая суэта и беспокойства. Книжка, т.е. ее рукопись, уже переписана на машинке и проверена техническим редактором Шурой-Бурой, но сделал это очень небрежно, сегодня начал читать кусочек для подготовки к лекциям и обнаружил массу вранья. Я обозлился, тем более что один раз он уже подsunул мне непроверенную рукопись, теперь он будто бы ее проверил, но разницы не видно. Это просто свинство. Не должен же я выполнять его работу, за которую он получает и от издательства и от меня отдельно.

Тасина работа идет очень хорошо: в лаборатории похвалили ее препараты. Я был в Колтушах в день, когда та сотрудница, с которой Тася работает, делала доклад о своей работе. Она несколько раз ссылалась на Тасины достижения. После доклада Тася показывала препараты, изготовленные ей. За три месяца ей удалось сделать много.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Лева.

12/3/47. Москва

Дорогой Изя,

уже давно получил Ваше последнее письмо и отвечаю только теперь. Прежде всего, относительно переводов. Теперь организовано специальное переводное издательство, имеющее

весьма обширные планы. Переводится много книг по математике, сейчас в процессе перевода находится уже тридцать книг, но на эту работу разные юноши набрасываются как акулы, так что получить в ближайшее время возможно, впрочем, я не узнавал. За лист перевода платят восемьсот рублей. Не знаю выгодно это или нет.

Я все время занят разными текущими делами, так что никак не могу закончить писание статьи о характеристических циклах. Впрочем, как раз о том, что нужно теперь писать, делал вчера доклад в топологическом кружке, и буду заканчивать его в следующий вторник, так что в связи с этим порядочно все продумал и собираюсь написать в марте. Много времени пошло на книжку, так как рукопись мне переписали скверно и мой технический или какой-то редактор Шура-Бура выполнил работу плохо, пришлось несколько раз возвращать ему рукопись на досмотр. Лекции по топологии читаю без удовольствия, так как меня слушает уже меньше десяти человек, и читать комбинаторную топологию мне вообще надоело, а сейчас – особенно, так как вожусь с книжкой, где все это уже написано. Нужно мне теперь изобрести какой-либо новый курс, но я не понимаю, как читать топологию без теории гомологий, а именно ее читать мне надоело. Да и студенты в большинстве плохие, так что они тонут во всяких вспомогательных построениях, а суть дела остается для них даже и не подозреваемой.

В смысле здоровья чувствую себя хорошо и сплю даже прилично. Никаких существенных новостей не имею. В первой половине апреля собираюсь поехать в Ленинград, так что если будете направляться в Москву, то имейте это в виду и предупредите.

Шлю сердечный привет. Пишите. Привет Андронову, напишите, как он справляется со своими новыми обязанностями. Лева.

8/4/47. Москва

Дорогой Изя,

два дня назад получил Ваше письмо. Очень будет приятно встретиться с Вами. Надеюсь, что встреча состоится в конце апреля. В Ленинград я уже решил ехать пятнадцатого и вернуться к двадцать второму. Если, вопреки моим ожиданиям, отложится на самый конец апреля, то телеграфирую Вам об этом, но думаю, этого не будет.

Мне очень приятно было узнать, что работа моя Вам понравилась, сам я к ней отношусь с некоторым сомнением ввиду того, что она слишком громоздка. Если бы то же самое можно

было рассказать коротко, то было бы совсем хорошо, но чем длиннее работа, тем меньше ее ценность и тем меньше популярности у нее будет. Ведь размер математической работы отпугивает читателей. Кроме того, сделанное еще не оправдывает тех новых конструкций, которые я там развел. Дело в том, что при помощи развитого аппарата мне еще не удалось решить ни одной такой задачи, в формулировку которой не входило бы понятие характеристических циклов. Я надеюсь, что такие задачи будут, и знаю связи, но для решения ее нужно уметь сколь-нибудь приличным способом вычислять характеристические циклы четырехмерных многообразий, а этого пока не удастся. У меня даже нет надлежащих догадок. Впрочем, расскажу при встрече.

Ваше сообщение о ранении Вашей мачехи нас всех поразило. Дело обстоит действительно очень скверно, если уж до того дошло. У меня никаких новостей нет. К отъезду в Ленинград допишу, наконец, свою длиннейшую работу. С преподаванием у меня дело идет неважно. Слушателей моего курса комбинаторной топологии мало, сегодня я даже отменил лекцию, так как вместо обычных восьми слушателей пришло только четыре. Вообще, комбинаторная топология мало удобна для изложения, но раньше все же меня слушало гораздо больше. Возможно, я сам как-нибудь в этом виноват. Пр (Дальше неразборчиво).

16/7/47. Москва

Дорогой Изя,

третьего дня получил Ваше письмо. Предыдущее Ваше письмо также было мною получено, но я на него не ответил, плохо себя чувствовал, а потом уж прошло время.

Мои планы следующие: на август мы едем с Тасей в Кисловодск, Санаторий имени Горького Академии Наук СССР. На сентябрь мы с ней едем в Сочи: Санаторий Кавказская Ривьера. Мама едет на Рижское взморье на месяц, начиная с первого или десятого августа, еще не выяснено. Я предполагаю вылететь из Москвы двадцать седьмого.

Уже больше месяца я дохну. Слегка простудился, и началась температура, да к этому прибавился какой-то беспорядок с желудком. Таким образом, я ничего путного не делаю и не отдыхаю. В Москве было безумно жарко и пыльно. К сожалению, слишком поздно я придумал ездить за город. Оказывается, что конвейерный автомобиль без затруднения едет в Узкое, причем путешествие продолжается двадцать минут. С утра можно поехать туда, а вечером вызвать машину оттуда и обратно. Был, таким образом, в Узком три раза и там чувствовал себя очень хорошо. Прихожу к мысли, что нужно как-то устроить в дальнейшем, что

бы можно было проводить за городом не только два отпускных месяца, а все жаркое время. Заводить дачу сложно, да и ездить на нее неудобно. Вот если бы можно было устроить что-нибудь вблизи Узкого, то при наличии конвейерного автомобиля это было бы замечательно, так как в любое время можно поехать в Москву, и есть телефон, в противном случае мне будет нестерпимо скучно.

Вы, конечно, знаете о несчастье с Чеботаревым: он умер после неудавшейся операции. Ему вырезали весь желудок, который был поражен раком. Странно, что почти до самого последнего времени он чувствовал себя совсем хорошо, а рак зашёл очень далеко, так что и в случае удачной операции, он, вероятно, погиб бы от метастазов. Мейман, конечно, ужасно расстроен, да и все математики тяжело переживали эту внезапную смерть товарища, который был еще не стар.

У меня произошла неприятность с моим аспирантом Постниковым. Он очень способный и дельный парень, уже окончил второй курс аспирантуры, а ему еще нет двадцати лет, притом учится очень основательно и очень много знает, во многих областях гораздо больше меня. Так вот он вздумал подражать Колмогорову, дал по физиономии какому-то аспиранту, возраста за сорок и теперь его исключили из аспирантуры. Смягчающим обстоятельством является болезнь Постникова, у него гидроцефалия. Надеюсь, что его восстановят, но мне большая возня. С Рохлиным (15) все уладилось, он зачислен в Стекловский институт на должность моего помощника.

Пишите теперь в Кисловодск и Сочи, в случае каких-либо перемен, сообщу Вам о них.

Шлю привет Вам и всему Вашему семейству. Лева.

1/10/47. Москва

Дорогой Изя,

Ваше письмо в Кисловодск и открытку в Сочи получил, не отвечал потому, что не люблю писать без машинки.

Отдыхал я, в общем, довольно хорошо, но были и значительные дефекты. Оба места не слишком нравятся мне, так как многолюдны и, все же, города. В Кисловодске была плохая погода, а в Сочи санаторий был очень отвратительный: там масса народу и мешали спать. В результате сон, несколько наладившийся в Кисловодске, разладился в Сочи, и я прибыл в Москву с таким же развинченным сном, как и уехал, а сон для меня, пожалуй, главное. Жить, однако, там и там было довольно приятно и спокойно в смысле настроения. Теперь, приехав сюда, никак не могу приняться за какое-либо дело, так как очень

разлился. Таков, в общих чертах, отдых, можно было бы многое рассказать, но писать это слишком длинно.

Несколько дней назад я получил письмо от Лефшеца, в котором он просит прислать ряд работ Андронова и близких к нему. Работ этих у меня нет, да и посылка их обставлена теперь такими сложностями, что послать их, не будучи автором, вряд ли возможно. В связи с этим я прилагаю к настоящему письму копию письма Лефшеца с тем, чтобы Вы передали ее Александру Александровичу и пусть он Вам скажет, что мне написать Лефшецу. Получить от него письмо с ответом я не надеюсь, ввиду его занятости и потому прошу Вас быть посредником.

Теперь расскажу Вам о положении вещей с печатаньем работ, быть может, писал Вам уже раньше, но не помню. Вы, вероятно, знаете, что у нас все публикуется теперь только порусски. Об этом я сообщил Лефшецу, ввиду его просьбы, дать для Эналс перевод моей работы. Я написал ему, что, если хотят, пусть сами переводят статьи, опубликованные в Сборнике. Ответом на это письмо и является письмо Лефшеца. Приехав сюда, я узнал, что и посылка оттисков теперь также обставлена сложностями. В Министерстве высшей школы мне сказали, что нужно составить подробное описание содержания работы и ее значения, объяснить цель посылки и направить это в Главлит, после чего могут разрешить посылку оттисков. В Академии Наук мне сказали, что они пока не посылают оттисков, но, вероятно, скоро будут и тогда сообщат порядок. Я полагаю, что если посылать вообще будет можно, то через Академию, вероятно, проще. Это я рассказываю не только как интересные сведения, но и для передачи Александру Александровичу. Пусть он соображает, что тут делать. Может, что придумает. Напишите, не собирается ли он в Москву, очень хотелось бы с ним встретиться.

Заниматься комбинаторной топологией в рамках Союза, пожалуй, будет неинтересно, слишком здесь мало ею интересуются, я думаю уже, не переходить ли на диффурия.

Хочу получить от Вас ответ как можно скорее, потому что буду должен написать Лефшецу.

Мама и Тася здоровы. Тася уже в Ленинграде. Время в Кисловодске и Сочи мы провели с ней очень хорошо, пожалуй, никогда раньше нам не было так хорошо вместе, как в это время. Мама была на Рижском взморье, в доме отдыха МХАТ, но он оказался очень плохим. Впрочем, она все же довольна, что поехала.

Моего Постникова благополучно зачислили в Стекловский институт, так что неприятная канитель закончилась,

в дальнейшем буду воздерживаться от деятельности по спасению граждан, очень уж это утомительно. Особенно много труда доставил мне Рохлин.

На днях появилась у меня некая аспирантка Гриблума с заявлением, что она очень хочет перевестись ко мне в аспирантуру, и что Гринблум ей уже обещал. Между прочим, при разговоре с ним, я уже сказал ему, что знакомые математические девушки, и притом весьма приятные, у меня уже есть и пусть от себя не присылает. Мне пришлось потратить два часа на любезные объяснения с девицей в том направлении, что она мне не нужна, и что перевестись без чрезвычайных усилий с моей стороны невозможно, а потому ничего не выйдет. Между прочим, она мне сообщила, что у Гринблума сердечная астма. Это, конечно, очень плохо.

Шлю сердечный привет Вам, Нине и Шурику. Пишите скорее. Лева.

12/10/47. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо. Вы хотите знать, что я делаю. К сожалению, должен признаться, что пока ничего не делаю. Вернее, делаю только самую необходимую текущую работу. Начал лекции по непрерывным группам и семинар с Ефремовичем по комбинаторной топологии. Благодаря наличию Рохлина, я избавлен теперь от части довольно неприятной работы: корректуры книжки и работы в сборнике были полностью проведены Рохлиным. Не знаю еще, насколько это надежно, но надеюсь, что все будет благополучно. Уже появились так называемые чистые листы моей книжки, т.е. осталось только напечатать ее. Очень скоро появится также и статья в Математическом сборнике, которую Вы читали в рукописи. Очень приятно знать, что у меня есть читатель и, притом, такой хороший, как Вы. Теперь это особенно ценно. Уже вышла книжка Александрова, она очень большая и стоит тридцать рублей с небольшим, а моя будет стоить пятерку.

Ваши рассуждения о временности или, лучше скажем, бренности всего земного не вполне убедительны. Если трудности с посылкой оттисков временны, то и мы живем временно, а что временное – неизвестно. В начале тридцатых годов началось временное явление трудности с поездками ученых деятелей за границу. Теперь ясно, что это явление временное и прекратится, когда на земле будет завершено строительство коммунизма.

По возвращении в Москву я впал в состояние чрезвычайной бессонницы, с которой не могу справиться до сих

пор, и именно потому мало, что делаю. Сегодня не курю уже четвертый день и мне несколько лучше, но сон пока не улучшается, просто чувствую себя не так противно, как раньше.

У меня уже в течение многих лет появляется повышенная температура, очень противная, но, по-видимому, несколько не опасная, причин ее установить не удастся. Это я в связи с температурой у Нины. По-видимому, температура не всегда означает болезнь.

Очень хотелось бы с Вами поскорей встретиться. Приезжайте, когда у Вас будет возможность.

Вы предполагаете, что для четырехмерного многообразия характеристический цикл, соответствующий двум векторным полям, всегда гомотогичен нулю. Я ничего сейчас не могу сказать относительно этого предположения, но оно кажется мне сомнительным. Между прочим, есть работа Штифеля, в которой вычислены все Штифелевские характеристические циклы для проективных пространств. Кажется, у него получается, что для четырехмерного проективного пространства интересующий Вас цикл не гомотогичен нулю. Правда, четырехмерное проективное пространство не ориентируемо, а я делал все для ориентируемых многообразий, так что пример, если даже он верен, не совсем тот. Моя вторая статья в Математическом Сборнике появится через номер после первой, она относится к векторным полям на многообразиях. Теперь, вернее перед отъездом, я писал те же самые характеристические циклы, только в тензорном изложении, теперь буду продолжать.

Пока до свидания, Изя. Шлю Вам сердечный привет. Передайте привет Нине и Александру Александровичу. Очень хочется встретиться и с Вами, и с ним. Лева.

7/11/47. Москва

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с праздником и с выигрышем. Теперь, принимая во внимание Ваше возросшее благосостояние, Вы могли бы приехать в Москву. Очень было бы приятно с Вами встретиться.

Я живу довольно благополучно, не курю уже пятую неделю и чувствую себя значительно лучше. Некоторое огорчение доставляет мне моя лень, очень не хочется приниматься за писание работ или за размышления, выполняю только разную текущую работу, правда, кое-что читаю математическое. Прочел статью Александра о кольцах гомотопий для топологических пространств. Эту вещь он рассказывал у нас в 1945 г., а теперь опубликовал в Бюллетене Американского Мат. Общества. Работа

приятная, но, по-видимому, требует продолжения, так как содержит почти одни определения, написана очень легко.

Оттисков моей статьи из сборника еще нет, нет также и книжки, впрочем, готовую книжку я уже держал в руках, именно тот экземпляр, который отправился затем в Главлит.

Когда получу то и другое, то, конечно, перешлю Вам.

Никаких существенных событий, аналогичных Вашему выигрышу, у меня нет.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Лева.

5/1/48. Москва

Дорогой Изя,

только что прибыл из Ленинграда и получил два Ваши письма от 27 и 31, а также письмо неизвестного хулигана от 28-го. Его я прочел раньше, чем оба Ваши письма, но сразу же понял, что мое письмо, написанное в ответ на Вашу открытку от четырнадцатого, попало не к Вам. Письмо мое было послано, вероятно, около двадцать первого и в нем трактовалась финансовая реформа и моя поездка в Ленинград. Письмо хулигана я прилагаю к этому.

Ввиду пропажи моего предыдущего письма, я постараюсь восстановить его содержание, хотя и не помню его точно. Большая часть моих денег находилась на сберкнижке, но дома после тщательных подсчетов всех ресурсов, включая и ценные бумаги, все же оказалось около двенадцати тысяч. Я имею в виду те ценные бумаги, которые можно было уже некоторое время назад обменять на деньги, например, не востребованные выигрыши и отпускные по второму талону. Должен, однако, признать, что я ожидал худшего и реформой остался доволен, тем более что действительно стало лучше жить, настолько лучше, что я ожидаю снижения зарплат, если не для всех, то для ученых.

В Ленинграде на этот раз я провел целых одиннадцать дней и встречал там Новый год в обществе Таси и моей знакомой Рыбы с мужем. Возможно, что в близком будущем я опять поеду в Ленинград, так как, кажется, двадцатого начинается сессия Отделения физ.-мат. наук в Ленинграде, но поездка будет непродолжительная, как только выясню, напишу опять.

Моя книжка уже появилась в продаже в Ленинграде. Иваненко, который мне там встретился, уже купил ее, но я сам не сумел найти, не знаю, продается ли здесь.

Во время пребывания в Ленинграде сделал маленькую работу по заказу Крейна. Результат заключается в классификации всех непрерывных отображений действительного проективного пространства некоторой размерности в него же. Классификация в

обычном смысле гомотопий. Вопрос Крейна формулируется не так, но решается классификацией.

Очень неприятно, что письма, отправленные к Вам, могут попадать в руки неизвестных и, притом, весьма активно настроенных хулиганов. Ведь этот гад написал целых два письма по поводу одного только моего. Он обладает завидной склонностью к писанию писем, но, конечно, нужно положить этому делу конец. Если этот гад подделал два Ваши письма, то он может подделать и мое письмо, что гораздо легче, так как я пишу на машинке, и уже совершенно неизвестно какое употребление может он сделать из таких писем. Ведь он может написать черт знает что и послать не Вам, а куда-нибудь еще.

В Москве был Андронов, но, к сожалению, он не зашел ко мне, он, по-видимому, чувствует себя не совсем хорошо.

Ну, пока до свидания. Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству. Мама также присоединяется к привету. Лева.

14/1/48. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо от 11/1. В Ленинград я на каникулах не поеду, так как сессия отделения состоится там только в феврале. Таким образом, мы с Вами сможем много раз встретиться, когда Вы приедете.

Относительно классификации комплексного проективного пространства в себя я совершенно не думал и, вероятно, это не похоже, или не совсем похоже на действительный случай, так что если хотите – думайте.

Относительно ученых я, конечно, не знаю никаких подробностей, не знаю даже, обсуждается ли вопрос о них каким-либо важным начальством, или все происходит из того соображения, что они слишком много получают, под "все" я подразумеваю слухи. Впрочем, сие от нас не зависит.

Ваш активный хулиган больше не писал мне писем, надеюсь, что и мои письма будут теперь благополучно следовать к Вам.

Все последнее время я усердно занимаюсь писанием своей работы "Топологические инварианты римановых многообразий", считаю, что написал уже больше половины, это работа легкая и для писания, и для чтения. Оттисков последней работы еще не имею, но надеюсь, что к Вашему приезду уже будет. Зато имеется уже книжка.

Еще в начале декабря я написал рецензию на книжку Александрова для журнала "Советская книга". После моего

возвращения из Ленинграда, обнаружили корректуры этой рецензии, оказалось, однако, что рецензия моя так отредактирована, что ее невозможно узнать, и это даже без всякой попытки спросить меня, согласен ли я на такие изменения. В результате продолжительного телефонного скандала обещали все восстановить, причем им пришлось полностью разобрать набор и перенести рецензию в следующий номер журнала. Говорят, что подобное бесцеремонное обращение с авторами является нормой, и отнюдь не всегда можно добиться восстановления. Меня тоже пытались уговорить, что поскольку мои мысли не изменены, можно все оставить так, как они написали. Я сказал, что если им мой текст не подходит, то пусть они не печатают ничего. Кажется, редакция была просто удивлена и сочла, что я капризничаю, так они привыкли безобразничать.

Надеюсь, до скорого свидания. Шлю Вам сердечный привет. Лева.

27/3/48. Москва

Дорогой Изя,

получил Ваше письмо и открытку. На открытку ответил, в ней объяснил, что не писал ввиду большого числа вопросов Вашего письма. Теперь перехожу к вопросам, именно, к классификации отображений.

Пусть P и Q – два действительные проективные пространства размерности n , а P' и Q' –

их подпространства размерности $n-1$. Через f обозначим симплициальное отображение P в Q . Пусть B – некоторый ориентированный n -мерный симплекс из Q , а A_1, \dots, A_k – совокупность всех симплексов из P , отображающихся на B . Если n нечетно, то будем считать, что ориентация симплекса B согласована с заданной ориентацией Q , а ориентация симплекса A_1 согласована с ориентацией P . В случае четного n ориентации симплексов B и A_1 выберем произвольно. Будем считать, что проективная прямая из P переходит в кривую, гомотопную проективной прямой в Q . Вдоль кривой этой распространим ориентацию симплекса A_1 на симплекс A_i . Этим самым все симплексы A_i получают ориентацию, и определяется степень отображения пространства P в пространство Q . При n нечетном так полученная степень совпадает с обычной, при n четном степень, так определенная, определена с точностью до знака. Вам уже известно, что степень отображения получается нечетная. Пусть f – такое отображение, что $f(P')=Q'$. Степень отображения f пространства P' на пространство Q' определенной перестройкой этого отображения может быть изменена на любое четное число.

Перестройку эту можно осуществить как деформацию отображения f пространства P' в пространстве Q . Если у нас, таким образом, имеются два отображения f и g одинаковой степени (на P), то можно считать, что $f(P') = g(P') = Q'$, и что степени обоих отображений f и g пространства P' на Q' одинаковы. По предположению индукции можно считать, таким образом, что отображения f и g пространства P в пространство Q совпадают на P' . Если теперь n нечетно, то мы получаем два отображения n -мерного элемента E в Q с одинаковой степенью, которые эквивалентны, а потому эквивалентны и отображения f и g пространства P в пространство Q . Этот способ рассуждения не применим к четному n , так как степень отображения в этом случае не имеет простого обычного смысла, и невозможно заключить, что соответствующие элементы имеют одинаковую степень, вернее, нельзя заключить, что соответствующая сфера имеет степень отображения нуль.

В случае четного n заметим, что существует такое движение пространства Q внутри себя (движение здесь – однопараметрическое семейство проективных отображений), при котором тождественное отображение Q в Q переходит в отображение φ , при котором

$\varphi(Q') = Q'$, а степень отображения $Q-Q'$ на себя равна минус единице.

Заданные отображения f и g известным приемом подправим так, чтобы для некоторой точки b из Q , не принадлежащей к Q' , $f^{-1}(b) = g^{-1}(b) = a$, где a – одна точка из P , не принадлежащая к P' . Шаровая окрестность u точки a имеет тогда определенную степень отображения как при f , так и при g , причем степени эти мы предположим равными или отличающимися только знаком. Если они отличаются знаком, то применим преобразование φ , т.е. вместо g рассмотрим φg . Можно теперь заменить f и g , соответственно, эквивалентными отображениями f' и g' , удовлетворяющими условию $f'(P-u) = g'(P-u) = Q'$. Из этого следует, что отображения f' и g' пространств P' и Q' имеют одинаковую степень и потому эквивалентны. Остальное рассуждение такое же, как и в случае нечетного n . Шлю привет. Лева.

5/5/48. Москва

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше вполне не математическое письмо и сразу же на него отвечаю. Очень сожалею о Ваших неприятностях, понимаю, что дело довольно серьезное, и даже не знаю, что тут сказать.

Я тоже уже очень устал. Лекции и семинар закончил, но дел еще много. Нужно проверять две трудные кандидатские диссертации. Одну сочиняет мой Постников, другую – аспирант Люстерника, и при ней я буду оппонентом. Постников дал полную классификацию отображений трехмерного комплекса в комплекс произвольной размерности с тривиальной фундаментальной группой. Если все верно, то это хорошая работа, но проверять ужасно трудно, так как используется сложный аппарат.

У моей мамы что-то сделалось с сердцем – упадок сердечной деятельности. Двадцать дней отдыхала в Узком, и стало лучше. В это время у меня была в гостях Тася. Что буду делать летом, еще не знаю. Ужасно трудно подыскать себе хорошее место для отдыха. Прежние, излюбленные, разорены войной, а когда едешь в новое неизвестное место, то можно напороться на совершенно невозможные условия, как это было в прошлом году на Кавказской Ривьере. Быть может, поедем в Хосту. Маму тоже нужно устроить как-нибудь комфортабельно, так как в тех условиях, в каких она отдыхала в прошлом году, ей жить теперь уже невозможно.

У меня за последнее время переживания с холодильником. Мы с Тасей нашли великолепный, совершенно новый, большой немецкий холодильник и его купили. Так как он был весь опломбирован, то сомнений в нем не возникало. Попробовать его в магазине было нельзя, так как у него стоит мотор постоянного тока. Мотор обещали сменить в одном академическом институте. Привезли холодильник туда, поставили его под постоянный ток, холодильник стал прекрасно вертеться, но охлаждения не давал. Гипотеза заключается в том, что холодильник этот настолько нов, что еще не был никогда заполнен газом, а лежал на складе завода, откуда и был забран нашим полковником. Можно было бы этот холодильник вернуть обратно в магазин, но нет никакой возможности найти другой и мне очень не хочется с ним расставаться. Так что теперь я стараюсь найти такое место, где холодильник могли бы наполнить газом, но пока еще не нашел, а только огорчаюсь. Тем временем становится жарко, а холодильника нет как нет.

Ну, пока до свидания. Шлю Вам и Нине сердечный привет. Лева.

7/6/48. Москва

Дорогой Изя,

внимательно изучив Вашу характеристику, я пришел, как и Вы, к заключению, что для получения диплома она, вероятно, годится, а для поступления на другую работу – вряд ли. Что с ней

делать я просто не знаю, но может быть, можно без скандала. В.А.Рохлин, который читал Вашу характеристику, считает, что раз уж Вы начали исправляться, то нельзя ли это продолжить. Я полагаю, что все зависит от ситуации, и на месте Вам виднее, но соображение Рохлина кажется и мне не лишним смысла.

Поздравляю Вас с наступающей дочкой, но вдруг будет сын, ведь это так бывает, что же касается дочки, то я мог бы рекомендовать Вам имя Наташа, оно мне очень нравится и, вообще, дочка, по-моему, приятнее сына, так что я с Вашими намерениями вполне согласен.

У нас произошло интересное событие, И.Г.Петровского выбрали академиком-секретарем Отделения Физико-математических наук, так как срок полномочий Иоффе истек. Из математика трудно себе представить человека, более приятного на административной должности, но, конечно, для самого Петровского это может быть довольно неприятно и тяжело.

По поводу Математического Сборника кратко могу сообщить следующее. Положение с ним стало весьма не благополучным – работа до напечатания идет около двух лет. Ввиду этого, когда прошлой весной я был председателем комиссии по обследованию работы М.С., были внесены предложения об изменении порядка отбора статей и об укреплении редакции. Комиссия действовала по поручению Академии, а сборник принадлежит и Мат. Обществу. Решения комиссии в прошлом году не были реализованы, а в нынешнем году вновь от академии была назначена комиссия под председательством Виноградова и при моем участии. Мы весьма кратко заседали и постановили составить новую редакцию. Это решение, конечно, несколько не окончательное было встречено Мат. обществом с ужасным возмущением. На правлении, куда всю комиссию пригласили и куда явился я один, меня ужасно ругали, так что даже весело было слушать. Бермант, например, кричал: "Вы хотите выгнать людей, которые семнадцать лет работают, нет Лев Сесенович, это не выйдет". Правление, в ответ на злостные действия комиссии Академии Наук, решило выделить свою и выбрало Петровского председателем, а меня и нескольких других ее членами. Стояла задача выработать предложения, приемлемые для обоих хозяев журнала. Академия считала, что следует устранить от руководства журналом Шмидта, ввиду его болезни, и Берманта, ввиду того, что он несколько не желает делиться своей властью по управлению Мат. Сборником с другими, а между тем ясно, что не пристало ему управлять главным нашим журналом. Общество, в лице Пусиков, считало, что Шмидта отстранять не

нужно, а следует придать ему Александрова, в качестве фактического руководителя журнала. Академия предлагала в качестве редактора Лаврентьева, но он был решительно отвергнут Колмогоровым, который сказал, что вот если Келдыш, то дело другое. Тогда ему сказали, что можно и Келдыша, тогда он очень рассердился и сказал, вот общество заберет журнал себе, а ему ответили, что академия на это согласна, здесь он рассердился еще больше и сказал, что как академик он будет против этого решительно возражать. Тут стали говорить, ну, давайте управлять журналом вместе и пусть Александров и Келдыш его возглавят, но это было принято весьма кисло. В конце концов, Пусики решили, что лучше действительно отобрать журнал у академии и, так как академия не возражала, то на заседание бюро отделения соответствующее решение было вынесено. Не знаю, будет ли оно осуществлено, так как нужна еще санкция Ц.К. Нужно, однако, сказать, что передачей в общество Пусики остались недовольны. По-видимому, им хотелось управлять журналом в системе академии наук. Вот такая история. Я рассказал ее Вам весьма схематично, но некоторое время она меня весьма занимала.

Приходится кончать, бумага исчерпана.

Шлю сердечный привет Вам, Нине и будущей дочке. Жаль, что Вы не собираетесь в Москву. Лева.

13/9/48. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо, а еще раньше Сигалов рассказывал мне о Ваших делах. Думаю, что Вас не уволят, это обычный прием, говорят, что уходите лучше сами, а то уволим, в действительности же уволить так себе, за здорово живешь, не решаются. Так обстоит дело у В.А.Ефремовича. Когда он вернулся из отпуска, ему сообщили в дирекции, что, ввиду сокращения штатов, они не смогут воспользоваться его услугами, после некоторого разговора сказали, что в течение полугода они не уволят. Ввиду этого всего В.А. развел целую канитель с поисками различных мест работы и обнаружил их не мало. Когда же он заявил, что, пожалуй, теперь уйдет, ему сказали, что так нельзя, а нужно найти для себя заместителя, найти заместителя, однако, не удается, так как каждый кандидат оказывается недостаточно хорошим. Конечно, его сильно раздергали, а ничего не изменилось.

На Ваше письмо я не ответил ввиду того, что машинки при мне не было, да и писать, в сущности, было не о чем, так как никаких событий не происходило. С двадцать шестого августа я в Москве, но до сих пор еще не принялся ни за какую работу, кроме

чтения, вернее, перечитывания статьи Стиррода. Завтра я должен начать курс лекций по теоретико-множественной топологии. Семинар еще не начал, так как в зависимости от того, уедет ли В.А.Ефремович в Ленинград, я буду вести семинар совместно с ним или нет, а от этого существенно зависит программа семинара.

Весьма интересны события на биологическом фронте. Конечно, они должны до некоторой степени отразиться на всей науке, во всяком случае, всем председателям ученых советов предложено при открытии первого заседания как-то реагировать на события и сделать выводы для себя. Голубев, декан нашего факультета, так начал свое выступление по этому поводу: "Вы все, конечно, читали о событиях на биологическом фронте, в частности, письмо Ю.Жданова, если кто не читал этого письма, то очень советую прочесть".

После того как я соблазнился на курение, я курил целый месяц, а потом бросил, и не курю уже больше месяца совершенно. Сперва пил много портвейна. Каждый раз, как хотелось курить, выпивал пару глотков, так что в день выходило до полбутылки, а теперь перестал почти совсем и, хотя хочется, я не курю. Кроме того, уже больше недели, как перестал принимать снотворные, сплю ужасно плохо, но решил, что отравлять себя дальше так уже больше нельзя. Не знаю, что будет дальше, но пока мне ужасно трудно и настроение очень плохое, но зато нет отвратительного ощущения затуманенного состояния, которое было все последние годы под действием сильных снотворных.

.....(Неразборчиво)..... факт, что удалось привести в действие холодильник, он теперь прекрасно работает, и мама им очень довольна.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.
Л.Понтрягин.

16/11/48. Москва

Дорогой Изя,

уже дней десять назад получил Ваше письмо, но не отвечал потому, что в гостях у меня была Тася, и я был этим очень занят, так что даже после ее отъезда не сразу получил возможность написать, ввиду того, что запустил свои дела.

Относительно Вашей работы я полагаю, что у Вас все верно, т.е. ничего такого, что показалось бы мне неправдоподобным, я не нашел. Неверно, по-видимому, только то, что *G* есть факторгруппа группы Бетти накрывающего комплекса, но это для Вас и не важно. Что касается возможности опубликовать, то, в случае, если все верно, нужно сделать публикацию немедленно в ДАН, так как в противном случае Ваши результаты

очень скоро будут перекрыты Постниковым. Он уже сегодня пытался докладывать на кружке решение вопроса, который я Вам ставил, именно: вместо проективного пространства – полиэдр, в котором нетривиальная фундаментальная группа, а тривиальны некоторые промежуточные группы, начиная с двумерной и кончая той, размерность которой на единицу меньше размерности отображаемого комплекса. Я думаю, что хотя сегодня была некоторая путаница, все же результат есть или будет через несколько дней. Я ему сказал, что Вы сделали работу для проективного пространства, но не формулировал результата Вашего. Я думаю, что Вам нужно его написать и опубликовать, а Постников будет публиковать свой вскоре после Вашего.

Что касается моих дел, то я нахожусь в довольно хорошем настроении и после отъезда Таси начал усердно трудиться. Пишу работу, а сверх того, читаю лекции, веду семинар и заседаю на топологическом кружке.

На прошлой неделе у нас было заседание совета факультета, продолжавшееся до вечера и посвященное положению в математических и прочих факультетских науках. Ничего существенного не прошло на этом заседании, только были выявлены менделисты-морганисты в лице Колмогорова и Ляпунова живого. Впрочем, вина их не слишком тяжелая, восемь лет назад они что-то сочиняли по поводу закона Менделя, относительно Колмогорова Вы, вероятно, даже слышали и помните. На этих заседаниях я сидел смирно и даже несколько скучал.

Во время последнего визита Андропова в Москву я просил его прислать мне некоторые оттиски с тем, чтобы я мог опять заняться вопросами теории колебаний и регулирования, он обещал, но пока ничего не прислал. Быть может для Вас не будет слишком трудно взять у него соответствующие оттиски и, быть может даже с некоторыми комментариями, направить их мне.

Ну, пока до свидания. Шлю сердечный привет. Лева.

27/11/48. Москва

Дорогой Изя,

дня три, как получил Ваше письмо. По поводу Вашей работы могу сообщить следующее. Вы пишете заметку для ДАН и присылайте ее мне, я ее изучу и постараюсь все понять и восстановить доказательства, старайтесь писать так, чтобы это было возможно. Помощью мне, вероятно, будет служить то, что рассказывал Постников. Я еще не проверил и не продумал того, что сделал он, так что не знаю, насколько это совпадает для частного случая с Вашим, но ведь должно же быть сходство, и мне

будет удобно обдумывать сразу две похожие вещи. Надеюсь, что я со всем разберусь, и мне не придется просить личной встречи с Вами.

Лекции по топологии я читаю очень медленно. Рассказал уже теорему метризации Урысона и теперь рассказываю о бикомпактных пространствах, но пользуюсь только одним определением через покрытия, остальные требуют трансфинитной индукции, и поэтому их не употребляю. Далее полагаю рассказать теорему включения Тихонова, а затем будет теория размерности.

Работа, которую пишу, дает вычисления гомотопических групп размерности $n+1$ для полиэдра, в котором фундаментальная группа и группы Бетти всех размерностей до $n-1$, включительно, тривиальны. Результаты выражаются в терминах гомологий и произведений Александра - Колмогорова, а также аналогичных произведений, введенных в последнее время Стинродом. Надеюсь, что к концу декабря закончу и отредактирую. После этого хочу заняться теми вопросами, которые мне порекомендует Андронов. Очень приятно было узнать от Вас, что он собирается мне написать. Я ему уже написал письмо с просьбой, это от нетерпения.

Дискуссия на математическом фронте носит спокойный и безопасный характер, я, кажется, Вам уже писал, что только Моисеев (16) отличился – разоблачил менделистов: Колмогорова и Ляпунова.

Пока до свидания. Шлю сердечный привет. Лева.

4/12/48.

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше обширное послание вместе со всеми приложениями. Изучать его буду послезавтра вместе с В.Рохлиным. Думаю, что все смогу разобрать, так как в связи с работой М.Постникова уже думал на эту тему. Когда прочту Вашу работу, напишу Вам, что есть у Постникова и какая разница между Вашей работой и его. У меня никаких существенных событий. Скоро допишу свою работу и тогда думаю опубликовать еще заметку в ДАН с ее изложением. Очень уж медленно публикуют теперь в Сборнике и Известиях.

Пока до свидания. Шлю привет Вам и семейству.

3/1/49. Москва

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с наступившим новым годом и желаю всего лучшего. С работой Вашей ничего дурного не случилось, но я прочел только половину, после чего заболел В.А.Рохлин – мой помощник, а затем приехала Тася, и чтение, таким образом,

прервалось. Теперь я поеду на сессию Академии Наук в Ленинград и только по возвращении оттуда дочитаю Вашу заметку. В совершенно таком же положении находится соответствующая заметка Постникова. Не сердитесь на меня, что я так задерживаю с чтением. Вернусь я числа тринадцатого, если приедете в Москву после этого, буду очень рад, но, надеюсь, что прочту заметку до Вашего приезда.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.
Лева.

5/1/49.

Дорогой Изя,
третьего дня получил Ваше письмо-открытку. Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и желаю всяческих успехов и, в частности, дочку.

В конце января я поеду в Ленинград, там будет сессия отделения, и я собираюсь провести там с неделю, так что, не списавшись со мной, не выбирайте срока приезда. В январе (?) предполагаем устроить Всесоюзную топологическую конференцию, на которую Вы, конечно, будете приглашены, имейте в виду.

У меня – интересные математические новости. Помните мою заметку о классификации отображений сферы размерности на два больше, чем та, в которую отображаем, тот случай, когда получался только один класс отображений. Так вот, в этой заметке я при попытке написать полное изложение нашел ошибки почти что вычислительного характера. Оказалось, что классов отображений имеется ровно два, метод доказательства по существу тот же, что был, но в некоторый момент рассуждения переходят на другие рельсы, и вместо деформации в точку получается новый инвариант, который может принимать значения нуль и единицу. Хотя, конечно, неприятно обнаружить вранье в работе, сделанной тринадцать лет назад, но прежний результат кажется мне теперь тривиальным и бесперспективным. Новый же открывает перспективы дальнейших исследований, и вдохновленный этим я теперь стараюсь продвинуться сколько-нибудь в том смысле, чтобы находить новые нетривиальные отображения сфер. Для размерности три мне, кажется, уже удалось найти четыре класса различных отображений вместо известных до сих пор двух. Мне бы очень было неприятно, если бы мое вранье обнаружил не только я, но и другие. Точнее, я опасаясь, что одновременно с моей заметкой в ДАН появится какая-либо работа, в которой будет установлено вранье и доказан мой теперешний результат. Заметку я уже написал весьма спешно,

доказательство рассказывал Рохлину, и вместе проверяли, заметка появится в конце февраля.

Следующая интересная новость заключается в покупке новой радиолы, старую ведь мы с Вами вместе привозили домой. Так вот, новая действительно очень хорошая, звук прекрасный, приемник в ней значительно лучше и, сверх того, автомат, который может сам сменять пластинки. Вы заряжаете радиолу десятью пластинками, и они одна за другой проигрываются без всякого Вашего вмешательства, правда, только с одной стороны.

Вадим Арсеньевич работает теперь в Иванове и проводит там значительную часть времени, так как всячески развлекаюсь вполне приятным образом.

Теперь собираюсь писать большую работу, в которой будут помещены различные результаты об отображениях сфер, а в качестве метода будет использоваться аппроксимация отображений дифференцируемыми, это примыкает к тому, что я с осени сделал в области дифференцируемых многообразий, так что программа интересная для меня.

Шлю сердечный привет всему Вашему семейству, надеюсь на скорое свидание.

Мама, хотя и отдохнула зимой хорошо, но теперь чувствует себя довольно неважно, по-видимому, годы дают себя знать. Она тоже просит передать Вам привет.

При случае напомните, пожалуйста, Андронову, что он обещал прислать мне книжку и работу Неймарка (17).

Еще раз привет. Лева.

8/3/49. Москва

Дорогой Изя,

оттиск получил уже давно, письмо – с неделю, а деньги – только вчера, правда, извещение о них пришло, кажется, одновременно с письмом, но получила их мама только вчера.

У меня никаких особенно важных событий. Закончил редактирование последней работы и написал ее в кратком виде для ДАН. Пока сделал перерыв в писании, стараюсь вникнуть в деятельность Андроновского Неймарка: его заметки в ДАН написаны прескверно и раздражают меня и Володю. Пока никакого существенного проникновения в эту область не ощущаю. Преподавание идет хорошо, вторую часть моего курса топологии, посвященную теории размерности, слушают много – человек двадцать и поэтому читать приятно, на семинаре тоже сравнительно благополучно.

Космополитов в среде математиков пока не обнаружилось, и я склонен трактовать болезнь космополитизма,

как присущую разным гуманитарным областям знания. Посмотрим, как пойдет далее обнаружение космополитизма. У нас имеется очень большой методологический семинар под водительством Яновской, на прошлом собрании с докладом Яновской "Партийность в математике" присутствовало более ста человек. В списке, который ходил по рукам для того, чтобы присутствовавшие записывались, требовалось указывать не только фамилию, но и должность. Так вот, один из присутствовавших записал себе должность "новатор наук", что всех несколько удивило и развлекло.

Небольшие философские дискуссии в области математики возникают, время от времени, так сказать, на местах, но ведутся на низком научном уровне. Недавно к Пусику обратились работники кафедры математики одного вуза с жалобой, что их там едят и обвиняют в философских ошибках за то, что они считают, что тангенс не принимает бесконечных значений, а просто теряет всякое значение в надлежащих точках. Критика этого строится так: "Вы отрицаете бесконечность, а между тем существование ее подтверждается бесконечной делимостью материи и бесконечностью Вселенной". Пусик от имени кафедры написал разъяснение по этому поводу. Интересно будет знать, как дело пойдет дальше.

Ну, пока до свидания. Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству. Лева.

22/3/49. Москва

Дорогой Изя,

мне чрезвычайно срочно нужно получить от Вас полное название и место публикации работы Штифеля о векторных полях, так как нужно вставить это в мою работу, у которой через шесть дней будет уже последняя сверка. Пришлите, пожалуйста.

Вадим Арсеньевич вчера получил предложение из милиции выехать сегодня из Московской Области в любом направлении без всяких исключений. Я был у начальника милиции областной и выезд отложен до первого апреля с тем, чтобы можно было возбудить перед начальником милиции ходатайство об оставлении на прежнем месте. Ходатайство должно быть от Министерства Высшего образования. Расскажите обо всем этом А.А., может быть он что сможет предпринять как по линии ходатайства от Министерства, так и по линии обращения к самому начальнику Областной Милиции товарищу Григорьеву.

Если А.А. предполагает быть скоро в Москве, то попросите его позвонить, сразу же по приезде позвонить ко мне.

Шлю Вам сердечный привет. Лева.

7/4/49. Москва

Дорогой Изя,

не отвечал так долго потому, что надеялся сообщить, что, наконец, случилось с В.А.Ефремовичем, но это до сих пор не определилось, и я надеюсь, что, быть может, и к лучшему, так как ведь скоро приедет в Москву А.А.

Из Министерства Высш. Обра. мы еще двадцать четвертого получили великолепное ходатайство в Областную Милицию, которое вместе с ходатайством, подписанным Александровым, Колмогоровым и мною, передали нач.Обл. Мил. Тот сказал, что это удовлетворит, по его мнению, но что нужно утверждение замминистра внутренних дел, и вот до сих пор этого утверждения нет, не понятно в чем дело. Если так дотянется до приезда А.А., то, может быть, он что посоветует или сделает.

Я чувствую себя ужасно плохо, бессонница меня опять совершенно замучила. Сильных снотворных я не принимаю, а с бромуралом сплю часов пять, а то и четырех ночь.

Недавно я делал в математическом обществе доклад, рассказал свой результат о том, что гомотопический тип четырехмерного многообразия с тривиальной фундаментальной группой определяется матрицей индексов пересечений двумерных циклов некоторой базы с ними самими, короче говоря, кольцом пересечений. Не то, чтобы у меня в течение последних лет не было других результатов, которые можно было бы рассказать на обществе, но этот результат показался мне более удоборассказуемым. Рассказывал я с большим удовольствием. К моему огорчению, через неделю прибыл швейцарский журнал, в котором опубликована статья Вайтхеда, в которой дается гомотопическая классификация четырехмерных полиэдров с тривиальной фундаментальной группой. Меня несколько утешает, что Вайтхед пользуется моими результатами, по-видимому, теми же, на основе которых я сделал свою работу. К сожалению, благодаря бессоннице, не имею возможности прочесть работу Вайтхеда, знаю ее только со слов Рохлина, который ее просматривал.

Ну, пока до свидания. Очень бы я хотел, чтобы А.А. приехал поскорей. Если Вас не затруднит, то сообщите о дне его приезда, быть может, даже телеграммой, если Вы найдете это удобным. Быть может, мне знание это пригодится для ориентировки.

Шлю сердечный привет. Лева.

1/9/49. Москва

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с сыном. Придется Вам, не останавливаясь перед трудностями, добиваться дочки подобно тому, как это делает Соболев в отношении сына.

Насколько помню, почти одновременно с отгисками я послал Вам письмо с моим полным летним расписанием, включая точные адреса, и надеялся получать летом от Вас письма, как видно, Вы не получили этого письма.

28 августа мы с Тасей вернулись с юга, где прекрасно провели время. Июль – в Кисловодске, а август – под Сочи в санатории Вашего горьковского Облсполкома в Мамайке. И тот, и другой месяц я считаю исключительно удачным. Наш способ отдыха заключался в больших прогулках по горкам, так чтобы лезть вверх и вниз. Продолжительность прогулки иногда доходила до четырех с лишним часов, а протяженность – до пятнадцати километров, высота же подъема – метров до трехсот. Нам с Тасей это очень понравилось, и мы прекрасно отдохнули, в результате чего я уже около месяца сплю, не принимая никаких снотворных, чего со мною не было уже около десяти лет.

Мамайка нам очень понравилась, хотя корм там был плохой, но место – замечательно хорошее. Санаторий стоит на крутом берегу моря в большом парке, и тут же – лесистые горки, по которым можно с удовольствием гулять, если не слишком бояться колючек и крутых тропок. Мы там, конечно, и купались, но гулянье мне понравилось больше.

В Мамайке мы познакомились с несколькими Горьковскими медиками, в частности, с Синицыным, который пересаживает сердца, он мне показался очень приятным и интересным человеком. В Мамайке была еще дочка и секретарша Андропова, забавно, что Андронов только от меня узнал о Мамайке, и на основе моей рекомендации направил туда этих двух лиц. Мамайка хороша еще тем, что она мало похожа на курорт, думаю, что соберусь туда еще раз.

Мама два месяца отдыхала в Абрамцеве и тоже довольна и хорошо себя чувствует.

Вчера в Университете было собрание профессоров и преподавателей нашего факультета, на котором Голубев (декан) произнес большую речь. В речи указывалось, что страна предъявляет к нам новые и новые требования, что нужно начать дальнейшие усилия в направлении, указанном сессией ВАСХНИЛ. Далее указывалось, что финансовая дисциплина требует сокращения ряда весьма ценных работников, в том числе, по-

видимому, Гельфанда, Делоне и Люстерника. В заключение было сообщено, что получены для работников факультета три квартиры: одна трехкомнатная и две двухкомнатные, одну из двухкомнатных предоставляют Курошу. Это, конечно, не слишком роскошно.

Ну вот, пожалуй, и все. Передайте мои поздравления Нине. Пишите. Лева.

2/12/49. Москва

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо, а на предыдущее я действительно не ответил, хотя и получил его уже давно.

В этом году я тружусь по служебным делам больше, чем когда-либо, и потому очень занят. Кроме обычных дел, лекций и семинаров у меня четверо дипломников и один аспирант, а вероятно, будет и второй. Четверо дипломников – это большая нагрузка, так как для каждого нужно придумать тему дипломной работы, старые мои разные недоделанные вещи, которые я обычно отдавал на дипломные и на кандидатские, уже истощились, а отображения слишком сложны, чтобы можно было их давать глупым девчонкам. В связи с этим я решил вникнуть в работы Витнея по дифференцируемым многообразиям, что, впрочем, и раньше до некоторой степени было мне близко. Теперь обнаружилось, что масса вещей им были сделаны плохо, и что можно многое усовершенствовать. Некоторые вещи настолько интересны, что я занялся ими сам и привел их в связь с прежними моими работами относительно критических точек систем функций, так что надеюсь получить новые существенные результаты относительно характеристических циклов. Нашлось также и для дипломников. Таким образом, я сперва довольно много читал математики, а теперь думаю тоже довольно усердно и это несмотря на обремененность служебными делами. Вчера я сказал Пусику, что занимаюсь математикой, так он даже удивился и говорит: “Как же Вы это успеваете при таком количестве служебных обязанностей?” У нас теперь ужасные строгости, направленные главным образом к тому, чтобы мы не бездельничали: чтобы сидели в местах службы и давали должное число часов. Причем нет такого стремления, чтобы оценивать работу сдельно, по результатам, а больше стараются по часам, чтобы не было у нас свободного времени, а если какое есть, то и то стремятся занять общественной деятельностью. Да меня в последнее время сильно злит деятельность по изучению чужих малоинтересных для меня работ на предмет оценки их то для печати, то для премии. Особенно обозлили меня работы Вашего

горьковского Неймарка, которые он представил на премию имени Чеботарева. Написано так подло, что нельзя разобрать, где вранье, а где есть проблески истины, так как формулировки возмутительно небрежны и безграмотны, а доказательств просто часто невозможно разобрать. Андронов, по-видимому, ценит его деятельность, но нужно было бы, конечно, привести ее в состояние, пригодное для чтения.

Вот так я живу, загруженный разными делами, и вижу, что при теперешних порядках нет никакой возможности иметь в Университете полную нагрузку и, следовательно, ставку. У меня никогда еще не было столько работы в Университете, как в этом году, но полного числа часов при том способе подсчета, который употребляется начальством, все равно не выходит. Экзамены аспирантов, на которые я трачу много времени, не учитываются, консультации к семинару, на что тоже идет много времени, тоже не полагаются и тому подобное. Кажется, есть такая точка зрения, что семинары должны вестись ассистентами, а не профессорами.

Несмотря на такого рода неприятности, чувствую я себя неплохо, и настроение у меня хорошее.

Я Вам давно уже писал, что в порядке экономии средств предполагалось уволить с факультета Делоне, Гельфанда и Люстерника; так вот, в самом деле, уволили только Гельфанда.

Очень приятно было бы с Вами встретиться. Напишите, не собираетесь ли в Москву. Мне также было бы важно знать, когда предполагает быть в Москве Андронов, спросите его, если будет возможность. Дело в том, что я решил обучать своего аспиранта теории колебаний по книжке Андропова и всяким электрическим вещам по книжке Бофе. Непонятно, однако, кто будет его по этому всему экзаменовать, вот если бы Андронов сам заинтересовался или бы порекомендовал кого-либо. Спросите его, пожалуйста.

Шлю привет Вам и всему Вашему многочисленному семейству. Лева.

24/2/50. Москва

Дорогой Изя,

приходится переписывать письмо второй раз: первый раз писал на обратной стороне выключенной лентой.

Ваше письмо получил уже давно, но никак не мог собраться ответить. Большое Вам спасибо за хлопоты по поводу Мамайки – мне очень хочется туда попасть, буду чрезвычайно признателен Вам за дальнейшую деятельность в том же направлении.

В Университете меня перевели на половину ставки, но это не из-за недогрузки, а просто потому, что когда меня спросили, где я считаю себя основным: в академии или в Университете, я сказал, что в академии. Те, кто сказали так, переведены на половинную ставку в Университете независимо от нагрузки, те же, которые выбрали основным мат. институт академии не пострадали никак.

Конечно, мне хватит денег для жизни, но я последнее время трачу очень много на разные дорогие игрушки. Последнее приобретение – это магнитофон, прибор для звукозаписи.

Занимаюсь в последнее время я очень мало, так как у меня сильнейшая бессонница.

Сейчас в лекциях у меня идет доказательство инвариантности групп гомологий, и я решил провести его не так, как сделано в моей книжке, а иначе – при помощи особых симплексов. Еще когда я был студентом, я придумал некоторые очень удачные детали этого доказательства и изложил их в моей дипломной работе, теперь прочел и рассказываю. Кажется, это не совсем так, как у Зайферта. На семинаре разбираются мои работы о классификации отображений сфер с понижающим размерность отображением, работа одна, сделанная уже давно, а другая, сделанная только что.

Ну, пока до свидания. Шлю сердечный привет. Лева.

Не можете ли Вы узнать, когда будет в Москве Андронов, я хочу просить его проэкзаменовать моих аспирантов по его собственной книжке.

15/3/50. Москва

Дорогой Изя,

Ваше письмо получил уже несколько дней назад. Большое Вам спасибо за Вашу деятельность по добыванию для путевок в Мамайку.

Мне кажется, что циклы препятствий для произвольных фигур должны быть характеристическими в моем смысле. У меня на этот счет были какие-то соображения, быть может, и не достаточно доказательные. Постарайтесь доказать это. Попробуйте строить фигуры в каждой плоскости пространства, проходящей через начало координат, т.е. в каждой плоскости многообразия hkl , в этом многообразии тоже возникнет цикл препятствия. Вы совершенно правы в том, что фигуры как-то связаны с подгруппами ортогональной группы. Проблема отыскания всех подгрупп ортогональной группы чрезвычайно сложна. В некотором смысле она разрешена Мальцевым в какой-то его работе. Наверное, она так и называется – о подгруппах

простых или полупростых групп. Она среди тех, за которые Мальцев получил премию. Я полагаю, однако, что для Вас нет надобности знать все подгруппы: если хотеть строить общую теорию фигур, можно просто как-то установить, что это и есть подгруппа ортогональной группы. Впрочем, для примеров интересно было бы посмотреть, какие бывают подгруппы, и тогда можно использовать Мальцева.

Относительно дипломников, не годится ли моя работа "Один метод вычисления групп гомологий", кажется, она так называется? Можно дать вычислять разные примеры этим способом, например, штифелевское многообразие или что-нибудь в этом роде. Можно взять Эресмана, там у него много рассчитано, так пусть пересчитывают моим способом. Вот все, что приходит в голову сейчас.

Пока кончаю, так как тороплюсь. Топологическую конференцию собираемся устраивать во второй половине мая. Вы получите официальное приглашение. Кого, по Вашему мнению, следует еще пригласить из Горького? Предварительно я включил Андропова, Цветкову и Неймарка, кроме Вас, конечно.

Пока до свидания, очень спешу.

Шлю сердечный привет Лева.

15/4/50. Москва.

Дорогой Изя,

Вы, действительно сильно огорчили меня, тем более что А.А. Андронов теперь имеет мало надежд исправить создавшееся положение, после того как отказ уже получен, тем более что все зависит от Шапошникова, с которым у него уже были столкновения. Мне очень хотелось бы поехать в Мамайку, так как относительно нее уже известно, что хотя санаторий это плохой, но жить там можно, т.е. дают спать и есть где гулять.

Оба Ваши письма я получил и телеграмму также, запоздал с ответом отчасти потому, что Ваши математические рассуждения в основном правильны и в этом случае я, как Вы сказали, не должен был спешить с ответом. У Вас там, что-то неправильно сказано относительно многообразия hkl при каких-то значениях параметров k и l , но это мелочь, что же касается доказательства, что всякая фигура приводит к характеристическому циклу моего типа, то это верно. Я сам пытался подобрать фигуры для каждого моего характеристического цикла, но это привело к работе "Векторные поля на многообразиях", где как Вы видели не совсем фигуры. Решение вопроса, который Вы себе поставили, мне кажется, может заключаться только в том, что для каждого

характеристического цикла указывается конкретная фигура наподобие того, как это сделано в моей работе "Векторные поля на многообразиях", где каждому характеристическому циклу поставлена в соответствие задача о векторных полях. Интересно было бы, конечно, решить эту задачу и в терминах фигур, но я не уверен, что это возможно. Нужно начать пробовать с четырехмерного многообразия, где два характеристические цикла уже являются циклами Штифеля. И вот для одного единственного нужно найти соответствующую фигуру, возможно, что уже здесь будет обнаружена невозможность. Дело в том, что пространство фигур должно иметь первую нетривиальную гомотопическую группу размерности три, а для этого нужно найти такое пространство классов смежности группы вращения четырехмерного пространства по какой-то подгруппе. Впрочем, теперь, когда я это написал, мне уже не кажется невозможной такая вещь.

Сейчас я начал писать работу с изложением своих результатов о сферах, всех, которые я когда-либо получил, и основного метода, который до сих пор нигде не был опубликован сколько-нибудь внятно. При этом я буду пользоваться характеристическими числами.

Сегодня поступило предложение переиздать мою книжку по непрерывным группам, внося туда некоторые усовершенствования в виде изгнания аксиомы четности из теории характеров. Думаю, что это нужно будет предпринять, тем более что книжка уже давно разошлась.

Приглашения на топологическую конференцию уже разосланы и если Вы его не получили, то прошу Вас телеграфировать с тем, чтобы оно было послано Вам своевременно. А.А.Андронов сообщил мне, что он его получил.

Сейчас в математических кругах приходит некоторое оживление в связи с предстоящими выборами в Академию. По математике имеется одно академическое место и не более двух членкорских. Весьма сильная и энергичная группа академиков, включая Виноградова, Лаврентьева, Келдыша, Соболева, решила проводить Боголюбова и, вероятно, так это и будет, но некоторые шансы имеет и П.С.Александров, другие возможности, по-видимому, исключены.

Шлю сердечный привет. Лева.

6/5/50. Москва

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от первого. Узнал почему Вы не получили приглашения на конференцию, это потому, что

был перепутан Ваш адрес. Теперь даден правильный, и, я надеюсь, получите. Я предполагаю, что Вы будете делать доклад, так что в приглашении сказано, что доклад Ваш включен, так что Вы поскорее сообщите мне название доклада, если нет ничего нового, то расскажите Вашу последнюю опубликованную работу. Сообщите сколько предположительно Вам нужно времени для доклада. Конференция состоится на протяжении от двадцать шестого до тридцатого мая, причем в середине вклинивается воскресенье, это я так нарочно спланировал, чтобы был перерыв, а не четыре дня сряду были доклады. В воскресенье можно будет поехать за город.

Путевок я еще не получил, но уже послал за них деньги и потому надеюсь получить. У меня есть теперь дипломник грузин, которого я надеюсь взять в аспирантуру, так вот у его отца имеются какие-то связи в курортном управлении Грузии и он мне устраивает путевки в приморский санаторий в Новом Афоне. Надеюсь, что это пройдет. В сентябре думаю поехать с Тасей в Кисловодск и там много гулять, что буду делать в июле – еще не знаю, но быть может, тоже куда-нибудь поеду. Я ведь теперь переведен на полставки в Университете и потому чувствую себя свободнее.

Уже больше недели я болею свинкой, это детская болезнь, у взрослых бывает исключительно редко. Проходит у меня очень легко. Не пугайтесь, через предметы она не передается, так что письмо мое безопасно для Ваших сыновей.

Очень сочувствую Вам по поводу Ваших переживаний с летом, я тоже имею их, как Вы знаете.

Что касается выборов в Академию, то они были назначены на восьмое мая, а теперь вот мне позвонили о том, что сессия откладывается. Перспективы сколько-нибудь детально мне не известны. Группа академиков в составе Виноградова, Лаврентьева и некоторых других предполагает избрать Боголюбова, мне кажется, имеет некоторые шансы П.С. Александров, но все эти сведения весьма давнего происхождения и я не знаю, как обстоит дело теперь.

Издательство предложило мне переиздать книжку "Непрерывные группы", сделав некоторую ее переработку, я предполагаю согласиться. Если у Вас есть какие-либо соображения о том, что стоило бы изменить, сообщите мне их. Надеюсь, что на конференцию Вы прибудете и потому не нужно об этом писать. Я собираюсь в теории характеров отказаться от аксиомы счетности, а рассматривать бикомпактные и соответственно локально бикомпактные группы.

Пока до свидания. Шлю сердечный привет. Лева.

20/6/50. Москва

Дорогой Изя,

уже довольно давно получил Вашу открытку, но только сегодня собрался ответить.

Я решил самолично, что конференция будет лучше отражена в печати, если каждый доклад, сделанный на ней, будет в кратком изложении дан в Успехах, таким образом, совершенно независимо от всяких публикаций я хочу иметь опубликованным краткое изложение каждого доклада. Вот ответ на Ваш вопрос.

Мои дела с многочисленными путевками улаживаются хорошо, даже блестяще. На июль месяц совместными усилиями Чогошвили и Академии получены путевки в санаторий ЦК Грузии в Ликаи, близ Боржома. Отсюда Вы сможете извлечь адрес, так как точного я не знаю. Говорят, что это один из лучших санаториев Грузии, да это, пожалуй, отчасти вытекает из названия. К сожалению, невозможно будет использовать полностью все двадцать шесть дней, три придется пропустить. Путевки, начиная с первого, а я смогу попасть туда только четвертого. Путевок этих в руках у меня еще нет, но имеется официальный ответ в академию, так что вопрос решен с точностью до каких-нибудь неприятных неожиданностей, например, чьей-нибудь болезни. На август месяц имеются опять не путевки, а заверения, но уже неофициальные, моего студента грузина. И деньги уже уплачены, так что тоже, думаю, все будет благополучно.

В виду всех забот, а возможно и независимо от них, я ужасно плохо сплю – часа три-четыре в ночь и еще днем часа полтора-два, это и в целом в сумме мало, да еще распределяется чрезвычайно bestолково, так что чувствую себя довольно скверно. Кроме того, повышается температура и сил мало. Надеюсь на то, что отдохну летом.

Когда состоятся выборы в Академию не известно, есть предположение, что пятого июля, а другие говорят, что осенью. Не помню, говорил ли я Вам, но есть значительные шансы, что выберут Пусика, это в случае, если будет предоставлено второе место по математике, которое специально для него испрашивается.

Прилагаю к этому письму три фотокарточки, сделанные С.В. Смирновым, такой у меня когда-то был аспирант, да потом сбежал к Соболеву и вот уже лет пятнадцать никак не может защитить кандидатскую диссертацию.

Пока до свидания. Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству. Мама тоже. Лева.

3/3/51. Москва

Дорогой Изя,

оба Ваши письма получил. На первое не ответил – был очень занят.

Буду иметь в виду ваше желание перебраться в другой город, о нем я слышал от А.А.. Буду спрашивать и если что услышу, то сообщу Вам.

Моя деятельность протекает по-прежнему. Пишу кусочки книжки, читаю лекции, вместе с П.С. ведем семинары. Уже ясно, что до конца семестра, книжку закончить не успею, да и не стоит особенно надрываться. Лекции и семинары идут хорошо. Болтянский продвинулся на один шаг в решении задачи Штифеля, нашел, как выглядит препятствие, следующее после найденного Штифелем, если Штифелевское равно нулю. Работу сейчас докладывает на топологическом кружке, надеюсь, что ошибки нет, но тщательно не проверял. Думаю, что он не ошибся, так как сам хорошо проверяет. Я считаю, что работа очень хорошая, если, конечно, нет ошибки. Хотелось бы взять его сотрудником в Стекловский институт, но не знаю, удастся ли. Администрация относится к этому делу кисло и ответа пока не дает, а между тем приближается срок распределения оканчивающих аспирантов. Думаю, что наверняка мог бы взять его на место Рохлина и в этом есть определенный смысл, так как хотя Рохлин и очень хорош в качестве помощника, он таким вряд ли долго останется, ведь не будет же он работать младшим сотрудником, имея докторскую степень. Таким образом, мне нужно подбирать кого-нибудь на место Рохлина, и Болтянский очень бы подошел, тем более что имеет успех в топологии, которого у Рохлина пока нет. Однако взять сейчас Болтянского на место Рохлина, это, значит, уволить Рохлина, правда, примерно летом, а не теперь, но все же ему будет трудно найти работу. В виду всего этого нахожусь в большом колебании как поступить.

Мама и я здоровы, только я по-прежнему плохо сплю.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

26/3/51. Москва

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо с заметкой и разрешением на ее печатание. Заметку еще не читал, т.к. у меня теперь первоочередная задача проверить работу Болтянского, которая кажется мне весьма значительным успехом и вопрос об отсутствии в ней ошибок меня сильно волнует. Думаю, что все верно, но еще не вполне проверил. Результат Болтянского кратко

заключается в том, что при обращении в нуль штифелевского цикла рассматривается второе аналогичное препятствие и оказывается, что различным полям соответствуют, вообще говоря, циклы, принадлежащие к разным классам гомологий. При этом если считать, что один из классов как-то вычислен, то остальные отличаются от него некоторой добавкой, зависящей от произвольного ∇ цикла. Эта добавка точно вычислена, она выражается через стинродовский квадрат и александровское произведение с двумерным штифелевским циклом. Попрошу Болтянского, чтобы он написал Вам и сформулировал результат точно. Мне сделать это трудно, так как необходимо вписывать формулы, а я хочу сразу же отослать письмо.

Девятнадцатого узнал, что восемнадцатого умер от инфаркта Макс Гринблом.

После обсуждения с Рохлиным окончательно решил вопрос о замене его в дальнейшем Болтянским (18). Рохлин тридцатого этого месяца должен быть утвержден в степени доктора, и я не сомневаюсь, что утверждение произойдет благополучно. Оставаться в положении младшего научного сотрудника, будучи доктором, он, естественно, не хочет и, хотя, конечно беспокоится относительно нахождения работы, все же решил, что не останется. Решать пришлось быстро, так как необходимо уже сейчас сделать заявку на Болтянского от института, а дирекция соглашается взять его только на место Рохлина. Все это даже несколько мучительно, так как с Рохлиным я уже очень хорошо сработался и подружился и неизвестно как будет с Болтянским, это с моей стороны, а со стороны Рохлина неясно, как удастся ему найти работу. Таковы дела у меня. Последние успехи Болтянского сыграли и некоторую роль в решимости взять его, жаль было бы упустить такого талантливого ученика. Его забрали бы на секретную работу, которая, конечно, очень нужна для страны, но топология тоже ведь нужна.

Как только проверю работу Болтянского, примусь за Вашу заметку.

Шлю сердечный привет. Лева.

4/5/51

Дорогой Изя,

уже давно не писал Вам. За это время математических событий не произошло. Занимался математикой мало, и даже книгу писать почти перестал. Было только одно событие у меня, я благополучно добился направления Болтянского на работу в Математический Институт АН. Это потребовало, однако, больших усилий, т. к. секретарь партийной организации университетского

института чинил мне препятствия. Болтянский из-за крайней стесненности в деньгах запретил уплату комсомольских взносов и, пользуясь этим, ему затягивали выдачу характеристики. Дело кончилось тем, что характеристика была получена в пятницу, а на следующей неделе во вторник должно было происходить распределение. За это время нужно было провести дело через институт академии через отдел кадров академии и затем через подпись Топчиева. Все это мне удалось сделать, несмотря на то, что характеристика была испорчена неплатежом. Теперь Рохлину нужно искать себе новую работу. Кстати, он уже утвержден в степени доктора. Если заметите что-либо подходящее для него, сообщите мне.

Вот все мои события. Не знаете ли, когда собирается в Москву Андронов?

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

3/7/51

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше письмо. Сперва расскажу о своих летних планах.

Прежде всего, я уже немного отдохнул, мы с мамой на две недели ездили в Крым, были там в Литфондовском доме отдыха в Ялте, остались очень довольны. Мама впервые летала на самолете, летели и туда и обратно, ей очень понравилось. Она совершенно не устала и говорит, что может лететь куда угодно. Отправились мы десятого, а вернулись двадцать пятого. Июль и август я проведу в Москве и под Москвой, именно до шестнадцатого июля буду в Москве, а с шестнадцатого на месяц отправлюсь в Узкое, где есть телефон и куда можно вызвать академический автомобиль. Не знаю, быть может, продлю пребывание в Узком и дальше. На сентябрь у меня есть намерение отправиться в Боржом, где был в прошлом году, поеду с мамой. Таковы мои планы.

Пребыванием в Ялте я остался очень доволен, и Литфондовское заведение показалось мне очень приятным, приятнее, чем академические.

После возвращения из Ялты я даже с большим удовольствием стал заниматься математикой, правда, это не размышления, а разная текущая деятельность, но до поездки и ее почти совсем прекратил. Теперь думаю немного пописать книгу.

Что касается Вашего математического вопроса, то можно, конечно, выяснить связь между моим инвариантом и тем, который получается при изучении фигуры, но, конечно, это не очень

серьезная проблема, так, во всяком случае, кажется. Интереснее было бы, если бы при помощи фигур, было вычислить мой инвариант или ему равносильный. Интересно было бы заняться построением примеров четырехмерных многообразий. Если взять индексы пересечения какого-нибудь двумерного базиса слабых гомотопий с самим собой, то получим симметрическую диагональную матрицу, модуль детерминанта которой равен единице. Преобразуя этот базис, можем получать различные другие матрицы, но к диагональному виду эту матрицу, вообще говоря, привести нельзя, т. к. базис пересекается сам с собой и, потому, элементы матрицы преобразуются как коэффициенты квадратичной формы. Очень интересно было бы выяснить, насколько произвольна такая матрица. Я имею в виду построение четырехмерных многообразий с заданной матрицей.

Я думаю, мы сможем с Вами встретиться, когда будете проезжать через Москву. Если даже я в это время буду в Узком, я сообщу Вам адрес, и Вы меня предупредите о приезде. Тогда решим, Вы приедете ко мне или я приеду в Москву, и мы встретимся на моей квартире.

Шлю сердечный привет.

Лева.

Адрес санатория Узкое:

Москва, Калужское шоссе, Почтовое агентство Теплый стан. Санаторий Узкое.

21/10/51

Дорогой Изя,

некоторое время назад у меня был Андронов, а затем я получил Ваше письмо. Из рассказа Андропова и из Вашего письма я узнал о том, что с Вами произошло. Я Вас тем более понимаю, что сам я сплю ужасно плохо и представляю себе, какое мучение жить в общежитии, где все время шум. Буду стараться что-нибудь подыскать для Вас, но должен сказать, что единственный путь, который представляется мне теперь возможным, это пойти в министерство просвещения и спрашивать, нет ли где-нибудь вакантных мест в педвузе или учительском институте с приличным жилищем. Я советовался с Курошем, и он думает, что ничего другого я предпринять не могу. Если у Вас есть какие-либо другие идеи, то напишите мне о них.

Я теперь усердно пишу книжку, и дело продвигается. Сейчас пишу заново наиболее трудное, как кажется теперь, место, именно теорию характеров, которую я существенно переделяю. Кроме того, читаю лекции и веду семинар. С лекциями у меня дело плохо ладится, состав слушателей пестрый и я, кажется,

никак не могу найти нужного темпа и стиля изложения, Впрочем, возможно, что плохо готовлюсь, т. к. работоспособность у меня сильно понижена из-за огромного количества снотворных. С семинаром несколько лучше. Занимаемся дифференцируемыми многообразиями. Лекции же называются топологические группы и группы Ли.

Не знаю, знаете ли Вы, что Рохлин сделал замечательную работу, он нашел классификацию отображение сфер с разностью размерностей три для всех размерностей. Стабилизированная группа отображений есть циклическая двенадцатого порядка. В связи с этим я просил дирекцию института продлить его пребывание в институте с тем, чтобы он мог написать полное изложение работы и напечатать его как выполненное в институте. Дирекция охотно пошла навстречу и дала пять месяцев, как я и просил. Зато после этого дирекция начала упираться в утверждении принятия на работу Болтянского. Нашли, что характеристика у него плохая, что отзывы в университете устные о нем дают плохие и потому брать его незачем, тем более что помощник у меня в виде Рохлина имеется, и, пожалуй, не скоро получит работу. Я в связи с этим спрашивал Рохлина, как он смотрит на дело, но он подтвердил, что непременно уйдет от меня, и я начал развивать деятельность по взятию Болтянского. Кажется, она идет успешно. Мне было рекомендовано найти партийцев, которые хорошо знают Болтянского и могут хорошо отозваться о нем. Такие нашлись и думаю, что партийная организация института будет этим удовлетворена. Надеюсь, что на ближайшей неделе Болтянский будет зачислен.

Этим летом я отдохнул очень плохо, и теперь это сказывается. Для того чтобы спать сколько-нибудь достаточно, я принимаю в ночь два-три порошка сильнейшего снотворного и, хотя чувствую себя лучше, чем вовсе не выпавшись, все же ощущение несвежести в голове и какого-то возбуждения очень мешают работать.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите.

Лева.

7/11/51

Дорогой Изя,

прежде всего, поздравляю Вас с праздником октябрьской годовщины.

Давно уже не получал от Вас писем, но и сам не писал Вам, Впрочем последнее письмо было мое. Я писал Вам, что единственное соображение по поводу возможности Вашего перевода на другую работу у меня, это пойти говорить в

Министерство просвещения относительно пединститутов, так советовал мне Курош. Рохлин занимается в настоящее время отысканием себе работы, впрочем, кажется, не очень активно. Он обращался в Министерство высшего образования, где, перед тем, о нем говорил Петровский, но результаты получились сомнительные. Ему посоветовали написать самому в Таджикский Университет и, если там он окажется нужен, то Министерство готово его туда направить. Ясно, однако, что если Таджикский Университет захочет его взять, то направления от Министерства не нужно. Рохлин в связи со своими поисками узнал, что в Воронеже очень нужны математики, как в Университете, так и в Пединституте. Туда в Университет очень приглашали Фукса, приглашал ректор Латышев, но Фукс не согласился. Быть может Вам написать Латышеву и в Пединститут. Напишите, пожалуйста, желаете ли Вы это сделать и хотите ли Вы, чтобы я пошел в Министерство просвещения.

Все последнее время я очень усердно пишу книжки. Почти полностью закончил редактирование, вернее переписывание заново пятой главы о группах характеров. Мне очень хочется поскорее разделаться с книжкой и приняться за что-нибудь другое.

С Болтянским у меня пока ничего не вышло, но уверен, что выйдет. Мне уже обещали поддержку Келдыш и секретарь партийной организации Института Мигеренко. Нужно только, чтобы они вместе со мной пришли к Виноградову и поговорили с ним. Этого, однако, пока сделать не удалось: то один болен, то другой в командировке, а то заняты. Надеюсь, однако, что это не умышленные проволочки.

Писанием книжки занимаюсь очень усердно, так что ничего другого почти не делаю, конечно, кроме текущей работы в Университете и в Институте, в связи с этим новостей особых нет.

Шлю Вам сердечный привет.

Лева.

8/1/52

Дорогой Изя,

уже давно получил Ваше письмо, но все не мог собраться ответить Вам.

Расскажу относительно Рохлина и Болтянского. Рохлин с первого января отчислен, а Болтянский с первого декабря зачислен. Один месяц у меня было два помощника, и это было довольно трудно, т. к. я старался использовать обоих в целях создания переходного периода. Теперь работает уже один Болтянский, и я им вполне доволен. Рохлин придет еще один раз

для того, чтобы закончить начатое с ним дело. У Рохлина были серьезные шансы получить работу в Казани в Научно-исследовательском институте им. Чеботарева при университете, но это сорвалось. Теперь он ведет переговоры со Свердловским университетом. Оттуда получен запрос на его характеристику в институт, так что, по-видимому, его серьезно намереваются взять, но, конечно, не известно, что выйдет. В общем же мне кажется, что он работу получит.

Кроме текущих дел я занят в основном книжкой. Теперь почти закончил шестую главу. Все переделывается очень сильно. Седьмую главу придется писать заново. О восьмой еще думал мало, но тоже буду, по-видимому, сильно переделывать. Надеюсь, что девятая останется почти без изменений. Кроме того, возможно, напишу десятую, посвященную классификации полупростых групп Ли. Хотелось бы закончить всю эту деятельность до апреля. Надеюсь, так и будет.

У меня еще новость. Мне дали в обучение китайца прикомандированного из Китая на правах аспиранта. Он по математике подготовлен хорошо. Работал в университете в Пекине ассистентом, а затем научным сотрудником в каком-то институте при Академии в Пекине. Занимался топологией и группами Ли, но самостоятельных работ не имеет почти совсем, хотя ему уже тридцать один год. Думаю, что заниматься с ним было бы приятно, но не знаю, хорошо ли мне общаться с иностранцем, хотя и дружественным, мне бы очень хотелось знать на этот счет мнение А.А. Спросите, если удастся.

Ну, пока, до свидания. Шлю сердечный привет.

Надеюсь, скоро встретимся в Москве.

Лева.

20/5/52

Дорогой Изя,

Ваше письмо получил уже давно и не ответил на него, открытку получил третьего дня.

Мне кажется, я Вам не рассказывал о моем собачьем происшествии. В конце февраля, когда я гулял в Узком, меня сзади за пальто сильно схватила собака, и сейчас же после этого я почти машинально дотронулся рукой до ослюенного места. Та же самая собака, которая напала на меня, схватила за пальто маму и еще двух людей укусила. Все это она сделала за двадцать минут, после этого ее пытались застрелить, но раненая она ушла в неизвестность. Так как в последнее время сильно свирепствует эпидемия бешенства, то мне решительно рекомендовали сделать прививки, впрочем, очень маленькую дозу, пятнадцать укулов.

Благодаря этому мне до сентября нельзя пить вино и это даже очень жаль, других неприятностей из-за происшествия я не испытываю.

Рохлин до сих пор не устроился на работу. Он вел переговоры в Министерстве просвещения, и вначале они производили благоприятное впечатление, но, когда он отверг два сделанные ему предложения Барнаул и Курган, зам. министра прервал с ним переговоры и рекомендовал обращаться в отдел кадров министерства.

Мне пришлось последовать Вашему совету в отношении диссертации Бурдиной и несколько подумать на эту тему самому, так чтобы будущее диссертации было для меня ясно. Теперь насколько могу судить, все будет в порядке.

В последнее время я очень медленно писал книгу и к настоящему времени мною закончена седьмая глава, которая написана полностью заново. Теперь нужно будет переделывать восьмую и заново писать десятую, которой раньше не существовало. Я еще не вполне решил ее писать, но уже обдумываю и для лекций и для книги, речь идет здесь о классификации групп Ли, я предполагаю ограничиться компактными. Это разумно по многим соображениям.

Весь конец зимы я очень усердно катался на лыжах, что доставило мне большое удовольствие. Но один раз мы совершили неудачное путешествие. Ехали из Узкого в Москву, дело было вечером, на дороге оказалось много оврагов, дул сильный ветер и путешествие продолжалось дольше, чем ожидали. Я сильно прозяб и, хотя не заболел гриппом, но у меня начала повышаться температура, что продолжалось до последнего времени, и только теперь, кажется, начинает проходить.

В гостях у меня Вы познакомились с двумя безработными Лидами. Та, у которой сын мой крестник, устроилась на работу учительницей в школе, но очень недовольна такой работой. Другая Лида, которая биолог, ищет работу, но т. к. работа ей не столь уж необходима, как первой, она пока ничего не нашла. Люба рассказала мне, что одна из Лид Вам понравилась, напишите которая. У Любы здесь заболел scarlatinой сын, так что она в строгом карантине провела на квартире у отца шесть недель, даже к телефону не подходила, чтобы его не заразить.

Мама моя десятого мая отправится в Ессентуки, где пробудет месяц. Как проведу лето, мне еще не ясно, но, кажется, поеду на юг. Гамкредидзе приглашает меня жить у его родственников близ Гагр.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Лева.

30/9/52

Дорогой Изя,

Ваше письмо долго лежало без ответа, т. к. только третьего дня я вернулся в Москву. Первый раз после двухмесячного перерыва пишу на машинке, и потому извините за возможное чрезмерное количество опечаток.

Прежде всего, поздравляю Вас с существенным улучшением жилища: хотя и не идеал, но все же жить Вам теперь будет гораздо лучше.

Мне очень нужно обратиться к Андронову за некоторыми научными советами. Дело в том, что я должен в Стекловском институте завести семинар, т. к. второй топологический семинар в параллель кружку заводить бессмысленно, то я решил завести нечто по теории колебаний и автоматическому регулированию. Нужно, конечно, не учебный, а научный. Вполне разумно завести семинар сказанного вида, т. к. необходимо заниматься прикладной работой и я уже занялся, даже имею благодарность от некого горного института с Украины, не знаю, писал ли Вам, это в развитие моей работы «О нулях некоторых трансцендентных функций». Так вот мне очень нужно посоветоваться с Андроновым по поводу программы семинара. Быть может, Вы спросите его или я сам ему напишу, можно ли его теперь этим беспокоить. Имейте в виду, что мы в нашем семинаре в основном топологи и, прежде всего, должны овладеть тематикой, это ничуть не противоречит научности семинара.

Этим летом я был тяжело болен. Сперва поехал на черноморское побережье в деревню Лидзаву и там довольно приятно проводил время в гостях у своего аспиранта грузина, но затем решил, что условия не достаточно комфортабельные и нужно продолжить отдых в Кисловодске. Списался с мамой о встрече в Минводах, и за три дня до отъезда очень заболел. Боясь остаться болеть в глухом месте, выехал с температурой в тридцать восемь и пять десятых, но доехал благополучно, встретил маму на аэродроме и прибыл в санаторий. Оказалось, что у меня воспаление легких и плеврит, да еще с тенденцией к нагноению в легком. В санатории отдыхал замечательный врач профессор Вовси, он рекомендовал энергичное лечение пенициллином и стрептомицином одновременно, и через десять дней после начала этого лечения я смог выйти полежать на улицу. Благодаря этому задержался в Кисловодске. Кажется, я совсем поправился, но благодаря тому, что болел, никакого улучшения во сне не достигнуто. В виду этого решил взять в университете полугодовой

отпуск без сохранения содержания, т. к. у меня и в Стекловском институте дела много.

Пока ни к какой деятельности не приступил и не очень хочу приступать, но нужно.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите.

Лева.

15/10/52

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше письмо относительно болезни Александра Александровича. Если в том, что Вы пишете, нет преувеличения, то ему не оправиться, особенно печально, что и Вовси придерживается того же мрачного мнения. Звонить к нему я не буду, т. к. оттого, что он скажет мне, ничего решительно не зависит. Возможно, что мне придется еще самому обратиться к Вовси, и тогда я его непременно спрошу относительно А.А. Мы с Александром Александровичем знакомы с того времени, как у него родилась старшая дочка, он впервые зашел ко мне для установления знакомства по пути из родильного дома с кастрюльками, которые он нес оттуда. Он мне страшно понравился с того самого времени и теперь ясно, что он действительно был самым привлекательным и самым замечательным человеком из всех с кем я встречался.

На первое время в нашем семинаре по теории колебаний мы будем изучать книжку Андронова и Хайкина, а затем нам нужно будет ознакомиться с более современными работами, именно работами, а не курсами для того, чтобы представить себе, в чем проблематика этой области. Придется обратиться за консультацией к кому-нибудь из специалистов. От А.А. я знаю, что этими вещами занимается Горелик (19). Я думаю, что можно будет обратиться к нему. Как Вы думаете? Я с ним, кажется, не знаком и даже не знаю, как его зовут. Напишите мне, пожалуйста, его адрес и имя, отчество. Я просто напишу ему.

Я еще не могу вполне определенно оценить последствия моей летней болезни. Третьего дня был на рентгеновском просвечивании, и мне сказали, что остались массивные спайки плевры и фиброзные уплотнения легочной ткани. Это, так сказать, шрамы, они означают не болезнь, а лишь некоторую порчу легких. Зато вместо субфебрильной температуры, которая была всегда до болезни, теперь почти всегда нормальная и это приятно. Сил у меня пока несколько меньше, чем до болезни, и я потолстел на два кило. Надеюсь, однако, что это явление временное. Пока в Москве — очень плохая погода, и гулять нельзя. Когда будет хорошая

погода, буду больше гулять, а когда выпадет снег, надеюсь кататься на лыжах и на коньках.

В университете я взял отпуск на первый семестр, и все время занимаюсь писанием большой статьи о гладких многообразиях и их применениях к классификации отображений. Это плановая работа и ее нужно закончить до первого января. Пишу с удовольствием, несмотря на срочность, и дело идет с удовлетворительной скоростью. Кроме того, размышляю о самых элементарных вещах из теории колебаний, и это доставляет мне большое удовольствие. В общем же стараюсь трудиться не слишком много, чтобы не переутомляться после тяжелой болезни. Занимаюсь только в первую половину дня.

Вот и все мои дела. Пишите о себе.

Шлю Вам сердечный привет.

Лева.

10/11/52

Дорогой Изя,

только что получил Вашу открытку.

Смерть Александра Александровича (20) уже перестала быть неожиданностью с этой осени, а весной, когда я был у него в Барвихе, у него было хорошее настроение и верилось, что положение его не так уж плохо. Может быть, нужно было бы решительно изменить образ жизни. Я совершенно уверен, что Александр Александрович – самый лучший и самый замечательный из всех людей, кого я знал в жизни. Я с ним встречался очень редко и, может быть, поэтому случившееся не вызвало у меня такой острой боли, какую должна была бы вызвать такая потеря, но я понимаю, что произошло существенное обеднение моей жизни. Совсем незадолго до смерти Александра Александровича у меня был Горелик. Спасибо Вам за установление с ним контакта. Он не занимается теперь теми вещами, которыми стремлюсь заняться я, но он назвал несколько человек, с которыми следует связаться по вопросам теории колебаний. Пока наш семинар носит чисто учебный характер. Мы реферируем книжку Андропова и Хайкина, и она вызывает интерес. Надеюсь, что в дальнейшем удастся повести научную работу в этом направлении.

Основная моя деятельность в настоящее время – это писание большой работы про дифференцируемые многообразия и про их применения к классификации отображений сфер. Ведь это не было нигде опубликовано в полном виде, и статья стоит у меня в плане работы института на это год, так что я должен ее написать. Пишу усердно и продвигаюсь успешно. Думаю, что в срок

закончу. Кроме того, некоторое время занимает семинар по теории колебаний. Первые два месяца будущего года думаю посвятить дописыванию книги. Знаете ли Вы, что у нас организован реферативный журнал по математике, где должны реферироваться все работы выходящие в мире? Хотите ли Вы принять участие в реферировании? Работа платная. Я не хочу реферировать, т. к. всякая такая деятельность очень дезорганизует меня. Я предпочитаю регулярную работу над одним предметом.

Мне кажется, что нашу печень можно лечить только одним и весьма общеизвестным способом. Я его хорошо знаю по маме. Нельзя есть жареного и нельзя есть мясных и рыбных супов. Мясо только варёное, а супы предпочтительно чисто овощные. Вот и все лечение.

Мое здоровье в порядке, если не считать бессонницы. С нетерпением жду, когда будет холод и снег, чтобы начать кататься на лыжах и коньках. Температура теперь все время нормальная, по-видимому, пенициллин и стрептомицин сделали свое дело.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и Нине. Лева.

29/12/52

Дорогой Изя,
поздравляю Вас и Нину с наступающим Новым годом и желаю Вам в Новом году всяческого благополучия и успеха.

Ваше письмо и открытку я получил своевременно, но не ответил, в чем каюсь. Отчасти извинением мне может служить то, что я очень усердно тружусь и, несмотря на это, все же не выполнил плана работы по институту. Не написал до конца статью, которую должен был написать. Осталось немного и потому в отчете пишу, что выполнил. Статья получилась очень большая, уже написано на машинке сто двадцать страниц, а осталось еще страниц сорок. Произошло это потому, что статья приобрела несколько методический характер. Некоторые хорошо известные вещи я пишу там заново, не ссылаясь на известные факты. Все изложение ведется при помощи гладких многообразий, и нет даже упоминания о симплексах и гомологиях в обычном смысле. У меня не было цели написать статью так, но она сама стала так получаться, и когда я это заметил, то решил, и степень отображения и коэффициент зацепления определить, пользуясь исключительно гладкими многообразиями. Так как в противном случае мне либо пришлось бы сослаться на вещи вовсе нигде не доказанные, хотя и элементарные, либо доказывать эквивалентность гладких и симплициальных определений, что представляет собой не меньшую канитель, чем изложение всего в гладких терминах.

Кроме писания статьи я усердно занимаюсь теорией колебаний. При этом я все сам очень тщательно продумываю, и у меня ощущение, что я теперь все гораздо лучше знаю или, вернее, действительно знаю, в то время как раньше никакого знания предмета у меня не было. В основном мы изучаем книгу Андронова и Хайкина, причем некоторые вещи осмысливаем совершенно иначе, чем это изложено в книге. Очень хотелось бы поговорить об этом с кем-нибудь из понимающих людей, но пока еще не собрался это сделать. Думаете ли Вы, что в этом нам могла бы помочь Евгения Александровна Леонтович? Горелик звонил ко мне с просьбой принять участие в книге, посвященной памяти А.А.Андронова, но он ничего не слышал по телефону, что я ему говорил, в то время как я все прекрасно слышал. Я сказал, что согласен, хотя это и будет трудно для меня. Просил мне написать по этому поводу, но письма нет. Если он передумал и считает, что можно без моего участия, то я никак не возражаю и даже скорее рад. Такая работа для меня мало привычна, я не уверен, что смогу хорошо справиться с ней, и смотрю на нее скорее как на мой долг, но именно в силу последнего, я никоим образом не хочу сам уклоняться от нее. Не знаете ли Вы, как в действительности обстоит дело?

Мое здоровье, в общем, без перемен. Именно я очень плохо сплю, а в остальном все благополучно.

Мама не больна, но сильно ослабела и в этом смысле чувствует себя неважно.

Шлю Вам сердечный привет. Привет и всему Вашему семейству.

Мама также шлет Вам привет.

Лева.

Январь/53

Дорогой Изя,

у меня имеется план приехать в Горький на несколько дней в январе с Женей Мищенко. Мы можем выехать восьмого и должны быть в Москве четырнадцатого или тринадцатого. Я хочу во время пребывания в Горьком встречаться с регулировщиками и с Вами. Напишите мне как можно скорее или даже телеграфируйте, подходит ли это время. Кроме того, я хотел бы знать: нельзя ли познакомиться со студентами-математиками, окончившими в этом году на предмет привлечения их в аспирантуру Стеклового института по любой математической специальности. Это тоже важное поручение Стеклового института. Жду Вашего ответа. Да, забыл, нужна на это время гостиница, номер на двоих.

Восемнадцатого я сдал в редакцию рукопись своей книжки. Конец делался с такой поспешностью, что я не мог отдать для вписывания формул последнюю главу (второй экземпляр), поэтому пока не выполняю своего обещания Вам. Возможно, то можно будет сделать после рецензирования книжки, когда ее дадут мне для исправлений.

Других важных событий у меня нет.

Поздравляю Вас и Нину с Новым годом и шлю свои наилучшие пожелания. Мама присоединяется к поздравлениям и пожеланиям.

Лева.

19/2/53

Дорогой Изя,

вчера разговаривал с Немыцким, он согласен быть оппонентом у Нины (21). Пусть соответствующее учреждение обратится к нему с просьбой об этом. Адресоваться можно на мехмат МГУ.

В Большеве я провел время очень удачно в смысле результатов. Сон решительно улучшился. Правда, было ужасно холодно, но мы с Женей все же каждый день катались на лыжах. Один раз катались при морозе в двадцать девять градусов, но тогда совершенно не было ветра, в другой раз катались при морозе в двадцать градусов, но с ветром и это оказалось несравненно хуже. Прожили в Большеве только четыре дня, т. к. ветер усилился, и кататься стало невозможно, все же я очень определенно отдохнул. Теперь чувствую себя лучше, но никак не могу, как следует приняться за занятия, несколько разленился, быть может, именно поэтому и чувствую себя настолько лучше, что не тружусь.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

16/4/53

Дорогой Изя,

П.С.А. прав со сном у меня плохо. После поездки с Женей Мищенко в Большево произошло некоторое улучшение, но потом стало опять хуже. После повторной поездки в Большево улучшения не произошло. Занимаюсь я теперь очень мало, делаю только самое необходимое, да и того не делаю. Никак не могу дописать плановой статьи, а книга лежит вовсе без движения. Семинаром прикладным занимаюсь недостаточно, сам мало думаю на его темы и это, конечно, плохо.

Софья Савельевна, мой постоянный врач, ушла с работы, и я в связи с этим перешел в новую поликлинику —

академическую. Там мне сделали биологический анализ крови, чего раньше никогда не делали и обнаружили существенные отклонения от нормы. В крови содержится значительно больше, чем нужно холестерина, что означает угрозу склерозом. Повторного анализа пока не делали, возможно, что обнаруженное отклонение – случайное.

Мои летние планы еще не сложились, но пока все они связаны с Женей Мищенко: предполагается поездка в Новый Афон, а возможно, также и поездка на Волгу под Горький, где предполагают жить родственники Жени. Все это, однако, еще не определилось в достаточной мере, так что пока не знаю, буду ли в Москве в начале июля.

Здоровье мамы неважное.

Шлю Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

1/6/53

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо и не в пример Вам отвечаю не через месяц, сразу.

Конкурсы теперь проводятся всюду. Это общее решение – в течение пяти лет провести через конкурс всех преподавателей вузов, так что беспокоиться по этому поводу, мне кажется, не приходится. Вы же ясно представляете себе, что нужно взять на Ваше место какого-нибудь математика, а математиков недостаточно, так что будут брать Вас. Так, во всяком случае, следует ожидать.

Что касается моего холестерина, то при вторичном анализе он не подтвердился. Полагают, что это было не расстройство обмена веществ, а переедание жира, которое я, несомненно, допускал. Менее устрашающе, но более реально обстоит дело с другим нарушением. В крови у меня обнаружена в излишнем количестве мочевая кислота, что может указывать на подагрическое нарушение обмена веществ, а т. к. боли в мышцах и суставах у меня есть, те решили, что у меня начинается подагра. Рентгеновский снимок болящих суставов не обнаружил, однако, отложения солей, но все же я отношусь к этому вполне серьезно и стараюсь соблюдать надлежащую диету.

В плане на лето у меня стоит пребывание со второго до двадцать девятого июля на Рижском взморье в туристическом лагере Дома ученых. Туда я еду с Женей Мищенко, туда же поедет В.А.Ефремович и, вероятно, еще пара моих знакомых, так что скучно не будет. Туда путевки уже взяты, и вопрос можно считать решенным. Туристическая база стоит на реке Лиелупе, где есть

лодки, я надеюсь грести и усовершенствовать мой сон. На август месяц запланирована поездка в Новый Афон, тоже с компанией, но туда путевок еще нет, так что вопрос решенным считать нельзя.

Сейчас я заканчиваю редактирование своей длиннющей работы о гладких многообразиях и их приложениях к классификации отображений сфер. Подготовка второго издания книги «Непрерывные группы» отложена до осени. Мне еще нужно окончательно проверить диссертацию Гамкрелидзе, защита которой уже назначена на двадцать четвертое.

У нас на кружке Постников кое-что рассказал из работ французов в направлении классификации сфер, и, хотя это сильно заформализовано, у меня создалось впечатление, что какую-то суть я ощутил. Теперь склонен думать, что разберусь с этим в будущем году. В будущем же году собираюсь продолжать теорию колебаний и регулирование.

Так как сон мой никак не налаживается, то я предполагаю и в будущем году взять в университете отпуск. Еще не известно, объявлен ли конкурс на мою должность, если объявлен, то буду подавать. На должность Александра П.С. объявлен.

Шлю Вам сердечный привет. Нине также.

Боюсь, что мы с Вами не сможем увидеться, т. к. я должен буду уехать первого июля из Москвы.

Здоровье мамы без особенных перемен.

29/9/53

Дорогой Изя,

еще третьего дня получил Ваше письмо, но мне помешали ответить.

Прежде всего, относительно Вашего вопроса о программе по группе Ли. Почему Вы ничего не пишете о возможности использовать мою книжку, находите ли, что там слишком мало или слишком много для имеющегося у Вас числа часов, или же это не подходит почему-либо другому?

Мне кажется, что для лекций можно было бы использовать так или иначе девятую главу без шестой, если будет излишек времени, то ее можно немного как-либо пополнить. Для семинара можно восьмую и тоже пополнить в направлении разбора структуры в целом конкретных групп, имеющих геометрический смысл. Можно, например, подробно изучить группы вращений и остальные две серии классических групп, именно: унитарные, унимодулярные и симплектические. Выяснить, какие у них фундаментальные группы и центры. Можно рассмотреть группу движений неэвклидовой плоскости.

Мне не ясно, подходит ли мое предложение для Вас, т. к. Вы ничего не сказали о том, много ли Вам нужно или мало, а я сам очень плохо ориентируюсь с часами. Если Вы не удовлетворены моими соображениями, то напишите опять.

В академики мат. об. выдвинуло Пусика, кого в членкоры – не знаю.

В составе английской ученой делегации к нам приехал Вайтхед трехиндексный (21). Он ведет себя агрессивно, хочет разговаривать о математике и не хочет идти и ехать туда, куда ему предназначено бюро обслуживания. Не поехал в Тбилиси, сказал, что он предпочитает разговаривать здесь с математиками. Он занимает много времени, вчера был у меня в гостях и даже был угощен хорошим грузинским вином. Конечно, с переводчиком. Вайтхед проявил значительную осведомленность о деятельности советских топологов, в частности, сделал рекламу Постникову, работы которого он изучил по заметкам и высоко ценит.

Я усердно пишу последнюю десятую главу книжки и нахожусь при этом в предпоследнем параграфе. Один не написанный параграф остался еще в начале книги, и еще нужно сильно переделать восьмую главу и слегка девятую. Как видите, конец близок. Должен и уверен, что сделаю к первому января. Хотелось бы пораньше, мне ужасно надоело писать, сильно мешает заниматься и вообще жить.

Сейчас спешу закончить письмо. Еще нет девяти утра, а у меня на сегодня большая программа. Нужно написать кусочек параграфа, а затем идти слушать в присутствии Вайтхеда доклады молодых топологов.

Шлю сердечный привет.

Лева.

23/10/53

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо, сейчас хотел его перечитать, но не мог обнаружить, т. к. мама его убрала. В основном письмо помню, так что могу отвечать. Ваше замечание относительно конца девятой главы помню и приму во внимание. Надеюсь, что через неделю приступлю к редактированию девятой главы, которую изменить собираюсь мало. Если у Вас есть какие-либо замечания по ней, то сообщите.

В начале письма помещен адрес работы Дынкина, где дается классификация полупростых групп, это, по-видимому, наиболее подходящее для чтения изложение вопроса. Хочу сказать Вам несколько слов по поводу классификации. Классифицируются полупростые комплексные группы – это не только у Дынкина, так

делали издавна. Для того чтобы получить классификацию всех действительных простых групп, нужно из каждой комплексной выделить ее компактную форму. У Вейля доказано, что среди всех действительных форм имеется только одна компактная (с точностью до локального изоморфизма). Выделение некомпактных действительных форм весьма сложно. Таким образом, если интересоваться только действительными формами, то пойти дальше компактных групп трудно. Ввиду изложенного, я решил исходить непосредственно из компактных групп и их классифицировать. При таком способе изложение существенно упрощается, но теряется классификация комплексных полупростых групп и исключается возможность классификации некомпактных действительных групп, которая очень сложна и все равно не могла быть включена в мою книжку. Десятая глава у меня написана, и как только я отредактирую весь конец, начиная с восьмой главы, я отдам все это переписать, тогда я смог бы прислать Вам десятую главу для прочтения, т. к. сам очень заинтересован в предварительном ее чтении кем-либо квалифицированным. Если до этого времени не прочтете Дынкина, да если и прочтете, я был бы благодарен получить Ваше мнение.

Сейчас мое основное занятие это книжка. Семинар по теории колебаний начну только через неделю. На этой неделе некоторое время потратил на заседания академии, где присутствовал на выборах и общих докладах. На меня сильное впечатление произвели физики. Чувствуется, что они все или почти все заняты большим делом, имеют настоящий успех. Очень жаль, что нет Андропова, страшно было бы интересно поговорить с ним. Среди физиков имеется мнение, что наш успех с атомной бомбой существенно улучшил международное положение и ослабил опасность войны или, во всяком случае, возможность применения против нас атомного оружия.

Уже две недели как болеет мама. У нее радикулит и сильные боли. Впрочем, уже есть некоторое улучшение. Я продолжаю спать удовлетворительно и снотворного принимаю мало.

Шлю Вам сердечный привет.

Лева.

25/11/53

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо. Я весьма твердо собираюсь приехать в Горький, чтобы поговорить с Вашими специалистами по колебаниям и регулированию, но я не собирался делать

никаких докладов. Ничего нового интересного я сейчас рассказать не имею и поэтому не хочу отягощать себя какими-либо обязательствами такого рода. Я приеду без приглашения Вашего университета по командировке Стеклового института. Если при этом у меня возникнет желание сделать доклад, то я его смогу сделать. Мне только необходимо, чтобы был обеспечен номер в гостинице. Надеюсь это можно и без приглашения.

Шлю сердечный привет.

Лева.

8/1/54

Дорогой Изя,

простите, что я произвел некоторую суету со своим приездом в Горький. Я, конечно, мог бы сообразить и раньше, что целесообразнее отложить приезд на некоторое время. На это имеется два существенных основания. Прежде всего, у меня сейчас нет конкретного материала для разговоров с вашими регулировщиками, а между тем очень скоро вопросы могут появиться. Далее, как раз в момент отъезда в Горький должна была вернуться с отзывом Мальцева рукопись моей книги, и нужно было вносить в нее исправления. Это действительно произошло вчера, и в ближайшее время Болтянский будет заниматься редактированием, а я займусь исправлениями. Далее, Волга еще не стала и кататься на лыжах в Горьком еще нельзя. Вот основные причины того, что приезд отложен. Так как я хочу приехать с Мищенко, то это, по-видимому, может состояться только в конце каникул в первых числах февраля. Напишите без телеграмм, подходит ли это время.

Пока до свидания. Шлю Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

17/1/54

Дорогой Изя,

вчера получил Ваше письмо. Конечно, я не приеду в Горький в первую половину февраля. Думаю, что никаких трудностей для приезда во вторую половину февраля не возникнет, и я приеду. Это и мне самому больше нравится.

Очень буду рад, если приедете сюда в феврале. Тогда буду рассказывать Вам все, а теперь спешу закончить письмо, чтобы отослать его.

Шлю Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

12/3/54

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше письмо.

Никаких сомнений в том, что мы с Мищенко приедем в Горький, у меня нет. Пока меня задерживают две причины. Состояние здоровья и некоторое бюрократическое обстоятельство. По поводу здоровья я был у известного невропатолога, и он, обнаружив у меня никаких болезней, рекомендовал хотя бы на время прекратить снотворные. Сейчас я частично выполняю его указание, принимаю очень мало, благодаря этому не сплю и нахожусь в плохом состоянии. В день сплю приблизительно пять-шесть часов. На днях опять буду говорить с этим невропатологом, посмотрю, что он скажет. Мне для поездки хотелось бы придти в несколько более хорошее состояние. Бюрократическое обстоятельство следующее. Предполагается, что я буду иметь командировку из института, в частности, с целью подыскания кандидатов в аспиранты. Надеются, что в ближайшее время институт получит некоторые особые права, дающие ему преимущество при наборе аспирантов.

Мама теперь находится в санатории в Болшеве и, кажется, отдыхает хорошо. Я без нее не скучаю. Благодаря бессоннице даже довольно много занимаюсь по ночам, когда не могу уснуть.

Таковы мои дела. Надеюсь на скорое свидание.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Лева.

16/5/54

Дорогой Изя,

на днях получил Ваше письмо, а мама получила от Вас сто рублей. Последнее окончательно убедило меня, что Вы уже не верите в мой приезд в Горький, а я между тем все продолжаю верить. Поскольку на лыжи мы уже не попали, Е.Ф.Мищенко предлагает поехать теперь в лодке. У его брата в Горьком на Волге имеется лодка, которая спускается на воду около первого мая, и вот тогда-то мы и поедem, но, конечно, я извещу Вас заранее. Далее, теперь у нас открылась возможность сделать в Горьком доклад по диффуриям или его даже можно назвать по теории колебаний, это – «Колебания, близкие к разрывным, и вычисление их периода». Работа, правда, еще не опубликована и не сдана в печать, так что я не знаю можно ли по теперешним законам ее докладывать, но думаю, что можно.

Мое здоровье улучшилось весьма существенным образом. После возвращения из Болшева у меня опять было головокружение, а невропатолог самым решительным образом посоветовал мне полностью прекратить снотворные. Я пытался выполнить его совет, страшно мучился, убавив снотворные в течение месяца, а затем опять чуть прибавил. В результате таких манипуляций снотворные теперь употребляются хоть и каждый

день, но в весьма малой дозе, и я намерен вести эту борьбу дальше до полного их истребления. Чувствую я себя довольно прилично и сплю достаточно.

Так как я надеюсь на сравнительно скорое свидание с Вами, то на этом письмо заканчиваю, Добавлю только, что у меня только что окончился грипп, так что в течение последних двух недель я все равно приехать к Вам не мог бы.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

14/6/54

Дорогой Изя,

уже две недели как я в Москве. Впечатление от поездки в Горький у меня осталось очень хорошее. Никаких существенных событий после возвращения в Москву не было, так что рассказывать, пожалуй, нечего.

Относительно поступления в аспирантуру университета Радыгина (23), я говорил с Колмогоровым и он это мероприятие очень приветствует. Он говорит, что у них есть значительное число мест в аспирантуре на три года с обязательством возвращения окончившего аспирантуру на прежнее место работы. Это, по-видимому, вполне устраивает дирекцию РИФОИ. Меня несколько беспокоит отсутствие сведений от Радыгина по вопросу о его аспирантуре. Завтра надеюсь детально поговорить с Колмогоровым и тогда напишу Радыгину и Е.А., а теперь пишу Вам, т. к. все время собирался написать и, кроме того, на всякий случай хочу узнать у Вас имя, отчество директора ГИФТИ Николаева. Напишите мне как можно скорее.

В Москве стало ужасно жарко, вот уже третий день как температура держится около тридцати. Ввиду этого почти каждый день езжу в Узкое. Занимаюсь сравнительно мало: только неотложные дела и еще Гамкрелидзе, у которого появилась интересная идея в области алгебраической геометрии.

Шлю Вам сердечный привет.

Л.Понтрягин.

29/6/54

Дорогой Изя,

пишу Вам для того, чтобы сообщить свой летний адрес. С сожалением должен признать, что не выполнил Вашего поручения и не позвонил к Вашей знакомой для передачи привета, просто забыл. Вспомнил только сейчас. В Москве ужасно жарко. Вчера было тридцать три градуса, а сегодня будет, кажется, еще жарче.

До сих пор не имею никаких сведений относительно Радыгина, я просил его прислать мне характеристику, а он ничего

не сообщил. Характеристика, правда, не нужна, но я не знаю, не передумал ли он или кто из его начальства. Колмогоров послал официальную бумагу Николаеву с предложением отпустить Радыгина в аспирантуру на три года с гарантированным возвращением на прежнюю работу. Об этом я напишу также Евгении Александровне. Пишу Вам для того, чтобы Вы при случае узнали, в чем там дело и написали мне.

Шлю сердечный привет Вам и Вашему семейству.

Лева.

Мой летний адрес:

Рига. п/о Булдури. Станция Лиелупе, ул Викингу, д.23.

7/9/54

Дорогой Изя,

сегодня получил Ваше письмо от пятого. Случайно нет бумаги, и пишу на обратной стороне рукописи книжки. Книжка уже вышла, имеется сигнальный экземпляр, выглядит хорошо, только толстая. Когда выйдет тираж, пришлю Вам экземпляр. Закончилась длительная деятельность, которая в прошлом году заняла у меня много времени.

В этом году пока что в центре моего внимания стоят лекции по дифференциальным уравнениям. Уже читал первую лекцию. Кажется, что она удалась, но, конечно, знать, наверное, нельзя. Студентов много – около двухсот человек, и они маленькие – второкурсники, таким образом, я имею дело с материалом, с которым раньше никогда не сталкивался. Собираюсь также вести семинар на втором курсе по электрическим приложениям дифференциальных уравнений. Будут мне помогать Мищенко и Гамкрелидзе. Кроме того, должен продолжаться семинар на те же темы, но более высокий, в Стекловском институте и еще объединенный института Стеклова и института автоматике. Радыгин сдал экзамен по математике, надеюсь, и остальное будет благополучно, так что его примут в аспирантуру, отчего мне и ему, надеюсь, произойдет большая польза.

Этим летом я доволен. Сорок дней провел в холоде на Рижском взморье. Купался в холодной реке в холодную погоду. Каждый раз перед тем, как влезть в воду у меня было чувство, что влезть в воду – есть дело совершенно невозможное и нелепое. Дует ветер, вода холодная, но зато, когда вылезал, то, несмотря на ветер, даже не ощущал потребности скорее одеться, и было так приятно, как никогда не бывает после теплого купания. Существенным образом наладил сон: август спал без сновторных. В середине августа вернулся в Москву и отправился в Гагры – это

была развлекательная поездка. В Гаграх – дьявольская жара, и это мне очень не понравилось. Очень скоро я простудился от того, вероятно, что все время потный, но простуда была пустяковая, всего насморк, В Гаграх вел светскую жизнь, обнаружилось и завелось много знакомых, так что было приятно и совсем не скучно, все же жара мне не понравилась.

Едва не забыл сообщить Вам о важном и интересном событии относительно В.А.Ефремовича. По требованию генерального прокурора Союза его дело было пересмотрено в Верховном суде Союза и за отсутствием состава преступления прекращено.

Мама здорова. Шлю Вам сердечный привет. Пишите.

Лева.

26/10/54

Дорогой Изя,

очень рад был получить от Вас письмо, я уже давно ожидал его.

Вчера, когда был в сберкассе, справлялся относительно Вашего перевода, и денег еще не было. Но Вы не сомневайтесь, они придут, специально справляться я не буду, а когда пойду по делам, то узнаю. Для меня было бы, пожалуй, удобнее, если бы Вы остальные пятьсот рублей перевели в сберкассеу.

Очень приятно услышать хорошие отзывы о книге, но я боюсь, что они еще не достаточно обоснованы. Хочу услышать Ваше мнение, когда Вы что-нибудь прочтете.

Сегодня мне сообщили, что Родыгин зачислен в аспирантуру, и ему послан вызов – это тоже приятно. Я надеюсь, что мы оба извлечем пользу из общения друг с другом.

Я читаю только один курс, правда, у меня имеется три семинара по регулированию, да еще топологический кружок, который занимает только то время, когда я на нем сижу. Сравниваю мою нагрузку с Вашей и мне стыдно сознаться, что я устаю, но это факт, я устаю и стал гораздо хуже спать. Лекции продолжаю читать, и это доставляет мне большое удовольствие, но ни одной лекции мне не удастся прочесть так, чтобы я был совершенно доволен, обязательно устрою какую-нибудь мазню. Может быть, это и хорошо, т. к. к каждой следующей лекции я готовлюсь старательно.

Понемножку начинается вовлечение в научную работу по уравнениям некоторых молодых людей, и я надеюсь, что мои семинары будут скоро давать какую-нибудь продукцию.

Вообще, я живу довольно удовлетворительно.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

14/11/54

Дорогой Изя,

сейчас получил Ваше письмо от 10.11.

Полторы тысячи на сберкнижке от Вас уже обнаружил, пятьсот рублей еще нет.

Неймарк и его математическая деятельность мне понравились. Когда я встречался с ним несколько лет назад, его работа была мне очень далека, теперь наоборот близка и интересна, Доклад на семинаре по регулированию Неймарк делал плохо, возможно, что по состоянию здоровья, но, насколько могу судить, мало, кто понял. Я предварительно с ним разговаривал и потому понимал. Ему Вы про мое мнение о докладе не говорите, это вопрос второстепенный, а сама деятельность его мне нравится.

У меня много всякой деятельности, и она довольно разнообразна, хотя полностью относится к моей новой области деятельности. Курс лекций по дифф. уравнениям причиняет мне много переживаний. Редко, когда лекция удается в совершенстве, а если не удается, то это меня сильно огорчает. Делаю довольно много методических ошибок, которых не повторяю при втором чтении курса. Уже начал писать конспект лекций, чтобы облегчить студентам подготовку к экзаменам, т. к. книги для этой цели не подойдут. Параллельно с курсом веду семинар по теории колебаний, и там будут делаться курсовые работы. Курсовиками руководят Мищенко, Гамкрелидзе и Введенская, а я осуществляю общее руководство.

Мы с Мищенко все еще не dokonчили ту работу, о которой рассказывали в Горьком, кроме того начал совместную деятельность в таком же роде с Болтыанским – это тоже по дифференциальным уравнениям.

В результате всей деятельности сильно устаю, и сон действительно пострадал. Неймарк застал меня в весьма плохом состоянии, сейчас оно лучше.

В Москву прибыл Родыгин. Мы с ним уже составляли его индивидуальный план обучения – это для меня большая трудность, т. к. я сам еще мало знаю.

Шлю Вам сердечный привет.

Л.Понтрягин.

12/5/55

Дорогой Изя,

Вы прислали последнюю открытку с неправильным адресом. Правильный смотрите на конверте.

Все последнее время я слишком много писал, и потому написание писем мне уже не хватало времени и сил. Писал я свои лекции, которые читал студентам второго курса по дифф. уравнениям, т. к. не полагался на качество своих лекций в смысле пригодности их для записи студентами второкурсниками: с такими маленькими я имел дело в первый раз, а учебника подходящего у меня нет. Лекции написаны, и большая часть печатается на ротапринте. С печатанием пришлось потрудиться. Пришлось развить большую деятельность вплоть до добывания бумаги, и была масса телефонных разговоров. Я уже потерял, было, надежду, что они выйдут, так чтобы студенты могли готовить по ним экзамен. Теперь, по-видимому, выйдут.

Довольно успешно занимаюсь прикладными вопросами вместе с Болтянским, привлек к этому еще Гамкредидзе. Надеюсь, будут практические результаты.

Имеется еще важное событие. Пусик схлопотал мне персональную машину. Я к ней пока еще не привык, но это большое удобство. Оно было бы чрезвычайно значительным, если бы у меня была дача или если бы я нанимал дачу, но дачи не имеется, а жить на ней скучно. Так что пока это в будущем.

Я очень сильно устаю и чувствую себя не слишком хорошо, принимаю массу снотворных, и иногда у меня слегка повышается давление до ста сорока, при этом я ощущаю неприятную тяжесть в голове.

Вот пока и все. С некоторым страхом думаю о предстоящих экзаменах. Боюсь, что студенты будут плохо знать курс и меня погонят, а я хочу читать его и дальше и написать учебник на основе того конспекта, который составил в этом году.

На лето, по-видимому, поеду в Лиелупе, т. е. туда же, куда два последние года. Шлю сердечный привет.

Л.Потрягин. Лева.

28/10/55

Дорогой Изя,

только что получил Вашу открытку, но еще раньше, чем Вы отослали ее, я послал Вам свою книжку. Экземпляр, являющийся собственностью мехмата, который нужно вернуть. Своих у меня только два, из которых один режется и марается с целью написания книжки, а второй служит для подготовки к лекциям.

Я здоров и мама тоже. Не писал, т.к. очень усердно тружусь и сильно устаю. Это, конечно, недостаточная причина, но другой нет. Кроме большого количества занятий в университете,

требующих от меня много сил, я еще с некоторым успехом занимаюсь научной деятельностью. Вот и все мои события.

Уже довольно давно получил от Лефшеца приглашение приехать в Мексику на август месяц будущего года, где состоится международный топологический симпозиум. Одновременно из СССР приглашены Постников и Рохлин. Что из этого получится неясно, но я считаю, что поездка не вполне исключена. Правда топологией я теперь совсем не занимаюсь, но поехать мне, кажется, все же было бы интересно, т. к. Лефшец занимается уравнениями.

Когда получите мою книжку – сообщите мне. Теперь заканчиваю, т. к. сегодня у меня еще много дел.

Шлю сердечный привет.

Л.Понтрягин.

29/12/55

Дорогой Изя,

поздравляю Вас и Нину с Новым годом и желаю Вам всего самого лучшего.

Приглашение Евгении Александровне послано, если не ошибаюсь, на адрес университета: ей предлагается обзорный получасовой доклад. Кроме того, в секции получено ее письмо с предложением сделать часовой обзорный доклад о работах Горьковской школы, и предполагается удовлетворить ее пожелание в этом отношении. Не знаю, почему до сих пор не получила приглашение на полчаса, оно должно было быть послано одновременно с приглашением Баутину (24). У нас не могут добыть адресов Алексеева (25) и Фуфаева (26), напишите, куда им посылать приглашения.

Не знаю смогу ли я быть Вам полезным в топологических вопросах, я теперь ими совсем не занимаюсь, а вот хвост своей книжки я на днях Вам пошлю.

Относительно приглашения Нины на съезд мне не ясно, что делать. Я хотел, чтобы ее пригласили сделать сообщение, но это предложение решительно отклонил Немыцкий, и я не настаивал, а вот как будут приглашаться на съезд не докладчики, мне не известно, этот вопрос пока как-то и не обсуждался.

У меня никаких особенных событий за последнее время не произошло. Чувствую себя сравнительно прилично, это после того, как начал кататься на лыжах.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

18/2/56

Дорогой Изя,

сообщаю Вам способ, каким Нина может получить приглашение на съезд. Она немедленно должна прислать заявку на научное сообщение о своей работе с кратким резюме на нее. Адресоваться нужно

Москва. В-134. Калужское шоссе, д.71-а.

Математический институт АН СССР.

Оргкомитет съезда. Секция дифференциальных уравнений.

Стало немного теплее, я начал кататься на лыжах и чувствую себя вследствие этого лучше, но еще не вполне хорошо, очень уж плохо сплю.

Завтра собираюсь возобновить писание книжки по уравнениям, главное теперь написать самое начало, которого нет в имеющемся издании.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

06/3/56

Дорогой Изя,

уже довольно давно получил Ваше деловое письмо. Адрес Алексева сообщил в комитет съезда. Вам написал относительно Нининого приглашения непосредственно перед получением Вашего письма. Теперь остается сообщить относительно доклада про самолет. Доклад этот нас интересует, и я хочу просить Вас поговорить с соответствующей дамой в этом смысле. Я полагаю, что институт наш в той или иной форме пригласит ее для доклада на семинаре. Думаю, что для доклада нужно часа четыре, т. е. две среды, в одну среду, боюсь, не уложиться. Можно будет осуществить это в апреле. Напишите мне, пожалуйста, подходят ли эти условия. Я буду, конечно, стараться, чтобы институт оплатил командировку, но если не согласится, то согласится ли докладчица, вернее оплатит ли ей Горький.

Уже почти неделю у меня грипп, выражающийся в сильном насморке, так что написал письмо и сразу устал.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Нину поздравьте с Женским днем от меня.

Лева.

28/5/56

Дорогой Изя, на днях получил от Вас открытку. Вы требуете от меня весьма полного описания всего происходящего со мной в Москве, а сами пишете маленькую открытку. Это не справедливо.

Математический съезд, насколько мне известно, отменять не собираются, так что он произойдет.

В Мексику я ехать раздумал. Меня так упорно уговаривали в иностранном отделе Академии Наук, чтобы я не ехал, что я решил доставить им удовольствие и отказаться. Теперь собираюсь ехать в Вену в сентябре. Пока отказываться не уговаривают. Могут поступить и как-нибудь иначе. Там будет не топологический, а общематематический не то чтобы съезд, а нечто.

В последнее время я занимаюсь только самыми неотложными делами, т. к. сон находится в очень скверном состоянии. Писание книжки прекратил. Семинары также прекратил. Закончил лекции, и буду экзаменовать, но не слишком много. Теперь по возможности отдыхаю и с этой целью езжу в Узкое часа на три в те дни, когда это возможно и, когда позволяет погода. Возможно, что это скоро будет сильно затруднено, т. к. начальство ополчилось на автомобили. Персональной у меня уже нет, но пока есть конвейерная, как была раньше много лет, но и это положение временное, и что будет, не знаю. Идея служебных такси, высказанная Хрущевым на съезде, в умах деятелей Моссовета приобрела следующий вид: Моссовет забирает гараж Академии Наук и, изгоняя из него ремонтные мастерские, помещает туда семьсот служебных такси для всей Москвы. Люди, которым этими такси разрешено пользоваться, звонят по телефону и вызывают такси. Проезд до места вызова оплачивается, стоимость проезда за километр вместо полутора рублей на общегородском такси будет один рубль. Так как при этом все служебные такси по всей Москве будут стоять в одном месте, то проезды до места вызова в дальние концы Москвы будут намного дороже, чем поездки на обычных такси. Для меня это не очень плохо, т. к. гараж Академии, в который хотят поместить служебные такси, сравнительно близко от меня, километра четыре. Но все же в большинстве случаев будет выгоднее взять такси у моего дома. Кроме того, предполагается продать тому, кто имел персональные машины, старые автомобили из автобазы. У нас «Победы» очень старые, так что их предполагается продавать по цене от полутора до шести тысяч, понимающие люди говорят, что дешевле заранее выкинуть соответствующую сумму, чем эксплуатировать такой автомобиль в условиях частного пользования. Сверх того, не предусмотрен вопрос о гаражах, это оказывается в Москве очень трудно. Получить место для холодного гаража где-нибудь вблизи дома, кажется, невозможно. В настоящее время Академия Наук пытается не отдать свой гараж

Моссовету, но не известно сумеет ли. Этот гараж приглянулся Моссовету, т. к. он едва ли не лучший в Москве, он был выстроен Академией, строить же свой новый Моссовет считает делом слишком длительным сложным.

На июль месяц собираюсь ехать в Узкое с мамой. На август в Лиелупе с Гамкрелидзе.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

1/8/56

Дорогой Изя,

Вы так наслаждаетесь теплом, а мы здесь мерзнем, но я Вам не завидую, т. к. принципиально против юга. Это ведь случайность, что погода здесь этим летом такая холодная и дождливая. Я все мерз и не обращал на это внимания, потом у меня начало все тело болеть, я тогда не обращал внимания, но вот сегодня уже болит горло и кашель, приходится признать себя большим. По-видимому, некоторый грипп, но маленький. Так как погода уже третий день сравнительно приличная, то, несмотря на грипп, я гуляю. Шестого предполагаю вылететь с Резо на Рижское взморье. По прогнозу на август в центральных и южных областях России будет тепло, а на Рижском взморье – прохладно, так что опять, возможно, буду мерзнуть. Как видите, погода очень занимает меня.

В середине июля был на приеме в мексиканском посольстве, это по случаю предстоящего отъезда меня и других делегатов в Мексику. Спрашивали, когда я отправляюсь. Сказал, что ввиду чрезвычайной занятости поехать не смогу. Теперь собираюсь ехать в Вену. Обсуждаем с Пусиком даже вопрос, каким образом мы туда полетим: на обычном или реактивном самолете. Я склоняюсь к реактивному.

Мама в Узком довольно хорошо отдохнула, а я, к сожалению, не стал чувствовать себя лучше. Главное, мой сон испортился опять. Одно время я с легкостью спал совсем без снотворных, так теперь мне это удастся с большим трудом. Отчасти истощению от бессонницы я, вероятно, обязан гриппу.

Мой адрес на взморье:

Рига. Лиелупе, ул. Викингу, 23. Турбаза МДУ.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

11/11/56

Дорогой Изя,

я, действительно, давно не писал Вам, правда, и Вы очень долго не отвечали на мое письмо из Лиелупы.

У меня в настоящее время мрачное и унылое настроение из-за международной обстановки, казалось, что положение стало сравнительно сносным, и вдруг все так ужасно испортилось, что не понятно, как же будет дальше. Что касается моих собственных дел, то они без особых перемен. Правда, в этом году я, кажется, чувствую себя несколько хуже, чем в предыдущие, хотя сплю сравнительно прилично, но постоянно чувствую себя усталым и работаю без воодушевления. За писание учебника принялся только на днях, так что к сроку, конечно, его не допишу, хорошо, если закончу его к весне. Кроме этого, у меня лекции и два семинара. Студенческий семинар стал серьезнее, чем в предыдущие годы. У нас теперь студенты четвертого и третьего курсов, интересующиеся дифференциальными уравнениями, и среди них несколько очень хороших, которые, я надеюсь, станут аспирантами. Нужно заботиться, чтобы им было о чем думать. Второй семинар – это в Стекловском институте, здесь мне легче, т. к. мои молодые товарищи уже стали более самостоятельные. Особенно успешно теперь действует Гамкрелидзе. Всем этим я занимаюсь понемножку, т. к. быстро устаю, и не знаю, насколько явление утомляемости носит временный характер.

У нас уже началась настоящая зима, что меня очень радует, т. к. я собираюсь кататься на лыжах и надеюсь, что от них буду чувствовать себя существенно лучше. Завтра предполагается первый выезд.

Ваша тетя звонила мне и сообщила, что у Нины сильно повысилось давление. Меня она не застала, так что я не мог как следует расспросить. Напишите, пожалуйста, подробнее.

Здоровье мамы без особенных перемен, но, конечно, она не молодеет, как, впрочем, и я.

Мама и я шлем Вам сердечный привет. Лева.

23/11/56

Дорогой Изя,

простите, что не сразу ответил Вам, все время был занят, а т. к. сильно устаю, то писать в позднее время дня, когда ничего не делаю, мне не хотелось.

Я готов поделиться с Вами опытом со снотворными. Он весьма богатый, поэтому мне даже несколько трудно описать его достаточно полным образом.

Я принимаю три сорта снотворных: 1) Медиал, 2) Амилнатрий или, что то же самое, Барбамил, 3) Намбутал. Обычная таблетка медиала – 0,3; обычная таблетка бербамила – 0,2; обычная таблетка намбутала – 0,1. Барбамил и намбутал действуют очень быстро, зато их действие на меня сравнительно

не продолжительно, не более четырех часов, а после этого уснуть труднее, чем, если бы снотворного вовсе не принимал. Мединал действует менее быстро, но на более длительный срок и дает более естественный сон. Все три снотворных хорошо принимать с горячей водой и с большим количеством сахара, а еще лучше, говорят, просто запивать сахарным сиропом. Сахар сам по себе помогает спать. В виду изложенного я поступаю так: с вечера принимаю целую таблетку мединала, если после этого не засыпаю через полчаса, то принимаю еще полтаблетки барбамила или намбутала. И так повторяю, пока не усну. Когда просыпаюсь ночью, опять принимаю полтаблетки барбамила или намбутала, или если дело уже к утру, то пью заранее заготовленную сладкую воду. В лучших случаях мне удастся проспать ночь только с таблеткой мединала, в худших, но это теперь уже очень редко, я съедаю еще три таблетки барбамила или намбутала. Барбамил и намбутал идут у меня на равных правах, но многие считают, что намбутал гораздо лучше. На некоторых барбамил вообще действует возбуждающе. Кроме снотворных, я употребляю еще очень спокойное время проведение после семи часов вечера и почти совершенно ничего не ем позже половины восьмого. Далее прогуливаюсь вечером, но преимущественно один или в спокойном обществе без всякого оживления.

Относительно средств против гипертонии я слышал, что-то от Вадима Арсеньевича и, когда он появится в Москве, спрошу его.

Знаете ли Вы что-нибудь относительно гипертонии у Нины, про криз? Я хотел бы это знать.

В последнее время у нас в Москве установилась приятная зима, и потому я много катаюсь на лыжах – это очень приятно само по себе и помогает спать. Моя занятость от этого еще больше повысилась.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Напишите, как ее здоровье. Лева.

17/12/56

Дорогой Изя,

вчера был у меня в гостях Вадим Арсеньевич и сообщил название двух лекарств от гипертонии, кроме того, несколько дней назад два лекарства были названы мне со слов одного кремлевского врача, все четыре выписаны на бумажке, которая прилагается.

Как видите, поездка в теплые страны совсем не так полезна, как Вы до сих пор считали, вот я туда и не езжу. В Ригу, однако, я, пожалуй, тоже пока ехать не хочу. Хорошо было бы

поселиться на даче под Москвой. Мы теперь завели себе дачный участок, но в ближайшее лето даже и строить на нем будет еще, вероятно, невозможно, т. к. там должна Академия провести предварительные работы. Должны построить дороги, электростанцию, водопровод и канализацию. Участок мы уже выбрали, он размером в двадцать четыре сотки, т. е. не маленький, и на нем растет много крупных деревьев, растут, главным образом, дубы, есть также березы и липы. На всем участке Академии Наук мы его долго выбирали, и теперь считаем, что он лучший.

В этом году я чувствую себя как-то особенно плохо. Кроме бессонницы меня одолевают головокружения, что, впрочем, было уже давно, а, кроме того, совсем новое явление – ощущение постоянной сильной усталости. С нетерпением я ожидаю, когда закончатся занятия, осталось провести еще два собрания семинара, кроме того, мне нужно написать отзыв о диссертации Баутина, защита будет второго января. Вот это основные дела. Очень много провожу времени на лыжах, каждую неделю три раза выезжаю, но лучше от этого не сплю.

По-прежнему я весьма озабочен международными событиями, и они тревожат меня даже на фоне моего собственного плохого состояния, ибо, как известно из диалектики, все в мире связано друг с другом, и нет сомнения, что наше будущее находится в зависимости от всего происходящего в мире.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

Здоровье мамы без особенных перемен, но, конечно, оно не улучшается. Мама также шлет Вам привет.

8/5/57

Дорогой Изя,

простите, что я так долго не писал Вам. Начиная с Нового года, я два месяца болел, то насморком, то гриппом, а к концу учебного года так сильно устал и сон так расстроился, что я пришел к решению в будущем году не читать лекции в университете, а только продолжать подготовку тех студентов, которых мы начали три года назад еще на втором курсе. В будущем году они будут делать у нас дипломные работы, всего человек семь. Из них четверых мы собираемся рекомендовать в аспирантуру, это вполне способные, а один из них очень талантлив. Почти каждая тема, разбирающаяся на семинаре, служит для него поводом, чтобы сделать что-нибудь самостоятельное и даже вполне значительное. Пять лет тому назад я начал свою деятельность в дифференциальных уравнениях, и теперь уже есть ее плоды. Правда, опубликовано еще довольно

мало, но уже несколько больших работ подготовлено к печати мною и моими учениками. Студенческие работы тоже интересны и будут публиковаться.

Вчера меня прервали, и я не помню, на чем остановился.

Теперь у меня уже почти закончена вся работа в университете, а в институте прекратил работу семинар, так что я уже начал отдыхать. В институте и в отделении физико-математических наук высоко котируются мои достижения и деятельность по дифф. уравнениям и если выборы будут, то вполне возможно, что меня выберут, но пока не известно, когда будут выборы. Что касается заграницы, то здесь вполне ясно, меня пускать туда не намерены, и вряд ли это положение изменится. Меня это, однако, огорчает весьма мало, даже вовсе не огорчает. У меня столько интересных дел здесь, что моих ограниченных сил не хватает, а от поездки за границу я не предвижу получить никакого удовольствия ввиду плохого знания языка.

Мой автомобиль работает весьма исправно. Я нанял шофера, который работает у меня через день и в сочетании с конвейерной машиной это вполне хорошо.

Пишу Вам это письмо уже третий день. У меня теперь есть еще одно важное дело, я собираюсь строить дачу. Вероятно, говорил Вам, что мы получили участок в хорошем месте в лесу. У нас на участке несколько десятков больших деревьев, главным образом, дубы, есть также березы и липы. Постройка дачи – дело очень сложное, но строить нужно, т. к. таскаться по санаториям мне надоело.

Этим летом собираюсь опять поехать в Лиелупе на месяц, а затем, вероятно, буду с мамой в Узком.

Не помню, все ли написал Вам, но уж лучше буду посылать письмо. Мама у меня сейчас в Болшеве и перечитывать его некому.

Да, еще одну вещь хочу сказать Вам. Мою книжку непрерывные группы переводят теперь на немецкий язык. И вот, дотошные немцы обнаружили в ней ошибку, которую не замечали в течение двадцати лет при новых изданиях и при переводе на английский. Оказывается, в группах Ли у меня имеется неправильное утверждение относительно числа раз дифференцируемости операции умножения.

Нужно как-то исправлять, возможно, что придется потребовать трехкратную дифференцируемость.

Еще раз привет Вам. Передайте привет Нине.

Лева.

1/8/57

Дорогой Изя,

уже давно получил Ваше письмо и вот только теперь отвечаю.

Специалист по туберкулезу был у меня еще раз и на основе всех данных выразил уверенность, что я заболел туберкулезом в юности, если не в детстве, и что в пятьдесят втором году у меня было обострение, которое повторилось и теперь.

Мое здоровье постепенно улучшается, но слабость еще очень велика и проходит она очень медленно, поэтому пишу Вам очень кратко.

Мама и я шлем Вам сердечный привет, передайте также привет Нине и Евгении Александровне.

Лева.

18/10/57

Дорогой Изя,

Ваше последнее письмо застало меня еще в Узком, где я провел четыре месяца и только третьего дня вернулся домой. В день возвращения мне звонил Альбер и справлялся о здоровье, с ним говорила Лиза и сказала, что последствий болезни нет никаких. Это не вполне соответствует действительности. У меня сейчас нормальные все показатели, как состав крови, давление, температура и т. п., так что болезнь прошла, но осталась очень большая слабость, которая убывает весьма медленно. Ввиду этого я в этом году буду стараться очень мало работать, Буду делать только то, что совсем необходимо, именно: вести семинар в институте, где будут участвовать студенты дипломники, человек семь, но с ними буду заниматься не только я, но и мои молодые люди. К этому будет сводиться и работа в университете. Кроме этого, возможно, буду заниматься наукой в той мере, в какой это будет необходимо для семинара и захочется, и, возможно, еще буду дописывать учебник дифф. уравнений, который уже написан на три четверти.

Я получил приглашение на предстоящий съезд в Эдинбурге делать доклад часовой по топологии. Это меня весьма затрудняет, и я хочу, выразив согласие на делание такого доклада, написать, что было бы целесообразнее мне делать доклад по оптимальным просчетам регулирования, где получены новые результаты в последнее время, в то время как мои результаты по топологии имеют давность порядка десяти лет. Конечно, весьма вероятно, что я не буду включен в делегацию, как это бывало и

раньше, но в этот раз, говорят, делегация будет более многочисленная.

В связи с тем, что у меня был туберкулез, а в этом сомнений нет никаких, а туберкулез так уж бесследно не проходит, мне следует, как можно больше проводить время за городом, а для этого следует завести дачу. Этим летом никакой деятельности по даче я не проводил, да и ближайшие месяцы, вероятно, проводить не буду из осторожности, но дачу заводить нужно. После четырех месяцев пребывания за городом я очень остро чувствую, что в Москве воздух отвратительный.

Мама не смогла разобрать фамилию того нового математика, которого к Вам прислали из Киева, но само заведование кафедрой мне кажется делом не столь уж привлекательным для того, чтобы огорчаться, им занимается кто-то другой. Если он будет вести себя хорошо, то никакой беды тут нет.

За время моей болезни мама сильно устала и ослабла. И раньше у нее была довольно часто одышка, а теперь, признав, что это бронхиальная астма, она у нее теперь каждый день. Принимает теофедрин, но это дает все менее и менее достаточные результаты.

Я отвечаю на Ваше последнее письмо, но не перечитывал его непосредственно сейчас и, быть может, отвечаю не на все поставленные Вами вопросы. Не хочу затруднять маму перечитыванием и исканием Вашего письма.

В Москве свирепствует грипп, и поэтому я почти не встречаюсь с людьми иначе как по телефону, т. к. заболеть гриппом было бы для меня теперь опасно.

Мама и я шлем привет Вам и Нине. Привет, конечно, сердечный.

Лева. Пишите.

23/1/58

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо. С Головиным я знаком чрезвычайно мало и, как правило, с ним не общаюсь, а теперь и случайная встреча исключена, т. к. в университете я не бываю, студентов же дипломников обучаю в Стековском институте на семинаре.

Мое здоровье понемногу улучшается. Слабость стала меньше и сплю лучше. Все это приписываю благотворному действию почти ничего не делания. Лекций не читаю, книжку не пишу, только веду семинар, да и то без особого напряжения. Математикой тоже занимаюсь мало.

Занимаюсь организацией дачи. Решил эту проблему временным способом, именно: арендовал на пять лет у Академии Наук дачу в поселке Абрамцево. Теперь покупаю для дачи мебель, скоро ее отправлю. Далее нужно будет нанять сторожа, который будет топить дачу, и собираюсь проводить там дня три или четыре в неделю. Летом, надеюсь, жить там все время. К сожалению, дача очень далеко от Москвы. По железной дороге – пятьдесят семь километров и три километра от станции, а на автомобиле – восемьдесят, и последний кусок дороги, двенадцать километров – плохой. Ехать туда на автомобиле в лучшем случае два часа.

Хотя сам пока математикой занимаюсь мало, мои ученики действуют уже самостоятельно. Хорошие результаты получил Болтянский. Мищенко закончил, наконец, полностью все детали доказательств той заметки, которую мы опубликовали с ним уже давно. Полное изложение ее состоит из трех больших работ страниц по сорок каждая. Моя аспирантка Гуля успешно переработала в очень приятном новом виде Волосова. Теперь они включаются в ту общую концепцию, которую я придумал.

На днях получил китайский перевод второго издания моей книжки «Непрерывные группы». Переведены шесть первых глав, неясно собираются ли они, как немцы, переводить все и издать это в двух книжках, или же ограничатся первой половиной.

В августе состоится международный съезд в Англии. Говорят, что я включен в число основных делегатов съезда от СССР числом тринадцать. Число это считаю для себя благоприятным, может и поеду. Меня приглашали делать доклад по топологии, но я сделал контр предложение, и теперь договорились о докладе по теории регулирования. Имеется в виду часовой доклад.

На лыжах я не катаюсь, чувствую себя еще не достаточно хорошо, да и погода стоит дрянная.

Вот все, кажется, мои новости. Буду рад с Вами встретиться, когда приедете в Москву.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и Вашему семейству.

Лева.

4/4/58

Дорогой Изя,

когда Вы были в Москве, я рассказал Вам, что значительная часть наших результатов по регулированию находится под угрозой, что они были получены еще Вейерштрассом. Это обнаружил Болтянский, и он стал изучать более современную работу, в которой доказывалось важное

неравенство Вейерштрасса без тех специальных ограничений, в которых оно было установлено самим Вейерштрассом. Нужно было выяснить, верно ли это неравенство также в случае, когда экстремаль проходит по границе области. Болтянский, изучив современную работу Макшейна, сделал два двухчасовых доклада на семинаре с изложением доказательства неравенства Вейерштрасса для внутренних точек экстремали и заявил, что им тщательно проверено и проведено доказательство также и для случая точки экстремали лежащей на границе области. Кроме того, он доказал, что из неравенства Вейерштрасса следует наш основной результат. Заявление об этом всем он сделал еще задолго до своих докладов. Так что в течение полутора месяцев, приблизительно, я находился в очень угнетенном настроении. После докладов Володи меня поразило, что неравенство Вейерштрасса для граничных точек области гораздо сильнее нашего результата, и мне сразу стало ясно, что оно для этих точек просто неверно. Оказалось, что Володя даже не прочел внимательно работу Макшейна, и что ему просто показалось, что все должно выходить. Я на него теперь страшно озлоблен, так что даже еще не знаю, что предприму. Это просто безответственное и недобросовестное отношение к работе, и этого нельзя так спустить. Даже радость по поводу того, что все наши результаты оказываются действительно новыми, не может заслонить того, что, находясь в плохом состоянии, больной я должен был иметь мучительные переживания из-за простой недобросовестности Болтянского.

За последнее время здоровье мое не стало лучше. Занимаюсь мало, но все время есть неотложные дела, которые придется делать. Мама также чувствует себя плохо. У нее был грипп, после которого астма усилилась.

Шлю Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

11/4/58

Дорогой Изя,

по поводу Вейерштрасса я на днях написал Вам целый трактат и больше на этом останавливаться не буду. Что касается выборов в академики, то могу сообщить следующее.

Во вторник было заседание Математического Общества, посвященное выдвижению на выборы. Было шестьдесят два человека. На предмет выдвижения в академики голосовались четыре кандидата: я, Новиков, Гельфанд и Гельфонд. Я получил сорок пять голосов, т. е. больше половины, а остальные – каждый от двадцати четырех до двадцати двух, т. е. меньше половины.

Таким образом, выдвинули только меня. Для всех было чрезвычайно неожиданным, что Гельфанд провалился. Вчера было аналогичное заседание Совета Стекловского института, там рассматривался только один кандидат – я и прошел единогласно. Самым совершенным было бы выдвижение единственного кандидата на одно место. До сих пор это осуществляется совершенно удивительным образом. Вряд ли будет так дальше. Возможно, однако, что Гельфанда больше нигде и не выдвинут.

Чувствую я себя самым отвратительным образом. Ужасно плохо сплю с огромными дозами снотворного. На это, конечно, есть не мало причин, но одна из существенных – это то безобразие, которое устроил Володя Болтынский. Я не хотел Вам ничего больше писать по этому поводу, но не могу. Кроме того, что он ввел меня в заблуждение, он еще по этому поводу поддерживал постоянную связь с Гельфандом. Так что все это дело сильно похоже на диверсию и шпионаж в пользу противника. Выдумку Володи относительно Вейерштрасса я разоблачил ровно за неделю до заседания математического общества. Думаю, что если бы разоблачение не было произведено, то моей неудачей воспользовались бы.

Дачей я пока не пользуюсь, только купил для нее мебель, и она там уже стоит. Теперь нужно еще купить холодильник, но это, кажется, почти невозможно.

Здоровье мамы тоже неважное. У нее бронхиальная астма.

Желаю успеха Шурику и здоровье всему Вашему семейству и Вам.

Шлю сердечный привет.

Лева.

20/4/58

Дорогой Изя,

очень приятно получать письма, написанные на машинке, на них и отвечать сразу хочется.

Вчера, незадолго до получения Вашего письма, я купил холодильник, правда, не ЗИС, который хотел, а Север-2. Это для дачи. У меня уже разработана методика покупки дефицитных товаров. Главная идея заключается в установлении знакомства с работниками торговой сети и в выплате премии за телефонное предупреждение о появлении товара. Так покупалась значительная часть мебели.

В настоящее время я себя очень плохо чувствую. Это не туберкулез, а какой-то беспорядок с головой. Пять лет назад была такая же вещь, только в более тяжелой форме. Началось головокружение, и сначала было признано, что это спазм сосудов

головного мозга. Затем возникли сомнения, было подозрение на последствие лечения стрептомицином. Сейчас тоже был стрептомицин, но вопрос не ясен. Во всяком случае, очень неприятно и страшно.

Я не думаю, что Болтянский сознательно, во вред мне произвел свою диверсию. По моему мнению, он, несмотря на большие способности, не имеет настоящей склонности к математике. Он предпочитает мало напряженную деятельность вроде писания популярных статей и книжечек, при этом на свое четырехтысячное жалование в институте он смотрит как на некий пенсион, который идет сам по себе, свою же работу он организует так, чтобы добыть деньги помимо этого пенсионера. Он не думает, что может его лишиться, не делая почти ничего в институте. Я же многократно говорил с Володей о том, что к работе в институте нужно относиться серьезнее, но он не придает этому значения, полагаю, правильно, что выдворить его из института будет трудно. Это, однако, возможно и вероятно. Единственное правильное мероприятие будет именно это.

В предвыборной компании нет пока никаких существенных изменений. До сих пор мне не известно, чтобы кого-либо, кроме меня, выдвинули на выборы в академики по математике. Меня выдвинули: общество, институт и факультет, еще собирается поддержать выдвижение Институт автоматике.

В отношении здоровья я возлагаю надежды на дачу. Надеюсь, что удастся выехать туда в начале мая. Кажется, почти все необходимое уже закуплено, в частности, холодильник. Теперь нужно найти сторожа и это, по-видимому, не легко.

Я, вероятно, сделаю еще больше опечаток, чем обычно, т. к. плохо себя чувствую. Надеюсь, однако, что письмо прочесть можно.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

9/10/58

Дорогой Изя,

сегодня мне будет доставлена диссертация Евгении Александровны (27). Насколько понимаю, она весьма объемиста и, когда мы с Вами договаривались относительно моего оппонентства, мне Вами был обещан путеводитель по диссертации. Я надеюсь его получить. Прошу Вас позаботиться о том, чтобы он был мне прислан. Раньше его получения никакого отзыва мною написано не будет.

Я в последнее время очень много занимаюсь хозяйственной деятельностью. Причина в основном – дача. Она мне нравится, но пусковой период еще не окончился. Теперь я предполагаю держать дачу и зимой в состоянии годности и для приезда туда. Для этого нанята новая домработница, и дача несколько утепляется. Кроме того, в московской квартире у нас включена теплоцентраль, и это совершенное бедствие. Пришлось мне заняться установкой кранов на батареях. Это потребовало значительных усилий, т. к. пришлось добиться спуска воды из всей отопительной системы.

Математическая деятельность идет успешно. В области колебаний и регулирования у нас разработаны две большие задачи, и мы оказались впереди всех конкурентов, хотя число их весьма велико, особенно в области регулирования. Здесь работают и наши регулировщики и американские. Теперь обе задачи в основном уже решены, и мы собираемся приступить к новым, которые намечаются.

Находясь в Москве, я сплю самым отвратительным образом, на даче лучше, но там очень скучно, а каждый переезд для меня труден благодаря перестройке жизни: как я приспособлюсь к наличию двух домов, еще не знаю.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.
Пишите.

Лева.

16/7/58

Дорогой Изя,

спасибо за поздравление. Я очень давно не писал Вам. Мы с конца мая живем на даче, и за это время, я только три раза выезжал в Москву. Очень уж далеко ехать, два часа на автомобиле. У меня теперь новенький автомобиль Волга, который я недавно купил, т. к. Победа стала совсем разваливаться. Первое время на даче мучительно от неустройства и, главным образом, оттого, что мама и Лиза в виду этого неустройства были страшно злые и сварливые. Теперь жизнь наладилась, и мне очень нравится. Есть много деятельности по благоустройству дачи, например, на участке имеется масса мелкой растительности, маленьких деревьев и кустов, которые нужно выгнать для того, чтобы участок стал более сухим и приятным. Весь поселок стоит в лесу, и каждый участок – это кусочек леса. Зато очень влажно, после дождя воздух пропитан влагой, и все отсыревает, так что приходится топить печь в доме: это и большое расстояние от Москвы главные недостатки места. Зато очень тихо и малоллюдно, а это мне сейчас нравится. Мое здоровье, кажется, существенно

улучшается, благодаря недавно наступившей спокойной жизни и хорошему воздуху.

Я включен в официальную делегацию на съезд в Эдинбурге и, по-видимому, поеду одиннадцатого августа, но предстоящая поездка не кажется мне привлекательной, слишком поздно для меня пришла возможность поехать за границу. Впрочем, возможно, реальная поездка и принесет мне удовольствие.

В сентябре мне хотелось бы поехать в Крым, т. к. в предстоящем году я не буду читать лекций, и у меня есть возможность покинуть Москву в сентябре.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Пишите.

Лева.

1/1/59

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с Новым годом. Оба Ваши письма получил. Что касается столкновения между Е.А и Немыцким, то я знаю о нем только из Ваших писем. Мне ничего не известно о том, как настроен Немыцкий и как он поведет себя в качестве оппонента диссертации Е.А. Кто третий оппонент, я не знаю. Сам я за диссертацию еще не принимался, т. к. после воспаления легких у меня началась очень сильная бессонница, и теперь меня от нее лечат. Я в течение десяти лет принимал большие дозы так называемых барбитуратов, т. е. следующих снотворных: мединал, бермамил, нембутал. В результате этого без них я не могу спать совершенно, а их дозы нужно увеличивать все дальше и дальше, что приводит к отравлению и, в частности, к большой физической слабости. Теперь предпринимается первая научная попытка приучить меня ко сну без барбитуратов, хотя бы путем замены их другими типами снотворных. В основу лечения положены внутривенные вливания брома с магниезией, последняя употребляется обычно при высоком давлении, но у меня его нет и для чего нужна магниезия мне не ясно. Кроме этих вливаний употребляются еще какие-то снотворные, но сплю я все же очень мало.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Передайте ей мое поздравление с Новым годом. Лева.

9/3/59

Дорогой Изя,

у меня сейчас грипп и потому пишу Вам коротко. Грипп, правда, не вирусный и не сильный, но вот уже вторую неделю сижу дома, и это приводит меня в уныние.

Одновременно с эти письмом отправляю предварительный отзыв на диссертацию Евгении Александровны, предполагается, что защита ее состоится в июне. Кажется, Немыцкий никак на нее не нападает. Полный отзыв о диссертации напишу позже и тогда пришлю в Горький.

Я успешно веду борьбу со снотворными. Теперь уже не принимаю никакой сложной химии, а только бром. Возлагаю большие надежды на улучшение здоровья в связи с этим.

Шлю сердечный привет Вам и Вашему семейству.

Лева.

6/8/59

Дорогой Изя,

уже давно получил Ваше письмо, но тут меня как-то очень часто посещали разные гости, и я не собрался ответить Вам.

Мы живем на даче последнее время почти безвыездно, и погода к нашей даче очень подходящая, жарко и дождя нет, В другом месте при такой жаре мы с мамой очень страдали бы, а при дожде было бы сыро.

Я, как почти всегда последние годы, страдаю от бессонницы и стараюсь лечить ее. Прoshлые годы я просто принимал разные снотворные, а в этом году, начиная с зимы, занимаюсь тем, чтобы от них отделаться, т. к. они уже перестали действовать, а только отравляли меня. Эта борьба основана, однако, на употреблении других медикаментов. Сейчас принимаю аминазин. Т. к. мать Нины – психиатр, то Вы, вероятно, слышали о нем, это средство употребляют в психических больницах. Пока значительных результатов не получено, а от побочных действий я чувствую себя довольно неважно. Все прочие органы, кроме головы, у меня сейчас в порядке, и туберкулез не беспокоит.

На даче у нас хорошо, и я продолжаю сильно чувствовать преимущество большого дома перед комнаткой, которую можно иметь в случае пребывания в санатории или доме отдыха.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

29/12/59

Дорогой Изя,

благодарю Вас за поздравление с Новым годом и со своей стороны поздравляю Вас и все Ваше семейство, сверх того желаю вам всем всего лучшего и, в частности, преодоления очередного кризиса отношений с начальством университета.

Спешу сообщить Вам важную новость, которая, возможно, сыграет существенную положительную роль в преодолении сказанного кризиса. Имеется решение Совета

Министров о полном и категорическом запрещении всяческих совместительств в работе во всех областях деятельности. Исключение делается только для врачей и преподавателей школ, которым разрешается работать на полутора ставках, но при этом только в одном месте. Запрещаются также и совместительства без оплаты, а лишь с занятием должности. Так, например, у нас без оплаты занимает должность зав. отдела Соболев, работающий в другом месте, так вот это не разрешается. Насколько решительно будет выполняться это решение – не знаю, но, вероятно, получить работу будет гораздо легче. У нас в связи с этим возникает много проблем: что будет, например, с некоторыми отделами института, в которых и заведующие и значительная часть сотрудников являются совместителями. В таком положении, например, находится отдел топологии. Напишите, как это все выглядит у Вас в Горьком.

Дача моя еще совершенно не освоена. Она очень грязная, и ее необходимо красить изнутри и снаружи, изнутри можно красить и зимой, т. к. есть отопление, но окраску должна произвести ремонтная организация Академии – другого способа добыть и доставить на дачу рабочих нет. И вот я жду ремонта. Надеюсь, он состоится в январе. Перевозить вещи до ремонта нет смысла. Дача имеет два существенных недостатка: 1) в сторожке на территории участка живет прописанный там сторож Кржановского – очень отвратительный, которого выселить будет, вероятно, трудно, а оставить значит отравить себе жизнь; 2) рядом находится водокачка поселка, которая несколько часов в сутки заметно шумит, в даче шум не слышен, но на участке слышен, и меня раздражает. И то и другое, может, удастся преодолеть, быть может, со значительной затратой денег. Но, принимая во внимание, что я за дачу заплатил сравнительно немного по имеющимся ценам, именно сто тысяч, придется пойти на дальнейшие расходы. Было бы приятнее, конечно, заплатить больше и купить дачу без этих недостатков, но такой возможности не было.

Я теперь усердно принялся за окончание моего учебника по диффурам и вижу, что конец совсем близко. Если у Вас есть еще какие-либо замечания по нему, то напишите о них, я учту их при окончательном редактировании.

Конечно, я по-прежнему плохо сплю, но, кажется, чрезвычайные усилия, совершенные в последний год для преодоления барбитуратов, принесли некоторые результаты, я теперь могу выспаться и, не употребляя их, принимаю аминазин, бромураль и димедрол. Это считается лучше и, кажется,

самочувствие несколько улучшилось, работоспособность возросла.

Мама и я шлем сердечный привет Вам и всему Вашему семейству.

Лева.

5/1/62

Дорогой Изя.

Только что прочел Ваше письмо и сразу же отвечаю, это, вероятно, единственный способ ответить быстро.

Не знаю, знаете ли Вы казанского математика В.В. Морозова, я с ним хорошо знаком, т. к. во время эвакуации жил у него в Казане. Мне кажется, что он примерно моего возраста. Вчера я получил от него письмо с поздравлением с Новым годом и с сообщением, что у него инфаркт, и он в больнице. Несколько дней назад умер от инфаркта известный деятель Академии Наук Топчиев, который на год старше меня. Все это выглядит несколько мрачно, и у меня самого последнее время побаливает довольно упорно сердце. Врачиха считает, что есть небольшая стенокардия.

Нам с женой живется не вполне хорошо, мамин характер улучшается, а еще в давние времена Вы имели случаи наблюдать ее поведение. Сил у нее все еще достаточно, чтобы порядочно портить нам жизнь. Мама избавилась от Лизы и как нельзя вовремя. Не знаю насколько это всерьез, но Лиза помещена теперь в психиатрическую лечебницу на предмет старческого психоза. Если бы она теперь была еще прописана у нас, то положение было бы совершенно бедственным. Наша новая домработница не доставляет нам особенных радостей, и мы думаем, нельзя ли найти другую, но это очень трудно.

Несмотря на все трудности, я все же очень доволен своим теперешним существованием. Никогда теперь мне не бывает так грустно и тоскливо, как бывало раньше и, несомненно, что наличие жены играет в этом решающую роль. Таков общий фон моего существования. На этом, в общем, благоприятном фоне у меня сейчас имеется математическая деятельность, которая продвигается успешно, и я надеюсь, в конечном счете, приведет меня к важным новым результатам. Задача, которую я решаю, кажется мне очень важной. Кроме того, я уже давно не занимался в одиночку, хотя коллективная деятельность имеет свои преимущества, но в настоящее время мне хочется сделать хорошую работу одному для того, чтобы убедить себя и, возможно, других в том, что силы меня еще не покинули.

Занятия английским языком с магнитофоном мне очень нравятся. Боюсь, что я еще не могу слушать английское радио, в случае магнитофона можно по несколько раз прослушивать любое место, а по радио это невозможно. Что касается активного владения языком, то еще с давних пор мне было легче говорить, чем понимать, т. к. я активно учил язык, и теперь с помощью магнитофона я заучиваю английские фразы.

Шлю Вам сердечный привет и желаю выздоровления в этом году.

Лева.

6/3/62

Дорогой Изя,

простите, что долго не отвечал Вам.

Серьезно заболела моя жена, у нее ревмокардит и она сейчас лежит в больнице.

Седьмого января мы отправились в Кисловодск, который очень хорошо на меня действует в смысле моей субфебрильной температуры. Там я почти сразу заболел гриппом, который хотя и был очень тяжелый, закончился без всяких осложнений и без хвоста субфебрильной температуры, полагаю, благодаря хорошему климату. Жена, по-видимому, была предрасположена к ревмокардиту, благодаря плохому горлу, и нарзанные ванны, вероятно, провоцировали начало болезни. Болезнь серьезная и ликвидировать ее острое проявление можно будет, вероятно, не скоро.

Я читаю лекции в университете и веду семинар в институте. Начинаю также студенческий семинар. О Плотникове я совсем забыл из-за своих событий. Кроме того, что заболела жена, и болел гриппом я, во время моего отсутствия в Москве мама перенесла тяжелый грипп.

Ландау все еще не приходит в сознание, но живет уже без помощи вспомогательной аппаратуры. Перспективы выздоровления не ясны.

Поздравляю Вас с новой квартирой.

Шлю привет Вам и всему Вашему семейству.

1/4/62

Дорогой Изя,

из открытки Нины и от Евгении Александровны я узнал о Вашей болезни. Конечно, Вы поправитесь, но это будет не слишком скоро, и трудно ожидать, чтобы состояние здоровья вернулось на прежний уровень. Так было с моим туберкулезом, целый год после него я чувствовал себя почти больным и теперь не достиг того состояния, которое было до болезни, печально, но

возраст берет свое. Желаю Вам как можно скорее поправиться, но будьте осторожны и не перегружайте себя деятельностью, даже если будет совсем хорошо. Помните, что малейшая перегрузка вызовет ухудшение, Моя жена уже вышла из больницы, но еще совершенно не работоспособна, пока мы в основном живем на даче, но и там она чувствует себя временами очень плохо. Болезнь должна тянуться, по меньшей мере, полгода, это если не будет рецидивов, и даже в самом лучшем случае почти неизбежен порок сердца. Я последнее время чувствовал себя плохо, т. к. был очень удручен болезнью жены, и у меня возникла некоторая гипертония, теперь она прошла, но это благодаря чрезвычайной осторожности. Теперь чувствую себя удовлетворительно. Читаю лекции в университете, веду семинар в институте и семинар для студентов в университете, но это все без всякой энергии, так что дело идет вяло.

Я и мои ближайшие сотрудники Болтянский, Гамкрелидзе и Мищенко с интересом ждем решения вопроса о премии, Ленинской премии. Возможно три варианта: 1. Премии не дадут. 2. Премии дадут только мне, и в этом случае я разделю ее поровну на всех четверых, но лауреатом буду только я. 3. Премии дадут коллективу, признав руководителем меня. Это самый желанный для всех случай. Я получу одну треть премии, а две трети будет разделены на остальных. Принимая во внимание, что Постников уже получил Ленинскую премию, в последнем третьем случае мой отдел будет состоять сплошь из лауреатов, не считаю одного младшего сотрудника, начинающего математика Аносова. Этот третий случай кажется мне самым привлекательным, как в силу описанного, так и в силу финансовых обстоятельств. Дача обходится мне очень дорого, идут непрерывные ремонты и не ясно будет ли им конец, или по окончании цикла начнется новый, но все равно я чрезвычайно ценю дачу и провожу там большую часть времени. Мне там совсем не скучно и очень хорошо.

Мищенко и Гамкрелидзе, возможно, в ближайшее время поедут в Америку, планируются поездки в Швецию на международный съезд, я включен в число делегатов, но, конечно, это ничего не значит. Моей жене очень хочется поехать со мной, но, боюсь, это невозможно.

После январского гриппа мама все еще чувствует себя довольно плохо, и все жалуется на здоровье, слабость.

Шлю Вам сердечный привет. Желаю поправляться, но не спешите, будьте осторожны.

Привет от всего моего семейства всему Вашему.

Лева.

12/10/62

Дорогой Изя,

простите, что не сразу ответил на Ваше письмо.

Моя жена уже много лет работает в Институте Склифосовского в терапевтическом отделении и постоянно имеет дело с инфарктами. Она считает, что при правильном поведении трудоспособность, как правило, восстанавливается, хотя и медленно. Таким образом, Вы должны считать, что через некоторое время Вы снова сможете работать, но нужно проявить большое терпение и не приходить в уныние.

Этот год у нас в семье был нелегкий. В январе мы поехали в Кисловодск, и там у жены начался ревмокардит, сразу же после возвращения она легла в больницу, где провела сорок дней, но и после этого состояние ее было довольно плохое, пока в июле не вырезали гланды. После этого дело быстро пошло на улучшение, так что через месяц мы уже смогли поехать вместе в Швецию на международный конгресс. Во время этой поездки я не раз вспоминал Ваши рассказы о поездке туда Вас с Ниной. Мы пробывали примерно неделю в Стокгольме на конгрессе, а затем, т. к. входили в туристическую группу, поехали с ней путешествовать по Гэтеканалу до Гэтеборга и затем поездом обратно в Стокгольм. Поездка была приятная, и после нее я усердно начал заниматься математикой, стало как-то совестно, что уже давно не получал хороших результатов. Теперь дела идут довольно хорошо, хотя я и далеко еще от решения проблемы. Преподаю в университете, читаю лекции по дифф. уравнениям. В прошлом году тоже читал, но студенты были плохие, таково общее мнение. В этом году, говорят, курс более хороший. Семинар в институте не начали.

В течение длительного времени у нас с мамой были очень натянутые отношения, в чем чрезвычайно вредную роль играла Лиза, которая привыкла быть хозяйкой у нас в доме и никак не могла примириться с появлением жены у меня. Теперь Лиза удалена, и дела постепенно налаживаются.

Таковы, в основном, мои дела. Туберкулеза я особенно не чувствую, но бессонница по-прежнему портит мою жизнь.

Я не помню, чтобы Вы до инфаркта, когда-нибудь жаловались на сердце. Как это у Вас началось? Я хочу знать. У меня теперь сердце иногда побаливает, и я опасюсь стенокардии.

Когда Вы несколько оправитесь, но еще не начнете работать, Вы, вероятно, сможете поехать в Москву, очень хотелось бы встретиться с Вами.

Мама, жена и я шлем Вам сердечный привет и желаем скорого и полного выздоровления.

Лева.

Пишите, буду отвечать быстро.

13/11/62

Дорогой Изя,

опять очень долго не отвечал на Ваше письмо.

Вы хотите, чтобы я рассказал Вам о поездке в Швецию и своих впечатлениях о конгрессе? Благодаря плохому знанию языка, я очень мало бывал на докладах и немного разговаривал с математиками. Несмотря на это, пребывание на конгрессе дало сильный стимул моим занятиям. Сейчас я усердно занимаюсь одной задачей, которую уже давно считаю самой важной в моей теперешней области деятельности, и, по-видимому, успешно продвигаюсь к ее решению. Кроме того, я старательно учу английский, это тоже благодаря поездке, т. к. сильно чувствовал недостаток знаний языка. Английский я учу по-новому, при помощи магнитофона. Я добыл большое количество магнитофонных пленок с записями на английском учебного характера, но без русских разъяснений и стараюсь понять английскую речь, что всегда было для меня самым трудным. Эта деятельность, также как и математическая, доставляет мне большое удовольствие и занимает очень много времени. Чувствую я себя нельзя сказать, что плохо, но сил уже немного и приходится расходовать их осторожно. Последние месяцы у меня нередко слегка побаливает сердце, и это несколько тревожит меня, хотя указанный Вами критический возраст уже миновал.

Мы с женой внимательно изучили Ваше письмо, и жена нашла, что Вы весьма наблюдательный больной, который может существенно помочь лечащему врачу, Ваши наблюдения она нашла весьма правильными. Ваш инфаркт подобрался к Вам довольно незаметно, и трудно сказать, чтобы были сделаны какие-нибудь очень грубые ошибки в Вашем поведении и медицинских мероприятиях, если, конечно, не исходить из уже имеющегося теперь факта инфаркта. Нужно ведь считать, что будущее неизвестно и искать правильного поведения в этом предположении, а в этом предположении не было особенно больших оснований думать, что у Вас прединфарктное состояние. С моей точки зрения наиболее внушающий опасение факт заключается в том, что Вы очень подолгу и тяжело нервничали в борьбе с начальством. Говорят, что психический фактор играет большую роль.

Пишите Изя. Шлю сердечный привет Вам и Нине. Лева.

8/3/63

Дорогой Изя,

я получил и приглашение в Горький, и Ваше письмо, но пока не знаю смогу ли поехать, т. к. чувствую себя очень плохо. За последний год я сильно устал и не имел отдыха хотя бы на протяжении месяца сряду. Начиная же с осени, стал усердно заниматься и пока еще не знаю, получил ли какие-нибудь результаты или нет, т.к. бессонница настигла меня, казалось бы, в самой заключительной стадии работы. Таким образом, теперь я чувствую себя ужасно плохо и вдобавок не знаю, увенчалась ли моя полугодовая деятельность каким-либо успехом или нет. Сейчас я ограничиваюсь эти коротким письмом, т. к. даже писать более обстоятельно мне трудно.

Шлю Вам сердечный привет.

Лева.

8/4/63

Дорогой Изя,

теперь мне уже ясно, что я не смогу приехать в Горький на Андроновские чтения – здоровье Шуры опять несколько испортилось, и мы опасаемся повторения ревмокардита, поэтому нам не следует пускаться в сравнительно утомительную поездку, а нужно беречь силы на возможную поездку в Крым. Туда мы собираемся в середине мая.

Шура считает, что Вам было бы полезно провести месяц в санатории весной этого года. Она полагает, что санатории под Москвой имеются не плохие, но никаких конкретных сведений у нее нет. Если хотите, я попытаюсь выяснить совершенно официальным путем нельзя ли для Вас получить путевку через Академию.

Мое состояние улучшилось, и я собираюсь возобновить свои занятия математикой.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

29/5/63

Дорогой Изя,

еще третьего дня я получил от Вас санаторные карты и сразу же выкупил две путевки, для Вас и Нины. Они начинаются с 17-го июня и кончаются 12 июля.

Я не посылаю путевки Вам, т. к. если возникнет препятствие для поездки, то мне легче будет вернуть путевки, если они будут здесь. В случае если нужно будет возвращать путевки, Вы должны немедленно сообщить мне об этом. Мой московский адрес и телефон Вам известны. Я не знаю, в какие дни буду

находиться в Москве, и в какие на даче, поэтому, в случае срочных сообщений, нужно иметь в виду и дачу. Ее адрес:

Звенигород, Московской области, Мозжинка, 20.

Дачный телефон: Звенигород 54-15. Не знаю можно ли позвонить туда из Горького, вероятно можно. В случае телеграммы нужно направлять ее одновременно в Москву и на дачу, но на даче почта работает ненадежно, и могут задержать, лучше дозвониться.

Путевка начинается семнадцатого. Поездка из Москвы в Болшево не такая простая вещь, и лучше было бы, если бы Вы поехали на моем автомобиле, а он работает у меня шестнадцатого. В виду этого Вам лучше планировать приезд так, чтобы Вы могли поехать в Болшево вечером шестнадцатого на моем автомобиле. Сообщаю на всякий случай номер автомобиля: МОИ-78-31. Если в этот день я не смогу быть в Москве, то организую дело так, чтобы Вы могли поехать на моем автомобиле без меня. Автомобиль – черная Волга, шофер Георгий Лукич Широков.

В соответствии с изложенными здесь соображениями Вы должны сообщить мне свои планы. Нужно будет еще передать Вам путевки. Особенно срочно нужно будет действовать в случае необходимости вернуть путевки. Когда будет ясно, что возвращать их не нужно, переведите мне деньги на мою сберегательную книжку 340 рублей, данные о сберкнижке прилагаются на вложенном в конверте листочке.

Здоровье моей жены улучшается, и я надеюсь в ближайшие дни отправиться на дачу, но много дел будет и в Москве.

Напишите мне и лучше сразу на оба адреса в Москву и на дачу, под копируку.

Шлю сердечный привет вам всем.

Лева.

Сегодня выяснилось, что мой шофер идет в отпуск в июне на автобазе, таким образом, шестнадцатое и семнадцатое для него безразличны, и он сможет повести Вас, если только не уйдет в отпуск и у меня, это будет в случае получения им путевки в дом отдыха.

14/6/63

Дорогой Изя,

я получил оба Ваших письма и второе в двух экземплярах, но ко времени их получения я чувствовал себя довольно плохо, что-то меня беспокоило сердце, быть может, легкая стенокардия, и была еще какая-то аритмия. В связи с этим я прекратил, по возможности, всякую деятельность и, в частности, не ответил на

Ваши письма. Теперь пишу прямо в Болшево, т. к. в Горьком могу не застать Вас.

В настоящее время мое состояние уже улучшилось, и мои дела подходят к концу. Мне еще придется бывать в Москве в течение июня, и я рассчитываю, что в один из таких приездов я приеду в санаторий, чтобы навестить Вас.

Я очень огорчен, что не могу предоставить Вам автомобиль, т. к. с двенадцатого мой шофер уехал на две недели в дом отдыха.

Сегодня я отправляюсь на дачу, должен буду приехать в Москву девятнадцатого к обеду и пробыть здесь три дня, если сможете, позвоните мне из санатория, там есть телефон.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

1/10/63

Дорогой Изя,

недавно получил Ваше письмо, на Ваше предыдущее письмо не ответил.

Прежде всего, почему не произошла наша встреча после Вашего приезда в Москву из Болшева? Насколько помню, Ваша путевка кончалась двенадцатого июля, я же приехал с дачи в Москву около полудня тринадцатого и около полудня пятнадцатого уехал в Узкое. По моим расчетам Вы должны были бы меня застать по телефону в Москве.

Все последнее время моя жизнь идет не очень хорошо. Пожалуй, основная причина – болезнь жены. У нее ревматизм, не буду рассказывать Вам, что это такое, но в начале апреля у нее началась вторая атака и, кажется, только теперь ее состояние становится сравнительно удовлетворительным. Все очень осложняется тем, что мы оба, находясь в Москве или близ Москвы, не можем жить спокойно. Серьезно больна мать жены и происходит так, что как только состояние жены несколько улучшается, так сразу же улучшение срывается тем, что начинается беготня в связи с ее матерью.

В конце августа мы уехали в Крым, где провели месяц. Это было сделано для того, чтобы изолироваться от московских забот и побыть в сухом климате. Поездка принесла хорошие результаты, у меня даже несколько сбавилась бессонница, а состояние жены после возвращения стало довольно приличным, но вот сейчас она поехала к своей матери, с которой ночью было плохо. Не знаю, не приведет ли это опять к срыву отдыха и того улучшения, которое было достигнуто в Крыму. Погода в Москве

очень плохая. При ревматизме нужно в это время быть очень осторожным.

По поводу слухов об упорядочении заработной платы, то по этому поводу мне трудно что-либо сказать. Слухи эти циркулируют уже несколько лет и, вероятно, имеют основания. Вероятно, начальство по этому вопросу время от времени делает какие-либо высказывания. Говорят, что на последнем пленуме ЦК Н.С.Хрущев сказал, что неправильно платить за звания, а следует платить за реальную работу. Будет ли это соображение как-нибудь реализовываться, я не знаю. Последние сведения, которые ко мне поступили, будто бы из авторитетных источников, заключаются в том, что пока никаких перемен не ожидается. Мне же самому кажется, что переменам сейчас самое время ввиду сильного неурожая в стране.

В этом году я не работаю в университете, и если упорядочения зарплаты не произойдет, то постараюсь подольше не работать, Благодаря этому, я имел возможность поехать в Крым, что принесло мне очень большую пользу. Буду трудиться только в институте. За последний год я довольно успешно занимался математикой, правда пока еще трудно оценить значительность полученных результатов, но если материальных трудностей, связанных с урегулированием, не произойдет, то, надеюсь, в этом году успешно продолжать работу, в случае же затруднений нужно будет что-то предпринимать. Это может мне сильно помешать.

Моя поездка в Базель, как Вы можете заметить из этого письма, не состоялась по причинам от меня не зависящим, но в виду плохого состояния жены, я считаю, что это мне на пользу.

Шлю сердечный привет Вам и Нине. Пишите.

Лева.

3/11/63

Дорогой Изя,

только что получил Ваше письмо о том, что Вы не сможете поехать через Москву. Очень жаль, но приходится соблюдать осторожность.

Я не ответил Вам на Ваше последнее письмо о Вашей предстоящей поездке через Москву, т. к. рассчитывал, наверное, встретится с Вами. Дело в том, что наши дела не очень хороши, и поездка на дачу в ближайшее время невозможна. Не помню, что писал Вам в последний раз, но после поездки в Крым и двухнедельного периода благоденствия состояние А.И. опять существенно ухудшилось. Является ли это естественной закономерностью хода болезни или произошло из-за поездки или

из-за волнений и перенапряжения, связанного с обострением болезни ее матери, мы знать не можем, однако, теперь, кажется, понемногу становится лучше.

После поездки в Крым, я все еще чувствую себя очень хорошо, гораздо лучше сплю, занимаюсь гимнастикой, обливаюсь холодной водой и понемногу тружусь. В университете я теперь не работаю и это для меня большое облегчение, даже одна лекция в неделю была для меня очень большой дополнительной нагрузкой. Теперь имеется семинар в институте и собственная научная деятельность. Наша прежняя тематика, по-видимому, в существенном уже исчерпана, и нужно начинать новую. Весь прошлый год я трудился над новой задачей и получил некоторые результаты, возможно, что они послужат началом новой, более обширной, деятельности.

Я уже писал Вам, вероятно, что в Базель на международный конгресс по автоматическому регулированию меня не пустили, я очень уверен, что это сделал заведующий иностранным отделом АН СССР. Эта сволочь почему-то меня невзлюбила. Теперь у меня есть приглашение в США в институт, где директор Лефшец. Все пребывание в США будет оплачено этим институтом. Это приглашение имеется уже давно, но та же сволочь тормозит дело. Теперь я предполагаю обратиться к более высокому начальству и достичь успеха, впрочем, в вопросах заграничных поездок все так таинственно, что трудно понять, в чем дело.

Важнейшим вопросом для меня теперь является здоровье жены. Ревмокардит – коварная и очень сложная болезнь, и не ясно, что с ней делать. Сердце пока у нее не испорчено, но процесс вяло тянется, временами вспыхивая, правда жизнь у нас, как, впрочем, и у всех граждан, очень беспокойная. Я своей задачей ставлю теперь сделать ее более спокойной.

Очень жаль, что нам не удалось сейчас встретиться. Будем надеяться на будущее.

Я и мое семейство передает привет Вам и Нине. Пишите.

Лева.

Дорогой Изя, написанное письмо пролежало до сегодня 8.11, но ничего существенного за это время не произошло.

28/12/63

Дорогой Изя,

поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю здоровья.

Наши дела не очень хороши. После возвращения из Крыма Александра Игнатьевна две недели чувствовала себя очень

хорошо, но затем наступило ухудшение, похожее на слабую атаку ревмокардита. Только четыре дня у нее устанавливается нормальная температура, да и то не знаем, насколько это надежно, и не знаем, какие меры предосторожности нужно принимать для того, чтобы ухудшение не наступило вновь. В течение более двух с половиной месяцев она не выходит на улицу и неизвестно, хорошо это для ее здоровья или, наоборот, плохо, т. к. никакого вполне определенного мнения врачей на этот счет нет.

Мое состояние неплохое, хотя я по-прежнему принимаю много снотворных, но сейчас стало немного лучше, а одно время совсем замучился. Особенно плохой период был от двадцатого ноября до двадцатого декабря. Понемногу занимаюсь математикой, и работа продвигается. Сейчас происходит оформление документов для поездки в США, но не знаю, как все пройдет и как будет со здоровьем Александры Игнатьевны.

На дачу пока не ездим, но я надеюсь, что после Нового года поедем и будем там жить, возможно, что и для А.И. это будет полезно.

Шлю Вам и Нине сердечный привет. Жена и мама к нему присоединяются.

Лева.

8/4/64

Дорогой Изя,

уже давно получил ваше письмо, отвечаю как почти всегда с запозданием.

Здоровье Александры Игнатьевны по-прежнему плохо, хотя болезнь и не носит острого характера, она очень затяжная. Каждый месяц примерно дней двадцать держится субфебрильная температура и плохое состояние, которое сопровождается страхом, не атака ли это начинается. Медицина мало помогает и мнения различные. Некоторые считают, что и болезни-то никакой нет, другие же, что положение довольно серьезное. Сегодня мы надеемся попасть к главному специалисту по ревматизму профессору Нестерову.

Я, в основном, закончил работу об одной задаче, которую считаю очень важной, правда, она решена мною в весьма частном случае, но все же я доволен, что справился один с трудной, по моему, мнению, задачей. Теперь занимаюсь небольшой переработкой своего учебника, который предполагают издать в будущем году. Если у Вас есть какие-либо замечания по поводу его, то напишите мне их, пожалуйста. Я принял бы их во внимание при переработке, но переработка небольшая.

Мое здоровье не вполне благополучно по линии бессонницы, слишком много снотворных принимаю.

Вчера мне официально сообщили, что разрешена поездка в Америку в институт, где директор Лефшец, мне, жене и Аносову. В связи с разными делами я решил назначить срок поездки – сентябрь этого года. Это настолько не скоро, что многое может перемениться, но ехать сейчас считаю не целесообразным, кроме того, я уже столько раз стремился к поездке, что уже приобрел равнодушие к этому, и как-то всерьез не думаю о том, что поеду. Все же, пожалуй, надо будет подзаняться английским.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

14/6/64

Дорогой Изя,

насколько я понимаю дело, я не могу доказать желательных Вам результатов на Вашем пути, а имею другой путь (28). Этим путем я делал многие вещи в дифференцируемой топологии, и они изложены в толстой моей работе, которая опубликована в трудах Стекловского института, это моя последняя работа по топологии. Не помню ее названия. Надеюсь, она Вам не понадобится, и Вы сможете восстановить доказательство по прилагаемому наброску на трех страницах.

Мы живем без особых перемен. Последнее время занимался редактированием учебника и почти закончил его. Изучил по Вашему указанию четырнадцатый параграф, но не изменил его. Мищенко говорит, что на физтехе он излагал материал таким образом, и это не только было хорошо понятно, но и нашло одобрение преподавателей. Я старался найти совершенное изложение, но не сумел сделать этого за имеющееся у меня время.

Пока живем в основном в Москве, т.к. много дел. Затем собираемся жить на даче. Что касается поездки в Америку, то все по-прежнему, т.е., кажется, что поездка должна состояться.

Здоровье Александры Игнатъевны лучше, но она не вполне здорова.

Шлю сердечный привет Вам и Вашему семейству.

Лева.

23/8/64

Дорогой Изя,

уже давно получил Ваше письмо и долго не отвечал на него.

Самое существенное в нашей жизни – это улучшение здоровья Александры Игнатъевны. Мы еще очень боимся, как бы

не стало опять худо, да и теперь не всегда хорошо, но все же существенно лучше, чем было.

Вчера я закончил подготовку второго издания моего учебника диффузов. Я не изменил четырнадцатого параграфа, несмотря на Вашу рекомендацию. Я внимательно обдумал Ваши соображения и не смог принять их. В этом параграфе совершенно независимо от варианта векторного изложен во второй половине параграфа вариант обычный с приведением трансформации к жорданову виду матрицы, оставить только его я не захотел. Мищенко уверяет, что при чтении лекций на физтехе, мой векторный вариант воспринимался хорошо и был поддержан многими преподавателями, и он очень не советовал уничтожить его. Конечно, изложение двух вариантов есть недостаток, но я решился оставить оба, т.к. имеются сторонники того и другого.

У нас на даче произошла большая кража и притом очень дерзкая, обокрали мою комнату в то время, когда я спал, и украли самые ценные предметы: магнитофон и очень хороший и дорогой транзисторный приемник, кроме того, некоторое количество моей одежды и много магнитофонных пленок. По оценке милиции, на сумму около полутора тысяч. Милиция твердо уверена, что кража осуществлена нашей домработницей. Ее забрали и продержали десять суток, но ничего не дознались. Это происшествие сильно испортило нам отдых.

Ну, вот и все последние события. Что касается поездки в США, то пока все в тумане.

Шлем Вам сердечный привет. Лева.

13/11/64

Дорогой Изя,

пятого октября мы с женой отбыли в США и шестого ноября вернулись. Вернувшись, мы обнаружили, что обе наши старые мамы в больницах. Мама жены – по поводу сердца, что уже не ново, моя мама – по поводу гнойного аппендицита, перенесла тяжелую операцию. Теперь уже дома и завтра отправляется в санаторий Болшева, где были и Вы.

Поездка в США была выдающимся событием в нашей жизни. Было очень много интересного, и хотя мы, по недостатку сил, не могли использовать всех приглашений от различных университетов и не были, например, в Калифорнии, все же побывали во многих местах. Были в трех небольших городах, включая Принстон, в двух предместьях Нью-Йорка и в самом Нью-Йорке. Погода стояла превосходная, сухая прохладная осень, что было очень полезно для А.И. и, кажется, несмотря на большую нагрузку, в смысле переживаний и езды, очень проходит

благополучно. Здесь уже почти зима, надеюсь, что скоро будет вполне сухо и морозно.

Американцы оказались очень радушными и гостеприимными, и я чувствую себя немного хамом, вспоминая, как принимал некоторых из них, когда приезжали в Москву. В дальнейшем не буду поступать так. Многие собираются приехать уже в предстоящем году, и почти все математики надеются быть в Москве в 66 году во время международного съезда.

Во время пребывания в США по необходимости вспомнил английский и даже несколько раз делал доклад по-английски. Таковы основные события у нас. В этом году я не работаю в университете, и семинар в институте, вероятно, начнем только во втором семестре, когда из Америки вернутся Мищенко и Гамкреладзе. Они там на четыре месяца в Мичиганском университете.

Все мое семейство шлет Вам и Нине сердечный привет. Мы желаем Вам здоровья, очень хотелось бы встретиться.

Лева.

Дорогой Изя,

отвечаю Вам с небольшим опозданием на Ваше последнее письмо.

После возвращения из Америки примерно через месяц Александра Игнатьевна опять заболела: были тяжелые переживания, смерть ее матери, быть может, это, а может быть просто внутреннее развитие болезни. Она решила привлечь на излечение науку и поселилась в Институт Ревматизма, но, насколько я понимаю, этот институт имеет своей главной целью изготовление диссертаций, а потому не пригоден ни для лечения, ни для развития науки в серьезном смысле слова. Во всяком случае, никакого лечения и никакого диагноза там не было произведено, а был таков, что через двадцать шесть дней А.И. вышла оттуда едва живая. Теперь постепенно оправляется от пребывания в этом научном учреждении. Это сильно омрачает наше существование.

Довольно приятным событием было отыскание почти всех украденных у нас вещей. Найдены магнитофон и почти все пленки, радиоприемник и часть одежды. Приборы немного поломаны, но мало. Ворами оказались солдаты из близ расположенной воинской части. По ночам два солдата переодетые в спортивные костюмы в мягких тапочках и резиновых перчатках отправлялись на охоту по окрестностям. Так они случайно набрели на нашу дачу, один влез в открытое окно и в течение полчаса осматривал и обирал нашу дачу, и выдал все в окно

другому, который ждал его снаружи. Все было доставлено в воинскую часть, где широко использовалось в течение нескольких месяцев. Начальство подозревало, что вещи – краденные и даже на некоторое время задержало демобилизацию воров и забрало у них краденые вещи. По имеющемуся положению начальство не могло обратиться прямо в милицию, оно должно было рапортовать более высокому начальству, что и было сделано, но не привело к раскрытию кражи. Высокое начальство распорядилось демобилизовать воров и выдать им краденые вещи, что и было сделано под расписку. Только после демобилизации воров в декабре слухи о магнитофоне и приемнике, развлекавших всю воинскую часть, просочились в милицию. И, качество ее, она не забыла об этой краже, и сразу же оперативные работники вылетели в Махачкалу и Львов, места проживания обоих воров, и забрали как воров, так и почти все украденные вещи. После этого вещи были возвращены нам, а воры будут отданы под суд. Суда пока не было. Женщина-следователь, которая мучалась с этим делом несколько месяцев, страшно зла на воров и очень горюет, что по закону воры не могут получить больше пяти лет тюрьмы, а, получивши этот срок, пробудут в исправительных лагерях гораздо меньше и выйдут на свободу быть может через год, после чего примутся снова за свое. Эти воры совершили в окрестностях Звенигорода несколько краж.

В Москву уже пришел Ленинградский грипп, и мы должны соблюдать крайнюю осторожность в смысле сокращения контактов с людьми. Никто из знакомых пока не заболел, но говорят, что грипп очень тяжелый.

Жена и я шлем Вам сердечный привет. Пишите.

Лева.

27/4/65

Дорогой Изя,

Ваши справки передал, ответ будет около двадцатого мая.

Очень хочу узнать, почему Вы удивлены присуждением премии Арнольду и Колмогорову. Разве имеется плохое мнение об этих работах? Я сам их рецензировал, и Ваше сообщение обеспокоило меня, быть может, я чего недоглядел, но и некоторые другие лица, как Боголюбов и Мозер, очень высокого мнения о них. Напишите мне, пожалуйста, в чем дело. Я беспокоюсь, потому что с работами Петровского и Ландиса обнаружилось неблагополучие. В части, которую выполнял Ландис, оказывается, имеется ошибка. Если бы этим работам была присуждена премия, была бы большая неприятность всем и, особенно, рецензентам. Гельфанд и Шефаревич утверждали, что проверили все, и все

верно. Я тоже давал отзыв, но писал, что полностью всех доказательств, проверить не сумел.

Напишите мне, пожалуйста, по поводу Арнольда и Колмогорова.

Шлю сердечный привет.

Л.Понтрягин.

22/5/65

Дорогой Изя,

сегодня я получу Ваши путевки, их стоимость триста сорок рублей. Деньги переведите на мою сберкнижку, мне будет проще с их получением, но платить за перевод два процента все равно нужно, это новое правило, если Вы даже будете переводить их со своей сберегательной книжки. Надеюсь встретиться с Вами в Москве.

Я сейчас занимаюсь строительством на нашей даче, устраиваю местное центральное отопление всей дачи. У нас имеется центральное отопление всего поселка, но оно прекращает работу сразу же после первого мая и поздно начинает работать. Я решил поставить собственный котел в кухне и использовать имеющуюся систему радиаторов. Работа все же большая. На субботу и воскресенье ко мне приезжают водопроводчики из Москвы. Кроме того, из Америки я привез два специальных прибора (машины) для осушения воздуха в жилом помещении. Хотя они и приведены в исправность после поломок багажной перевозки, но эффективность их невелика. Они тянут воду из воздуха довольно заметное количество, порядка двух-пяти литров в сутки каждая, но влажность при этом снижается незначительно, во всяком случае, когда она очень велика. Наш поселок построен в сравнительно сыром месте, и я надеюсь, что эти мероприятия оздоровят нашу дачу, но лучше бы, конечно, было просто приобрести дачу в сухом месте, где песок и сосны – и мне, благодаря моему туберкулезу, и Александре Игнатьевне из-за ревматизма нужно сухое место.

По поводу математических сплетен Вам, я надеюсь, все рассказала Евгения Александровна.

Адрес сберкассy я вложу в конверт на бумажке, которую возьму сегодня, когда буду брать деньги для Ваших путевок.

Состояние Александры Игнатьевны теперь начало улучшаться и мы надеемся, что серьезной атаки не последует.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

25/5/65

Дорогой Изя,

Ваши путевки были получены мною еще двадцать второго, но я спешно уехал на дачу для строительства и только вчера вернулся, хотя письмо было написано, но записку из сберкассы увез с собой. Деньги переведите, согласно этой записке, если это не вызовет особых затруднений, получать на почте сложнее.

Шлю Вам сердечный привет. Лева.

14/8/65

Дорогой Изя,

только сейчас прочел Ваше письмо, которое Александра Игнатьевна привезла на дачу.

Издательство Пергамон просит у Вас не разрешения, о разрешении они и разговаривать бы не стали, а просит рукопись или корректуру, и это совершенно другое дело. Рукопись еще не опубликованной книги я бы не послал без согласования с какими-либо органами. Лучше всего снести с Международной книгой. Раз они уже разрешили перевод, то пошлют и Вашу рукопись, или задержат ее до выхода книги. Давать же разрешение на перевод уже вышедшей из печати книги, я считаю, можно без затруднения, т.к. любое издательство может ее перевести без всякого разрешения.

Мама осталась очень довольна поездкой в Ленинград и приехала в хорошем физическом состоянии.

Наша домработница вернулась из отпуска, прогуляв месяц.

Здоровье Александры Игнатьевны в настоящее время удовлетворительно настолько, что она даже приехала на дачу, несмотря на неустойчивую погоду, не знаю на сколько дней. Возможно на очень короткий срок. Так что мы теперь все на даче. Построенное мною центральное отопление очень помогает жить здесь, без него в такую погоду было бы невозможно.

Я продолжаю немного заниматься математикой и надеюсь на дальнейшие методические успехи в задаче о преследовании.

Недели три назад у меня началось сильное головокружение, это уже не в первый раз. Раньше я его очень боялся, т.к. считалось, что это, возможно, нарушение мозгового кровообращения, но теперь как-то я его не боюсь, и оно постепенно проходит.

Все мы шлем Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

7/11/65

Дорогой Изя,

простите, что так долго не отвечал Вам. Это потому, что, согласно Вашему желанию, я должен был написать записку Плотникову (29). А для того, чтобы она была содержательной, я хотел уже представить его заметку, но мне все же хотелось, чтобы заметку кто-нибудь просмотрел, а т. к. она с частными производными, то найти читателя среди моих ближайших сотрудников трудно. Так и пришлось мне писать Плотникову малосодержательную записку. Если вы найдете, что она нехороша, то не передавайте ее ему, и напишите мне.

Кажется, мы с пользой провели время в Коктебеле. Александра Игнатьевна чувствует себя вполне удовлетворительно, и мы надеемся, что эта осень пройдет у нее без обострения. На меня Крым тоже оказал благотворное влияние, я теперь принимаю так мало снотворных, как это не было уже давно. Научился спать по-новому. С вечера до четырех часов ночи сплю без снотворных, хотя это и очень трудно, просыпаюсь, я думаю, за это время до десяти раз и все смотрю на часы, не пора ли принять дозу, а когда приму, то после этого тоже с многими просыпаниями сплю часов до семи или восьми. Принимаю адалин и димедрол, т.е. вовсе не принимаю барбитуратов, которые, кажется, являются сильным наркотиком, хоть и не таким сильным, как морфий, но все же я уже не надеялся, что когда-нибудь от них избавлюсь. Голова у меня теперь странно ясная, и чувствую себя совсем иначе, и продолжается эта новая жизнь уже около трех недель. Не знаю, как долго продержусь.

Мама недавно вернулась из Узкого и тоже чувствует себя прилично. Так что у нас дома пока сравнительно новое благополучие.

Поздравляем Вас с праздником и шлем привет.
Л.Понтрягин.

26/11/65

Дорогой Изя,

очень печально, что Вы в больнице. Я о больнице имею самые скверные впечатления от пребывания в ней в прошлом году Александры Игнатьевны. И в отношении ее мне совершенно ясно, что кроме вреда пребывание там не принесло ей ничего.

Не знаю, смогут ли мои письма развлечь Вас, но буду стараться.

В Коктебеле мы встретили Любу Вольфензон, к сожалению, накануне ее отъезда. Т.к. Александра Игнатьевна почувствовала себя в то время еще очень слабой, то я сильно

нуждался в обществе для прогулок, и Люба была бы для этого весьма хороша, так мне кажется. Мы поговорили с ней около часа. Ее муж уже достиг шестидесяти пяти лет и вышел на пенсию, и Люба сказала мне, что у нее такое ощущение, что жизнь уже заканчивается. Я сказал, что у меня такого ощущения нет, и это, возможно, связано с моей, сравнительно недавней, женитьбой. Если поедem с женой в Ленинград, то, возможно, встретимся с Любой.

В первую же ночь нашего пребывания в Литфонде в Коктебеле мы познакомились с поэтом Рождественским, впрочем, что это он, мы узнали только на следующий день. Около десяти вечера в комнате над нами началась пьянка с галдежом. Когда около двенадцати ночи я стал просить быть потише, то в ответ последовал хохот. Это и был Рождественский с друзьями. Через три дня мы перебрались в другой дом, где было очень мало соседей, но наш ближайший сосед писатель Зверев принимал массу гостей, и галдели они часто до полуночи или до часа ночи. Помня неудачный опыт с Рождественским, мы даже не решались просить Зверевых соблюдать тишину. Однако под конец их пребывания не выдержали и попросили, на что последовала самая благоприятная реакция, и шума стало гораздо меньше. Через несколько дней на место Зверева поселился поэт Слуцкий с женой – и это уже была полная деликатность и вежливость, и не было никакого шума. Мы прожили там полтора месяца и очень долго не могли познакомиться с этой новой для нас средой. Нам казалось, что они все так между собой знакомы, что новые люди им не нужны. В действительности же многие, вероятно, даже хотели познакомиться с нами, но считали, что я слишком важная персона. Мы собираемься посещать Коктебель и в дальнейшем, т. к. после пребывания там жене стало существенно лучше. У нас план: весной она будет ездить туда, но на полтора месяца, а осенью мы вместе. По-видимому, мы уже будем более приспособлены к этому месту, на основе первого посещения.

Под конец нашего пребывания в Коктебеле весь поселок постигло бедствие: кончилась вода в водопроводе, и поэтому прекратили работу все удобства. Так мы прожили целых две недели, правда, начальство проявило оперативность и в короткий срок возвело некоторое число уличных уборных, но это, конечно, не то, что пользоваться нормальными городскими удобствами. Да и умываться из стакана было довольно уныло.

В настоящее время мы с женой находимся очень в приличном состоянии и собираемься регулярно бывать на даче.

Правда наше благополучие тянется еще только около трех недель, а после трех лет бедствий это еще не дает уверенности.

Шлю сердечный привет. Л.

21/11/66

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо. Я не смог с Вами встретиться во время конгресса, т.к. внезапно ухудшилось состояние А.И., а благодаря тому, что наша домработница в это время отсутствовала в порядке прогула, мне пришлось уехать на дачу.

Подробнее объяснять, почему именно пришлось уехать, не буду – это очень скучно.

Время с середины сентября до конца октября мы провели в Крыму, причем почти все время была очень хорошая погода, безоблачная и сухая. В Москву я приезжал один на неделю, т. к. вообразил, что у меня рак и, утратив покой, решил немедленно обследоваться. Рака не оказалось, и я пребывал в Коктебеле уже спокойно. Конечно, эта поездка несколько подпортила нам отдых, не только мне, но и А.И., которая очень волновалась и на предмет самой возможности рака и на предмет, как проеду один туда и обратно. Вернувшись в Москву, я сразу же простудился, чего со мной уже давно не было, и до сих пор никак не избавлюсь от насморка, который, может быть, стал уже аллергическим. Насморк, конечно, болезнь не страшная, но он мне страшно портит сон, а это уже серьезный вред. Благодаря этой дряни, я с трудом занимаюсь. Между тем, в конце января, быть может, представится случай поехать в США в Лос-Анджелес. И хотелось бы к этому времени добыть новые результаты. Говорят, благодаря насморку, Наполеон проиграл Бородинское сражение, а мне насморк может испортить поездку, что в моих масштабах сравнимо с проигрышем сражения.

Другое мрачное обстоятельство, которое на нас надвигается, так это то, что наша домработница, кажется, совсем серьезно собралась замуж. Придется искать новую, а где ее найти непонятно. Мама за последнее время очень ослабла и часто нуждается в уходе, а состояние Александры Игнатьевны все время требует большой осторожности, так что без домработницы нам никак нельзя.

Из математических обстоятельств могу Вам только сообщить, что И.Г. Петровский на заседании президиума сделал отчет о состоянии советской математики в довольно мрачных тонах. Конечно, это может быть оттого, что его знаменитая работа с оценкой числа предельных циклов оказалась враньем. Однако об

этом он не упомянул, а более скорбел, в общем. Кроме того, указал на особое неблагополучие с теорией управления, хотя никаких имен названо не было, но, судя по контексту, он имел в виду и деятельность мою и моих сотрудников. Мы, действительно, не делали докладов на конгрессе, но, прости, потому, что в четверть часа многого не расскажешь, а приглашений на полчаса мы не получили. Келдыш не одобрил речи Петровского и просил его обсудить положение математики на Отделении, это обсуждение произойдет в ближайший четверг. Там я надеюсь быть, на заседании же президиума не был, а только читал стенограмму.

Я на Петровского сначала злился и хотел на него напасть, но теперь так удручен насморком, что стал к нему равнодушен и не знаю, как себя вести.

Что касается болезни Нины, то имейте в виду, что именно установление диагноза радикулит требует рентгеновских снимков, т. к. играют роль солевые отложения.

Желаю Вам обоим благополучия и шлю сердечный привет.

Лева.

25/6/67

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо. Теперь отвечаю.

Десять дней тому назад я вернулся из очень дельного путешествия. Перечислю основные его пункты: Москва, Монреаль, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Провиданс, Нью-Йорк, Монреаль, Москва.

Остановки были в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско Провидансе, Монреале. В этих местах я читал доклады. Сан-Франциско – это не точно, рядом с ним есть университетский город Беркли. В Монреале остановка была не по плану, а благодаря изменению расписания нашего самолета. По идее, путешествие в Монреаль должно продолжаться одиннадцать часов на советском самолете, но из-за снегопада в Монреале наш самолет остановился в Гандере на Ньюфаундленде. Там мы ночевали и потому уже перелетели в Монреаль, а из-за опоздания зарезервированные места были потеряны, и мы ночевали в Монреале. Так что к основной цели нашего путешествия Лос-Анджелесу добирались примерно трое суток. На обратном пути жили в Монреале трое суток из-за изменения расписания нашего самолета.

Бесперывная смена мест, климата и отелей ужасно утомила меня, и я еще простудился, так что бронхит все еще не прошел. В Монреале, на обратном пути, один день был мороз около тридцати градусов по Цельсию, а в Лос-Анджелесе бывало около двадцати тепла.

С математической точки зрения поездка была очень полезная. Да и вообще довольно интересная, но все же мучительная, особенно из-за того, что Александра Игнатъевна не ездила, т. к. боялась, что для нее это будет очень вредно. До Лос-Анджелеса ехали почти все сотрудники моего отдела: Болтянский, Гамкрелидзе, Мищенко, я, один грузин, ученик Гамкрелидзе с женой и еще один сотрудник института автоматки. Целью поездки была конференция по теории управления.

Американцы, как и в прошлый раз, были гостеприимны сверх всякой меры, конечно, математики, а не Госдепартамент, от которого были только разные осложнения. Без его разрешения невозможно поехать никуда и визы даются в обрыз, пришлось продлевать, что было нелегко для наших хозяев. А продлили так, что одиннадцатого мы должны были в пять вечера вылетать из Монреала, а виза в США заканчивалась десятого в полночь.

Приехал в Москву, и на другой день Александра Игнатъевна заболела тяжелым гриппом так, что еще не оправилась до сих пор.

Ну, вот я очень сухо описал Вам основное событие этой зимы. Следующее более важное, но несколько нужное, заключалось в том, что весь конец прошлого года наша домработница выходила замуж и совершенно дезорганизовала нашу хозяйственную жизнь. Теперь, слава богу, есть новая, но тоже молодая, так что не ясно, сколько она проживет у нас.

Шлю Вам сердечный привет.

Лева.

24/9/67

Дорогой Изя,

несколько дней назад получил Ваше письмо. Желаю Вам как можно дольше находиться в состоянии восточного счастья, как говорил Рохлин, я это называл еврейским счастьем. Вы, вероятно, помните на основании, какого рассказа или анекдота этот термин возник, так что излагать его здесь не буду, но если не помните, то напишите, и я напомним.

Пока мы живем в Москве и на дачу не собираемся, погода сейчас неважная, дачу нужно топить и потому ехать туда без домработницы плохо, а с домработницей ехать – тогда нужно,

чтобы и мама ехала, а она неважно себя чувствует, и это будет слишком сложно.

Мы с Александрой Игнатъевной совершили восхитительное путешествие в Болгарию и совершенно очарованы этой страной. Недаром в известной песенке поется «Хороша страна Болгария». Съезд болгарских математиков был устроен на черноморском курорте, первая половина дня почти всегда была свободна от заседаний, и участники проводили время на чудесных пляжах. Климатические условия показались нам существенно лучшими, чем в любом месте Советского Союза. Комфорт решительно превосходил имеющийся у нас. Болгары выстроили и продолжают строить международный курорт с целью заработать деньги у иностранцев и, кажется, преуспевают в этом. У них имеется масса отдыхающих иностранцев, как из социалистических, так и из капиталистических стран. Мы теперь мечтаем поехать туда опять осенью и надеемся, что это нам удастся. По непосредственному ощущению удовольствия и покоя поездка в Болгарию, конечно, превосходит все другие заграничные поездки.

Александра Игнатъевна чувствует себя после этой поездки очень хорошо, возможно, что и вообще ее здоровье улучшается. Я в Болгарии чувствовал себя очень прилично, но теперь на меня напала бессонница, которая мучает меня очень часто. Я не связываю это с поездкой.

Шлю сердечный привет Вам и Нине и желаю всего лучшего. Будет очень приятно встретиться с Вами в Москве.

Л.Понтрягин.

27/3/68

Дорогой Изя,

должен Вам напомнить, что на мое письмо, посланное Вам после моей поездки в Болгарию, я также очень долго не получал от Вас ответа, возможно, месяца два или три.

На днях получил от Вас ответ с укором, жаль, что в нем Вы ничего не сообщаете о своих делах и здоровье.

После поездки в Болгарию я, довольно быстро сдох, очень расстроился сон и два раза подряд простудился. Моя математическая деятельность в этом году не была успешной, много разных соображений, но результатов нет. Очень сильно мешает заниматься бессонница.

Александра Игнатъевна этой зимой и весной чувствует себя существенно лучше, чем в предыдущие годы. В феврале и марте мы с ней довольно много времени провели на даче и даже

катались несколько раз на лыжах, но спать мне все это помогает мало.

Дохласть и почти полное отсутствие новостей, которые можно было бы изложить в письме, я думаю, являются причиной моего не писания Вам.

Шлю сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

30/11/68

Дорогой Изя,

в Италии мы были на курорте в Сан Ремо. Конференция была, в основном, из русских и американцев, правда, американцев было много, а русских мало. Было много американской молодежи, которая приехала за счет разных организаций, а мы ездили за свой счет, правда, по мнению американцев очень дешево, но по нашим заработкам не очень. Мы на автобусе ехали вдоль курортного побережья и подробно осмотрели его в конечном пункте Сан Ремо. Очень оно нам не понравилось. Все сплошь набито строениями и автомобилями, пытались погулять, найти спокойное место, но такие спокойные места – крошечные дворики, правда, засаженные цветами, но сидишь и не знаешь, можно ли здесь, не частное ли это какое владение, может быть, попросят выйти. Встречи были приятные и с нашими спутниками очень славными и со знакомыми американцами. Корм в отличие от американского очень вкусный, за обедом и ужином вино в произвольных количествах, и это как-то все украшало, но вернулись домой, и все очень скоро забылось. Только вот для письма и вспоминаю.

Все это лето, да и до сих пор, занято у нас ремонтами. Ремонтировали квартиру, вернее мою комнату, и прихожую. Замучались ужасно, зато чисто и совершенно ликвидировали шум с улицы. Тщательно подогнали рамы, проложили поролоновые прокладки и вставили толстые ветренные стекла. Шума нет, но и воздуха тоже. Можно, конечно, форточку открыть, но тогда и шум лезет. Нужно теперь строить вентиляцию из ванны, трубы уже проложили, а подходящего вентилятора пока не достал.

Конечно, закончили с квартирой, как обнаружилось, что на даче нужно менять трубы, подводящие воду и отопление к даче. Это метров сорок пять нужно проложить в глубокой траншее, выложить ее бетонными плитами и кирпичной кладкой. Это строительство тянется уже полтора месяца. Кажется, в понедельник будут уже подсоединять к даче, придется мне туда ехать.

В Академии недавно прошли выборы. Все проходило в упорной открытой и скрытой борьбе, можно было наблюдать в

действию демократию западного типа. На практике она не очень приятно выглядит, но не претендую чем-либо ее заменить, разве что отменой Академии, но тогда жить будет не на что, т.е. тем, кто уже привык к тому, что имеем мы. Очень огорчен, что не выбрали в членкоры Ладеженскую.

От ремонтов и выборов очень устал, и сон у меня совсем расстроился. Самые радостные воспоминания от поездки в Коктебель. Александра Игнатъевна в этом году чувствует себя гораздо лучше. Мама в больнице, но не с тяжелой болезнью и не тяготится пребыванием там. Говорит, что чувствует себя значительно лучше.

Математикой только что опять начал заниматься и потому много надежд, а что дальше будет неизвестно.

Желаю Вам всего лучшего. Привет Нине.

Л.Понтрягин.

27/3/69

Дорогой Изя,
спасибо за поздравление.

Этой зимой я имел некоторый математический успех, вернее так думаю, т.к. до конца еще не все проверено. Очень много сил у меня заняли ремонты и Болтянский.

Еще летом мы принялись за частичный ремонт квартиры, которая не ремонтировалась с самого переезда в нее в 1939 г. Мы не могли эти заниматься, т. к. Александра Игнатъевна была больна. В этом году ее состояние стало лучше, и был произведен ремонт косметический прихожей и моей комнаты. Это было отвратительное и мучительное занятие, благодаря качеству маляров. Главное достижение, которым я горжусь, это реконструкция окон в моей и жене комнате. Теперь они сделаны так хорошо, что шума с Ленинского проспекта почти нет, но нет и воздуха. Мой дальнейший проект – провести вентиляцию по трубам со стороны двора. Осенью неожиданно пришлось заново делать прокладку отопления и водопровода от магистральных линий к даче. Это тоже была мучительная деятельность, т.к. ремонтное строительное Управление АН СССР старается нас обсчитать, а мы не хотим платить произвольно большую цену. Они начали с 1400 рублей, к настоящему времени уже отступили до 850 рублей, но, возможно, отступят дальше.

Болтянский произвел, как я Вам рассказывал, бессовестную операцию с нашей совместной книжкой. Он не ограничился денежными доходами, которые, я думаю, очень велики, так как проблематика весьма актуальна, но пытался вытеснить имена: мое и Гамкрелидзе. В Предисловии в виде

весьма неопределенных выражений свел все к благодарности за содействие написанию его книги, к чему мы не имели никакого отношения. Он обозлил меня предательствами до такой степени, что я произвел резкое официальное вмешательство, в результате которого производство его книги было остановлено, и цитирование меня и Гамкрелидзе произведено, но т.к. это пришлось сделать в уже набранную книгу, то быть может не совсем совершенно. Я уже смотрел корректуру этой книги, все сделано согласно моим требованиям. Надеюсь, что и в самой книге это будет осуществлено, хотя злоупотребления издательства – такого сорта, что можно ожидать всего.

Здоровье жены и мое удовлетворительное, а мама очень постарела, по паспорту ей в этом году исполнилось девяносто лет, но в действительности, вероятно, несколько меньше. Нрав ее остался прежним, но сил мало, и потому нам легче. Сейчас она в больнице, но это не потому, что ей очень плохо, просто мы надеемся, что ее немного подлечат.

В июне надеемся поехать на конференцию в Ниццу.

Что касается Фета, то я ничего не знаю о нем, и уже потому ничем не могу помочь (30).

Жена и я шлем сердечный привет Вам и Нине.

Лева.

29/11/69

Дорогой Изя,

только вчера мы с женой вернулись из США, где провели около пятидесяти дней, в основном, в Стенфордском Университете около Сан-Франциско. Разница во времени одиннадцать часов, так что ночь и день меняются местами. Это при моей бессоннице чрезвычайно мучительно, так что около недели в Стенфорде я был нетрудоспособен. Читал там лекции. Оказалось, что переводить с русского на английский некому, и мне пришлось самому говорить по-английски. Когда я узнал об этом, то пришел в отчаяние и думал, что придется мне уехать, но потом стал сам говорить по-английски. Конечно, мой язык был далек от совершенства, и трудиться мне пришлось очень много, как над математикой, так и над языком. Было по две лекции в неделю, по сорок пять минут каждая. Зато я сделал очень много в математике и английский уже не так пугает меня. На международном конгрессе смогу читать доклад по-английски уже без всякого страха.

В Ницце мы также были, а, кроме того, два раза по научным делам ездили в Тбилиси и отдыхать в Крым, но отдых не удался, жена чувствовала себя там очень плохо. Зато в Стенфорде

климат отличный сухо и тепло и она чувствовала себя хорошо, правда, приходилось заниматься хозяйством. Мы жили не в гостинице, а на квартире, готовила жена, но это было очень приятно и значительно дешевле, чем в столовых.

Вообще весь год был очень утомительный. Зимой были ремонтные дела отопления на даче, а предыдущим летом – ремонт квартиры.

Перед самым отъездом в Америку от нас ушла домработница, и теперь мы в трудном положении. Мама так стара, что за ней требуется уход, и теперь она в санатории Узкое, но придется ей вернуться, да и стоит это триста семьдесят рублей в месяц, что и при моем заработке слишком много.

Вот такие, в общем, дела. Жизнь как будто идет интересно, но уж так нагружена, что мне трудно.

За время пребывания в США получил ряд новых результатов и замыслов, думаю уже написать книжку по дифференциальным играм, так что своей научной деятельностью доволен.

Шлю Вам и Нине сердечный привет.

Лева.

Хаим Соколин
«Я вдоволь посмеялся над
таким сумасбродным
проектом»

читателю предлагается собрание некоторых курьёзных высказываний современников, пытавшихся оценить новые идеи и изобретения в силу своего скромного воображения, ограниченного понимания и неограниченного высокомерия. Несмотря на впечатляющий и драматический прошлый опыт, история сплошь и рядом повторяется. Всё новое, необычное, выходящее за рамки существующих представлений отвергается и осмеивается. Поэтому собранные автором курьёзы (лишь небольшая часть из огромного списка подобных примеров) должны служить поводом не только для улыбок и развлечения, но и предостережением...

1. Проект следует отвергнуть прежде всего потому, что, как всем известно, ни одна лампа без фитиля гореть не может.

Постановление Французской академии наук по поводу газового освещения, предложенного Филиппом де Бонном, 1797 г.

2. Фантасты, которые хотят освещать улицы светящимся газом в трубках, могут с таким же успехом освещать Лондон куском Луны.

Чарльз Уоллстон, английский физик, 1802 г.

3. Предположение о том, что воздух состоит из азота и кислорода, абсурдно, ибо огонь, воздух, вода и земля давно признаны простыми элементами.

Боме, французский академик, изобретатель ареометра, - по поводу сообщения Лавуазье о химическом составе воздуха, 1789 г.

4. Ко мне пришёл некий молодой человек из Бирмингема. Оказалось, что он пытается получить патент на... наборную машину. Я вдоволь посмеялся над таким сумасбродным проектом...

Роберт Николсон, редактор газеты «Таймс», 1821 г. (через год инженер Вильям Черч из Бирмингема запатентовал первую в мире наборную машину).

5. По мнению председателя гильдии портных Генри Тальбота, сообщение о швейной машине мистера Зингера, поступившее к нам из Америки, - это смехотворный курьёз.

Г.Ньюмен, редактор раздела «Новости техники» газеты «Таймс», 1851 г.

6. Что может быть абсурднее предположения, будто локомотивы могли бы ехать со скоростью в два раза большей, чем почтовые дилижансы?

Питер Карделл, инженер, журнал «Куотерли Ревю», 1825 г.

7. Путешествие по рельсам на большой скорости совершенно невозможно, поскольку пассажиры не смогут дышать и умрут от удушья.

Деннис Ларднер, автор книги «Паровая машина с разъяснениями и картинками», 1830 г.

8. Строительство железных дорог нанесёт ущерб общественному здоровью, ибо движение со скоростью больше 40 км в час неминуемо вызовет сотрясение мозга и сумасшествие, а у публики, находящейся возле такой дороги, - головокружение и тошноту.

Баварский королевский медицинский совет, 1837 г.

9. Предложение господина Фултона об установке паровой машины на морских судах – сушая нелепость. Паровая машина не может заменить паруса.

Франсуа ле Мойн, французский адмирал, комиссар по делам флота, 1803г.

10. Во всех европейских столицах полно авантюристов, которые носятся по миру и предлагают правителям свои фантастические изобретения. Все они – шарлатаны и обманщики, жаждущие только денег. Этот американец – один из них. О Фултоне не хочу больше слышать.

Наполеон – о проекте парохода Роберта Фултона, 1803 г.

11. Почему вы так поздно предупредили меня, что изобретение Фултона может изменить лицо мира? Если бы я знал об этом раньше! Ведь он приходил ко мне...

Наполеон, 1812 г.

12. Как показали тщательные немецкие опыты, уловить мимолётное изображение человека абсолютно невозможно не только с точки зрения техники. Такая попытка к тому же кощунственна. Человек создан по образу и подобию Божьему, а Божий образ нельзя уловить ни одним аппаратом, созданным человеком.

Франц Опель, химик, журнал «Лейпцигер Анцайгер» - по поводу изобретения фотографии Луисом Дагером, 1839 г.

13. В данном случае речь идёт об искусном чревоуещании, ибо нельзя допустить, что простой металл может заменить благородный голосовой инструмент человека.

С.Буйо, французский академик, - по поводу фонографа Эдисона, 1878 г.

14. Проект прокладки подводного кабеля между Европой и Америкой нельзя считать серьёзным. Согласно теории токов, по такому кабелю электричество не сможет передаваться. Единственный способ соединить Старый и Новый Свет – это построить мост через Берингов пролив.

Марсель Бабине, французский физик, газета «Ле Фигаро», 1893 г.

15. Электричество никогда не станет практическим источником энергии, так как потери в проводах слишком велики.

Осборн Рейнольдс, английский физик, 1888 г.

16. Поскольку гребной винт предлагается установить за кормой, то управление судном станет невозможным. Между кормовой и носовой частью возникнет вращающий момент, и судно будет ходить по кругу.

Заключение комиссии специалистов Британского адмиралтейства, 1805 г.

17. Я понял, что для добычи нефти нужно вместо рытья колодцев бурить скважины, как для добычи соленой воды. Но все выступили против, утверждая, что нефть - это лишь жидкость, капающая с угольных пластов. Мое предложение посчитали безумием.

Эдвин Дрейк, пробуривший первую нефтяную скважину в США, 1859 г.

18. Теория Луи Пастера о микробах - это лишь смешная фантазия.

Пьер Паше, профессор университета Тулузы, 1872 г.

19. Живот, грудь и мозг всегда будут закрыты для вторжения мудрого и гуманного хирурга.

Сэр Джон Эриксон, главный врач королевы Виктории, 1873 г.

20. Будь этот Белл специалистом, он никогда не придумал бы такое нелепое устройство.

Томас Эдисон, выдающийся физик и изобретатель, - о телефоне, изобретённом преподавателем риторики Александром Беллом, 1876 г.

21. Телефон имеет слишком много недостатков и никогда не станет практическим средством коммуникации. Публика сможет убедиться в этом, как только утихнет сенсационная шумиха вокруг аппарата Белла.

Р.Бейкер, президент компании «Вестерн Юнион», 1876 г.

22. Летающие машины тяжелее воздуха - это абсурд.

Лорд Кевин, президент Королевского Общества (Британская Академия Наук), 1895 г.

23. Идея бескабельной передачи электрических сигналов через Атлантический океан весьма забавна. Неужели господин Маркони не понимает, что его сигналы просто исчезнут в атмосфере?

Кевин Тейлор, английский физик, - по поводу трансатлантического телеграфа Маркони, 1900 г.

24. Проф. Годар не понимает, что такое действие и реакция. Ему неизвестно, что для реактивного движения нужны особые условия. Похоже, что он испытывает

недостаток в элементарных знаниях, которые приобретаются в средней школе.

Проф. Н. Моррис по поводу основополагающих исследований Роберта Годара в области ракетостроения. New York Times, 1921

25. Хотя технически телевидение возможно, оно совершенно бессмысленно с коммерческой точки зрения.

Ли Дефоре, изобретатель электронной лампы, 1926 г.

26. Да кого, к чертям, интересуют разговоры актеров!

Гарри Уорнер (Уорнер Бразерс) о звуковом кино, 1927 г.

27. Телевидение неизбежно выйдет из моды, потому что людям надоест каждый вечер смотреть на один и тот же деревянный ящик.

Дарел Занук, кинорежиссёр, 1946 г.

28. Я думаю, что мировой спрос на компьютеры составит примерно пять – десять штук.

Томас Уотсон, президент компании IBM, 1943 г.

29. Никому в голову не придет забавная идея иметь компьютер в своем доме.

Кен Олсон, основатель и президент Digital Equipment Corp., 1977 г

30. Я изъездил эту страну вдоль и поперек, общался с умнейшими людьми. И я могу ручаться, что обработка данных на компьютере является лишь причудой, мода на которую продержится не более года.

Редактор издательства Prentice Hall, 1957 г.

31. Нам не нравится их звук. И, вообще, гитара - это вчерашний день.

Президент Decca Recording Co., отклонивший предложение записать альбом группы Биттлз, 1962 г.

32. Концепция интересная, но в ней нет здравого смысла.

Экспертный Совет Йельского университета по поводу предложения Фредерика Смита о создании глобального сервиса почтовых, курьерских и др. услуг логистики, 1969 г. В 1971 г. Ф. Смит основал всемирно

известную Federal Express Corp., успешно осуществляющую такой сервис.

33. В 1865 г. Грегор Мендель, австрийский биолог и ботаник, сыгравший огромную роль в развитии представлений о наследственности, доложил результаты своих исследований Обществу естествоиспытателей в Брюнне (сейчас Брно, Чехия). Его доклад «Опыты над естественными гибридами» был опубликован в Трудах Общества, которые поступили в 120 университетских и научных библиотек всего мира. Кроме того, сам автор разослал 40 оттисков доклада наиболее известным ботаникам и биологам. Ни один из них не проявил к его исследованиям ни малейшего интереса. Вся важность выводов, сделанных Менделем, была осознана только через 35 лет, спустя 16 лет после его смерти (на его памятнике начертано «Мое время еще придет»). Открытые им законы наследственности получили название Законов Менделя и послужили основой для нового направления генетической науки. В качестве курьеза можно добавить, что Мендель дважды пытался поступить в Венский университет и оба раза провалился на экзамене по биологии.

Володин Б.Г. Мендель. М. Молодая гвардия, 1968 г. Серия ЖЗЛ.

34. В 1929 г. на заседании Британского медицинского общества Александр Флеминг впервые сообщил о феноменальном воздействии открытого им пенициллина на стафилококковые бактерии. Коллеги отреагировали на это ледяным молчанием. Докладчику не было задано ни одного вопроса, что свидетельствовало как об отсутствии интереса к работе, так и о непонимании её важности. Зато следующий доклад по весьма второстепенному вопросу вызвал продолжительную оживлённую дискуссию. Спустя 23 года, когда лауреат Нобелевской премии сэра Александр Флеминг находился на вершине славы, он всё ещё с содроганием вспоминал то заседание, которое задержало его исследования на 11 лет.

Сэр Генри Дейл, президент Британского медицинского общества, 1959 г.

35. В 1936 г. Михаил Гуревич (впоследствии соавтор истребителя МиГ) сделал поразительное открытие: оказалось, что под воздействием сильного механического удара кристаллическая решётка железа перестраивается и броня становится снарядонепробиваемой. Статью об этом открытии он направил в «Журнал экспериментальной и теоретической физики», откуда получил уничтожающую рецензию, подписанную известным академиком. Рецензент указывал на «теоретическую невозможность такого явления, которое находится в вопиющем противоречии с фундаментальными представлениями об энергетике кристаллической решётки». Статья была отклонена.

Вскоре по личному указанию Сталина работа Гуревича была засекречена. А в 1941 г. на фронте появились первые танки KV и Т-34, оснащённые его снарядонепробиваемой бронёй.

Воспоминания доктора технических наук Вильяма Гуревича, сына Михаила Гуревича, 1998 г.

36. Мы полагаем, что копировальный процесс, основанный на электрофотографии (первоначальное название ксерографии. – Х.С.), не имеет технологической и коммерческой перспективы, и не намерены вкладывать средства в его разработку.

П.Меллори, глава исследовательского отдела фирмы «Кодак», – ответ на предложение изобретателя ксерокса Честера Карлсона о совместной разработке копировальной машины, которая вскоре завоевала весь мир, 1959 г.

37. Выдающийся немецкий физик и хороший пианист Макс Планк пришёл в возрасте 20 лет (1878 г) в лабораторию к своему профессору Филиппу Калли и сказал, что решил посвятить себя физике, а не музыке. Калли ответил: «Мне жаль вас, молодой человек. В физике всё уже сделано. Вам останется только стирать пыль вот с этих приборов».

Акад. Виталий Гинзбург, физик, лауреат Нобелевской премии, 2009 г

38. Продвижение знаний из года в год предвещает наступление такого времени, когда всякие усовершенствования должны закончиться.

Генри Элворт, директор Федерального патентного бюро США, отчет Конгрессу, 1843 г.

39. Думать, что в философии можно пойти дальше моей системы, это всё равно, что думать, будто можно подняться над атмосферой.

Артур Шопенгауэр, немецкий философ (1788-1860)

40. *Nic deficit orbis* – «Здесь кончается мир».

Надпись на античных географических картах у Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив).

Основные принципы и правила при оценке новых идей и изобретений

1. Высмеивать непонятное есть признак ума быстрого, но не глубокого.

Мишель Монтень, французский философ (1533-1592).

2. Учёный должен быть готов выслушать любое, даже самое фантастическое предположение.

Майкл Фарадей, английский физик (1791-1867).

3. Опыт без фантазии может дать не много.

Эрнест Резерфорд, английский физик (1871-1937).

4. Учёный должен обладать большим воображением, чем поэт.

Альберт Эйнштейн (1879-1955).

5. Основная ткань исследования – это фантазия, в которую вплетены нити наблюдения, рассуждения, измерения и вычисления.

Джеймс Максвелл, английский физик (1831-1879).

6. Способность удивляться принадлежит к числу чрезвычайно важных элементов научного творчества.

Владимир Энгельгардт, советский биохимик (1894-1971).

7. Наука – это истина, помноженная на сомнения.

Бенджамин Франклин, американский физик (1706-1790).

8. Если сомневаешься, лучше промолчать, чем отвергать.

Джордж Сантаяна, американский философ (1863-1952).

9. Скепсис так похож на мудрость, а усилий требует так мало, что нужно постоянно одёргивать себя и уклоняться от этого соблазна.

Игорь Ефимов, американский писатель, инженер (1937-).

10. Когда учёный говорит: «Это предел, ничего больше сделать нельзя», – он уже не учёный.

Эдвин Хаббл, американский астрофизик (1869-1953).

11. Рассматриваемая гипотеза недостаточно безумна, чтобы быть правильной.

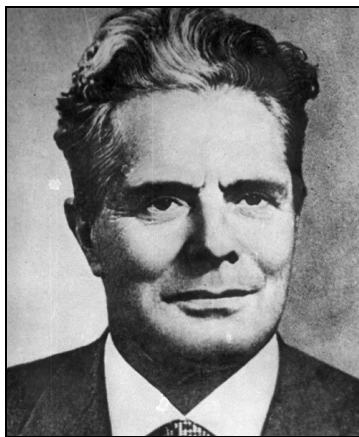
Нильс Бор, датский физик (1885-1962).

**Владимир Тихомиров,
Василий Демидович
Вадим Александрович
Трапезников**

Вадим Александрович Трапезников (1905-1994) – ученый в области электротехники и автоматики, академик АН СССР, Герой Социалистического труда, Лауреат государственной премии, крупный организатор науки, директор Института автоматики и телемеханики (преобразованного в Институт проблем управления АН СССР).

Вадим Александрович Трапезников

Занимал крупные административные посты. В частности, был первым заместителем Председателя Госкомитета по науке и технике.

Родился в Москве, из дворян. Учился в той же гимназии Репман, что и А.Н. Колмогоров, только на два класса моложе. После окончания школы поступил в Высшее

техническое училище, закончив которое, затем преподавал в вузах. Его научные интересы не были связаны с математикой, но тем не менее, в силу сложившихся обстоятельств, он стал первым заведующим нашей кафедрой. Фактическим организатором кафедры и ее реальным заведующим был Сергей Васильевич Фомин. Кафедра в течение пятнадцати лет переживала очень трудные времена, но авторитет Вадима Александровича не позволил ее разрушить, и потому наша кафедра хранит теплые и благодарные чувства к Вадиму Александровичу.

В.М. Тихомиров

В.Б. Демидович

Вспоминая Вадима Александровича Трапезникова

О появлении на Мехмате МГУ кафедры Общих проблем управления я узнал из выпускавшейся тогда факультетской стенной газеты «За передовой факультет» («За перфак» на студенческом сленге), помнится, в июне 1966 года. В то время я только что поступил в аспирантуру по кафедре вычислительной математики (на факультете тогда обучались пять с половиной лет, а экзамены в аспирантуру и зачисление в неё производились в январе месяце). Я как-то не придавал этому событию должного внимания. Но уже осенью того же года, на лекции по философии, мой сокурсник Женя Левитин, также аспирант кафедры вычислительной математики, стал убеждать меня, что нужно заранее думать о своём будущем и что, по мнению его научного руководителя Бориса Теодоровича Поляка, было бы хорошо после аспирантуры поступить на работу на эту новую кафедру. От Жени же я узнал, что кафедру возглавляет директор ИПУ академик Трапезников. Так я впервые услышал и про академика Трапезникова, и про его директорство в Институте проблем управления.

Но Жене Левитину не удалось стать сотрудником кафедры ОПУ, а меня осенью 1970 года на неё зачислили. Более того, Сергей Васильевич Фомин, осуществлявший тогда реальное руководство кафедрой, предложил мне стать её Учёным секретарём. Я согласился, и вскоре Сергей

Васильевич повёз меня в ИПУ представлять Вадиму Александровичу Трапезникову.

Вадим Александрович оказался импозантным радушным человеком. Встретил он нас в своём просторном директорском кабинете очень приветливо. Сказанного обо мне Сергеем Васильевичем было достаточно, чтобы он подписал соответствующую просьбу в деканат о назначении меня Учёным секретарём кафедры ОПУ. Я спросил, как часто мне нужно будет заезжать к нему для информирования о кафедральных делах. Он ответил: «По мере надобностей», и добавил, что о своём посещении мне следует лишь заранее договариваться с его секретаршами – в Институте проблем управления (ИПУ) с Валентиной Николаевной, в Госкомитете по науке и технике Совмина СССР (ГКНТ СМ СССР), где он был первым заместителем председателя Комитета, с Валентиной Людвиговной. Так впоследствии это и происходило. А я с благодарностью вспоминаю их неизменно тёплое ко мне отношение.

При последующих приездах к Вадиму Александровичу он меня дополнительно «прощупывал». Видимо, я произвёл на него благоприятное впечатление, поскольку наши беседы иногда затягивались на 30-40 минут. В основном, он старался обратить мое внимание на то, что по его мнению Мехмат МГУ мало развивает практическую составляющую математики, и что его может «задавить» конкурирующий факультет – ВМиК. При этом мне было забавно слышать от него фразы «А что об этом думает Андрей Николаевич?» или «Как к этому отнесётся Иван Георгиевич?» (имелись в виду Андрей Николаевич Колмогоров и Иван Георгиевич Петровский). По-видимому, он полагал, что я, пусть всего лишь ассистент кафедры, но как помощник Сергея Васильевича регулярно общаюсь с этими выдающимися математиками. Моя жена часто «подкалывала» меня по этому поводу.

Вадим Александрович официально был *внештатным* заведующим кафедрой ОПУ (то есть зарплату за заведование он не получал), и длилось это 13 лет. За всё это время он побывал на факультете раза два-три (в ректорате, возможно, чуть больше).

Помнится, как к одному из таких приездов, он попросил меня подготовить «нужные бумаги» для зачисления на кафедру ассистентом рекомендованного ему молодого математика (моего сокурсника) – Витю Филиппова. Я связался с Витей, чтобы написать совместно представление к зачислению его на кафедру. Представление было нами быстро составлено, по бокалу вина выпито: Витя был убеждён, что раз академик Трапезников «за», то уж конечно всё будет «чао-какао». Вадим Александрович лично приехал по этому поводу в МГУ, где я его встретил в раздевалке Главного входа. Взяв от меня представление на Витю, просмотрев его мельком и подписав, он попросил меня пойти с ним к декану Петру Матвеевичу Огибалову. Пётр Матвеевич встретил нас внешне весьма радушно. Поговорив о некоторых учебных перспективах кафедры ОПУ, он спросил: «Имеются ли у Вас, Вадим Александрович, какие-нибудь ко мне дела?» Вадим Александрович протянул ему наше представление со словами «Да, есть небольшое дело. Вот тут у меня рекомендация о зачислении на мою кафедру одного молодого человека. Думаю, что вопрос несложный». Пётр Матвеевич мельком взглянул на поданную бумагу, и сказал, что он «постарается сделать всё возможное», но никакой резолюции не подписал. Мы радушно распрощались и вышли из деканата. Вадим Александрович сказал: «Ну что ж, один вопрос решён». Я промолчал, не будучи уверенным в положительном решении вопроса. И, действительно, никакой просьбы от деканата о выделении ставки ассистента для кафедры ОПУ «под Виктора Борисовича Филиппова» к ректору не поступало (мне об этом сообщил потом Сергей Васильевич), и сотрудником кафедры ОПУ В.Б. Филиппов не стал. «Вот тебе, Витя, и "чао-какао !"», – подумалось мне.

Зато через некоторое время старшим научным сотрудником кафедры ОПУ неожиданно стал физик Пётр Павлович Бирюлин. Как было сказано, «для укрепления партгруппы кафедры ОПУ». Трудно сказать насколько кафедральная партгруппа с появлением его на кафедре «укрепилась», поскольку не прошло и двух лет, как Пётр Павлович, ничем себя не проявив, от нас уволился.

Вспоминается ещё такой эпизод, произошедший уже после смерти Сергея Васильевича, скончавшегося в 1975 году. В 1978 году Вадим Александрович должен был покинуть высокий пост первого заместителя председателя ГКНТ СМ СССР, оставшись в Комитете лишь членом его коллегии. В преддверии такого поворота судьбы, он пожелал встретиться с ведущими сотрудниками кафедры ОПУ, чтобы успеть «что-то нужное для кафедры сделать». При этом ему хотелось, чтобы на этой встрече обязательно присутствовал Константин Иванович Бабенко, работавший на нашей кафедре профессором-совместителем – мнение Константина Ивановича для Вадима Александровича было очень ценно. И вот пятеро сотрудников кафедры – Константин Иванович Бабенко, Владимир Михайлович Алексеев, Владимир Михайлович Тихомиров и я с Толей Кушниренко – приехали на Толиной машине в ГКНТ СМ СССР. Принесли наши извинения за почти часовое опоздание, принятые Вадимом Александровичем с пониманием (Толе пришлось нас собирать из разных мест), мы разместились по бокам шикарного зампредовского стола, во главу которого сел сам Вадим Александрович. А далее речь пошла о том, какую поддержку от него мы хотели бы получить. Я уже не помню, что конкретно мы ему отвечали, но смысл наших ответов сводился к тому, что вряд ли даже ему удастся преодолеть имевшуюся тогда нелюбовь руководства факультета к кафедре ОПУ. Тем не менее, было приятно ещё раз убедиться, что Вадим Александрович всегда готов был прийти к нам на помощь.

В 1989 году Вадим Александрович оставил свой пост заведующего нашей кафедры. Кафедру ОПУ возглавил Владимир Михайлович Тихомиров. О приемлемости этой кандидатуры Вадим Александрович заблаговременно, много и настойчиво хлопотал во всех инстанциях.

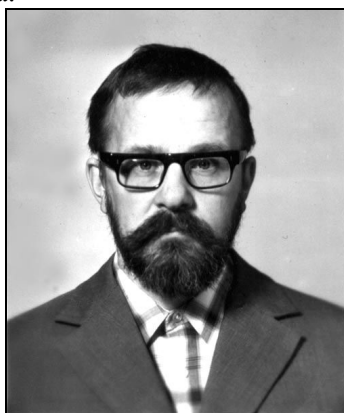
О Вадиме Александровиче мы вспоминаем с благодарностью.

**Владимир Тихомиров,
Михаил Зеликин
Владимир Михайлович
Алексеев**

Владимир Михайлович Алексеев (1932-1980) был личностью высочайшего нравственного совершенства, неповторимой и многогранной, в которой соединились и глубокий интеллект, и чистая совесть, и отзывчивая душа.

Владимир Михайлович Алексеев

Когда начинаешь размышлять о судьбе значительного человека, невольно задаёшься вопросом о том, что в наибольшей мере могло повлиять на его развитие: социальные или национальные корни, семейное воспитание, дух эпохи или что-либо ещё... Жизнь Владимира Михайловича даст нам возможность обсудить эту тему.

Он родился в подмосковном посёлке Быково (расположенном в сорока километрах от Москвы) 17 июня 1932 года. По отцу он принадлежал к известному

купеческому роду Алексеевых, прославленному К.С. Станиславским. Однако, к моменту рождения Владимира Михайловича все родственные связи были уже очень ослаблены. Прямые предки В.М. Алексеева не продолжили главное дело рода Алексеевых. Володя как-то раз, усмехнувшись, сказал, что его дед не был причислен к купеческому сословию и по документам значился как «купеческий сын». Отец В.М. Алексеева – Михаил Владимирович Алексеев – был музыкантом, руководил струнным оркестром, сам играл на многих инструментах. Он тяжело болел (у него был туберкулёз лёгких) и умер в начале Войны, когда сыну было 9 лет. Мать, Мария Ивановна (урожд. Сергеева) родилась в крестьянской семье; она работала воспитателем в общежитии швейного техникума. Никто из предков В.М. Алексеева никогда не занимался научной работой, тем более – математикой. Все известные Владимиру Михайловичу его предки были русскими по национальности, а ему самому было присуще глубоко осознанное чувство любви к своей Родине – России. И вместе с тем он был человеком глубоко проникнутым идеями человеческого братства и единства мировой культуры.

Детство Владимира Михайловича пришлось на трудную пору. Провел он его в поселке Быково, где родился, в доме бабушки. Там же он поступил в школу. Потом несколько лет он жил с матерью (вышедшей замуж вторично) в поселке Костино под Москвой. Но затем снова вернулся в Быково и кончал быковскую школу.

Как многие и многие из тех, чье детство пересеклось с Войной, Володя Алексеев был во многом «бабушкиным сыном». Свою бабушку, Ольгу Петровну Алексееву (кончившую гимназию и получившую право работать «домашней учительницей») Владимир Михайлович очень любил вспоминать. Материальные условия детства были нелегкими: существенной долей семейного бюджета была бабушкина пенсия – что-то около 250 рублей (в то время, как ставка профессора была порядка 5000 рублей).

О школьных годах В.М. сохранил добрые воспоминания. Учился он с увлечением, всем интересовался, много читал. В школе все его очень любили.

Неподалеку от костинской школы находилась трудовая коммуна, в создании которой принимал некоторое участие А.М.Горький. В дар коммуне Горький передал библиотеку. Володя перечитал её почти всю. Он не раз потом рассказывал о большой роли, которую сыграла в его жизни костинская библиотека.

Володя поражал всех безграничностью своих знаний. Жена Владимира Михайловича – Татьяна Алексеевна – вспоминала, что готовясь как-то к экзамену по химии в текстильном институте, где она училась, в спешке, не успевая найти какую-то химическую формулу в книжке (скажем, формулу иприта) в отчаянии спросила своего мужа. Он тут же ответил. Это поразило её. «Ну, откуда ты это знаешь?» Ответ был ещё более поразительным: «Но мы же это проходили в школе...»

Владимир Михайлович учился всю жизнь. Никита Дмитриевна Введенская рассказывала мне, что как-то зашла речь о календарях. Володя не только подробно объяснил строение и происхождение современного календаря, но также и еврейского календаря с многочисленными деталями и особенностями. Такие воспоминания сохранились почти у всех, кто общался с Владимиром Михайловичем.

Как-то в Юрмале, где Володя гостил у нас в семье (мы писали тогда книгу) пошли в кино на «Семейный портрет в интерьере». После фильма стали его обсуждать, и выяснилось, что Володя владеет искусством читать электрокардиограмму.

Осенью 1948 года в быковской школе появилась (неведомо каким путём) афиша о начале работы кружков на механико-математическом факультете Московского университета. Володе захотелось узнать, что это такое, и он поехал в университет. Так он впервые попал на мех-мат. И остался здесь на всю жизнь.

Первая прослушанная им (восьмиклассником) лекция была прочитана П.С. Александровым. «О чем лекция?» – спросил я его. «О лэмме Шпегнега» (Шпернера),

– грассируя, как Павел Сергеевич, ответил Володя, и добавил, что понял он мало, но впечатление получил неизгладимое. Потом руководители рекламировали свои кружки. Володя выбрал кружок Олега Вячеславовича Локуциевского и Елены Александровны Морозовой. Дружбу с ними В.М. сохранил до своего последнего дня.

Быть может, здесь уместно упомянуть о той несравненной роли, которую довелось сыграть мех-мату в истории нашей культуры (я называю его в одном ряду с пушкинским Лицеєм).

...Я очень дорожу фотографией из моего выпускного мех-матского альбома, на которой сняты наши учителя, сидящие в кабинете ректора в первые дни после открытия Нового здания. С удовольствием назову их имена: П.С. Александров, Н.К. Бари, С.В. Бахвалов, С.А. Гальперн, А.О. Гельфонд, Е.Б. Дынкин, Н.В. Ефимов, Н.П. Жидков, А.Н. Колмогоров, А.А. Ляпунов, В.В. Немыцкий, О.А. Олейник, И.Г. Петровский, М.М. Постников, П.К. Рашевский, С.Л. Соболев, Л.А. Тумаркин, А.Н. Тихонов, С.П. Фиников, Г.Е. Шилов, С.А. Яновская.

Всем памятли имена великих ученых и организаторов науки поколения тех, кто нас учил (П.С. Александров, И.М. Гельфанд, М.В. Келдыш, А.Н. Колмогоров, М.А. Лаврентьев, И.Г. Петровский, ...), судьбы которых так кровно связаны с мех-матом. Таков был мех-мат на заре нашей юности. И очень легко пополнить эти списки именами математиков поколения Владимира Михайловича и более молодых, тех, кто находится сейчас в расцвете своей научной карьеры. Убеждён, что большинство из них с благодарностью назовет В.М. Алексеєва в числе своих друзей или учителей. Мех-мату тридцатых-пятидесятых годов была присуща атмосфера научного дерзания, и он одарил В.М. Алексеєва счастьем творчества, любовью к своей профессии, радостью труда и человеческого общения.

Особые чувства восхищения и уважения Владимир Михайлович питал к своему учителю Андрею Николаевичу Колмогорову. Он находился в близких дружеских отношениях со многими математиками старшего поколения.

Иван Георгиевич Петровский очень дорожил мнением В.М. Алексеева. Владимир Михайлович отвечал ему чувством глубокой и почтительной любви. Дружеские узы связывали Владимира Михайловича с профессорами мех-мата и коллегами В.М. по кафедре математического анализа – Львом Абрамовичем Тумаркиным и Михаилом Александровичем Крейнсом. Владимир Михайлович пользовался очень большой любовью математиков своего и более поздних поколений. Впоследствии он был всегда окружен прекрасной молодежью.

Но продолжим хронологию жизни В.М.

В 1950 году Володя Алексеев стал победителем XV московской математической олимпиады, и на собрании всех участников Олимпиады председатель её Оргкомитета Михаил Александрович Крейнс предоставил слово «ученику 10 класса быковской средней школы Володе Алексееву». Когда он вышел к кафедре в переполненной 74 аудитории старого здания, я – школьник восьмого класса – увидел его впервые и был тогда поражен необычайной зрелостью его краткой речи.

В том же, 1950 году Владимир Михайлович становится студентом мех-мата. Сразу же включился он в студенческий конкурс по решению задач (к сожалению, такие конкурсы сейчас не проводятся). Сохранилась типографски отпечатанная грамота, подписанная Председателем жюри конкурса академиком А.Н. Колмогоровым, где сказано, что она «дана студенту первого курса механико-математического факультета Алексееву Владимиру Михайловичу, занявшему второе место на конкурсе студенческих работ» (первое место занял второкурсник, один из самых сильных студентов того поколения). Володя сетовал на себя, что не смог решить все задачи.

В.М. сам, начиная с первого курса, становится руководителем школьных кружков, один из которых он вел с О.Б. Лупановым.

Со второго курса начинается научная работа В.М. Алексеева, которой он стал заниматься в семинарах А.Н. Колмогорова. В архиве В.М. Алексеева сохранились

его курсовые работы за третий и четвёртый курсы, выполненные под руководством Колмогорова. Курсовая работа третьего курса (защищённая в 1953 году) была посвящена особенностям решений дифференциальных уравнений. В то время Андрей Николаевич много занимался постановкой математического практикума. Этот практикум просуществовал семь лет, а потом бесследно исчез. Материалы практикума недавно были обнаружены в бумагах Колмогорова, и можно надеяться, что они будут опубликованы, и тогда можно будет получить впечатление о глубине замысла его создателя.

Андрей Николаевич брал темы для практикума из «горячих точек» теоретической и прикладной математики того времени. Это были предельные циклы и особенности решений дифференциальных уравнений (несомненно навеянные интересом И.Г. Петровского к этой проблематике), уравнения с малым параметром (тогда публиковались работы на эту тему И.С. Градштейна, А.А. Дородницына, А.Н. Тихонова и других), методы сеток решения уравнений с частными производными – эта тема была необычайно актуальна в те времена (в частности, благодаря работам по атомной проблематике) и т.д. Возможно, что одной из своих целей на будущее Колмогоров ставил задачу реформирования численного анализа, но увлечение проблематикой, навеянной теорией информации, привело к тому, что он отказался от своего замысла. На младших курсах сильным студентам Андрей Николаевич давал курсовые, так или иначе связанные с практикумом, и в этих работах были получены результаты, находившиеся на передних рубежах науки.

Не исключено, что и первая курсовая работа Володи Алексеева содержала в себе материал, имеющий научный интерес. Косвенным свидетельством тому служит то, что через некоторое время Владимир Михайлович дал напечатать эту работу на машинке, и при этом тщательно выполнил многочисленные чертежи. По-видимому, работа готовилась им к печати.

Курсовая работа на четвёртом курсе была посвящена обзору по так называемой проблеме финальных

движений в задаче трёх тел. Она озаглавлена «Обмен в задаче трёх тел». Обмен – это одна из возможностей в задаче о финальных движениях.

Основные принципиальные вопросы, относящиеся к этой проблеме, были тогда – в 1954 году – не решены, они были открытыми проблемами. К решению их и стал склонять своих учеников и последователей Андрей Николаевич Колмогоров. Интерес Колмогорова к задаче о финальных движениях был частично вызван тем, что сам он в сороковые годы заведовал лабораторией атмосферной турбулентности Геофизического института АН СССР, возглавлявшегося Отто Юльевичем Шмидтом – колоритнейшей личностью, математиком, полярником, геофизиком, автором знаменитой теории происхождения Земли, энциклопедистом, словом – человеком Возрождения.

Отринутый Сталиным от организационных проблем в Академии наук, Шмидт начал интенсивно заниматься своей планетарной гипотезой. Существеннейшим элементом во всех построениях Шмидта была возможность захвата, но именно она отрицалась теоретической астрономией. Шмидт предпринял численные расчёты, и они вроде бы свидетельствовали о возможности захвата, но это не могло служить доказательством.

И вот тогда к решению проблемы о финальных движениях и стал склонять своих учеников и последователей Андрей Николаевич Колмогоров.

Эта проблема состоит в описании поведения материальных тел, взаимодействующих между собой по закону всемирного тяготения Ньютона, при $t \rightarrow -\infty$ и при $t \rightarrow \infty$. Простейшие случаи (когда все расстояния между телами остаются ограниченными или, когда, наоборот, все расстояния стремятся к бесконечности в прошедшем и будущем), были известны ещё Ньютону. Первые примеры «простых невозможностей» были обнаружены ещё во времена Лапласа. Сама задача в явной форме была поставлена Якоби. Без сомнения, задача описания финальных движений – одна из фундаментальных проблем «натуральной философии», как говорили в старину. Одна из неповторимых особенностей московской математической

школы (идущей от Николая Николаевича Лузина), состояла в том, что наши учителя не боялись ставить великие проблемы перед молодыми людьми, едва переступившими порог Университета. Так случилось и с задачей о финальных движениях.

К тому моменту, когда А.Н. Колмогоров предложил своему студенту-четверокурснику курсовую работу на тему «Финальные движения в задаче трёх тел», оставались логически допустимыми лишь несколько возможностей. Назову некоторые из них – их можно сопоставлять с типами взаимоотношений между людьми, описанными в мировой литературе: *обмен* (когда небесное тело прилетает издалека и отрывает от другого тела его спутника); *частичный захват* (три тела приближаются друг к другу из бесконечности, два образуют двойную звезду, а третье улетает); *полный захват* (двойная звезда захватывает третью, прилетевшую из бесконечности, и та остаётся с этой парой навсегда); *захват в осцилляцию* (тело прилетает к двойной звезде и начинает затем осциллировать – то удаляться, то снова сближаться), *двойная осцилляция* (т. е. осцилляция в прошлом и в будущем), *переход из ограниченного движения в осцилляцию*, когда одно из тел, не улетая в бесконечность, не остается с парой навсегда на ограниченном расстоянии. Всего же число возможностей равнялось десяти.

Классификацию всех этих комбинаций дал Ж. Шази, знаменитый французский учёный, академик Парижской академии, который занимался этой проблемой в течение нескольких десятилетий. Читатель должен получить большое удовольствие от исторического комментария, посвящённого задаче трёх тел, содержащегося в работе В.М. Алексева «Квазислучайные колебания и качественные вопросы небесной механики», опубликованной в книге В.М. Алексеев «Лекции по небесной механике». // Регулярная и хаотическая механика. Ижевск, 1999. Приведу отрывки из этой работы, касающиеся проблемы захвата.

«В задаче Кеплера или в приводящей к ней задаче двух тел финальный тип движения определяется знаком константы энергии и остаётся одним и тем же как при $t \rightarrow +\infty$, так и при $t \rightarrow -\infty$. [...] Ж. Шази сформулировал

аналогичное утверждение и для задачи трёх тел, и довольно долго математический и особенно астрономический мир был убеждён, что такая замечательная симметрия действительно имеет место. [...]

Интерес к качественным свойствам решений задачи многих тел значительно возрос в сороковых годах в связи с космогонической теорией О.Ю. Шмидта. Согласно этой теории, планеты Солнечной системы возникли из окружающего Солнце метеорно-пылевого облака, само же это облако было захвачено Солнцем при прохождении через пылевую туманность. Если ограничиться лишь чисто гравитационными взаимодействиями, то подобный захват означает изменение финального типа движения при переходе от $t = -\infty$ к $t = +\infty$. Хотя выводы Шази относились лишь к задаче трёх тел, и использовать их для аргументации против возможности захвата в задаче многих тел было нельзя, всё же это вызывало по отношению к теории Шмидта оправданный скептицизм. Чтобы подкрепить свою гипотезу, Шмидт построил численным интегрированием контрпример к основному утверждению мемуара [Шази]».

Но такие примеры не могли служить доказательством.

Каждая из перечисленных выше теоретических проблем (обмена, захвата и т. п.) представляла собой задачу большой трудности. В них затрагивались проблемы, «возникающие, – как писал Владимир Михайлович, – в областях, где математика и механика граничат с философией: происхождение Солнечной системы, эволюция звёздных скоплений и т. п.»

В настоящее время проблема финальных движений полностью решена. В 1953 году Кирилл Александрович Ситников доказал возможность частичного захвата, в 1959 году он же построил пример двусторонней осцилляции, возможность движения трех тел, расстояние между которыми ограничены во все времена (на множестве начальных условий положительной меры) была доказана Колмогоровым и Арнольдом. Реализуемость остальных типов финальных движений была доказана Владимиром

Михайловичем Алексеевым. На решение и развитие этой проблемы ушла вся его творческая жизнь, и это в высшей степени характеризует два беспримерных свойства его характера – стойкость и верность.

В 1955 году в дипломной работе В.М. Алексеев решил проблему обмена для систем как с положительной, так и с отрицательной полной энергией. (Отметим, что первые численные эксперименты, свидетельствовавшие о возможности обмена, были проделаны ещё в двадцатые годы.) Далее, в аспирантские годы В.М. Алексеев показал, что обмен реализуется устойчивым образом, т. е. построил открытое множество начальных условий, приводящих к обмену. Эти факты, дополненные рядом частичных результатов, составили содержание его кандидатской диссертации «Некоторые качественные результаты в задаче трёх и многих тел», защищённой в 1959 году (основные результаты были сформулированы в статье «Обмен и захват в задаче трёх тел», опубликованной в Докладах Академии наук в 1956 году; там есть такие слова: «Тем самым окончательно опровергается утверждение Шази о невозможности захвата и обмена»).

После окончания аспирантуры В.М. Алексеев остаётся на кафедре анализа мех-мата.

Наибольший взлёт его творческих сил относится к периоду 1966-69 гг. Статья «Квазислучайные динамические системы», опубликованная в трёх номерах Математического сборника, занимает 180 страниц. Тогда же была исчерпана проблематика финальных движений. В марте 1969 года В.М. Алексеевым была защищена докторская диссертация «Квазислучайные динамические системы», в которой были подведены итоги огромной работы.

Приведу два отрывка из отзыва Андрея Николаевича Колмогорова, выступавшего на защите в качестве официального оппонента. «Основной результат третьей главы диссертации заключается в доказательстве *возможности всех десяти случаев*. В частности, установлена возможность захвата [когда тело прилетает из бесконечности и захватывается навечно двойной звездой], которая отрицается ещё в изданном в 1967 году сборнике

«Успехи астрономии в СССР». Случаи 22а, 22в и 33 [когда тело прилетает из бесконечности и улетает, прилетает из бесконечности, остаётся, а второе улетает, когда все три навечно остаются на ограниченном расстоянии] осуществляются с положительной вероятностью. Про остальные либо доказано, либо правдоподобно, что их вероятность нулевая. Уже перечисленные результаты убедительно свидетельствуют о значительности достижений В.М. Алексеева в этой трудной области, в которой работал ряд крупных учёных.» В заключение Колмогоров пишет: «Подводя итог, мы видим, что диссертант, полностью овладев очерченным кругом проблем и методов, существенно продвинул решение давно поставленных проблем, иногда получив исчерпывающие результаты. В отношении тонкости методов он стоит на самом высоком достигнутом к настоящему моменту уровне».

Решение задачи о финальных движениях потребовало разработки новых методов в теории динамических систем. Одно из крупнейших открытий в теории дифференциальных уравнений, имеющих грандиозные последствия для всей математики, состоит в том, что во многих динамических системах, несмотря на их полную детерминированность, могут возникать движения, напоминающие случайные процессы. Истоки этой идеологии относятся ещё к началу века, завершение же процесса осмысления этого явления относится к шестидесятым годам. К числу тех, кому принадлежат классические результаты в этом направлении следует отнести В.М. Алексеева.

Работы В.М. Алексеева очень быстро были высоко оценены специалистами, и он был приглашён получасовым докладчиком на Международном математическом конгрессе в Ницце (1970). Владимир Михайлович с улыбкой рассказывал мне, что незадолго до открытия Конгресса ему позвонил Ж. Лере – один из крупнейших математиков прошедшего века. Лере очень высоко отозвался о достижениях В.М. Алексеева, и при этом обратился к нему с личной просьбой: «Пожалуйста, будьте снисходительны и милосердны к Шази – он был таким прекрасным

человеком!» С подобной просьбой к В.М. Алексееву можно было и не обращаться: деликатность и милосердие были ему присущи с самых истоков его жизни. К великому сожалению, В.М. Алексееву не было позволено пересечь железный занавес. Но он подготовил доклад и переслал его Лере. Сохранилось письмо Лере, в котором он благодарит Владимира Михайловича за этот доклад. Там есть слова: «Недавно я сообщил семейству Шази, что благодаря Вам его имя на Конгрессе в Ницце упоминается в самых тёплых выражениях, за что мы Вам очень признательны». Это напечатано на машинке. А потом от руки Лере приписал: «Chazy etait un si brave homme». Слово «brave» во французском языке имеет широкое комплиментарное значение, много более широкое, чем наше слово «бравый»; оно может значить «благородный, милый».

Первый долгий и доверительный разговор мой с Володей Алексеевым произошел осенью 1953 года на свадьбе моего соседа и близкого друга Миши Лидова и Володиной сокурсницы Дианы Седых. Это был трудный период в жизни Володи: его вербовали в так называемую «спецгруппу», которая формировалась сотрудниками КГБ для выполнения секретных заданий. Володя был очень опечален этим. Но после смерти Сталина возможности могущественной организации стали ослабевать, и Колмогорову удалось освободить Володю от ее «захвата» и взять его в аспирантуру. Разумеется, важную помощь в этом оказал Иван Георгиевич Петровский.

В 1954 году Володя женился. Его жене – Тане – довелось в раннем детстве пройти через тягчайшие испытания. Волею судьбы она оказалась на оккупированной территории в Белоруссии. Тане пришлось перенести в ту пору жизнь в землянке, испытать холод и голод, и перенести тяжкие болезни. На ее глазах немцы загнали жителей поселка в огромный сарай и подожгли его. Среди заживо сожженных была любимая танина подруга и вся ее семья. Мне кажется, что все это внесло трагические ноты в ее мироощущение.

Окончив школу, Таня приехала в Москву. У нее был замечательный голос, и она стояла перед выбором – пение

или биология. После долгих колебаний она выбрала второе. Но для поступления в Университет существеннейшим препятствием послужило «пребывание (девятилетней девочки) на оккупированной территории». На собеседовании её спросили: «Как это Вы оказались на оккупированной территории?» Обладавшая гордым и непреклонным характером Таня ответила: «Наши отступали так стремительно, что я в мои девять лет не могла за ними угнаться!» В приеме на биофак ей было отказано, и тогда Таня поступила в Текстильный институт.

Брак Володи и Тани оказался счастливым. Супруги замечательно дополняли друг друга. Таня была, как и Володя, очень яркой личностью, человеком с сильным и независимым характером. Она обладала замечательным художественным вкусом, прекрасно рисовала, создавала изумительные по красоте женские украшения. Она была очень восприимчива к искусству – литературе и поэзии, театру, музыке и, разумеется, к живописи. Это очень гармонировало с интересами Володи. Володя и Таня создали прекрасный Дом, очень уютный, с замечательной библиотекой, дом гостеприимный, хлебосольный, открытый для многочисленных друзей. Таня была искусной хозяйкой, замечательно готовила. Она очень ценила дружбу, вовлекая в свою орбиту достойных и глубоко порядочных людей.

В 1955 году у Володи и Тани родилась дочь, которую они назвали Еленой, Леночкой.

В 1970 году Владимир Михайлович перешёл на кафедру общих проблем управления. Роль его в создании светлой атмосферы на нашей кафедре необыкновенна. Для меня десять лет рядом с Володей озарены особым счастливым сиянием.

Владимир Михайлович Алексеев служил математике и делу математического просвещения на всех доступных ему поприщах. Выше рассказывалось о его научной работе. Она получила мировое признание. Многие крупнейшие математики выражали восхищение его трудами и научными достижениями.

Перу В.М. Алексеева принадлежит свыше сорока научных статей и две монографии – «Символическая

динамика» и «Оптимальное управление» (совм. с В.М. Тихомировым и С.В. Фоминым, М., Наука, 1979). В 1999 году редакция журнала «Регулярная и хаотическая динамика» выпустила книгу В.М. Алексеев «Лекции по небесной механике», в которой перепечатаны его статья «Квазислучайные колебания и качественные вопросы небесной механики», опубликованная ранее в сб. Девятая летняя математическая школа, // Наукова думка, Киев, 1976, с. 212-341, работа «Финальные движения в задаче трёх тел и символическая динамика» // Успехи математических наук, 1981, т. 36, вып. 1, с. 161-175 и упомянутая выше заметка в Докладах 1956 года.

В трудах В.М. Алексеева виден отпечаток его необычайно широкого научного кругозора и педагогического мастерства.

Владимир Михайлович был превосходным лектором. Многие хранят в памяти его блистательные лекции по математическому анализу, оптимальному управлению, геометрии и вариационному исчислению, динамическим системам, выпуклым экстремальным задачам. Ему всегда удавалось совместить наглядность изложения и педантичную строгость.

В.М. Алексеев был одним из соруководителей многих семинаров самого широкого профиля. Около двадцати лет он совместно с Я.Г. Синаем руководил научным семинаром по теории динамических систем. Этот семинар сыграл выдающуюся роль в развитии этого раздела математики. С В.А. Егоровым В.М. Алексеев руководил семинаром по небесной механике, с М.И. Зеликиным и В.М. Тихомировым вел семинар по теории экстремальных задач.

В.М. Алексеев любил преподавать на факультете повышения квалификации (где долгие годы вел семинар с М.А. Крейнсом) и на курсах повышения научной квалификации учителей, участвовать в просеминарах для первокурсников (в последние годы – с О.В. Локуциевским).

На протяжении многих и многих лет В.М. Алексеев вел работу со школьниками, был руководителем кружков и олимпиад, стоял у истоков преподавания в колмогоровском

Интернате (он читал там в 1963-67 годах курс математического анализа и опубликовал замечательные записки лекций). Одну из своих лекций в Интернате он начал так: «Как трудно придумать что-нибудь новое! Оказалось, что то, что я вам рассказывал в прошлый раз, уже рассказывал своим студентам Лебег! «Первых выпускников Интерната он провожал в жизнь словами: «Старайтесь не утратить бесценный дар – способность удивляться». В.М. Алексеев очень любил читать популярные лекции для школьников по математике. В его архиве хранится множество интереснейших материалов на эту тему. В.М., будучи профессором, вел занятия в вечерней математической школе, директором которой был его аспирант (и это служило поводом его неоднократных шуток).

Владимир Михайлович был одним из самых талантливых редакторов своего времени.

Свыше пятидесяти раз В.М. Алексеев выступал в качестве официального оппонента, 16 раз был оппонентом ВАК. В его архиве хранится несколько папок текущего рецензирования статей, книг, рукописей.

Владимир Михайлович вел очень большую работу в Московском математическом обществе. Он был секретарем Общества при Гельфанде, когда Общество переживало свою золотую пору и находилось в высшей точке за все годы своего существования. По тетрадам Владимира Михайловича можно составить подробную справку о деятельности Общества в этот благословенный период, и я считаю своим неременным долгом со временем сделать это.

В 1968 году Владимир Михайлович (разумеется) подписал «письмо 99» в защиту Есенина-Вольпина. Последствия для математиков, для мех-мата были ужасающими. Начались гонения на «подписантов», которые сократили жизнь многих замечательных людей – Николая Владимировича Ефимова, Александра Геннадиевича Куроша, Сергея Васильевича Фомина... Владимир Михайлович и так был на дурном счету у власть

предержавших, а после подписи был фактически вычеркнут из списка тех, кто мог хоть на что-то рассчитывать.

Владимир Михайлович обладал необыкновенной стойкостью и непреклонностью духа. Это проявлялось всегда, особенно в вопросах чести, правды и справедливости.

В 1970 году состоялись перевыборы Московского математического общества. Был составлен список будущих членов Общества, утвержденный партийным бюро. Расчет был на то, что после его оглашения будет «подведена черта». И действительно, после того, как были названы все математики по списку партбюро, было внесено предложение «подвести черту». Но тут поднялся Владимир Михайлович и предложил в члены Общества Якова Григорьевича Синая (который был близким другом В.М., его соратником по семинару, вклад которого в теорию динамических систем Владимир Михайлович оценивал исключительно высоко). Черта не была подведена, Синай был избран в члены правления, и Владимир Михайлович уже окончательно был внесён в «чёрные списки».

Владимир Михайлович никогда не терял самообладания, лишь дважды я мог заметить признаки его нервного возбуждения. Первый раз это случилось во время защиты кандидатской диссертации некоего юноши, научным руководителем которого был И.И. Пятецкий-Шапиро. Но Илья Иосифович подал на отъезд в Израиль. При этих условиях написать фамилию Пятецкого-Шапиро на автореферате, значило обречь диссертанта на провал. И Владимир Михайлович позволил поставить на автореферате свою фамилию. На защите выступал как руководитель. И все равно работа была провалена. Но в ту пору использовалась специальная процедура, которая иногда давала возможность спасти дело: протокол счетной комиссии не утверждался и дискуссия возобновлялась. Владимир Михайлович сидел на первом ряду в аудитории 16-24 и нервно отрывал один волосок за другим из своей бороды. На лице его было написано невыразимое отчаяние. Но в тот раз все обошлось.

В 1967 году в составе большой советской делегации мы с Володей были в Варне на болгарском Математическом конгрессе. Володя жил в одной комнате с В.М. Волосовым. Владимир Маркович потом говорил мне, что уже тогда Володя жаловался на некоторое недомогание, но он стеснялся показаться врачам, считая, что это пустяки и пройдет. Но не проходило. В конце января 1980 года (в конце зимней сессии) Владимир Маркович, видя, как В.М. мучается, настоял на том, чтобы тот показался врачу. После посещения врача Володя приехал в Университет, где шла переэкзаменовка. Никогда не забуду момента, когда Володя переступил порог кафедры. Тогда я увидел Володю в нервном возбуждении, которое он не в силах был скрыть, во второй и в последний раз в жизни. Увидев меня он нервно сказал: «При первых признаках болезни покажись врачам!» «А что сказал врач тебе?» Володя уже овладел собой: «Надо будет пройти дополнительные исследования...» А врач почти определенно сказал ему, что положение безнадежно.

Вскоре Володе сделали операцию, и наступила пора нескончаемых мучений. Мы продолжали работать с Володей, и я постоянно бывал у него. Он стеснялся обратиться к врачу, старался держаться, но ему становилось все хуже. Раз как-то он при мне позвонил врачу и тот, по-видимому, спросил: «Как дела?» Володя извиняющимся голосом сказал: «Все-таки не очень хорошо», – он не хотел огорчать своего хирурга. Из беседы было видно, что ничем помочь уже было нельзя.

Летом в семье Алексеевых произошло знаменательное событие: Леночка вышла замуж за Пьера Делиня, одного из самых выдающихся математиков нашего времени и человека удивительных душевных свойств. Володя и Таня были счастливы. Свадьбу Леночки и Пьера отмечали дома. Володя доверил мне честь быть тамадой во время застолья. Светлые чувства, которые я испытывал тогда накладываются на безмерную горечь воспоминания: человек беспримерного мужества и стойкости, Володя несколько раз вынужден был покидать стол, не в силах переносить нестерпимые боли.

Осенью Володю положили в больницу. Таня была с ним. Я навещал Володю несколько раз, и ни разу я не слышал от него никакой жалобы или сетования на судьбу. Мы говорили о текущей жизни, о делах, о мех-мате.

Свидетельством необычайности Володиной личности является его письмо дочери, написанное из больницы.

«...Ночью я решил разобраться в том, что происходит на небе у меня за окном. Вот, что я наблюдал и вычислил.

Окно выходит на ВСВ (между северо-востоком и востоком) примерно в том направлении, где восходят зодиакальные созвездия, так что мне было удобно.

Вычисления. 18 ч. С наступлением темноты над горизонтом появляется Овен. Я это созвездие плохо знаю. В это время Арктур мне не виден: он на другой стороне неба довольно высоко.

20 ч. Восходит Телец. В нем сейчас очень красивые Плеяды (звёздное скопление) и Альдебаран – красноватая яркая звезда. Позже, около 22-24 ч. они высоко и хорошо видны. Арктур постепенно спускается. В это время он где-то на СЗ.

Наблюдения (временные данные приблизительны).

22 ч. Восход близнецов. Кастор и Поллукс прекрасно видны в окно и около 23 ч. я их вижу прямо с постели.

24 ч. Восход Рака. Хоть это твое созвездие, но оно для меня невзрачно и невыразительно. Общая же картина красива, т. к. над Близнецом и Тельцом выразительное созвездие Возничего с α -Капелла (яркая, голубая), а под ними появляется уже Орион и М. Пёс.

2 ч. Восход Льва, но он поднимается несколько позже. Последнее наблюдение около 4 ч. – Лев поднялся над горизонтом и в нём ярко блестит Юпитер. Около 5 ч. должен взойти Сатурн (он передвинулся в Деву), но я в это время хорошо спал. Арктур зашёл (по вычислениям) около 1 ч. Восход его я ожидал к 5 часам. По отношению к зодиаку он примерно под Девой и за Львом.

Вот и всё. Целую. Папа».

Последний раз я видел Володю где-то в двадцатых числах ноября 1980 года. На следующий день я должен был уезжать в Варшаву в Банаховский центр на конференцию по оптимизации. В палате были Володя, Таня и я. Я рассказал о своих планах: «Завтра уезжаю...» Володя улыбнулся и сказал, обращаясь к Тане: «Он еще молод, куда-то все несется. А мы – вот я поправлюсь – поедем в Ленинград, ладно?» Таня кивнула. Потом она рассказывала, что в самом конце, когда сознание уже ушло, а слова можно было различать, они были о математике.

1 декабря 1980 года, в Варшаве я получил телеграмму: «Володя умер. Похороны послезавтра». Я рванулся в аэропорт, купил билет. Рейс был объявлен, я занял свое место. Но через полчаса было сказано, что вылет не состоится. Шел декабрь 1980 года, Польша была в революционном возбуждении, выяснить в чем дело не было возможности. Я прибыл в Москву на следующий день, но опоздал на последнее прощание. В моём сознании Володя живой, и чем дальше уходит время, тем чаще он вспоминается мне молодым, полным сил и надежд.

Среди людей крупных большинство составляют личности яркие, нестандартные, не укладывающиеся в привычные рамки. Про таких пишут обычно об их духовной молодости и вспоминают всевозможные чудачества и экстравагантности. Владимир Михайлович Алексеев был крупной личностью иного склада. Его человеческую необычайность трудно было разглядеть сразу или издалека, ибо суть ее была не в яркости, а в глубине. Конечно, и он был молод душой, он всегда говорил о радости познания и сам очень свежо и по-детски радостно смотрел на мир. Но вместе с тем для него с самых ранних лет были характерны духовная зрелость и серьезность. Даже в отношениях со своими старшими товарищами и коллегами Владимир Михайлович едва ли не с аспирантских времен выполнял роль защитника и покровителя.

Владимир Михайлович был человеком необычайно широких культурных интересов и запросов. Трудно представить себе область культуры, в которую он не пытался бы глубоко и фундаментально проникнуть.

Разбирая его бумаги, я нашёл записанные им строки Омара Хайама:

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

Много лет размышлял я над жизнью земной,
Непостижного нет для меня под Луной.
Мне известно, что мне ничего неизвестно.
Вот последняя правда, открытая мной.

Эти строки характеризуют и самого Владимира Михайловича. Об этом замечательно сказал Владимир Игоревич Арнольд: «Невозможно представить себе Владимира Михайловича участвующим в чём-либо несправедливом. Он умел мужественно отстаивать своё мнение и не останавливался перед неприятностями, которые на него навлекало его гражданское мужество. Жизнь Владимира Михайловича была образцом тщательного и неуклонного выполнения своего долга, пока хватало сил». Все это давало ему силу высокого морального авторитета.

Джозеф Форд – математик, много и активно работавший в одной области с Владимиром Михайловичем, сказал после его смерти: «Мир стал заметно темнее после того, как погас огонь его жизни». Эти слова разделяют все, кто знал Владимира Михайловича.

Спросим себя: как же зажигается в душе этот огонь? Так легко представить себе судьбу с теми же начальными данными, в которой не было ни напряжения творческих сил, ни решения великих проблем, ни одухотворенного труда. Тяжкие моменты случались во все поры жизни В.М. Алексеева – таков наш век, воистину «жестокий век». Но было много и такого, что принято относить к области счастливого везения: его юность пришлась на золотую пору деятельности его учителя, пору бурного развития науки и рождения первоклассных научных коллективов. Но и в этом своем поколении В.М. Алексеев занял особое место, как

выдающаяся творческая и моральная личность. Так что суть надо искать не вне, а внутри.

Огонь загорается вместе с началом нашей жизни, и дальше от каждого из нас зависит – дать ли ему угаснуть или разгореться. Разгореться, чтобы озарить всё окружающее своим творчеством и духовным богатством. И тогда огонь не угасает вместе со смертью, он продолжает освещать дорогу оставшимся, одаривает их Надеждой и дает силы жить. Таким огнем освещает наш путь жизнь В.М. Алексеева.

В.М. Тихомиров

М.И. Зеликин

Воспоминания о Владимире Михайловиче Алексееве

Не помню точно, когда я впервые познакомился с Володей. Сейчас мне уже кажется, что я знал его всегда. Но близко мы сошлись, когда после окончания аспирантуры я начал работать на кафедре математического анализа, где в то время уже работал Володя. Помню, как на одном из заседаний кафедры стоял вопрос о назначении лектором молодого доцента В.М. Алексеева, хотя на кафедре было немало профессоров. Тогда Михаил Александрович Крейнес сказал очень точную, запомнившуюся мне фразу: «Квалификация Алексеева такова, что он может читать лекции на любую тему». Наблюдая взаимоотношения Володи с коллегами, я освободился от одного своего порока: от юношеского максимализма и высокомерия по отношению к «старикам», не понимающим «современных», модных математических концепций.

Работа на кафедре математического анализа была довольно напряженной. Кафедра обслуживала несколько факультетов, но особенно трудоемким было заочное отделение мехмата. Оно было несколько раздутым, и большинство его слушателей состояло из великовозрастных студентов, которые тянулись к математике, но были уже экзаменов на заочном отделении вся кафедра мобилизовалась «в ружье». Аудитория 14-08 была

переполнена экзаменуемыми, которые очень долго (и тщетно) раздумывали над предложенными им задачами. Во время вынужденных перерывов между опросами преподаватели развлекались разговорами о математике. Володя рассказал мне красивую конструкцию, как можно свести некую задачу чистого математического анализа к функциональному уравнению, определяющую коцикл группы когомологий. Гомологическая алгебра в то время была очень модным направлением. Сейчас модным является микс квантовой теории поля, бесконечномерных представлений и алгебраической геометрии. Позже я узнал, что это уравнение возникло при доказательстве жесткости некоторых гармонических эндоморфизмов, придуманном на семинаре И.М. Гельфанда. Не знаю где, кем и когда оно было опубликовано, но я помню фразу Гельфанда, сказанную на его семинаре: «В основе доказательства лежит гениальное соображение Арнольда, что надо дифференцировать, и решающий вклад Алексева, что в результате дифференцирования получается гомологическое уравнение. А что сделал я?» Гельфанд запнулся, видимо, удивившись обороту событий, в который завел его собственный язык. Скромность не входила в число основных достоинств Израиля Моисеевича. Но он мгновенно нашелся. Окинув хитрым взглядом аудиторию, он добавил: «Ничего!» – и засмеялся довольный, давая понять, что это шутка.

Володина судьба была неразрывно связана с замечательным явлением, которое, пожалуй, следует называть второй волной великой Московской математической школы. Первая волна состояла из таких титанов, как Боголюбов, Гельфанд, Гельфонд, Колмогоров, Лаврентьев, Люстерник, Петровский, Понтрягин, Соболев, Шафаревич...

Володя всегда был активным участником группы молодых математиков, которая сформировалась в окрестности семинара Гельфанда. В эту группу входили В.М. Алексеев, Д.В. Аносов, В.И. Арнольд, Ф.А. Березин, А.А. Кириллов, Ю.И. Манин (входивший, скорее, в круг семинара Шафаревича), Г.А. Маргулис, С.П. Новиков,

Я.Г. Синай, Д.Б. Фукс... Я, конечно же, перечисляю не всех. Эта группа составляла ядро второй волны. Их, в связи с наличием железного занавеса, иностранцы называли рыцарями круглого стола. К сожалению, она перестала быть единой школой и распалась в связи с эмиграцией многих ее участников из бывшего СССР. Во многом благодаря трудам этой школы была создана символическая динамика, когда траектории дифференциального уравнения ставятся в соответствие последовательность чисел, определяющих последовательные моменты пересечения этой траектории с фиксированным множеством. Символическая динамика позволяет применять математический аппарат теории вероятностей к изучению сложной динамики множества траекторий дифференциальных уравнений. Эта конструкция помогла Володе в его работах по небесной механике.

Позже мы оказались вместе с Володей на кафедре Общих проблем управления, где он вместе с В.М. Тихомировым разработал курс Теории управления. Я вспоминаю его гордую фразу: «Удивляюсь, с каким искусством мы превратили экзамен по теории управления в экзамен по математике».

В заключение я расскажу сон, который приснился мне вскоре после Володиной смерти.

Володя подошел ко мне и говорит: «Миш, Миш, хочешь покатаю?» (У Володи была привычка дважды повторять имя.) Смотрю, стоит маленькая ракета, наподобие гоночного автомобиля. Я говорю: «Володька, ну, конечно же, хочу!» Он сел за руль, я сзади. Я люблю ощущение полета, особенно, когда самолет закладывает вираж. Но Володя заложил такой вираж, который я и представить себе не мог. Это была колоссальная спираль на невероятно огромной скорости. Такого ощущения полета я никогда не испытывал. В одно мгновение земля провалилась в бездну, а за ней и солнце. Осталось только бархатно черное небо с золотыми, алмазными и изумрудными гвоздиками звезд, которые неслись мимо нас, и... я проснулся. Кто знает, что происходит с душой после смерти? «И где тот ветер, что

умчался, и где тот пламень, что потух?» Я почему-то уверен,
что пламень Володиной души не потух!

Анна Тоом, Андрей Тоом Павел Антокольский: неизвестные и малоизвестные СТИХИ

Недавно в московском доме-музее Марины Цветаевой была издана книга «Далеко это было где-то...» – сборник стихов, пьес и автобиографической прозы Павла Григорьевича Антокольского, составленный внуком поэта Андреем Тоомом и его женой Анной Тоом. Мы помещаем здесь предисловие составителей с небольшой подборкой стихов П.Г. Антокольского, большая часть которых прежде не публиковалась.

Редакция

От составителей

Найти то, что считается утерянным, и издать подлинного Антокольского – это могло бы стать сенсацией. Я уверен, что однажды вы натолкнетесь на целый пласт текста, что остался где-то в загашинике, и выйдет этот текст на волю Божию и тогда очень интересная фигура русской поэзии предстанет миру.

Из беседы с А.П. Межировым.

Нью-Йорк, 21 апреля 2002 г.

Павел Григорьевич Антокольский (1896-1978) – поэт, переводчик, литературовед – принадлежит к числу классиков отечественной литературы XX века. Существует множество прижизненных изданий его трудов. И сегодня может показаться, что творчество знаменитого мастера слова исчерпано, а потомкам остается лишь перечитывать старые сборники его произведений. Но это не так.

Книга "Далеко это было где-то..." – итог нашей многолетней работы с литературными архивами П.Г. Антокольского. В архивах найдены его

неопубликованные труды. Многим рукописям почти сто лет, ведь поэт начал свой творческий путь еще до революции. Здесь множество ранних стихов, две пьесы, автобиографическая повесть, написанная уже в зрелые годы.

Павел Григорьевич Антокольский

Как же могло случиться, что все эти произведения не увидели свет при жизни автора? Почему он мало публиковал своих ранние стихи, а те немногие, что были опубликованы, либо изменены так, что их не сразу узнаешь, либо «спрятаны» в циклах изданных книг так, что не сразу найдешь? Почему он не отдал в печать свою автобиографическую повесть, хотя не раз использовал рукопись как материал для работы над очерками о современниках? Если он не ценил их, то зачем он их сохранил? Известно, что в 1941 году, перед отъездом в эвакуацию, Павел Григорьевич сжёг какую-то часть своего архива, но не ранние стихи – их он надёжно спрятал. Зачем? – Подготавливая книгу, мы нашли ответ на этот вопрос.

Книга состоит из трёх разделов, представляющих поэзию П.Г. Антокольского, его драматургию и прозу. В

раздел *Стихи* наряду с хорошо известными и малоизвестными стихами автора вошло более двухсот неизвестных стихотворений, по большей части принадлежащих к самому раннему периоду его творчества – 1915-1919 годам. В раздел *Драматургия* включены две ранние пьесы «Кукла Инфанты» и «Кот в сапогах или обручение во сне». Раздел *Проза* представлен автобиографической повестью «Мои записки», самым большим прозаическим произведением, когда-либо автором созданным. В раздел *Иллюстрации* наряду с фотографиями, большая часть которых прежде не публиковалась, вошли неизвестные рисунки П.Г. Антокольского и друга его юности Ю.А. Завадского, иллюстрировавшего его стихи.

Все эти произведения не случайно собраны воедино: разные части книги дополняют и поясняют друг друга. Стихи и пьесы Антокольского становятся более понятными, когда мы узнаём подробности их написания из его автобиографической повести. Представленные здесь рисунки иллюстрируют именно ранний, наименее известный период творчества автора.

Книга "Далеко это было где-то..." – единственное на сегодняшний день издание, включающее практически всё неопубликованное наследие П.Г. Антокольского.

Писать Павел Антокольский начал рано. Чудом уцелела тоненькая тетрабочка – гимназический литературный альманах "Призыв", датированный 1913 годом, – и в ней находим самые первые и робкие пробы его пера под псевдонимом Поплавский: переводы стихов Гуго фон Гофманстала¹ и Райнера Рильке². Он учился в хорошей гимназии, где творчество учеников поощрялось. Гимназия Е.А. Кирпичниковой на ул. Знаменка вблизи Арбатской площади в центре Москвы славилась своим либерализмом и отличным гуманитарным образованием. Особенно хорошо было поставлено обучение родному и иностранным языкам, а организованный в гимназии театр считался едва ли не

¹ Гуго фон Гофмансталь (1874-1929) – австрийский писатель, поэт, драматург; представитель декадентства в австрийской литературе конца XIX века – начала XX века.

² Райнер Мария Рильке (1875-1926) – австрийский поэт.

лучшим ученическим театром Москвы. Именно в гимназические годы берут свое начало оба профессиональных увлечения П.Г. Антокольского – литературой, в том числе литературным переводом, и театром. Многие его однокашники писали. Писал и он от случая к случаю и поначалу, видимо, не придавая этой деятельности большого значения.

Он принадлежал к семье с уже сложившимися художественными традициями. Среди родных были люди искусства – скульпторы, художники. Его тоже прочили в художественную академию. Родители хотели отправить сына учиться живописи в Париж, но эти планы разрушила начавшаяся Первая мировая война.

Семья оказалась в нужде, и было решено, что Павлик остаётся в Москве. Окончив гимназию, он недолго посещал народный университет им. Шанявского, а затем поступил в Московский Университет и два года проучился на юридическом факультете без особого интереса. Но творческая энергия – как стремительная река: возведи препятствие – найдёт другое русло. Вот тогда он всерьёз и увлёкся литературным творчеством.

Начало поэтического пути Павла Антокольского совпало с расцветом «серебряного века» русской литературы. В Петербурге и Москве кипела литературная жизнь: один за другим возникали поэтические кружки, то и дело появлялись новые яркие индивидуальности. Предмет всеобщего восхищения – стихи Александра Блока, поэта старшего поколения. Но уже в полный голос заявили о себе и молодые таланты, почти одногодки Антокольского: Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Маяковский, Есенин – сильные, яркие личности, уверенные в себе поэты, на равных спорившие с предшествующим поколением. А он – всё ещё наивный юноша, к тому же очень стеснительный.

В сравнении с их стихами его собственные казались ему беспомощными, и он считал их не заслуживающими публикации. Такая взыскательность к себе, конечно, – достоинство, но всё же его самовосприятие не было вполне адекватным. Ведь распознала же в нём поэта Марина Ивановна Цветаева: в нём, почти мальчишке, и по одному

только стихотворению распознала, а уж как была строга, как требовательна и к себе и к другим!..

Своим учителем Антокольский считал Александра Блока, которого, впрочем, не знал лично. Поэзия Блока помогла ему "понять значение метафоры, как некой волшебной силы, преобразующей мир". Так он сам утверждал и нередко с усмешкой добавлял: "Мои ранние стихи – сплошное подражание Блоку". С благодарностью он говорил и о Валерии Брюсове, покровителе и наставнике московской поэтической молодёжи тех лет, своём первом издателе. Но главную роль в своей поэтической судьбе он отводил Марине Цветаевой. Она первая не только одобрила его стихи, но и дала им проницательную оценку, а потом сделала для него то, чего не сделал никто другой: открыла ему дверь в свою поэтическую мастерскую.

Работая с его старыми рукописями, мы неожиданно обнаружили влияние на его творчество ещё одного поэта, о котором он никогда не упоминал. Поражает сходство некоторых датированных 1915 годом стихов Павла Антокольского с опубликованными несколькими годами ранее стихами Елизаветы Дмитриевой, известной под псевдонимом Черубины де Габриак. У неё он заимствовал целый фантастический мир: поэтические образы, персонажей, некоторые стихотворные строки³. Сходны и их биографии: каждый в раннем возрасте пережил потерю сестры – отсюда тема смерти в творчестве обоих, еще очень молодых людей.

А. Блок, В. Брюсов, М. Цветаева, Ч. де Габриак – это его современники литераторы, чей талант и творчество были для него образцом, у них он сознательно или невольно учился поэзии.

А к кому он обращался в своих стихах? Кому их посвящал? – Нередко родным: тёте Елене Павловне Антокольской (в замужестве Тархановой) – скульптору, дяде Льву Моисеевичу Антокольскому – художнику. Они – продолжатели богатой культурной традиции, идущей от их

³ См. стихотворения 1906-1910 годов: "Душа как инфанты поблекший портрет", "Она ступает без усилия...", "Червлёный щит в моём гербе...". // Черубина де Габриак. *Исповедь*. М. 1998. С.с.

общего предка, выдающегося скульптора Марка Матвеевича Антокольского.

Есть у его стихов и молодые адресаты. На первом месте, конечно, Ю.А. Завадский, ближайший друг тех лет. И часто встречаются на страницах рукописей имена тех, кто после революции либо ушёл в Белую армию, либо ухал в эмиграцию: Марина Цветаева, Сергей Гольцев, Юрий Серов, Владимир Алексеев, Евгений Кумминг. Таков круг общения молодого Антокольского: родные, далёкие от вспыхнувшей в стране революционной лихорадки и друзья, многие из которых предпочли чужбину и даже смерть жизни в большевистской России.

Не трудно заметить, что ни его учителя за исключением, пожалуй, В.Я. Брюсова, ни многие его друзья благонадёжными для новой власти не были. И это – не случайность. Большевики расценили как «классового врага» целый слой общества, в культурном отношении самый продуктивный. Не удивительно, что Антокольскому было интересно с такими людьми. И это не могло не отразиться на творчестве искреннего, открытого юноши. Нет сомнения: пояись ранние стихи Павла Антокольского в печати в 20-30-е годы, не избежать ему беды. Вот она, главная причина того, что он их крайне редко публиковал.

Итак, Павел Антокольский делал свои первые шаги в поэзии, учась у великих мастеров своего времени. Не хватало только любимого дела, благодаря которому он мог бы и сам состояться как личность и как поэт. Помог случай.

Однажды, зимним утром 1915 года он, уже студент второго курса юридического факультета, увидел на стене университетского здания объявление о приёме в драматическую студию. Он отправился туда, в Мансуровский переулок вблизи Арбата, в самом центре Москвы, и был зачислен в актёрскую труппу, которой руководил Евгений Багратионович Вахтангов. Студия вырастет в ярчайшее театральное явление своего времени, а впоследствии станет знаменитым театром им. Е. Вахтангова.

Для этой студии Антокольский написал три пьесы, среди них «Кукла Инфанты» (1916) и «Обручение во сне» (1917-1918). Главным энтузиастом их постановки был Юрий

Завадский, актер и художник. «Именно тогда в нем проснулся будущий потенциальный режиссер», – вспоминал позже Антокольский. Но у постановок была не слишком счастливая судьба – в бурные революционные годы они оказались неактуальными.

Последующие годы, несмотря на их тяжесть, были для Павла Антокольского необычайно плодотворны и полны интересных встреч. Рассказы об этих встречах составляют ценную часть автобиографической повести «Мои записки». Он написал о совместной работе с Е.Б. Вахтанговым, о своих товарищах по работе в театре, о дружбе с М.И. Цветаевой и Ю.А. Завадским, о А.Я. Таирове, с которым ему тоже пришлось поработать, о великих режиссерах В.Э. Мейерхольде и К.С. Станиславском.

В тридцатые годы он уже занимался по преимуществу литературной работой. В «Записках» нашла свое отражение история становления перевода поэзии национальных республик в бывшем Советском Союзе. П.Г. Антокольский был в числе основоположников этого направления. Рассказал он и о другом удивительном явлении тех лет – увлечении молодежи театром. Он вместе с женой Зоей Константиновной Бажановой, актрисой, как представители театра Е. Вахтангова возглавили один из таких молодежных театров в городе Горьком.

В то же время, как ведущий литературные семинары в Госиздате и литературном институте им. Горького, П.Г. Антокольский сплотил вокруг себя талантливую поэтическую молодёжь страны, стал учителем нескольких поколений поэтов, впоследствии заслуженно названных "цветом советской поэзии". О том, как зарождалась их дружба, как она крепла в годы второй мировой войны, не раз говорили другие: и его питомцы и историки, – но сам он, кажется, впервые – именно в своих "Записках".

Повесть «Мои записки» охватывает почти тридцать лет жизни автора: начинается с первой мировой войной и заканчивается в начале второй мировой войны. Однако ни в первоначальном виде, ни в полном объёме она никогда не публиковалась. Да и вряд ли это было возможно. «Мои записки» непринуждённые, откровенные, доверительные и к

тому же избылиуют, как и ранние стихи автора, политически некорректными именами и событиями, о которых в советской печати умалчивали. Особенно интересны первые две части. Они – дань друзьям молодости – некоторые из них покинули Россию и оказались надолго, а то и навсегда вычеркнутыми из истории русской культуры.

Повесть написана в июле 1953 года. За два месяца до этого умер Сталин. Связь между событиями несомненна. Завершился важный период истории, участником которого был и поэт Павел Антокольский. Складывается впечатление, что в этой повести он собирает воедино свою жизнь и личность – так переживший стихийное бедствие, когда самое страшное уже позади, ощупывает себя, проверяя цел ли. «А совесть у меня цела?», – словно спрашивает себя Павел Григорьевич и отвечает всем текстом своих воспоминаний: «Да, цела».

Жизнь П.Г. Антокольского совпала с бурной эпохой в жизни страны – эпохой, вместившей и большие надежды, и большой страх, и большие потери, и большое искусство. Всё это пришлось пережить и ему, всему он был сопричастен. Единственный сын погиб в бою, погиб от рук фашистских захватчиков в числе тех несчитанных миллионов, чьими жизнями страна заплатила за предательства и тупость своих вождей. В память о Володе Антокольский написал поэму "Сын", ставшую реквиемом по всем погибшим. За поэму он был удостоен Сталинской премии, но... второй степени. А вскоре развернулась политическая кампания против "космополитов" и гибель сына не защитила отца от нападков: его заклеили «буржуазным формалистом» и отлучили от поэзии⁴. Прошли годы, старый поэт получил и заслуженное признание и награды. Правда, награждали его скуповато – с оглядкой на подозрительное прошлое. И книги его публиковали умеренными тиражами. В советское время тиражи определялись не читательским спросом, а мнением начальства. Купить сборник стихов Антокольского в

⁴ *Против космополитизма и формализма в поэзии.* Статья в "Правде" секретаря партбюро ССР СССР Н.М.Грибачёва. 16.02.1949. // Фонд Александра Н.Яковлева. Документ № 113.

обычном книжном магазине было практически невозможно. Даже вышедший после смерти поэта сборник воспоминаний о нём имел очень скромный тираж – 30 тысяч экземпляров. Несмотря на то, что сборник пользовался большой популярностью и его быстро раскупили, разрешение на его переиздание получено от властей не было. Так никогда и не стал для властей своим поэт Павел Антокольский.

Его творческий путь начался в предреволюционной России. Он – свидетель русской революции и гражданской войны. Его стихи, написанные в тот трагический для отечества период, и последующие воспоминания о том времени, не увидели свет, подавленные царившей в стране политической цензурой, а вследствие этого и самоцензурой. Сегодня, когда происходит переосмысление советской эпохи, неизданные произведения одного из ярчайших её поэтов своевременны и важны.

П.Г. Антокольский сохранил свои старые рукописи как память о дорогом ему прошлом. И, может быть, он надеялся, что потомки в третьем тысячелетии, уже не опасаясь ни сталинских репрессий, ни брежневского застоя, беспристрастно прочтут его труды и найдут им подлинное место в русской поэзии. А нам хотелось бы, чтобы сегодняшние читатели поняли, как надломлен был многолетним страхом этот яркий и талантливый человек. И как много, несмотря ни на что, он сумел сказать.

Андрей Тоом, профессор математики Государственный
Университет Пернамбуко, Бразилия
Анна Тоом, профессор психологии,
Международный Университет Тридент, США

Павел Антокольский

Неизвестные и малоизвестные стихи

Есть много на земле занятий и профессий,
Есть много ангелов, архангелов, чертей,
Поющих петухом, кричащих о Прогрессе,
Лохматых стариков и стриженных детей.
Есть много ярмарок и сотни колоколен,
И тысяча разлук и груды всяких бед –

Так отчего же ты сегодня недоволен?
Чего же здесь ещё не понял ты, поэт?
Какой тебе звезды? Вокруг, вверху кипенье
Безмерной глубины. И по утрам светло.
Терпенье до конца – терпенье и терпенье.
Есть у тебя вино, душа и ремесло.
1915. Публ. впервые.

Л. Антокольскому

Мы живём. Мы проходим во сне
Мимо древних церквей, мимо башен,
Мимо ваших селений и пашен
И тоскуем о нашей стране.

О полях золотого Сарона,
О веках, что гремя отошли,
И о девушках, что умерли,
И о песнях царя Соломона.

Мы умрём. Мы пройдем мимо вас,
Как забытая вечность. Но каждый
Обернется взглянуть хоть однажды
В непроглядную мглу наших глаз.
Зима – весна 1916. Публ. впервые.

В Шестакову

Её глаза как два меча
Из крови и железа.
Коня пришпорив сгоряча,
Летит по Городу, крича, –
И в крике – Марсельеза.

Когда она кричит назад:
– Гей, кто нас ждет у входа?
Звончее песни, ярче взгляд
И гул народных баррикад
Ответствует: Свобода!

И, опьянев как от вина
В её кровавом свете,
Испепелённая страна

Главу склоняет, влюблена
В любовницу столетий.
Зима-весна 1916. Публ. впервые.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Пречистая Дева над нами
Возникнет во мраке пустынь.
Печальное мужество – знамя.
Навеки веков – Аминь.

На севере грезят спокойно
Соборы и раки святых,
И говор народа нестройный
В тавернах и замках затих.

И с севера ветер нагонит
Осенних и жалобных птиц,
И встанет, как вождь, и застонет,
И сдвинет громады бойниц.

И там, у гробницы Танкреда,
Услышав бескрылый набат,
Холодная злая победа
Оглянется, плача, назад.
Весна 1916. Публ. впервые.

Я вынул из подвала ржавый меч,
Картонный шлем на глупый лоб надвинул
И вышел в путь искать весёлых встреч,
Как это подобает паладину.

И хлещет дождь. И бьётся за спиной
Пустая и дырявая котомка.
А на груди – цветочек полевой,
Печальный герб, понятный и ребёнку.

Вы встретили меня у фонаря,
Когда ушли от сумрачной обедни.
О, жизнь моя! О, нищая заря!
Пустые, романтические бредни.

Весна 1916. Публ. впервые.

Странное бремя дала мне судьба.
Это не серп и не заступ раба.
Это не меч, и не крест, и не лук,
Даже не флейта – серебряный друг.

Мечется что-то в ночной тишине.
Чается что-то в седой старине.
Пёстрое, глупое платье шута.
Алые, злые, кривые уста.

Детская кукла и отблеск ножа.
Просьба о чуде и крах мятежа.
Странное бремя... Как будто во мне
Тысячи глаз, незакрытых во сне.

Тысячи жизней и тысяча ран.
Тысячи копий, пронзивших туман.
Тысячи добрых и злых голосов,
С дикою песней идущих на зов.
Весна 1916. Публ. впервые.

Как древле венецийский дож
Кидал кольцо, залог безмолвный
В Адриатические волны,
Обуздывая их кутёж.
Как в дни разбитых баррикад
Измученные демагоги
Витийствовали на дороге,
Ведущей в тот же старый ад.
Так ныне, в первый день весны,
Весны Семнадцатого года,
Я в криках уличного сброда
Твои пытаю глубины.
Безграмотный гром телеграмм,
Вой человеческого моря,
Вы, жилистые руки горя,
Беззубый рот, кровавый шрам.
Ты - первый встречный человек,

На том углу, в четыре ночи,
Вы - ненавидящие очи, -
Благословляю вас навек.
Осень 1916-1917. Публ. впервые.

Кн. Е.П.Тархановой

И вот она, о Ком мечтали деды
И шумно спорили за коньяком,
В плаще Жиронды, сквозь снега и беды
Вломилась к нам с опущенным штыком.

И призраки гвардейцев-декабристов
Над снеговой, над пушкинской Невой
Ведут полки под переклик горнистов,
Под зычный вой музыки боевой.

Сам Император в бронзовых ботфортах
Позвал тебя, Преображенский полк,
Когда в разливах улиц распростёртых
Лихой кларнет метнулся и умолк.

И вспомнил Он, Строитель Чудотворный,
Внимая петропавловской пальбе,
Тот сумасшедший, странный, непокорный,
Тот голос памятный: *Ужо Тебе*.
Март-апрель 1917⁵.

ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ

Россия! Жги посады и деревни!
Я слышу – вновь
Глухим ключом, ключами были древней
Взыграла кровь.
Я – Твой Царевич, венчанный судьбиной.
Я идиот.
Из Кракова, из Пскова – ястребиный
Слежу полёт.
И снится мне Московская Держава,
Мой страшный путь.

⁵ Благодаря этому стихотворению осенью 1917 произошло знакомство автора с М.И. Цветаевой.

И Царь Иван костыль златой и ржавый
Вонзает в грудь.

Явленный лик из Голубиной книги –
Мой маестат.

Гудят Кремли во сретенье расстриги,
Кнуты свистят.

Анафема! Престольный звон вечерни!

Панна! Прости –

Мой выколотый глаз над воем черни,

Мой свет в пути.

Осень 1917. Публ. впервые.

А. Керенскому

Это верный оплот и награда.

Это – каменный герб Петрограда.

Это – Бирона гнусный каприз.

Это – тройка, летящая вниз

Под ямщицкую пьяную песню.

Это веянье утра: воскресни!

Это голос, безумный от спазм.

Это сорванный энтузиазм.

Это ветер на отмели Невской.

Это злой и святой Достоевский.

Выходи же, Керенский, на смотр.

Ты нам меч. Ты нам Спас. Ты нам Пётр.

Июль 1917. Публ. впервые.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Величанный в литургиях голосистыми попами

С гайдуком, со звоном, с гиком мчится в

страшный Петербург,

По мостам, столетьям, вёрстам мчится в прошлое

как в память

И хмельной фельдъегерь трубит в крутень

пустозвонных пург.

Самодержец Всероссийский! Что это? Какой державе

Сей привиделся курносый и картавый самодур?

Или скифские метели, как им приказал Державин,

Шли почётным караулом вокруг богоподобных дур?

Или, как звездой мальтийской, он самой судьбой

отравлен,
Или каркающий голос сорван в мировой войне,
Или взор осатанелый остановлен на кентавре
Фальконетовом, иль пляшет хвост косице на спине?
Нет, ещё не всё пропало, – бьёт Судьбу иная карта,
Станет на дыбы Европа рёвом полковых музык!
Нет, ещё не всё известно, отчего под выюгой марта
Он империи и смерти синий высунул язык.
Зима-весна 1918

А. Ф. Керенскому

Дрожит рука в тугой перчатке.
Народ – глазеет на балкон –
На эшафот победы шаткий,
Где красным палачом – закон.
Глаза Отрепьева. Отрывист
Твой бред, растоптанный судьбой,
Врастающий, летящий вырасти
Хлыстом и свистом за тобой.
Россия – там. Как будто горло
Зажато клокотаньем спазм.
Как будто – площадь распростёрла
Тебе свой плащ – энтузиазм!
Ступай – лети – не спи ночами –
На фронт – на гибель – в Петроград.
Не за твоими ли плечами
Бежавший Армии парад.
Не за твоей ли наглой славой,
Свистя в расколах финских скал,
Конь Фальконета медно-ржавый
Вниз по проспектам доскакал.
Или, быть может, в наши годы
Вломился за тобой, лжецом,
Со шхуны на делёж Свободы
Тот Шкипер с бешеным лицом.
И бьёт озноб. Поют солдаты.
Россия – Там. Она глядит
Под плетью Заработной Платы
Гудками дикими галдит.

И сорван флаг под ветром серым...
Там – в Минске, на Дону – для нас
Над безымянным Офицером
Штандарт развёрнут... В добрый час!
Лето 1918. Публ. впервые.

Петербург. Арка Штаба разбита.
Дует ветер над серой Невой.
Только цокают в полночь копыта
По торцовой сухой мостовой.
И в каналах в гранитные глыбы
Бьется проседь понтонной реки.
И в садках заморожены рыбы.
И на верфи бушуют станки.
Там – Путилово, Сормово, Тула...
Там – ремни приводные снуют.
Там – как флейты ружейные дула
Отвечают на пушек салют.
Там – слезящийся глаз карборунта
Крик из глотки заводов исторг,
Будто радиус Красного Бунта
Размахнется в Берлин и в Нью-Йорк.
В центре Города – с треском петарды
Рассыпаются тени карет.
Августейшие кавалергарды
Прозевали фельдмаршальский бред.
Смотрят вверх площадей истуканы,
Видят – флаг, а на флаге – орла.
Как последней попойки стаканы,
Эрмитажа звенят зеркала.
Не глухим гренадёром разбужен,
Не прощён и солдатским штыком,
Павел Первый на призрачный ужин
Входит с высунутым языком.
И, вставая сиреной Кронштадтской,
Льётся бронзовый грохот Петра –
Там, где с трубками, в буре кабацкой,
Чужестранные спят шкипера.
Лето 1918

Марине Цветаевой

Пусть варвары господствуют в столице
И во дворцах разбиты зеркала, –
Доверил я зашифрованной странице
Твой старый герб девический – орла.

Когда ползли из Родины на Север
И плакали ночные поезда,
Я судорожно сжал севильский веер
И в чёрный бунт вернуться опоздал.

Мне надо стать лжецом, как Казанова,
Перекричать в палате Мятажей
Всех спорщиков – и обернуться снова
Мальчишкой и глотателем ножей.

И серебром колец, тобой носимых,
Украсить казнь – чужую и мою, –
Чтобы в конце последней Пантомимы
Была игра разыграна вничью.
И в новой жизни просвистит пергамент,
Как тонкий хлыст по лысым головам:
Она сегодня не придет в Парламент
И разойтись приказывает вам.

1918

Черна, как бывают колодцы черны.
Черна глубиной, искажающей сны.
Так Еврейская Кровь начинается.
Струится к Двадцатому Веку и мстит,
Чтоб не был я мёртвым, который не спит,
А простым пастухом. Та ночная,
Ночная пучина, как имя сестры,
Когда-то в Гренаде вела на костры
И в кудрях вырастала рогами.
Костры отпылали. Синай отгремел.
Я огненных книг и читать не умел.
Потому мы и стали врагами.
С какой же неправдой, горбатый двойник,
Из мглы синагог ты в мой разум проник

Иль правдой какой ты владеешь?
Ты, имя предавший ветрам Элоим,
Зачем ты глазам воспалённым моим
Слишком поздно вернул Иудею?
1919. Публ. впервые.

Силезские ткачи и рудокопы Уэльса
На верфях, в рудниках, перед упором дамб,
В чьих жилистых руках поют, как струны, рельсы,
Чьих глоток не забить гудящим городам, -
Вы, зачинатели наглее Бонапарта,
Вы, искупители божественной Христа.
Вот в маленьких флажках военных штабов карта –
Вот Европейский сад и ваша теснота.
Ваш старый год в огне. Агент Крезю и Круппа
Торгует под шумок Кёльнский собор за Реймс.
Об этом харкают в свой телефонный рупор
Вороны в котелках – ваш Фигаро и Таймс.
Пока им снится смерть – то не воздушных ко́ней,
Не мёртвой гвардии взыграли корпуса,
Но разворочены в распоротом Драконе
Утраты матерей и братьев голоса.
Размытая дождём в пустых траншеях падаль,
Обозы тракторов, обозы интендантств
Все камни, все гробá, весь мир не баррикада ль
Перед полком веков на площади пространств.
Парламент – крикунам. Бесплатный рай – аббатам.
По фунту стерлингов глотает биржевик.
Мы предлагаем вам на музыку набата
Перевести для них, что значит БОЛЬШЕВИК.
Европа рыцарей, пиратов и апашей –
Сей рухнувший собор за кольями веков.
Товарищи, пора! Она под песню вашу
С размаху двинула народов колесо.
Во имя всех детей и пыльных книг Оксфорда,
Во имя Разума и сердца Notre Dame –
Мы обнимаем вас. И мы целуем морды
Быкам, везущим хлеб голодным городам.
1919. Публ. впервые.

ПОСЛЕДНИЙ

Над роком. Над рокотом траурных маршей,
Над конским затравленным скоком.
Когда ж это было, что призрак монарший
Расстрелян и в землю закопан?

Где чёрный орёл на штандарте летучем
В огнях черноморской эскадры?
Опущен штандарт, и под чёрную тучу
Наш красный петух будет задран.

Когда гренадёры в мохнатых папах
Шагали – ты помнишь их ропот?
Ты помнишь, что был он как пороха запах
И как «на краул» пол-Европы?

Ты помнишь ту осень под музыку ливней?
То шли эшелоны к границам.
Та осень! Лишь выдох маршей росли в ней
И встали столбом над гранитом.

Под занавес ливней залиvistых проседей
Закрыла военный театр.
Лишь стаям вороньим под занавес бросить
Осталось: «Прощай, император!»

Осенние рощи ему салютуют
Свистящими саблями сучьев.
И слышит он, слышит стрельбу холостую
Всех вахту ночную несущих.

То он, идиот подсудимый, носимый
По серым низинам и взгорьям,
От чёрной Ходынки до жёлтой Цусимы,
С молебном, гармоникой, горем...

На пир, на расправу, без права на милость,
В сорвавшийся крутень столетья
Он с мальчиком мчится. А лошадь взмолилась,
Как видно, пора околеть ей.

Зафыркала, искры по слякоти сея,
Храпит ошалевшая лошадь.

.....
– Отец, мы доехали? Где мы? – В России.

Мы в землю зарыты, Алёша.

1919

ПЁТР ПЕРВЫЙ

В безжалостной жадности к существованью,
За каждым ничтожеством, каждую рванью
Летит его тень по ночным городам.
И каждый гудит металлический мускул
Как колокол. И, зеленеющий тускло,
Влачится классический плащ по следам.

Он Балтику смерил стальным глазомером.
Горят в малярии, подобны химерам,
Болота и камни под шагом ботфорт.
Державная воля не знает предела,
Едва поглядела – и всем завладела.
Торопится Меншиков, гонит Лефорт.

Огни на фрегатах. Сигналы с кронверка.
И льды как ножи. И, лицо исковеркав,
Метель залилась – и пошла, и пошла...
И вот на рассвете пешком в департамент
Бредут петербуржцы, прильнувшие ртами
К туманному Кубку Большого Орла.
И снова – на финский гранит вознесённый –
Второе столетие мчится бессонный,
Неистовый, стужей освистанный Пётр,
Чертёжник над картами моря и суши,
Он грóбит ревизские мёртвые души,
Торопит кладбищенский призрачный смотр.

1921 (1966)

Окружён со всех сторон
Город карканьем ворон.
Он тревожен, оттого что
Есть в нём радио и почта.

Слышу, слышу мощный гул!
Так в начале нашей эры
Изучали артикул
Лейб-гвардейцы офицеры.

На полях военных карт
И на олове кокард
Отчеканен символ славы –
Зверь державный и двуглавый.

Мы опять пришли домой –
В черноту тюрьмы военной.
Государство, идол мой! –
Ключ-замок обыкновенный!

Я следил, как тонны тьмы
Ты в людские льёшь умы
После выпитых бутылок,
Общих фраз и пуль в затылок.

Я давно облюбовал
Час, когда в комендатурах
Гонят истину в подвал,
Оставляют совесть в дурах.

Сколько лет, сколько зим
Был твой зов неотразим!
Сколько осеней и вёсен
Был он ясен и несносен!

Сколько штук тупых штыков,
Туш, распяленных на крючьях,
Сколько смерти! Вот каков
Идол наших слёз горячих.

Брось в клозет газетный вздор!
Чёрной ночи коридор
Полон, как пристало ночи,
Перестуком одиночек.

Государство, склад камней,

Свалка, кладбище, разруха, –
Ты приставлено ко мне,
Как фискала глаз и ухо.
1929. Опубл. впервые в 1989.

ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ

И тогда подошла к нам, желта как лимон,
Та старушка восьмидесяти лет,
В кацавейке, в платке допотопных времен –
Еле двигавший ноги скелет.
Синеватые пряди ее парика
Гофрированы были едва,
И старушечья, в синих прожилках рука
Показала на оползни рва.

«Извините, я шла по дорожным столбам,
По местечкам, сожженным дотла.
Вы не знаете, где мои мальчики, пан,
Не заметили, где их тела?

Извините меня, я глуха и слепа.
Может быть, среди польских равнин,
Может быть, эти сломанные черепа –
Мой Иосиф и мой Веньямин...
Ведь у вас под ногами не щебень хрустел.
Эта черная жирная пыль –
Это прах человечьих обугленных тел», –
Так сказала старуха Рахиль.

И пошли мы за ней по полям. И глаза
Нам туманила часто слеза.
А вокруг золотые сияли леса,
Поздней осени польской краса.

Там травы золотой сожжена полоса,
Не гуляют ни серп, ни коса.
Только шепчутся там голоса, голоса,
Тихо шепчутся там голоса:

«Мы мертвы. Мы в обнимку друг с другом лежим.

Мы прижались к любимым своим,
Но сейчас обращаемся только к чужим,
От чужих ничего не таим.

Сосчитайте по выбоинам на земле,
По лохмотьям истлевших одежд,
По осколкам стекла, по игрушкам в золе,
Сколько было тут светлых надежд.
Сколько солнца и хлеба украли у нас,
Сколько детских засыпали глаз.

Сколько иссиня-черных остригли волос,
Сколько девичьих рук расплелось.
Сколько крохотных юбок, рубашек, чулок
Ветер по свету гнал и волок.
Сколько стоили фосфор, и кровь, и белок
В подземелье фашистских берлог.

Эти звёзды и эти цветы – это мы.
Торопились кончать палачи,
Потому что глаза им слепили из тьмы
Наших жизней нагие лучи.
Банки с газом убийцы истратили все.
Смерть во всей её жалкой красе
Убегала от нас по асфальту шоссе,
Потому что в вечерней росе,
В трепетанье травы, в лепетанье листвы,
Очертанье седых облаков –
Понимаете вы! – мы уже не мертвы,
Мы воскресли на веки веков.
1944.⁶

⁶ Стихотворение написано Антокольским под впечатлением от поездки в 1944 г. в польскую деревню Собибор, где с 15 мая 1942 по 15 октября 1943 действовал организованный нацистами концентрационный лагерь, в котором было уничтожено около 250 тысяч евреев. По материалам, полученным в поездке, П.Г. Антокольским и В.А. Кавериним, был также написан очерк «Восстание в Собиборе» (см. Зн, №4, 1945), вошедший в «Чёрную книгу» военных репортёров Красной армии И.Г. Эренбурга (1891-1967) и В.С. Гроссмана (1905-1964) – о геноциде еврейского

ВСЁ КАК БЫЛО

Эти мокрые избы что гнёзда вороньи,
Эти голые сучья что розги черны.
Эта осень что вражьи войска в обороне
В подмосковном селе, в самом сердце страны.

Так сойди с фонарём по скрипучим ступеням,
Двери настезь – и прямо в ненастную тишь,
Но с каким сожаленьем, с каким упоеньем
Ты на бедной земле напоследок гостишь.

Всё как было. И снова к загадочным звёздам
Жадно тычется глазом глупец звездочёт.
Всё как было: твой мир окончательно создан:
И пространство недвижно, и время течёт.

Всё как было! Да только тебя уже нету,
Ты не юн, не красив, не художник, не бог,
Ненароком забрёл на чужую планету,
Оскорбил её кашлем и скрипом сапог

Припади к ней губами, согрей, рассмотри хоть
Этих мелких корней и травинок черты.
Если даже она твоя смертная прихоть,
Всё равно она мать, понимаешь ли ты?
Расскажи ей о горе своём человечьем –
Всех, кого схоронил ты, земля сберегла.
Всё как было. С тобою делиться ей нечем.
Только глина да пыль у неё, да зола.
28 октября 1945. Опубл. впервые в 1982.

НЕВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

1.

Пошла в размол субстанция Спинозы,
Развеян прах Эйнштейновой звезды.
Бесшумные песчаные заносы
Засасывают смутные следы.

народа на территории СССР и Польши в годы второй мировой войны.

Лишь кое-где торчат протезы нищих,
Обрывки шёлка и куски стекла.
А на седых, как время, пепелищах
И впрямь как будто вечность протекла.

Чего ж ей медлить? Плевелы отваяв
И урезонив праздные умы,
Она исправит главы от Матфея
Коварным толкованием Фомы.

И ты, ровесник страшного столетья,
Ты, человек сороковых годов,
Исполосован памятью, как плетью,
И впрямь на старость мирную готов?

Ты любишь слабый свет настольной лампы
И на коротких волнах гул земли...
Куда же эти сумрачные ямбы
Тебя на страх домашним завели?

Ну так всмотришься же зорче напоследок,
Прислушайся к подземным голосам!
Ты сам дикарской трапезы объедок,
В лоскутках кожи выдублен ты сам.

Не вздумай же отделаться насмешкой
От свежеперепаханных траншей.
И если вышел в путь, смотри, не мешкай!
Последний перевал – ещё страшней.

2.

Кончаются расправы и облавы.
Одна лишь близость кровного родства
Темней проклятья и светлее славы.
Проклятья или славы – что сперва?

Теряются следы в тысячелетних
Скитаньях по сожжённым городам.
В песках за Бабым яром, в чёрных сплетнях,
На чёрных рынках, в рухляди, – а там

Прожектора вдоль горизонта шарят,
Ползут по рвам, елозят по мостам.
Юродствует ханжа, трясётся скарред
И лжесвидетель по шпаргалке шпарит...
А где-то жгут, дробят, кромсают, жарят,
Гноят за ржавой проволокой, - а там

Нет и следов, - ни в городах Европы,
Ни на одной из мыслимых планет,
Ни в чёрной толще земляной утробы,
Ни в небе, ни в аду их больше нет.

Лежит брусками данцигское мыло,
Что выварено из костей и жил.
Там чья-то жизнь двумя крылами взмыла
И кончилась, чтоб я на свете жил.

Чья жизнь? Чья смерть бездомна и бессонна?
В венце каких смолистых чёрных кос,
В каком сиянье белого виссона
Ступила ты на смертный тот откос?

Прости мне три столетия опоздания
И три тысячелетия немоты!
Опять мы разминулись поездами
На той земле, где отпылала ты.

Дай мне руками прикоснуться к коже,
Прильнуть губами к смуглому плечу, –
Я всё про то же, – слышишь? – всё про то же,
Но сам забыл, про что же я шепчу...

Мой дед-вятель ждал тебя полвека,
Врубаясь в мрамор маленьким резцом,
Чтоб ты явилась взгляду человека
С таким вот точно девичьим лицом.

Ещё твоих запястий не коснулись
Наручники, с упрямицей борясь,
Ещё тебя сквозь строй варшавских улиц
Не прогнала шпицрутенами мразь.

И колкий гравий, прах костедробилок
Тебе не окровавил нежных ног,
И злобная карга не разрубила
Жизнь пополам, прокаркав «Варте нох!»

Не подступили прямо к горлу комья
Сырой земли у страшных тех ворот...
Жить на Земле! Что проще и знакомей,
Чем чёрный хлеб и синий кислород!

Но что бы ни сказал тебе я, что бы
Ни выдумал страстнее и святей,
Я вырву только стебель из чащобы
На перегное всех твоих смертей.

И твой ребёнок, впившийся навеки
Бессмертными губами в твой сосок,
Не видит сквозь засыпанные веки,
Как этот стебель зелен и высок.
Охрипли трубы. Струны отзвучали.
Смычки сломались в пальцах скрипачей.
Чьим ты была весельем? Чьей печалью?
Вселенной чьею? – Может быть, ничьей?

Очнись, дитя сожжённого народа!
Газ, или плётка, иль глоток свинца, -
Встань, юная! В делах такого рода,
В такой любви – не может быть конца.

В такую ночь безжалостно распахнут
Небесный купол в прозелени звёзд.
Сверкает море, розы душно пахнут
Сквозь сотни лет, на сотни тысяч вёрст.

Построил я для нашего свиданья
Висящие над вечностью мосты.
Мою тревогу слышит мирозданье.
И пышет алым пламенем.
А ты?

3.

Как безнадёжно, как жестоко

Несётся время сквозь года.
Но слитный гул его потока
Звучит. ЗАПОМНИ НАВСЕГДА.

Он каждой каплей камень точит.
Но только ты выходишь в путь –
Всё безнадежней, всё жесточе
Звучит: ЗАБУДЬ, ЗАБУДЬ, ЗАБУДЬ.

1946

Мы в Истории вычеркнем это и то,
Соскребём и подчистим и строки и сроки.
Мы возьмём на засов, что свинцом залито,
Что зарыто лопатой у края дороги.

Нет, не в памяти твёрдой, не в здоровом уме,
Но послушно, старательно, как рядовые,
Задохнёмся в любой удушающей тьме
И родимся на свет, коли надо, впервые.

Что случилось? Кто помнит? Кто смеет посметь?
Начинайся сначала, бессмертная смена!
Не звонила в набат колокольная медь,
Не скликала она мертвецов поименно.

Только за ноги павших у нас волокут,
Только в пропасть бросают, в шальную пучину,
И трепещет под ветром кровавый лоскут,
Красный флаг, означающий первопричину.

Продолжается жизнь. Революция-Мать
Продолжает строптивное, страшное дело.
А чего не доделала, недоглядела, –
То временно. Это не грех и сломать.
1953. Публ. впервые.

СНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Сны возвращаются из странствий.
Их сила только в постоянстве.
В том, что они уже нам снились
И с той поры не прояснились.

Из вечной ночи погребённых
Выходит юноша-ребёнок,
Нет, с той поры не стал он старше,
Но, как тогда, устал на марше.

Пятнадцать лет не пять столетий.
И кровь на воинском билете
Ещё не выцвела, не стёрта.
Лишь обветшала гимнастёрка.

Он не тревожится, не шутит,
О наших действиях не судит,
Не проявляет к нам участия,
Не предъявляет прав на счастье.

Он только помнит, смутно помнит
Расположенье наших комнат,
И стол, и пыль на книжных полках,
И вечер в длинных кривотолках.
Он замечает временами
Своё родство и сходство с нами.
Своё сиротство он увидит,
Когда на вольный воздух выйдет.
1957

Мы все - лауреаты премий,
Врученных в честь него,
Спокойно шедшие сквозь время,
Которое мертво.

Мы все, его однополчане,
Молчавшие, когда
Росла из нашего молчанья
Народная беда.

Таившиеся друг от друг
Не спавшие ночей,
Когда из нашего же круга
Он делал палачей,

Для статуй вырывшие тонны
Всех каменных пород,
Глушившие людские стоны
Водой хвалебных од, –

Пускай нас переметит правнук
Презреньем навсегда,
Всех одинаково как равных –
Мы не таим стыда.

Да, очевидность этих истин
Воистину проста!
Но нам не мертвый ненавистен
А наша слепота.

1956. Впервые опубл. в 1997.

Я не хочу судиться с мертвецом
За то, что мне казался он отцом.
Я не могу над ним глумиться,
Рассматривать его дела в упор
И в запоздалый ввязываться спор
С гробницей – вечную темницей...

Я – сотрапезник общего стола,
Его огнём испепелён дотла,
Отравлен был змеиным ядом.
Я, современник стольких катастроф,
Жил-поживал, а в общем жив-здоров.
Но я состарился с ним рядом.

Не шуточное дело, не пустяк –
Состариться у времени в гостях,
Не жизнь прожить, а десять жизней –
И не уйти от памяти своей,
От горького наследства сыновей
На беспощадной этой тризне.

Не о себе я говорю сейчас!
Но у одной истории учась
Её бесстрастному бесстрашью, -
Здесь, на крутом, на голом берегу,

Я лишь обрывок правды сберегу,
Но этих слов не приукрашу.
1956. Впервые опублик. в 1997.

Как они бесприютны, угрюмы, понуры,
Как невесело щурятся навеселе,
Слесаря, столяры, маляры, штукатуры
В самом сердце страны, в подмосковном селе.

Что их гнёт и гнетёт и под ветром сгибает
И к земле пригибает ненастной порой?
Отчего каждый третий из них погибает
И с поличным в милиции каждый второй?

Не уроды, не выродки... мощной породы,
Плечи в сажень, осанка тверда и горда, -
Отрицатели бога, владыки природы,
Поколение, понесшее знамя труда!
Они были цементом в решающих планах,
Ураганным огнём у речных переправ...
Погляди – разве нет у них орденских планок,
Зарубцованных ран, государственных прав?

Мы писали стихи на торжественный случай,
Потрясали сердца, вызывали слезу...
Ну так вот же она под свинцовою тучей,
Вся как есть - вся Россия теснится внизу.

Так пройдем по дорогам, по глинистым спускам,
Где трёхтонки буксуют на всяком шоссе,
Где за мокрыми избами, на поле русском
Она песни поёт в затрапезной красе.

Где в дощатом бараке, в сыром общежитье
Заливается за полночь бедный баян...
– Выдь на Волгу, чей стон раздаётся, – скажите,
по какой он причине печален и пьян?

Что, товарищ, неладно, – скажи ради бога,
В славном стане трудящихся в нашей стране?
Но товарищ молчит и вздыхает глубоко.

Он не слышит. Он, видно, стоит в стороне.

Или нынче гражданская скорбь неуместна?

Или в моде опять барабан и труба?

Или слишком нелестно и слишком известно?

Или зренье не зорко и кожа груба?

Пусть потупятся Музы, продажные шкуры,

Опротивело мне избегать ваших глаз –

Слесаря, столяры, маляры, штукатуры –

Настоящие люди, трудящийся класс.

1957. Публ. впервые.

Александр Лейзерович «Еврейские мелодии» и «Испанцы» М. Лермонтова Лето 1830 года в Середниково

Лето 1830 года пятнадцатилетний Мишель Лермонтов (шестнадцать ему исполнилось лишь в октябре) провёл “на даче” – в подмосковном имении Середниково. Потом, в 1869 году, оно сменило владельца и было переименовано в Фирсановку, а тогда принадлежало Дмитрию Алексеевичу Столыпину, брату бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Лермонтов только что вышел из московского Благородного пансиона и подал прошение о зачислении в Московский университет, а тем временем читал, занимался самообразованием и писал стихи в огромных количествах: этим годом помечено около ста лермонтовских стихотворений – в основном типично юношеских, во многом несовершенных, но с явным отпечатком таланта.

Из обитателей близлежащих усадеб сложилась компания молодёжи, в основном хорошо знакомой Лермонтову по Москве. В том году дачное сообщество пополнилось Катю Сушковой - “петербургской модницей”, как её шутя аттестовала кузина Лермонтова - Саша Верещагина. Именно у Верещагиных произошло знакомство Сушковой с Лермонтовым. Спустя много лет, в своих Записках она вспоминала: “У Сашеньки встречала я в это время её двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати с красными, но умными, выразительными глазами, со вздёрнутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой”.

Сушкова была на два года старше Лермонтова и очень хороша собой, особенно – большие чёрные глаза.

Лермонтов пылко увлёкся красавицей, но она отнеслась к нему снисходительно-пренебрежительно: “Мне восемнадцать лет, я уже две зимы выезжаю в свет, а вы ещё стоите на пороге этого света и не так-то скоро его перешагнёте”. Лермонтов старательно пытался уверить и самого себя, и восемнадцатилетнюю “романтическую старушку” в своём, если не равнодушии, то, во всяком случае, полном самообладании, хладнокровии. Получалось это далеко не всегда.

Автограф стихотворения Лермонтова «Стансы» с портретом Е.

Сушковой, 1830.

Из стихотворения СТАНСЫ:

....Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал -
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой...

Осенью Сушкова уехала в Петербург, и в прощальном стихотворении Лермонтов снова пытался разобраться в своих чувствах.

К СУ[ШКОВОЙ]

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор –
Не билось сердце у меня.
И что ж?- разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю - зачем скрывать!
Однако же хоть день, хоть час
Ещё желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

Снова они встретились только через четыре года, уже в Санкт-Петербурге. За это время Лермонтов успел пережить романтическую влюблённость в Нину Фёдоровну Ива́нову (её инициалы Н.Ф.И. были расшифрованы Ираклием Андронниковым), потом произошла встреча после долгой разлуки с вернувшейся в Москву Варей Лопухиной, и любовь к ней вытеснила прежние юношеские увлечения. С января 1831 году Лермонтов начал посещать занятия в Московском университете, но, увлечённый литературным творчеством, проявил себя не слишком усердным студентом и в июне 1832 года был отчислен из университета "по домашним обстоятельствам". Осенью того же года благодаря хлопотам бабушки и ходатайству влиятельных родственников он был зачислен в привилегированную Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на правах вольноопределяющегося унтер-офицера Лейб-гвардии Гусарского полка. В декабре был произведен из унтер-офицера в юнкера.

Первый завершённый драматический опыт Лермонтова

Но вернёмся к лету 1830 года. Лермонтов писал не только стихи, обращённые к Сушковой. В те же месяцы

была написана пятиактная романтическая трагедия под названием «Испанцы» – его первый завершённый драматический опыт и, в то же время, первая романтическая трагедия в русской литературе, впитавшая влияние немецкой драмы Шиллера и Лессинга и английской романтической поэзии Вальтера Скотта и Джорджа Байрона. Впервые содержание трагедии было пересказано и отрывки из неё опубликованы в 1857 году С.Д. Шестаковым в статье «Юношеские произведения Лермонтова» в журнале Русский вестник, а полностью трагедия была впервые напечатана в 1880 году в издании Юношеские драмы М.Ю. Лермонтова.

А. Чельшев. Портрет Лермонтова-юнкера, 1830-е гг.

Само обращение Лермонтова к испанской теме было неслучайным. В начале XIX века интерес к Испании в России подогревался сопротивлением испанцев Наполеону и ещё более вырос в связи с испанской революцией 1820 года, начавшейся с военного выступления в Кадисе армейских офицеров во главе с генералом Риго, вынудивших испанского короля Фердинанда VII восстановить демократическую конституцию 1812 года и сформировать конституционное правительство. Пушкин писал: “За Пиренеями давно ль судьбой народа /Уж правила свобода, И самовластие лишь север укрывал...” В 1823 году французская армия, поддерживаемая державами Священного Союза, вторглась в Испанию и восстановила абсолютную монархию, Риго был казнён.

У Лермонтова был ещё и свой личный интерес ко всему, связанному с Испанией. Вообще-то, Лермонтов считал свой род восходящим к шотландскому барду XIII века Томасу Лермонту из Эркельдуна по прозвищу Том Рифмач. В 1613 году пленный поручик польской службы Георг Лермонт, поступил на службу к русскому царю Михаилу Фёдоровичу, перешёл в православие и, получив имя Юрия Андреевича, стал родоначальником русской дворянской фамилии Лермонтовых. Любопытно, что и Байрон считал себя потомком Тома Рифмача, но по женской линии – в XVI веке королевский адвокат Гордон Байрон женился на Маргарет Лермонт. Лермонтов этого не знал, а то бы, наверно, был горд родством. Но, не довольствуясь семейным преданием о шотландских предках, Лермонтов связывал свою фамилию также с титулом герцога Лермы – могущественного испанского государственного деятеля рубежа XVI и XVII веков.

Рисунок М. Лермонтова «Испанец», 1830

Мало того, что гипотетическое происхождение от герцога Лермы напрочь перечёркивало всю шотландскую линию генеалогического древа Лермонтовых, но, кроме того, это была чистойшей воды ничем не подкреплённая фантазия. Тем не менее, Лермонтову почему-то льстила идея причастности к знатному испанскому роду, и среди лермонтовских рисунков 1830-х годов много навеянных испанской тематикой. Пристрастие к ней отразилось и в выборе места действия и сюжета трагедии «Испанцы».

Трагедии предпослано Посвящение. Судя по времени написания, ни к кому другому, кроме Сушковой, оно не могло быть обращено, но его содержание плохо вяжется с тем, что мы знаем об их отношениях, и у лермонтоведов так и не сложилось единого мнения о том, кто был адресатом Посвящения. Но если допустить, что Посвящение было написано несколько позже основного массива текста драмы, то можно полагать его адресованным Варе Лопухиной. В пользу этого предположения говорит и явное сходство Эмилии, героини трагедии, на лермонтовском рисунке с Варей Лопухиной на лермонтовском же акварельном портрете.

Два акварельных рисунка М. Лермонтова: иллюстрация к «Испанцам» и портрет Вари Лопухиной

Но возникает вопрос – как же это мы, так прилежно учившиеся в советской школе и почитавшие Лермонтова чуть ли не вровень с Пушкиным, никогда не слышали о его пьесе «Испанцы» и не читали её? Почему в солидных лермонтовских изданиях в разделе «Драмы» обычно печатаются «Странный человек», написанный всего на год позднее, и «Маскарад», а «Испанцев» там и на дух нет? Нет, конечно, в Собраниях Сочинений Лермонтова пьеса эта печаталась, но - в Приложениях, к которым обращаются разве что литературоведы. В наши дни она выложена в интернете[1].

Полагать, что это просто несовершенное юношеское произведение, не заслуживающее внимания “массового” читателя, было бы не совсем справедливо. Во многих жизнеописаниях поэта об этой его пьесе нет вообще ни слова, но если уж она упоминается, то только с весьма высокими оценками вроде “одно из значительных произведений русской романтической драматургии 1830-х годов, представляющее собою важный этап в творческом развитии Лермонтова”. Зато далее она описывается совершенно невнятно - например: “в этой трагедии Лермонтов поднял вопросы общественной нравственности” или “гуманистический пафос трагедии тесно связан с прогрессивными литературными традициями, как русскими, так и западноевропейскими”. Так в чём дело? В Лермонтовской энциклопедии, вышедшей в 1981 году, в отдельной статье, посвящённой «Испанцам»[2], сообщается, что Лермонтов “явился продолжателем декабристских традиций, протестуя против сословных и национальных предрассудков, изуверства церковников, против ложных общественных норм. Обострённая обличительная тенденция трагедии Лермонтова имеет общие корни с его политической лирикой. В центре - романтический герой, наделённый мятежной энергией сопротивления. Сила духа, верность высоким идеалам ставят <его> в один ряд с теми образами, в которых проявилась мечта поэта о героической личности...” Вряд ли из этих тирад можно извлечь что-нибудь путное о содержании и направленности трагедии.

Причина подобных игр становится ясна уже при обращении к Списку действующих лиц, следующему в лермонтовской рукописи непосредственно за Посвящением. Читаем: “Дон Алварец, дворянин испанский; Эмилия, дочь его; Донна Мария, мачеха её; Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алварецом; Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции; Доминиканец, приятель Соррини; Моисей, еврей; Ноэми, дочь его; Сара, старая еврейка; испанцы, бродяги, подкупленные патером Сорринием; жида и жидовки, служители инквизиции, слуги Алварца, слуги Сорриния, народ, гробовщики”. Невольно обращает на себя внимание, что Лермонтов именуется Моисея

и Сару евреями, тогда как, вообще-то, русские писатели того времени, даже далёкие от малороссийской и польской традиций, обычно использовали пренебрежительно-презрительное слово “жид”, при том что именным указом Екатерины II от 10 марта 1785 года было высочайше предписано вывести из обращения это слово, употребляя вместо него “еврей”.

«Испанцы». Иллюстрация Г.Н. Петрова, 1940

Был ли Лермонтов скрытым евреем или хотя бы филосемитом?

Тому факту, что, как пишет Савелий Дудаков[3], Лермонтов “был намного сдержаннее по отношению к еврейству, чем его современники”, лермонтовскому, так сказать, “филосемитизму” некоторые исследователи не могут найти иного объяснения, кроме скрытого еврейства самого Лермонтова. Якобы в действительности биологическим отцом Лермонтова был французский еврей Ансельм Леву́, домашний врач бабки поэта – Арсеньевой, и ссоры между родителями поэта, одна из которых кончилась тем, что Юрий Петрович ударил Марию Михайловну, что

привело к фактическому разрыву между ними и её болезнью, ставшей фатальной, были обусловлены не столько легкомыслием и изменами отца, его увлечением некоей немкой-гувернанткой, как принято было считать в советском лермонтоведении, а совсем даже наоборот - неверностью матери поэта. Вспоминают и о “восточных чертах” внешности поэта, на которые обращал внимание Гончаров: “Тут был и Лермонтов... – смуглый, одутловатый юноша как будто восточного происхождения, с чёрными выразительными глазами”. В качестве “довода” в пользу лермонтовского “еврейства” используется даже его увлечение творчеством Рембрандта, также, как писал Леонид Гроссман, “испытывавшего неодолимую тягу ко всему еврейскому”.

Не вдаваясь в вопрос о супружеской верности или неверности Марии Михайловны, хочется лишь отметить, что мне кажется относящимся к делу только возможное или предполагаемое влияние “друга дома”, “учёного еврея” Ансельма Леви на формирование интересов и взглядов Лермонтова. Что же касается других соображений, то, по мне, они выглядят крайне неубедительными и, более того, абсолютно иррелевантными. Речь идёт ведь не о биологической, генной наследственности, не о каких-то врождённых склонностях, а о воспринятой системе ценностей и нравственных оценок. В этом плане важно, что, коли уж так, то Лермонтов был бы не только фактически незаконнорожденным с “еврейской кровью”, но должен бы и сам знать об этом. Это неизбежно нашло бы отражение в светских коллизиях Лермонтова. Однако свидетельств этого не существует.

В качестве противовеса версии исследователей, усматривающих особый филосемитизм Лермонтова, существует иная, на мой взгляд, более взвешенная и убедительная точка зрения, выраженная профессором Стэнфордского университета Габриэлой Сафран[4]: “Для образованного человека пушкинской поры еврейская тема находилась не просто на периферии сознания - она вообще не являлась и не могла являться предметом сколько-нибудь серьёзной рефлексии. Для пушкинских упоминаний о евреях

характерно, прежде всего, всякое отсутствие личного чувства и вообще какой бы то ни было индивидуальной окраски. Точно так же несамостоятелен в своих еврейских сюжетах и Лермонтов, чьи «Испанцы» заимствованы у Лессинга, а «Еврейская мелодия» – у Байрона. Называть его на основании этих произведений юдофилом столь же бессмысленно, как и записывать Пушкина в юдофобы. Евреи как таковые занимали обоих поэтов в одинаковой степени, то есть, по сути, не занимали вовсе. Лермонтов просто воспроизводил другие стереотипы, восходящие к западной просвещенческой и романтической традиции”.

Но, справедливости ради, отметим, что Лермонтовым (самостоятельно или под влиянием Ансельма Леви) были выбраны всё-таки именно эти, а не какие-то иные “стереотипы”, и при воспроизведении их у него не возникало реакции отторжения, то есть они легли на достаточно хорошо подготовленную почву. Вспомним, кстати, и последующее, в последний год жизни Лермонтова, его активное увлечение поэзией Гейне – без всякой связи с еврейством, но в полном созвучии со всем строем поэтических мыслей и чувств последнего, чего напрочь не было, скажем, у Тютчева.

Как можно домыслить уже по списку действующих лиц, сюжет лермонтовской трагедии строится на том, что Фернандо, приёмшл дона Алвареца, влюблённый в Эмилию, на самом деле, оказывается по рождению евреем и отстаивает право не только на любимую девушку, но и на человеческое и национальное достоинство. Один из немногих, писавших об «Испанцах», наш современник Александр Бурьяк[5] комментирует: “В центре трагедии - судьба Фернандо. Несчастный найдёныш, он болезненно ощущает свое одиночество. Однако когда герой находит семью, его положение становится ещё более мучительным: ведь родители у Фернандо - евреи. И Лермонтов проявляет здесь симпатию к еврейскому народу, изображая его морально чистым и душевно возвышенным, несмотря на жестокие унижения, которыми он подвергался. Развязка трагедии связана с осуждением Фернандо на казнь и обрушившимися на его отца несчастьями. Главный

общественный вывод «Испанцев» – христиане не имеют ни малейшего права ненавидеть и презирать евреев, и прѳпасть, созданная между людьми различием веры, есть не более чем предрассудок. К несчастью, он – неотъемлемая часть человеческой природы, злой и уклонившейся от велений Божества”. При всей довольно произвольной приблизительности изложения сюжета и морали лермонтовской драмы, вектор её восприятия журналистом понятен. Можно уверенно сказать, что такая тема не только появляется впервые в русской словесности, но, пожалуй, остаётся единственной в своём роде на протяжении чуть ли не всего последующего XIX века (за исключением, пожалуй, стихов Льва Мея). Отсюда, по-видимому, и некая “неловкость” советского литературоведения в обращении к данному произведению. Характерно, что в статье, посвящённой «Испанцам» в Лермонтовской энциклопедии[2], слово “еврей” вообще не фигурирует, и изложение сюжета заменяется набором общих малосодержательных фраз.

Не слишком удачна была и театральная судьба пьесы. Её сценическая история началась лишь в 1923 году, в московском театре «Романеск», причём в роли Эмилии выступила Розенель-Луначарская. Во второй половине 1930-х годов пьеса Лермонтова была поставлена почти одновременно в нескольких периферийных Театрах Юного Зрителя. Сообщения об этих постановках снова сопровождаются трескучими и совершенно бессодержательными общими словами типа: “«Испанцы» трактовались как пьеса о современном молодом герое”, где “пламенная душа и отвага Фернандо” должны были “служить примером для молодого поколения”, а содержание пьесы каким-то образом связывалось с “испанскими событиями” – Гражданской войной в Испании. В послесталинское время «Испанцы» снова появились в репертуаре периферийных русских театров: Ворошиловграда, Грозного, Петрозаводска, Гомеля, Кимр, Вышнего Волочка, Фрунзе, Якутска, Брянска. Однако, единственная постановка «Испанцев», упоминаемая в Лермонтовской энциклопедии в статье «Театр и

Лермонтов»[6] как “имевшая большой успех”, - это спектакль 1941 года московского Государственного еврейского театра (ГОСЕТа), спектакль, о котором практически мало что известно.

Пьеса шла в переводе на идиш Арона Кушнирова, в постановке Исаака Кролля; художник - Роберт Фальк, композитор - Александр Крейн. Спектакль был поставлен незадолго перед войной (в апреле 1941 года) к запланированному пышному “юбилею”- столетию гибели поэта (подобно тому, как в 1937 году отмечали столетие смерти Пушкина), но после начала войны сошёл со сцены.

Обычно отмечается, что трагедия Лермонтова создавалась под влиянием пьесы Годфрида Эфраима Лессинга «Натан Мудрый», написанной в 1779 году, прообразом главного героя которой, как и ранней пьесы Лессинга «Еврей», был немецко-еврейский философ, основоположник и духовный вождь движения Хаскала (“еврейского Просвещения”) Мозес Мендельсон, прозванный “немецким Сократом”. Литературовед Леонид Гроссман в большой статье «Лермонтов и культуры Востока», написанной к лермонтовскому юбилею 1941 года[7], указал ещё на одно обстоятельство – более чем вероятную связь замысла «Испанцев» с так называемым “Велижским делом”.

Велиж – небольшой городок, уездный центр Витебской губернии, ныне относящийся к Смоленской области. Весной 1823 года там был найден труп “убитого жидами христианского ребёнка” Феде Иванова. Было арестовано 42 члена еврейской общины. Несмотря на жестокие и незаконные методы следствия и давление церковных властей, администрации и местной “широкой общественности”, собрать материал для обвинения не удалось. Первая судебная инстанция признала обвиняемых невиновными, но дело было возобновлено, и обвиняемые бессрочно оставлены в тюрьме под следствием.

Лермонтов был наслышан о Велижском деле, причём сразу из двух источников. Катя Сушкова сама была в Велиже с осени 1829 года, сопровождая своего дядю Н.С. Беклешова, коему было высочайше поручено проверить

действия следственной комиссии. Проверка заняла полгода, но не принесла успеха. Сушкова приехала в Середниково летом 1830 года напрямую из Велижа и, судя по её Запискам, находилась в центре обсуждений этого громкого дела.

Вторым источником был адмирал Николай Семёнович Мордвинов, с которым бабушка Лермонтова находилась в близком свойстве (её брат, обер-прокурор Сената Столыпин, был женат на дочери адмирала). В детстве Мишель Лермонтов называл адмирала “дедушкой Мордвиновым”. У Мордвинова было поместье неподалёку от Велижа, и тамошние евреи, наслышанные о справедливости “барина”, обратились к нему за помощью. Мордвинов представил их прошение Николаю I, настаивая на полной невинности обвиняемых. Лишь когда в 1834 году дело поступило в Государственный Совет (а Мордвинов был председателем одного из его департаментов), ему удалось доказать, что “евреи пали жертвою... омрачённых предубеждением и ожесточённых фанатизмом следователей”. Государственный совет поддержал Мордвинова и вынес приговор: “евреев-подсудимых от суда и следствия освободить; а доносчиц-христианок сослать в Сибирь на поселение”. Благодарные велижские евреи ввели в одну из молитв дополнительный стих: “И да будет Мордвинов помянут к добру”. Можно ли считать Мордвинова “филосемитом”? Конечно, нет – просто он был высокопорядочный, европейски образованный человек, для которого те самые “западные просвещенческие стереотипы” не были пустым звуком.

«Еврейские мелодии» Байрона в русской поэзии»

И, наконец, был ещё один важный источник вдохновения Лермонтова в его работе над трагедией. Тем же летом 1830 года, когда писались «Испанцы», Лермонтов пишет стихотворение под, можно сказать, неожиданным названием –

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда

В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От неё, рассыпаясь, бежит.
Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней -
Отойди ж - и заблещет она.
Светлой радости так беспокойный призра́к
Нас манит под холодную мглой;
Ты схватить - он шутя убежит от тебя!
Ты обманут - он вновь пред тобой.

Только по названию, не по содержанию и не по форме, можно догадаться, что перед нами парафраз или, что называется, “по мотивам” одного из стихотворений цикла Еврейские мелодии Джорджа Гордона Байрона, и методом исключения можно выйти на первоисточник этого подражания. Вот перевод этого байроновского стихотворения, сделанный Алексеем Толстым, - лучший из появившихся в XIX веке. Переводы Ивана Козлова, Афанасия Фета, Павла Козлова заметно уступают ему.

СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ

Неспящих солнце, грустная звезда,
Как слёзно луч мерцает твой всегда,
Как темнота при нём еще темней,
Как он похож на радость прежних дней!
Так светит прошлое нам в жизненной ночи
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшаго так в горе мне видна,
Видна, но далека,- светла, но холодна.

Для сравнения возьмём ещё перевод, сделанный в XX веке Самуилом Маршаком:

СОЛНЦЕ БЕССОННЫХ

Бессонных солнце, скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нём темнее кажется нам ночь,
Ты - память счастья, что умчалось прочь.

Ещё дрожит былого смутный свет,
Ещё мерцает, но тепла в нём нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далёк!..

Переводчик из юного Лермонтова получился скверный: он не только не выдержал авторский метрический размер, увеличил число строк, совершенно ушёл от “сюжета” стиха, но умудрился потерять и основной стихобразующий образ: “Неспящих солнце, грустная звезда...”

И.К. Айвазовский. Море вечером в районе Гурзуфа

Но Лермонтова, по-видимому, это меньше всего волновало, и вообще не слишком интересовало – соблюсти правила поэтического перевода, которые тогда ещё и не были окончательно выработаны и сформулированы. Для Лермонтова стихотворение Байрона было таким же “источником вдохновения”, как если бы он собственными глазами увидел вечернюю звезду над зеркальным заливом. Если бы не название, никто бы, наверно, никогда и не связал это стихотворение с Еврейскими мелодиями Байрона, да и найти какую-то специфически “еврейскую” ноту в этом стихотворении вряд ли возможно. Но Лермонтов сам обозначил эту связь.

У меня, кстати, есть очень сильное подозрение, что и замечательное по своей красоте стихотворение молодого Пушкина “Редеет облаков летучая гряда./ Звезда печальная, вечерняя звезда!/ Твой луч осеребрил увядшие равнины,/ И дремлющий залив, и чёрных скал вершины...” восходит к тому же стихотворению Байрона. Оно было написано в 1820 году в Каменке после возвращения из путешествия по Крыму с семейством Раевских и посвящено старшей из сестёр Раевских - Екатерине Николаевне. В этом путешествии она, владея английским, познакомила Пушкина со стихами Байрона. Такое количество совпадений вряд ли случайно. Так что стихотворение вполне могло бы носить подзаголовок «Из Байрона» или даже «Из Еврейских мелодий Байрона» – просто в те годы Пушкин ещё не пользовался такой формулой.

Плач на реках вавилонских... Русская вышивка бисером по холсту, 1840-е гг.

Мне кажется, связь с байроновскими Еврейскими мелодиями просматривается ещё, по крайней мере, в одном лермонтовском стихотворении лета того же 1830 года – «Могила бойца». На первый взгляд, это стихотворение может показаться скорее подражанием бранным песням Тома Рифмача, шотландского предка Лермонтова, но, при том что летом 1830 года Лермонтов внимательно читал и

творчески осмысливал именно Еврейские мелодии Байрона, переключка со стихотворением из этого цикла “Ты кончил жизни путь, герой!..” кажется очень вероятной. Одно стихотворение выглядит как будто бы продолжением другого.

Но это всё – вокруг трагедии, а непосредственно в самый её текст (вторую сцену третьего действия) Лермонтов ввёл ещё одно стихотворение под тем же названием - «Еврейская мелодия», восходящее к 136-му в православной традиции или 137-му по масоретской, иудаистской нумерации псалму из Книги псалмов царя Давида (Псалтири). В нём оплакивается падение Иерусалима. В первоначальном, черновом виде у Лермонтова это звучало так:

Плачь! Плачь, Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдёт –
И будет мрак в земном краю.
По крайней мере есть один,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов её искал!..

Вполне возможно, конечно, что Лермонтов опирался непосредственно на библейский текст, тем более что дети в России традиционно обучались чтению именно по Псалтири, и тексты псалмов были хорошо знакомы любому грамотному человеку. Но в данном случае, проставив название «Еврейская мелодия», Лермонтов, несомненно, имел в виду одно из стихотворений байроновского цикла – перевод Дмитрия Михаловского:

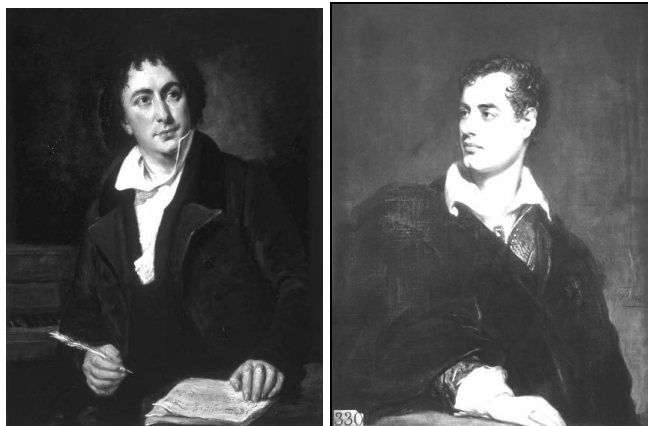
О, плачьте о тех, что у рек Вавилонских рыдали,
Чей Храм опустел, чья отчизна – лишь грёза в печали;
О, плачьте о том, что Иудова арфа разбилась,
В обители Бога безбожных орда поселилась!
Где ноги, покрытые кровью, Израиль омоет?
Когда его снова сионская песнь успокоит?

Когда его сердце, изнывшее в казни и муках,
Опять возликует при этих божественных звуках?
О, племя скитальцев, народ с удручённой душою!
Когда ты уйдёшь из позорной неволи к покою?
У горлиц есть гнёзда, лисицу нора приютила,
У всех есть отчизна, тебе же приют лишь могила...

Довольно необычно, что Байрон в этом стихотворении использует цитату из Нового Завета: “Иисус сказал ему: У лисиц есть норы, и у птиц небесных гнёзда, Сыну же Человеческому негде голову преклонить” (Евангелие от Луки), как бы тем самым уподобляя израильтян Иисусу, что для того времени было совсем нетривиально. Любопытно, что и Лермонтов, следуя Байрону, использует парафраз той же новозаветной цитаты в монологе главного героя своей трагедии «Испанцы» - Фернандо, где тот обращает его уже на самого себя: “У волка есть берлога, и гнездо у птицы, Есть у жида пристанище; И я имел одно – могилу!..”

Лермонтовед Яковлев, анализируя переключки вставного стихотворения лермонтовской трагедии с Еврейскими мелодиями Байрона, именует его “лаконической контаминацией” и “отдалённым пересказом” отдельных строк по крайней мере трёх “библейских” стихотворений Байрона, добавляя, что “других непосредственных текстуальных влияний Байрона в трагедии Лермонтова, кажется, не встречается”. Правда, другие исследователи находят ещё дополнительные, хотя и не всегда убедительные, интертекстуальные связи между юношеской пьесой Лермонтова и Еврейскими мелодиями Байрона[8]. Но пора уже обратиться непосредственно к самому этому произведению Байрона.

Осенью 1814 года молодой, но уже всеевропейски знаменитый поэт Джордж Гордон лорд Байрон знакомится с ещё более молодым, подающим большие надежды музыкантом и композитором Исааком Натаном, сыном Кентерберийского хазана (синагогального кантора). Между ними устанавливаются не то чтобы дружеские (уж слишком различно было их общественное положение), но вполне приятельские отношения.

Исаак Натан (1792-1854) и Джон Гордон лорд Байрон (1788-1824)

Натан загорается идеей создания на основе традиционных сефардских мелодий цикла романсов, текст для которых написал бы Байрон, и целенаправленно знакомит его с еврейским мелосом. Идея была поддержана другом и банкиром Байрона Кинэрдом, и уже в январе 1815 года вышел из печати сборник из 29 стихотворений со следующим предуведомлением поэта: “Нижеследующие стихотворения были написаны по просьбе моего друга, достопочтенного Дугласа Кинэрда. Они печатаются вместе с музыкой, на которую были положены Джоном Брэхэмом и Исааком Натаном”. Имя популярнейшего в Лондоне тенора Джона Брэхема было добавлено, как мы бы сейчас сказали, в рекламных целях - непосредственного участия в написании музыки тот не принимал, но охотно исполнял романсы Натана в светских гостиных. Однако в наше время во многих комментариях именно Брэхем зачастую объявляется основным автором музыки Еврейских мелодий, хотя это и не так. Несмотря на весьма высокую цену в одну гинею, сборник пользовался огромной популярностью: было продано десять тысяч экземпляров - для начала XIX века тираж совершенно фантастический. Впоследствии Джон Брэхем был назван самым знаменитым английским евреем первой половины XIX века, а Исаак Натан, в 1841 году уехавший в Австралию и написавший там первую

австралийскую оперу «Дон Хуан Австрийский», провозглашён “отцом австралийской музыки”.

Вскоре Еврейские мелодии Байрона были переведены чуть ли не на все основные европейские языки, в том числе и на русский. В оригинале они носят название Hebrew Melodies, так что правильнее был бы перевод – Древнееврейские (или, хотя бы, Библейские) мелодии, но название прижилось, и тут уже ничего не изменишь: в начале XIX века только иврит (хибру) рассматривался как полноценный еврейский язык.

Первым переводчиком Еврейских мелодий на русский язык был, по-видимому, Николай Гнедич. За ним последовали Нестор Кукольник, Александр Полежаев, Иван Козлов и другие. «Еврейская песня» Кукольника –

С горных стран пал туман на долины
И покрыл ряд долин Палестины.
Прах отцов ждёт веков обновленья,
Ночи тень сменит день возвращенья!

в 1840 году была положена на музыку Михаилом Глинкой. Музыка на стихи из Еврейских мелодий писали затем многие европейские и русские композиторы, в том числе Шуман, Мусоргский, Балакирев, Аренский, В. Абаза, А. Рубинштейн, Гнесин.

В 1904 году в России в серии Библиотека великих писателей, после Шиллера и Шекспира, было издано трёхтомное собрание сочинений Байрона под редакцией Семёна Афанасьевича Венгерова с использованием лучших русских переводов XIX века. В первом томе были, в частности, даны 23 стихотворения из цикла Еврейские мелодии в переводах Дмитрия Михаловского, Алексея Плещеева, графа Алексея Толстого, Ольги Чюминой, Николая Минского, Аполлона Майкова, Николая Гербеля, Павла Козлова. Все эти переводы относятся уже к середине или второй половине XIX века, но одно стихотворение было сохранено в переводе Лермонтова.

Евгений Деген, автор предисловия к Еврейским мелодиям в венгеровском издании, пишет: “Если не считать написанных непосредственно на библейские темы, в числе

Еврейских мелодий есть несколько таких, в которых при другом соседстве никто не мог бы усмотреть ничего восточного или библейского - это субъективная лирика чистой воды... Из любовных стихотворений, вошедших в цикл, нет ни одного, которое было бы навеяно наивной страстностью Песни песен, и все они носят чисто северный, меланхолический характер.” Когда в советские времена готовилось издание обновлённого Избранного Байрона, перевод именно таких стихотворений из числа Еврейских мелодий и именно в таком ключе был заказан Маршаку, который блистательно справился с поставленной перед ним задачей.

М. Врубель. Саул и Давид, 1890-91

Из лермонтовских стихов, названных поэтом «Еврейская мелодия (из Байрона)», рассматривается как перевод и вошло в “венгеровский свод” лишь одно стихотворение, написанное через шесть лет после «Испанцев» – в 1836 году. Тема взята из Библии – это обращение царя Саула к Давиду. В XIX веке, кроме Лермонтова, это стихотворение переводили Николай Гнедич и Павел Козлов. Лермонтовская версия была положена на музыку Антоном Рубинштейном и Милием Балакиревым, её иллюстрировал Михаил Врубель.

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унёс,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слёз –
Они растают и прольются.
Пусть будет песнь твоя дика́. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слёз хочу, певец,
Иль разорвётся грудь от муки.
Странаньями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал - теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

Как отмечается в комментариях, “точно передав содержание и систему образов подлинника, Лермонтов усилил его эмоциональное звучание, заменив размер оригинала - четырёхстопный ямб с мужскими рифмами – на чередование строк шести- и четырехстопного ямба с перемежающимися мужскими и женскими рифмами. Неполнота второго стиха (всего три стопы) еще более повысила эмоциональное напряжение”.

Любопытно сравнить лермонтовское стихотворение с современным переводом Василия Бетаки.

Как на душе темно! Скорей,
Всё, кроме арфы, тяжко мне!
Пускай же под рукой твоей
Струна растает на струне,
Разбудит тень надежд во мне
Её магическая речь,
Слеза блеснёт в очах на дне
И мозг мой перестанет жечь.
Пусть будет дикой песнь твоя,
И мрачной – звуков глубина!

Певец! Заплакать должен я –
Ведь сердцу радость не нужна
Смертельной вскормлено тоской
В молчанье тягостном оно
Иль разобьётся в час ночной,
Иль песней будет спасено!

Бетаки совершенно точно воспроизводит форму байроновского стиха, но при этом, однако, присущие английской поэзии особенности (в первую очередь – характерное использование исключительно мужских рифм) делают стих несколько монотонным и менее эмоциональным. Тут поневоле вспомнишь Третьяковского: “Почто что же нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французского (в данном случае – английского), имеющим высокородное богатство и пространство словенороссийского?..” Но, конечно, приходится принимать во внимание и то, что Бетаки всё-таки не Байрон и не Лермонтов. Виссарион Белинский в статье 1841 года Стихотворения М. Лермонтова отметил внутреннюю близость его перевода из Байрона основному содержанию лермонтовского творчества: “Это боль сердца, тяжкие вздохи груди; это надгробные надписи на памятниках погибших радостей...”

Лермонтовский спектакль 1941 года «Испанцы» в ГОСЕТе

Как сообщает заведующая рукописным отделом Центральной библиотеки Союза театральных деятелей (СТД) России Наталья Робертовна Балатова[9], премьера спектакля «Испанцы» по пьесе Лермонтова на сцене Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) состоялась 16 апреля 1941 года. В апреле спектакль был показан шесть раз в Москве и затем вместе с другой премьерой – «Блуждающие звёзды» по Шолом-Алейхему – вывезен на гастроли в Ленинград. В журнале Театральная неделя № 16 за 1941 год Михоэлс писал[10]: “Постановка «Испанцев» Лермонтова в Государственном Московском еврейском театре является для нас очень увлекательной, интересной, но

в то же время чрезвычайно трудной и ответственной задачей. Если в своём спектакле <нам> удастся передать всю страстность этого трагедийного столкновения, весь мятежный пафос Лермонтова, задача создания подлинного лермонтовского спектакля на еврейском языке будет близка к разрешению”.

Соломон Михоэлс (1929-1948), художественный руководитель ГОСЕТа

Известно, что Михоэлс был принципиальным противником постановки в своём театре пьес, переведенных с русского, считая, что русская драматургия может быть куда лучше представлена русскими театрами на языке оригинала. Он говорил - неужели после пьес Островского в Малом театре кто-нибудь захочет смотреть «Бесприданницу» или «Грозу» на идише? Единственный раз его почти удалось заставить начать работу над постановкой гоголевского «Ревизора», но всё ограничилось блистательным концертным показом сцены Осипа (Михоэлс) и Хлестакова (Зускин). Лермонтовские «Испанцы» были, кажется, единственным исключением. Как я упоминал, в 1941 году планировалось торжественно отметить столетнюю годовщину гибели Лермонтова (как в 37-ом отмечали столетие смерти Пушкина), и от Михоэлса требовали, чтобы ГОСЕТ внёс свой вклад.

На совещании в ГОСЕТе 26 февраля 1941 года “О ходе работы над постановкой «Испанцев»” Михоэлс, обосновывая обращение театра к пьесе и эмоционально трактуя её замысел, говорил о том, что Лермонтов “услышал

разряды грома и увидел молнии несправедливости, которые разражались над головой <еврейского> народа”. Балатова комментирует[9]: “Михоэлс увидел в условно-испанских, очень далёких от его времени лермонтовско-шиллеровских страстях момент, волновавший его “сейчас и всегда”, – момент сопряжения историй и культур... народов”.

Еврейский поэт и драматург Арон Кушников (1890-1949)

Перевод пьесы Лермонтова на идиш был выполнен Ароном Кушниковым. Хранящаяся в Библиотеке СТД стенограмма совещания сохранила текст его выступления[9]: “Я стал искать в «Испанцах» то большое, что есть в зрелом Лермонтове. Я старался, чтобы недостатки, которые безусловно имеются, не заслонили бы собой то большое, что есть в этом произведении. Я поставил перед собой задачу перевести Лермонтова так, чтобы он на новом <для него> языке звучал органически, чтобы читатель и зритель не чувствовали перевода, а чувствовали бы Лермонтова. Были всякие трудности, некоторые слова по-русски звучат хорошо, а в точном переводе на <идиш> приобретают несколько иронический оттенок. Нужно было найти адекватные слова для многих чисто лермонтовских понятий. После той редакции текста перевода, которую мы проделали с товарищами Михоэлсом и Кроллем, «Испанцы»

на еврейском языке прозвучали как живое органическое произведение.”

Как позже писал Леонид Гроссман[9, 11], “в переводе Кушнирова стих «Испанцев» сохранил на сцене ГОСЕТа всю свою энергию, выразительность и мелодичность”.

Исаак Кроль (1898-1942), режиссёр-постановщик спектакля «Испанцы» в ГОСЕТе

В Лермонтовской энциклопедии постановщиком «Испанцев» в ГОСЕТе назван Михоэлс[6]. В действительности же, режиссёром постановки был Исаак Кроль при общем художественном руководстве Михоэлса. В то же время, в Википедии среди спектаклей, поставленных Кроллем в ГОСЕТе, «Испанцы» почему-то не значатся. Балатова пишет о нём[9]: “Среди других режиссёров, работавших в ГОСЕТе (а это были знаменитые в то время Фёдор Каверин, Меер Гершт, Эммануил Каплан), Исаак Кроль выделялся самобытностью и яркостью таланта. В театре его ценили”. Сообщается, что Кроль погиб в 1942 году на фронте. По другим сведениям, он был эвакуирован из Ленинграда и умер в 1942 году от дистрофии. Так или иначе, спектакль «Испанцы» в ГОСЕТе возобновлён не был – некому было[12].

Противоречивы и некоторые другие сведения, касающиеся постановки «Испанцев» в ГОСЕТе. Со слов актрисы театра Эльши Моисеевны Безверхней, чей 101-й день рождения был отмечен в феврале этого года в Реховоте (Израиль), главную мужскую роль в спектакле – роль Фернандо – играл Вениамин Зускин. И, как сказала Эльша Моисеевна, “играл замечательно. Впрочем, он всегда играл замечательно”. По данным же, приводимым Балатовой[9], исполнителем роли Фернандо был один из ведущих актёров театра Яков Гертнер. Участие Зускина в премьерных спектаклях 41-го года, действительно, кажется маловероятным, поскольку параллельно с «Испанцами» театр работал над выпуском спектакля «Блуждающие звёзды», где Зускин играл одну из главных ролей – Гоцмаха. Впрочем, может быть, предполагался ввод Зускина в последующих спектаклях, и Эльше Моисеевне запомнились его репетиции?

Одна из двух главных женских ролей (Эмилии) была поручена жене Зускина - Эде Берковской. Об её участии в спектакле пишет в своих воспоминаниях Путешествие Вениамина их дочь – Алла Зускина-Перельман[13]. При этом она косвенно подтверждает, что роль Фернандо играл не Зускин. И что касается второй главной женской роли – Ноэми, здесь тоже появляются расхождения: Балатова сообщает, что эту роль играла Нехама Сиротинина, а в интернете упоминается исполнение этой роли Марией Котляровой (умерла в 2008 году на 91 году жизни). Роль дона Алвареца играл Абрам Пустыльник; Моисея – Иосиф Шидло; роль иезуита Соррини – Даниил Финкелькраут.

Первая авторская ремарка в пьесе – “Действие происходит в Кастилии”. Лермонтов изображает Испанию ориентировочно XV-XVII веков, но без точной исторической привязки, так как упоминаемые им временные реалии не стыкуются и противоречат друг другу. С одной стороны, легальное проживание в Испании исповедующих свою веру евреев было возможно только до 1492 года. С другой стороны, наличие среди действующих лиц монаха-иезуита и упоминание в тексте имени Лютера переносят

действие пьесы в эпоху, по крайней мере, XVI века, после 1534 года. Впрочем, Лермонтов вряд ли обращал внимание на такие “мелочи”, и его персонажи действуют не в исторической, а в некоей условно-романтической Испании, поэтому и сценография Роберта Фалька, по-видимому, передавала не столько исторически достоверные обстановку и костюмы, сколько образ Испании, созданный классической испанской живописью XVII века – прежде всего Диего Веласкесом. Наверно, определённое влияние оказала и голландская живопись того же XVII века, в первую очередь – портретная галерея обитателей еврейского квартала Амстердама, запечатлённая Рембрандтом.

Диего Веласкес. Портрет молодого испанца

Герой трагедии, пылкий и благородный Фернандо, безродный найдёныш, воспитанный в доме гордого испанского дворянина дона Алвареца, влюбляется в его дочь Эмилию, которая отвечает ему взаимностью. Но Алварец выгоняет Фернандо за дерзкое помышление жениться на ней. В длинной тираде перед портретами предков он прославляет значимость благородного происхождения и принадлежности к знатному роду. Лермонтова с юных лет занимала проблема общественного неравенства,

противостояния знати и простолюдыя, различий между ними. В черновой тетради он пишет: “В первом действии моей трагедии молодой испанец говорит, что благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они ещё хуже его”. В монологе Фернандо эта мысль звучит так: “Боятся эти люди, чтоб тогда Их равенство скорей не увидали...”

Великий инквизитор Испании Томас Торквемада

Фернандо противопоставлен патер Соррини – “итальянец-иезуит, служащий при инквизиции”. Будучи хитроумным, циничным, лживым, корыстным и сластолюбивым мерзавцем, каковым и полагается быть иезуиту в порядочной романтической пьесе, он к тому же ещё и обуреваем преступной страстью к Эмили. Заручившись помощью донны Марии, мачехи Эмили, он нанимает банду бродяг, чтобы похитить Эмилию и доставить к нему, а перед этим – убить Фернандо, чтобы не помешал. Один из наёмников говорит о нём: “Признаться, я

не верю, чтоб у нас // У каждого одни грехи с ним были. // Мы делаем злодеяния, чтобы жить, // А он живёт – чтобы злодеяния делать!..”

Наёмники Соррини нападают на Фернандо, но не убивают, а только тяжело ранят. Его спасает и приводит в свой дом Моисей, которого Фернандо перед этим спас от преследования слугителей инквизиции. Впрочем, этой схватки Фернандо с убийцами, как и многих других событий пьесы, зритель не видит, а узнаёт о них из рассказов других действующих лиц, что, конечно, снижает драматизм действия.

Мауриций Готлиб. Молодая еврейка

За раненым Фернандо ухаживает дочь Моисея Ноэми, которая влюбляется в него, хотя и сопротивляется этому чувству. Здесь же, в доме Моисея, Фернандо слышит плач об утраченном “Солиме” – Иерусалиме. Эта «Еврейская мелодия» вызывает у Фернандо чувства, наверно, близкие чувствам самого юного Лермонтова:

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далеко от неё,
А я в моем отечестве не знаю,

Что значит это сладкое название...
Я в мире не имею ничего почти,
А всё желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нет! пусть останусь я, каков теперь;
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других...
В страданиях жизнь;
Я в них живу, я к ним привык,
Никто их не разделит... и тем лучше,
Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.

От Моисея Фернандо случайно узнаёт о похищении Эмилии людьми Соррини и устремляется в дом Соррини, чтобы спасти её.

«Испанцы». Иллюстрация М.В. Ушакова-Поскочина, 1939

Лермонтов даёт сцену с вполне оперными дуэтами сначала Соррини и Эмилии, затем Соррини и Фернандо. Эмилия умоляет о пощаде и взывает к милосердию Соррини, Фернандо угрожает ему кинжалом, Соррини пренебрегает и мольбами, и угрозами. Трио Соррини, Эмилии и Фернандо, к которому потом присоединяется

“хор” слуг Соррини, завершается тем, что Фернандо закалывает Эмилию, чтобы спасти её от бесчестия. В выступлении на совещания о постановке пьесы в ГОСЕТе[9] Исаак Кроль, режиссёр-постановщик, говорил: “Я не знаю <в мировой драматургии> другой такой сцены, когда бы во имя спасения своей возлюбленной герой убивал её”. Мимо оторопевшего Соррини и его слуг Фернандо уходит с телом Эмилии, чтобы отнести его в родительский дом, дом Алвареца. Соррини решает отомстить Фернандо, но не своими руками, а договаривается со своим приятелем Доминиканцем о предании Фернандо суду инквизиции: “Он еретик! он верит Лютеру, И чтит его!..” Так, вслед за Фернандо с телом Эмилии в доме Алвареца появляются служители инквизиции, возглавляемые теми же Соррини и Доминиканцем. Фернандо сначала просит лишь разрешения взять с собой прядь волос, отрезанную с головы мёртвой Эмилии. Когда же Соррини отказывает ему в этом, он бросается на него с кинжалом, но лишь легко ранит; его схватывают и уводят.

Рембрандт ван Рейн. Портрет старика-еврея

Тем временем Моисей со слов раввина узнаёт, что Фернандо – его некогда утраченный сын. Как старая служанка Сара объясняет Ноэми - “Судьбой неверной, // Бежа от инквизиции, отец твой // С покойной матерью его

оставили // На месте том, где ночевали; // Страх помешал им вспомнить, где... // Быть может, думали они, что я Его держала на руках...” И вот теперь каким-то образом открылась истина, что Фернандо и есть тот самый, забытый младенец, затем подобранный Алварецом. Надо сказать, что эта линия наименее проработана Лермонтовым и выглядит не слишком убедительно и правдоподобно. И вот теперь Моисей прибегает к дому Алвареца, когда Фернандо уже уводит инквизиция. Он пытается подкупить Соррини; тот сначала отказывается, но потом, когда все уходит, “берёт мешок с деньгами”, ничего однако не обещая Моисею и даже угрожая ему. Моисей в полном отчаянии:

Ушёл! – и деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. о Творец!
О Бог Ерусалима! - я терпел -
Но я отец! - Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорных могилы,
Имение потеряно... о Боже! Боже!
Нет! Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять... чем мне!..
Рвись сердце! рвись! прошу тебя - и вы
Долой густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!
Рвёт на себе волосы.
Сын! дочь! имение! червонцы!
Всё, всё!.. (ломая руки) потеряно навек!
О горе! горе мне! о горе! горе!

Последняя тирада Моисея кажется очень знакомой. Порывшись в памяти, вспоминаешь, что это, конечно же, Шекспир – «Венецианский купец»: “О дочь моя! Мои дукаты! Дочь! Дукаты христианские мои! Где суд? Закон! О дочь моя!.. Дукаты!..” Первый перевод «Венецианского купца» на русский язык появился только в 1831 году, так что летом 1830 года Лермонтов мог читать пьесу Шекспира разве что в оригинале, но даже если он и не читал её, то приведенные строки наверняка были ему хорошо знакомы – можно совершенно точно сказать, откуда: они проставлены эпиграфом к главе 22-й романа Вальтера Скотта «Айвенго»,

или как его тогда именовали по-русски «Ивенгое». Роман этот в начале XIX века был исключительно популярен в России, и Лермонтов его, несомненно, читал; прекрасная Ревекка и её отец – Исаак из Йорка явно были одним из прототипов лермонтовских Наоми и Моисея, наряду с персонажами лессинговского «Натана Мудрого».

Мемориальная доска на бывшем здании ГОСЕТа в Москве на Малой Бронной

Финальная картина трагедии представляет собой народную сцену на городской площади. Испанцы толкуют об осуждении Фернандо и его предстоящей казни, толпятся вокруг сошедшей с ума, умирающей от горя Наоми и сопровождающей её Сары. Молодой человек из толпы смотрит на лицо Наоми: “Прелестные черты! когда б печаль // И смерть не истощили их // Красы до половины – что за бледность! // Сара берёт Наоми га руку и вздрагивает: // Свинцу подобны сделались губы...”

На этом лермонтовская рукопись обрывается – последняя страница тетради с авторским текстом была утрачена, так что любой, кто брался за постановку пьесы, вынужден был сам домысливать её финал.

Исаак Кроль строил финальную сцену следующим образом[9]: “Мы будем кончать спектакль так - лежит Ноэми, у неё нет сил больше двигаться; Сара в отчаянии прислонилась к какому-то углу дома, к какому-то камню. Нет сил у старухи поднять Ноэми, она сделала несколько попыток, но не смогла. Где-то вдалеке звучит Реквием. Это ведут на казнь Фернандо. Опустело место – разошлись любопытные испанцы, ушли те, которым горе Ноэми близко, и те, которым оно ничего не говорит. Лежит Ноэми, плачет Сара. Два брошенных женских существа, две судьбы или, вернее, одна судьба народа. Играет музыка, появляется Моисей, подходит к лежащей Наоми и делает попытку её поднять. Она не поднимается. Он взвалил её на плечи и тем же шагом, каким пришёл на сцену, понёс эту жертву. Моисей с телом Ноэми в сопровождении старой Сары уходят в неведомое пространство – вечный скиталец, согнувшийся под бременем безмерной скорби, одинокий и отверженный, обречённый на изгнание, но сохранивший моральную силу и жизненную мудрость своего древнего народа. Эта немая сцена завершает пьесу”. Идёт занавес.

ССЫЛКИ:

Лермонтов М.Ю. “Испанцы” - см.

http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/ispancy.txt_with-big-pictures.html
http://az.lib.ru/L/lemontow_m_j/text_0320.shtml и др.

(Воспроизводится по тексту М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в четырёх томах. Том третий. Художественная литература, Москва: 1965)

Владимирская Н.М.. “Испанцы”, Лермонтовская энциклопедия, Москва: 1981 – см. <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-2001.htm> .

Дудаков С.Ю.. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. РГГУ, Москва: 2000.

Сафран Г.. “История одного стереотипа”, Лехаим, Октябрь 2005 (см. <http://www.lechaim.ru/ARCHIV/162/n3.htm>).

Бурьяк А.. “Михаил Лермонтов как enfant terrible русской словесности” – см. <http://bouriac.narod.ru/Lermontov.htm>.

Левкович Я.Д. “Театр и Лермонтов”, Лермонтовская энциклопедия, Москва: 1981 – см. <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-2001.htm> .

Гроссман Л.П. “Лермонтов и культуры Востока: «Испанцы» и Велижское дело”. Литературное наследство. Москва: 1941, с. 715-735.

Воробьёв В.П. “О влиянии «Еврейских мелодий» Байрона на трагедию Лермонтова «Испанцы»” – см.
http://volshebnyskazki.ucoz.ru/index/stati_o_lemontove/0-35 .

Балатова Н.Р. “«Испанцы» М.Ю. Лермонтова на сцене ГОСЕТа”, Национальный театр в контексте многонациональной культуры. Шестые Международные Михоэлсовские Чтения, Три квадрата, Москва: 2010, с. 51-62.

Михоэлс С.М. “«Испанцы» Лермонтова”, Статьи, беседы, речи, Искусство, Москва: 1964, с. 235-237.

Гроссман Л.П. “Лермонтов в еврейском театре”, Советское искусство, 1941, № 19.

Вексельман М. “С.М. Михоэлс в Ташкенте”, Семь искусств, март 2011 – см.
<http://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Vekselman1.php> .

Зускина-Перельман А.В. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актёра Вениамина Зускина. Гешарим, Иерусалим – Мосты культуры, Москва: 2002.

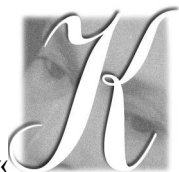

Семен Талейсник

Эта роковая ушная раковина

Из записок врача

«Кто имеет уши слышать, да слышит!»
(Евангелие от Матфея)

«**К**ак дам по уху!» – кому не знакома эта мальчишеская угроза, произнесённая маленьким «агрессором» уже тогда, когда он ещё не способен ударить в это самое ухо ни с силой, ни с точностью попадания кулачком. «Опусти уши, а не то отморозишь!» – наставляет иной раз мама выбегающего в морозную погоду сына, имея в виду уши шапки-ушанки. Вероятно, что и многие из нас иногда потирали вначале мало чувствительные побледневшие подмороженные уши, испытывая затем боль в отходящих от переохлаждения, раскрасневшихся ушных раковинах.

Да и по форме уши столь различны: торчат в стороны от тёплой головы сугубо индивидуально – то дальше, то ближе, оттопырившись, либо прижимаясь, большие или маленькие, с приросшей мочкой, или свисающей язычком. Большая часть женщин и реже мужчины прикрывают уши волосами в зависимости от того, насколько красива, по их мнению, и благообразна собственная ушная раковина. Бывает и такая, что впору подальше запрятать её от глаз людских, ведь грешным людям свойственно порой насмеяться над лопухими.

Находил я в описаниях типичных для еврея черт, не обращая теперь к избитой теме еврейского носа, что мочки ушей у евреев нередко приращены, и уши склонны оттопыриваться, как, например, у академика Харитона. Должен вам заметить, что, частенько присматриваясь к ушам людей всяких национальностей и глядясь в зеркало, я

убедился, что подтверждения этому описанию вряд ли имеют место.

Испокон веков провинившихся в наказание дерут за уши, поскольку это удобно и привычно. Именинников тянут вверх за уши, поздравляя с очередным днём рождения столько раз, сколько тому стукнуло, плюс ещё один. Не секрет, что некоторые индивидуумы умеют «двигать ушами», т. е., разумеется, одними ушными раковинами, без участия в этом действии кожи головы, как поступает большинство, пытаясь помочь себе движением всего скальпа. Многие попросту не умеют включать отдельно мышцы ушной раковины, либо те у них не настолько развиты, так как сами по себе эти мышцы относятся к рудиментам и идеально развитыми бывают у животных, в частности, у ослов.

Я как раз, будучи мальчишкой-студентом, умел двигать одними лишь ушными раковинами и, садясь в передние ряды, обеспечивал себе зрительскую аудиторию из сидящих позади, особенно, девиц - любительниц прыскать со смеху по любому поводу. В самый разгар лекции, по заказу или без такового, я принимался двигать ушами, почти всегда достигая искомого эффекта, оставаясь для лектора неуловимым и не раскрываемым виновником смеха, ведь уши-то двигаются совершенно бесшумно.

Бедные наши уши, не обделённые ничем ни в радости, ни в горе. Какое множество секретов слышат они в первую очередь! И как иной раз требуется «заткнуть уши», чтобы не слышать того, что может занести в них звуковая волна. Правда, волна эта отстаёт по скорости распространения от световой, но всё равно приходит, принося нужную, либо, напротив, совершенно бесполезную, а порой и заведомо вредную, информацию. Зато в темноте происходит так, что глаза не видят, но уши слышат!

Уши, и на свету и в темноте, могут являться ещё и эрогенной зоной. Женщины, любящие ушами, вначале спешат послушаться приятных слов, некоторые из них при этом просто млеют от возбуждения, если любимый ещё прикасается к ушкам своими губами или языком. Для непосвящённых по секрету расскажу, что блуждающий нерв

(потому он так и называется) иннервирует как наружный слуховой проход, так и эрогенные зоны мужчин и женщин в других укромных местечках, весьма далеко расположенных от ушной раковины (блуждает, непутёвый), поэтому, раздражая нежными прикосновениями ушко, заодно как будто бы прикасаешься и к другим чувствительным местам. Вот и возбуждается человек, настраиваясь на нужную волну. В виде любопытного и вызывающего у меня сомнение, приведу мнение сотрудников университета города Хантсвилл (США, Алабама) и мнение д-ра Ивонны Синиджер из Калифорнии, которые считают, что левая ушная раковина (имеется в виду и ухо) более чётко относится к эмоциональным призывам. И, если хотите услышать «да» - тогда шепчите слова любимой в левое ухо... Мне думается, что важна не сторона нащёптывания приятных слов, а их содержание и кому принадлежат губы говорящего/щей. Тем более что ушная раковина и создана для усиления звуков. Это её свойство символически воплощено в знаменитом «Ухе Дионисия – гигантском гроте, высеченном в скалах у Сиракуз и действительно похожем на человеческое ухо. В нём эхо достигает такой силы, что шорох разорванного у входа бумажного листа отдается из глубины пушечным выстрелом.

Важной и бесценной является для человека эта столь небольшая часть его тела. Способна служить она ещё и для украшения, стоит подвесить к ней всякие побрякушки - от пластмассовых или стеклянных поделок, до серебра, золота, драгоценных камней. В самых древних захоронениях женщин находят подобного рода предметы. В будущих же раскопках наши потомки будут находить, вероятно, и мужские ушные украшения, так как унисексуальный и вычурный пирсинг распространился и вовлёк, наряду с другими местами брэнного тела человека, в зону повсеместных проколов и ушные раковины, украсив их изобилием форм – колец, спиралей, завитков и других самых разнообразных серёжек - от одной до множества. К во всему прочему, украшения молодёжь нынче размещает не только на мочке, а и по всей ушной раковине.

В былые времена девушки довольствовались серёжками из серебра и золота в виде колечек, для которых нужна была только одна дырочка в центре мочки, которую делали и знахари, и самодельные умельцы, и бабки и, естественно, врачи-хирурги. Будучи в ту пору молодым хирургом, я тоже любил прокалывать молодым красивым девушкам дырочки в ушных раковинах по их просьбе. (Не надо ухмыляться и не стоит строить намёки, ибо речь идёт именно о мочках!) Тогда-то и обратилась ко мне одна из наших юных медсестёр с просьбой проколоть её ушки, но только с предварительным местным обезболиванием, ибо она, как оказалось, совершенно не переносит боли. Я приготовил ампулу с жидким летучим замораживающим средством для кратковременного местного обезболивания. Струя его должна была быть направлена в место прокола, после чего отверстие в ампуле было необходимо тут же закрыть колпачком, чтобы не фонтанировал зря, и чтоб струя его не попала, куда не следует. Всё оказалось мною проделано, но не до конца и, переключив внимание на соблазнительные формы пациентки, утратив таким образом бдительность перед самым проколом, я случайно направил жидкость себе в лицо. Испытывая ужасную режущую боль в глазу, продолжая, между тем, контроль за процессом при помощи второго глаза (слава Богу у нас их два), я довёл операцию до благополучного конца, оставив в местах проколов толстый хирургический шёлк, чтобы не дать дырочкам зарости. На моё счастье, всё завершилось без особых последствий, хотя глаз пару дней был нечувствительным и плохо видел, но серьги в ушах моей пациентки смотрелись впоследствии чудесно.

В следующий раз, когда я пребывал уже в пенсионном возрасте, надо было, спустя несколько дней после прокола ушек у моей трёхлетней внучки, сменить ей временные серёжки на постоянные, золотые. Эта манипуляция, с учётом моего опыта хирурга и специалиста, оказалась доверена мне. Должен сказать, что не без некоторого волнения, я всё же справился с заданием, и ребёнок позволил мне довести манипуляцию до конца,

перенеся без каких-либо неприятных ощущений смену первых временных серёжек на постоянные.

Моя хирургическая специальность по отношению к ушным раковинам была востребована ещё не один раз, когда приходилось сшивать лоскутки травмированных ушей - ударенных о шахтные вагонетки или о борт машины, зацепленных крючками на стройках или отрезанных в драках-поножовщинах. В одном случае скальпированная рана мягких тканей головы захватывала и ушную раковину, повисшую на скальпе, и пришитую затем вместе с ним на место. С некоторыми потерями и небольшими косметическими дефектами ушные раковины в основном приживались хорошо, подобно другим частям кожи головы и лица. Детали доделывали отоларингологи и косметологи.

Сдаётся мне, что ухо, отрезанное великим художником и пациентом психиатров Ван Гогом у самого себя в момент аффекта, могло бы быть пришито, если бы художник не выбросил его. Я полагаю также, что кусочек ушной раковины боксёра Эвандера Холифилда, откушенный в экстазе во время поединка на ринге безудержным Тайсоном, оказался впоследствии аккуратно пришитым на нужное место.

История человечества изобилует жуткими историями пыток и казней. Отрезание ушей было не последней формой нанесения увечий человеческому телу с целью демонстрации власти и наказания. Подобными зверствами отличались скифы, древние египтяне, упомянувшие такого рода наказание в законах Хаммурапи, ашкеназские евреи в Польше, последователи абсолютных монархических режимов в России, латиноамериканские рабовладельцы, костоломы Садама Хуссейна. Отрезание ушей служило наказанием, не препятствовавшим использованию труда безухих в дальнейшем. Отрезанные уши присылались от имени мафиозных кланов или похитителей людей, например, из Чечни, для напоминания родным и близким о сроках и размерах ожидаемого выкупа. В Африке же люди с отрезанными ушами не могли носить ритуальные серьги или клипсы и, тем самым, не имели возможности соблюдать традиции племён. При этом к

украшательству относятся огромные круглые отверстия в мочках у некоторых африканских племён, равно создаваемых для мужчин и для женщин. Эти «дырявые мочки», ещё нагружались кольцами, своеобразными серьгами, оттягивающими их под тяжестью книзу.

Завершая свою историю об ушной раковине, хочу напомнить о её важной роли в лечении различных заболеваний, что позволяет использовать наружную часть уха при проведении иглоукалывания. Некоторые сторонники этого древнекитайского метода народной медицины основывают свои принципы на сходстве формы ушных раковин с человеческим эмбрионом и, вводят иглу в точки, соответствующие различным участкам человеческого тела, пытаются лечить органы путём подобного проецированного воздействия, что и делают с успехом либо без такового, но за немалые деньги, народные целители особенно восточных школ (китайской, тайландской, филиппинской).

Некоторые колдуны и шаманы придают ушным раковинами и мистическое значение. Так, один из художников – сюрреалистов Иероним Босх ещё 500 лет тому назад в своей картине «САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ» на правой створке триптиха показал музыкальный ад с картинами пыток, при этом используют дьявольский механизм: вычлененный из тела орган слуха составлен из пары проткнутых стрелой исполинских ушей с длинным лезвием посередине. Существует несколько вариантов толкования этого фантастического мотива: по мнению одних, это намёк на человеческую глухоту к словам Евангелия «имеющий уши да услышит», слова приведенные как эпиграф к этому эссе.

Так что наша многозначная ушная раковина – это и слух, и общение, и любовь, и красота, и история, и медицина, и даже мистика. Их стоит оберегать, мыть, стричь, и в меру украшать.

Борис Тененбаум

Простые граждане Республики Флоренция

I

И жизнь в городе Флоренция в 1469 году от Рождества Христова, право же, была приятной. Городские дома богатых флорентинцев были чудо как удобны, а их сельские виллы были еще лучше. Самое главное - был мир. Войны сторонников папства и сторонников Империи остались в далеком прошлом, Флоренция в итоге оказалась самостоятельным государством, а ее городское самоуправление (коммуна) подчинило себе округу и стало Республикой.

Бернардо Макиавелли по рождению принадлежал к флорентийскому семейству с долгой родословной, которую он мог проследить – и с большими подробностями – на столетия в прошлое. Макиавелли занимались торговлей, и в свое время изрядно преуспевали. Но семейство росло и дробилось, и к тому времени, когда Бернардо вырос и вступил в права наследования, на его долю пришлось уже немного - городское жилье в так называемом "подворье Макиавелли", где он жил, окруженный множеством других жилищ его близких, далеких и очень далеких родственников, и семейная ферма, которую он гордо называл именем. Собственно, правильное было бы называть это земельную собственность несколько скромнее. Ну, скажем, именищем?

Крепостное право во Флоренции отменили еще в 1289 году, так что земельные владения обрабатывались или работниками по найму, или вообще сдавались третьим лицам в аренду.

Все во Флоренции стояло на твердой рыночной основе – даже земледелие – и ценность земли определялась тем, что она приносила. Вот и именище в Сан Андриа,

расположенное примерно в дюжине километров на юг от Флоренции, по дороге на Рим, приносило Бернардо около сотни флоринов в год.

Это много или мало?

Ну, смотря с чем сравнивать. Поденщики зарабатывали во Флоренции 12-15 флоринов в год, работники с квалификацией получше – флоринов 30-40, хорошие мастера-ремесленники почти вдвое больше, то есть примерно флоринов 70. Так что Бернардо Макиавелли с его сотней в год мог считаться как бы принадлежащим к классу собственников. С другой стороны, во Флоренции действовала система налогообложения, и налог взывскивался именно с собственности. Ясное дело, для оценки размера налога надо было завести документацию, оценивавшую размеры собственности, и во Флоренции таким базовым документом служил “*Catasto*”, периодически обновляемой список налогоплательщиков и оценки стоимости их собственности.

Отец Бернардо, Никколо ди Буонисенья Макиавелли, в *Catasto* 1427 года значился обладателем 1086 флоринов, все в форме земельных владений. Место он занимал вполне респектабельное, в списке из 9780 лиц - в первой трети. Но дело тут в том, что в списке был и ряд имен с собственностью свыше 10 тысяч флоринов, в который входило только 137 человек.

А были люди и совсем другого порядка благосостояния – например, Палла Строцци с его 163 тысячами, или Джованни ди Биччи ди Медичи, с 91 тысячей флоринов – таких было не больше дюжины. Строцци, Медичи, Пацци, Содерини, Веттори, Гвиччиардини - на их фоне Бернардо Макиавелли, получивший лишь часть собственности своего отца, и наследия ничем не преумноживший, был лицом незначительным...

В Республики Флоренция в принципе существовало “...*правление простых граждан*...”. Но вес простого гражданина все-таки напрямую зависел от размера его средств, измерявшихся во флоринах. Почему так получилось?

И кстати – что это такое, флорин?

II

Флорин – (итал. *florenus*, от Флоренция, «цветочная»). Так называлась золотая монета, украшенная отчеканенной на ней прекрасной лилией. Он чеканился почти из чистого золота весом 3,53 г. По весу флорин составлял 1/96 флорентийского фунта (339 г). На аверсе флорентийского флорина был изображён цветок лилии (герб города), на реверсе – Иоанн Креститель, покровителя города.

Впервые их начали чеканить во Флоренции, отсюда и название. Со времени падения Рима в Европе были в обращении только золотые монеты Византии, "безанты", но в IX веке торговля упала так, что и нужда в столь крупной денежной единице отпала, расчеты делались только в серебре. Так что появившийся в 1252 году флорин стал своего рода сенсацией, монетой для расчета по крупным сделкам, символом богатства и процветания. А уж город, где флорины чеканили, стал знаменит от Иберии и до Стамбула, от Скандинавии и до Египта.

Примем во внимание, что никаких золотых рудников в этом городе не было, и флорины там на деревьях тоже не росли. Отнюдь нет – их зарабатывали. Каким же образом некий город в Италии, в маркграфстве Тоскана, сумел заработать столько денег, что учредил собственную валюту, ставшую золотым стандартом для всех прочих государственных образований Европы?

В каком-то смысле можно сказать, что город разбогател на "золотом руне" – только дело тут было не в наличии золотого руна как такого. Флорентийцы брали руно вполне обыкновенное – но они сумели сделать его золотым. Цветные суконные ткани флорентийского производства отличались несравненным качеством. К тщательно хранимым тайным методам обработки шерсти Флоренция добавила и мануфактурный способ их производства - и сумела тем самым наладить их производство в большом количестве. От покупателей не было отбою, деньги потекли во Флоренцию рекой – и к мастерам-красильщикам и сукновалам вскоре прибавились и банкиры.

Город стоял на профессиональных гильдиях-цехах.

Однако довольно скоро выяснилось, что гильдии не равны друг другу – возникло деление цехов на "старшие" и "младшие". Разделительная черта проводилась по очевидному и всем понятному принципу – по уровню создаваемых цехами доходов. Ясное дело – в их руках вскоре и сосредоточилась власть в городе.

Семейство Бернардо Макиавелли как раз и было приписано к гильдии торговцев шерстью и шелком, и именно поэтому в числе его предков и были люди, занимавшие высокие избирательные посты в Республике. Например, среди людей, носивших фамилию Макиавелли, были даже "гонфалоньеры Справедливости". Титул, согласитесь, звонкий, и хорошо бы понять - а что он, собственно, значил?

Это легко объяснить - уже давно, с 1293 г. во Флорентийской республике была установлена должность гонфалоньера справедливости (правосудия) (*Gonfaloniere di Giustizia*), который стал главой Синьории, правительства. Ему была поручена охрана конституции – “*Установления справедливости*”. Гонфалоньер имел знамя определенной формы и цвета – гонфалон, символизировавшее его власть – и избирался из членов старших городских гильдий.

Но поскольку флорентинцы проявляли большое тщание к тому, чтобы их Республика так республикой и оставалась, и механизмы государственного аппарата строились с прицелом на недопущение создания властных монополий, то гонфалоньер справедливости избирался при помощи жребия, сроком всего на 2 месяца. Эти два месяца вообще были во Флоренции весьма значимым отрезком времени - таков был цикл ротации всего правительства Республики.

Заглянем в энциклопедию:

“...Согласно «Установлениям справедливости» (1292), высшим исполнительным органом Флоренции стала коллегия шести приоров, представлявших старшие цехи. Приоры руководили внутренней и внешней политикой государства и обладали правом законодательной инициативы. Приоры избирались на два месяца и во время исполнения своих обязанностей проживали в специально

отстроенном Дворце Синьории (Палаццо дела Синьория; итал. Palazzo della Signoria). Преемников действующих приоров избирали на особом собрании, в котором участвовали сами приоры, главы двенадцати правящих цехов и представители шести районов города...”.

И сама должность главы правительства, созданная в силу необходимости разрешения споров между приорами, тоже была привязана к этому же циклу:

“...В 1293 была учреждена новая должность седьмого приора – гонфалоньера справедливости, получившего функции главы государства и право приведения в исполнение судебных решений против должностных лиц республики. Гонфалоньеру была подчинена особая гвардия из тысячи человек. Шесть приоров и гонфалоньер образовали правительство Флорентийской республики – Синьорию...”.

Как мы видим, принимались очень серьезные меры для того, чтобы пресечь в зародыше всякое сосредоточение власти в одних руках - должности в Республике носили временный характер, ротация была частой и не давала возможности создавать клики. К тому же из города были изгнаны дворяне, укрепленные башни, в которых они жили с давних времен, были снесены, а все вооруженные силы Республики были поставлены так, что управлялись не отдельными лицами, а всей Республикой в целом. Считалось, что свобода простых граждан таким образом ограждена и от носителей высоких должностей, и от угрозы захвата власти оружием.

Угроза “...захвата власти обаянием...” предусмотрена не была.

III

Где-то к середине XV века, уже после того как был проведен *Catasto* 1427 года, о котором мы говорили, во Флоренции возникли Медичи.

Собственно, что значит - возникли? Семья была старая, жила во Флоренции с XII века, и занималась банковским делом. Что до "медицинской" фамилии, то по одной из версий, один из родоначальников клана был врачом (*medico*) при дворе Карла Великого. Злые языки, впрочем, утверждали, что не врачом, а аптекарем, и не у

Карла Великого, а у кого-то другого, много попроще. Во всяком случае, представители рода Медичи уже к концу XIV века составили себе столь значительное состояние, что начали вмешиваться в политику. И политиками они оказались не менее талантливыми, чем банкирами. Они играли на противоречиях между цеховой знатью и "тощим народом", добивались высоких должностей вроде поста гонфалоньера справедливости, но однажды доигрались до того, что семья их была изгнана из Флоренции, по подозрению в заговоре с целью захвата власти. А после того, как срок их изгнания истек, им запретили занимать общественные и государственные должности.

Медичи сосредоточились на своей банковской деятельности - и так преуспели, что сумели вернуться в политику.

Заглянем в энциклопедию еще разок:

"...В начале XV ст. Джованни Медичи достиг высших должностей, а в 1434 г. его сын Козимо, воспользовавшись недовольством народа знатью за частые войны и тяжелые налоги, захватил в свои руки власть..."

Вот об этом человеке, Козимо ди Джованни де Медичи[1], есть смысл поговорить подробнее - он-то и придумал удивительный способ преобразования денежной массы в политическую власть, и сделал он это именно что "...обаянием...". Это при нем Медичи стали самой богатой и могущественной семьей во Флоренции, с настолько обширной сетью клиентелы и патронажа что они оставили позади все прочие семейства флорентийских олигархов.

Козимо Медичи был человеком очень умным, и в своей деятельности банкира и предпринимателя следовал правилу, изобретенному им самим:

"...Умение тратить деньги еще важнее, чем умение их зарабатывать..."

Он тратил очень много - от него так или иначе зависело много людей. Люди эти выбирались им столь же тщательно, сколь это делалось им в отношении деловых проектов: риск "вложения" оценивался в соответствии с возможными перспективами выигрыша.

И выигрывал он очень часто. Когда ему после ареста пришлось бежать из Флоренции, вернулся он туда с помощью своего друга и кредитора, папы римского Евгения IV. Вообще, репутация необычайно богатого банкира, щедрого к друзьям и вовсе не заносчивого, а напротив, всегда готового помочь, очень ему помогала. Козимо Медичи, в отличие от очень многих, не просто пользовался влиянием - он еще и совершенно сознательно стремился избегать того, чтобы ему завидовали. Например, он добровольно платил самые большие в городе налоги. Во всех предприятиях Республики, в которых он желал бы участвовать, Козимо неизменно устраивал так, чтобы не он выступал в качестве инициатора дела, и вообще, создавал впечатление, что за проект он берется только по просьбе большинства - или, скажем, влиятельных людей, которым он не может отказать. Все это было только видимостью, которую Козимо Медичи усердно создавал. Скажем, его высокие налоги были вовсе не так высоки, потому что подлинных размеров его состояния не знал никто. Он держал секретные счета, спрятанные так, что до них не дознался бы никакой ассессор, он преувеличивал размеры своих потерь по убыточным займам, и преуменьшал доходы, получаемые им от выгодных предприятий.

Делалось это тем легче, чем большее количество клиентов обслуживал его банк, у которого было множество отделений по всей Италии, и даже и шире, по всей Европе.

А взятки, льготные займы, предоставление доли в выгодных предприятиях самым разным людям в его родной Флоренции сделало его человеком чрезвычайно влиятельным, и при этом без того, чтобы он был на виду, обремененный официальными полномочиями.

И в результате он мог манипулировать даже налоговой бюрократией города, и его недруги вдруг обнаруживали, что с них требуют куда больше, чем полагалось бы. Что, конечно же, всегда можно было уладить, переговорив с *“...простым гражданином Флоренции...”*, Козимо Медичи.

Иностранцы, собственно, с самого начала получали инструкции от своих правительств - в случае

серьезной проблемы не тратить время на обсуждение вопроса с официальными властями Флоренции, а сразу идти к “простому гражданину”.

Как писал впоследствии Энеа Сильвио дель Пикколомини, секретарь папы Евгения:

“...все политические дела решаются в доме Козимо Медичи. Это он решает, кто займет какую должность, он решает вопросы войны и мира, он контролирует принятие законов. Он король Флоренции - во всем, кроме титула ...”.

Энеа Сильвио дель Пикколомини знал, что говорил, и в политике он разбирался замечательно. Настолько замечательно, что в 1458 году он сам добьется избрания на папский престол, и станет Пием Вторым, папой римским.

Но до этого еще далеко - пока что мы просто говорим о том, как умело Козимо Медичи тратил свои деньги.

IV

Он тратил их в умопомрачительных размерах. Согласно его внуку, Лоренцо, о котором у нас еще будет случай поговорить, семейство Медичи (в основном Козимо) в период с 1434 года по 1478 потратило на налоги, постройки и благотворительность около 664 тысяч флоринов. Флорин, как мы уже знаем, весил три с половиной грамма, тысяча флоринов - три с половиной килограмма - так что если умножить эти килограммы на 664, то получится две тонны и еще 234 килограмма золота.

Есть смысл сравнить эту сумму с доходами Бернардо Макиавелли - сотня флоринов в год.

На что же шел весь этот огромный поток золота? Налоги, понятное дело - на нужды Республики. Благотворительность - на помощь бедным и на прочие богоугодные дела. Очень много шло на церковь, например, на постройки и украшение монастыря Сан-Марко.

Козимо дружил с архиепископом Флоренции, Антонио Пьероцци. Монах-доминиканец был совершеннейшей противоположностью своему другу - он был человек от мира далекий, аскет и праведник, и сурово осуждал ростовщичество. А кем был Козимо Медичи, как не исключительно успешным ростовщиком?

Чем-то, однако, они привлекали друг друга - возможно, силой интеллекта? Во всяком случае, они встречались очень часто, в беседах проводили целые часы, а Козимо Медичи в итоге, помимо прочего, подарил монастырю все духовные книги из своей огромной библиотеки.

Библиотека, собственно, была только частью сокровищ, которые были собраны Козимо Медичи. Помимо дел материальных, связанных с банком, торговлей и промыслами, помимо дел духовных, связанных со спасением души, он страстно интересовался новым учением, возникшем в Италии с того времени, когда в ней появилось ощущение утраченного мира античности.

Прошлое показывало образцы и красоты, и мудрости. Работы римских и греческих философов, поэтов и историков старательно изучались, античные статуи и фрески служили образцами для художников, и ценились необыкновенно высоко.

На античность вообще смотрели как на образец, и даже стало считаться, что после долгого сна и забвения ее следует как бы возродить. Отсюда и пошел введенный уже позднее термин "Ренессанс", или, если по-русски - "Возрождение".

Методом улучшения человеческой природы, как ни странно, была выбрана филология. Предполагалось, что изучение античной литературы этому очень способствует. Движение это возникло во Флоренции в середине XIV века, и даже получило особое название – “гуманизм”. Заглянем в энциклопедию, и увидим вот что:

*“...Ренессансный гуманизм является первой стадией развития гуманизма, движением, в котором гуманизм впервые выступил как целостная система взглядов и широкое течение общественной мысли, вызвав подлинный переворот в культуре и мировоззрении людей того времени ... Значение термина «гуманизм» в эпоху Возрождения ... было: **studia humanitatis**, «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа», поскольку *humanitas* означало «полноту и разделённость природы человека». Также это понятие*

противопоставлялось «схоластическому» изучению «божественного» (studia divina) ...».

Эта самая “*studia humanitatis*” понималась так – “...*познание тех вещей, которые относятся к жизни и нравам, и которые совершенствуют и украшают человека...*”, и человек, прошедший такую обработку, смотрел на европейских рыцарей, как золотой флорентийский флорин, будь он не монетой, а человеком, посмотрел бы на грубую монету примитивной чеканки.

Воспитанный человек, по понятиям северной Италии, был просто обязан знать латынь - и не в ее грубо вульгарной форме, унаследованной от Средних Веков, а в такой, которая была в ходу во времена Катона, Цицерона и Цезаря. Он должен был знать древних авторов - того же Цицерона, или Тита Ливия. Считалось, что неплохо знать и древнегреческий.

Само собой разумелось, что человек, умеющий читать на таком уровне, умеет и писать, и даже неплохо. Данте просто поразил современников мощью своего гения. Петрарка ввел своего рода моду на поэзию.

Нужно ли добавлять, что они оба были по рождению флорентинцами? Нужно ли говорить, что Козимо Медичи, фактический правитель Флоренции, страстно увлекся тем, что составляло славу его родного города?

И, как сказано в энциклопедии: “...*С этих пор и до конца столетия фамилия Медичи управляет республикой и приобретает громкую известность покровительством всем направлениям Ренессанса...*”.

Со всем своим умом, со всей своей энергией и со всеми своими большими деньгами и обширными связями Козимо Медичи взялся за дело помощи новому, захватившему его, учению - гуманизму.

V

В Европе того времени существовала ясная и понятная социальная иерархия, которая стояла на идее вассалитета: в IX веке франкский король Людовик Благочестивый повелел, чтобы каждый в королевстве был чьим-то «человеком». В государстве был верховный сюзерен, обычно король. Он жаловал землю своим вассалам

– герцогам и графам, а те в свою очередь жаловали ее баронам и далее бароны рыцарям. За это вассал был обязан состоять в совете при своем господине, нести воинскую повинность в войске сюзерена (обычно 40 дней в году), защищать границы его владений, а также в случае поражения выкупать господина из плена. А сеньор был обязан защищать своего вассала от военного нападения.

Еще до того, как флорин стал европейским золотым стандартом, современники с недоумением отмечали, что в Италии иерархия вассалитета вывернута наизнанку. То есть не во всей Италии, конечно - на Юге все было в порядке, и тамошние властители, предшественники короля Фернанте, никаких сложностей с вопросами ранга своих подданных не имели.

Но вот на севере Италии дела обстояли так, что болонские нотариусы путались в том, чье имя в деловой переписке им следует писать на первом, главном месте. По традиции, если герцог писал барону, то свое имя он ставил впереди. Если же барон писал рыцарю - то впереди стояло имя барона. А если любой дворянин писал купцу, то гордое дворянское имя по праву занимало полагающееся ему первое место[2].

В общем, все выглядело ясно и логично - даже с придирчивой точки зрения нотариуса - до тех пор, пока не возникал особый случай. Если переписка шла между бароном и флорентинским или венецианским купцом, дело полностью теряло свою кристально чистую ясность, и начинало зависеть от того, кто кому из двух участников переписки был больше нужен. Очень часто оказывалось, что это не барон был нужен купцу в качестве защитника, а купец был нужен барону - в качестве банкира.

Эта вывернутость наизнанку особенно сильно ощущалась во Флоренции. Даже если отвлечься от очевидного примера Козимо Медичи, в кредиторах которого числились папы и короли, то какие-то вещи в Республике Флоренция были закреплены просто структурно.

Гражданские права могли принадлежать только и исключительно членам гильдий, а “...*все прочие*...” были

лишены не только права на государственные должности, но даже и права голоса.

"Прочими" при этом считались такие категории, как чернь, иностранцы, и дворянство. С чернью - понятно. Иностранцы - они и есть иностранцы. Но вот исключение дворянства и отстранение его от всякого участия в государственных делах Республики действительно было необычным и ломало традицию...

Этот порядок вещей отражался на многих вещах, помимо социальной иерархии.

Скажем, в Европе идеалом считалось наличие у благородного человека рыцарских добродетелей: доблести, верности, в той или иной степени - благочестия. В конце концов, система иерархии в какой-то степени распространялась и на королей, которые могли в свою очередь считаться вассалами Папы римского. Короли, правда, это положение часто оспаривали, и утверждали, что они вассалы непосредственно господу богу ... Что, в свою очередь, оспаривала Церковь, в результате чего и сложился некий компромисс: короли стали "...старшими сыновьями Церкви..." и "...защитниками Веры Божьей...". В общем, как бы то ни было, рыцарю было положено быть не только верным и доблестным, но и благочестивым - иметь предков, участвовавших в Крестовых Походах, считалось очень почетным, и знатность рода имела огромное значение ...

Знать торговых городов северной Италии - не только Флоренции - смотрела на вещи иначе. Для банкиров и купцов "верность", и "доблесть" измерялись не в воинской, а в совершенно другой системе координат, а уж на "благочестие" они смотрели и вовсе приземленным взглядом, так сказать - по-соседски.

Рим был недалеко, степень веры, как правило, обратно пропорциональна расстоянию до ее источника[3]. Ну, а уж о множестве деталей, свойственных "... *Викариям Христа* ..." как земным людям, флорентинцы и венецианцы тоже знали не понаслышке...

И все больше и больше в Италии стал распространяться другой, нерыцарский идеал подлинно благородного человека. Собственно, идея "культивации"

просто напрашивалась. В Италии все делали куда лучше, чем в других частях Европы, даже исконно принадлежавшее дворянству искусство фехтования - и то изучалось во Франции или в Германии по пособиям, разработанным и напечатанным в Италии.

Италия в то время была культурной столицей Европы. А Флоренция была культурной столицей Италии. Могущество Флоренции стояло на ее умении "...улучшать шерсть...".

Может быть - можно улучшить и человека?

VI

На известной картине Боттичелли, "Поклонение Волхвов" в галерее Уффици во Флоренции изображены члены семьи Медичи. В общем-то, что вам расскажет экскурсовод, зависит от экскурсовода. Он может рассказать вам, например, вот это:

"...Картина была заказана Джуаспарре ди Заноби дель Лама, богатым банкиром, близким к семье Медичи, для фамильного алтаря в церкви Санта Марии Новелла, во Флоренции. Эта священная сцена сегодня очень интересна, ещё и потому, что многие фигуры изображают членов семейства Медичи...".

Боттичелли, "Поклонение Волхвов", галерея Уффици

Экскурсовод, может быть, расскажет вам о Козимо Медичи и людях из его окружения, изображенных с ним вместе:

“...Существует много противоречий при определений их на картине. Пришли к соглашению, что: старый король (Каспар, согласно истории), стоящий на коленях перед Марией, имеет лицо Козимо Старшего; рядом, в роли Балтазара (в красном плаще, в центре) изображён его сын Пьеро, прозванный *Подагриком*; старший сын Пьеро - Лоренцо, прозванный *Великолепным* - это молодой человек в чёрном с красным воротником (справа, в профиль); человек слева, в красном, с цепью на груди, его младший брат Джулиано; пожилой, седой человек справа, смотрящий на нас - дель Лама ...”.

Видите, как интересно? Козимо, оказывается, старший из иноземных волхвов-королей, пришедших поклониться младенцу-Иисусу. С ним – его старший сын, Пьеро - или Пьетро, что одно и то же – “...прозванный *Подагриком*...”, и сыновья “*Подагрика*”, Лоренцо и Джулиано, внуки Козимо. И даже заказчик картины, мало кому ведомый ныне мессер – уважительное обращение, эквивалент теперешнего слова "господин" – носивший звучную фамилию дель Лама, и тот нам виден и сейчас, через столько веков.

Но, конечно же, нет ни одного экскурсовода, который не указал бы на правый нижний угол композиции, где Боттичелли изобразил себя. Он обернулся и уверенно смотрит на нас из картины. Он, по-видимому, знает - художников помнят лучше, чем их клиентов. И это правда.

Даже Козимо Медичи, поистине великий человек, бессмертие приобрел не великими сделками, и не грандиозными барышами, а тем, что заказывал картины и фрески людям вроде Сандро Боттичелли, и лицо Козимо сейчас помнят только потому, что он - возможно, всего лишь возможно - послужил Боттичелли моделью для волхва Каспара.

Портрета Бернардо Макиавелли не сохранилось. Но, тем не менее, его помнят и сейчас. Конечно, он был небогат, и делами занимался спустя рукава, и полученное им юридическое образование не употребил должным образом. Он написал о себе однажды - и не где-нибудь, а в налоговом документе - “...оплачиваемого занятия не имею...”. Чистая

правда - нотариус по образованию, Бернардо Макиавелли оплачиваемых занятий не имел, и клиенты его своим вниманием не жаловали. Ясное дело, что у нотариуса Макиавелли не было ни особых дарований, ни особых амбиций.

И все его права на бессмертие состоят в том, что в 1469 году у него родился сын, Никколо Макиавелли.

Примечания

1. Имена вроде "Козимо ди Джованни ди Медичи" формировались по принципу соединения личного имени – в данном случае "Козимо" – с именем отца – в данном случае "Джованни" – с прибавлением имени рода, "Медичи". В очень вольном переводе на русский такое имя звучало бы как "Кузьма Иванович Дохтуров".

2. М.А. Гуковский, "ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ": "В начале XIII столетия в своем письмовнике, названном «Подсвечник», болонский нотариус Бене ди Болонья пишет, устанавливая иерархический порядок приветственных обращений в письмах: *«Каждое лицо, когда оно пишет лицам, стоящим ниже себя, должно раньше ставить свое имя, например: император — королю, король — герцогу, герцог — князю, князь — маркизу, маркиз — графу, граф — барону, барон — ... — рыцарю, рыцарь — купцу и любому человеку из народа или плебею... Но иногда случается, что даже бароны ставят раньше имена купцов, ибо сами они гуляют босыми и ходят пешком, купцы же разъезжают на колесницах и на конях, ибо святейшая в наши времена вещь — величие богатства».*

3. Никколо Макиавелли потом специально отметит это обстоятельство - снижения авторитета папства в Италии из-за слишком близкого соседства.

Эрнст Зальцберг

Российские композиторы-евреи в Америке

(1880-1950)

а протяжении 70 лет (1880-1950) из России в США эмигрировало около 2,5 млн. евреев. Главной причиной эмиграции являлись политические и связанные с ними экономические условия в царской и затем послереволюционной Советской России. Дореволюционные эмигранты направлялись, как правило, напрямую в США. Часть послереволюционной еврейской эмиграции осела в Западной Европе; некоторые ее представители достигли Нового Света до или в начале Второй мировой войны.

Среди эмигрантов были представители различных социальных и профессиональных групп, включая и композиторов. Некоторые из них прибыли в страну в юном возрасте и стали профессионалами уже на новой почве. Другие приехали в США сложившимися музыкантами и должны были в той или иной степени адаптироваться к новым социальным и культурным условиям. Некоторые оставались в своем творчестве приверженцами по преимуществу старых музыкальных традиций, другие впитывали новые музыкальные веяния и даже создавали их сами и, таким образом, способствовали дальнейшему развитию музыкальной культуры в США. Взаимодействие композиторов-эмигрантов с музыкальной средой в новой стране было обоюдным: в меру своего таланта они влияли на композиторское творчество и музыкальную жизнь своей новой родины, но и сами не оставались равнодушными к влияниям новой музыкальной среды и культуры.

Весьма условно композиторов-евреев из России, оказавшихся в Америке, можно разделить на две группы:

традиционалисты и новаторы. Первые оставались, в основном, в традициях тональной «после кучкистской» и позднеромантической русской музыки конца XIX века. За редкими исключениями, творчество этих композиторов было связано с еврейской (литургической и светской) тематикой.

Композиторы-новаторы были более чуткими к веяниям современности и нередко сами задавали им тон. Представители этой группы в значительной степени отошли от музыкальных традиций XIX века; некоторые из них развивали идеи музыкального импрессионизма, другие экспериментировали в области атональной, серийной и электронной музыки и с иными системами организации звуков и времени.

Несколько особняком стоят российские композиторы, работавшие в жанре “легкой” музыки (кино, мюзикл, песни). В смысле техники композиции они, конечно, не были новаторами, но были таковыми в деле освоения и развития новых жанров музыкального творчества.

Ниже приводятся краткие биографии наиболее значительных представителей каждой группы.

Композиторы-новаторы

Лопатников Николай Львович (1903, Ревель - 1976, Питтсбург, США) учился до 1917 г. в Петербургской, потом - в Хельсинской консерватории (1918-1920 гг.). Получил техническое образование в г. Карлсруэ (Германия), где одновременно занимался композицией с Эрнстом Тохом. До войны жил в Берлине и Лондоне, сочиняя музыку и выступая в качестве пианиста. Среди ранних работ композитора: опера «Дантон», два концерта для фортепиано с оркестром, камерная музыка и Симфония №1, которую исполняли многие оркестры в Европе и Америке. Эмигрировал в США в 1939 г. и получил американское гражданство в 1944 г. Преподавал композицию в Харт колледже, Вестчестерской консерватории и Институте технологии Карнеги (ныне - Карнеги Меллон университет). Среди произведений американского периода: переработанная

версия «Симфонического опуса» и балет «Плавильный котел». Был членом Национального института искусств и литературы.

Лурье Артур Винсент (Артур Сергеевич Лурье, настоящее имя - Наум Израилевич Лурье, 1891, Белоруссия - 1966, Принстон, штат Нью-Джерси, США) - композитор, музыкальный писатель, теоретик, критик, крупный деятель музыкального футуризма и представитель «серебряного» века русской культуры. Родился в Могилевской губернии в семье инженера. С 1899 г. до 1909 г. учился в коммерческом училище в Одессе, в 1912-1916 гг. - в Петербургской консерватории в классе композиции А.К. Глазунова. С 1918 г. по 1921 г. работал начальником музотдела Наркомпроса (МУЗО). 17 августа 1922 г. уехал в командировку в Берлин и стал «невозвращенцем». Жил во Франции. Весной 1941 г. при содействии руководителя Бостонского симфонического оркестра С. Кусевичко уехал в США и поселился в Нью-Йорке. В 1961 г. Артур и его третья жена Элла переехали в Принстон в дом, завещанный Лурье философом Ж. Маритеном.

Среди произведений Лурье американского периода: вокальные циклы на стихи Пушкина и поэтов-современников (А.Ахматовой, Ф.Сологуба, М.Кузмина, А.Блока), две симфонии (Sinfonia dialectica №1 и Симфония №2 «Кормчая»), Concerto spirituale для хора, фортепиано и оркестра, A little chamber music, опера-балет «Пир во время чумы» и др. Свое главное произведение американского периода, оперу «Арап Петра Великого» (либретто Ирины Грэм с обильным использованием стихов Пушкина) композитор создал в 1949-1955 гг., а партитуру завершил в 1961 г. Премьера оперы в концертном исполнении состоялась лишь 9 декабря 1992 г. в Кельне. В связи со столетием со дня рождения композитора о нем был снят в США документальный фильм «В поисках утраченного Орфея», исполнены и записаны некоторые его произведения; мемориальные концерты состоялись в Петербурге, Кельне и Бостоне.

Музыкальный стиль Лурье претерпевал со временем существенные изменения. Он начинал как смелый новатор (эксперименты с четвертитоновой и атональной музыкой, со специально подготовленным фортепиано). В Париже, частично под влиянием Стравинского, Лурье сочинял в духе неоклассицизма. В Америке он склонялся к субъективной лирике, тональности и мелодии, что не исключало использования отдельных элементов атональной и серийной техники. Помимо музыкальных произведений, большой интерес представляет дневник композитора, который он вел, живя в США. Приведем лишь две записи:

1946, 4 января. «Страшное ощущение хаоса повсюду, на каждом шагу. Люди усыпляют сознание, находят какие-то пустые, ничего не значащие слова, убаюкивают совесть. Все продолжается по механической инерции когда-то заведенного порядка. А жизнь наряду с этим так же беспощадно равнодушна и жестока. Какая должна получиться "музыка" из всего этого процесса? У каждого человека *своя* музыка, это главное в нем, то, чем живет душа, то, что она поет, и всякая другая музыка той, внутренней, своей только мешает и убивает ее...»

1946, 30 августа. «Обо мне нельзя говорить, что я сочиняю музыку. Я на ней сижу как курица на яйцах. Я ее высиживаю, и таким путем она оформляется внутренне сама собой, а потом уже почти невозможно объяснить, как это произошло. Я думаю, что в этой музыке живое и свободное ("ее биология") - непохожее ни на что другое, объясняется этим процессом ее вынашивания. Вот уже для меня это действительно всегда было связано с жизнью, в каждой интонации, каждой частице материи. Моя музыка была экзистенциальной задолго до того, как появился этот термин в обороте...»

Орнштейн Лев или Лео Орнстайн (1883, Кременчуг - 2002, Грин Бэй, штат Висконсин, США) - композитор, пианист и педагог. Родился в музыкальной семье: его отец был кантором, дядя играл на скрипке. В 1904 г. поступил в Петербургскую консерваторию, где его учителями были А.Глазунов (композиция) и А.Есипова (фортепиано). В 1906 г. семья Орнштейнов эмигрировала в

США и обосновалась в Нью-Йорке. Лев продолжил музыкальное образование в Институте музыкального искусства (ныне – Джульярдская школа музыки). В 1911 г. начинается его карьера концертирующего пианиста, которая продолжалась до 1922 г. Преподавал до 1953 г., сочинял до глубокой старости. Автор произведений для оркестра, камерной и фортепианной музыки, включая восемь сонат и концерт для фортепиано с оркестром. В ранних произведениях широко использовал принципы атональной музыки, в более поздних сочетал его с традиционным тональным изложением музыкального материала.

Шиллингер Иосиф Моисеевич (1895, Харьков - 1943, Нью-Йорк) – композитор, теоретик и педагог. Закончил Петроградскую консерваторию, где его учителями были В.Калафати, М.Чернова, Н.Черепнин и Я.Витол, одновременно прослушал курсы славянской истории и мифологии в Петроградском университете. В 1921 г. становится профессором и деканом факультета композиции Харьковского музыкально-драматического института. В 1921-1926 гг. – консультант Наркомпроса в Москве и Петрограде. Покинул Россию в 1928 г. и с 1929 г. жил в Нью-Йорке. Большинство его сочинений создано до отъезда в Америку (симфоническая рапсодия «Октябрь», марш «Поступь Востока» и др.). В США сочинил Первую («Великорусскую») симфонию, ряд вокальных и фортепианных произведений, а также произведения для электрического инструмента терменвокса, созданного Львом Терменом, с которым Шиллингер тесно сотрудничал в 1928-1931 гг. («Первая аэрофоническая сюита»).

Шиллингер был пионером электронной музыки и создателем универсальной теории творчества, которую широко использовал в своей педагогической практике в России и США. Среди его американских учеников были Б.Гудмен, Г.Миллер, О.Левант, Д.Гершвин, который использовал эту теорию и советы Шиллингера, работая над оперой «Порги и Бесс».

Исследовательница творчества композитора Е.Дубинец пишет: «Система Шиллингера ценна тем, что представляет автономное видение музыкального искусства,

отличное от традиционного и достаточно хорошо организованное. С Шиллингером можно спорить и не соглашаться, критиковать...его математические и терминологические познания..., однако необходимо признать, что его система - уникальное явление в истории современного искусства. Ни один теоретик не осмелился совершить то, о чем многие говорили и предполагали, что буквально "носилось в воздухе", но не поддавалось легкому и дерзкому воплощению. Шиллингер за свою короткую жизнь сумел это осуществить, донести до умов множества своих учеников и даже оставить в письменном... виде»

Композиторы-традиционалисты

Авшаломов Аарон Ашерович (1895, Николаевск-на-Амуре - 1965, Нью-Йорк). Учился музыке всего один год в школе Стерна в Швейцарии и вернулся в Николаевск. После революции уехал в Сан-Франциско и затем в Пекин. В 1925 г. закончил свою первую оперу «Куан Ыин» и первый балет «Душа Цина». В 1926 - 1929 гг. Авшаломов снова в Америке, затем - в Китае, где прожил до 1947 г. В эти годы им созданы опера «Великая стена», Первая симфония, симфоническая поэма «Аллеи Пекина», Концерты для фортепиано и скрипки с оркестром, пьесы для китайских народных инструментов пипы и урху, вокальные произведения, оркестровые миниатюры. Авшаломов стремился модернизировать китайскую музыку, используя приемы западной гармонизации и оркестровки, и добился в этом больших успехов. Его сын Джейкоб говорил о нем в 1985 г.: «Его достоинство состояло в том, что он глубоко уважал целостность древней китайской музыкальной культуры - ее лады, интонации, окраски и ритмы, легенды и саги. Он искал методы адекватного выражения этих элементов с помощью симфонического оркестра и усложненной текстуры. Конечно, в исторической перспективе музыка А.Авшаломова принадлежит 19 веку... Однако и это было громадным шагом в развитии музыкальных традиций в Китае, которые оставались неизменными на протяжении последних 400 лет».

В 1947 г. Авшаломов окончательно уехал в США. Сначала он поселился в Лос-Анджелесе, потом - в Нью-Йорке. Здесь им написаны Симфонии №№ 2, 3 и 4, опера «Сумерки Янг Гуэйфей», три балета, Концерт для флейты с оркестром, Квартет для струнных инструментов, фортепианные и вокальные произведения.

Сын Аарона Джейкоб (р.1919) и сын Джейкоба Дэвид (р.1946) - оба американские композиторы и дирижеры.

Ахрон Иосиф (Юзель) Юльевич (1886, Лодзь - 1943, Голливуд, Калифорния, США) - скрипач, композитор, педагог. Учился в Петербургской консерватории у Л.Ауэра (скрипка) и А.Лядова (композиция). Был активным членом Общества еврейской народной музыки, созданного в 1908 г. В США - с 1925 г. Автор симфонической музыки, трех концертов для скрипки, двух сонат для фортепиано, вокальных и камерных сочинений, музыки для кинофильмов. Значительное место в творчестве занимала еврейская тематика: Симфонические вариации и Соната на тему еврейской народной песни «Б-г построит Галилею» (1915), «Кидуш га-Шем» (1928), «Голем» для виолончели, трубы, валторны и фортепиано (1931), «Голем», сюита для камерного оркестра (1932), «Вечернее субботнее богослужение» (1932), Концерт для фортепиано с оркестром (1941).

Вейнберг Яков (1879, Одесса - 1956, США) - композитор, пианист. Учился в Московской консерватории как пианист (одновременно проходил курс контрапункта у С.Танеева) и в Московском университете. Совершенствовал пианистическое мастерство в Вене у Т.Лешетицкого. В США - с 1926 г, с 1929 г. преподавал в Нью-Йоркском колледже музыки. Среди произведений Вейнберга: опера «Пионеры Израиля», два Концерта для фортепиано с оркестром, синагогальная служба «Shabbat Ba'aretz». Положил на музыку Геттисбергскую речь А.Линкольна и некоторые выступления Ф.Рузвельта.

Вайнер Лазарь (1897, Черкассы - 1982, США) - композитор, дирижер, пианист. Учился в Киевской консерватории. В 1914 г. уезжает с семьей с США, где

пишет произведения на еврейские темы и занимается обработкой еврейской народной музыки. Был музыкальным руководителем синагоги на Манхэттене, преподавал сочинение литургической музыки. Среди его учеников – кантор синагоги «Темпль Израэль» Роберт Абельсон и др.

Гланц Лейб (1898, Киев – 1964, Тель-Авив) – кантор, певец, композитор, музыковед и общественный деятель. Учился в Киевской консерватории по классу фортепиано и композиции (у Р.Глиэра). В 1920 – 1926 гг. – кантор в Кишиневе. В 1930-е годы – главный кантор синагоги *Ohev-Shalom* в Нью-Йорке. В 1941 г. семья Гланц переезжает в Лос-Анджелес, где Лейб пел в главных синагогах города. Был крупным ученым в области истории еврейской музыки. С 1954 г. жил в Израиле. Автор 215 сочинений религиозной музыки и музыки других жанров.

Левенсон Борис (1884, Аккерман, Бессарабия – 1947, Нью-Йорк) – композитор, фольклорист. Окончил Петербургскую консерваторию в 1907 г. по классу композиции у Римского-Корсакова. В США – с 1920 г. Писал симфоническую, камерную, литургическую и вокальную музыку с частым обращением к еврейскому фольклору. Среди его произведений: «Еврейские картинки» для кларнета и фортепиано, «Еврейский танец» для саксофона и фортепиано, цикл «Еврейские народные песни» для кларнетного квинтета, оркестровая сюита «Палестина» и др.

Розовский Шломо (Соломон) (1878, Рига – 1962, Нью-Йорк) – композитор, педагог, музыковед. Окончил юридический факультет Киевского университета (1902) и Петербургскую консерваторию по классу композиции у Витола и Лядова. В 1904 – 1908 гг. изучал музыкально-теоретические предметы у Римского-Корсакова и Глазунова. В 1908 г. стал одним из основателей Общества еврейской народной музыки. До 1917 г. сочинил поэму «Хасиды», фортепианное трио, два квинтета для духовых инструментов («Бесконечная мелодия» и «Моше-сапожник»), фортепианные пьесы. Эти произведения основаны на фольклорном материале или на темах, сочиненных автором в подражание еврейских народных мелодий. В 1925 г. репатриировался в Эрец-Израэль, где активно занимался

преподаванием, композицией и исследовательской работой. Писал музыку к спектаклям, симфоническую, камерную и вокальную музыку. Выпустил сборник синагогальных мелодий и еврейских песен. В 1947 г. уехал в США. В 1957 г. в Нью-Йорке вышел его фундаментальный труд «Библейская кантиляция: Пятикнижие Моисеево» (на английском языке).

Саминский Лазарь (1882, Украина - 1959, Порт-Честер, штат Нью-Йорк, США) - композитор, музыковед, дирижер, музыкальный деятель. Окончил Петербургскую консерваторию по классу композиции у Н.Римского-Корсакова и А.Лядова и по классу дирижирования - у Н.Черепнина. Был одним из основателей Общества еврейской народной музыки, в 1909 - 1916 гг. был его секретарем и председателем художественной комиссии. В 1919 г. Саминский покинул Россию, с 1920 г. поселился в США. С 1924 г. - музыкальный директор нью-йоркской реформистской синагоги «Иммануэль». В композиторской практике следовал традициям позднего романтизма; в произведениях еврейской тематики широко использовал фольклорный мелос. Среди произведений американского периода: опера-балет «Дочь Ифтах» (1925), кантата «Царь Саул» (1929), «Праздничное б-гослужение для кантора, хора и органа» (1929), симфония с хором «Иерусалим, город Соломона и Христа» (1930), «Хасидская сюита» для скрипки и виолончели с оркестром (1937), «Антология духовных и обрядовых еврейских песен» для кантора, солистов, хора и органа (1946) и др. Саминский - автор многих музыковедческих трудов («Музыка наших дней», «Музыкальное гетто и Библия» и др.).

Цимбалист Ефрем Александрович (Аронович) (1889, Ростов-на-Дону - 1985, Рено, штат Невада, США) - скрипач и композитор. В 1901-1902 гг. учился в Петербургской консерватории у Леопольда Ауэра и закончил ее с Большой золотой медалью и Рубинштейновской премией. Много концертировал в России и за рубежом. В США - с 1911 г., с 1928 г. преподавал в институте Кертиса в Филадельфии, в 1941-1968 гг. был его директором. Автор оперы «Ландара» (1956), симфонической

поэмы «Портрет артиста» (1945), концертов, камерной музыки и многочисленных произведений для скрипки, включая фантазии на темы опер «Кармен», «Золотой петушок» и произведений Сарасате («Сарасатеана»).

Композиторы «легких» жанров

Темкин Дмитрий Зиновьевич (1894, Кременчуг – 1979, Лондон) – композитор, аранжировщик. Учился в Петербургской консерватории, после отъезда из России – у Ф.Бузони в Берлине. В США – с 1925 г. Автор музыки к 140 голливудским фильмам; 24 раза выдвигался на премию «Оскар» и получил ее 4 раза: за музыку к фильмам «Ровно в полдень» (1953), «Высокий и могучий» (1955), «Старик и море» (1959) и за лучшую песню в фильме «Ровно в полдень». В числе номинаций – музыка к советско-американскому фильму «Чайковский» (реж. И.Таланкин, 1969 г.). Ассоциация иностранной прессы Голливуда 8 раз присуждала ему приз «Золотой глобус». Композитор был кавалером Ордена Почетного Легиона, Ордена Изабеллы Католической; Союз композиторов, аранжировщиков и музыкальных издателей (S.A.C.E.M.) наградил его золотой медалью М.Равеля.

Покрасс Самуил Яковлевич (1897, Киев – 1939, Нью-Йорк) – композитор и эстрадный пианист. В 1917 г. закончил Петроградскую консерваторию по классу фортепиано и вернулся в Киев, где имел большой успех как эстрадный пианист, аккомпаниатор и автор популярных романсов. По заказу командования Красной Армии написал марш «Красная Армия всех сильнее» (слова П.Григорьева), немедленно ставший хитом. В феврале 1924 г. уехал в Берлин; в 1927 – 1928 гг. – в Париже, с 1928 г. – в США, где руководил небольшим джаз-оркестром и писал музыку для голливудских фильмов. В числе картин с его музыкой – «Три мушкетера» (1939, реж. Алан Дуан).

Мишле Мишель (Левин Михаил Исакович) (1894?, Киев – 1995) – композитор, аранжировщик и концертмейстер. Учился в Киеве и Лейпциге, сдал экстерном выпускные экзамены в Петербургской консерватории (1914). Эмигрировал на Запад в 1921 г., жил в

Германии, Франции, с 1941 г. – в Голливуде. В последние годы жизни вернулся в европейский кинематограф. Автор музыки к более чем 200 европейским и голливудским фильмам, а так же оперы, балета, песен и романсов на стихи Кузмина, Ахматовой, Бальмонта, Северянина.

Ирвинг Берлин (Бейлин Израиль Моисеевич (1888, Тюмень или Могилев – 1989, Бостон, США) – композитор-песенник. В США – с 1893 г. Рано оставшись без отца, перепробовал много профессий. В 16-летнем возрасте написал первую песню. Всего он создал около 1500 песен, самая известная из них – «Боже, благослови Америку» (God Bless America, 1918), которая считается неофициальным гимном США. Среди других хитов композитора: «Puttin' in the Ritz» (1929), которую называют гимном Голливуда, и «The White Christmas». Президент Д.Буш-старший на похоронах Берлина в Бостоне возглавил траурную процессию, певшую «God Bless America», а затем выступил с речью, в которой назвал композитора «легендарным человеком, чьи слова и музыка помогут пониманию истории нашего народа».

В заключение следует упомянуть выдающихся американских композиторов с русско-еврейскими корнями. Это **Д. Гершвин** (Джейкоб Гершвиц, 1898-1937), названный одним американским критиком «Авраамом Линкольном негритянской музыки», **А. Коппленд** (Каплан, 1900-1990) и **Л. Бернстайн** (1918-1990), без творчества которых невозможно представить себе развитие современной американской музыки.

Источники

Е.Дубинец. «Перерос музыку как таковую». Русские евреи в Америке, кн. 2. Ред.-сост. *Э.Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2007. С. 159-187.

Евреи России в зарубежье: Очерки истории. Автор-сост. и гл. ред. *М.Пархомовский.* Иерусалим, 2008.

Э.Зальцберг. Аарон Авшаломов, пионер современной китайской музыки. Русское еврейство в зарубежье. Сост., гл. ред. и издатель *М.Пархомовский.* Иерусалим, 2003. С. 73-86.

Л.Корабельникова. Александр Черепнин: долгое странствие. Москва, 1999.

Л.Корабельникова. Там, за океаном... Русские евреи в Америке, кн. 1. Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим – Торонто – Москва, 2005. С. 125-142.

Музыка. Большой Энциклопедический словарь. Гл.редактор Г.В.Келдыш. «Большая Российская энциклопедия». Москва, 1998.

Я.Сорокер. Российские музыканты-евреи. Иерусалим, 1992.

Электронная еврейская энциклопедия.

Э.Зальцберг,
Торонто, 2010

Наум Зайдель, Александр Баршай Баршай не пропал без России и без Израиля

Несколько суждений по поводу одного
интервью

популярном израильском еженедельнике «Окна» (приложение к газете «Вести») за 28 сентября с удивлением и горечью прочли мы интервью с известным в нашей стране музыкальным обозревателем, радиоведущим и до недавнего времени первым секретарем посольства Израиля в Москве Йоси Тавором.

Рудольф Баршай и Святослав Рихтер

Собственно говоря, удивило и весьма огорчило нас лишь одно место в обширных монологах Й. Тавора о самом себе – успешном и разнообразном. Это место, где он вдруг, походя, ни с того, ни с сего лягнул двух выдающихся музыкантов – Рудольфа Баршая и Андрея Волконского, ныне, к сожалению, покойных.

Порассуждав о том, «какие удивительные метаморфозы» происходят с любознательным человеком,

если его «помещают в новую среду, с новыми запросами и требованиями к себе», Тавор вдруг ссылается на книгу скрипача Льва Маркиза «Смычок в шкафу», которую недавно прочитал. Какие же «метаморфозы» произошли с Маркизом, покинувшим СССР в начале 1980-х, и с Тавором, уехавшим оттуда в начале 1970-х? Оказывается, оба они кардинально поменяли свое отношение к Московскому камерному оркестру и к ансамблю старинной музыки «Мадригал». «Эти коллективы, – утверждает Лев Маркиз, а вслед за ним и Йоси Тавор, – в лучшем случае играли на уровне крепких любительских ансамблей».

Рудольф Баршай и Дмитрий Шостакович

Хотя Тавор делает неуклюжую попытку смягчить удар – «Я ни в коем случае не умаляю заслуг выдающихся российских музыкантов, актеров, танцоров, художников...», от этого его с Маркизом поклев на выдающихся музыкантов не перестает быть поклевом. Ибо утверждать, что Московский камерный оркестр «в лучшем случае» (каков пассаж!) играл на уровне крепких любительских ансамблей, значит, проявить либо глубокое музыкальное невежество (в чем Тавора и Маркиза трудно заподозрить), либо какую-то

личную, или идеологическую неприязнь к Р. Баршаю и А. Волконскому, что, по нашему мнению, ближе к истине. Мы попытаемся это доказать.

А для начала напомним, что вопреки мнению Йоси Тавора такой, не совсем последний в музыке человек, как Дмитрий Шостакович весьма высоко ценил дирижера Рудольфа Баршая. Гениальный композитор писал о его оркестре:

Камерный оркестр представляет удивительное совершенство музыки и исполнения. Характерным для артистов Московского камерного оркестра является единство истории и современности: не искажая текста и духа старинной музыки, артисты делают ее современной и юной для наших слушателей.

Афиша, концерта памяти Р. Баршая, состоявшегося в Малом зале Московской консерватории 30 сентября 2011 года

Впрочем, если для Тавора не являются авторитетом Д. Шостакович или, скажем, С. Рихтер, Д. Ойстрах, И. Менухин, М. Ростропович, другие великие музыканты, почитавшие за честь играть с Рудольфом Баршаем, то он, конечно, вправе взять в советчики Льва Маркиза с его

книгой «Смычок в шкафу», где автор сводит с Рудольфом Баршаем и Андреем Волконским свои мелкие личные счета.

Об этом убедительно писали многие музыканты, в том числе и на сайте «Семь искусств». Например, Я. Милкис, А. Штильман, Н. Зайдель. А вот что утверждал Андрей Волконский незадолго до своей смерти в личном письме одному из авторов этой статьи – Науму Зайделю:

Дорогой Наум,

Посылаю то, что из себя выдавил (как зубную пасту). Сделай так, чтобы это стало достоянием

общественности. Надеюсь, что тебе не слишком жарко.

Что же касается меня, то живи курилка! Обнимаю, Андрей.

Маркиз решил очернить и обесчестить меня. Перед этим он также пытается очернить Баршая.

Что же толкает Маркиза на всё это? Причина везде одна и та же – Зависть!!

Сальери не перевелись.

Андрей Волконский.

Рудольф Баршай и Наум Зайдель (Лондон, 1983 г.)

Лев Маркиз – один из тех музыкантов, часто встречающихся в любом оркестре, которые полагают, что они тоже могли бы дирижировать и не хуже, а намного лучше, чем тот, который стоит на подиуме. Многим дирижирование кажется занятием простым и легким. Вот на почве своих непомерных, бесосновательных амбиций и личной непорядочности Маркиз и стал недругом Баршая и Волконского.

Что же касается позиции самого Тавора по отношению к Р. Баршаю, то она тоже известна по его книге (в соавторстве с Д. Фрадкиным) «Девять мер красоты. Рассказы о культуре», изданной еще в 1987 году издательством «Гарбут». Фрагменты этой книги можно и сегодня найти в интернете, правда, почему-то без указания имени соавтора Тавора Д. Фрадкина. Вот, что они там писали:

Когда в 1976 году (на самом деле – в 1977-м – прим. наше – Н.З., А.Б) израильский камерный ансамбль после ухода его главного дирижера Гарри Бертини возглавил новый репатриант из Москвы Рудольф Баршай, его развитие пошло по пути жесткой дисциплины. Баршай резко увеличил состав в основном за счет репатриантов из СССР, и после огромного числа репетиций представил израильской публике отшлифованный до блеска ансамбль. Многие критики поспешили предсказать блестящее будущее Израильскому Камерному оркестру (Баршай поменял и название коллектива). Но оказалось, что муштра не может заменить подлинного энтузиазма, а отсутствие музыкальных идей нельзя восполнить даже великолепным звучанием. Репатрианты из СССР не захотели работать по системе изнурительных и зачастую лишних репетиций. Первоначальный восторг критики сменился недоумением, а затем и явным отсутствием интереса. Равнодушие и усталость, сквозившие в игре музыкантов, недовольство самого Баршая привели к тому, что даже самые верные поклонники Камерного начали оставлять его. С Баршаем не продлевают контракт, и он уезжает за границу.

Думается, что здесь сыграл роль важнейший фактор нашей творческой жизни: успех зависит от нашего умения воспринять новые идеи, новый стиль, новую систему отношений, короче, атрибуты творческой жизни в свободном мире. Рудольф Баршай, выдающийся знаток струнных инструментов и феноменальный педагог-репетитор, в Москве диктовал вкусы публике. Его система взглядов на барочный и классический репертуар... оказалась сильно устаревшей. Баршай не сумел и не захотел понять это.

Каждое предложение этого фрагмента – пример явной необъективности авторов! С легкостью невероятной они характеризуют Баршай – **властителя дум целого поколения слушателей!** – как продукт советского тоталитарного режима, как старомодного педагога-репетитора, не способного воспринять идеи свободного мира.

Александр Баршай в гостях у Рудольфа Баршай (г. Рамлинсбург, Швейцария, 16 мая 2010 г.)

Вот куда хватили. А откуда, интересно знать, приехали они сами, господа Йоси Тавор и Даниэль Фрадкин? Родились в свободном Израиле? Нет, они тоже в зрелом возрасте репатриировались из СССР. Но они-то все знают и все поняли, они ведь «любопытные люди». Эх, господа хорошие, быть чуть поскромнее вам бы не помешало!

Впрочем, оставим двух недоброжелателей Рудольфа Баршай в покое. Прислушаемся лучше к мнению российского журнала «Культура», недавно написавшего буквально следующее:

Мало великих музыкантов в мире, у кого артистическое обаяние полностью совпадало бы с человеческим. Имя Баршай в 60-е годы было уже столь

притягательным, что превратилось в символ встречи с человеком, который украшает жизнь и никогда не обманет, преподнося безукоризненно строго исполненную музыку. Он долго был для нас живой связующей нитью между классиками XX века – Прокофьевым и особенно Шостаковичем, именно ему доверявшим свои остро окрашенные сочинения...

...И так легко было на гребне успеха впасть в рутину, начать заигрывать со своей сложившейся аудиторией! Но Рудольф Борисович был одержим идеей всё нового репертуара: с азартом, сдерживаемым лишь большим достоинством, он брался за современных композиторов. Четырнадцатую симфонию Шостакович уже писал, имея в виду его оркестр. Ее исполнение вошло в историю мировой музыки. Баршаевцы сыграли мировые премьеры Бунина, Вайнберга, Свиридова, Локшина. И все же дирижеру было мало, он не переставал перекладывать для своих любимых музыкантов волнующие его шедевры – «Мимолетности» Прокофьева, Восьмой струнный квартет Шостаковича. В Камерном оркестре Баршай зазвучали квартеты Чайковского, Бородина, Бетховена, фуги Баха. В начале 70-х он стал жаловаться: «Как все-таки мало музыки для камерного состава!» Начал записывать с большим сборным оркестром симфонию Бетховена. Мечтал, что получит, наконец, свой симфонический коллектив, но оркестра для него в СССР так и не создали.

В 1977 году он эмигрировал, и потеря для страны оказалась невосполнимой. Так это видится и сейчас. Камерных оркестров много, и репертуар диковинный, и играют бойко, и... на все готовы ради благополучия...

Но никому у нас пока не посчастливилось стать такой вехой отечественной музыкальной истории, какой оказался Баршаевский оркестр. Более того, по прошествии почти полувека есть основания говорить, что классики XX века у него звучали аутентично дальше некуда. Чувствуя большую личную ответственность перед Шостаковичем, на Западе он с Оркестром Кёльнского радио записал все 15 его симфоний, удрученный бездумностью и

«неухоженностью» сегодняшних оркестров. Он восстановил партитуру Десятой симфонии Малера.

Р. Баршай вообще не пропал без нас в мире. Руководил Венским и Лондонским симфоническими оркестрами, оркестром Би-Би-Си, «Филармонией», Национальным оркестром Франции и Парижским оркестром, Немецким симфоническим оркестром Берлина и оркестром Баварского радио, Ванкуверским оркестром. Со своей репутацией порядочнейшего человека и дотошного исследователя партитур он много лет возглавлял конкурсы дирижеров имени Тосканини.

...Свои последние месяцы жизни маэстро отдал оркестровке всех фуг Баха, неизменно начиная день этой работой... Он угад ровню год назад, и сейчас мы достойно вспомним его.

Рудольф Баршай не пропал в мире не только без России, но и без Израиля. А вот Израиль, увы, многое потерял от того, что выдающийся маэстро был вынужден покинуть страну, к которой питал самые добрые и нежные чувства. И в этом отчасти повинны настроения, царившие в ту пору в околмузыкальной израильской среде.

Но время все расставило по своим местам. У Рудольфа Баршая свое особое место в развитии музыкальной культуры XX века. Оно прочно стоит рядом с именами таких выдающихся мастеров Музыки, как Шостакович, Рихтер, Ойстрах, Коган, Менухин, Локшин, Юдина, Ростропович и других из когорты того же масштаба.

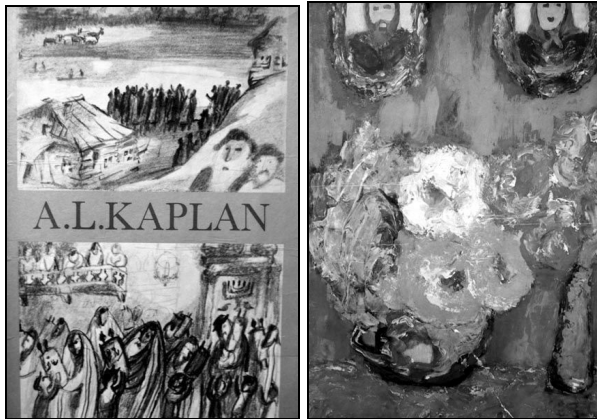
Марк Фукс
Художник Анатолий (Танхум)
Каплан

Попытка описания жизненного пути и творчества на примере одной книги¹

примерно в начале восьмидесятых в одном из книжных магазинов мой взгляд привлекла стоявшая на полке, корешком ко мне.

**Книга – альбом с надписью «Anatoli L. Kaplan.
Zeichnerische werk»**

Суперобложка книги

О художнике Анатолии Каплате я в то время почти ничего не знал. Имя это мне где-то встречалось, возможно, в мемуарной литературе, которую я всегда любил, но работ его я не видел.

¹ Печатается с сокращениями.

Книга оказалась настолько интересной и ценной для меня, что я, не раздумывая, приобрел ее.

Естественно, она оказалась в числе тех немногих книг, которые я привез с собой в Израиль.

Евреи-художники, вернее один из них, живший и творивший внутри советской системы и оставшийся верными духовному наследию своего народа, – вот тема нашего маленького рассказа.

Я не уверен, в том, что у каждого моего читателя есть альбом репродукций Анатолия Каплана и поэтому позволю себе предложить ему сумму своих впечатлений о жизненном пути, судьбе и творчестве художника.

Главное или, собственно, о Мастере и о книге

Анатолий Каплан

Белорусско-литовский край в прошлом веке подарил еврейству множество славных имен. В живописи – это целая плеяда мастеров, которые по большому счету могли бы составить академию художеств европейской страны среднего и не очень среднего размера.

Родившийся в Зарасае, а затем работавший в Витебске Юдель (Иегуда) Пэн был не только автором целой галереи работ на еврейскую тематику, но и прекрасным педагогом.

Одно перечисление имен его учеников чего стоит:

Лазарь (Эль) Лисицкий, Илья Мазель, Ефим Минин, Давид Якерсон, Заир Азгур, Реймонд Брайнин, Оскар Мещанинов, Осип Цадкин, Соломон Юдовин, Елена Кабищер и, наконец, Марк Шагал.

Созвездие имен!

Мой герой не входил в число учеников прославленного мастера и педагога, но, безусловно, испытал влияние школы Пэна и своих старших по возрасту земляков.

Танхум Каплан родился в белорусском Рогачеве в 1902 году.

Он получил при рождении ивритское имя, которое можно перевести как «Утешение, Утешитель».

А.Л. Каплан. «Рогачев. Улица, мощеная булыжником»

В дальнейшем он называл себя Анатолием и под этим именем вошел в историю.

Помимо Танхума Каплана хасидский Рогачев подарил мировому еврейству также, Рогачевского Гаона Иосифа Розина (Рогачевера) (1858-1936) и поэта и драматурга Самуила Галкина (1897-1960).

Самуил Галкин рос вместе Танхумом Капланом, они вместе носились по Рогачевским улицам и переулкам,

вместе постигали основы грамоты и вместе увлекались рисованием.

А.Л. Каплан. «Рогачев. Улочка»

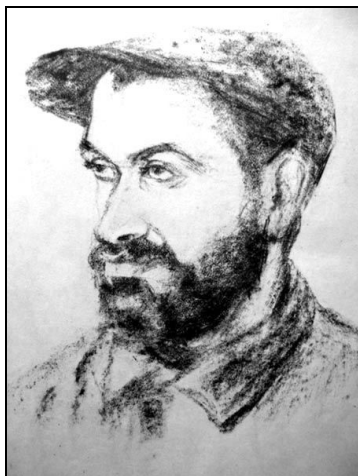
Последнее занятие приносило им определенный заработок: они занялись изготовлением вывесок для Рогачевских лавок, шинков и кустарных мастерских. Причем рисовал, как правило, будущий поэт Галкин, а надписи выводил будущий художник Каплан.

В дальнейшем Анатолий Каплан, будет постоянно возвращаться к своим детским впечатлениям, они будут служить питательной почвой для его творчества, и мы еще увидим мир белорусского местечка внимательными и удивленными глазами ребенка.

Более того, он сохранит трепетное отношение к Букве, к ее написанию, месту в художественной композиции, понимая, какой заряд она несет. Буквы и слова на идише вплетенные в рисунок станут полноправными элементами его работ, будут нести нагрузку наравне с другими образами. Мне кажется такое отношение к Букве и ее месту в жизни вообще и в произведении искусства в частности, является частью еврейской традиции, и было привито художнику в детстве вместе с основами еврейской системы ценностей.

Детство и отрочество Т. Каплана приходится на годы революции и гражданской войны.

Некоторое время А. Каплан учится в Харьковском педагогическом училище, где получает квалификацию учителя рисования.

А.Л. Каплан «Портрет И. Галкина»

Все годы, вплоть до своего приезда в 1922 году в Петроград и поступления на учебу в Свободные художественные мастерские (СВОМАС) он продолжает рисовать.

За годы учебы Каплана учебное заведение меняет не только название на ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт, но и руководителей, педагогов, направления учебы. Студентам приходится нелегко и большую часть работы по своему образованию Анатолий Каплан прodelывает самостоятельно, базируясь на традициях русской рисовальной школы и на собственном таланте и видении.

Последнее обстоятельство позволяет ему сохранить свою индивидуальность и достичь оригинальности и узнаваемости в работах.

В период учебы он посещает родные места, много рисует с натуры.

Еврейская тематика увлекает его. Он постоянно обращается к образам земляков, родным пейзажам.

В 1927 году он оканчивает Ленинградскую Академию художеств, так теперь называется его ВУЗ, и начинает работать в области промышленной графики, затем как оформитель и как иллюстратор.

Это было время подъема и становления в послереволюционной России графики как самостоятельного и самодостаточного вида изобразительного искусства.

А.Л. Каплан «Извозчик»

До этого мастера старой русской школы считали рисунок, графику – средством вспомогательным. И.Е. Репин называл рисунок «совестью живописи», но не отводил ему роли доминаты в изобразительном искусстве. Теперь, к тридцатым годам мастера-графики с русскими корнями задают тон в салонах Берлина и Парижа, окончательно утверждая графику как самостоятельный вид искусства.

Творчество Анатолия Каплана – часть этого процесса, так характерного для двадцатого века вообще и для тридцатых годов в частности.

Приводя в качестве примера репродукции работ мастера, я намеренно воздержусь от искусствоведческих комментариев с применением специальной терминологии типа «ахроматические цвета» и «цветовые отношения» по двум причинам:

– я совершенно недостаточно образован в этой специальной области и мое мнение – мнение простого любителя-обывателя.

– я не хочу читателю, незнакомому с творчеством А. Каплана, но заинтересовавшимся им, навязывать какое-либо мнение и штампы.

А.Л. Каплан. «Кишинев. Зонтичная мастерская»

Если это Ваше, закажите себе за двадцать долларов альбом художника. Изучайте, смотрите и наслаждайтесь.

Анатолий Каплан в своем творчестве постоянно обращается к литературе. Образы детства, дополненные картинами еврейской жизни, описанными Шолом-Алейхемом, становятся на долгие годы главным источником его творчества и определяют тематику работ художника. Со временем, он доводит свое мастерство до совершенства.

В начале тридцатых Анатолий Каплан получает и исполняет заказ для Музея этнографии. Это была серия литографий о Биробиджане. В то же время он работает над циклом литографий «Касриловка», оформляет и иллюстрирует несколько идишских книг.

Интересно, что первоначально он хочет назвать цикл литографий «Рогачев», но затем дает ему имя «Касриловка», таким образом, расширяя и географию, и значение своего творчества до масштабов собирательных, общих для всего еврейства черты оседлости.

Литографией А. Каплан овладевает мастерски, она на долгие годы остается одним из основных видов его творчества. В литографской мастерской Союза художников в то время собрался славный коллектив, объединенный желанием творить подальше от всевидящего ока властей.

А.Л. Каплан. «Черновицы – город И. Мангера»

К Шолом-Алейхемовской тематике А. Каплан еще вернется, но уже зрелым, умудренным жизнью и опытом художником в середине пятидесятых.

А пока, имя его приобретает известность среди любителей еврейской культуры.

К концу тридцатых – началу сороковых годов территория СССР увеличивается за счет приобретений на Западе. Огромные регионы со значительным еврейским населением включаются в состав Советского Союза.

Для художника А. Каплана важно самому увидеть, почувствовать жизнь еврейских общин присоединенных земель, зафиксировать для истории на бумаге и картоне увиденное, сравнить свои впечатления уже сформировавшегося художника с образами далекого детства, с его родным Рогачевым.

В 1940 году он предпринимает поездку в Бессарабию и на Северную Буковину и оставляет нам серию эскизов и зарисовок.

К этому же периоду относятся немногочисленные, работы мастера маслом, открывающие нам еще одну грань таланта А. Каплана.

В годы войны Анатолий Каплан с семьей эвакуируется из блокадного Ленинграда на Северный Урал. Здесь в ста сорока километрах от Перми, тогда Молотова, в Чусовой Анатолий Каплан пробудет до сорок четвертого. Эти годы мастер работает учителем рисования, продолжая творить. Он создает серию работ, связанную с Уралом, Чусовой и ее градообразующим предприятием – металлургическим заводом.

А.Л. Каплан. Чусовая. «Конный поезд на заводском дворе»

По возвращении в Ленинград художник готовит цикл литографий «Ленинград в блокаде».

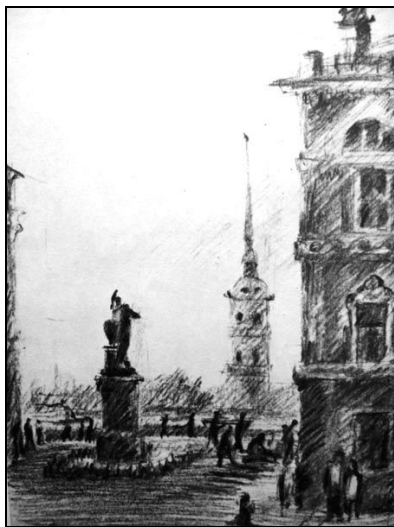
1946 год отмечен для А. Каплана, как год признания и заслуженной оценки его творчества.

Однако судьба не была милостивой к мастеру. На страну надвигаются черные годы очередной волны сталинского террора. Евреи – деятели культуры, науки первыми ощущают надвигающуюся опасность, режим бьет по ним в первую очередь.

Ставший уже известным графиком Анатолий Каплан поступает на работу Главным художником на Ленинградский завод художественного стекла.

Этот шаг не только дает ему стабильный заработок, но и выводит из круга «явных космополитов» – потенциальных клиентов и жертв МГБ.

Он приходит на предприятие со славной историей, созданное перед самой войной на основе Императорского стекольного завода. Его воссозданием, еще до войны, среди других известных лиц, занимался, в частности, А.Н. Толстой. В его становление внесли вклад В.И. Мухина, Н.А. Тырса, А.А. Успенский.

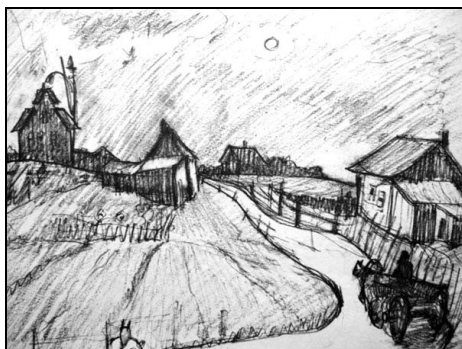

А.Л. Каплан. «Ленинград. На площади Суворова восстанавливают трамвайные пути»

В годы войны завод выполнял только разовые военные заказы, а с ее окончанием, уже в конце сороковых – начале пятидесятых производству присваивается название «Ленинградский завод художественного стекла».

«Ленинградский завод художественного стекла» всю свою историю разрывался между искусством и производством. На этом предприятии, по всей видимости, это сочетание не проходило. Как сказали бы сегодня: «бизнес не шел». Завод постоянно трясло из-за хозяйственно-финансовых неурядиц, он переходил из

одного ведомства в другое, объединялся с партнерами, расходился с ними, менял вывески.

А.Л. Каплан. «Эскизы иллюстраций к книге "Тевье-молочник" Шолом-Алейхема»

На время работы (1950-1951) Анатолия Каплана на нем Главным художником выпадает начало подъема производства, завод становится центром художественного стеклоделия страны.

А.Л. Каплан. «Эскиз фронтисписа "Козочка"»

Этот период А. Каплан использует не только для подъема производства и внедрения новых художественных

изделий, он с большим желанием и успехом осваивает новые виды декоративного искусства, начинает работать как художник-пластик.

А.Л. Каплан. «Эскизы к роману "Песнь Песней" Шолом-Алейхема»

С изменением общего климата в стране, А. Каплан возвращается к любимой графике и еврейской тематике.

А.Л. Каплан. «Эскизы к книге "Фишке хромой" Менделе Мохер-Сфорима»

Теперь работу продолжает уже совершенно зрелый, мудрый, много переживший художник.

Он параллельно работает над циклами иллюстраций к произведениям Шолом-Алейхема «Заколдованный портной» (1953-1963), «Тевье Молочник» (1957-1961), «Песнь песней» (1962), «Степеню» (1963-1967), «Рассказы для детей» (1965-1970) к «Фишка Хромой» (1966-1967) Менделе Мойхер-Сфорима.

В 1977 году Анатолий Каплан обращается к керамике и создает цикл скульптурных иллюстраций к Н.В. Гоголю. До этого он уже обращался к русской литературе, работая над иллюстрациями к произведениям А.П. Чехова и В.Г. Короленко.

А.Л. Каплан. «Эскизы к книге "Заколдованный портной" Шолом-Алейхема»

Как мы уже отмечали, к Анатолию Каплану в середине пятидесятых пришло признание, он успешен, удивительно работоспособен и скромен. Ленинградские власти, чиновники от искусства не то, чтобы поощряют его, но, во всяком случае, терпят. Но тиражи графики с такой

специфической тематикой в стране побеждающего антисемитизма ничтожно малы. О персональной выставке он даже и не заикается (!).

Анатолий Каплан прожил большую часть своей жизни в Ленинграде.

Он оставил нам прекрасные питерские городские пейзажи, и можно только догадываться, какое влияние на него имела атмосфера, дух города на Неве. Мне кажется, что контраст между изысканной столицей и отпечатанными в памяти пейзажами и образами детства в маленьком городке на окраине империи и дали художнику необходимую перспективу и силу.

А.Л. Каплан. «Ленинград. Мойка»

В 1957 году мастер предпринимает попытку прорвать атмосферу «великого города с областной судьбой» и с надеждой выйти на союзный уровень наносит визит Самуилу Яковлевичу Маршаку.

С.М. Маршак – живой классик, обладатель к тому времени четырех Сталинских премий и высших орденов, признанный властями мэтр с сионистской юностью и еврейским сердцем принимает его самым лучшим образом: дарит свои книги, пишет статью «"Заколдованный портной"»,

сюита Анатолия Каплана», пытается организовать критические статьи в союзной печати.

А. Каплан продолжает поддерживать связь с С.М. Маршаком, посещает его, одаривает своими работами, но ни статья Маршака, ни другие материалы о А. Каплане, написанию которых способствовал Маршак, света не увидят.

В то же время Анатолий Каплан знакомится с Ильей Эренбургом.

На скидки в доме Л.М. Козинцевой и И.Г. Эренбурга рассчитывать не приходилось.

Здесь Мастера ждал настоящий экзамен, настоящая оценка, по «гамбургскому счету», без скидок и поблажек.

Илья Эренбург был своеобразным мостом, связывавшим Советский Союз с Западом.

Эренбурга хорошо знали и ценили по обе стороны железного занавеса. Энциклопедические знания, многочисленные знакомства и связи с деятелями искусства и литературы, политиками и учеными – все это ставило его в совершенно особое положение в СССР.

Прийти в дом к человеку, в друзьях и приятелях которого числились Сутин, Шагал, Модильяни, Сарьян, Липшиц, Цадкин, Пикассо, Матисс, Леже, Альтман, Тышлер, Лисицкий, Кончаловский, к человеку, бывшему безусловным авторитетом в изобразительном искусстве, и предъявить свои работы – сам этот поступок, для такого скромного человека как Анатолий Каплан, был своего рода подвигом.

Анатолий Каплан экзамен выдержал.

И Илья Григорьевич и Любовь Михайловна, сама интересный художник с прекрасной школой и вкусом, высоко оценили литографии Каплана.

И.Г. Эренбург сравнил его с Шагалом и Сутиным.

Хозяева дома получили в подарок набор литографий мастера, а сам художник получил повесть «Оттепель» с автографом.

Между И. Эренбургом и А. Капланом завязалась переписка.

И.Г. Эренбург как никто знал лабиринты партийно-советского двора, процессы и переходы, технологию, условности и порядок действий.

Он прекрасно знал, чего хочет и ожидает Запад от Москвы, и что может и хочет, главное, как может Москва показать себя Западу.

Такой совершенно неизвестный тогда на Западе, нетривиальный, оригинальный художник как А. Каплан, с его еврейской темой, великолепной техникой и скромностью был для Министерства культуры настоящей находкой.

Симбиоз!

Устраивая выставки А. Каплана за рубежом, минкульт как бы говорил Западу: и в Советской России, вдали от Парижа и Флоренции, Берлина и Лондона сформировались, стали на ноги и заявляют о себе в полный голос настоящие мастера. Смотрите, цените, убеждайтесь и удивляйтесь!

Анатолий Каплан, со своей стороны, получал выход на Запад и признание там.

А. Каплан стал необычайно популярен и известен.

Теперь путь Анатолия Каплана к известности в Советском Союзе лежал через Запад.

Страна Советов, вернее, ее власти не спешили с признанием.

Даже инициированное Всемирным Советом мира всемирное празднование столетнего юбилея Шолом-Алейхема в 1959 году, несмотря на колоссальный вклад А. Каплана в популяризацию еврейского классика и целую галерею созданных им образов героев Шолом-Алейхема, не вносит особых изменений в отношения властей к художнику. Дома его терпят, но стараются не замечать.

Илья Эренбург – основной приводной механизм и организатор празднования юбилея в СССР, несмотря на весь свой вес и авторитет не в состоянии помочь.

Впрочем, литографии А. Каплана экспонировались на юбилейной выставке, посвященной Шолом-Алейхему.

Но в Нью-Йорке...

В 1958 году Каплан начинает работу над циклом «Из еврейской народной поэзии» (Гуашь и темпера), где

показывает свое великолепное владение цветом и демонстрирует абсолютный вкус.

А.Л. Каплан. «Бульбе (Картошка)»

Здесь я позволю себе для не читающих на идиш дать маленькое пояснение.

А.Л. Каплан. «Пахарь»

В народной еврейской песне «Бульбе» («Картошка») поется о том, что вся семья начинает воскресенье с картошки, продолжает в понедельник, затем ест ее во

вторник, среду, четверг, пятницу и вот когда приходит
царица-суббота, то настает черед кугеля из... картошки.

Разумеется, семья не из самых зажиточных...

А.Л. Каплан. «Отвергнутый отец»

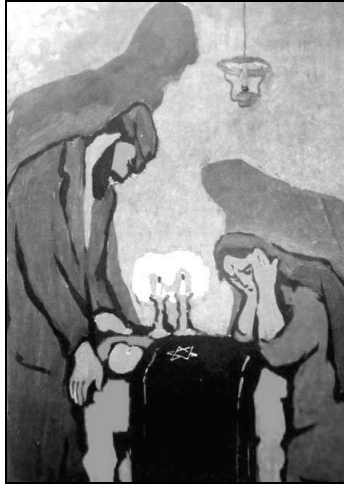
В это время, с молчаливого согласия властей тиражи
и частота изданий произведений художника растут, но все
что печатается, идет за рубеж.

А.Л. Каплан. «Зимнее солнце»

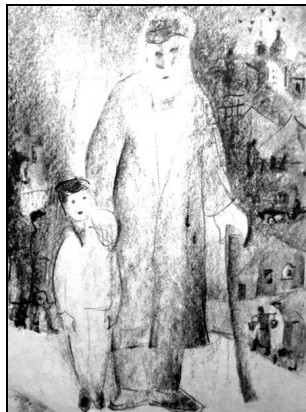
Создается впечатление, что в России работ Каплана
не остается.

Во всяком случае, за рубежом его знают и ценят намного больше, чем в Советском Союзе.

А.Л. Каплан. «Плач по ребенку»

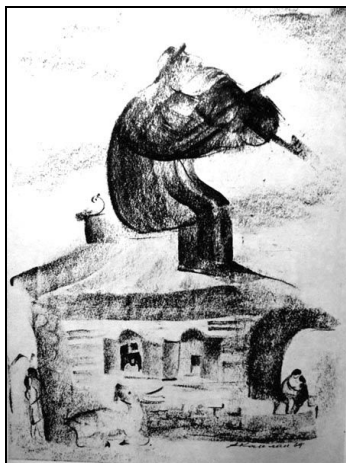
Не удержусь от комментария. «Дедушка и внук» мне нравится особенно. Минимальными средствами, несколькими касаниями волшебной руки к картону мастер создал настоящий шедевр. Здесь все абсолютно и закончено.

А.Л. Каплан. «Дедушка и внук»

Графика не терпит фальши и не прощает ошибок.

Композиция, перспектива, задний план с пейзажем.

А.Л. Каплан. «Скрипач на крыше»

Покосившиеся дома местечка, купола церкви (совсем не случайно!), птицы в небе, водоносы, возвращающие нас в действительность с ее заботами и хлопотами.

А.Л. Каплан. «Встреча субботы»

Всего три штриха-касания и лицо дедушки, обрамленное бородой, мудро смотрит на мир, всего три

точки – и лицо внука, с удивленными и любопытными глазами обращено к свету.

А.Л. Каплан. «Молящийся»

Рука бабушки – на плече внука. Здесь и опора на него, и вселение уверенности мальчику, и передача эстафеты жизни.

А.Л. Каплан. «Подсолнухи»

Он выставляется в Италии, ФРГ, Франции, США, Чехословакии, Австрии, Канаде, известен и популярен в Польше и ГДР. Работы его попадают в Израиль.

1965 год приносит А. Каплану медаль на Лейпцигской международной выставке искусства книги, затем приходят награды из Венеции и Брно.

А.Л. Каплан. «Женский портрет в рамке с орнаментом»

В 1972 в Ленинграде искусствоведу Борису Сурису удается выпустить книгу о творческом пути Анатолия Львовича Каплана с альбомом репродукций, однако продажа его негласно разрешена только в городе на Неве.

Персональной выставки в СССР мастер так и не дождался.

Анатолий Каплан покинул нас в 1980 году.

Теперь позволю себе вернуться к заголовку основной части рассказа:

Еще немного о книге

Ведь с нее собственно и начался рассказ.

Книга во многом уникальная. Сейчас на постсоветском пространстве выходят издания о А. Каплане, я их в руках не держал, но надеюсь, они по своему качеству и объему могут сравниться с Лейпцигским изданием и Дрезденской печатью.

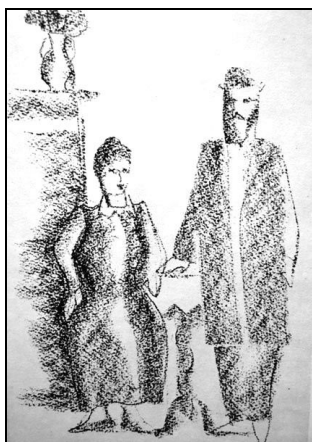
В «моем Каплане»:

– 305 страниц формата 34,5 X 24,5 см.

– 222 иллюстрации высокого качества: рисунки карандашом, акварели, гуашь, уголь, темпера и пастель.

– Вступительное слово Бориса Давыдовича Суриса, известного искусствоведа, много сделавшего для популяризации творчества Анатолия Каплана и выпустившего в семидесятых книгу о нем («Каплан. Очерк творчества»).

– Описание творческого пути мастера, его работ, занимающее объем в двадцать страниц, о качестве которого, в силу своего незнания немецкого я могу только догадываться.

А.Л. Каплан. «Семейная пара у фотографа»

В последнем обстоятельстве была и определенная положительная составляющая, побудившая меня к поиску материалов об Анатолии Каплане на русском и приведшая в итоге к данной статье.

– Подробнейший каталог произведений А.Каплана, охватывающий период с 1927 года по 1977 годы и опирающийся на литературу о мастере, изданную в Вероне (1975), на итальянском, Берлине (1977) и Лейпциге (1976) на немецком (1977), Ленинграде (1972) и включающий помимо упомянутых 222 иллюстраций еще пятьдесят пять.

Несколько слов в заключение...

Книги мои относятся к категории моих добрых друзей, я стараюсь с ними не расставаться, периодически

листаю страницы и беседую с ними. Мне хочется познакомиться с ними как можно большее число людей, поделиться моим богатством и радостью, приобщить к тому, чем обладаю я.

А.Л. Каплан. Фотопортрет художника

Если кто-нибудь приобщился к творчеству «Каплана из Рогачева», как часто подписывал свои работы мастер, познакомился с ним, расширил свой кругозор, считаю задачу свою выполненной.

Я соирался, без особых претензий, рассказать о своей счастливой покупке книги «Anatoli L. Kaplan» и приобщить тех, кто не знал этого еврейского национального художника, к его творчеству, но в процессе подготовки материала обнаружил интересное и новое для себя.

Например, коллекционер из Санкт-Петербурга, Исаак Кушнир, – обладатель коллекции произведений А. Каплана и исследователь его творчества свидетельствует, что Лейпцигское издание книги о А. Каплане, о котором идет речь, было осуществлено на основе материалов нелегально вывезенных из СССР, а главный редактор издательства пострадал за это.

Анатолий Каплан, его творческое наследие – это огромный материк, который активно осваивается и осмысливается сейчас не только на Западе, но и в России и Белоруссии, на родине художника.

Характерно, что творчество А. Каплана, родившегося и выросшего в Белоруссии, прожившего всю жизнь в России, в Ленинграде, затрагивает нашу душу и волнует сердце независимо от географии и места нашего обитания.

В свое время, на заре своей творческой жизни, Анатолий Каплан, мы писали об этом, первоначальному названию своего цикла «Рогачев» предпочел собирательное, универсальное – «Касриловка».

Упомянувшийся нами выше преданный исследователь творчества мастера и собиратель его произведений петербуржец Исаак Кушнир, вспоминает, что впервые познакомился с творчеством А. Каплана в поездке по Польше, посетив книжный магазин. Листая альбом репродукций, он, рожденный в Бессарабии, ощутил прикосновение к своему детству, к своим истокам.

Судьба восточноевропейского еврейства была общей, независимо от того была ли это Бессарабия, Украина или Беларусь. Общей была и история, и культура, и творцы ее.

Поиск материала и сам процесс написания доставил мне много добрых минут.

Единственная трудность, с которой я столкнулся, заключалась в отборе иллюстраций. Мне хотелось показать потенциальному читателю все, что оставил нам Анатолий Львович Каплан.

Возможно, мой рассказ несколько вышел за рамки поставленной задачи и затянулся...

Удивительная судьба мальчика из сословия Коэнов из Гомельского Полесья, выросшего под мотивы хасидских спиричуэлс.

Талант, поразительная память и честность, последовательность, беззаветная преданность национальной идее и наследию.

Наша благодарность Мастеру, поклон и память.

Источники:

Anatoli L. Kaplan
Das zeichnerische Werk 1928 bis 1977.

1979/ Insel-Verlag - Leipzig

<http://www.eleven.co.il/print.php?id=11967>

(http://www.ru.chabad.org/library/article_cdo/aid/836130)

<http://www.jewish.ru/culture/art/2001/09/news8696.php>

<http://www.lechaim.ru/ARHIV/198/frezinskiy.htm>

<http://www.meod.by/ru/arhiv-novostej/19-2006/835-2011-07-21-11-57-04.html>

<http://holocaust-museum.org.ua/articles/arkhiv-nomerov-za-2007-god/mai-2007-god-5-94/article-279.htm>

<http://www.chagal-vitebsk.com/node/256>

<http://www.jew.spb.ru/ami/A297/A297-091.html>

<http://www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=2716>

http://narodknigi.ru/journals/43/talant_chitatelya/

Признательность и благодарность:

– Доктору Рабиновичу Э.М.(Нью-Джерси), автору мозаичного панно «Скрипач» по Анатолию Каплану (<http://7iskusstv.com/2011/Nomer10/ERabinovich1.php>),

подтолкнувшего своей работой к воспоминаниям и давшего таким образом первоначальный импульс данному очерку.

– Доктору Вайсбергу В.М. (Кёльн)

– за активное участие в обсуждении и оценке материалов и за помощь в переводе с немецкого.

Александр Зелинский

Фет

Тайна и трагедия судьбы поэта

*Я знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила.
Изгрызла душу и сожгла*
М. Лермонтов «Мцыри»

Афанасий Фет – великий русский лирик. Его творчество широко известно как любителям поэзии, так и романсов, написанных на его стихи. Существует масса публикаций, в которых специалистами дотошно исследовано, пожалуй, все, что связано как творчеством Фета, так и с его личностью. Но широкой публике эти труды, как правило, труднодоступны, да и попросту малоинтересны. А ведь в его судьбе сплелось столько невероятного и трагического, что, пожалуй, хватило бы не на одного человека и могло бы стать сюжетом для создания, например, Александром Дюма еще одного романа в духе графа Монте-Кристо. Популяризаторы творчества Фета часто обходят стороной повороты его судьбы, несомненно повлекшие за собой такое формирование его личности, которое в результате и стало не последним фактором в появлении на свет его шедевров. Идеологическим ревнителям советской словесности казалось неуместным посвящать широкую публику, особенно молодежь, в некоторые “неудобные” подробности биографии Фета. Теперь времена иные и мы попытаемся, не претендуя на громкие открытия, познакомить наших читателей с тем стечением обстоятельств в жизни Фета, которые без сомнения наложили трагический отпечаток на всю его жизненную стезю.

Поэзия Фета является одной из вершин русской лирики, но современники поэта оценивали его поэзию далеко не так высоко, как мы. Из корифеев российской словесности пожалуй только Некрасов в полной мере ценил его талант, сказав, что “Фет в ...области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей...”

Литературная карьера Фету далась тяжело. Вышедшее в 1863 г. собрание стихотворений Фета, подводившее итог первых двух десятилетий его литературной деятельности, не разошлось до самой его смерти. Свой последний сборник семидесятилетний поэт выпустил в шестистах экземплярах – тираж для маститого поэта крайне мизерный даже для того времени. Но это было лишь одно звено в цепи многочисленных неудач и невзгод, преследовавших его с первых лет жизни.

Почти всю свою сознательную жизнь великий лирик посвятил борьбе за право носить другую фамилию – Шеншин, фамилию своего отца. Хотя был ли в действительности тот его отцом, неизвестно.

Уже само рождение Фета произошло при обстоятельствах, грозивших ему большими бедами, которые затем и начали обрушиваться на него.

Никто не может с определенностью сказать, какова точная дата его рождения (февраль или ноябрь 1820 года) и кто был его настоящим отцом.

Точно известно только, что Фет был сыном Шарлотты-Елизаветы Фёт (Foeth), жены дармштадского чиновника Иоганна-Петера-Карла-Вильгельма Фёта. Но родился будущий поэт не в Германии, а в России, в Орловской губернии, в имении Новоселки, принадлежавшем богатому помещику Афанасию Неофитовичу Шеншину. Младенец был окрещен в православную веру, наречен Афанасием и записан в метрическую книгу законным сыном неженатого в тот момент Шеншина.

Этим странным обстоятельствам предшествовали события еще более странные.

Версия 1

Известно, что в начале 1820 года в Германии, в Дармштадте, лечился 44-летний русский офицер, отставной ротмистр орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин. Из-за отсутствия мест в гостинице он поселился в доме оберкригскомиссара Карла Беккера. Вдовый Беккер жил с дочерью Шарлоттой, зятем Иоганном Фётом и с внучкой Каролиной. Дочери Карла Беккера Шарлотте было в то время 22 года. За полтора года до этого она вышла замуж за амт-ассессора Иоганна Фёта, уже имела от него дочь Каролину и к моменту появления в доме Шеншина была беременна вторым ребенком.

Шеншин прожил у Беккеров до осени, а в сентябре 1820 г. Шарлотта бежала с ним в Россию, в его имение. Трудно понять, чем так пленил молодую женщину пожилой – вдвое ее старше, некрасивый, угрюмый иностранец, что она бросила мужа, отца, годовалую дочь, свою страну, все родное и близкое. В недоумении и ужасе отец Шарлотты Карл Беккер потом писал Шеншину (7 октября 1820 г.): «Употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо любимое дитя...»

Поступок Шарлотты Фёт можно было бы понять, если бы ожидаемый ребенок был от Шеншина. Но такая возможность исключалась, как видно из писем Шеншина и Шарлотты к ее брату Эрнсту Беккеру. Так, после смерти Иоганна Фёта в 1826 г., Шарлотта писала Э. Беккеру: «Очень мне удивительно, что Фёт в завещании забыл и не признал своего сына. Человек может ошибаться, но отрицать законы природы – очень уж большая ошибка». Поступок Шарлотты возможно был как то связан с обнаружившимся у нее впоследствии психическим заболеванием.

Сам Фет считал своим отцом Шеншина. И в написанных им в конце жизни мемуарах, где многое утаено и искажено, он старается не оставить сомнений в этом темном вопросе. Но своей будущей жене он решил открыть тайну своего рождения. За месяц до свадьбы он отправил ей письмо, в котором называет своим отцом не Шеншина, а И. Фёта и в нем рассказал о том, как Шеншин увез от того его беременную жену. Фет дважды подчеркнул, что просит сжечь это письмо. На конверте есть его пометка «Читай про себя», а рукой его жены дописано – «Положить со мной в гроб».

В родовом имении Шеншиных Новоселках Шарлотта Фёт появилась в конце сентября 1820 г., а уже 29 октября (ноября ?) там у нее родился будущий поэт. Старший сын – это серьезно! По законам Российской

империи именно старший сын становился наследником поместья отца и крепостных. Прочие дети могли получить только денежное наследство. Сыном Шеншина записал его местный священник, горький пьяница и, поэтому, сильно бедствовавший. Надо думать, что за этот дерзкий подлог он получил от Шеншина хорошую мзду. Шеншин же обвенчался по православному обряду с Шарлоттой – теперь уже Елизаветой Петровной только через два года после этого.

Удалось ли Шарlotte предварительно добиться развода с И.Фётом или она решила на уголовно наказуемое двоемужество? Быть может, И. Фёт шантажировал при этом бывшую жену, требуя денег, и он получил их за развод (если таковой имел место)? Вероятнее первое, поскольку сам И.Фёт затем, в 1824 г., вторично женился. Однако в сохранившихся письмах матери Фёта к его брату никаких упоминаний о разводе нет, Как бы то ни было, все потом появившиеся на свет в Новоселках братья и сестры Фета звались Шеншиными. Но с самим Фетом так не получилось. Фамилию Шеншин он носил только до четырнадцати лет, а затем лишился ее. Но до этого мальчик ни о чем не знал и рос в имении Шеншина, считаясь, да и сам себя считая, старшим сыном помещика.

На пятнадцатом году жизни Фета его отдали в находившийся в Лифляндии пансион Крюммера в маленьком городке Верро (ныне Выру в Эстонии). Учили и учились там одни немцы. Русский язык, видимо, входил в число учебных предметов, однако говорить по-русски не умел даже сам директор школы. Питомцев кормили скудно, но учили серьезно, с утра до ночи, особенно налегая на математику и латынь. На каникулы Фета – единственного в школе – домой не брали, «по отдаленности», как он объяснял впоследствии. Этим лишний раз подтверждалось мнение товарищей, что «отец почему то выпихнул его за дверь». Для чего же было отдавать Фета в такую дальнюю, чисто немецкую школу, когда в Москве были хорошие пансионы? Не было ли это как то связано с грядущими переменами в его судьбе?

И действительно, незадолго до отправления Фета в дальнюю школу Орловское губернское правление неожиданно запросило Орловскую духовную консисторию подробности появления на свет сына ротмистра А.Н. Шеншина.

В 1825 г. Шарлота писала в письме к брату Эрнсту о том, как хорошо заботится Шеншин о ее сыне Афанасии и она надеется, что: «...Никто не заметит, что это не кровный его ребенок...». Как показало дальнейшее, этим надеждам не было суждено сбыться. Наши читатели, знакомые с нравами дворянских гнезд по произведениям Ивана Тургенева могут представить себе быт и нравы, царившие в усадьбах российской глубинки. Все знали обо всех все и появление на небосклоне орловского помещичьего сообщества красавицы-инородки Шарлотты – Елизаветы Шеншиной не прошло незамеченным. Вполне возможно, что отставной ротмистр Шеншин умыкание чужой жены числил лихим подвигом. Наверное, по пьяному делу он даже хвастался этим подвигом перед друзьями и соседями. И зря. Местные соблазнительницы стали наперегонки добиваться ее благосклонности, но Шарлотта оставалась непреклонной, отвергая все их домогания. Это сильно раздражало доморожденных ухажеров и один из них, чтобы отомстить ей, написал донос в Орловское губернское правление об обстоятельствах рождении сына Шеншина. История не сохранила нам, кто был тот неудачливый бонвиван-доносчик, получивший афронт от Шарлотты, но видимо он был в тех краях весьма влиятельным человеком, т.к. делу был дан быстрый ход. А в Орловской губернии таковых было предостаточно. Крупными лендлордами, имевшими большие наделы по соседству с Шеншиным, здесь были такие известные на всю Российскую империю семейства как: Голицыны, Апраксины, Шереметевы, а также Бобринские, Татищевы, Соллогубы, Буйницкие, Соловьевы и многие другие. Именно они правили бал не только в Орловской губернии, но и по всей России. И, хотя Шеншины принадлежали к древнему дворянскому роду, в то время они пребывали в постоянных долгах, и где уж было отставному ротмистру тягаться с российской элитой!

Местные доброхоты сразу же довели до сведения Шеншина, что назревает гроза. И он, официально признавший себя отцом поэта, взвесив все, понял, что бороться со столь серьезными силами не в состоянии и фактически «сдал» своего сына, еще до вынесения окончательного решения, отослав его с глаз долой в немецкую школу в далекой Лифляндии. Да и кому, собственно говоря, по большому счету был нужен байстрюк, да еще и с еврейской кровью? У Шеншина к этому времени уже были другие, законнорожденные дети от Шарлотты и он не хотел лишний раз рисковать их положением в обществе. Но судьба впоследствии жестоко отомстила за это всему роду Шеншиных.

Получив от духовной консистории выписку из метрической книги, губернское правление затребовало справку о браке родителей Фета. Духовному начальству пришлось произвести следствие, на котором крестивший Фета священник показал, что записал младенца сыном Шеншина «по уважению, оказываемому в оном доме». После этого епархиальным властям не оставалось ничего другого, как постановить, что «означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно»; священника же с причтом «хотя бы и следовало подвергнуть наказанию, но поелику сие было до состояния всемилостивейшего манифеста, то за силою оного учинить их свободными». Так мальчик оказался «без фамилии». Российская империя была страной сословной, а это означало, что каждый человек был приписан к определенному сословию и занимал в этом сословии четкое положение в зависимости от чина и звания. Порядок в стране задавался великим социальным изобретением Петра I – «Табелью о рангах». Все прочее не имело практически никакого значения. «Всяк сверчок знай свой шесток» – поговорка очень даже российская. Пришлось его «родителям» из Новоселок кланяться дармштадским родственникам. Бывший муж Шарлотты Фёт Иоганн Фёт к этому времени уже умер.

В марте 1826 года Шарлотта писала брату, что умерший месяц назад ее первый муж не оставил ей и

ребенку денег: «... Чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно... Попытайся, если это возможно, упробить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он получить фамилию...»

Фет в своих мемуарах упоминает о том, «каких усилий стоило отцу моему (т. е. А.Н. Шеншину), чтобы склонить опекунов сестры Лины к признанию за мной фамилии ее отца...». «...Опекуны Каролины Фёт, – сказано в свидетельстве Орловского губернского правления от 21 января 1853 г., – признают рожденного оною бывшею Шарлоттою Фёт Афанасия сыном вышеозначенного умершего асессора Иогана Петра Карла Вильгельма Фёт. Следовательно, и нет сомнения, что упомянутый Афанасий имеет происхождение от родителей его амт-ассессора Иогана Петра Карла Вильгельма Фёт и его бывшей жены Шарлотты Фёт»

Так, в конце концов, мальчик получил «честную фамилию», ставшую для него источником бесчестия и несчастья. Превращение из русского столбового дворянина в немца-разночинца лишало Фета не только социального самоощущения, дворянских привилегий, права быть помещиком, возможности наследовать родовое имение Шеншиных. Он лишался права называть себя русским; под документами он должен был подписываться: «К сему иностранец Афанасий Фёт руку приложил». Но самым главным было то, что он лишался возможности без позора объяснить свое происхождение: почему он, иностранец Фёт, если он сын Шеншина; почему он Афанасьевич, рожден в Новоселках и крещен в православие, если он сын Иоганна-Петера Фёта. Недоуменные и издевательские вопросы, на которые нечего было ответить, посыпались на Фёта еще в пансионе Крюммера, когда стало известно, что Шеншин больше не Шеншин. Так потомственный дворянин, богатый наследник в один момент стал человеком без имени – безвестным иностранцем весьма темного и сомнительного происхождения. И, разумеется, юный Фет воспринял это как мучительнейший позор, бросивший, по понятиям того времени, тень не только на него, но и на горячо любимую им

мать. Потеря имени для будущего поэта явилась величайшей катастрофой, изуродовавшей, как он считал, его жизнь.

Что касается буквы «ё» в его фамилии, то она превратилась в «е» в фамилии лирика намного позже и случайно. Наборщик его стихов однажды перепутал литеры, и Афанасий Афанасьевич после этого так и стал подписываться Фет.

Версия 2

Противоречивость, недосказанность, объяснений Фета вместе со странностью и запутанностью обстоятельств его рождения способствовали постепенному распространению второй версии его происхождения. Согласно этой версии, Фет не был сыном ни ротмистра Шеншина, ни асессора Фёта, а был сыном неизвестного корчмаря-еврея, продавшего Шеншину свою жену.

Художник И.Э. Грабарь пишет: «Давно было известно, что отец Фета, офицер русской армии двенадцатого года, Шеншин, возвращаясь из Парижа через Кенигсберг, увидел у одной корчмы красавицу еврейку, в которую влюбился. Он купил ее у мужа, привез к себе в орловское имение и женился на ней. Не прошло несколько месяцев, как она родила сына, явно не Шеншина, который и стал впоследствии знаменитым поэтом... Официально считалось, что Фет – законный сын Шеншина. Что он был сыном кенигсбергского корчмаря, было секретом полишинеля, но сам поэт это категорически отрицал, однако объективных доказательств противного не существовало». (Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография. М., 1937. С. 252-253)

Доказательство, по словам Грабаря, удалось обнаружить Н.Черногубову, интересовавшемуся биографией Фета. Черногубов серьезно занимался биографией Фета и был близок с художником Остроуховым, женатым на племяннице жены Фета и поддерживавшим отношения с поэтом. Черногубов еще при жизни Фета узнал, что тот завещал вскрыть после своей смерти конверт с письмом его матери, в котором раскрывалась тайна его происхождения. После смерти Фета его родные так и поступили, а затем положили письмо в гроб умершего. Удачливый Черногубов

не только об этом проведал, но и ухитрился вытащить письмо из гроба и прочесть его. Письмо доказывало правильность бытовавшей версии происхождения поэта.

О письме матери Фета кратко изложено и в известной книге И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», – но уже с изменением и места, откуда происходил Фет («Его отцом был гамбургский еврей»), и времени обнаружения письма («После революции кто-то вскрыл гроб и нашел письмо»). (Эренбург И.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1962-1967. Т. 8. С. 15.)

Другой источник этой версии происхождения Фета базируется на резко выраженным семитским типом наружности Фета. С.Л. Толстой, старший сын Льва Толстого, пишет в своих мемуарах: «Наружность Афанасия Афанасьевича была характерна... Его еврейское происхождение было ярко выражено». (Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 336.)

П.И. Бартенев также пишет о том, что еврейское происхождение Фета «ярко и несомненно высказывалось его обликом». О том же свидетельствуют и другие мемуары, дневниковые записи, дошедшие до нас устные рассказы лиц, знавших Фета. Да это видно и на портретах и фотографиях Фета.

Даже близкие друзья Фета – Яков Полонский и Лев Толстой – считали Фета евреем или полуевреем, и можно себе представить, как это терзало с детства его раненное самолюбие, тем более что, какова бы ни была истина, он не мог раскрыть ее, а мог только лгать. «Он всю жизнь страдал, – пишет свояченица Льва Толстого Т. А. Кузминская, – что он не Шеншин..., а незаконный сын еврейки Фёт». (Т.А. Кузминская об А.А. Фете // Русская литература. 1968. №2. С. 171.)

Версия 3

Тот же Черногузов излагал и другую версию: «Знакомые и дворовые А.Н. Шеншина говорили мне, что жену свою Елисавету Петровну он купил за сорок тысяч рублей у ее мужа» (Н. Черногузов. Происхождение А.А. Фета С. 530). В этом случае становится понятными попытки последующего вымогательства И. Фётом (в

последние годы его жизни) денег от Шеншиных за дальнейшее решение судьбы мальчика.

Что-то и в эти годы все было неладно.

В 1823 г. Елизавета Петровна жалуется брату на то, что бывший муж ее шантажирует, требуя денег за «усыновление» Афанасия; в 1826 г. уже после смерти ее бывшего мужа она просит брата помочь мальчику получить «честную фамилию». «Должен же он получить фамилию», – повторяет она, а при этом просит как-нибудь «втиснуть» в желаемый документ частицу «фон», чтобы можно было выдавать Афанасия за потомственного дворянина.

Версия 4

Она объединяет некоторые события предыдущих версий, в связи с чем становится наиболее вероятной. По этой версии вначале девочку, красавицу-еврейку выкупил в Кенигсберге у отца-корчмаря вдовый Карл Беккер, мечтавший о дочке и удочеривший ее. Через несколько лет в нее влюбился И. Фёт, вхожий в семью своего начальника К. Беккера. Беккер, не чаявший души в юной падчерице, поставил условие: жить они будут в его доме. Обвенчавшись с Шарлоттой, И. Фёт стал отцом ее первого и второго (т. е. будущего поэта) детей. Но появившийся затем Шеншин тоже «положил глаз» на красавицу Шарлотту и, то ли выкупил ее, но теперь уже у И. Фёта, то ли в действительности ее, беременную просто умыкнул. Шарлотта кроме красоты обладала неординарным взрывчатым характером и была склонна к импульсивным поступкам, что производило неотразимое впечатление на мужчин, знавших ее. Не стал исключением и ротмистр Афанасий Шеншин. Его рассказы о далекой заснеженной России так поразили Шарлотту, которой было тесно в затхлом мире дармштадских чиновников, что решение уехать с Шеншиным пришло к ней мгновенно. Надо сказать, что эти черты ее характера, как оказалось впоследствии, были в какой-то мере следствием зачатков психической болезни, приведшей к многочисленным трагедиям, но об этом ниже.

Фет всегда старался отмолчаться от рокового вопроса и «тщательно избегал его, замечая его

приближение», а когда это не удавалось, «вынужден был прибегать ко лжи», «чтобы не набрасывать...неблагоприятной тени» на свою мать. Так, в объяснение своего рождения в Новоселках он выдумывал, «что ее первый муж Фёт вывез ее в Россию, где и умер скоропостижно»

Приезды в Новоселки сталкивали Фета и с новой бедой. Мать была тяжело больна, ей становилось все хуже и хуже, и вскоре после окончания Фетом университета она умерла. Чем она болела – из мемуаров Фета не ясно, но в Новоселках она жила в особом флигеле, где всегда царилась ночь и куда даже ее дети допускались лишь на несколько минут. Иллюзорная авантюрная мечта Шарлотты обрести счастье в далекой стране рассыпалась как карточный домик. Огромные бесконечные просторы России, мрачные осенние, под морозящим дождем поля и зимние вьюги с воем волков, бездорожье, все это крайне отрицательно сказалось на ее психическом состоянии. Ей, мечтавшей в Дармштадте вырваться из затхлой немецкой чиновничьей среды, уехав в Россию, оказалось не под силу привыкнуть ко всему этому. На состояние ее психики видимо сказалось отрицательное влияние браков между близкими родственниками, широко распространенных в то время в замкнутых мирках еврейских гетто, откуда она вела свое происхождение. Через двадцать лет после смерти матери ее судьбу повторила сестра Фета – Надежда, несколько раз сходившая с ума и, в конце концов, впавшая в уже неизлечимое безумие.

Наследственный характер болезни стал несомненным, когда один за другим сошли с ума оба брата Фета. Впоследствии сошел с ума и сын сестры Фета Надежды. У старшей сестры Фета, Каролины к пожилым годам также проявились признаки умственного расстройства.

Когда Фет понял, что его мать сходит с ума, когда заподозрил и убедился, что она – носитель наследственной болезни, и то, что и ему грозит сумасшествие, – этого мы не знаем. Этот круг душевного ада Фет особенно оберегал от посторонних взглядов. Не все ему, очевидно, открылось сразу. Но и того, что было пережито уже в первые два

десятилетия его жизни, было достаточно, чтобы сформировать резко выраженные черты его характера и его отношения к миру. Черты скепсиса, неверия в людей, в добро и справедливость выделяли Фета из круга, в котором он вращался.

Желание дослужиться до дворянства побудило Фета поступить на военную службу. В 1845 г. он был принят в кирасирский полк; в 1853 г. перешел в уланский гвардейский полк. В крымскую компанию находился в составе войск, охранявших Эстляндское побережье; а в 1858 г. вышел в отставку, подобно своему отцу, штаб-ротмистром. Дворянских прав Фету, однако, достигнуть тогда не удалось: необходимый для того ценз повышался по мере того, как Фет повышался по службе. Целых 8 лет он барахтался в «грязной луже», терпел лишения и подлаживался под начальство. А по прошествии этого времени, когда цель уже казалась такой близкой, она неожиданно отдалилась. Дело в том, что за несколько месяцев до присвоения Фету первого офицерского чина был издан, чтобы затруднить доступ в дворянство выходцев из других сословий, указ, согласно которому для получения наследственных дворянских прав надо было иметь более высокое воинское звание.

В личной жизни Фет пережил настоящую драму. Во время военной службы в Херсонской губернии поэт познакомился с Марией Лазич, девушкой энциклопедически начитанной, страстно любящей поэзию. Лазич была одарена глубоким и тонким поэтическим чувством. Оказалось, что она еще с ранней юности полюбила фетовские стихи, знала их все наизусть. Она была одаренной музыканткой, ее талант произвел впечатление даже на Ференца Листа, гастролировавшего тогда в России. Ее отец – отставной генерал Козьма Лазич, обрусевший серб, вдовец, был человеком небогатым. Ко времени их знакомства (осень 1848 года) Фету было 28, а Марии – 24 года. Поэт описывает ее как «...стройную брюнетку, которая выделялась среди других своим высоким ростом и природной грацией. Смуглая кожа, нежный румянец, необычайная роскошь черных, с сизым отливом волос. Она не была ослепительной красавицей». По-видимому, именно во время этого романа и написано Фетом знаменитое "Шепот, робкое дыханье..." О чем говорили Фет и Мария Лазич в минуты первых встреч? В автобиографической поэме «Талисман» Фет подробно описал атмосферу их бесед:

Мы говорили Бог знает о чем
Скучают ли они в своем именье,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пенье...

Именно Марии Лазич посвящены такие великолепные и эмоционально мощные стихи, как "Неотразимый образ", "Старые письма", "В тиши и мраке таинственной ночи", "Ты отстрадала, я еще страдаю", "Долго снились мне вопли рыданий твоих", "Нет, я не изменил. До старости глубокой..." и другие...

Мария Лазич, как Беатриче для Данте или Лаура для Петрарки, стала единственной героиней фетовской любовной лирики. Год за годом, до самой смерти посвящал он ей созвездие своих прекрасных стихов. Когда Фету было под семьдесят и, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни», родилось это поэтическое признание:

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит,
что между нас могила,
Хоть каждый день бреду
томительно к другой, –
Не в силах верить я,
чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

А в то время Фету более всего хотелось получить приданое, чтобы поправить свое материальное положение. Поэт писал своему другу И. П. Борисову: «Я встретил существо, которое люблю и, что еще, глубоко уважаю... Возможность для меня счастья и примирения с гадкой действительностью... Но у ней ничего и у меня ничего – вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...». Поэтому их любовь, эта «сласть грез», закончилась трагически. Последняя встреча Фета и Марии произошла в Федоровке в мае 1851 года. Мария Лазич была девушкой высоких страстей и максималистских требований. Посчитав, что жить без любимого человека не имеет смысла, она ушла из жизни. Конец ее был ужасный: от брошенной спички загорелось ее кисейное платье. Пламя сбили, но ожоги были так сильны, что спасти Марию не удалось. Она скончалась на четвертые сутки в страшных мучениях, повторяя: «Он не виноват...». Уже через много лет Фет признался своему другу Борисову, что виноват в смерти своей возлюбленной «Я ждал женщины, которая поймет меня, и дождался ее. Она, сгорая, кричала «*Au nom du ciel sauvez les lettres*» («Ради всего святого, спасите письма») и умерла со словами «Он не виноват, а я». После этого и говорить не стоит. Смерть, брат, хороший пробный камень. Но судьба не смогла соединить нас. Ожидать же подобной женщины с условиями жизни было бы в мои лета и при моих средствах верх безумия...»

Фет страстно любил Марию Лазич и смерть ее стала для него страшным ударом, оправиться от которого ему так

и не удалось до конца своих дней. Ведь Мария была не только единственной любовью всей его жизни, она страстно верила в его поэтическую звезду и убеждала писать стихи. Уже на склоне лет, в 1878 году, в стихотворении «Alter ego» («Второе Я») прозвучало запоздалое признание Фета и осознание той роли, которую Мария Лазич сыграла в его жизни:

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дана,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить...

После смерти Марии сразу же пошли разговоры о ее самоубийстве. Говорили, что она наложила на себя руки, потому что не видела смысла в дальнейшей жизни без Фета. Но доказательств этому, в том числе и предсмертного письма, не было, а если оно и было, то кто-то заинтересованный (возможно, родственники девушки или же сам Фет) постарался, чтобы его содержание не было обнародовано.

В 1856 году вышел указ, согласно которому звание дворянина теперь давал лишь чин полковника. У 37-летнего Фета оставался только один выход жениться на богатой девушке.

После выхода нового указа поэт взял в полку годовой отпуск и на деньги, полученные за свои произведения, отправился в путешествие по Европе. В 1857 году в Париже он женился, и весьма выгодно, на дочери состоятельного московского торговца чаем Марии Петровне Боткиной, сестре литературного критика В.П. Боткина. Она была немолода и некрасива, но общий язык супруги нашли. Он получил деньги, она – возможность за ним ухаживать, быть его нянькой.

О том, что Фет женился на Марии Боткиной только по расчету, красноречиво свидетельствует рассказ брата Л.Н. Толстого, Сергея Николаевича. Как-то поэт пришел навестить его; «они дружески разговорились», и Сергей Николаевич спросил Фета «Афанасий Афанасьевич, зачем вы женились на Марии Петровне». Фет покраснел, низко поклонился и молча ушел».

Полученные от женитьбы средства Фет употребил с пользой, став преуспевающим помещиком. В 1860 г. Фет в Мценском уезде покупает хутор Степановку с 200 десятинами земли и энергично принимается хозяйничать, живя там безвыездно и лишь зимой наезжая ненадолго в Москву. Он не только привел купленное им запущенное село в надлежащий вид, но и приобрел мельницу и конный завод. Вскоре Фету стали принадлежать еще два имения, после чего он с гордостью написал одному из своих бывших товарищей-однополчан К.Ф. Ревелиоти «Я был бедняком, офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством».

В течение десяти с лишком лет (1867-1877) Фет был мировым судьей и публиковал в "Русском Вестнике" журнальные статьи о сельских порядках ("Из деревни"), где выказал себя столь убежденным и цепким русским "аграрием", что вскоре получил от народнической печати кличку "крепостника". Хозяином Фет оказался превосходным, в 1877 г. он продал Степановку и купил за 105 000 рублей в Щигровском уезде, Курской губернии, близ Коренной Пустыни имение Воробьевку. Под конец жизни состояние Фета дошло до величины, которую можно назвать богатством. Соседи-помещики относились к Фету с уважением, хотя некоторые осуждали его за жесткость и даже жестокость при ведении хозяйства: в общении со своими крестьянами он не чурался даже рукоприкладства, наказывая их за малейшую провинность. Столь высокое положение в обществе открыло Фету возможность вплотную приблизиться к наиглавнейшей цели жизни – вернуть утраченную фамилию и свое право на наследство.

Эпилог

Все эти годы Фет уже давно и твердо знал, что он не только формально перестал считаться сыном Шеншина, но и вообще им не являлся. Тем не менее, 1873 году поэт обратился с просьбой на высочайшее имя о восстановлении в сыновних и всех связанных с этим правах.

И, наконец, после 40 лет душевных мучений и настойчивых усилий обрести положенное ему по рождению дворянское звание, Фет достиг своей цели. В конце декабря 1873 года вышел царский указ «о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра Афанасия Афанасиевича Фета к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими». В появлении царского указа многому способствовал Великий князь Константин Романов, сам известный литератор и давний поклонник лирики Фета. Победа? Конечно, победа! Впрочем, император Александр III сказал по этому поводу: «Зачем ему это камергерство? Камергеров у нас целые тысячи, и никто их даже не знает, а поэт Фет единственный в России».

Вот как поэт писал своей жене об охвативших его в тот момент чувствах «Теперь, когда все, слава богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни Я отвечу тогда – имя Фет».

Со дня выхода указа он стал подписывать вновь приобретенным именем Шеншин все послания к друзьям и знакомым.

Идея-страсть, во власти которой Фет жил четыре десятка лет, вынуждала его, как он писал в своих воспоминаниях, «принести на трезвый алтарь жизни самые задушевные стремления и чувства». Другими словами, трудный жизненный путь и безнадежно-мрачный взгляд на жизнь и на людей отягчили его тонкую поэтическую душу, ожесточили его характер, заставив со временем эгоистически замкнуться в себе. «Я никогда не слышала от Фета, чтобы он интересовался чужим внутренним миром, не видала, чтобы его задела чужие интересы. Я никогда не замечала в нем проявления участия к другому и желания узнать, что думает и чувствует чужая душа», – писала о поэте сестра жены Льва Толстого Т.А. Кузминская – женщина, которой Фет посвятил одно из своих самых прославленных творений – стихотворение «Сияла ночь. Луной был полон сад...».

Но резкое различие между жестким, корыстолюбивым, тщеславным и пессимистичным Фетом, каким его знали окружающие, и его лирически-проникновенными стихами удивляло многих. «Что ты за существо – не понимаю, – писал Фету Яков Полонский. – Откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношественно-благоговейные стихотворения.. Какой Шопенгауэр да и вообще какая философия объяснит тебе происхождение или тот психический процесс такого лирического настроения. Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому не ведомый и нам, грешным, невидимый человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд и окрыленный! Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит!.. Ты презираешь жизнь, а он, коленапреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений...»

Я.П. Полонский прекрасно сформулировал противостояние двух миров – мира Фета-помещика, его мировоззрения, его житейской практики и мира божественной лирики, которая по отношению к тому, первому, была, скорее, антимиром. Как для современников Фета, так и для нас внутренний мир поэта и помещика остался тайной за семью печатями.

В январе 1889 года в московском ресторане «Эрмитаж» состоялось торжественное чествование Афанасия Афанасьевича Фета с большим «подписным обедом» в украшенной «лаврами и другими деревьями», а также живыми цветами зале. Поэт с явным удовольствием принимал дифирамбы в свой адрес, но в душе отчетливо понимал, что его «отпевают». Жизнь поэта стремительно катилась к концу.

Фет оказался один в благоустроенном имении, которое уже не требовало его трудов. Лев Толстой где-то рядом, но тот сам был глубоким эгоистом и у него нельзя было найти нравственной поддержки. Великий князь Константин Романов, благоговевший перед своим учителем, не догадался вытащить его в Петербург и свести его с

хорошим духовником (тогда еще не существовало модных теперь психотерапевтов и они выполняли эту роль). И вот здесь случился последний обвал в его жизни.

21 ноября 1892 года поэт торжественно выпил бокал шампанского, немало удивив этим супругу, а затем нашел предлог и отослал ее из дома. Когда Мария Петровна ушла, Фет позвал своего секретаря и продиктовал «Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному». И подписал «21 ноября, Фет (Шеншин)». Затем он схватил стальной стилет, служивший для разрезания бумаг, и попытался ударить себя им в висок. Но секретарь, поранив себе руку, вырвала у старика стилет и хотела дать ему успокоительное. Пока она наливала микстуру в стакан, Фет выбежал из комнаты и устремился в столовую. Старик одной рукой схватился за дверцу кухонного ящика, а другой потянулся к ножу, но, так и не сумев его взять, упал. Бросившаяся за ним секретарь наклонилась над Фетом, лежащим на полу, и с трудом разобрала в его бессвязном шепоте только одно слово «Добровольно...». Сказав это, поэт потерял сознание и через несколько минут умер.

Самоубийство Фета было не проявлением слабости, как считают многие, оно явилось последним усилием железной воли поэта, с помощью которой он, одолев несправедливо обошедшуюся с ним судьбу, сделал свою жизнь такой, какой хотел ее видеть, став Шеншиным и дворянином. И точно так же, когда он счел нужным, он «сделал» и свою смерть:

И тайной сладостной душа моя мятется,
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое...

Разумеется, формально самоубийство Фета не состоялось. Но нет сомнений – это был заранее обдуманый и решенный добровольный уход из жизни. После смерти Фета по нему служились все возможные панихиды, а от публики его самоубийство было глубоко завуалировано.

Сам поэт относился к смерти с холодным безразличием. Ему было жаль расставаться лишь с творческим «огнем»:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет уходя.

Если говорить о поэтическом наследии Фета, то тогда говорили, что «вся помещицья Россия поет Фета». Можно сказать по-другому – она только тренькала под гитару известный романс «Я тебе ничего не скажу, я тебя не встревожу ничуть». Настоящих же романсов, как у Баратынского с музыкой Глинки («Не искушай меня без нужды»), на его стихи так и не написано и не написано потому, что такой внутренней музыки, как у Фета, русская поэзия не знала:

Но к утру потухнул жар напевный,
И душа затихнула до дна...
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

Йеѓуда Векслер

ד'סב

Целый мир

*Памяти моего дорогого друга,
замечательного поэта и вдохновенного
писателя Вильяма Баткина*

«**Н**ам дано творить, но не дано завершать творения свои». Этот афоризм, который Фейхтвангер (в «Семье Опперман») якобы заимствует из Талмуда⁸, тем не менее, верен (ибо лишь Всевышний способен довести Свои творения до истинного совершенства). Лишь на половину страницы не дописал Вильям Баткин свой обширный роман о Рут-моавитянке, над которым работал более четырех лет – как теперь оказалось, последних лет своей жизни. Сколько часов мы посвятили с ним исследованию, как эта история излагается в наших, еврейских первоисточниках, и обсуждению их, чтобы определить направление в этом бескрайнем океане сведений, очень нередко не согласных друг с другом и иной раз даже совершенно несовместимых один с другим. А главное – решить, в какой степени допустимо творческое истолкование их и украшение авторским домыслом. Я не переставал поражаться, с какой энергией и пытливостью Вильям снова и снова прорабатывал – буквально «прокапывал»! – любые упоминания о Рут, ее эпохе и ее современниках в наших священных книгах, воссоздавал реалии того времени и оживлял все своим воображением. С какой силой духа он побеждал свою быстро прогрессирующую болезнь, чтобы – скорее, скорее! – записать то, что уже сложилось в уме, и зафиксировать непрерывно возникающие новые идеи! За

⁸ Его источник – Мишна, Авот, 2:16, однако Фейхтвангер значительно изменил и форму, и смысл этого изречения.

восемь месяцев до последнего дня Вильям прекратил наши встречи. Я подозревал, что он тяжело болен, но он не хотел, чтобы об этом знали. Он желал, чтобы о нем думали и помнили, как о человеке сильном и здоровом. Наше общение продолжалось только по телефону – и со мной говорил совершенно здоровый человек, полный творческих сил и вдохновения. Даже за два дня до конца (наступившему 18 ноября), когда я пришел к нему в госпиталь и ужаснулся его физическому состоянию, когда он заговорил – зазвучал его обычный голос, глубокий и теплый. А о чем? О романе, о планах его перечитки, исправления и издания. Ни слова о болезни, о мучительных болях, о страшной слабости!.. Я воочию видел, как дух побеждает и подчиняет себе плоть.

Вот эту безграничную внутреннюю силу я ощутил в нем сразу, при первом знакомстве более десяти лет назад. Мы начали заниматься вместе, изучая «Тегилим» – их многогранный смысл и их поэтику, и я пленился цельностью его натуры, его упорством в постижении Иудаизма, которым он занялся, уже перейдя половину седьмого десятка своей жизни.

Легко ли в 66 лет начать, фактически, с нуля?!

Заслуженный шахтер, живший в мире с советской властью, верно ей служивший и награжденный ею, позволившей ему выпустить две книжки стихов с оптимистическими названиями «Пойте песни о верности» (1967) и «Надежда» (1972); переводчик, успешно перелавивший на русский язык стихи украинских поэтов, взысканный дружеским отношением корифеев советской литературы и их похвалами, всегда прекрасно материально обеспеченный, окруженный всеобщей симпатией и уважением –

Рожден еврейской мамой, был я гой...

Как он однажды рассказывал, то, что заставило его подумать, будто еврейское происхождение означает нечто особенное, было не каким-то внутренним тяготением и даже не притяжением со стороны других евреев, но – толчком, полученным «с противоположной стороны»: от нееврея. Баткина, еще молодого, засыпало в шахте вместе с

пожилым, бывалым шахтером. Вильям потерял самообладание, (по его собственным словам) «начал психовать»: надо же, мол, что-то делать, что-то предпринимать! «Что ты сидишь так спокойно?!» – напустился он на шахтера. «А что мне суетиться? – ответил тот. – Ты же еврей! Значит, тебя твой еврейский Бог спасет, и меня заодно».

Но воздействие этого толчка сказалось очень-очень нескоро: через десятки лет. Весной 1996 года вся семья Баткиных приехала в Страну Израиля. Но... через очень короткое время Вильям вернулся в Россию, побуждаемый непреодолимым чувством долга, «громадной ответственностью»: там – очень, якобы, важная работа, там – верные заработки, там – все, чем он жил до сих пор. Но... внезапно все его проекты лопнули, испарились без следа: не осталось ни работы, ни заработков, ни каких-либо видов на будущее. «Это был знак с Неба, – рассказывал он мне, – мне показали, где мое место». Однако понял он и смирился несколько позже, а тогда, в 1996-м, он вернулся в Страну Израиля перед самым Йом-Кипуром в самом дурном настроении...

Средь Иудейских гор, точнее – в глубине,
на поселеньях, вознесенных в скалах,
со всей семьей, с ее баульным скарбом,
случилось чудом очутиться мне...

И началось постепенное, трудное-трудное
ВОСХОЖДЕНИЕ. Осознание того, что все, происшедшее и
происходящее – отнюдь не игра слепого случая.

Когда не хнычешь и не бьешь баклуши, –
и силы потаенные берутся,
и совладаешь с болью и бедой,

и разумеешь – медленно и смутно, –
что твой Исход явился не безумьем,
а свыше предначертанной судьбой.

Но легко ли полностью изменить весь образ жизни?

...На гвоздь я повесил престижный диплом
и напрочь упрятал проклятый апломб...

Намного, неизмеримо труднее переделать самого себя, пересмотреть свое мировоззрение, привыкнуть руководствоваться во всем совершенно новыми критериями, ориентироваться на совершенно новые ценности. И – прежде всего – преодолеть приступы уныния, побороть ощущение отчужденности...

Изменить – судьбу или дорогу –
старости порой не по плечу.
Забреду в субботу в синагогу,
тихо постою и помолчу...

.
Выхожу – бочком да и в печали, –
прожитая жизнь, что за плечами,
чудится мне зряшной и пустой.

Недаром стихотворный сборник, напечатанный уже здесь, в Иерусалиме (1997), имеет название, совершенно не похожее на прежние: «Неприкаянный мир».

Я говорю себе: Евреем будь
под нежный небом, негасимо синим, –
ужели мы с тобою не осилим
лишь два десятка наших древних букв?

И вскоре – новое испытание: смерть любимой жены, да еще после страшных мучений. Как раз после этого, в том траурном году, я познакомился с ним. Смею сказать, что наши занятия, сразу возникшая между нами глубокая душевная близость помогли ему тогда сохранять душевное равновесие. В знак признательности и доверия он дал мне прочитав самое-самое сокровенное: только что написанную поэму в память умершей жены. Это были первые стихи Баткина, увиденные мною. Первое впечатление – опаляющее душу выражение безысходного горя... Однако, вчитываясь в эти то скорбные, то бушующие страстью строки, я ощутил, что само выражение этого горя и является его преодолением. А позже, узнав другие его стихотворные

произведения, я понял, что таков лейтмотив поэзии Баткина: беспощадный самоанализ – нерадостный итог и неожиданный «катарсис»: внезапное изменение точки зрения, звучащее иной раз как мощный мажорный аккорд. Недаром его излюбленная стихотворная форма – сонет: два четверостишия – тезис и антитезис – и два трехстишия, заставляющие по-новому понять только что сказанное.

Не вчера я постиг: ностальгия меня не настигла,
И неведом мне плач о российский метельных снегах.
Я бегу по годам, как по брошенным бревнам настила.
От себя убежать – не дано мне, похоже, никак.

Впрочем, ради чего? Да, изгибы судьбы не простые
Изменили, как грим, седина в бороде и в висках.
Но себе изменить – никогда, ни за что не простил бы, –
ни в толпе, ни в семье, ни в бегущих из сердца строках.

Полной грудью дышу в нерушимых горах Иудеи,
И по праву живу в заповеданном Свьше наделе,
И высокое небо сквозь ветви струится в окно.

Трижды в день я молю – быть услышанным в тайной
надежде,
И наивен в мечтах, и в стихах хорохорюсь, как прежде, –
Остаюсь я собой – от себя убежать не дано.

Да: возвращение к Еврейству – это не приобретение чего-то неизвестного, совершенно нового, но медленное, порой мучительное припоминание глубоко-глубоко утонувшего в душе: открытие своего истинного «я».

Силу преодолеть все препятствия дало ощущение чуда: обретение Святой Земли, куда тысячи лет стремились евреи-изгнанники, гордость за то, что этого удостоился, и слёзы благодарности:

Из тысяч однокровников моих,
мир озаривших душами своими,
благодаря усердью их молитв
лишь я один с семьей в Ерусалиме.

.....

Но мне – за что? За что дарован мне?
Прижмусь в слезах к разрушенной стене,
что сбереглась, как чудо, после Храма.

.
Здесь я шепчу с любовью и тоской:
– Благословенна твоя память, мама...

И Святая Земля преподнесла Вильяму Баткину особый подарок: именно здесь дивно развернулся его талант прозаика. Рассказы, эссе, воспоминания щедро представлены в прессе и литературной периодике Израиля: в газетах «Новости недели» (в ее литературном приложении «Еврейский камертон») и «Мост», в журналах «Литературный Иерусалим», «Галилея», «Семь дней», «Роза ветров», «Иерусалимский журнал». Публикации Баткина стали широко известны далеко за границей Израиля: они появились в нью-йоркском «Новом журнале» и филладельфийском «Побережье», в интернете (особенно, на сайтах «Заметки по еврейской истории» и «Семь искусств»). Наиболее дорогие его сердцу сочинения Баткин соединил в сборнике «Талисман души», изданном в 2007 году творческим объединением «Иерусалимская антология».

В нем три раздела: «Повести и рассказы» – беллетристика, «Литературные портреты» – на мой взгляд, лучшая часть книги – и «Публицистика», где выделяется написанный в буквальном смысле кровью сердца очерк «И если забуду тебя, Гуш-Катиф». Он – завершающая кульминация сборника: громогласный вопль горечи и скорби, голосом которого, кажется, вскрикнула сама Страна Израиля.

А в каждом номере еженедельника «Мост» в течение нескольких лет печатались комментарии Вильяма Баткина к недельным разделам Торы. Да, вот до какого уровня поднялось его знание и понимание еврейских духовных ценностей! И какие комментарии – неизменно вызывавшие восхищение и мое, и читателей этой газете, для многих из которых чтение отведенной Баткину страницы оказалось первым прикосновением к аутентичному Иудаизму. С заслуженной гордостью он сообщал мне о

звонках по телефону, в которых благодарили его и высказывали самые добрые пожелания.

Это была очень нелегкая работа, но Баткин выполнял ее с огромной, присущей его натуре ответственностью. Едва заканчивалась суббота, он садился к компьютеру, обкладываясь горами книг и начинал свой труд. Прочитывая десятки страниц комментариев, он выбирал из них то, что соответствовало уже родившейся в его душе идее, сплавлявшей все в единое целое.

Фактически, каждый из комментариев Баткина имеет облик оригинального сочинения на тему из Торы. А тема эта – зачастую необычная и даже совершенно неожиданная. В содержании недельного раздела Вильям иногда обращает внимание на такой аспект, который, казалось бы, вовсе не являясь в нем самым главным, имеет, оказывается, особое значение и в своем контексте, и в связи с происходящим сейчас вокруг нас. Выявление связи недельного раздела Торы с событиями той же недели – это и есть: «жить в ногу со временем», и принципа этого Вильям Баткин придерживался неуклонно. Это еще одно чудо в его жизни, но на этот раз сотворенное им самим, великая заслуга и великое искусство: наглядно показать, что Тора – поистине Живая Тора!

И еще один драгоценный подарок получил он в Стране Израиля: любящую, чуткую жену, конгениальную ему по дарованию: журналистку и писательницу Лею Алон

(Милу Гринберг). Историю знакомства с ней Вильям описал в поэтическом и также проникнутом ощущением чуда рассказе «Четверть века спустя» (также вошедшем в сборник «Талисман души»). Последняя его фраза – это последняя строчка сонета «Этюды души», в другой форме – стихотворной – выражающего изумление тем же самым чудом:

Из прочих пристрастий мне мил загрунтованный холст,
Да миловал Б-г – не спешу по утрам на этюды.
Брожу по горам – не оливок лазоревых горсть, –
Этюды души приношу неизменно оттуда.

Манил меня прежде распахнутый белый рояль,
Да, видимо, слон наступил мне однажды на ухо.
Маэстро вчера в переполненном зале играл,
Этюды души отозвались тревожно на утро.

Прелестнейших женщин успел разглядеть я в толпе.
Да Б-г мой безмолвно подвел отчего-то к тебе
И двери прикрыл, оттеняя настырную старость.

Любовь даровал, о которой мечтать я не мог.
Этюдам души догадаться пока невдомек,
За что мне краса ненаглядная эта досталась.

Наконец, после долгих колебаний и острых сомнений Вильям принялся за тему, которая мощно привлекла к себе своей непочатостью и богатством возможных интерпретаций. Задуманная вначале как повесть, история Рут-моавитянки начала разрастаться, заполнять пространство и, в конце концов, приобрела форму эпического романа.

Как ни странно, но эта очень известная история почему-то нашла весьма скромное отражение в мировом искусстве: в живописи – больше (да и то не в таком уж большом количестве картин – зато, в частности, у Микельанджело и Рембрандта, также и у Марка Шагала), в литературе – и того меньше, в музыке – совсем малое: опера-оратория Виральдини (XVIII в.) и опера Ипполитова-Иванова. Почему-то... Может быть, потому что история

нееврейки, вошедшей в Иудаизм, для неевреев не так уж и привлекательна.

Но, по моему убеждению, вот почему: эта была тема предназначена именно для Вильяма Баткина. Ему было суждено создать произведение, соразмерное с «Иосифом» Томаса Манна, однако написанное евреем с еврейских позиций и наполненное истинно еврейским мировоззрением. Эту мысль я высказал Вильяму, и, после сильного сопротивления, он, в конце концов, принял ее и осознал свое предназначение – как это видно из таких стихов:

...Но вдруг услышал Свыше: «Без истерик!
Широкий путь был пред тобой расстелен,
И Небо натянуло прочный кров.

Вот и твори сюжет, сомненья поборов,
А Мне решать, кому быть менестрелем,
Кого учту в когорте мастеров».

Мудрецы наши постановляют непреложно, что каждый человек из народа Израиля – целый мир⁹. Пожалуй, никогда я не чувствовал это так ясно, как во время общения с Вильямом Баткиным: этот человек поистине вместил в себя целый мир. 15 лет прожил он в Стране Израиля, приезд в которую называется на священном языке словом *алия*: движением вверх. Независимо от того, при каких обстоятельствах, с какой целью и по какой причине еврей появляется на земле Израиля, для него это всегда является подъемом на более высокую жизненную ступень. От него лишь зависит, каким именно будет этот подъем – потому что, в принципе, не исключено, что он, этот подъем, так и останется лишь в потенции. Но для Вильяма Баткина жизнь в Стране Израиля стала подлинным ВОСХОЖДЕНИЕМ – непрерывным и неустанным подъемом в Духе.

⁹ Сангедрин, 4:5.

Елена Минкина «Что наша жизнь»

– Минкина, – говорит в трубку еще совершенно бодрый и почти здоровый Миша Лезинский, – Минкина, срочно пришли рассказ средней длины. Одному хорошему журналу требуются молодые авторы.

Господи, храни моих стариков! Дай еще немного побыть на этом свете молодой.

– Пришлешь на мой адрес. Нет, лучше посылай прямо главному редактору, записывай: Марк Азов, «Галилея». Ты, кстати, знаешь, кто это? Безобразие, могла бы и знать! Великий писатель. Между прочим, самому Райкину тексты сочинял.

Как надоест еще этот рефрен – «самому Райкину, для Райкина, один из авторов Райкина»... Почему не один из актеров Азова? Впрочем, что я ворчу? Аркадий Исаакович – реклама вполне достойная. И нам всем, если задуматься, одно рукопожатие до Райкина.

Кто придумал эту затею – считать расстояние до великих? Не могу вспомнить, но занятно. Воистину «рукой подать». Сколько рукопожатий от меня до Ленина, например? Папа вступил в партию в 1942, под Сталинградом, рекомендацию давал какой-нибудь старый коммунист, он вполне мог видеть Ленина и руку ему пожать на какой-нибудь конференции... Тьфу ты, Господи! Занесет же. Зачем мне, спрашивается, этот лысый проходимец? Даже земли пухом не пожелаешь. И старых коммунистов к тому времени раскидали по лагерям...

А вот до Анны Андреевны Ахматовой одно рукопожатие, это как? Сколько раз хотела расспросить поподробнее, что говорила, как выглядела, как приняла юного рифмоплета Марика Айзенштадта?

Не расспросила.

– Минкина, поздравляю, твой рассказ вышел! «Галилея», 4-й номер. Что значит «взяли»?! Если я рекомендовал! Кстати, нас приглашают в гости в Назарет, у них литературное объединение самого высокого уровня, не какая-нибудь ерунда. Заодно и закусить можно в хорошей компании. И выпить малость. Не откалывайся от народа, такие люди не каждый день приглашают!

А что, собрались да поехали – когда-то, сто лет назад – бодрый и почти здоровый Миша Лезинский, молодой многообещающий автор Минкина и еще двое нормальных людей, не писателей. И было замечательное застолье в уютном полуподвале, какая-то дешевая выпивка в белых пластмассовых стаканчиках, неразменные питы с салатами, и были незнакомые, но абсолютно родные и понятные люди, все немного чокнутые, как говорит моя младшая дочь, то есть помешанные на любви к Слову, преданные этому дьявольскому плетению мыслей и строчек. И во главе действия мудрый лукавый старик. Немного сутулый худой старик с глухим голосом и хулиганскими молодыми глазами в круглых стеклах очков. И стопка журналов на столе – «Галилея», 4-й номер.

– Леночка, хотите взять два? Берите, берите! Все равно не окупаются.

Что в нашем мире окупается? Любовь к словесности, преданность собственному тексту, круг чокнутых единомышленников?

Сколько с тех пор прошло лет, сколько номеров? Марк Азов страшно переживал, добывал деньги, звонил и писал авторам.

– Срочно пришлите текст! Отрывок из повести? Прекрасно, пусть будет отрывок! Только не медлите. Номер почти готов. Деньги почти собрали!

Кто из редакторов не знает этих мук? Кто из авторов не мечтает о таком редакторе?

Еще приезжали несколько раз в гости, с Мишей и без него, праздновали юбилей Дани Мирошенского, что-то пели и пили. Было ужасно завидно видеть целую группу людей, больных твоей же болезнью, – поэтов, прозаиков,

литературных критиков. И вроде ты уже не болен, не чужак, не лилипут в стране великанов.

Казалось, что Марк щедро правит бал, не мэтр, но хозяин, но мудрый Учитель. Советовал, исправлял, опекал, пробивал в Союз писателей. Не знаю подробностей, не случилось участвовать – дела, дети, экзамены, дежурства в больнице, пустые хлопоты – кто знает, что останется после нас?

Потом услышала, что литобъединение распалось, разъединилось на группы. Какие-то политические разногласия, борьба за лидерство, голосование за и против Азова. Никогда не пыталась понять. Никогда не хотела слушать разъяснений.

Объединение литераторов Тульской области распалось в связи с принципиальными разногласиями между Л.Н. Толстым и П.П. Сидоровым. Предлагается общим голосованием решить, кто из писателей должен покинуть Союз.

Наше почтение всем сидоровым!

Но поди знай тогда, что нас ждет впереди. Люди думают, Всевидящий все предусмотрел. Но зачем бы я сажал в прекрасном саду то проклятое Древо, если нельзя было рвать с него плоды?

Он страшно переживал, не хотел смириться, боролся за выживание журнала. От отчаяния решил перейти на электронную версию, но не сложилось. Затеи другого времени. Иногда жаловался в частных разговорах на усталость и немощь.

Вы думали, если Бог не человек, так у него и души нет, лишь гнев божий да смертный приговор. Да? А что я в них вдохнул, если во мне души не было?

Было до слез обидно, твердила одно и то же – наплюйте, пишите себе и пишите, вам есть что сказать.

– Да, – отвечал доверчиво, – я пишу. Все время пишу, не могу остановиться. У меня уже нет времени на остановки.

А он шел так легко, будто на его лодыжках прорезались маленькие крылышки. Этакая легкость происходила всего лишь от потери памяти: он забыл, что

пришел обнимать мир. На этот раз мир обнимал его. И он с эгоизмом бабочки перепархивал через колдобины, пока не попал в сачок.

Сачком его накрыл циркуль в трусиках, и, накрытый сачком, он выглядел дураком в колпаке.

– Папа, – сказал циркуль, – почему ты меня не гуляешь?

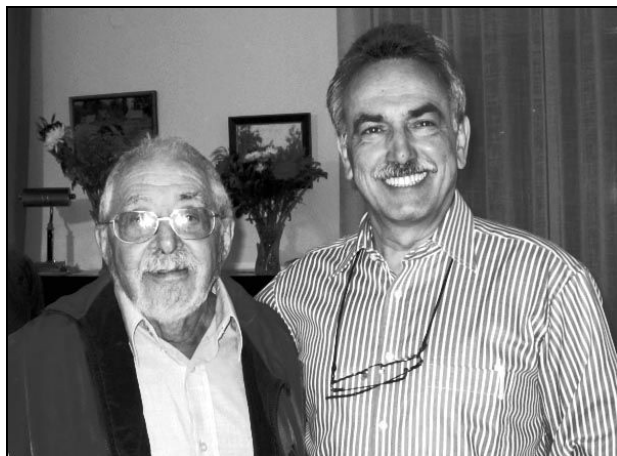
Сколько раз встречались за прошедшие годы – десять, двадцать?

В 2004 году устроили презентацию моей книги в Хайфе. Затея Лезинского, конечно. Марк сидел в президиуме. С хитрым видом выудил из кармана стих.

«О ты, прекрасная Елена... – разве вспомнишь... что стоило сохранить листок! – Я пред тобою, как полено, стою, колено преклонив...»

Все хохотали. Лезинский гордился и задирает нос.

Боже, храни моих стариков. Дай еще немного побыть на этом свете молодой и красивой.

Марк Азов и редактор «Семи искусств» в гостях у Елены Минкиной, 19.11.2010, Кирьят Тивон

Он очень любил приезжать в гости. Всегда радовался приглашению и сразу начинал переживать – Леночка, если кто-то доставит. Если это удобно. Только не старайтесь специально. Что там было стараться – полчаса

езды до Назарета! Даня Мирошенский выручал, захватывал по дороге. Марк радостно благодарил, послушно сидел среди гостей, пил чай. Потом не выдерживал и начинал рассказывать очередную байку:

– Знаете, Леночка, как-то мы ехали на концерт с группой студенток из театрального училища. Красотки! Мои товарищи быстро сориентировались и распустили хвосты, но как я мог с ними конкурировать при моем росте и прочих невзрачных показателях? Поэтому мне досталась в соседки самая страшенькая девочка. Такая удивительная умненькая девочка, что-то в ней чувствовалось. Знаете, в ней чувствовалась гениальность. Да, конечно, Чурикова! Я знал, что Вы догадаетесь.

Еще одно рукопожатие. Сколько протянутых рук повисло в воздухе.

Пару лет назад позвонил взволнованный: ожидается торжественное событие – презентация новой книги. Легко нашла здание хайфского хостеля, у входа горстка пожилых людей в пожилой нескладной одежде. Расставили стулья в небольшом проходном зале. Из Назарета приехали самые преданные друзья с цветами, человека три-четыре.

– Как Вы думаете, если я почитаю не только смешные рассказы, но что-то из новой книги? Хотя люди любят слушать легкое и смешное.

Да, люди смеялись, слушали байки про Рабиновича и Хаима, трагикомедии эмигрантской жизни. Но потом все-таки открыл новую книгу.

Человек, рожденный женщиной, скуден днями и пресыщен скорбью. Как цветок, он появляется и вянет и, как тень, исчезает. Для дерева есть надежда: даже если одряхлел в земле корень его, то все равно, почуяв воду, расцветет оно и пустит ветви. А скончается человек и никогда не узнает, что там дальше, как там дети его. Унижены или возвышены тобой?

Люди, все эти старые рабиновичи и хаимы слушали и тихо плакали.

В прошлом году на 85-летие собрался, кажется, весь город. Просторный культурный центр «Беркович» ломился от гостей и зрителей. Концерт силами местных талантов

продолжался часа четыре, как на День милиции в незабываемом нашем прошлом. Песни, танцы, отрывки из спектаклей, струнный оркестр – все на самом высоком уровне. Как будто Марк весь город заразил своим талантом.

Что открылось ему в последние годы, какая истина и печаль? Беспечно и бесстрашно вошел в эту воду, заговорил с самим Господом – спрашивал, сомневался, жалел! Не просил жалости, но жалел! И утешал. Корил и утешал.

...я стоял над наполненной горечью бездной...

Только время все поджимало, уже почти не правил текст, не перечитывал, не возвращался к неточностям – вперед, вперед!

Как-то позвонил под вечер, заговорил стеснительно и виновато – не любил жаловаться, не хотел нагружать горестями и болезнями.

– Леночка, скажите как доктор, вот у меня одышка. Ну, так что, за кем мне бегать? А родственники говорят, что нужно пойти к кардиологу, сделать эхокардиограмму?

Так ясно представила его слабое сердце, усталое, изношенное сердце, принявшее на себя всю боль убитого солдата, покинутой женщины, старого отца, юной вдовы, Авраама, Иова, Адама, Господа... Разве его можно залатать, заменить?

– Марк, дорогой, стыдно признаться, но ни одному человеку эхокардиограмма еще не помогла от одышки.

– Ой, какая Вы умница! Вот и я подумал – ехать, ждать, жаловаться, сидеть в очереди. Да я целый рассказ успею написать!

Парил над миром, разговаривал с Богом и при этом по-детски радовался каждой публикации в интернете, ревниво читал отклики. Знаю, что редакторы его любили, гордились знакомством и дружбой. Только однажды позвонил, расстроенный до слез: какой-то из читателей снисходительно пожурил за слабый сюжет, похлопал по плечу. Бросилась на защиту, расхвалила обруганный рассказ. Но... постеснялась подписаться. Минкина в защиту Толстого! Зато еще один Сидоров останется в истории. А так кто бы вспомнил?

И все-таки всем нам, чокнутым товарищам, по старинке хочется живой книги, живой музыки, живой любви. Марк спешно собирал новую книгу, спешно заказывал тираж, не выбирая, не торгуясь... «Сочинитель снов». Успел увидеть первые экземпляры, успел подарить самым близким.

– Минкина, – сказал очень больной и старый Миша Лезинский и заплакал, – Минкина, с Азовым плохо. В реанимации. Умирает Азов.

В этом последнем году в каком-то интервью Марк скажет без огорчения и пафоса: «Я израсходовал все везение, отпущенное на мою долю».

Наверное, уходить не очень страшно. Раз так устроена жизнь, то и смерть – часть жизни.

Но страшно оставаться.

А я бежал к нему, стараясь не топтать, чтобы не заглушить и не дай Бог не выронить по дороге последний звук моей жизни, звеневший на кончике струны. А Его пальцы стекали по клавишам, как воды ручья. И, добежав, я вдохнул в себя свежесть надежды.

Надежда Далецкая

Пражские каникулы

в долгах

мотрю на дождь. Лицо в лицо.
Он в сторону отводит взгляд,
щеки моей едва касаясь влагой.
И ты... не на моё крыльцо.
Который (каждый!) год подряд
вновь улетаешь в солнечную Прагу.

Пришпилен гвоздиком закат.
Ах, сердце,... мне – мой дезертир.
Отдай долги: в долг брать нам не пристало!
Маршрутом, взятым напрокат,
Я – в монастырь... или в Монастир?..
Всё лгу.
И лгу себе.
И всё мне мало.

на пару с дождём

Отводит глаза ожидания зал:
Не ждали? Не ждали... три года – как в воду.
Я въехала в Прагу, попав в непогоду.
Сентябрь в слезах. И мечта что слеза.

На Вацлавской ветер шныряет, и дождь
наперегонки и на пару – фальцетом.
Тепло под запретом, с зонтом бабье лето,
и зонт этот на отречение похож.

Но патлы у крон зелены и буйны,
чуть желтым означен их возраст осенний:
их постриг на зиму грозит облысеньем.

Что делать?.. Цирюльник сбежал из страны.

Я храбро сырею от сих и до сих:
всем видом моим климат жаждет позора.
Вспылила бы! Но отсыревший мой порох
ничем не разжечь: хоть мечтай, хоть проси.

У башни узорчатой, Пороховой
безлюдно. Под аркой – сырой указатель
куда-то стекает к реке – на расплату,
простудой, остудой, травой-муравой.

Брусчатка толкает в подошвы: назад!
От Вацлава, мимо музея, к Сокольской.
Нежданной никто не обязан, постольку,
поскольку – всё против. За «против» все – за!

Туч хмурых – юр-юром! Отчётлив лишь путь.
Отложим на после прогулку, на завтра.
А завтра – на мост. За мечтой, как за правдой.
Гляди, наглядись! И запомни. Забудь.

И нет непогоде! Дождь тот же турист.
Гуляет по Праге и мокнет на пару
со мною и с Влтавой, и ратушей старой.
Он юн и пронырлив, но важен, как барин.
Под ручку с дождём – и на Карлов, на Карлов!

Над дверью отеля, как птица, как парус,
нос по ветру держит кружащийся лист.

зеркала

В ночь эту зеркалам в отеле
сны подсмотреть не удалось.
За отраженьем проглядели,
что судеб ход на самом деле
незрим
и слышен еле-еле:
не смазана земная ось.
Но шелест душ и стрелок шелест
в рассвет... Час пробил!

Началось!

отражения

Бег по брусчатке. Вот надо же? Надо же.
К Унгельту, к Тынскому храму и к Ратуше.
На Староместскую, в прошлое – волоком,
где ежечасно срывается колокол.

Настежь оконца! – и лики Апостолов
к нам – благосклонно ли, сонно ли, постно ли?..
Не разглядеть: всё звенит и вращается!
Радость внимать или весело каяться?

Солнце, Луна – всё приходит в движение.
К нам – отражения, мы – в отражениях?
Палкой стучим и трясем сбереженьями.
В зеркало смотримся истово, к почестям.
Рядом, как тени, услужливо топчутся:
турок безнравственный, смерть с
колокольчиком...

Всё это пыжится, движется, звякает:
дни мироздания, диск с зодиаками.
Меч вознесённый. Архангел с волхвами:
нас охраняет? Приставлен ли нами?

Сцены на сценах и сцены за сценами...
На отражения цены бесценные.

В зеркало смотрим мужьями и женами.
Сами судьбой и собой отраженные.

Каркнет на башне петух заполошенный:
враз отрешимся от пришлого прошлого!

Йозефов

По Парижской (не к Парижу!) –
близкий путь. И время вспять.
В Пражском Граде дождь по крышам
черепичным, рыжим-рыжим!

Здесь дома кучней и ниже.
Меньше спать – пораньше встать.

Старонова синагога,
преклонённый Моисей.
Каждый камень помнит многих,
кто за Бога, кто у Бога...
Вековечная тревога
И судьба – одна на всех.

Голем глиной, Голем прахом:
свиток с именем Адам.
Неустанно время-пряха!
Мириам, танцуй без страха,
бей в тимпан, им – ад воздам!

Улиц шрамы, морем память.
Шесть лучей, шесть синагог.
Судьбами-слоями – камни,
Души – птицами-послами...
Что же с ними?.. Что же с нами?..

Нам – урок, Ему – зарок.

Карлов мост

Карлов мост, как Невская проспекта –
многолюден, шумен, говорлив.
Эти – самолётом из Орли,
Те – набор из северных столиц
педантичных, но весёлых лиц:
типажи на всю палитру спектра.

Старый мост с замашками богемы:
толпы модных статуй. И людей.
На волнах качает лебедей
Влтава. И изменчивой воде
в каждом всплеске вторит этот день:
кто мы? Были кем и стали кем мы?..

Древний мост, извечный диксиленд.
Чисел магия, театр копий.

Дождь нещадно настроенье топит:
стоило ломать так много копий,
чтоб взойти, пройти в толпе утопий
Копии моей вослед и в след?

Карлов мост! Реален, как мечта.
Призрачен, как шесть веков. Стоящий
на века. Не выпасть бы несчастьем
мне за борт, где волны чаек тащат,
чуть присевших. Где сыграли в ящик
бабье лето – это, песня – та.

я отражусь...

Река, река, мостов каскад.
В воде свинцом тоска.
Над ней, как неф центральный, –
сплошные облака!
На птичьи трали-вали –
закатная рука.
Под мост, где водяной рукав
Чертовки, к кочке островка
спущусь по лесенке. Пока
на Кампе тишина:
ни прачек, ни идальго.
Не сдвинет ни на миг волна
дома, нырнувшие до дна
реки зеркально.

Я помолюсь за нас.
Я отражусь. Одна.

бросьте!

(лирическое отступление)

*Бросил – брошусь!
Вот тебе и месь!*

М.Цветаева «Пражский рыцарь»

«Бросил – брошусь» –
Что бросаться, если

никогда и не бывали вместе?
Брошенные, в близости – всё дальше:
вместо – душам вместе – мечь из фальши!

Страстных слов полушки отшелушивали.
Не сердца, а наготу подслушивали.

Страсть – деляга! Сердце наго...
Как тебе? Не снится Прага?
Нелюбимая не снится,
смуглолицый рыцарь?
К берегу – с поклоном:
Брунsvик удивленный...

Под песчаным склоном
возложу две кроны –
на мечты схороны...

налегке

А теперь вне мечты, вне судьбы – налегке
пробегусь по проулкам и улицам.
Преподай мне, подай, погадай по руке
Прага! Дай мне от счастья зажмуриться!

Окунуться в осеннюю замять садов:
право слово – свободна от прошлого!
Мне услуга такая заслугой за то,
что рассыпала грошева крошево
на забаву ветрам и дождю на зубок:
что стихиям рассеять? Без бремени!
Мне ж обиды – не в лад, мне печали – не впрок.
Мне – холмы, мне – река, я – вне времени.

И по пражским садам, и по пражским мостам
прогуляюсь, свободная, лёгкая!
Даже дождь отступил – пререкался устал.
Столько в Праге Домов, где у Бога я
защититься могу, повиниться могу,
исповедаться в кружевах каменных.
В монастырь не пойду, в Монастир не сбегу.

Разве вот полетать над холмами мне?..

Через сад «На валах», где в бассейне на дне
(к возвращению!) монет россыпь белая,
по аллее, к стене, где в закатном огне
пражских крыш маков цвет...
полетела я!

напоследок

Напоследок мне признаться –
реку перейти.
Расставаясь, не расстаться –
встреча впереди.

Помнить мне (а как иначе?)
временный мой Дом.
Прага, я себе назначу
встречу «под хвостом»**

среди влюблённых, среди юных.
В трёх годах ходьбы.
Посреди Европы шумной.
Посреди судьбы.

Я вернусь сюда, я знаю,
Дождь пройдёт и грусть.
Ты – земная, я – земная.
Прага, я вернусь!

сентябрь 2007 – сентябрь 2010 (февраль 2011)

* В Праге очень популярно назначать свидание на Вацлавской площади, под хвостом конной статуи гарцюющего Святого Вацлава. Пражане в таком случае говорят: «Встретимся под хвостом».

Эстер Пастернак

ד"סב

«Я утону в Твоих садах...»

Перedelкино осень прозрачная

Осязаема и невесома.

Как со мною аукнулось дачное

Эхо, памяти адресованное.

В Перedelкино осень, как памятник,

Бабье лето – слепой поводырь,

И порожним ковшом оловянное

Солнце в небе, затёртом до дыр.

Я говорю – пусть тает ночь, как горький шоколад
соблазна.

Ты говоришь – пусть ночь живёт, как граффити на белых
стенах.

Я пробуждалась оттого, что ангел тонкого сарказма

Читал мне белые стихи так искущённо и напрасно.

Я говорю – с ума сойду, приняв за чудо и блаженство

Шёлк неизведанной любви, где время как песок нагретый,

И ты как эхо совершенства, мой ангел с кожей ребёнка.

Но ухнул филин за горой, заплакав, как актёр на съёмках.

На этой даче мы живем последний месяц,

Здесь все уже преграда между нами:

И пустота, и неживая плесень,

Покрывшая на вешалке панамы.

Среди холодной, тонкой мишуры

Желтеет осень кожей лимона.

Мне больно все предвидеть, и ладонью
Прикрыв глаза, я выйду из игры.

Пришел разрыв. В смятении беспомощна,
Цветы увядшие водою не полью,
И не пойму, с какого часа точно
По-новому тебя я не люблю.

Деревянные яблоки на кораблях уплывали.
День дымился. По окнам стелился туман.
На дороге быки колесницу рогами толкали,
Эфиопы бежали по обеим её сторонам.

Солнце вышло из кубка и плавало в шуме громовом.
Обезумев, толпа прижималась к свинцовым стволам
И навзничь упали, подмяв травяные подковы,
Сыновья фараона, следя за полетом орла.

Еще мне кажется, что я вас рядом слышу,
Вторую ночь я вижу вас во сне.
Стучится дождь крылом летучей мыши,
И ветер треплет сорванный брезент.

Мне снится осень. Самария снится.
Ее писал рассерженный Расин.
А муэдзин, как дикая ослица,
И голос выпущен, как из бутылки джинн.

Уже мне кажется, что ничего не страшно.
Гранатовыми зернами закат.
И голуби толкутся в рукопашной
На Гревской площади, где казнь и перстень-яд.

Дожди заладили скрипучею шарманкой.
Мне снится гобеленовый Париж,
И Сен-Мишель в растрепанных каштанах,
И то кафе, где ты сейчас сидишь.

Я утону в Твоих садах.
Я превращусь в кустарник колкий.
Всё, что пойму, уйдет в слова,
И эхо никогда не смолкнет.

Я в небе утону Твоём.
Я выпадю дождём на скалы.
Сорвусь в шумящий водоём.
Возникну и начну сначала.

Нет в памяти прекраснее мгновений -
Над иволгой цветной - воздушно-нежный щит,
И бляенье волны над детской чёлкой полдня,
И солнце, как рубин, над головой горит.

Пчелиный воск ночей на ложе из иголок,
Бессилье разума – молчания гранит.
Над смутной головой взрывается, как сполох,
Гранатовый рассвет и плечи холодит.

Маме

В ладонях августа линияет терпкий свет.
Стихает птичье щебетанье.
Все тягостнее боль. Я выйду в темный сад,
Где роза шепчется с шершавою геранью.

Нет памяти нежней, чем память о тебе.
Воспоминаний нет печальней и надежней.
Бесповоротен март, все ближе оттепель,
И пульс мой как зверёнок растревожен.

Такая тишина, такой простор.
И воздух йодистый не въедлив,
И нежный световой узор
Растаять и расстаться медлит.

И ясные, издалека видны
Верхушки горные под снегом,
И долго льются, протекая, дни
Холодною водой элегий.

Июль - 2011
Западная Самария, Ариэль

Лорина Дымова

Четыре темперамента

Тезисы к научному докладу

1.

Мы полагаем, что все математики,
Судя по рифме, обычно ФЛЕГМАТИКИ.
Любят салатики, ходят в халатике
И улыбаются, словно лунатики.

2.

Часто встречаются в мире ХОЛЕРИКИ.
Ими обычно бывают Валерики.
Вечно ругаются, вечно в истерике –
Ладно бы в Туле, но даже в Америке!

3.

Кто симпатичен – так это САНГВИНИКИ.
Плещутся в озере, лопают финики.
К людям добры, веселы и не циники.
Незаменимы на рынке и в клинике.

4.

И – МЕЛАНХОЛИКИ.
Эти соколики
Вечно в тоске. И трусливы, как кролики.
Все их пугает – нотации, колики,
Проигрыш в крестики, проигрыш в нолики.

РЕЗЮМЕ

Если парламенты и департаменты
Будут учитывать ВСЕ темпераменты –
Сразу исчезнут у нас неурядицы,
Жизнь – вот увидите! – быстро наладится.

Ты сначала рассмотри
Хорошенько, что за краля:
Молода ли, хороша ли,

А потом уже и ври.

Убедись, что эта фря
Не сова и не ворона,
А не то растратишь зря
Боевые все патроны.

Ведь когда-нибудь, мой свет,
Попадется и жар-птица –
А уже патронов нет,
Нечем даже застрелиться.
14.03.11

ПРО МАНЬЯКА

Ходил по городу маньяк,
Пугал собак.
И мы купили мышьяк
Для маньяка.

Нет, мы купили для маньяка
МышьЯка.

Ах, нет... Короче говоря,
Мы угостить пытались зря
Маньяка.
Все дело в том, что тот маньяк,
Любил коньяк, а не мышьяк,
Собака.

НОВОСТИ С ТЕЛЭТАЙПА

1.

С откоса под Бурятией
Упал состав с курятиной,
И люди под вагонами
С глазами воспаленными
Питаются бульонами.

2.

Без всяких преувеличений,
В столице много развлечений.
Там волен выбрать человек
Любую из библиотек.

Есть улицы, дома, подъезды,
Есть конференции и съезды,
И планетарий, и тюрьма –
Возможностей в столице тьма!
Но есть такие отщепенцы,
Что убегают с конференций
И, бормоча при этом чушь,
Бегут в Саратов, к тетке, в глушь.
Однако в этом нет загадки:
Мозги их просто не в порядке.
И каково у них айкью,
Понятно даже воробью.

НУ И ЧТО ЖЕ!..

Повязали на вокзале.
Наказали. Обязали
Не хамить, не врать, не красть.
Встал. Кивнул. Пошел. Надрался.
Нахамил, украл, подрался.
Снова мент. Участок. Власть.

Снова там же, снова то же.
Те же речи, те же рожи
С той и с этой стороны.
Ну и что же – повязали.
Ну и что же – на вокзале.
Лишь бы не было войны!

БУКВАРЬ

1. МАМА МЫЛА РАМУ

Мама мало мыла Милу:
Мыла было жалко.
Только Мила зря вступила
С мамой в перепалку.
В результате моет раму
Мама, а не Милу,
Потому что эта мама
Экономит мыло.

2. МАША ЕЛА КАШУ

Кашей Машу не испортишь,
Не испортишь Машу салом.
Ну, не преуспеет в спорте,
Ну, не выиграет слалом.
Не для всех милей и краше
Та, что тоньше и худее.
И для каши и для Маши
В этом главная идея.

3. ПРО ДЕВОЧКУ ЛАРУ И МАЛЬЧИКА ПЕТЮ

Сидела пара – Лара с Петей
На белом пара-парапете.
– Вы что, ей-богу, рядом дети! –
Сказали строго Ларе с Петей.
И слезла пара с парапета,
И песенка была их спета,
Да так – что не бывает спетей:
Они расстались – Лара с Петей.

ТИХОЙ САПОЙ

Я печальна, потому что
Где-то в мире есть Алушта.
А еще, моя голубка,
Где-то в мире есть Алупка.

Много мест, подобных раю!
Вряд ли в них я побываю,
К их причалам не причалю –
Значит, век мне быть в печали.

Ах, Анапа ты Анапа
С серебристою волной!
Жизнь проходит тихой сапой
За моею за спиной.

Артур Кальмейер

Последние дары

Стихи

РУССКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мы уйдём потихоньку, без шума, из стаи.
город нас не замает, топор не достанет.
на стене ли кремлёвской, на крымском мосту ли,
улюлюкать отставшие будут впустую.

растекаться им мыслью по древнему хлеву,
отдавая салют плесневелому хлебу.
мы зароемся в листья, две божьих коровки,
мы сбежим от сапог, от усов и верёвки,

от хоругвей и клятв, от прудов патриарших,
от объятий, салютов, парадов и маршей.
от любви всенародных, от слёз и политик
ускользнёт незамеченным маленький винтик.

вон в зените звезда. рождество накатило.
к утру будет мороз, с нами крестная сила.
нам лететь над ковилью в далёкое вече,
серой зегзицей красному солнцу навстречу.

тих напев колыбельный,
мир светел и тонок.
на руках у меня
засыпает
ребёнок...

GENESIS 1

И сотворил Бог человека...

- Бытие, 1-27

рождён в стране побед, вождей, химер,

обобществлён и свой, понятно, в доску,
не зная ни Дю Гара, ни Рюноскэ
(народу также чужд был Шарль Бодлер),
ты рос под сенью грязно-желтых труб
родной малаховской теплоцентрали,
где будущего солнечные дали
сияли в лицах временных подруг.

но мыслей вредных, вражеских печать
тебе сулила сызмальства измену:
записан в Книгу Судеб путь до Вены,
а там до Рима лишь рукой подать,
записана и очередь в ОВИР
(тоска по тётке, ссылка на еврейство) –
врождённое семитское злодейство
как способ наконец увидеть мир,
пройдя сквозь очищенье распродаж
убогого затасканного быта,
когда бывшее по дешёвке сбыто,
оставив только памяти коллаж:

пустых кварталов эхо в феврале,
с протянутой рукой гранитный Ленин,
объятия друзей нетрезвых, тени
на сиротливо стынувшей земле,
ночной перрон, кондуктор и топтун,
мешки, авоськи, сумки, чемоданы,
свисток, граница – и чужие страны,
как лики странных марсианских лун,
биенье ветра, фильтры красных век,
и вдруг – для вздоха воздуха так мало! –
в хрустальном лоне венского вокзала
возник дрожащий, мокрый Человек...

АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК

Крестами прочерков – богомольный, старинный град
Где крутит листьями, трачен молью, враг листопад
Под дребезжанье колёс, булыги, кухонных дрязг
Киряют старые забулдыги, рыгают в грязь

Костры из листьев, дым над оградой к реке плывёт
Осенний воздух – хрусталь прохладный и чаек лёд
За колокольной, за синевой – пролёт мостов
Днепровской далью манит на волю, полётом снов

Где взгляд знакомых и воспалённых, усталых глаз
Где вслед прохожим кивают клёны, не устыдясь
Того, что было и враз не стало, как ветер сдул
Где было нужно ничтожно мало
Ломоть, бутылка, кусочек сала
Рейс А трамвайчика до вокзала
Где глупо юность моя пропала
Где я уснул

МАРРАН

Продумай всё, не торопясь, марран.

Престол.

Поклоны.

Рясы.

Свечи.

Лица

всех, в чередѣ стоящих поклониться
стигматам,

источающим дурман.

Калитка в Гефсиманский сад,

тропа,

а с неба дождь, как манная крупа,

и ангельские трели топора.

Пора решать вопрос судьбы и быта.

Калитка в преисподнюю открыта.

Обедня,

покаяние бандита,

и инквизитору давно домой пора.

Служенье,

покаянье.

оговор

и тиражи, достойные Главлита.

Духовный поиск веры. Ты не вор.

Как глупо было, в самом деле, Еве

заботиться о знании, о древе,
о змее и об этой самой плеве:
сожрали плод - и кончен разговор.

Витрины перепачканы елеем,
и вроде не был никогда евреем.

Святой отец всему тебя обучит.
Сан-Педро.
Буратино.
Небо.
Ключик...

ОБЕТОВАННАЯ

Сорвался хамсин, беспощадный загадочный зверь
Всадники армагеддона сеют мельчайший песок
Засыпая глаза колкой пылью пустынь аравийских
Забивая ноздри и горло злобой джинов востока.

Липкий наждак твоей кожи скоро поднимет барханы,
Треснет лепёшкой иссохшей
Прольётся маслом олив
Это святая земля
Обетованная сладость
Пункт назначения
Конечная станция
Всем выходить из вагонов.

Архангел встречает гостей
Привет, говорит Джебраил
Вы прибыли вовремя, будет диктант
Сто четырнадцать сур
Писать только кровью
Не важно, своей ли, чужой
На красном арабском песке
Торопитесь, у нас ограничено время
Хамсин засыпет песчаным покровом следы
Всех, кто не уложился в регламент.

СТАРАЯ МОСКВА

(из цикла "Вариации на русскую тему")

Московский дворик с вязью лебеды.
Осклизлые ступени на Неглинной,
и, чтоб добавить колору в картину,
железных крыш тоскливые ряды.

Пугливые коты на кирпичах.
В песке окурки – детская площадка.
Щит Чистоты с плакатом о порядке,
с призывами нести деньгу в Госстрах.

Парадный вход закрыт для входа в дом.
Осенний день. Метёт дорожки дворник.
В углу квартирки – Николай Угодник,
и тесто пахнет кислым молоком.

Соседский голос снизу – домино.
Стук палок о ковёр меж корпусами.
Хвост очереди в лавку, за салями,
и шум машин в открытое окно.

Далёкий благовест колоколов.
Грибки, селёдка и картошка в миске.
Неторопливая беседа о прописке
и дружное кивание голов,

и заплетается язык, беззубы рты,
мутны глаза. На пиджачках с плечами
латунь медалек. Не Москва ль за нами?
Нет... старый сон из гиблой немоты...

МАНИЛА

Жарко в Маниле, растопилась солнечная печать.
В клетке у бара, нахóхлившись, - старый и злой
попугай.
Жирноватый, зелёный в кружке китайской чай.
Забывай нас, забывай себя, старых друзей забывай.

За бамбуковой занавесью – тугая полудня слюда,
Разноцветных автомобильчиков шумная череда.

Дым над кальяном вьётся, булькает в трубке вода.
Ты раздражённо твердишь мне Нет, а я говорю Да.

Ты говоришь, что пора за спиною сжигать мосты.
А за зелёной тряпкой в углу, в отблесках от плиты,
Девушка смотрит, не отрываясь, как горячишься ты,
Тысячи миль от её плиты, от её мечты до твоей мечты.

Девушки редкое имя – слышишь, любовь? – Кимуйог,
Тысячи миль дорог на её пути, тысячи миль дорог.
Дорог билет в забвенье – от плиты, за бамбук, за порог,
В белых людей бессмысленный мир, пусть их прощает
Бог.

Кольцами дым кальянный, немилосердный вор.
Древен, нелеп, как брачный контракт, крутится
разговор.
Время сотрёт людей и слова, станет забытым спор.
Чайки над Интрамурос. Дальше – Коррегидор...

КИСЛЫ СИАМА ПЛОДЫ

Две стороны изрядно потёртой монеты
– любовь и ненависть –
неведомы девам Сиама.
Женщины здесь могут быть сладки, как манго,
но бывают кислее лимона.
Глупый фаранг собирает
кислых плодов урожай
у берега мутной реки,
вдали от дерева Бо.
Люди Запада ищут конфликтов,
привычные к гневу и ссорам.
Они устали от рыхлых блондинок
с глазами осеннего неба
с бледной пупырчатой кожей
и потому
простодушно под этикеткой любви
покупают ласки востока,
трогают пальцем тёмный пушок
узких бёдер девы-тростинки,

заглядывают в раскосую тайну.
Влажный всезнающий рот
обладает секретами,
недоступными подлинной страсти,
это искусство веков,
культура как способ
делать вещи свободно
без вины и пустых обязательств,
в своих интересах.
Деньги тоже нелишни,
и облачко белым слоником
садится на верхушку кокосовой пальмы.

ТРОЯ

Унынье серых скал и паруса фелюг.
Мираж далёких солнц в таинственном просторе.
Пора хилить домой, Ахилл, мой верный друг,
В Ахею, в Рощу Дев - о вечной жизни спорить.

Дались тебе война и грубиян Парис!
Могли б хлебать вино, не трогая Троила.
Что нам до Менелая? Ленка? - Заебись.
За них сам Аполлон. Эквивалент тротила.

Осаде десять лет. Смертельная тоска.
Здесь ни кино, ни баб, одни ряды палаток,
Среди развалин трупы, в пище вкус песка,
И этот странный сон - о гигиене пяток....

ВЕСЕННЕЕ

позабить о зимних спорах,
осушить вино в амфорах,
под весёлый звон капли
закружить сознание хмелем,

отыскать кольцо в котомке,
улыбнуться незнакомке,
дрождю тонких женских пальцев
надорвать струну паяца,

тронуть травку мокрой лапкой,

уронить слезу украдкой,
в блёстках рос апрельским утром
избежать смиренномудрых,

задохнуться дымкой вешней,
болью сладостной сердечной,
развязать мешочек с солью,
отпустить стихи на волю.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Прохрипеть простудно «Готов»,
Пистолеты дулами к Богу
И, взглянув на снег, на дорогу,
Разойтись на десять шагов.

Отлететь на тысячу вёрст
От угрюмой речки на запад,
Отряхнувши пороха запах
С облетелых зимних берёз.

Красным стуктом белых рубах
Боль под сердцем перепелённуть
И услышать реквием – звоны
Колоколен в старых церквах.

В этой варварской стороне
Ты один. Государевы слуги,
Секунданты, жены, подруги –
Тени бесов в пляшущем сне.

За санями вихрем снежок.
Жарко вьётся струйка живая.
Топот конский, воронов стаи
Да судьбы курьерский рожок.

А вокруг на вёрсты – снега,
Тёмных сёл околицы, гряды.
Ни друзей, ни слёз, ни пощады,
Ни подруги, ни даже врага...

ДРУЗЬЯ

это друзья одиноких моих вечеров.

угловатый стеснительный
робинсон джефферс,
молчаливо глядящий в камин,
где пляшет огонь на поленьях мадроны,

хэнк, с циничной улыбкой
на изрытом прыщами лице,
ковыряет указательным пальцем
в мясистом, багровом носу.

уолли стивенс,
в жилете не к месту,
жуёт вонтон со свинойной
из ближайшей китайской столовки,

лопоухий квинтус горапиус флаккус,
подливает лениво
сладкий сок тосканской лозы
из амфоры в чашу,

аллен гинсберг сидит, огорчённый
моим безразличием к лучшим умам
эпохи литературного бита,
к их идеям и к их лед.

в этот год дожди как назло
льют без продыху,
западный ветер сорвался с цепи,
в каминной трубе завывают
все ведьмы востока,
и ветви камелии
бьются снаружи в стекло.

наконец аллен прерывает молчанье:
– при свете молнии, – говорит он,
ни к кому особо не обращаясь, –
я только что видел
магометанского ангела,

скользившего
по коньку соседнего дома,
у него были холодные
сияющие глаза,
как у того парнишки из арканзаса,
наглотавшегося галлюциногенов.

ночью, когда сидишь у огня, –
ответил уоллес, –
цвет кустов и листьев кленовых
повторяет себя многократно
в зеркалах, вращающихся
от порывов осеннего ветра,
орущего, словно дикий павлин,
хвост которого играет
цветами праздничных листьев,
сорванных с мокрых деревьев.

сунув руки в карманы,
вспомнил задумчиво робин:
- в сьерре, в долине кавеах, у белой скалы
я однажды набрёл на оленя
с холодным, немигающим взглядом;
он стоял, возвышаясь над склоном,
под которым стремительный горный поток
нёс к океану пенные струи.
люди умны и искусны,
они владеют огнём, топором и упрямством,
но ум их не выше деревьев,
а жизнь бесполезнее гор.

человечество ищет славы в пороке, –
болтая сандалием, заметил гораций, –
многие всю жизнь колеблются
между тем, что разумно,
и заведомой ложью,
бессмысленно бегая
вдоль реки текущих времён,
немногим дано её пересечь.

годдэм ит, парни, опять ни о чём разговор, –
хэнку, видать, не хватило дешёвого пива, –
слушать басни про ангелов
всё равно что
получить в жопу заряд из ствола
ноль двадцать второго калибра
а у меня каждую ночь ровно в час тридцать
звонит телефон
всякий раз
один и тот же мужик из денвера
которому
не с кем поговорить о жене
сучка спит подряд с кем попало
ему нравится мой голос
я у него вызываю доверие.
яйца всмятку!

я подбрасываю в камин
ещё пару поленьев,
открываю бутылку мерло
и сажусь записать все слова,
поскорее,
пока не забыл.
память стала ни к чёрту
последнее время.

ОТКРОВЕНИЕ

синяя жилка дрожит на усталом виске,
взгляд вне фокуса после стакана виски,
жизнь, вращающаяся на волоске,
дети, жёны, грехи, одалиски.

праздничный новый мир, 21-го века народ,
вам нужны стихи и прошлогодний снег.
шаг в ничто, вверх, вниз, шаг назад, шаг вперёд,
баба с возу означает победу телег.

ледники тают от глобального дежа ву.
сухо во рту ночами на чердаке
ходит кто-то незванный, боль в плече, в левой руке.

доживу до восьмидесяти? верю, что доживу.

за крутыми горками спуск к ленивой реке,
камышы забытья над ряской прожитых лет.
мелководье стирает следы на мелком песке.
снова ищешь ответа? это и есть ответ.

САЛЬДО

о полночном трамвае, увезшем меня в Бровары,
о червонном закате над плёсом днепровским в
Петrivцях
всё почти позабылось. из давнишней этой поры
память начисто вытерла запахи, звуки и лица.

задубевшему в новых заботах не снится Москва.
горы не Воробьёвы – Mount Diablo или Tamalpais.
если щепки летят, значит рубят на щепки дрова,
значит всё на продажу, и прошлого нам не досталось.

городов и отелей и странных постелей не счесть,
не измерить курвиметром скурвенность пешего марша,
что прошло, то ушло. всё уйдёт, что пока ещё есть,
мотылёк у свечи, понапрасну свободы искавший,

отвергающий бога, не знающий ночи и дня
одинокий безумец, бунтарь, отщепенец, предатель,
краснобай, дон жуан, похититель девиц и огня,
составитель куплетов, словесной породы старатель,

как ничтожны находки, как мелок твой список грехов,
Карфаген не сожжён, не разрушена дерзкая Троя,
не написана главная книга и храм не готов,
а стихи... что стихи? это так, развлечение пустое...

ТОТ И ТА

Тот, который в кусте горящем,
Тот, кто сидит, наместе сотворяя.
Тот, кто требует бус блестящих.
Тот, кто молчит – невидим, неосязаем.

Тот, кто вниз с Олимпа глазеет.
Тот, который распят и вознёся.

Тот, кто танцует, а руки плывут, как змеи.
Тот, который просто – на небе солнце.

Тот, кто велит сразить нечестивцев.
Тот, кто их убивать запрещает.
Тот, чьё не произносится имя.
Тот, кто грехи убийцам прощает.

Тот, без которого вянет нива.
Тот, что Хун-Апу из лунного рода.
Тот, кто известен людям как Шива.
Тот, кто приносит одни невзгоды.

Тот, кто сеет зёрна интриги.
Тот, кто сам по себе, ниоткуда.
Тот, кто главной заведует Книгой.
Тот, которому имя – Будда.

Тот, которого суть – пустота.
Тот, который и есть Тасагата.
Тот, кто виновен, что ты – не та.
И Тот, кто сделал тебя виноватой.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благославляю неспешных, необязательных,
медленных.
Не сожалею о лётах, в праздном безделье
проведенных.

Благославляю подстилку в ельнике – сонную, рваную.
Благославляю всю жизнь мою, так неразборчиво
странную.

Детства нестрашные напасти, юности беглые радости,
Поздних влюблённостей старости путь, завершённый
усталостью.

Благословляю в орешнике посвисты клёстов по осени
И облака, что над Росью к югу стремятся над
просинью,

Луг за рекою под пашнею, чешское пенное пиво, и

Женщину, навзничь упавшую, с глупой улыбкой
счастливою...

ШАГНУТЬ...

к холмам горбатым
поутру,
в прозрачном воздухе дрожащим,
уйти,
чтоб время
настоящим
не нарушало звук.

и вдруг,
как из себя,
как за порог,
шагнуть,
открыв объяття ветру,
забыв старинную примету...

и больше
не вернуться
в срок.

ПОСЛЕДНИЕ ДАРЫ

– Для последнего причастья
Принеси мне на прощанье
Остро-красный перец счастья,
Нежность ягод увяданья,

Тополиный пух с Афона,
Сладкий дым марихуаны,
Мёд от пчёлки Персефоны,
Листик лавра из нирваны,

Аромат подвалов винных,
Пьянь осеннего заката,
Замороженной рябины
Декадентское стаккато.

– Горечь кофе не хотите ль?
Вам пора идти, приятель,

Бородатый возмутитель,
Соблазнитель, расточитель,
Белоснежных роз сажатель.

ПОМИНКИ

Сдвинув на ухо чёрный французский берет,
подпоясан простою верёвкой патлатой,
как посланец шестой обречённой палаты,
заявлюсь я на ваш поминальный обед.

Я приду, завернувшись в лиловый халат,
за спиной у меня будут тени роиться,
от сверкания крыл вы прикроете лица –
все, кто был не при чём, все, кто не виноват.

Чёрных впадин глазных немигающий взгляд
обмануть не удастся ни лаской, ни плачем,
и предвестием новой беды, не иначе,
разольётся над кровлями красный закат.

Под унылое звяканье ржавых вериг,
без царя в голове, без копейки в кармане,
наскребу на дорогу безумств и желаний
по сусекам своих ненаписанных книг.

Вдоль залива пройдуся, завернувшись в туман,
скрежетаньем зубов распугаю детишек,
и, как облачко дыма, растаяв над крышей,
я исчезну, внезапной свободой пьян.

ЭПИЛОГ

сменяется неровной скачкой
годов размеренная поступь.
вчера - ребёнок в люльке плачет,
сегодня - вьюга по погостам.

как сон о прошлом юбилее,
как мыло в образе обмылка,
всё веселее и быстрее
опорожняется бутылка.

а бред опять бредёт, хмелея,

в дыму давно забытых улиц,
с улыбкой дориана грея,
слегка по-старчески сутулясь,

оставив чемодан и вещи,
не признавая поражений,
не понимая слёз и женщин,
никем не понятый не гений.

Вильям Баткин

ב'ס'ט

Этюды души¹

не не забыть, когда стихов поток
Наваливался паводком весенним,
Но краткий срок тот полагал потом
Удачей личной, чудом и везеньем.

Невидимо раскрытая ладонь
Дарила щедро уголья созвучий,
Но их бегущий по строкам огонь
Едва ли впрок остудим и изучим.

Да что стихи?! Суровая судьба...
Ее, как пот, нам не смахнуть со лба,
Но все провалы, пробы и успехи,

Но данный Свыше праведный урок,
Как и огонь, бегущий в гуще строк,
На долгой ниве осознать успеем?

Не вдруг осознаешь, что далеко за сорок,
И пятьдесят в полях истаяли как дым.
И помнятся следы истоптанных кроссовок –
В них бегал по утрам, рысцой, немолодым.

И в шестьдесят сухим еще казался порох,
Был легок на подъем пред рокотом дорог.
Но, громом в ясный день, и как ушат за ворот,
Все семьдесят и семь грохочут о порог

И дорог каждый день, рассветом острым вспорот,

¹ Опубликовано в альманахе «Огни столицы» № 4, 2009.

Но каждый час его ты расточаешь в спорах,
На свой и страх, и риск... А это я к тому,

Что осознать пора – и ты в поре рискованной,
И тяжело читать по зову огласовок
Давидовы псалмы, и мудрено – Талмуд.

Мой римский профиль – крупный нос, прямой,
Высокий лоб, глубокие глазницы, –
Не пожелав с годами сохраниться,
Скукожился, как жухлый лист зимой.

Нос крючковат, и лик седобород,
Все атрибуты предков мне достались
И белоснежный полосатый талес –
Он, как броня, спасает мой народ.

Сефардский друг, из Пензы ашкеназ,
Что отличает неизменно нас
И накликает ненависть и зависть?

Что сквозь века нам удалось сберечь
Не только облик – нос, глаза и речь, –
Но и души Б-жественную завязь.

Этюды души

Из прочих пристрастий мне мил загрюнтованный холст,
Да миловал Б-г – не спешу по утрам на этюды.
Брожу по горам – не оливок лазоревых горсть, –
Этюды души приношу неизменно оттуда.

Манил меня прежде распахнутый белый рояль,
Да на ухо слон наступил, ненароком как будто.
Маэстро вчера в переполненном зале играл,
Этюды в душе отозвались тревожно наутро

Прелестнейших женщин успел разглядеть я в толпе,
Да Б-г мой безмолвно подвел отчего-то к тебе
И двери прикрыл, отесняя настырную старость.

Любовь даровал, о которой мечтать я не мог.
Этюдам души догадаться пока невдомек,
За что мне краса ненаглядная эта досталась.

Тебя искал я в биополе строк,
Как в чистом поле вольную жар-птицу.
Как вспыхнувшую яркую зарницу,
Тебя в душе лелеял и берег.

Твой слог возвышен, благодушен, строг,
В глубинах сердца до поры таится –
Так завязь почек укрывает листья,
Пока раскрыться не нагрянёт срок.

Вдруг голос твой на радиоволне
Я отыскал... Он показался мне
Таким далеким, как с чужой орбиты.

Не обессудь – дороже во сто крат,
Когда близка ты – рядом, без преград,
Моим дыханьем любящим обвита.

Не вчера я постиг: ностальгия меня не настигла
И неведом мне плач о российских метельных снегах.
Я бегу по годам, как по брошенным бревнам настила.
От себя убежать – не дано мне, похоже, никак.

Впрочем, ради чего? Да, изгибы судьбы непростые
Изменили, как грим: седина в бороде, на висках...
Но себе изменить – никогда, ни за что не простил бы,
Ни в толпе, ни в семье, ни в бегущих из сердца строках

Полной грудью дышу я в зеленых горах Иудеи,
И по праву живу в заповеданном Свыше наделе,
И высокое небо сквозь ветви струится в окно.

Трижды в день я молю – быть услышанным в тайной
надежде,
Но, наивен в мечтах, и в стихах хорохорюсь, как
прежде, –

Остаюсь я собой – от себя убежать не дано.

Бейтар

К Иудейской пустыне, к скоплению обрывистых скал
В восходящих лучах, – у тебя отношенье прямое:
Здесь твой предок далекий надел для семейства искал –
Рядом – крепость Масады, и замерло Мертвое море.

Словно кедр, могуч, и к восьмому десятку – не стар,
Он растил сыновей, гроздья фиников холил на пальмах.
И однажды лулав он отправил Бар-Кохбе в Бейтар,
И осталась о том достоверная запись на память.

...За две тысячи лет не иссяк заповедный исток:
Наконец-то и ты возвратился на Ближний Восток,
Верно, предок призвал, и душа от галута устала.

И свершилось, о чем и не мыслил на долгом веку:
Длиннокрылою ветвью накрыл ты ко сроку сукку –
На наделе своем – на высотных красотах Бейтара.

Людмила Штерн Неистребимый

Пётр Волкин стоял посередине коммунальной кухни и, надув щёки, пытливо осматривал полки. Ни одной годной к сдаче бутылки он не обнаружил.

- И где они их прячут? Будь они прокляты, - раздражённо спросил Пётр окружающее пространство.

Пространство безмолвствовало, потому что никого из жильцов не было дома. Безмолвствовало и Время, ибо соседский будильник с утраченной минутной стрелкой уже лет пять не напоминал населению квартиры 6 по переулку Пирогова, 17 о быстротечности их жизни. Пётр почесал разбухший, цвета майской сирени нос и вдруг почувствовал, как неотложная и грозная проблема опохмелиться сжала стальной клешней его тело и душу.

Но башлей не было, как не было ни малейшей надежды их достать.

"Хромовые сапоги", - блеснула спасительная мысль и тотчас погасла, как хилая спичка. Вчера он обменял их на "мерзавчик" у начальника котельной Григория Порфирьевича.

- Прокошка, жох, мог бы и на полбанки расколоться, - горько усмехнулся Пётр Волкин.

Он вернулся в свою комнату, открыл шкаф и встретился глазами с единственным своим костюмом. Румынский полушерстяной смотрел на Волкина с немым укором.

- Будь спок, - сказал костюму Пётр. - Обещал не пропить и не пропью. Я сеструхе поклялся, что меня в тебе похоронят.

Эта невинная на первый взгляд фраза таила в себе пророческий, неведомый ещё Петру Волкину смысл.

- Но надеть тебя я имею полное законное право, - неожиданно вспылил он, натянул брюки и пиджак, отвернув

лацканы, дабы скрыть отсутствие рубашки. Затем сунул ноги в шлёпанцы и отправился в угловой гастроном.

В мире было девять часов пятнадцать минут утра. Лично гастроном уже открылся, внутри и снаружи него бушевали страсти. В это майское утро их эпицентром был мясной отдел. Там продавались финские куры. Залётные птицы, нарядные, расфранчённые, в блестящих целлофановых пакетах с золотыми этикетками. Вокруг накатывались и затихали волны народного гнева и надежды.

Будучи равнодушен к импортной домашней птице, Пётр Волкин протиснулся в винный отдел. В нём, как в храме, царили прохлада и полумрак. Но Пётр знал, что в 11 часов появится Нина Синюхина, жрица. Магической ручкой с лиловыми обкусанными ногтями тронет она выключатель, и полки с водкой, винами и коньяками вспыхнут, отражаясь в зеркалах, янтарными, изумрудными и рубиновыми огнями. Пётр скользнул нежным взглядом по 'маленьким', и притулился в конце прилавка, намереваясь ждать.

Однако, винный отдел сегодняшним утром следовало озаглавить "Оставь надежду Петр сюда входящий".

Синюхина, возникнув за прилавком с почти получасовым опозданием, изобразила омерзение на морде. Не проявила, сука, элементарную учтивость: не кивнула, ручкой не взмахнула, не улыбнулась даже.

- Вали отсюда, пьянь проклятая, - взвизгнула она вместо приветствия. - Чтоб духу твоего тут не было, а то участкового позову.

Участковый был нежелательным персонажем в жизни Волкина. Их rendez-vous всегда носили слишком официальный характер. Пётр нахохлился, ссутулился, пробормотал несколько смертельных, ничего не значащих угроз и вышел на улицу.

Обычно скудное ленинградское солнце, (а город, в котором жил Петр, назывался еще Ленинград) в это утро щедро сияло. Бледное небо освободилось от туч и облаков. Улица Декабристов ласково и неназойливо приняла Петра в свои объятия, как бы приглашая: не печалься, дорогой Петр Волкин, расправь плечи, вздохни полной грудью и просто

начни жить. Но, увы, никакого плана жизни в Волкинской голове в тот момент не сложилось.

Он добрёл до проспекта Майорова, (теперь Вознесенский проспект) главной правительственной магистрали. Примерно раз в неделю по ней проносились чёрные "чайки", неся знаменитых гостей из аэропорта в таинственные их резиденции. Пётр, будучи младенцем, помнил ставшие уже историческими фигуры: маршала Тито, генерала Де Голля, Джавахарлала Неру и иранского шаха с первой ещё женой.

Но в это утро проспект Майорова выглядел буднично и уныло. Упомянутые выше политические звёзды давно погасли. Другие - сидели дома, или гостили друг у друга, вдали от местожительства Петра Волкина. На четырёх углах перекрестка Декабристов и Майорова расположились четыре очереди. Одна - за номерками в платную поликлинику. Другая - сдавать бутылки. Третья - за апельсинами из Марокко. Четвёртая - в ожидании Годо. Им могли оказаться говяжьё сардельки, индийские хрустальные бокалы или чешские колготки. Для пытливого ума такие очереди настоящая находка. Ведь это уравнение с тремя неизвестными: X Y Z. X - "за чем стоим", Y - "нужно ли мне это?" и Z - "хватит ли этого мне?"

Пётр не увидел никакой надежды на благополучный исход сегодняшнего утра и серьёзно закручинился. И вдруг он увидел собачку – черно-белый пушистый клубок с хвостом, как осенняя хризантема. Собачка была привязана к уличному фонарю и, очевидно, скучала. При виде Волкина песик приветливо замахал хризантемой.

- Ах ты, бандитская рожа, - растрогался Пётр, - тоскуешь, небось?

Песик заскулил, подтверждая эту догадку.

- Про то и речь, - поддержал беседу Пётр. - Пошли со мной, барбос. В компании веселее.

Он отвязал собачонку, намотал поводок на кулак и направился к своему дому. В этот самый момент из подъезда выходила Софья Януарьевна Шелтер, литературная переводчица с испанского и португальского языков. Это была женщина еврейской национальности, немолодая,

несчастливая, озабоченная как внутренними противоречиями, так и несовершенством внешнего мира. Заметив Волкина, Софья Януарьевна поспешно отвела глаза. Встреча с Петром ничего хорошего не сулила, а, напротив, являлась еще одним мрачным цветом в спектре отрицательных эмоций. В пьяном виде он извергал оскорбления с национальной окраской, в трезвом – канючил и выклянчивал деньги. Итак, Софьян (аббревиатура от Софьи Януарьевны) отступила на шаг и прикрыла глаза в надежде, что, когда она поднимет веки, "гнусный тип" исчезнет из поля её зрения. Совершенно иные чувства охватили Петра Волкина при виде переводчицы. Он испытал мгновенное острое счастье человека, нашедшего ответ на неразрешимую задачу. А дело было в том, что недели две назад попала под машину собака Софьяна, рыжий спаниель по кличке Роллинг. И Софьян билась в таких конвульсиях, что соседи дважды вызывали неотложку. Боялись, что её разобьёт паралич. По общему мнению, просто срам так убиваться из-за паршивой собаки...

– Доброе утречко Софьярьевна, – вкрадчиво сказал Пётр. – Глянь-ка, кого привёл.

– Боже, какая прелесть! Откуда у вас такой красавец? Купили?

– Ну, ты даёшь, – сбился Пётр на привычный язык. – Это когда я собак покупал? Это на работе мне сейчас подарили в виде премии.

Весь белый свет, за исключением наивной Софьяна, знал, что Волкина год назад выгнали с работы, и он дважды привлекался за тунеядство.

– Ах, какие милые у вас сослуживцы, Пётр Иванович! Собака превосходной породы, очень редкой, **шпиц-помераниан**.

– Вот ты её и купи. По дешёвке отдам, за трёшку.

– Господь с вами. Собака стоит гораздо дороже... И потом это безнравственно - продавать подаренную собаку. Это всё равно что продать друга.

– Чего-чего? - не понял Волкин.

– Не могу я, голубчик, понимаете... Я так привязываюсь к животным... - Софья Януарьевна прижала

руки к груди и всхлипнула. - Если, не дай Бог, с ней что-нибудь случится, второй такой потери я просто не переживу.

- Не берёшь, значит? Ну и хрен с тобой, - обиделся

Пётр. - Сделаю из неё шапку, а то зимой уши мёрзнут.

- Что-то? Не смейте даже в шутку говорить такое!

- А на какой она мне сдалась?

Коварный Волкин сильно пнул собачку в бок.

Шпиц-помераниан взвизгнул, ему в унисон завизжала Софьян:

- Отдайте собаку!!! Вы просто негодяй!!!

Трясущимися руками открыла она сумку и стала беспорядочно совать Волкину деньги. Две трёшки, рубль. мелочь. Всё, что у неё было.

Не прошло и получаса с тех пор, как Пётр, униженный и оскорблённый, покинул гастроном. И вот, возрождённый из праха, с гордо поднятой головой, он устремился к нему опять.

На следующее утро в квартире Софьи Януарьевны раздался звонок. Первым к дверям, приветствуя гостя, понёсся шпиц-помераниан. На пороге стояла дворничиха Нюра.

- Слыхала, Софьян, что у нас в доме случилось? Волкин, бывший наш водопроводчик, помер. Алкогольное, говорят, отравление. Ему в прошлом месяце в вырезвители антабус зашили. Доктор, говорят, ему предупреждение сделал, что, если, говорит, больше пол-литры в день вылакаешь, то непременно загнёшься. У нас в агитпункте даже собрание провели, чтоб Волкина не спаивали и денег не давали. А он, вишь, где-то достал, нализался, ну, и помер прямо на улице. И похоронить не на что. Родни у него одна сеструха, дак они с мужем в отпуск укатили. Управдом и послал меня по квартирам деньги на похороны собирать. Не все жильцы и дают. Сознательности у людей не хватает.

Во время Нюриноного монолога Софьяново лицо исказилось. Она стала судорожно тереть пальцами виски и даже биться головой о косяк двери.

- Господи, милостивый, - перепугалась Нюра, - чего ты трясёшься? Ну, помер человек, с кем не бывает? Что он, муж тебе был али любовник?

- Моя вина, моя вина, - бормотала Софьян, как в горячке. - За что мне такие муки?

- Какие ещё муки? Да успокойся ты, вишь, нервная система сдаёт. Мужик-то он был баракольный. Мусорный прямо скажем мужик.

Нюра нежно обняла Софьяна за плечи и повела в комнату.

- Идём, водички попей. И не убивайся так, смотри, в лице ни кровинки. А коли денег жалко, дак и не давай. Шут с ним. Как-нибудь похоронят, на улицу не выбросят.

Софьян схватила сумку и протянула дворничихе.

- Возьмите, Нюра, деньги, возьмите сами, всё, что есть.

Она упала на диван и уткнулась лицом в подушки.

- Гос-споди, с этой тилигенцией и свихнуться недолго, - бормотала Нюра, шаря в сумке. Наконец она нашла смятую пятирублёвую бумажку. - Смотри, пятерку беру, сдачи сейчас нет, опосля может и занесу.

Два дня Софья Януарьевна провела в постели. В слезах, на нитроглицерине. Печально известный еврейский комплекс вины захватил её без остатка. Прямо ли, косвенно, но она была причиной чьей-то смерти. Она была **убийцей**. Воображение рисовало бездомного человека в шлёпанцах и бежевом костюме, одиноко лежащего на проезжей части дороги, среди фырчащих троллейбусов и машин... Ведь только что он был жив! Думал. Любил. Радо-вался. Горевал. И вот всё кончилось. Где кочует теперь его душа?

На третий день Софьян отважилась выйти из дома, чтобы выгулять собаку. Шпиц-помераниан, очевидно воспитанный в хорошем доме, стыдился своего позора на ковре в Софьяновой спальне.

Итак, две глубоко страдающие натуры вышли из дома, завернули за угол на улицу Декабристов и нос к носу столкнулись с Петром Волкиным. Покойник брёл навстречу, и вид его был ужасен. Исхудавший, заросший, в белых кальсонах и полосатой пижамной куртке. На левой

кальсонине и левом же рукаве красовались сочные печати: "Министерство здравоохранения РСФСР, больница имени Коняшина, Петроградского района, города Ленинграда".

Шпиц-помераниан закатился в истерическом лае. Его хозяйка дико закричала и стала медленно оседать на тротуар. Пётр Волкин успел, однако, поддержать её и усадить на ступеньку ближайшей парадной.

- А я как раз, Софьярьевна, к тебе направляюсь. Думал собачку проведать, и рублишко-другой занять. - Пётр Волкин смачно чихнул. - Ишь, сучье семя, что со мной сделали. Боюсь, загриппую или даже плеврит-бронхит подхвачу.

Софью Януарьевну колотила нервная дрожь, зубы её стучали, и она не в силах была произнести ни слова.

- А воще, если разобраться, что со мной приключилось, просто умора, - добродушно продолжал Волкин. - Представляешь, отдыхал я тут позавчера на Мойке, никого не трогал. Так, какой-то олух "скорую" вызвал. Приехали практиканты сопливые и смерть констатировали. - Пётр Волкин захохотал. - Ну, и оттащили меня прямиком в морг. Чего я им не прощу, так это что мой румынский полушерстяной сожгли. Говорили, что в ём хоронить всё равно нельзя, потому как облёван и в грязи извален. А проректор, ну, кто покойников режет, как раз был на даче, а без евонной справки постановление исполкома есть не хоронить. Ну, и заложили меня на сутки в холодильник. Этот, кто режет, с утра сегодня заявился, вынул меня оттуда, на стол поклат, и вдруг его сомнение взяло. Он сам мне так и сказал, что, мол, взяло меня, Пётр, сомнение, потому как ты чихал, а покойник ни кашлять, ни чихать не должен, это мы на втором курсе проходили. Начал он по всем отделениям звонить, чуть телефон не оборвал. Врачей ко мне в морг набежало, отродясь столько не видел. Конвульсиум вокруг меня устроили. И сам главный выступал и говорит, что в виду переохлаждения организма могут возникнуть заболевания в разных его частях... - Пётр Волкин сделал паузу, высморкался в рукав и продолжал. - И мозга может легко заболеть, и пищевар, и даже срамной аппарат, понял? Так что, говорит, ты, Волкин, домой иди, но

будь осторожен, говорит, береги себя. И велел мне больничную одежду выдать, потому что, как, я уже не помню, говорил тебе, мой костюм был сгоревши. Так что, выручи, Софьярьевна, на согрев души и тела. А я за это, если у тебя кран потекёт или бачок треснет, завсегда починю, хоть среди ночи разбуди.

Петр вопросительно взглянул на переводчицу, но Софья Януарьевна не порадовалась любезному обещанию, и даже не услышала его.

Не справившись с потрясением, ее бедное сердце вздрогнуло и, будто тронутое заботливой рукой, тихо остановилось.

Владимир Матлин Амур

Татьяна первой вошла в номер, да так и замерла с чемоданами в руках:

- Вот это да... Ты взгляни, какой вид! Вот это да...

Стейси тоже посмотрела в окно, но восторга не выразила:

- Ты на какой кровати спать будешь?

И тут же принялась распаковывать свой багаж. А Татьяна не могла отвести взгляд от окна, замороженная видом этой огромной, мощной реки, несущей на себе подтаявшие льдины - остатки недавнего ледохода. Противоположный низкий берег терялся в тумане, и речная ширь, казалось, уходит за горизонт.

- Mam, чего ты стоишь? Давай переоденемся и поедем.

Татьяна с трудом оторвала взгляд от реки:

- Когда мы с папой здесь останавливались четырнадцать лет назад, река была подо льдом. Середина зимы. По льду была проложена дорога...

- Ты слышишь, что я говорю? Давай поедем!

- Куда спешить? Её ещё дома нет, с работы не вернулась.

- Откуда ты знаешь? Может, она вообще не работает.

Татьяна усмехнулась наивности дочери:

- А как же, по-твоему, она живёт? Здесь ведь нет пособий для бездельников. И потом - может, она по этому адресу больше не живет. Нам обязательно нужно застать кого-нибудь дома, чтобы объяснил. Давай лучше так сделаем: спустимся сейчас в ресторан, поедим, вернёмся в номер, переоденемся и тогда поедем. Как раз будет около

шести, она скорей всего вернётся с работы. Или кого-нибудь другого застанем в квартире...

Водитель попался пожилой, угрюмого вида.

- Нам на Матвеевское шоссе, - сказала Татьяна.

- Ну, - буркнул таксист и завёл мотор.

Ехали через центр города - оживлённый, нарядный. Татьяна с прошлого приезда помнила эти просторные прямые улицы, вырывающиеся в конце на речной простор. Огромные церкви с сияющими куполами...

- А эту я что-то не помню. Новая, должно быть?

- Лет пять назад построили, - проворчал водитель. - Лучше бы мост через реку, людям бы польза была...

Татьяна перевела для Стейси на английский комментарии водителя, но та явно не слушала - напряжённая, молчаливая, вся поглощённая предстоящей встречей. Последний год эта встреча стала у Стейси навязчивой идеей. "Я должна её увидеть" - повторяла она всё чаще. Зачем? Толком она объяснить не могла. "Я тогда многое пойму" - отвечала. Но что именно? Ответа не было...

Вообще за последний год характер у девочки заметно изменился: она стала замкнутая, раздражительная. Особенно это чувствовалось в её отношении к младшей сестре. Она то и дело упрекала родителей, что той разрешается всё, что ей, Стейси, запрещено. "Понятно: она вам ближе". Так Стейси ещё не говорила, но эти слова, что называется, висели в воздухе. И всё это в сопровождении постоянных просьб-жалоб-упрёков: "Я должна там побывать, я должна её увидеть, я хочу узнать..."

Татьяна и Стив, её муж, растерялись, не знали, что делать. Они были хорошие американские родители, которые читали и всерьёз принимали откровения бесчисленных педагогов, детских психиатров, социальных работников, философов, общественных деятелей, наставлявших бережно относиться к личности ребёнка, уважать его желания и требования. Иначе может произойти самое ужасное: ребёнок подумает, что его недостаточно любят... А их случай был особенно трудным: ведь Стейси усыновлённый ребёнок. И она об этом знала с самого раннего детства - опять же по совету психологов, педагогов, философов и т.д., которые

категорически запрещали обманывать ребёнка и требовали говорить ему всю правду.

В конце концов, после долгих обсуждений и совещаний с психологами и специалистами по усыновлению было принято решение: в очередные весенние каникулы отвезти Стейси в Россию, в город, где она родилась и где находился детский дом, откуда её взяли Татьяна и Стив. Расчёт был простой: пусть взглянет на эту жизнь - сразу захочет домой, в Америку...

Из документов на усыновление было известно, что имя биологической матери Черных, Галина Ивановна. Она не замужем, имя отца ребёнка указано не было, но отчество значилось Сергеевна. Новорождённую назвали Зинаидой - Зинаида Сергеевна Черных. Правильно выговорить это Стейси не могла...

...Центр города остался позади, миновали аэропорт, замелькали приземистые бревенчатые дома и среди них панельные пятиэтажки. Около одной машина остановилась. “Приехали“ - сказал водитель.

На третий этаж они поднялись бегом, несмотря на тяжёлые сумки с подарками. Позвонили в квартиру. Пауза казалась бесконечной. Наконец, женский голос из-за двери спросил:

-Кто там?

- Здесь живёт Галина Ивановна Черных? - Татьяна задыхалась то ли от волнения, то ли от крутой лестницы.

Дверь приоткрылась на ширину цепочки:

- Ну, я Галина Ивановна. А вы кто?

- Нам нужно поговорить с вами по делу. Очень серьёзное дело, семейное.

Внимательный глаз из-за двери оглядел пришедших, после чего дверь приоткрылась шире:

-Какое такое семейное дело? Ну, заходите.

Татьяна и Стейси оказались в маленькой квартирке. Всё сияло чистотой: пол, кружевные занавески, вышитая крестом скатерть. На кухне что-то булькало, распространяя запах покоя, уюта и благопристойности. У Татьяны несколько отлегло от сердца: в глубине души она всё время боялась увидеть какую-нибудь пьяную оторву, беспутную

алкоголичку, которая рожает каждый год неизвестно от кого и рассовывает своих детей по приютам. Но Галина Ивановна явно не относилась к подобной разновидности, здесь угадывалась гораздо более сложная история...

- Надо было, наверное, снять туфли в прихожей? - спросила Татьяна.

- Ничего, ничего, я сегодня ещё пол не мыла. Так что за дело?

Она тревожно поглядывала то на одну, то на другую. Сесть им не предложила.

Много раз, ещё дома в Америке, а потом в самолёте, Татьяна обдумывала этот разговор, тщательно выверяя каждое слово, но теперь не могла вспомнить первую фразу.

- Да, важное дело... вы помните... Конечно, вы помните, пятнадцать лет назад... - пролепетала она. - Вы родили девочку... Зинаидой назвали... Отдали на усыновление в Первый детдом Индустриального района. Так вот, эта девочка, которую вы...

Татьяне показалась, что Галина Ивановна сейчас упадёт: она смертельно побледнела, зашаталась и схватилась за спинку стула. Некоторое время она беззвучно шевелила губами, потом из её нутра вырвался крик, похожий на стон:

- Зина... Зиночка моя... Господи! Зина...Я о тебе ночи напролёт думаю... Зина... Услышал Господь мои молитвы... - Она неожиданно грохнулась на колени и запричитала:

- Прости меня ради Христа! Дура я была, не ведала, что делаю. Ох, как виновата... Прости ты меня, дуру проклятую! Зиночка!!!

Стейси не понимала, что всё это значит, но видеть незнакомую женщину на коленях перед собой было невыносимо, и она бросилась поднимать её на ноги. Галина Ивановна приподнялась и прильнула к девочке. И тут у Татьяны мелькнула мысль - нет ли здесь ошибки? - уж очень они непохожи, ну ничего общего. Полная, темноволосая Галина Ивановна едва доставала до плеча сухопарой, белокурой Стейси.

- А ты-то как про меня узнала? Скажи хоть слово, что молчишь? - И с тревогой посмотрела на Татьяну

- Она что - немая?

- Да нет, она прекрасно говорит. Но только по-английски.

- Непонима русски - с усилием выговорила Стейси.

Галина Ивановна не отводила от неё глаз:

- Какая выросла... Красавица... не сглазить бы. Вся в него...

- В кого? - тут же вмешалась Татьяна. Галина тяжело вздохнула:

- Известно в кого. В своего отца. - Она опять вздохнула. - Вам я всё расскажу. Я должна вам рассказать. Авось, не осудите... Только чего ж мы стоим? Садитесь к столу. У меня вон обед готов.

- Нет, спасибо, мы только что из ресторана.

- Ну, тогда чаю...

В начале девяностых годов разруха докатилась и до сибирской деревни. Семья Черных и так жила небогато, а тут уж совсем... Гале исполнилось шестнадцать, когда умер отец, а она среди детей старшая. Тогда и решили, что поедет она в город, устроится на какую-нибудь работу, и сколько сможет, поможет семье: у матери еще две девочки - двенадцать лет и десять.

В городе к тому времени жила Галина тётка, мамина незамужняя сестра. Кассиршей работала в магазине, - зарработки небольшие, но магазин продовольственный, - значит, голод не угрожает. Пустила к себе Галю жить и устроила на работу в тот же магазин уборщицей. Спасибо ей.

Восемь классов школы - не шибко богатое образование. И тут Галя по совету тётки сделала очень верную вещь: кончила экстерном среднюю школу и поступила на курсы бухгалтеров. Спрос на бухгалтеров был огромный: начинался разворот частной торговли. Так что после курсов Галя сразу же устроилась на бухгалтерскую должность в частный ресторан некоего Рамиза, тёткиного знакомого. К этому времени ей уже было восемнадцать. Два года трудной жизни, когда строго учитывалась каждая копейка, не истощили её, и даже наоборот: на молоке и булках, бывшими основой её питания всё это время, она

округлилась и поздоровела, так что знакомые и полужнакомые мужчины уделяли ей повышенное внимание (специфического свойства).

Примерно тогда и произошла её встреча с Сергеем Угловых. Он был Галиного возраста, недавно окончил физкультурный техникум и определился на работу тренера в местный пединститут. Светловолосый и светлоглазый, высокого роста (волейболист), весёлый и беззаботный - не влюбиться в такого просто невозможно, и Галя влюбилась - без памяти, без оглядки, первый раз в жизни...

Через полгода она забеременела. Ну, и началось... Что делать? Мама и тётя были против аборта, они его панически боялись и без конца рассказывали одну и ту же историю, как их соседка, “изба в избу с нашей“, молодая здоровая женщина по имени Антонина, умерла от аборта. Мама предложила: “Роди и пришли мне - я буду растить, а ты из города помогать продуктами“. Но у тётки был другой план:

- Тебе замуж надо выйти. Но только не за Серёжку - какой из него муж? Нет у него ничегошеньки, одна мужская красота и ветер в голове.

Но кто же возьмёт с чужим ребёнком?

- А найдётся, не сомневаюсь. - говорила тётя. - Какой-нибудь постарше, на молодую пышность твою польстится. Вон хоть рестораник этот, Рамиз. Он ведь как тебя завидит, слюни роняет...

Но тёткин оптимизм оказался неоправданным: чужого ребёнка никто не хотел. Рамиз поначалу проявил интерес, но когда узнал о “нагрузке“, явно заскучал:

- Нет-нет, мне это ни к чему - чужой ребёнок.

- Да ты его видеть не будешь, мы его в деревню к матери отправим.

Он разводил руками:

- Понимаешь, она девушка в порядке, ничего не скажешь. И работает хорошо. Наверное, хозяйкой хорошей будет, сразу видно. Но с ребёнком не хочу. Он ведь мою фамилию получит, а какой он, на хер, Галибов?

Можно было, конечно, надавить на Серёжку, но зачем? Какая с ним семейная жизнь, если он большую часть

года где-то на соревнованиях. Под его водительством женская волейбольная команда пединститута выиграла первенство края. А потом ему поручили тренировать сборную города, засветили поездки в Корею и Японию - какая тут семейная жизнь?

- Он будет со своим волейбольным гаремом по заграницам разъезжать, а ты с ребёнком дома перебиваться... Не нужен тебе такой муж.

Тётка и мать были единодушны в своём неприятии Сергея. И всё-таки неизвестно, послушала ли Галя их - уж очень сильно влюблена была в Серёжу. Но как раз в эту пору случилось несчастье: умерла в деревне мама. Она давно уже страдала от диабета, а тут произошло обострение, и в один месяц её не стало. Так и получилось, что у Гали в неполные двадцать лет на руках оказались две сестры и новорождённая дочка Зина.

Вообще говоря, Рамиз Галибов скупым не был. Даже наоборот - он готов был материально поддерживать Галиных сестер сколько понадобится - до окончания образования и даже дольше. Но рождённый вне брака от какого-то спортсмена ребёнок - это совсем другое дело! Тут душа джигита восставала. "Мне выблядок не нада!" Его условия были жёсткими: ребёнка немедленно сдать в детский дом на усыновление, и никогда о нём (то есть о ней) не вспоминать. Кроме того: Галя увольняется с работы, сидит дома, ни с кем без ведома мужа не встречается.

- Жить будешь, как королева. Что захочешь - куплю, отказа ни в чём не получишь. Но запомни: если хоть раз увидишься с этим засранным чемпионом - плохо будет. Очень пожалеешь...

...Они стояли друг против друга - отец и дочь - и разглядывали друг друга, не в силах произнести ни слова. Разный пол, разный возраст, но абсолютно один и тот же человек. Гены, хромосомы, наследственность... как это там называется? Та же поджарая, чуть сутуловатая фигура, те же приподнятые плечи, то же скуластое сибирское лицо, те же прямые светлые волосы и серо-голубые глаза цвета амурской волны...

- Смотри: даже ладони одинаковые, - прошептала Галина Ивановна.

- Это для волейбола, - отозвался Сергей и засмеялся, разряжая напряжение. И к дочке: - Ты в волейбол играешь?

- Серёжа, она по-русски не говорит, она американка, наша дочка.

- No problem, - сказал Сергей, - I can speak English. A little bit...

- Oh, you speak English beautifully! - обрадовалась Стейси.

- Well, I travel abroad a lot. English is spoken everywhere.

И он повторил по-английски свой вопрос о волейболе. Они заговорили о спорте. Нет, в волейбол она не пробовала, она играет в футбол - вратарём. Однажды в игре на первенство округа случилось так, что она...

Беседа потекла легко, непринуждённо. В отличие от Галины, Сергей не склонялся ни к каким драматическим сценам, бурным эмоциям - просто приятная встреча, приятное новое знакомство, приятный разговор. Девочке он явно нравился. И он, и его холостяцкая квартирка, заваленная спортивными трофеями в виде бронзовых фигурок, блестящих хромированных мячиков на подставках, дипломов в тонких рамочках. На стенах красовались плакаты по-японски и корейски (а может быть по-китайски) и фотографии команд-победительниц, состоящих из таких же девочек, как Стейси - постарше, конечно, но похожих. Обеденного стола не было, вместо него посреди комнаты покоилась штанга с множеством лепёшек-разновесов вокруг.

Полными слёз глазами Галина смотрела на их общение. О чём она думала? О своей исковерканной жизни? О том, что в решающий момент не проявила достаточно твёрдости, позволила себя уговорить? Татьяна видела, как время от времени её лицо искажается судорогой, словно от боли. Тем не менее, когда время подошло к шести, Галина заторопилась:

- Пора, пора. Лучше мы завтра опять приедем, а сейчас пора. А то, не дай Бог, он раньше домой придёт...

- Ну ещё немного, Галина Ивановна, - попросила Татьяна, - им так интересно друг с другом.

- Верно, Галя, - подал голос Сергей. - Я хотел показать ей китайские статуэтки. Это недолго.

- Но ты-то знаешь, что может случиться?.. - Галина выразительно посмотрела на него.

- Да ладно тебе, не преувеличивай. Не такой уж он страшный. - Однако настаивать не стал: - Завтра приходите пораньше. С утра у меня тренировка, а после часа я дома. Приходите, жду.

Такси они поймали без труда. Завезли Галину Ивановну домой, и часам к семи были уже у себя в гостинице. Убедившись, что Стейси занята своим ноутбуком, Татьяна ушла в спальню, где был телефон. Она, конечно, знала, что в Вашингтоне глубокая ночь, но всё же набрала свой домашний номер:

- Прости, Стив, что разбудила. Мне необходимо поговорить.

- Правильно сделала, что позвонила. Я всё равно не могу уснуть. Что там у вас?

Татьяна прислушалась к звукам из соседней комнаты. Что-то пишет на компьютере, кажется.

- Сегодня Галина возила нас к Сергею... ну, к отцу. Ты не представляешь себе, как они похожи... прямо портрет... Она сразу почувствовала к нему расположение, я видела. Он весёлый, общительный, говорит по-английски. Не очень здорово, но говорит. О чём? О спорте, главным образом, он тренер волейбольной команды. Первый вопрос, который он ей задал: ты в волейбол играешь? Какие-то истории рассказывал, свои коллекции ей показывал. Она слушала, раскрыв рот... Подожди, я сейчас!..

Татьяна подошла к двери и заглянула в соседнюю комнату. Стейси была поглощена компьютером. Татьяна вернулась к телефону.

- Я себя чувствовала ужасно. - Голос её дрогнул - Такое ощущение, будто я тебя предаю... Нет, папой она его не называет, только этого не хватало... А завтра он снова ждать нас будет в час дня. Как ты считаешь - поехать или нет?

Татьяна вытерла глаза краем простыни. Руки у неё дрожали.

- Да, милый, ты прав: если мы не поедem, у неё останется чувство, что мы лишили её близкого человека. Это обернётся против нас. Ты прав. Что? Как Галина Ивановна реагирует? Я убеждена, она по-прежнему его любит. Она смотрит на них двоих и думает: это должна была быть моя семья. И плачет. Сердце разрывается смотреть на неё... Нет, невозможно: она смертельно боится своего мужа. Говорит, он способен на всё. Впрочем, кроме одного: сделать ей ребёнка. Они почти пятнадцать лет вместе живут, и никак...

На следующий день, в половине первого Татьяна и Стейси поднялись на третий этаж и позвонили в квартиру Галины Ивановны. Подождали. Никто не отозвался. Тогда Татьяна постучала. За дверью тихо. Она стала барабанить в дверь и звонить. Никого. Что бы это значило? Холодная и скользкая тревога, как маленькая змейка, вползала в её сознание...

- Нету их дома, - неожиданно раздался хриплый женский голос, они даже не поняли откуда. - Он на работе, а её вчера в больницу увезли на скорой.

Они осмотрелись: голос доносился из соседней квартиры, хотя дверь была закрыта.

- Как это в больницу? - громко спросила Татьяна, обращаясь к закрытой двери. - Мы вчера вечером её видели, она была здорова.

- Не знаю, я ничего не знаю. Я в их дела не лезу. Я говорю, что видела: скорая приехала за ней, было часов десять, я уже легла.

- В какую больницу?

- Почём я знаю? Я в чужие дела не лезу.

- Но что случилось? Может, вы выйдете сюда и скажете? Мы друзья Галины Ивановны.

- Ничего не знаю. Я человек сторонний.

И они услышали шаркающие шаги, удалявшиеся от двери в глубь квартиры.

В полной растерянности Татьяна и Стейси вернулись в гостиницу. Спасибо, администратор согласился помочь: стал

обзванивать подряд все больницы - не поступала ли вчера вечером такая-то? И примерно с третьего-четвёртого звонка нашли: да, ответили в 7-й городской имени Пирогова, Галина Ивановна Галибова поступила вчера с диагнозом сотрясение мозга и ушибы головы. Состояние не опасное. Приёмные часы с 5-ти до 8-ми. Приносить можно соки и лёгкую пищу.

В палате находилось шесть коек, и узнать Галину Ивановну они не смогли, пока она сама их не окликнула. Татьяна ахнула и подбежала к ней:

- Что случилось?!

Голова и лицо были забинтованы, сквозь повязку проглядывал один глаз, вокруг него растекался багровый синяк.

- Да ничего страшного, просто на лестнице упала. В подъезде темно было, я зацепилась ногой и упала.

Она говорила слишком громко и с какой-то преувеличенной беззаботностью. Татьяна удивленно посмотрела на неё и уловила сигнал - что-то вроде подмигивания единственным видимым глазом. Она присела на край кровати и приблизила лицо к её бинтам.

- Он всё знает... ну, что вы с Зиной в городе, и что мы ездили к Серёже. Не догадаюсь, от кого - должно быть соседей взял за горло...

- Так это он вас? Ваш муж?

- Тише, ради Бога... Он сказал, если я жаловаться буду, он покалечит Серёжу.

Она в ужасе замолчала, её единственный глаз наполнился слезами.

- Слушайте, Галя, я всё-таки не понимаю. Есть же в городе какая-то власть, милиция, или как это сейчас называется?..

- Что ты, милая?! Какая там милиция? Начальник городской милиции с прокурором пьянствуют у него в ресторане каждую неделю. Бесплатно, конечно. Милиция, скажешь тоже...

Она замолчала, пытаясь унять рыдания. Потом опять подала Татьяне знак наклониться.

- Я чего больше всего боюсь? - заговорила она горячим шёпотом. - За Серёжу опасаясь. Ведь если ему руки или ноги повредят, он свою профессию потеряет. Они что угодно могут сотворить. Могут и убить, запросто... Кто они? Да все эти... кто там у него в ресторане работают: разные грузчики, подсобные рабочие, шоферня... вся эта пьянь. Они все от хозяина зависят, что угодно для него сделают. Их там много, ресторан-то большой. Не видели? От вашей гостиницы недалеко, "Амур" называется.

Она опять замолчала, словно собираясь с мыслями, потом сказала Татьяне твёрдым голосом:

- Я вот что считаю. Уезжайте отсюда в свою Америку от греха подальше. Как можете скорей. Он ведь и вам может устроить... - И сквозь слезы высоким голосом: - Хоть разок дал мне Господь увидеть Зинку, дочку мою, спасибо Ему...

Она замолчала, стараясь подавить рыдания. Перед расставанием она сказала:

- Одно мне утешение, что попала она к хорошим людям. Люби её, Татьяна. За нас двоих люби, пусть у неё будут две матери... И прошу тебя: когда замуж она будет выходить, пришли мне фотокарточки со свадьбы. Порадуюсь... если ещё жива буду...

Ну давай я обниму её напоследок.

По дороге домой в самолёте Стейси упорно молчала. Татьяна пыталась поговорить с ней, но девочка поджала ноги и задремала, свернувшись калачиком в кресле. Даже во сне лицо её оставалось напряжённым. Вдруг, не раскрывая глаз, она сказала:

- Это всё из-за меня. Да, я знаю: из-за меня. Если бы я не приехала, Галину бы не избili. Сергею бы не надо опасаться...

Татьяна попыталась её разубедить. Она говорила, что "этот зверь", Галин муж, ненавидит Сергея из ревности. Он подозревает, что Галя до сих пор любит Сергея и хочет уйти к нему...

- Да, но пока я не появилась, он Галю не избивал. Это из-за меня, мне не надо было приезжать.

Она надолго замолчала, и уже где-то над Атлантическим океаном спросила:

- Мам, а верно, что по-французски “амур“ значит любовь?

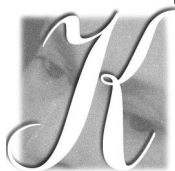
- Верно, но в данном случае французский не при чём. Амур на языке тунгусов значит просто “большая река“.

Елена Матусевич

Три дня в деревне

День первый

- Клава! А Клава!

- Что такое?

- Иван помер

- Ну что вы болтаете, в самом деле, выпивши с утра.

Идите, Валентина, поспите, потом поговорим.

- Да нет же, говорю же, помер! Помер! Кого хоть спроси! Правду говорят тебе.

- Да как же это? Как так помер? Вы тут путаете все, это Михаил вчера скончался, а не Иван. Михаил!

- Это ты все путаешь, я ниче не путаю. Мишка, он тоже, ясное дело, он вчера, а Иван, тот сегодня, с утра, только что вот. Сама и путаешь.

- Господи, нет, что, правда? Да что же это такое тут у вас, Господи помилуй, что ни день то покойник у нас теперь, ведь это невозможно, невозможно! По покойнику в день и ведь войны нет! Он же молодой, совсем молодой!

- Ну, да, молодой. Да вот и помер. Выпил там чегой-то не то. Гавна какого-то, я знаю? Всю ночь рвало, а утром жена то и давай орать: А! Ну и орала же она, люди говорят. Хоронить сразу хотят. Жарко.

- Боже мой, Боже мой, ты посмотри, семь человек за десять дней, ни войны, ни эпидемии, так, и всем даже 30 лет. Что, обмывать покойничка опять станете? Случай подходящий.

- Не, Клава, в этот раз пить не будем. В этот раз, не. Молодые все в церковь счас пошли, ну, этого, священника звать. Хотят, вишь, ход на деревне сделать. Люди то говорят, мол, проклятые мы, вот че говорят то, надо, мол, проклятие снять. Ну и ход. Ну, так и пошли за ним, уже пошли.

- Это хорошо. Надо надеяться.

- Да, Бог милостив.

- Тетя Клава, а этот, другой, ну Михаил этот, отчего он-то умер?

- А, ты себе представить не можешь, что здесь творится. Отчего умер? Да от того же самого. У него зуб болел, сильно болел, но он лечиться не поехал, естественно, они тут все такие. Автобус, мол, дорогой, больница далеко. И потом, на водку у них всегда хватает, это даже удивительно, а вот на автобус к врачу, бесплатному, кстати, тут денег нет, говорят. Ну, в общем, он решил сам себе зуб выдрать, дома. Этим тут тоже никого не удивишь. Ну, выпил он «для обезболивания» и раз, щипцами обычными. Ну, все грязными руками, как я понимаю. А утром температура, воспаление. Жена его на работу рано уходит, доярка, а он еще выпил, чтобы так больно не было, и никому ничего не сказал. Когда жена вернулась, лицо так раздуло, глаз не открыть. Она вызвала скорую. Надо сказать, они быстро приехали, он дрался с ними еще. Ехать не хотел. Везут в больницу, но инфекция уже до мозга дошла, ну и сепсис, общее заражение крови. Врачи в районном центре борются за его жизнь, как водится, по радио в деревне только о нем и говорят. К вечеру объявляют, что нужна кровь для переливания срочно, последний шанс. Ну, тут, матушка Россия во всем величии: вся деревня бросилась кровь предлагать, все как один в больницу ринулись, на грузовике, хоть всю у них бери, не жалко. Меня, говорят, возьмите, нет меня. Герои. Только вот доктора всем отказали, одному за другим, у всех столько алкоголя в крови, ее саму можно пить вместо водки! Ты можешь вообразить? Я тебе серьезно говорю, они тут так наалколизованы, что они самовоспламениться могут. Переливание все же сделали, от одного из врачей, но умер он, парнишка этот. Я его хорошо знала, милый такой, услужливый. Они тут, в основном, не злые.

- Ужас какой. Это ведь должно быть больно, самому себе щипцами зуб вырвать...

- Да, наверное. Но тут это нормально. Они здесь ничего не боятся, им ни себя не жалко, ни жизни, ни здоровья, ни своего, ни чужого. Ты вот ту старуху заметила вчера? Ну, ту, что к нам подходила?

- Заметила, конечно.

- И она такая же, хоть и не пьет. У нее нарыв во рту был, так она его себе вилкой вскрыла. Но она выжила, обошлось. В деревне смеются, что ее сам черт не возьмет, она его подлеще будет.

- Это та, что вас обманула?

- Да.

- Клава!

- Что еще? (я уже новостей здесь бояться стала, поверишь?)

- Поп, священник то есть, он отказался! Не хочет, не пошел с нами. Прогнал всех.

- Кого прогнал?

- Всех, всю деревню и прогнал. Они же к нему пошли, ну, чтобы насчет похорон двух, ну и для крестного хода. А он и прогнал.

- Не может быть. Как же? А что он говорит?

- Рассердился. Говорит, раньше надо было приходиться, когда покойники живы были. Говорит, мол, вы только когда кто умрет, в церковь и приходите. Кричал, что, мол, не может он больше этих похорон и гробов. Церковь для живых, говорил, а не для мертвых. Не пойдет, сказал.

- Плохо.

- Да уж чего хорошего.

- До свидания.

- Вы считаете, что он правильно поступил?

- Нет. Не знаю я уже. Нет у него больше сил, это точно. Здесь надо бы женатого священника. Этот и вовсе сюда не хотел, но они же не свободные люди, ты же знаешь.

- Он погорячился, ты думаешь?

- Может быть. Ему надо было монахом быть. Но с ними и святой ума лишится. Ты знаешь, здесь до революции старец жил. Его расстреляли, конечно. Так он и революцию,

и войну предсказал. Сказал, что все монастыри и церкви разрушат, а наша деревенская останется в целости. И представь, здесь же немцы стояли, вот прямо тут, все было сожжено и заминировано, а церковь устояла. Удивительно.

- Он, священник, вас уважает, наверное?

- Мы его единственная опора здесь. И, несмотря на это, знаешь ли, он нам настоятельно советует скорее отсюда уехать.

- Даже он?

- Даже он. Хотя ему без нас совсем плохо будет, он из любви к нам советует. Мы тут чужие и потом, место дурное. Невозможно просто. Ты думаешь, их надолго хватит? Ничего подобного. Тут же опять за свое возьмутся, вот увидишь. Уже завтра вся деревня мертвецки пьяная будет, да сегодня же вечером! Они даже из церкви воруют, друг у друга, у соседей, у друзей, у родителей, даже в другую деревню лень сходить. Наш весь урожай выкопали... А какой урожай был! Тут ведь земля отзывчивая, и речка, рыбы сколько хочешь, хорошо можно жить. Мы-то все по книгам делали. Над нами все потешались, вишь, мол, образованные, по книжке огород сажают. А все выросло: кабачки огромные, картошки столько. А утром проснулись мы с Герой: все разрыто, поломано. Эх. Даже на день уехать не можем, все вынесут. И ведь они нас знают, даже любят, но это ничего не меняет, даже нервов тратить не стоит. Раз: все в окно полетит: телевизор, холодильник, радио, уют, все, что найдут. Один бросает, другой внизу ждет. Тут у них прямо гениальные способности и организация, и смекалка. А потом все на месте продадут за бесценок своим же и тут же пропьют. У нас уже столько украли. Потом видишь свои вещи у других, спросишь, божатся, что нашли, купили...

- Вы знаете, тетя Клава, я вам не говорила, у меня деньги украли в автобусе. Я вам их везла... Так жалко.

- Это еще зачем? Нам, деньги? Ты на всем экономишь, не нужно, совсем не нужно. Жалко, конечно, твоих денег. Могла бы купить себе что-нибудь.

Я реву.

- Ну вот, ну что ты. Ну вот, ну не судьба, значит. Ничто нам сейчас, значит, помочь не может. Не жалей, что теперь! Мы так рады, что вы до нас доехали! Здесь учишься ни о чем не жалеть. Не принесут эти деньги вору счастья. Все, все, забудь совсем. Пойдем, рыбки свеженькой поедим, Гера нам наловил и нажарил. Вкуснотища. Иди.

- Тетя Клава, там вам стучат.

- Ну, открой.

- Открыть?

- Открыть, конечно. Не бойся. Они воры, но не убийцы. Между собой только, по пьяни. А так можешь хоть ночью одна ходить, ничего не будет. Мы внучку спокойно оставляем.

- Не смотри. У нас хорошая была, вся устроенная, красивая.

- А эта чья?

- Одной женщины. Она в городе живет, ну и разрешила пока нам в ее квартире пожить. У нее муж недавно тоже погиб, тоже молодой.

- А он отчего?

- Он инвалид был, совсем без ног. Он их в тюрьме потерял, они тут все «ходки» в тюрьму делают. Здесь это нормально. За драки в основном. Ну, вот, он там сделал, не знаю уж что, может, и ничего не сделал, чем-то не угодил, и дружки его к рельсам привязали. Это такие там развлечения. Вернулся без ног.

- И ведь женился.

- Ну, это, тут любой мужик сойдет. Пил страшно, всю пенсию пропивал. Ну, жене его надоело один раз, и она его возьми и выброси, как мешок с картошкой (а он на доске с колесиками перемещался), прямо в окно, на улицу. Благо, что низко. Ну, он давай звать на помощь, мол, инвалида обижают. Братья его прибежали, стали ее бить. Тогда ее родственники прибежали. Сцепились. Это было зрелище, скажу я тебе. Все сбежались, вся деревня. Милиция приехала, но разнять сразу не смогли, их много было слишком, и озверели совсем. И «резаный», так его у нас

прозвали, туда же, дрался не хуже других, между ног ползал, повиснет как бульдог, к земле тянет, и не отодрать. Он научился на руках ходить, волоча зад, прямо как орангутанг.

- Клава, прекрати ей все это рассказывать!

- Так, а что, правда ведь, я же не выдумываю? В общем, он стал душить кого-то, одного из родственников жены, то ли брата, то ли племянника, а руки у него железные были, я же говорю, мертвая хватка, а тот посинел уже. Ну, жена увидела и бросила в него, причем ведь с большой дистанции, камнем в голову. Непонятно даже как она в него попала. Череп ему пробил. Сразу насмерть. Она кричала ужасно, она же не хотела убить, просто подобрала камень, и камень то небольшой, но острый, видно, оказался. А дети смотрели с балкона. Ее не посадили, но она уехала в город. Ее квартира это.

- А дети что?

- С бабушкой.

- А что это за девочка сейчас приходила?

- А, это подружка Любина. Соседская девочка. Она любит к нам ходить. С ней только Люба еще может играть, она не ругается и не курит, что здесь в 12 лет редкость. Они здесь в 6 начинают. А эта скромная, хорошая девочка. Она и ест у нас.

- А родители где?

- Мать у нее, это особый случай. Знаменитая. Она мужа убила, отца девочки. Она его много раз убить пыталась, всякими способами. В конце концов, облила его бензином и подожгла. Спичку бросила. Он долго горел, у всех на глазах, но когда скорая приехала, все было кончено.

- Господи, какой ужас! И зачем вы мне это рассказали?

- Клава, ну, что ты, на самом деле, ну зачем ты ей все это рассказываешь? Говорю тебе, а она никак не уймется.

- И, правда, зачем это я? Прости ты меня. Огрубела я тут.

- А за что она его?

- Сказала, что он ей надоел.

- Ее посадили?

- Конечно, посадили. На семь лет. У нее трое детей малолетних было. Так представь, в тот день, когда она из тюрьмы вернулась, (надо сказать, она женщина видная и крепкая) сосед сверху свою жену тут же бросил, и к этой переехал.

- К убийце то есть?

- Ну да.

- А он не боится ей надоест?

- Они тут ничего не боятся.

День второй

Лес огромен. Цветы, цветы, цветы... Речка маленькая, трое мальчишек удят рыбу, рядом пасутся рыжие лошади. Мы пересекаем поле. Тут работают? Да, немного. Заходим в лес, скорее намазаться, комары налетают черной тучей. Бедная псина, ее сожрут, вон, все уши облепили. Но она бежит впереди нас веселая, задрав рогаლიком хвост.

Видели бы меня сейчас мои ученые коллеги, в этом вот костюме, в огромных чужих резиновых сапогах до колена, в прилипшем ко лбу цветастом платке, в мужской куртке и с корзинкой! Эй, грибочки, вы где, мои хорошие? «Мама, мама, я нашел!» Ну что ты будешь делать, первый раз в лесу и уже нашел, а я ничего, ничего! Моя мама их находит один за другим, уже полна корзинка, глаза у нее загорелись, раскраснелась, вся ушла в охоту. Во Франции такие грибы состояние стоят. Говорят, здешние местные их тоже в городе продают. Ура, я нашла, нашла! Вы мои красавчики, целая семья, лисички, куколки. Люблю лес и боюсь, свой да чужой, но сейчас, под охраной всемогущего дяди Геры, который только в лесу, кажется, и чувствует себя дома, можно все забыть и позволить вожделенным грибам завладеть собой безраздельно.

- Да хватит вам! Животы заболят.

Тетя Клава умирает на нас. Я уже не чувствую ни комаров ни мошек, еще, еще, за этот год, и за прошлый, земляника, вся мне, вся в рот, ни одной не оставлю, парчовое, сладкое счастье.

- Гроза, смотрите, гроза идет.

Мы бежим, надо добежать быстрее грозы, мы веселы, как только можно быть веселым здесь, в стране бессмысленных страданий, мы скачем, мы хохочем, так как нигде больше не хохочут, грибы прыгают в наших корзинках, прыг, прыг, собачка рада радешенька, она решила, что мы играем с ней. А гроза передумала. Прошла стороной. Извините меня, это я всех всполошила, конечно, деревенские правы были, а мы зря бежали.

- Тетя Клава, я выйти не могу.

- А что такое?

- Идите сюда. Тут чужая собака перед дверью. Я открыла, а она стоит и не уходит.

- А, эта наша знакомая. Проголодалась, вот и пришла. Она все ест. Сейчас, я ей хлебца дам. Иди сюда, собачка.

- Она старая, кажется.

- Еще бы не старая, старая, глухая и слепая. И задние лапы волочит.

- И ее все же держат?

- А куда ее? Ее вся деревня кормит. Жалеют ее, она же не виновата, что состарилась. Вот она и заходит к нам.

- И не гоняют ее?

- Нет, конечно, зачем это? Жалость, это святое. Никто не обидит.

- Но вы же мне сами, вот только что говорили, что они детей своих голодом морят, что родители пьяные валяются, а дети к вам, как эта собака, еду кланчить под дверь ходят!

- Ну да, собаки, дети, кошки, козы, все к нам просить ходят. Нельзя им отказать. Нельзя в хлебе отказывать. Так и есть. Не переживай так, девочка моя. Смотри, какой вечер прекрасный, пойдем в лото играть.

День третий

- Беги, девочка моя, я петрушку им дать забыла. Беги, я не успею. Да хватит у тебя времени, беги скорее, жалко забыть, я приготовила. Ты знаешь, где петрушка лежит?

- Знаешь? Ну, беги, беги, мы ждем.

- Спасибо, спасибо, не надо было. Конечно, напишем. Ну, не плачь, Любочка, ты помнишь, что я тебе обещала? Какого цвета ты хочешь? Синие? Ну, значит, пришлю синие. Я всегда слово держу, ты же знаешь. С первой зарплаты тебе их пошлю.

Она кивает белокурой головой.

Автобус. Совсем цивилизный автобус, чистый, удобный, нечего сказать. Тощий мужик заставляет останавливаться каждые два километра. Писать, алкогольный синдром, набрался с утра или с вечера не просох. Он висит на поручне и легко качается при движении. Шофер послушно открывает двери, не меняясь в лице.

- Ты думаешь, ему сколько лет?

- Мм... 50?

- А 30 не хочешь? Может и меньше, но не больше.

Мужичок, ни одного зуба, щеки провалились, волосы как у младенца тоненькие стоят дыбом на крошечной головке. Штаны падают.

- Скажи спасибо еще, что он просит автобус останавливать.

Мужичок болтается прямо перед дверью, остановки случаются так часто, что он решил не садиться. Женщины смеются, когда он подпрыгивает, со сжатыми бедрами, держась рукой за опасное место, и бросается из дверей, прихрамывая и шатаясь, к первому вертикальному объекту. Он нуждается в точке опоры. Мы тоже не удерживаемся и смеемся над его фокусами. Жена его, от которой тоже изрядно несет, глупо улыбается. Наконец он истощился и уселся рядом с супругой, за нами. Запах, теперь удвоенный, накрывает нас колпаком испарений. Супруги, вполне довольные друг другом, дружно хихикают, нашептывая маленькие скабрезности и вежливо прикрывая рукой рот.

Еще остановка. В автобус лезет старуха. Впереди себя она толкает огромную корзину с зеленью. Корзина застревает в дверях. Шофер бесстрастен. Старуха очень стара, сыпется, как говорится. Шофер ждет. В автобусе

оживление. Несколько рук протягиваются к бабусе, ее и корзину втягивают в автобус. Несколько мужчин одновременно вскакивают: «Садитесь, бабушка, не стойте». Наш тощий алкаш выскакивает перед старухой первым, и, улыбаясь детским розовым ртом, склоняется в некоем почти галантном реверансе, который ему удается удержать, только чуть колышась вбок: «Пожалуйста!» Он берет ее под локоть и отводит на свое место. Жена его недовольна. Автобус трогается, мужичок опять болтается на поручне, сияя счастливой улыбкой, рядом с серьезной бабушкой, которая его не благодарит. А я думаю о марсельском троллейбусе, том, что идет на пляж, в котором трясущиеся старики стоят, обливаясь потом, над головами загорелых и сытых парней.

Пригороды, такие же уродливые, как и везде. Если не считать лиц обитателей, вполне можно принять за парижские «зоны». Остановка, одни входят, другие выходят. Между бетонными коробками стройка: крошечная церковка, как из сказки, веселые орешки купола. Запах свежего дерева.

- Купола будут золотить, говорит старуха сзади.

- Да, подтверждает кто-то, почти достроили уже.

- А ведь думали, не кончат никогда, замечает молчавший всю дорогу шофер. На постройке храма ругаться нельзя. Священник сам следил за работами, если услышит, все, сразу всю бригаду увольнял. Ну, так он наувольнял, будьте покойны. Мол, народ деньги пожертвовал, надо, чтобы место было чисто. Говорили, больно батюшка строг. Где же у нас найдешь рабочих таких, чтобы не матерились, немых только если. Ан нет, добился он своего, почти готово.

Автобус тронулся.

И вот начинается собственно город. Перед его пастью пассажиры, как кролики перед удавом, вдруг притихли и сжались.

- Извините, вы, видно, отсюда?

- Можно и так сказать.

- Вы не подскажите, где тут метро?

- Я вам покажу, мы тоже туда идем.

С ней двое детей, чистеньких и хорошо одетых. Их всю дорогу даже слышно не было. Я опять вспоминаю Марсель.

- Ну, вот. Опускайте сюда, вот так, да. Теперь проходите. А адрес у вас есть? Нет, пересаживаться не надо, это прямая линия. Не за что. До свидания, всего хорошего.

- Слышала, мам, что она мне сказала? Что видно, что я отсюда. И на том спасибо.

Яков Лотовский

Ханука-47

Рассказ

Светлой памяти Шулима Моргулиса

*С чувством огромного удовлетворения
встретил советский народ постановление
Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)
"О проведении денежной реформы..."*

Из советских газет

— ну-ка, Ханука, зажгись! — воскликнул Нюха Соркин, послевоенный мальчонка, когда его бабушка зажигала очередную свечу на ханукальном девятисвечнике, стоявшем на подоконнике их подольской квартиры.

Квартира состояла из единственной комнаты на втором этаже осевшего набок двухэтажного дома, со скошенным полом, скрипучими половицами, неровными со вздутиями и трещинами стенами, провисавшим местами потолком. В этой трущобе ютилось до девяти душ Нюхиных родных и близких. Когда располагались на ночлег на кроватях, диване, даже на столе, - помещались не все. Нюха спал в одной койке с дядей Сёмой, укладываясь валетом. Остальные ночевали на полу, покотом. К тому же часть комнаты занимал картофельный бурт, то есть груда картошки, выгороженная досками, чтобы не раскатывалась по полу. Сюда были ссыпаны три мешка картошки сорта *элла*, по случаю купленной в Бородянке, чтобы зиму зимовать.

Сей неожиданный призыв Нюхе взбрел на ум ввиду приближения Нового Года, когда на елке зажигаются свечи после возгласа «А ну-ка, ёлочка зажгись!» Складно у него

получилось, сам не ожидал. Даже складнее, чем перед новогодней ёлкой.

На его взгляд между этими праздниками, которые следуют один за другим, было много схожего: подарки, свечи, гости, застолье... Сама менора чем-то напоминала Нюхе новогоднюю ёлочку, роль которой всегда выполняла сосёнка с раскидистыми ветвями и крупными иглами. Он любил Хануку больше других праздников. Не считая, конечно, новогоднего. На Хануку в доме бывает весело, бабушка жарит вкусные латкес, деруны из натертой картошки, взрослые дарят детям ханукальную денежку - *ханука-гелт*.

В то памятное воскресенье, 14 декабря 1947 года, сбежалась под вечер вся родня, чтобы есть бабушкины латкес, пить водку и портвейн «Лидия». Кое-кого из соседей занесло. Всего душ двадцать. Это был единственный выходной в рабочей шестидневке, когда удалось собраться вместе на праздник за тяжелым, скрипучим столом на пузатых, бильярдных ножках. Гости сидели на досках, положенных на табуреты, чтобы побольше уместилось. Сидели плотно, вполоборота, как солдаты на грузовике, выпростав правую руку, чтобы орудовать ею за столом. И все же не всем вышло место. Кое-кому пришлось присесть на кровать и есть с колен. Нюхина мама и тетя Рита на сидение и не притязали. Сидеть им было некогда. Они подавали к столу закуски, чистили и обдирали на жестяной терке картошку, набирая ее из квартирному бурта, подавали деруны с пылу-жару, исчезающие на столе быстрее, чем бабушка жарила их в тамбуре сразу на двух сковородах - на примусе и керогазе, - ворча на непомерный аппетит едоков. Пошла в дело последняя бутылка постного масла, но и его оставалось на доньшке. Бабушка старалась расходовать его поменьше, являя почти такое же чудо с маслом, которое в библейские времена и легло в основу праздника Хануки.

Нюха прямо остолбенел, когда его дядя: дядя Сёма, воевавший на фронте танкистом, и дядя Павлик артиллеристом - вдруг стали наперебой совать ему деньги. Держи, говорят, «ханука-гелт». Суют и суют, выгребают из карманов рубли, трешки. Ух ты, пятерка даже попалась!..

Ого, сколько сразу! У Ньюхи глаза на лоб полезли. Куча денег! С чего вдруг они так расщедрились? И оба сразу? Причем, и дядя Павлик. Он же не еврей - украинец. Никогда не давал ханука-гелт. А тут и он вдруг евреем заделался.

Нюха долго над этим не раздумывал. Радость от свалившегося богатства заглушила удивление. О-го-го! У него в руках оказалась неслыханная сумма – рублей сорок-пятьдесят, он еще не успел сосчитать. «Завтра схожу в «Культтовары», - на радостях решил он, - и куплю игру “Охота“. Такую как у Димки Зильбермана. Быстрее бы утро!» С тех пор, как Димка разрешил ему разок выстрелить из пушечки, он мечтал об этой игре. Там сбоку пушечка есть такая с тугой пружиной, выстреливает стальным шариком. Шарик мечется по наклонному игровому полю с бортами, наверху полукруглыми, натываясь на воткнутые колышки, при удаче попадая в какую-нибудь лунку. При лунках циферки – 20, 30, 50, 100... Кто раньше наберет тысячу очков, тот выигрывает. А бывает помечется шарик по доске, промахнется мимо всех лунок и скатывается вниз ни с чем. А там по нижнему желобку закатывается снова в пушечку. На зеленом поле нарисованы селезни, тетерева, зайцы, утки. И еще - охотник с собакой, палит из двустволки. Красивая игра! Завтра же утром побежит и купит.

Гости, насытившись и хорошенько выпив, стали петь песни. У них в доме всегда пели при застольях. Песни были всякие: еврейские, украинские, русские. Как всегда дружнее и громче всех удалась еврейская застольная:

Ло мир тринкен а лехаим,
 Ойо-йо-йо! Ой!
 Фар дер либер, фар дер Сталин,
 Ойо-йо-ой! –

ревели подгулявшие родичи и соседи: давайте выпьем за здоровье любимого нашего Сталина, эге-гей! Орала и били ладонями по столу, пускались в пляс. Которые же плясать не могли - например, бабушка по старости лет, или соседка тетя Фаня по своей тучности - плясали сидя, поводили плечами и вертели кистями рук. Плясуны, войдя в раж, били каблуками об пол так, что ходили ходуном половицы, подскакивала игла на патефоне, проглатывая

куски мелодии, трепетал на столе полурастаявший холодец, подпрыгивали остатки красного винегрета и селедочные головы с раскрытыми, будто тоже поющими ртами. Нюхе мерещилось, что от такого топота все больше наклонялся кособокий их дом.

Потом, сидя за столом и всем рядом раскачиваясь в вальсовом ритме, пели другую застольную:

Выпьем за тех, кто командовал ротами...

Кто в Ленинград пробирался болотами...

Затем, как всегда, настал черед дяди Вити, еще одного Нюхиного дядьки, мужа папиной сестры, тети Фриды. Они бездетно жили на Печерске, в верхнем городе, в высоком доме с лифтом, в просторной квартире с узорчатой лепниной под потолком, с застекленными книжными шкафами и буфетами. К нам на Подол спускались изредка и вели себя несколько свысока, особенно тетя Фрида, от которой сильно пахло духами «Красная Москва». Дядя Витя был русский - и ханука-гелт давать не обязан. Но тетя Фрида тоже не дала - всем известно: она выше предрассудков. А Нюхе и без того хватало сегодня.

Дядя Витя вышел на свободный пяточок квартиры и выдал свою коронку:

Барон фон дер Пшик

Покушать русский шпик

Давно собирался

И мечтал.

Нюхе часто приходилось слышать на этот заразительный мотив песню «Старушка, не спеша, дорожку перешла, ее остановил милиционер», которую он, честно говоря, недолюбливал: некоторые ребята пели ее, перекосив рот, чтобы передразнить евреев, поскольку старушка эта была еврейской старушкой и несла в сумочке для своего Абрама «кусочек булочки, кусочек маслица и пирожок». На этот же мотив пели под гитару «В кейптаунском порту с какао на борту «Жанетта» поправляла такелаж»*.

*Все три упомянутые песни пелись на мотив популярной песенки «Бай мир бисту шейн» («Для меня ты самая красивая»), которую сочинил наш земляк из Украины композитор Шолом Секунда,

Под конец у дяди Вити шел куплет, когда он вместо пения насвистывал мелодию и бил лихо чечетку. Все были в восторге от того, как он дробно отстукивал подошвами, с изящной ужимкой, вскидыванием плеч, подтаскиванием к себе по полу отставленной ноги, или вдруг скрестив ноги, резко разворачивался ко всем спиной и продолжал отстукивать по кривому полу, как если бы был под ним воощеный паркет. После чечеточного куплета он завершил песенку:

Мундир без хлястика,
Разбита свастика,
А ну-ка влазьте-ка
На русский штык!
Барон фон дер Пшик,
Ну где твой прежний шик?
Остался от барона
Только пшик!

– Капут! – выкрикивал дядя Витя, по артистически раскинув руки, и все горячо били в ладоши. Все наперед знали чем закончатся мечты глупого фашистского барона, но всякий раз приходили в восторг от такой концовки. Недавняя война и победа были свежи в памяти. Многие киевские руины еще лежали неразобранные. Неподалеку, на Ильинской, громоздились развалины «ласточки», швейной фабрики имени Смирнова-Ласточкина. Нюха с пацанами лазали туда за чугунными *бровками* – осколками сантехнических труб и радиаторов. Ими били ворон из рогатки.

Дяде Вите аплодировали, как настоящему артисту. Он и был артистом: выступал в самодеятельных концертах Днепровского пароходства, где работал бондарем.

В соседних «Культтоварах» на Кирова Нюха бывал не раз, покупал за копейки перья, карандаши, резинки и прочую школьную мелочь. Сегодня он чувствовал себя богачом.

ребенком вместе с родителями эмигрировавший в США в 1907 году.

Народу никого, лишь продавщица за прилавком. Полупустые магазинные полки. И в самом магазине стало как-то просторней. До Ньюхи лишь потом дошло, что отсутствовало пианино «Житомир», всегда занимавшее часть помещения.

- Тетенька, мне нужна игра «Охота», - сказал он продавщице.

- Эдо старые дедьги, - сказала она, загородив рот концом шали. – Бы такие уже де бридибаеб.

С бумажными деньгами Ньюха имел дело редко, почти не имел, разве что с рублевками случалось. В его обиходе и мелочь-то не всегда бывала. Он и подумал, что продавщица не принимает старые, то есть изношенные деньги. Хотя его ханука-гелт вроде не были такими уж ветхими. Но он не стал вступать в спор с капризной, гриппозной теткой.

Дальневосточная,

даешь отпор.

Краснознаменная,

смелее в бой,

– пели они невесело. Даже не пели, а хором проговаривали слова. Не то, что давешние Ньюхины горластые гости. Солдаты нисколько не походили на удалых красноармейцев, про которых Ньюха любил смотреть в кино. Пока они проходили, Ньюха от нетерпения перебирал ногами.

Подле Гостиного Ряда, припорошенная снежком, темнела длинная *скользанка*, раскатанная детскими ногами. Ньюха разогнался и заскользил на своих валешках с галошами, не вынимая из кармана руку с деньгами. Из-за этого потерял равновесие и свалился на снег. Вскочил и, не отряхнувшись, побежал дальше. Но тут же притормозил, услышав совсем рядом трамвайный трезвон. Справа, со своей стоянки на Контрактовой площади выдвигался на поворот 16-й трамвай, высокий, дребезжащий, застекленный, узкий, как буфет. Трамвай разворачивался, чтобы прогрохотать, и вправду как передвигаемая мебель, по Кирова, а затем взобраться на Крещатик по Александровскому спуску. Наверху у филармонии, на

площади Сталина, маршрут заканчивался тупиком. Вагоновожатый снимал рычаг управления, прихватив также завернутый в газету *сидорок*, переходил в заднюю кабину управления и отправлялся в обратный путь на Подол, как бы двигаясь задним ходом. Осторожно, с контрольными остановками, будто наощупь, трамвай спускался на Подол по самому короткому в Киеве маршруту, если не считать фуникулера.

«...денежную реформу ...ждаемую снижением цен ...вольственные товары ...дящиеся нашей страны... тузиазмом...», - доносилось эхом из громкоговорителей на столбах, пока Нюха Соркин бежал мимо Контрактовой площади.

На углу Хоревой и Константиновской Нюха на бегу вдруг наткнулся на деньги, разорванные и разбросанные на снегу: рубли, трешки, пятерки, вон даже красная тридцатка с Лениным. Точно такие же, что у него в кулаке.

«Кому это деньги лишние?» – поразился он, замедлив шаги.

Чем-то зрелище его встревожило. И он припустил снова, еще резвей.

- Пацан, уйди с глаз со своими деньгами! - крикнула она на него.

Домой он брел медленно, силясь осознать происшедшее. Но как ему было понять такие сложные вещи, как денежная реформа. Он, конечно, слышал там и сям эти слова - денежная реформа. Но мало ли непонятных слов взрослые говорят.

На углу Хоревой все еще валялись денежные клочки, полузанесенные снегом. И ему, что ли, выбросить теперь свои ханука-гелт? Нет уж. А вдруг еще сгодятся, может, есть еще где-то магазины, где принимают. Ему очень не хотелось расставаться со своею мечтой. Он надеялся, что есть еще где-то «Культтовары», где можно купить игру – где-нибудь на Сталинке, в Дарнице, на Корчеватом - где еще не приключилось такое с деньгами, как здесь, в подольских магазинах. Надо только разузнать. Пребывая в озабоченности, он даже не проехался по скользанке у Гостиного Ряда, прошел мимо, будто ее и не было.

Нюха так и покатился колбаской по заснеженному тротуару. Денежный моток выпал из его руки. Но он тут же вскочил, схватил деньги и побежал дальше.

Манюня, успевший цепким глазом приметить Нюхино добро, крикнул вослед:

- В жопу засунь свои тити-мити!

Двор был заснежен и пуст. Лишь у дверей бокового флигеля топталась по снегу малохольная Дора, с головой покрытая грязно-розовым байковым одеялом и в задрипанных шлепанцах на босу ногу. Дора топталась на месте, не зная в какую сторону ей идти. Ей вечно хотелось идти сразу во все стороны. Ступит куда-нибудь два-три шага – и передумает. Дора жила при семейной сестре, над хлебным магазином. Из вождей она больше всех любила Берию. Скорее всего, из-за фамилии. Дора в ней слышала еврейское *берие*, что значит хорошая домохозяйка. Сталина она, ясное дело, тоже любила, но все же не так, как Берию. Сталина она называла *балабус* - хозяин. Ее послушать, выходило, что Сталин – хозяин, а Берия – хозяйка, прямо какая-то еврейская семья. Малохольная, что с нее взять.

- Дора, денег надо? – сказал он, протягивая ей весь пучок в мокроватой руке.

Дора, не сказав ни слова, выпростала из под одеяла пятерню, цапнула деньги и исчезла в подъезде.

Так и вернулся Нюха Соркин домой ни с чем. Хорошо хоть всучил неразумной Доре неудачные свои бумажки, обманул, - но ведь и его обманули. Дора уж точно никого не обманет. Спрячет под матрас на черный день. А если отдаст сестре на хозяйство, та без лишних слов выбросит их в помойное ведро.

Вот тебе, бабушка, и ханука-гелт!

Среди однообразных дней приюта, который он по ворчливости своей называет богадельней, он зачастую не помнит, что было вчера. А *те* дни впечатались до последней подробности. И так отчетливо, как в кино. Причем, вставало перед глазами не только все, что он мальчонкой видел тогда. Видел он также свою детскую фигурку, мечущуюся по заснеженному Подолу в погоне за несбыточным счастьем, застигнутую врасплох и снегом, и денежной метаморфозой,

видел свой красный на морозе кулачок с ханукальными денежками, потерявшими силу, услышал голоса, шум примусов, пенье патефонов, скрёбот по асфальту фанерных лопат, дребезг трамваев, унюхал запахи картофельных латкес-дерунов на подсолнечном масле, духов «Красная Москва», едкой хлорки...

Почему эти картины так запали в душу? Не потому ли, что он не забыл свою обиду? Да нет! Какая там обида! Он и тогда особой обиды на своих дядьев не держал. Забыл на другой же день. Ну *купился* на их шутку... В те времена – что взрослые, что дети – любили одурачить друг друга, *купить*. Разве он сам не подшутил над малахольной Дорой? Как можно было обижаться на дядю Павлика, добродушного толстяка, который водил его на стадион «Динамо»? Нюха сидел у него на коленях среди плотно сбитых рядов болельщиков и видел как напряженно трясся у него пухлый подбородок от волнений за киевских футболистов. А разве можно обижаться на дядю Сёму с его обожженной в танке щекой, розовой, глянцевой, как молодой картофель, - дядя Сёма научил его рисовать профиль Сталина и играть в *буру* и *девятку*. Нет, он не мог долго держать сердце на своих дядюшек.

А может, все это потому запечатлелось в душе, размышлял Наум Аронович, что уже тогда, после утренних метаний по заснеженному Подолу, после возвращения домой с пустыми руками, да-да, еще тогда он детской своей душой смутно почувствовал, что и в конечном итоге своего существования на белом свете он впустую скатится вниз, как тот шарик из игры «Охота», помечется, потычется по игровому полю жизни, ни в одну приличную лунку так и не угодив?

Ноябрь 2010

Евсей Цейтлин

Одинокие среди идущих

Из книги «Шаги спящих»

Дневник этих лет

У них было особое выражение глаз. А мне казалось даже – особый запах. И уж точно: особая походка.

Это походка одиноких людей.

Я сразу обратил на них внимание – лет двадцать назад, когда только начал записывать рассказы советских евреев.

Иногда это был всего лишь легкий всплеск слов и жестов – сбивчивые, как торопливый выдох, исповеди в очередях у американского и нидерландского посольств (последнее, как вы знаете, долго представляло в Москве интересы еврейского государства), затем – израильского консульства.

Преодолевая страх, они приходили за вызовами и визами. И я запомнил их, с кем-то, вроде бы, подружился.

Но потом многие потерялись, куда-то исчезли. Только лица и голоса по-прежнему живут в моем блокноте.

Без языка

...Неподвижное, окаменевшее будто лицо. С ним явно контрастирует надрывность речи.

– Вы не догадаетесь, за что я ненавижу общество «Память»...

Она делает паузу, но мне ничуть не хочется гадать. Все равно мне не придет на ум ее довод:

*– Не могу перенести, что *вынуждена* говорить на их языке!*

Ловит мой недоуменный взгляд:

– Я не в каком-то переносном смысле – в самом прямом. Я общаюсь, мыслю, читаю, мечтаю – только по-русски.

Она истерична, в основном лишь себя и слушает. Все же, не будучи права, приближается неожиданно к истине.

– Они... они презирают меня. Самое суть мою презирают. А я вынуждена пользоваться *их* языком. Они твердят, что евреи спаивают русский народ, сгубили деревню, испортили культуру. Это демагогия? Но вот лучший их аргумент: я отвечаю им на *их* языке. Что у меня своего, еврейского? Действительно, пустоцвет, перекаטיפоле...

Молчу по-прежнему, боясь согласиться с ней, по больному ударить. Хотя знаю: здесь почти все – правда... В голове ее, конечно, мешанина из прочитанных книг: Ремарк, Хемингуэй, Кафка, Булгаков... В разное время эти авторы были модны, каждым она увлекалась недолго. Но ведь скорее всего любит она – действительно, любит – Есенина: чувствует надрыв души, что таится за бедными рифмами, за сравнениями типа: «голова моя машет ушами, как крыльями птица». Вероятно, еще ей близки в Есенине безоглядность искренности, безотчетное стремление к исповеди.

В почтовом отделении на Большой Ордынке спрашивает меня:

– Нет ли у вас ручки?

И тут же, признав во мне *своего*, разъясняет:

– Надо написать собственные данные, чтобы прислали из Израиля вызов. Ведь и вы, не правда ли, пришли сюда за тем же?

Нет нужды объяснять ей что-либо. Просто мы вместе отправляемся к Израильскому консульству, где она опускает в ящик свой конверт. Стоим потом в толпе. Вслушиваемся в повторяющиеся, как на пластинке, разговоры. Идем обратно к метро, вдыхая резкие запахи весны.

– ...В Израиль едут из-за детей, а у меня их нет и не будет...

Несколько коротких, внезапных, вроде бы, фраз. И вот уже ее жалкая, смятая, пролетевшая почти жизнь лежит передо мной.

Ей сорок девять, выглядит много моложе: так случается порой именно с теми женщинами, которые махнули на себя рукой. Черная резинка скрепляет пышные рыжие волосы. Ничуть не смущена она тем, что на синем плаще красуется масляное пятно, а серые туфли исцарапаны по бокам.

Она преподает в ПТУ какие-то технические дисциплины. В последние годы, сама замечая за собой несдержанность, все-таки выучилась контролировать себя на службе: молчать, выглядеть деловой и собранной. Однако это трудно давшееся искусство слетело с нее, как шелуха, в феврале. Да, в феврале девяностого, когда в Москве и других городах томительно ожидали погромов.

В те дни, думая иступленно об одном, она пол-урока однажды проговорила об антисемитизме. Класс смотрел на нее с недоумением. И, конечно, донесли директору. Тот вызвал ее к себе, морщился, выдавливая слова, но не попросил, как ждала она, заявления об увольнении – попросил «не отвлекаться на занятиях от темы».

У метро прощаемся. Зачем-то обмениваемся телефонами, хотя ясно, что не позвоним друг другу никогда. И вот она уже исчезает в потоке ног и локтей, в запахах пота и продуктовых сумок, в гуле той речи, которая пока еще так ненавистна ей и по которой потом не сможет разучиться тосковать.

Еврейское счастье

Мокрый, уже с утра темноватый мартовский день. Гудящая – все та же – толпа. Она выплевывает одни и те же слова, точно шелуху от семечек: багаж... билеты... погром...

Как с неба, упало другое словцо: счастье.

Почудилось? Но и на завтра, и через день слышу завистливое: евреям хорошо сейчас!

Иногда утверждают это лишь интонацией, взглядом: русские, украинцы, грузины – все те, кого заносят сюда сладкие мечты об отъезде.

Ах, старый этот, с огромной бородой, анекдот! «Жена-еврейка: не роскошь, но средство передвижения». Слышали? Теперь за фиктивный брак по пять тысяч дают.

Все равно, конечно, вздрагиваю:

– Нам-то счастье...

На этот раз словцо, точно рахат-лукум, тает во рту молодого бакинского еврея. Улыбчив, польщен вниманием посторонних людей – они расспрашивают подробности бакинского погрома.

– Нам-то еще счастье... Дали армянам всего год сроку для выезда из Баку, а евреям – три. Русским? Пять...

Не знаю, так ли это. Скорее всего, сроки выдуманы молвой. Но думаю я не о том, а об его унижительной радости. Древние у нее корни: поднимается порой дух еврея, если оказывается он не самым презируемым, стоит не на последнем, но хотя бы так – на предпоследнем месте.

Тем же днем – еще встреча.

Тоже двое бакинцев. Тоже молодые, более того – молодожены.

Издревле таинственный союз: армянин и еврейка. Соединившись, не побоялись они умножить вечную печаль своих народов.

Во время погрома скрывались неделю в азербайджанской семье, но все это слишком известно по рассказам беженцев, чтобы описывать сейчас подробно: трепет от каждого звонка в дверь; духота кладовки, где прятались, теряясь в догадках; наконец, билеты на самолет («заплатили в шесть раз дороже!»); сейчас, в Москве, – у дальних-предельных родственников...

– Что было бы, если б вас поймали? – спрашивает кто-то.

Он пожимает плечами – не желает ни на кого взваливать тяжесть своих слов.

Она отвечает:

– Самое малое – отрезали бы уши... Тогда нам это постоянно снилось – из ночи в ночь.

Она смотрит в сторону, зато все соседи по очереди – на нее. Хрупкая, миниатюрная. Несмотря на неустроенный быт, волосы тщательно уложены. Она изящна в черных своих ворсистых брючках, в кожаных белых сапожках, в белой нейлоновой курточке. Все это, конечно, ради него. Не знает она, что похожа на своих библейских сестер – наивных девочек, которые вырастали в мудрых старух. Но знает, вижу, другое: счастливые ее глаза неуместны здесь, в этой толпе. Потому часто опускает веки, пытается скрыть то, что все же открыто любому внимательному взгляду: нежность, решимость перехитрить судьбу, спокойное ожидание горькой, как у всех нас, дороги.

1991-й, очередь у американского посольства

Деталь

Как в двух словах нарисовать ее портрет?

Грузна; пожалуй, даже величественна; давно ответила для себя на все вопросы жизни.

Именно такими и бывают часто старые еврейки.

Сейчас она твердит кому-то с глухой, непонятной озлобленностью:

–...Нет, вы не знаете, какие хамы эти израильтяне! Вы и представить не можете... Они воспитали молодежь, с которой уж точно не построишь никакого будущего... Вы мне поверьте, мне достаточно только одной детали, чтобы увидеть целое.

Что сейчас для нее эта «деталь»?

Оказывается, концерт израильской самодеятельности, состоявшийся недавно в Вильнюсе. Если еще точнее – поцелуй двух юных артистов, мальчика и девочки. (В антракте они целовались «на глазах у всех» – сидя на скамейке, прямо у входа в зал).

Поговорив со старухой, я вполне понимаю ее раздражение.

Конечно, это обида на самое себя. Или на нелепость жизни? Вот уже три дня как она вместе с семьей сына подала документы в ОВИР.

1990, Вильнюс

Тот, кто остается

Но многие из них останутся. Лучше сказать: это останется их страх.

Страх, однажды поселившийся в душе, победить трудно.

Когда-то Моисей приказал евреям, живущим в Египте, немедленно покинуть свои дома и отправиться в путь. Из рабства. В Землю Обетованную.

Чем была вызвана спешка? Совсем не тем, что Моисей боялся преследования фараона. Он знал о другой опасности: чуть промедлишь и – передумают сами евреи.

...С Моисеем ушли из Египта только около двадцати процентов наших предков. Большинство – остались.

Снег в субботу

Сегодня пустынно здесь: суббота. Евреи сегодня должны думать о вечности, прогнав суету. На тротуар падает тихо снег. Прохожие редки, они не успевают – как в будни – превратить снег в хлюпающее месиво. Тепло. И милиционер у консульства не прячется в будку. Прохаживаясь у металлического барьера, он думает о своем.

Все же время от времени подходят люди. Прочитывают объявления на бетонной стене, которые странны именно тем, что стали теперь обычны: телефоны и адреса кооперативов упаковщиков, грузчиков, правила бронирования билетов, предложения о продаже и покупке квартир. Переписывают в блокнот необходимое, разбегаются – кто куда.

В полдень здесь надолго задержится старый еврей. Утренний поезд привез его из подмосковного городка. Ему сказали, что консульство работает ежедневно, и он, как почти все в России, забывший о законах еврейства, поверил. Не встретив никого, кроме милиционера, старик все не решается обратиться к нему. Наконец, спрашивает:

– Скажите, сегодня есть кто-нибудь из дипломатов Израиля?

– У них выходной... В субботу им не полагается заниматься делами... – роняет милиционер важно.

– Да, да, – переступает с ноги на ногу старик. И опять – неожиданно, преодолевая себя:

– Мне сказали, здесь можно оставить свои данные для вызова на постоянное жительство...

– Можно, – подтверждает милиционер. – Если хотите, дайте мне, я опущу конверт в специальный ящик.

Старик молчит: ну как доверить *такое* гою, тем более – милиционеру. Тот поставлен органами, собирает, конечно, информацию; однако что делать? Неужели приезжать снова? Он вопрошающе смотрит на милиционера. Тому едва ли больше двадцати, у него ясные глаза, пухлые детские щеки.

Я стою к ним спиной, лицом – к стене с объявлениями. Оба они не обращают на меня внимания. Наконец, оборачиваюсь. И вот уже бросается ко мне старик – с радостью. Он сразу оценил характерность моей иудейской внешности. И заранее приготовленный конверт дрожит в его руке:

– Посмотрите, пожалуйста... все ли верно?

Чуть прикрывает ладонью – и от снега, и от глаз милиционера. Я замечаю прежде всего год рождения: 1910. Вижу также: на листке – одна фамилия. «Значит, и едет один». А мысли старика сейчас – о другом. Интересуется у милиционера процедурой оформления документов, отправкой багажа. Тот неожиданно оказывается в курсе всего (во время дежурств память, как магнитофон, зафиксировала однообразные разговоры людей). И почему-то теперь это не удивляет старика.

Так стоим, почти облепленные хлопьями снега. Потом старик идет разыскивать что-то в пустых магазинах. Медленно, без лишних движений, скользит по снегу допотопными своими ботами, которые когда-то, лет тридцать назад, помню, называли «прощай, молодость».

1989

Истина

Мне всегда интересны антисемиты – их судьбы, их с годами крепнущая ненависть, их жаркая правда, в которой по-своему (но совсем иначе, чем у евреев) перепутаны логические связи.

В прибалтийском Калининграде, на Ленинском проспекте, идет навстречу мне старая женщина. В обеих руках – тяжелые сумки, на голове – берет, спереди и сзади на старенькое пальто опускается большой вязаный шарф. (Обычные, наивные попытки интеллигенции скрыть вопиющую свою бедность).

Замечаю ее издалека, вижу, как безжалостно бьет ноябрьский ветер маленькую фигурку. Встретив мой взгляд, подходит ко мне. Остановившись, чуть опускает сумки и произносит, четко выговаривая слова:

– ...А все-таки во всем виноваты евреи!

Высказав эту – сокровенную для нее – истину, женщина неторопливо идет дальше.

1989

Фразы

– ...Приезжающие оттуда твердят в один голос: глазам своим не поверил, когда увидел: кругом – евреи. И я подтверждаю: чувство это ни с чем не сравнимо. Поверьте, дышишь по-другому! В буквальном смысле – там дышать легче. Ведь здесь мы так зажаты, скованы...

Кому принадлежат эти слова? Какая разница! Каждый раз их кто-нибудь да обронит в очереди. Кто-нибудь из тех, кто едет в Израиль во второй или в третий раз. Дама из Минска, воронежский парикмахер, пенсионер из Бельц...

Случается, однако, услышишь другое. С хохотком ли, серьезно ли:

– ...Хорошо в Израиле, да только слишком много евреев!

Фразы эти, в сущности, может произнести голос одного и того же человека. Конечно, в разное время, в настроении разном.

Попробуйте спросить: почему? Скорее всего, говоривший вам ничего не объяснит. И я сейчас промолчу: отвечать слишком долго. А задумавшись, вы и сами поймете, что сделали с нами два тысячелетия рассеяния.

1992, январь

Карта

Случайная, как почти всегда, встреча. Знакомимся с ним в одном московском доме, куда он приезжает прямо с вокзала, едва сойдя с саратовского поезда. У наших общих знакомых ждет его переданное с оказией письмо от израильских родственников. Ну, а там, в конверте, – легко догадаться: вызов «на постоянное жительство».

Я и сейчас хорошо вижу его. Вот сидит, развалившись в кресле-качалке: при неосторожном движении подсакивают резко вверх пыльные полуботинки на толстой подошве; мятые брюки, коричневые синтетические носки. Он нерешителен и оттого развязен нередко. Ставит его в тупик даже простой вопрос:

– Вам кофе?

Он понимает: это жест вежливости (хозяева торопятся куда-то), однако отказаться не может – выпивает две чашки, опустошает тарелку с бутербродами («Извините, возьму еще один». – «Ну, конечно, конечно»).

Еще больше он говорит. Слова плотно облепляют его, точно скрывают важное. Хотя скрывать нечего, уже через несколько минут все ясно. Разумеется, не знает он, почему все-таки решил уезжать: «Логике это не поддается». Наконец-то – в сорок два – защитил диссертацию, дали в институте должность старшего научного сотрудника, строит дачу. «Антисемитизм, конечно, существует, но меня-то никто не трогал...»

Все это обычно, и я перестаю его слушать (не узнав ничего про родителей, с которыми он вместе живет).

Я слушаю песни Окуджавы, которые звучат из соседней – детской – комнаты, а смотрю на Б.

Можно было бы назвать его симпатичным, но рыжая густая борода совсем не идет ему, не вяжется с растерянным выражением глаз. Обычно борода придает лицу определенность, законченность какую-то, однако он – самое воплощение растерянности. Может, оттого и не уходит, засиживается до неприличия в гостях, что ждет инстинктивно подсказки...

Когда мы снова – случайно же – встречаемся на Большой Ордынке, Б. помят еще более. Живет в кооперативной гостинице (в комнате на четверых), несколько дней, видно, не принимал душ: в разрезе плаща проглядывает чистая рубашка, которую он достал из саратовского чемодана, но голова лоснится, а на воротнике плаща – перхоть.

У консульства он переходит нетерпеливо от группы к группе. А в глазах – все то же ожидание: кто-то – кто? – должен ответить на его сомнения.

Он рад встрече со мной (старый знакомый!) и вскоре приглашает перекусить в полуподвальном кафе. Мы идем туда долго: как всякий провинциал, Б. знает в Москве только несколько мест общепита. В кафе он водружает на поднос две порции сосисок, тарелку булочек, два стакана некрепкого, на сгущенке, кофе. И беспрестанно опять говорит, точно не желая прислушаться к голосу внутри себя, а, может быть, как раз заглушая тихий этот голос.

После сидим на скамейке. Он закуривает и достает из портфеля карту Израиля, которую купил у спекулянта. По-детски шевеля губами, повторяет вслух древние названия. Я думаю: миллионы людей с трепетом произносили в течение тысячелетий те же сочетания звуков, которые для него почти ирреальны.

Наконец, он замолкает и смотрит куда-то вбок от меня.

1990

Александр Каневский

Несколько коротких рассказов

Из сборника «Идущие на смех»

Я и моя стая

Рассказ собаки

Недавно я завела себе людей, сразу четверых: хозяин, хозяйка, дочь и сын. Породистые, с хорошей родословной. Но им не хватало вожака, то есть, меня. Теперь я ими руковожу. Но не думайте, что это легко: людей надо дрессировать так, чтоб они этого не чувствовали, а считали, что это они тебя дрессируют.

Ну, прежде всего надо было заняться их экстерьером, сбросить лишний вес, укрепить мускулы. Они ведь ходить давно разучились – всё на машине, или на автобусе. А о том, что существует свежий воздух, давно забыли. Вот я и стала выводить их на прогулки. Это было совсем не просто – они сопротивлялись, ведь у людей отсутствует инстинкт самосохранения. Вот тут-то мы, собаки, должны прийти им на помощь. В семь утра я начинала лаять, скулить, стягивать с них одеяла – делала вид, что мне нужно срочно выйти, никак не могу удержаться. А один раз даже, для убедительности, на балконе... Ладно, не в подробностях дело!.. Главное – своего добилась: они стали по утрам гулять со мной, каждый по очереди, а иногда все вместе. Вначале, как только я сделаю свои дела, они сразу утаскивали меня домой и прогулка заканчивалась. Тогда я решила хитрить, тянула время и уводила их всё дальше и дальше. Постепенно я стала спускать их с поводка, чтоб они могли походить по траве и поболтать с соседями, которых тоже вывели погулять другие собаки... Таким же способом я приучила их

и к вечерним прогулкам. А затем перешла к следующему этапу.

У них в доме не было горячей пищи, они никогда вместе не обедали: кто в кафе бурекас хватанёт, кто питу с хумусом весь день в рот запихивает. А вечером принесёт хозяйка мне колбасу или консервы – и они это едят. Я поняла, что семья так долго не протянет, и приняла срочные меры: перестала есть эту сухомятку, делаю вид, что не нравится, хоть у самой слюна изо рта капает. Хочу, мол, косточек. Когда хозяйка первый раз сварила курицу, я выдала такую собачью радость, что они даже прослезились. А по правде, куриные кости – это не собачья еда, ими можно подавиться. Но я ела, рискуя своим здоровьем, чтоб они и дальше кур готовили. Потом такой же спектакль устроила по поводу супа, борща, манной каши и даже тушённой капусты, которую ненавижу... Так незаметно я их приучила обедать дома, каждый вечер, всей семьёй.

Но впереди были ещё заботы.

По вечерам они все разбегались. Хозяин у приятелей до ночи в преферанс играл, хозяйка шла к соседям посплетничать, сын-подросток в скверике песни орал, дочь-студентка убегала на очередную дискотеку. Стая на моих глазах распадалась. Тогда я сделала вид, что ужасно нервничаю, когда кто-то из них уходит: лаяла, рычала, бросалась к дверям, хватала за одежду... Они растрогаются: – «Как она из-за нас волнуется!» – и остаются. Стали друзьями приглашать, мою преданность демонстрировать. «Смотрите, - говорит кто-то из них, - сейчас я начну одеваться, а она меня не будет выпускать». Ладно, думаю, делайте из меня клоуна, только привыкайте к дому – и лаю до одурения, а они счастливы.

Постепенно им дома бывать понравилось, сидят все вместе, пьют чай, общие дела обсуждают. А я лежу рядом на ковре и на стенные часы поглядываю. Когда наступает одиннадцать, начинаю демонстративно зевать и на люстру лаять, мол, спать хочется, а свет мешает. Тогда они свет гасят и сами тоже ложатся. Прошло немного времени, и они привыкли к такому режиму...

Ну, что ещё?

Дочке-студентке я нашла хорошего парня. Сделала вид, что мне его боксёр понравился. Стали мы с ним гоняться друг за другом – вот они и познакомились. А боксёр вовсе не в моём вкусе: хамоват, нахален, сразу лизаться лезет. Но я вижу, что его хозяин моей студентке приглянулся – терплю. Он уже несколько месяцев к нам в дом ходит, чай с нами пьёт... Надеюсь, быть свадьбе.

Словом, забот у меня теперь поубавилось, появилось больше свободного времени. Я уже о своей личной жизни подумываю, щенков хочу завести. Кстати, тот боксёр в общем-то оказался не таким уж большим нахалом – внимателен и, даже, симпатичен. А то, что лизаться любит, так это нормально: мужчина есть мужчина... Словом, мы с ним тоже встречаемся. Но главное – стая у меня теперь что надо: дружная и выдрессированная. Всё понимают с полулая, любую мою команду сходу выполняют... Я вам так скажу, не хвастаясь: если бы проводились выставки хозяев, мои бы получали золотые медали. Поверьте! Честное собачье слово!

Исповедь

Вы спрашиваете, почему я от жены ухожу? А вы бы не ушли?.. А вы бы не ушли, если бы ваша жена всю жизнь в офисах, в самолётах, в «Мерседесах» - так что мне и уходить не от кого!.. Она у меня крупный бизнесмен, можно сказать, олигарх. Она – олигарх, а я – домохозяйка. Я – мать-одиночка. Я – муж-вдова при живой жене!..

У нас трое детей. Она их рожала между симпозиумами. Ей даже некогда было пойти в декретный отпуск – она его переводила на меня. Недавно у неё родился четвёртый, но она об этом не знала: она в это время была на совете директоров.

Последние месяцы мы уже и не спим вместе: то у неё инфляция, то она кому-то делает дефолт. Я подозреваю, что это что-то интимное, но проверить не могу: с ней всегда рядом два амбала, наверное, родственники: они себя называют «братаны». Правда, два раза всё-таки приходила ночевать: в мой день рождения и в нашу годовщину.

Первый раз мы лежали на кровати, а с двух сторон, на раскладушках – братаны с автоматами. А второй раз я

умолил её, чтоб мы были одни. Она согласилась. Велела раздеться догола, лечь на спину, а на грудь мне поставила телефон, на живот – факс и чуть пониже – компьютер. Всю ночь посылала секретные распоряжения и просила не дёргаться, чтобы компьютер не падал.

Я понимаю, что я ей уже не пара, она теперь любого богача может иметь: недавно, сам слышал, двух банкиров заказала. А сейчас у неё какой-то негр появился, она его ласково называет: Чёрный Пиар.

И в гости к нам никто не приходит: забор такой высоты, что об него птицы разбиваются, плюс сигнализация, которая сначала стреляет, а потом воет: оплакивает. А во дворе – Гоги, пёс-людоед, кавказская овчарка, он человека проглатывает, как хачапури. А у ворот – охрана с автоматами. Кто к нам может прийти? Даже я, хотя они меня в лицо знают, обязан сказать пароль. А пароль каждый час меняют. Однажды я его забыл – пришлось под забором ночевать.

Честно говоря, я в дом не очень и стремлюсь: её нет, дети в Швейцарии учатся, мне там одному страшно. Брожу, как по телестудии: у нас во всех комнатах телекамеры наблюдают. Даже в туалетах. Но туалетами я не пользуюсь: там унитазаы из Арабских Эмиратов, фарфоровые, золотом отделаны... Как на такое сядешь?.. Я их, как вазы использую, для фруктов. А для нужды я в глубине сада, нормальный сортир выкопал, на два очка, для себя и для Гоги.

И ночью я – у Гоги в будке. Вы не смейтесь: его будка при Советской власти считалась бы нормальной однокомнатной квартирой. Гоги меня пускает: во-первых, ему тоже одиноко, а во-вторых – Кавказское гостеприимство. Я ему колбасу приношу, а он мне у охранников выпивку ворует.

Питаться дома я не могу, в холодильнике только заморские твари-деликатесы: крабы, кальмары, лобстеры... Не по мне это. Я лучше у Гоги сухой корм погрызу. Если горячего хочется, иду в кафе-самообслуживания. В этом кафе никто больше двух обедов не выдерживает. При кафе открыт медпункт и страховая компания. Если вы

застрахованы, вас сразу после обеда забирает «скорая помощь». А я питаюсь там уже пять лет, меня даже по телевизору показывали, в передаче «Наши долгожители».

Вы думаете, я так просто плюнул и ушёл?.. Нет! Я жене, через референта, заявление передал: мол, прошу освободить от занимаемой должности. И две недели, как положено, ждал: может, она замену найдёт.

А потом, как стоял, так и ушёл.

Единственное, что я взял – вот этот медальон. В нём я храню котлету, которую жена сама изжарила мне в день нашей свадьбы.

Вы спрашиваете, почему я от жены ушёл? А вы бы не ушли?!

ПИСЬМО Михаила ГОРБАЧЁВА Ицхаку ШАМИРУ.

От автора:

В конце восьмидесятых годов, в Москве, в концертной программе театра «Гротеск», которым я руководил, была исполнена пародия на Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва.

Тогда ещё это было опасно, меня отговаривали, но я настоял, и эта пародия прозвучала в Колонном зале Доме Союзов, на торжественном концерте, где в числе зрителей были и приближённые Михаила Сергеевича. Все напряжённо ждали ответной реакции, но её не последовало. И тогда, окрылённые тем, что «Значит, можно!», в каждом уважающем себя театральном и концертном коллективах появились исполнители пародий на Горбачёва. Дошло до того, что в Ленинграде, на фестивале Смеха «Золотой Остап», был проведен конкурс пародий на главу правительства и победил артист театра «Гротеск» Михаил Грушевский, первый исполнитель «опасной» пародии.

Изложенное выше, даёт мне моральное право, переехав в Израиль, написать ещё одну пародию на человека, к которому я продолжаю относиться с большим уважением и сочувствием.

Уважаемый Ицхак... Простите, не знаю Вашего отчества, но думаю, что в Израиле – все Израилевичи.

Итак: уважаемый Ицхак Израилевич! Обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне вызов в ваше государство. На первый взгляд, просьба, вроде, неожиданная, а на второй – так совсем и нет. Я ведь родом из Ставрополя, казацкого края, а казаки всегда любили евреев, до смерти!

Учтите и то, что моя жена – еврейка. Да, да!.. Оба руководителя общества «Память», и Сычѳв, и Васильев, на всех перекрѳстках кричат, что Раиса Максимовна – жидовка. А я знаю, что по израильским законам, если два свидетеля подтверждают – это уже официальное доказательство.

А разве я мало сделал для выезда евреев из страны?.. И обещаю выпустить их всех, хотя это не так просто, как кажется. Объясню, почему: несколько лет назад мне доложили, что в Союзе всего полтора миллиона евреев. Когда выехали первые двести тысяч, оказалось, что их осталось уже три миллиона. Число евреев растѳт обратно пропорционально их отъѳзду. Если так пойдѳт дальше, я оголю страну, останется только Лигачѳв, да и тот что-то в последнее время начал картавить.

Дорогой, уважаемый Ицхак!

Я всегда восхищался праотцем Моисеем, который вывел свой народ через пустыню к свободе. Я, как и он, хотел вывести свой народ из пустыни, в которую превращается страна, но не успел: народ бежит впереди меня. Тогда я решил возглавить этот забег, видя в нѳм признак приближения коммунизма, ибо, как сказал великий Ленин, коммунизм – это советская власть плюс эвакуация всей страны. Поэтому и прошу Вас поскорей прислать мне вызов. А в ожидании его, я уже начал учить иврит. Язык, в общем, совсем не сложный, многие слова и раньше знал, к примеру, схуѳт.

Пробовал надевать кипу – она мне очень идѳт. Размер и форму утверждали на Политбюро, так что теперь это не просто кипа, а КиПаСС. Но возникла непредвиденная сложность: кипа ведь крепится к волосам, а у меня их не густо. Стали думать, как еѳ прикрепить. Товарищ Ельцин предложил гвоздями. Но его экстремизм бы отклонѳн, постановили клеить. Чтобы привыкнуть, буду носить еѳ, не снимая, даже зимой, поэтому мне еѳ сделали с наушниками.

Дорогой и любимый Ицик!

Помни, что наша партия разбегается в разные стороны, бегут и рядовые коммунисты и секретари парткомов – так что поспеши, пожалуйста, с вызовом, а то мне некому будет сдать свой партбилет.

Обнимаю и жду. Твой Моше бен Сергей.

Несколько притч из этого же сборника

Смелое начинание

В одном учреждении ввели такое новшество: устраивать похороны живым сотрудникам. Чтоб люди при жизни о себе доброе слово услышали. Причём, церемонию соблюдали полностью, от начала до конца. Оркестр приглашали, венки заказывали: «Дорогому», «Любимому», «Незабвенному». В газетах сообщения помещали, мол, и руководство, и весь коллектив выражают глубокую радость, что живёт и работает такой-то сотрудник. На похоронах прощальные речи говорили: «Выдающийся человек!», «Прекрасный семьянин!», «Любящий отец!»... Деньги семье выдавали, которые обычно на настоящие похороны берегут.

Ну, конечно, родители расчувствуются и плачут, дети радуются, жена гордится, а сам покойник счастлив, увенчан и живёт ещё много, много лет. В этом учреждении вообще смертность прекратилась, когда всех опанихидили.

Но однажды к ним на службу поступил новый сотрудник. Поступил, неделю поработал и умер. И хотя его мало знали, но похороны устроили от души, как живому: венки, оркестр, прощальные речи: «Дорогой! Любимый!.. Единственный!...». И что вы думаете? Не выдержал: встал, улыбнулся и вышел на работу – не смог с таким коллективом расстаться!

Так что, как выяснилось, доброе слово и покойникам приятно.

Знаки препинания

Человек потерял запятую, стал бояться сложных предложений, искал фразы попроще. За несложными фразами пришли несложные мысли.

Потом он потерял знак восклицательный и начал говорить тихо, ровно, с одной интонацией. Его уже ничто не

радовало и не возмущало, он ко всему относился без эмоций.

Затем он потерял знак вопросительный и перестал задавать вопросы, никакие события не вызывали его любопытства, где бы они не происходили: в космосе, на земле или даже в своей квартире.

Ещё через пару лет он потерял двоеточие и перестал объяснять свои поступки.

К концу жизни у него остались только кавычки. Он не высказывал ни одной собственной мысли, всё время кого-нибудь цитировал. Так он совсем разучился мыслить и дошел до точки.

Берегите знаки препинания.

Он и она

Он был юн и безрассуден. Она – молода и прекрасна. В нём кипела кровь. Она мечтала о принце. Он увидел её. Она увидела его.

И пришла любовь.

Целый год они были счастливы. Вместе ели, вместе спали, вместе по утрам плавали в реке. Они не верили в Бога, но тайком молили его продлить это счастье до конца их жизни.

Но однажды он обидел её. Она в ответ обидела его. Он хлопнул дверью. Она, вслед ему, разбила об эту дверь тарелку.

И пришла ненависть.

Она написала жалобу в его дирекцию. Он оскорбил её прилюдно. Она вывезла из квартиры свои вещи. Он повесил объявление о продаже квартиры. Она назло ему вышла замуж. Он назло ей женился.

Они вили новые гнёзда, растили детей, устраивали семейные вечеринки, ездили за границу, имели любовников и любовниц, благоустроивали свои дачи, оздоравливали там внуков...

И пришла старость.

Она страдала от ревматизма. Он сдавал анализы. Она возмущалась маленькой пенсией. Он писал жалобы на соседей. Она осуждала молодое поколение. Он протестовал против рока... И только во время мучительных бессонниц,

оба вспоминали то единственное, что явилось оправданием их прихода на эту Землю – вспоминали свою Любовь. И вспыхивал румянец на увядших щеках, и синхронно стучали их сердца, и тянулись руки друг к другу... но все это уже в разных постелях, в разных городах, в разных жизнях.

Анекдот

Поужинали, посмотрели телевизор, попили чаю. Гостья не уходила. Сидели молча.

Хотите анекдот? – предложила дочь и стала рассказывать. – Жил человек, имел дом, жену и детей. Надоело ему на Земле, захотелось в космос. Он построил за домом ракету, влез в неё, поджёг пороховой заряд. Ракета взлетела и упала. Человек потерял сознание. Очнувшись, он решил, что это уже другая планета. Встал, огляделся. Увидел дом, очень похожий на тот, который он оставил на Земле. Из дома вышла женщина, очень похожая на его жену, выбежали дети, похожие на его детей. Ему предложили войти, перевязали ушибы.

Он остался в этой семье, в этом доме и прожил до старости. Всё было бы хорошо, но до конца дней своих он тосковал по той женщине, которую оставил на Земле...

Посмеялись. Потом снова помолчали.

«Этот анекдот про меня, - думал хозяин. – Я всё ещё тоскую по другой женщине».

«Этот анекдот про меня, - думала его жена. – Я живу с ним, но знаю, что он тоскует по другой».

«Это про меня, - думала гостья. – Я всё ещё жду, что он вернётся».

Стали прощаться.

- В следующую субботу мы тебя опять ждём, - предупредила гостью хозяйка. – Придёшь? – спросила она с тайной надеждой, что та вдруг ответит отказом.

- Спасибо, приду, - ответила гостья, презирая себя за безволие.

Мужчина молчал.

Дверь хлопнула.

- Ушла, - виновато проговорила жена. И робко предложила: - Пойдём спать?

- Пойдём, - покорно согласился муж.

Подземный переход

На нашей улице строили подземный переход. Всю улицу перерыли. Движение перекрыли. Троллейбус в сторону отвели.

Наконец, закончили и устроили торжественное открытие. Оркестр пригласили. Ленточку у входа натянули.

И тут вдруг выяснилось, что выхода из-под земли нет, забыли сделать: очень торопились сдать объект досрочно.

Ну, комиссия, конечно, строителей пожурела, но не лишать же весь коллектив премии. Да и опять же – оркестр уже приглашён, ленточка натянута. Решили торжества не омрачать, переход принять, а отсутствующий выход внести в акт недоделок.

Оркестр грянул марш, ленточку перерезали, и народ хлынул вниз, в переход.

Правда, нашлись нытики, которые не хотели акт подписывать, мол, как же так: переход без выхода. Но председатель комиссии дал им достойную отповедь:

- Вы что, в инициативу наших людей не верите?.. Если понадобится – найдут выход!

Переход этот по сей день работает. Миллионы людей туда входят и, представьте себе, как-то выходят. Так что председатель комиссии оказался прав: надо верить в творческую инициативу!

Рокировка

Купил я аквариум с рыбками, решил написать о них рассказ. Поставил на подоконнике у стола, сажу, обедаю, изучаю. День, два, неделю. А они жрут друг друга. Вот уже одна рыбка осталась, которая всех других слопала. Смотрит на меня сквозь стекло, глаза злые, голодные. Не мешало бы, конечно, корма ей подсыпать, да лень вставать, отяжелел я после обеда. Вода в аквариуме мутная, водоросли завелись, - мне менять некогда, я изучаю, - так она водоросли съела, и песок, и камушки. Живучая тварь, приспособилась. Из воды выскакивает, мух ловит. Лёгкие у нее появились. Кота моего в воду затащила, когда он хотел её лапой поддеть. Сожрала вместе со шкурой. Здоровая стала, ей в аквариуме тесно. Выпрыгнула на пол, меня за шиворот и в воду, а сама на моё

место, мой обед доедает. Я хотел закричать, возмутиться, а она – червячков в аквариум. Я попробовал, проглотил – ничего, вкусно. Первая злость прошла, решил с ней похорошему поговорить, а изо рта только бульк-бульк, пузыри вылетают. Конечно, можно было бы из воды выпрыгнуть, да лень одолела, отяжелел я от червячков. Чувствую, жабры у меня прорезаются – дышать-то надо. Плаваю, руками помахиваю, а это уже не руки, а плавники. Хвост вырос, чтоб легче поворачиваться. Иногда вдруг ударит в мозг: «Что со мной? Выбираться надо!» Да ведь мозг-то у меня уже рыбий стал – не реагирует. Да и неохота воду баламутить: тихо, уютно, червячков дают. А тут детишки пошли, рыбёнки малые... Я этой бывшей рыбе кричу:

- Мне, бульк-бульк, теперь большой аквариум требуется!

А она сидит на моём месте, мой обед лопает и меня изучает. А потом ещё рассказ обо мне написала, вот этот...

Хочется

Сигаретки не найдётся? Очень хочется закурить. Спасибо, но лучше сигару. А теперь выпить хочется. Ещё выпить. Девочку хочется. Не эту – покрасивей, а лучше двух, на выбор. Комнатёнку бы какую-нибудь. Ну, да, однокомнатную, но с двумя ваннами. Нет? Тогда можно домик. Коттедж на берегу чего-нибудь. А ездить как? Машину хочется, любую, хоть самую маленькую, «Юниор» или даже «Мерседес». А лучше две, со своим шофёром. Денег хочется. Ещё дом. Ещё машину... Ещё сколько? Три года осталось? На свободу хочется. Ой, как хорошо: ветерок, солнце, море. Очень хочется закурить. Сигаретки не найдётся?..

Репортаж с вечеринки

- Я заболел, если съем ещё кусочек!..

Съел. И заболел.

- Я лопну, если выпью ещё один фужер!..

Выпил. И лопнул.

- Я отравлюсь, если запью всё это пивом!..

Запил. И отравился.

- Я умру, если сделаю ещё один глоток!..
Сделал. И умер.
Вечеринка удалась.

Михаил Вайнер

Весна-осень сорок четвёртого

Главы из романа

РОБИНЗОН

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

десятиминутный перерыв Шая стоял возле цеха, курил и наблюдал, как по двору к проходной шагал технорук Дегай, и на небольшом отдалении семеняла за ним секретарша Зоя, показывая на него пальцем, и ее уди-уди голосок сверлил воздух. “Убийца! Убийца! Отдай мне мужа! Убийца! Отдай мне мужа!” Дегай шагал, будто ее вопли относились не к нему, но перед самой проходной свернул к медпункту и появился оттуда с медсестрой. Та обняла Зою за плечи и увела к себе. Дегай велел выписать ей больничный на три дня и отправить домой. А Чумак на смену не пришел, Шая отишачил еще ночь, а утром явился “убитый” Чумак, только не работать, а за расчетом - получил повестку из военкомата и назавтра должен был явиться на пересыльный пункт для отправки. Ходил тихий, бледный, не матерился, а Шая прикусил в гневе губу. “Вот сволочь!” - думал он про Дегаю.

Вырваться, проводить Гришу на сборный пункт Шая не сумел. Двое суток, пока Сафьян ломал голову, кем заменить Чумака на смене, не выходил с фабрики. Ничего лучшего тот придумать не мог, как забрать у него Валеру. А еще неделю он бился один, иногда, когда совсем зашивался, Сафьян присылал Полдека на помощь. А окончилось все чепухой. В одну из дневных смен Сафьян подвел к Шаю секретаршу Зою и, выражаясь высоким стилем, сказал, что

она решила заменить мужа, ушедшего на фронт. “Обучите, Зоя, будет вам помощница”.

- Ты шо, с ума сошла?

- Видеть их не могу. Ненавижу.

Потрясенная подлостью Дегая, эта маленькая, пухленькая, чистенькая женщина решила им показать, кто она такая. Поначалу там, в шараш-конторе и слышать не хотели о переводе в цех, при чем не швеей на конвейер, а в мехбригаду. Но она сыграла в их игру. Отправилась в горком партии, добилась приема к первому секретарю, не стала никого обвинять, раскрывать подлинную причину своего решения, а заявила, что хочет заменить мужа, ушедшего на фронт. Такой патриотический порыв в горкоме не могли не оценить, нажали на директора, и Зоя пришла без своих сережек в ушах, без ожерелья на шее, но с инструментом Чумака в торбе. Она оказалась сообразительной и бойкой. Бригадиры не считались с тем, что она мало что умеет и заходились в крике, требуя от нее работы. Зоя в пререкания не вступала, не отгавкивалась. Посменная работа была явно не по ней, да и оттого, что приходилось ворочать и таскать тяжелые машины, она часто недомогала, открывалось у нее почему-то кровотечение и в медпункте ей давали на три дня больничный. Гораздо позже, когда они уже сработались и доверяли друг другу, Зоя призналась Шае, что в любой момент может вызвать у себя кровотечение. Она брала под руку машину - а это двадцать четыре килограмма – и прыгала с ней с агрегата на пятки. Всего-то и делов. Не признайся она сама, Шае это и в голову не пришло бы.

Он считал себя механиком не хуже Чумака, но вскоре ощутил, что это не так, что за его спиной чувствовал себя гораздо спокойней и уверенней. Вся тяжесть ответственности легла теперь на его плечи.

Он был замотан и почти не вспоминал про гостиницу, про майора. Его не беспокоили, и он решил, что от него отвязались. Иногда, правда, в низ живота волной прокатывался холод, а после долго скребло на душе. Однажды, идя домой после ночной, он прошагал вдоль глухой стены, завернул за угол на Карла Маркса, а там,

изображая случайного прохожего, с незажженной папиросой в руке, прогуливался лейтенант Скорняков. Пригнувшись и прикуривая от Шаиной сигарки, проговорил: “Завтра в десять. Там же. Явитесь сами”. Не успел Шая и рта раскрыть, объяснить, что все это ни к чему, лейтенанта и след простыл. Прямо как разведчики в тылу у врага.

Как живут люди в условиях, в которых жить нельзя? Как жил отец без матери почти восемь месяцев? Где и как добывал на пропитание. Ведь немцы не заботились о том, чтобы он мог прожить. Шая видел кинохронику о блокадном Ленинграде, слышал много рассказов о дистрофиках. Умирили там с голоду тысячи и тысячи, но никто не опускался до того, чтобы есть человечину. Есть уровень, ниже которого опуститься нельзя, иначе не сможешь считать себя человеком. Лучше смерть. Стало быть, лучше смерть, чем не быть человеком.

Страху и отчаянию он не позволит еще раз овладеть им. Не станет вилять, отправится в гостиницу, в тайную комнату, и сходу заявит майору: “Не согласен, не хочу”. И не будет вступать с ним ни в какие разговоры и объяснения. Не согласен - и амба. А там, шо будет, то будет.

От недосыпания, от того, что перерабатывал, плохо питался, и много курил, он почернел, синяки под глазами стали огромными, и даже Дегай снисходил до того, что смотрел сквозь пальцы, если Шая позволял себе урвать десять-пятнадцать минут, чтобы провести их на воле с любимой девушкой.

Проводив Танюшу до ее дома, - а отняло это времени меньше, чем прикидывал, - отпустил ее сразу, лишь поцеловал на прощанье и даже не намекнул, куда собрался идти.

Времени до десяти оставалось мало. Он поднимался по Московской медленно. Ночью в десятиминутный перерыв Кашей объявил, что горком партии проводит день оздоровления трудящихся, и после смены все пойдут на кросс, чем вызвал дружное “Еще чего?!” Утром задолго до конца смены все начальство собралось на улице перед проходной, но остановить вырвавшийся табун женщин не

смогло, осталась только кучка комсомольцев. Шая пробежал свой километр на стадионе играючи, наперегонки с Таней, и теперь шел с трудом, испытывая боль в мышцах ног. К тому же время обрело физическую упругость, как встречный ветер, и задувало все сильнее и сильнее. Против встречного ветра трудно шагать, подумал он, против встречного времени трудно жить.

Дойдя до перекрестка, вместо того, чтобы повернуть направо и идти по Яшмовой к гостинице, вдруг решил: да пошли они нахуй!, и повернул домой. У себя в комнате, сел на табурет, откинулся спиной на боковину шкафа и расслабился. Решение не идти - простое и разумное, - принесло облегчение. Если им нужно, пусть приходят и берут его отсюда. А сам не пойдет – нет сил. Его словно припечатало к шкафу, ни рукой, ни ногой шевельнуть, только в голове, как гуд, раскачивалось: “Еще не поздно! Еще можно! Еще не поздно! Еще можно”!

В наушниках, висевших на гвозде над головой, тонко и призывно пропели горнисты пионерскую зорьку. В Москве восемь - здесь десять.

Все! - Шая оттолкнулся от шкафа.- Все! Теперь все! Теперь уже нельзя. Теперь поздно. С этой черты он пошел против. Сам уже ничего не может. Теперь остается одно – ждать.

Шая ждал, а ничего не происходило. Тяжело, когда не можешь управлять собой, но еще тяжелей, когда люди ведут себя не так, как от них ожидаешь.

Не мог усидеть на месте. Надо было чем-то занять себя. Каким-нибудь простым, примитивным делом. Приподнял фанерку на ведре с питьевой водой – на дне высыхающая лужица, и обрадовался, что нашлось дело. Подхватив ведро, отправился из дому. У водопроводной колонки не было ни души. Повесил ведро за дужку на шип крана, обеими руками дернул вверх рычаг, и ведро зазвенело под сильно ударившей струей. Обычно, ради экономии сил он, как все, подкладывал кирпич под рычаг, заклинивал его, а сейчас этого не сделал, держал руками рычаг крепко, вода в ведре бурлила, сила бьющей струи и бурлящей воды

передавалась в руки и доставляла ему радость. Ничего, руки еще крепкие.

Еще до войны, подростком, стал он замечать, что если бы в известных обстоятельствах не поторопился или, наоборот, помедлил всего на мгновение, события могли сложиться совсем иначе и пойти в другом направлении. Черт дернул его поднять голову и взглянуть в даль улицы. Оттуда почти бегом спускался злой гонец, гебешный лейтенант Скорняков, но уже без плаща и белого кашне, а в гражданском костюме. Шаю досада взяла: не погляди он в ту сторону, то пошел бы себе спокойно в дом, но тут же сообразил, что и в доме не отсиделся бы, ничто не остановит лейтенанта, ничто не помешает ему постучать в дверь комнаты и вытащить его оттуда. Шая отпустил рычаг, струя оборвалась, он снял с крана ведро, полное до краев пенящейся водой, но не двинулся с места. Лейтенант заметил его и на ходу, но уже замедляя шаг, свернул к колонке. Он был испуган и Шая отметил это с удовольствием: и их, стало быть, берет страх, когда чужое поведение становится им неподвластно.

- Вы почему не идете?

- Зачем? Я ведь сказал.

- Но вас ждут.

Ведро с водой оттягивало Шае руку, но странное дело, тяжесть в руке была приятна.

- Я не пойду.

Лейтенант сменил тон.

- Не пойдешь, так поведу. Отнеси ведро. Я подожду здесь.

Вежливости его хватило ненадолго. Решив власть применить, стал тыкать и угрожать. Шая понял, что дело запахло керосином - этот хмырь с него не слезет.

В комнате умылся, холодная вода освежила его. Причесываясь, держал перед собой в левой руке прямоугольное зеркальце, - нет, не перепуганный заяц смотрел на него, а строгое лицо человека, идущего на серьезное дело, с которого, по всей вероятности, не вернется. Он сунул расческу и зеркальце в нагрудный карман куртки, из внутреннего достал паспорт, служивший

ему бумажником, извлек оттуда продуктовые карточки и деньги, положил их под подушку сестры - в лагере не понадобятся, там кошт казенный.

Лейтенант Скорняков, видно, потерял терпение, и Шая столкнулся с ним нос к носу, когда вышел из подъезда.

- Шо вам так не терпится?

- Там ждуть.

- Ждут, так подождут. Шо, горит? Я двое суток на ногах. Могли бы приехать на опеле.

Лейтенант покосился на Шаю и покачал головой.

- Не барин. И пешком дотопаешь.

Была середина дня, время обеденное, на улице народу шаталось много.

Это все люди непроверенные, - вдруг поделился своим наблюдением лейтенант Скорняков

- Что значит непроверенные?

- А то. Те, кто в лагере сидят, люди проверенные. А эти, что свободно по улицам шастают, эти еще не проверены.

- Вы шо хотите нас всех через лагерь пропустить?

- Всех не всех, а большинство не мешает.

Шаю эти слова поразили. Этому лейтенанту столько же лет сколько и Элизару, столько же было бы его друзьям, а их уже нет. Как он тянулся к ним, веря, что им открыты секреты жизни. У этого Скорнякова, их сверстника, тоже есть секрет: всех пересажать.

- Зачем вам лагерем проверять? Жизнь и так проверяет людей на прочность.

- Не хорохорься. Мы и не таких, как ты, ломаем.

”Шоб ты сдох!”, - подумал Шая и сказал.

- Ломать не строить.

Эта расхожая поговорка, неожиданно для него самого сорвавшаяся с языка, произвела нечаянный эффект на лейтенанта. Он замолчал и не раскрывал больше рта.

В гостинице, как и три недели тому назад, никто не спросил, куда идут. По лестнице поднимались в том же порядке – лейтенант так же перехватывал рукой перила,

вытягивал себя вверх, но в его движениях, рассчитанных произвести впечатление, уже не было таинственности.

На третьем этаже коридорная, та же, что была в прошлый раз, вязала пуховый платок. Она взглянула на Шаю и неожиданно, по-бабьи мягко, спросила:

- Ты чего бледный такой?

Шая прошел мимо, не успев ответить, но в душе поблагодарил ее за сочувствие.

И вдруг, как взлетают в вечернее небо яркие огоньки фейерверка, из глубокой-глубокой давности взлетела и осветила сознание детская песенка

Отчего ты бледный?

Оттого, что бедный.

Отчего ты бедный?

Оттого, что бледный.

И стало на душе легко и весело. Помирать так с музыкой. Эту песенку в раннем-раннем его детстве он мог часами горланить вместе с уличными своими приятелями.

Синие стены в коридоре и печь-голландка, желтые нашлапки на них, по-прежнему источали кизячный запах, правда, не такой резкий, как в прошлый раз. В глубине коридора, перед последней дверью, лейтенант остановился, принялся, как и в прошлый раз, открывать ее своим ключом, но то, что ждало за той дверью, не могло быть пугающей неожиданностью. Шая знал, что там сидят и ждут двое.

В номере, однако, был один майор и сидел за тем же столом, но не в кожанке, а в сером плаще.

- Извини, что не даем тебе спать, надо довести дело до конца, - сказал он, не здороваясь и не протягивая руки, а просто как бы продолжая оборвавшийся вчера разговор.

- А мы его довели.

- Садись.

Шая сел, положив замасленную свою кепочку на колено.

“Отчего ты бледный? Оттого, что бедный. Отчего ты бедный? Оттого, что бледный”.

- У тебя было много времени на размышление. Ты все обдумал?

- У меня нет времени думать о посторонних вещах. У меня голова забита совсем другим. Фабрика была под водой, как вам известно, пришлось поишачить.

- Мы это знаем.

- Ну, если знаете, так шо вам от меня нужно? Я вам сказал – я на то не пойду.

- Ты умный парень, комсомолец. Стань на государственную позицию. Что обывателю кажется стыдным, зазорным, с государственных позиций это и важно и почетно.

- Может, оно и так.

- Тогда согласишься, что ты неправ.

- Нет, согласиться на то не могу. Допускаю, что думая так, как привык думать, я неправ. Но можно допустить, что и вы, думая так, как вы думаете, неправы. Согласиться определенно, что я неправ, не могу.

- Больно мудрено это у тебя получается.

- Почему же? Я думаю так, а правильно то, чы неправильно, не знаю.

- Не знаешь, тогда поверь нам, старшим.

- А я не знаю, правильно то, шо вы говорите, чы неправильно.

- Он кто, еврей или упрямый хохол? - обратился майор к лейтенанту, сидевшему на диване.

- Видать, хохол, товарищ майор.

Майор открыл свой портсигар, достал папиросу, закурил и сквозь дым разглядывал Шаю. Тот и сам удивлялся себе. Решил заранее талдычить свое: "Не согласен. Не хочу", а майор опять вовлек его в разговор, в рассуждения, пытаясь доказать, что черное это белое, если взглянуть на это с государственных позиций. Он отбивался без боязни, без того внутреннего напряжения, в каком был в прошлый раз, потому что в голове порхала легкомысленная песенка из детства "Отчего ты бледный? Оттого, что бедный. Отчего ты бедный? Оттого, что бледный", и весь этот разговор казался ему несерьезным. Что бы ни говорил, его отправят за колючку и к этому готов.

В комнату без стука влетел низкорослый человек в черной кожанке и форменной фуражке с рубиновой звездой

на околыше. Под козырьком странное лицо – нос, лоб, подбородок, глаза, все мелкое и недоразвитое, а наплывы от скул к ушам расширялись, как капюшон у кобры. Человек этот, при появлении которого лейтенант вскочил на ноги и вытянулся по стойке смирно, ворвавшись в комнату, носился по ней и ревел:

- А, так что?! Все еще валандаетесь с ним? Сogласился?

- Нет,- товарищ подполковник, - доложил спокойно майор, но не встал.

- Так! Тебе геройский поступок предлагают, а ты что? Ты что о себе воображаешь? Что мы все тебя уговаривать будем? В ножки кланяться? Мы тебе такую жизнь устроим, сто раз пожалеешь, что на свет родился.

Шая, наблюдая за носившимся по комнате человеком в кожанке и форменной фуражке, понимал, что это носится его спасение. Опыта общения с умными и пронизательными людьми, обладающими страшной властью сажать и убивать, как этот майор в сером плаще, у него не было, а набитых дураков, грубых и сознающих свою безнаказанность, слава богу, уже повидал на своем веку и знал, как с ними обращаться. “Отчего ты бледный? Оттого, что бедный”. Так и так сейчас упекут его.

- А шо вы мне угрожаете, - сказал он.

- А! Так ты еще и огрызаешься!

- А шо вы мне угрожаете!

- Твое счастье, у тебя братан на фронте, а то я бы тебе мозги вправил! Тебе геройский поступок предлагают.

- Я не согласен. Найдите кого-нибудь другого.

- Кого?

- Я знаю!? Я же не бегу к вам и не требую, чтобы вы мне помогли. Когда не получается, я сижу и ломаю себе голову, пока не вникну и не справлюсь сам. Мне платят за мою работу, а вам платят за вашу. Так шо вы от меня хотите?

- Ишь, как заговорил! Видали? Наши деньги ему глаза застят. Тебе геройский поступок предлагают, а ты трус,- заревел подполковник и снова стал носиться по номеру.

- Нехай трус!

- Трус! Трус! - подполковник был уже вне себя, брыли, расширявшиеся к ушам, покраснели и стали раздуваться, как капюшон у кобры.- Тебя из комсомола гнать надо.

- Вы шо, принимали меня в комсомол?

- Трус!

- Нехай трус!

- Ну и вон к ебаной матери!

В бешенстве подполковник кинулся к Шае, успевшему вскочить на ноги и натянуть на голову свою кепочку, схватил его за шиворот, поволок к двери, там на миг придержал его и потряс перед лицом кулаком.

- Гляди, кому проговоришься! Шкуру спущу!

Рванув дверь на себя, поддал коленкой Шае под зад и выбросил в коридор. Шая успел выкинуть руки вперед, припал к стене, удержавшей его от падения. Когда оглянулся, дверь в номер захлопнулась. Быстро, пока они там не передумали, пошел по коридору. На диванчике дежурная все так же вязала пуховый платок, не спеша работая спицами.

- Сынок, кепку поправь, - сказала с участием.

Шая остановился и потрогал рукой кепку – была она повернута козырьком к уху. Сорвал ее, судорожно переводил дыхание,-- небольшой, а сильный, сволочь!

Дежурная перестала вязать, уставилась на него и в блестящих ее глазах горело желание понять, кем выходит отсюда – каким вошел или оборотнем, опасным для людей. Он перевел дух, надел кепку козырьком вперед, подмигнул дежурной и трогаясь с места, запел: “Отчего ты бедный? Оттого что бледный”. По лестнице сбегал, прыгая через несколько ступеней, и только был слышен стук его подковок по железу. Вылетел на улицу, на божий свет и побежал, куда глаза глядят, лишь бы подальше от гостиницы, и вдруг застопорил от сознания счастья. “Отчего ты бледный?” Пронесло! Пронесло! Жив и свободен. И уцелел! Остался кем был. И эти дома остались какими были. И иными не будут. И эта улица иной не будет. И деревья и небо и птицы.

Все, все прежнее. Их не заставишь изменить себе, отказаться от себя. Отчего ты бледный?

Он носился по городу, и в голову ему не приходило ткнуться к кому-нибудь, к Валерке и даже к Танюше, ибо разделить свою радость не было ему дано.

В середине дня он очутился в приуральной роще. На том месте, где был пионерский лагерь, из земли торчали кирпичные опоры, сквозь усохший ил, покрывавший землю, кое-где пробивалась новая трава. Он вспомнил домики с красными крышами, и ранеными на них, как, ударившись о бык моста, канули они в воду, и никто не выныривал, вспомнил плоскодонку с желтым дном, старика, шедшего в воде, как тот просил “Отдай лодку! Отдай!” Вспомнил, как волной ее приподняло и бросило на бык, и как в потоке мелькало уносясь ее желтое дно, а начальник госпиталя тоже в воду канул и не выплыл. Когда это было? Такая усталость охватила его, что он упал под дерево, где трава была чистая и сухая, и мгновенно уснул, как убитый.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Неделю спустя фабрику снова обесточили на три дня, и Сафьян потребовал от Шаи, кровь из носа, сдать за эти дни простоя одну машину из капитального ремонта. Когда ему выпадало работать в дневную смену, он иногда встречался ранним утром на одном из перекрестков с Сафьяном и оттуда они вместе продолжали путь. Он дорожил этими минутами непринужденного общения.

В то утро Шая шел на работу с легкой душой, как школьник, кому сказали, что уроков не будет. Накануне его предупредили, что фабрику обесточат, а это значило, что предстоят два-три спокойных дня, без нервотрепки. Сафьян уже ждал на месте. В выцветшей почти добела телогрейке, тощий и сутуловатый, он казался хиляком, но хилость его вводила многих в заблуждение. Он умел за себя постоять. Для фабричного начальства - портных-выдвиженцев, которые всегда умели выкроить что-то и для себя, он, интеллигентный и кристально честный, своим человеком не стал.

- Шая, - сказал он. - Война скоро кончится. Вы тоже вернетесь домой?

Уже многие эвакуированные стали возвращаться в освобожденные свои города, но это "тоже" было очень прозрачным. Ариадна Савельевна, получила, наконец, пропуск в Москву и готовилась к отъезду. Шая возвращаться не собирался. Отца и мать убили, дом среди многих на его еврейской улице немцы снесли. Вместе с немцами евреев убивали и местные украинцы и он не мог представить себя живущим среди убийц.

- Нет, это исключено.

- И в этом богом проклятом месте оставаться вам тоже не следует.

- Я хочу учиться. Получу аттестат зрелости, а уж потом подумаю, что выбирать.

- Кстати, чего вы хотите в науке – сделать карьеру или искать истину?

- А шо это за наука, если не ищет истины?

Сафьян кивал, вроде соглашаясь, а губы трогала ироничная улыбка.

- Эта дорога, боюсь, приведет вас назад сюда, только за колючку.

- Я в ваше повидло влипать не собираюсь. А в науке неудачником не буду.

Эту мысль, что у ее детей путь к достойной жизни только через образование, мать вколотила им в башку, как гвоздь. Дом держался на ней. Вставала засветло, ложилась за полночь. Иногда, падая от усталости или досадуя на неблагодарность детей, не обученная грамоте, восклицала: "Если бы я держала перо в руке!". О жизни "с пером в руке" он мечтал так же страстно, как и она.

За два квартала до фабрики им пришлось остановиться на перекрестке и переждать, пока пройдет колонна зеков. Серой была не только их одежда, серыми были их лица, а взгляд, казалось, у многих отсутствовал, как у Робинзона, а на самом деле они смотрели только перед собой, словно приказали им по сторонам не глядеть, или им самим невыносимо было видеть за пределами колонны дома и свободных людей, которые ходят сами по себе. Шая спросил однажды Сафьяна, о чем он мечтал в лагере.

Ходить, сказал он, ходить одному, куда захочу. Ответ этот Шаю поразил.

Зеков гнали в соцгород, там за глухими заборами с колючей проволокой поверху они возводили пятиэтажки для трудящихся и коттеджи для начальства. Никто не видел иронии в том, что узники социализма строят социалистический город.

В родном городе Шаи тюрьма находилась на окраине. Иногда оттуда среди бела дня вели по центральной улице под ружьем арестанта на допрос в НКВД. Люди останавливались на тротуарах и смотрели на преступника, как на пойманного дикого зверя. Здесь на зеков никто не смотрел, как на чудовищ, они были частью общества, рабочей силой. Топают среди них братья-славяне, киргизы, кавказцы, евреи, прибалты и многие другие. Народ со всего союза. Однажды везли их на полуторке, и какой-то остряк из них написал на борту крупно мелом: “СБОРНАЯ СССР”.

Сафьян тоже топал в такой колонне. И Робинзон. Многие. Загрести могут за пустяк, за неосторожное слово, за анекдот, за катушку ниток. Он знал, что судьба повязала его с ними, а не с теми, кто сажает. Те, кто сажает, Сафьяну в подметки не годятся. Сам по краю ходит, а не побоялся пригреть этого стебнутого, Робинзона.

Пока мимо тянулась серая колонна, Сафьян стоял, втянув голову в плечи, словно желая уменьшиться и стать незаметней, замер и тяжело дышал. Когда прошла охрана, замыкавшая колонну, он перебежал дорогу, а потом шел молча, все убыстряя шаг – оторваться подальше, подальше. Он жил и помнил.

На подходах к фабрике в одном месте, возле пустого ухвата для водосточной трубы, торчавшего из стены, мысли Шаи, о чем бы он не размышлял до этого, переключались на фабричные дела. Вероятно, этот механизм срабатывал и у Сафьяна.

- Шая, - спросил он.- Как вы относитесь к моему заместителю?

- А как можно относиться к пустому месту?

- Я не как про работника спрашиваю.

- Как к человеку? Извините, он противен.

Пол в углу цеха был уставлен “гробами”. Запасных частей не хватало или отсутствовали они вовсе, поэтому, особенно ночью, Шая или Чумак снимали с незанятой машины нужную деталь, и потом другую, третью покуда снимать уже было нечего, тогда ее сносили в этот угол и ставили на пол. Приносили сюда «гробы» из первого цеха тоже, и скопилось их тут более тридцати. Вот в этом могильнике Шае приглянулась одна Union-ка, он принес ее в мастерскую, чтобы вернуть ее к жизни. Для механика просто собрать машину – нехитрое дело, а когда делаешь капремонт, и ни одна деталь точно не подходит, приходится подгонять, точить, гнуть, сверлить, нарезать резьбу, притирать, шлифовать, на это уходит много времени, иногда и трех дней не хватает. А когда все сделаешь и соберешь, нет гарантии, что заработает, надо еще наладить ее и проверить на самой трудной операции. К счастью, у Шаи все ладилось, ничего не приходилось переделывать или мучиться, подгоняя нестандартную деталь. Настроение у него было телячье, так и подмывало взбрыкнуть, запеть.

- Ты чего такой веселый? - спросил Агудалов.

Шая пригнулся к нему и проговорил на ухо.

- Валька, я от них отбрыкался.

- Ну! Ты даешь! Потом расскажешь?

- Расскажу, расскажу, еще Польшка не сгинела.

С утра к нему привязался этот польский гимн. В январе, когда стали играть по радио новый советский гимн, он спросил у Полдека, какой гимн был у Польши.

- Почему был? - тут же вскинулся Полдек. - Он был, он есть, он пребудет.

Этот шляхетский гонор очень не нравился Шае в Нимроде.

- Шо ты сразу в бутылку лезешь? Есть так есть. А можешь его напеть?

Полдек пел: “Еще Польшка не сгинела пуки мы жиемо”. Знание украинского языка помогало Шае схватывать смысл гимна, его отдельных строф. Первые строчки припева “Марш, марш, Домбровский, до жечи до Польской” сразу врезались в память. А одна строфа его

удивила: немцам, москалям покоя не дадим, их прогоним, и отчизна будет наша.

И вот клочки этого гимна с утра вертелись в голове Шая и просились на язык, в голос. Его приперло сбегать оправиться, как говорили женщины. В цеху, идя между конвейерами, видел лицо Чеслава Скоропы над агрегатом - гаечным ключом тот затягивал ослабевшие гайки приводных кронштейнов. Оправившись, Шая на обратном пути из сортира стал насвистывать польский гимн и, войдя в цех, загорланил те обрывки из него, что застряли у него в памяти.

Еще Польски не згинела
Пуки мы жиемо...
Марш, марш,
Домбровский,
До жечи до
Польскей

Пан Чеслав, услыша родной гимн, поднялся во весь рост и, чтобы доставить ему еще большее удовольствие, Шая загорланил громче.

Слухай йено, поно наши
Бия в та-а-рабани-и-и
Марш, марш,
Домбровский...

Но тут Шая осекся, увидев, как пан Чеслав, вскочил на табурет за агрегатом, одной ногой на агрегат, с гаечным ключом в руке. И в глазах его было не удовольствие, а страшная ненависть, та, ненависть, что накопилась в нем за эти годы: за нож в спину Польши, за архангельский лесоповал, за Катынь, за бедствование на чужбине, и это дурашливое Шаино пение, это глумление над его шляхетским гимном, переполнило чашу унижения. Шая прочел эту ненависть в его глазах, в этой пригнувшейся фигуре, готовой к прыжку, увидел зверя, понял, что Чеслав сейчас его убьет, страшно испугался, и когда тот сделал движение, бросился бежать и Чеслав погнался за ним с гаечным ключом в руке. Они обежали два раза соседний конвейер, Шая прыгал через табуретки, бежал быстрее, чем поляк, ибо это смерть гналась за ним. Чеслав скоро выдохся,

остановился, тяжело дышал, мотнул головой, точно стряхивал наваждение, смотрел на Шаю, готового снова броситься бежать.

- То добже, - сказал он, пошел назад, обогнул конвейер, за которым работал, присел там и снова принялся затягивать гайки кронштейнов. Только тогда Шая, не спуская с него глаз, пошел к мастерской и захлопнув за собой дверь, счел себя в безопасности.

- Вот скотина, - сказал он.- Вот, пся крев, идиот!

Он и раньше не любил его, а теперь решил остерегаться его, неизвестно, что может взбрести ему в голову.

На третий день, часов в десять утра, Шае пришлось сделать долгий перекур. У Адмирала случился приступ головной боли. Он опустился на колени и с глухим стоном вжимал голову в станину верстака. Очень не любил, чтобы при этом кто-то был, и, мыча, просил всех уйти. Пошли все, а пан Чеслав остался работать за своим верстаком. Они отправились на двор, сидели на досках и курили, а когда через полчаса вернулись, Адмирал сидел потный на табурете и отдувался, а пан Чеслав все так же что-то делал за своим верстаком.

Шае в этот день давалось все легко, и даже Робинзон не испортил ему удовольствия от работы. В последнее время он где-то пропадал – Сафьян втирал всем очки, что его заместитель после наводнения проводит на складе инвентаризацию. Пришел он со связкой книг подмышкой, постоял у верстака, держал книги обеими руками навесу, когда перехватил Шаин взгляд, приподнял их.

- Вот, - сказал он.

- Давайте потом.

- Я... э-э... одну минуту, - положил книги на край верстака и принялся развязывать тугой узел бечевки. Это были странные книги, большие, плоские в тусклых зеленых переплетах. Такие книги годами пылятся на библиотечных полках и наводят скуку.

- Сейчас, сейчас, - бормотал Робинзон. - Вы только взгляните, пожалуйста. Вы увидите, сами убедитесь... Ногти у вас острые?

Недолго думая, Шая чиркнул ножом по бечевке.

- Ах, зачем? Узлы надо развязывать... Ладно. Спасибо.

Робинзон снял верхнюю книгу и протянул Шае. Вытерев насухо руки ветошью, он взял ее осторожно, чтобы не запачкать. До него дошло, наконец, что этот чудило приперся со своими книгами доказать, что и вправду ученый. Наверху обложки стояла фамилия автора "Л.П. Платонов". Что за хренота! - подумал Шая. У Робинзона, помнил, фамилия странная, не то еврейская, не то греческая, а он чужое подсовывает.

- Вы шо, Л.П. Платонов?

- Нет, нет, - досадуя на Шаину непонятливость, отобрал книгу и открыл ее на последних страницах. - Взгляните здесь, в библиографии.- Его толстый палец с плоским грязным ногтем двигался по странице, как визир, и замер у строки, в начале которой стояло имя: А.И. Генали.

- Послушайте, шо вы мне баки вкручиваете!

- Генали – это я. Я Амос Генали, Амос Исаевич Генали, - он произносил свое имя, точно вспомнив его, на разные лады и прислушиваясь, как оно звучит.

Профессор Платонов ссылается на мои труды. А он прекрасный специалист по газам.

До этого ребята, занятые у других верстаков, поглядывали и прислушивались, а тут подошли поближе, заглядывали сбоку или поднимались на цыпочки, стараясь что-то увидеть через плечо Робинзона. Только Адмирал, распаренный, оставался сидеть на табурете, да пан Чеслав стоял ко всем спиной.

Робинзон воодушевился, совал пацанам книги в руки – нате, мол, глядите и убедитесь.

- Теперь вы мне верите? У меня были свои книги. У меня была лаборатория.

Пацаны и слов таких не знали: лаборатория, библиография, ученые труды, а про профессора знали только из выражения "профессор кислых щей". А Робинзон

обрел какую-то сумасшедшую уверенность, что теперь все в лучшем порядке. Но чем сильнее возбуждался, такой огромный, взрослый, тем неприятней становился Шае. Чего он так выплясывает? Ну, поверят ему несколько пацанов. Что ему от этого? Разве настоящий ученый стал бы так вести себя?

Робинзон, хотя и радовался, ощущал Шаину неприязнь, а ему почему-то важно было именно его признание. Шая вел себя нехорошо, он это чувствовал, но думал, что иначе не может и не должен. Ученый – светоч разума, он все, о чем мыслящий человек может мечтать: культура, свобода, независимость, ”вольность и непидлеглость”, как говорят поляки. Он ищет и находит истину, а путями истины человек возвышается. Таким, с одухотворенным лицом, чисто одетым, в выходной костюм, Шая всегда представлял себе ученого. И если уж ты ученый, то должен соответствовать этому образу. А жесткость – единственное средство защитить этот светлый образ, свое будущее, свою мечту от этого стебнутого. Холодная, вежливая, но жесткость.

- Хорошо, я вам верю... Если вас это устраивает.

Радость погасла на лице Робинзона.

- Ну, так не надо. Так не надо. Поверьте мне, пожалуйста, я ученый.

- Ну и что?

В замешательстве он поднял еще одну книгу, держал ее открытую на обеих ладонях, как на подносе. Имя Амос Генали и название трудов, написанных по-немецки, занимали в библиографии несколько строк подряд. Недоумевая, Шая уставился на Робинзона.

- Я работал в Германии. Три года. Меня там печатали. Меня переводили на многие языки.

- Вы тоже специалист по газам?

- Да, да, теперь вы понимаете?

Шая чувствовал, что в груди у него начинает нарастать гнев. Понимаете! А теперь они твоим газом, сука, травят нас в газовых камерах. Вслух этого не сказал, но Робинзон прочитал это в его глазах, и пораженный стоял, сомкнув синюшные свои губы с белыми стрелками пены в

уголках рта. Шрам на шее – крест на крест – из бледно-лилового стал багровым. Наконец, точно признав свое поражение, собрал книги в стопку, стал перевязывать, но бечевка, из-за того, что узел не развязали, оказалась короткой, кончики ее торчали в толстых пальцах Робинзона, и он не знал, как быть.

- В таком возрасте! Такая несправедливость! - бормотал он.

Шая сделал знак Ахату, тот подошел и белой тесьмой ловко перевязал книги.

Взяв их под мышку, Робинзон вывалился из мастерской.

- Чего ты так с ним? - сказал Адмирал.- Может, он не чокнутый, а вправду тот, за кого себя выдает?

Шая знал, что не чокнутый, что ученый и, может быть, даже крупный. Он не сомневался, что это из-за него тягали его в ГБ. До него все было спокойно. Сафьян бегаёт отмечаться к ним раз в месяц, а с тех пор, как пристроил этого Робинзона на фабрику, они там уши наострили - не заговор ли тут задумали. На нашей шарашке. Делать им там нехрен.

- Ну и что?

Грубость Шаи задела и Адмирала.

- Ладно, тебе жить.

Он смотрел здоровым глазом прямо перед собой, а другой, выпученный уставился, загадочно вверх и вкось.

- Засранцы! - сказал, неожиданно повернувшись ко всем, Чеслав Скорупа.

Молчал, молчал, да высказался.

Вода сошла, дни проходили, многие уже посадили картошку, а Шая с сестрой упустили время, наконец с гвалтом вырвал у Сафьяна полдня и на следующее утро, со штыковыми лопатами и граблей на плече, а сестра несла полное ведро картофелин для посадки, отправились на огороды. Не сразу нашли бы свою делянку, если бы на своей уже не работала Ариадна Савельевна с Дашкой и, к Шаиному удивлению, Сафьян, без куртки в бязевой натальной рубахе. Они радостно приветствовали

пришедших. Их огород уже был перекопан, Сафьян делал лопатой лунку и засыпал ее землей, едва Дашка положит в нее половину картофелины белыми глазками кверху. Ариадна Савельевна из кружки поливала заделанную лунку водой. Переняла у кого-то опыт сажать картофель не целиком, а половинками, и поделилась этим опытом с Шайей.

Их делянка имела неприятный, заиленный и засоренный вид, ветер и солнце уже подсушили ее, и раздевшись до пояса, Шая граблями сгреб сор в кучу. С Розуней в две лопаты они довольно быстро перекопали свои шесть соток. Шая сделал перекур и, пока отдыхал и дымил, Сафьян сказал:

- Шая возьмите ведро и сходим к реке за водой.

По дороге к реке спросил:

- Шая, что вы собираетесь делать в науке? Что вас интересует?

Шая вздохнул.

- У моих родителей четверо детей, два сына и две дочери. Как это так? Отец тот же, мать та же, а дети разные. Меня это с детства занимало.

- Вам больше бы нравилось, если бы в семье были четыре одинаковых Шай?

- То было бы ужасно. Я просто хочу понять, чем объясняется такая разность. И еще. Вот Ариадна Савельевна опять сделала канавку и бросила в нее несколько семечек подсолнуха. В прошлом году вырос один. Ствол, зеленые мохнатые листья на нем, а на самом подсолнухе корона из желтых листьев, и в сотах, а их сотни и сотни, зреют семечки, – и все из крохотного белого ядрышка. Это ведь изумительно! Вот Дашка заметила, что подсолнух поворачивается за солнцем и тоже изумилась: кто его поворачивает? Объясни ей. Вот этими загадками я хотел бы заниматься. А без образования куда сунешься?

Они прошли тальник и на берегу реки Сафьян остановился.

- Передохнем немножко. Удивительно, каким разным вы бываете, Шая. Много читаете, хорошо думаете, а ведете иногда себя... смеялись над измученным человеком.

- Я шо, один смеялся?

- То, что смеялись все, вас не оправдывает. Уж вы-то должны были понимать, что это нехорошо, не порядочно.

- А что я должен был понимать!? Выплюсывает перед пацанами, непонятно что твердит: я профессор, я ученый. Разве такие ученые бывают? Допустим, он ученый, тем для него хуже. Его расплющило и размазало. Человек не должен такого допускать, чтобы его так размазывали.

- Шая, вы не знаете, что такое лагерь, вы и представления не имеете, что там делают с людьми, как их ломают.

- Вы же не сломались.

- Мне повезло. Я работал на поверхности, в КБ, занимался электрическим освещением штреков, а Амос Исаевич много месяцев работал без права выхода на поверхность, он все еще в темноте. Он мыслящий человек, ему нужно доказать это.

- Кому? Мне?

- Ну, не им же! - всердцах сказал Сафьян.- Он ходил на "Крекинг", просился хоть в лаборанты. Химики им позарез нужны. Ему сказали: в угловом доме разрешат, возьмем. А угловом доме на него накричали: "Ты что, опять за свое?! Военный завод взорвать хочешь?" Можно им что-то доказать? А в вас он чувствует родственную душу, может быть, угадывает вашу потенцию, вы для него, может быть, мостик между мраком и светом.

- А шо я могу с собой сделать? Он мне противен. Я шо, обязан с ним целоваться. У меня и так из-за него одни неприятности.

- Какие у вас могут быть из-за него неприятности?

И Шаю прорвало. Чувствуя запах крови в носу, рассказал в подробностях, как его дважды тягали в ГБ и как он еле от них отбоярился, и как подполковник схватил его за шкуру и, дав пинка под зад, выкинул в коридор, да еще пригрозил, что шкуру с него сдерет, если проболтается.

- Ах, сволочи! Ах, сволочи!

- Вы на фабрике всю войну, они держат вас под колпаком и никто им не был нужен стучать на вас. А как появился этот Робинзон, так они там забздели. Со мной у них номер не прошел, так найдут еще кого.

- О чем вас спрашивали?

- Да ни о чем! С кем дружу. Они хотели, чтобы я наперед согласился, а я уперся - нет и все! Этот подполковник обещал устроить мне такую жизнь, что я пожалею, что на свет родился. Я лучше сяду, а стукачом не буду.

- Ах, сволочи, ах, сволочи!

Шая спустился к реке, зачерпнул ведром воды, перехватил ведро Сафьяна и тоже наполнил его водой. Сидел на корточках перед текущей рекой и думал, может быть, не стоило рассказывать Сафьяну, но в груди чувствовал такую легкость, словно камень сняло у него с сердца.

- Вы теперь, наверное, не будете со мной якшаться, - сказал он.

- Почему? Вы еще раз доказали, что есть поступки, которые порядочный человек не совершает. Все останется между нами как было. Давайте лучше, я прочту вам Есенина.

Стоя лицом к реке, он не стихи читал, а рассказывал медленно, с паузами, ломая ритм, словно вспоминал из собственной жизни. “Худошавый и низкорослый, среди мальчишек всегда герой, часто, часто с разбитым носом приходил я к себе домой. И навстречу испуганной маме я цедил сквозь кровавый рот: Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет. И теперь вот, когда простыла этих дней кипяtkовая вязь, беспокойная, дерзкая сила на поэмы мои пролилась. Как тогда, я отважный и гордый, только новью мой брызжет шаг. Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа. И уже говорю я не маме, а в чужой и хохочущий сброд: Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет!”

Сафьян стоял над водой и словно смотрел, куда улетають слова.

- В детстве мне тоже квасили нос, - сказал Шая. - И я квасил.

- Вы непохожи на драчуна.

- Это осталось там.

Никаких других стихов кроме Блока и Есенина Сафьян не читал. Шая догадывался, что это не просто его любимые поэты, что их словами он говорит о себе, о своей беде, о том, как мучается и корежится его “вся душа в крови”.

Они пошли рядом с полными ведрами, стараясь не расплескивать воду.

- Весь ужас в том, - говорил Сафьян, - что в этих угловых домах сидят люди неполноценные. Скажите им, что у них, сознающих свою власть, комплекс неполноценности, они не поверят. Они его не признают, он у них в жилах и движет ими. В органы они идут за товарищем маузером. Маузер компенсирует их неполноценность. С маузером они люди. А что они без маузера? Ничто! Ни к труду не способны, ни науками заниматься, ни в искусстве себя проявить. Бездари! Ничтожества! Мразь! Ах, сволочи!

Они уже подходили к своим делянкам, Сафьян споткнулся и расплескал воду из ведра.

- А перед Амосом Исаевичем вам надо извиниться.

- Так прямо подойти к нему и сказать: извиняюсь?

- Ну, не так грубо. Дайте ему как-нибудь понять.

Ах, вот для чего он прочел ему Есенина. Сафьян порой умеет бить и больно. Это он, Шая, и Чумак, и Адмирал, и вся пацанва – хохочущий сброд.

Все то время, что копал лунки - Розуня укладывала в них половинки картофелин глазками вверх – и заделывала их, из головы у него не шло.

И уже говорю я не маме,

А в чужой и хохочущий сброд:

“Ничего! Я споткнулся о камень,

Это к завтраму все заживет!”

Этот “хохочущий сброд” вцепился, как клещ, ему в мозг и теперь будет, он знал, донимать и жалить долго. Это Робинзон, этот профессор, этот химик, этот вчерашний зек, кричал в их хохочущий сброд, что он споткнулся о камень.

Ни хрена у него к завтраму не заживет - он расплющенный.

А если уж зашел разговор о душе, то Шае не надо говорить у кого она в крови.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Где-то у реки, у моста, должно быть, истошно закричал ишак “И-а! И-а!” На рынке отозвался другой, потом третий в каком-то дальнем дворе. Ишаки начали, как обычно, свою переключку ровно в час, дружно, как насосы, качали воздух, и Шая, плетясь к рынку, оживился, прибавил шагу и тоже закричал:

”И-а! И-а!” И повеселел. Переключка эта длилась около двух минут и оборвалась, как по команде, в тот самый момент, когда Шая уже веселый, ступил на бульжники толкуна. Самосад у него весь вышел. Возвращаясь домой после ночной, заскочил в библиотеку поменять книгу, а потом, перекусив дома, отправился на рынок толкнуть бутылку сивухи – премию, которую получал каждые две недели. Выручки за нее хватало на стакан самосаду.

До крика ишаков было у него муторно на душе, после ночной смены едва держался на ногах, безумно хотелось спать, но и оставаться без курева не мог. Прежде чем отправиться на рынок, глотнул из бутылки раз-другой, а от сивушного запаха его замутило еще больше. Но что всего хуже, недолив был преступно очевиден. Желая поправить дело, Шая добавил воды, взболтал сивуху, чтобы перемешалась как следует, но когда перевернул бутылку вверх дном, повисло на нем изнутри несколько крупных капель. Ой, как нехорошо! Барыг не проведешь, они эту хитрость знают, теперь из-за двух глотков, от которых его мутит, придется отдавать премию задаром. Шел, досадуя на себя, но когда закричали ишаки, повеселел. Рынок – это кто кого обдурит. Едва ступил на нетесаный бульжник толкуна, понял, что дело дрянь.

Редкие в это время дня покупатели шатались вдоль двух торговых рядов.

В левом ряду товар раскладывали на клеенках, посланных прямо на бульжники; старухи-торговки, старики, фронтовики-инвалиды торговали с них, восседая на ящиках, мылом, пятновыводителями, инструментом, примусными иголками, книгами, подшитыми валенками, самодельными зажигалками и замками из бронзы, разным

ношеным тряпьем и, конечно, табаком-самосадам, зеленовато-серым саксонским и бурым турецким.

В правом ряду за деревянными столами приезжие узбеки торговали урюком, курагой и кишмишом, а местные выносили топленое масло и засахаренный мед в поллитровых банках, толокно и пшено в торбочках.

Бутылку из-под куртки Шая предъявил миру с чувством если не стыда, то неловкости от сознания ее порочности. Тут же возле него оказался барыга, инвалид войны, с палочками, выводителями пятен, в обертке из блестящей фольги.

- Сколько?

- Двести.

- Любую половину.

- А ху-ху не хо-хо.

- Ну, побей ноги о камни.

- И побью. Волка ноги кормят.

- Гляди, не урони, волк.

Шая долго бил ноги о бульжники - никто не давал за сивуху его цены - и уже жалел, что упустил первого покупателя. Старик, у кого Шая брал табак, сидел на привычном месте, перед открытым мешком с бурой табачной сечкой. Самосад у него был хорошего сорта, горло не драл и, когда в кармане у Шаи шевелилась живая копейка, он позволял себе, прежде чем купить, якобы для пробы, взять щепоть табаку – на даровщину, скрутить сигарку и подымить, а теперь без гроша в кармане, совестился это сделать, хотя желание курить становилось нестерпимым.

Навстречу Аше с непроницаемым лицом – лубяным, сказал бы Валера – размерено, как во сне, демонстрируя на разведенных перед собой на уровне груди руках белый лифчик – целая гроздь их висела у него через правую руку у сгиба локтя, – шагал первый любовник югорского театра Лазарев. Этими лифчиками,- шила их на дому его жена, тоже актриса, - торговал он всю войну, но Шая ни разу не видел, чтобы купили у него хотя бы один. Женщины, видно, его стеснялись. Был он молод, красив, по вечерам играл в “Коварстве и любви”, а сейчас изображал манекена, чтобы

не страдать и не испытывать унижения. Голод не тетка, стыда не знает, но чем-чем, а торговать лифчиками Шая не стал бы ни за какие деньги. Они двигались по всей длине толкуна, но встречными курсами и, проходя мимо, Шая бросал взгляд на топорщащиеся чашки лифа, а артист едва заметно косился на бутылку – хотелось ему, бедняге, глотнуть спиртного, как Шае сделать затяжку дымом.

Раза два он останавливался перед одним столом, где пожилой узбек навалом насыпал урюк, сухой и бурый, пестрый кишмиш, и курагу, удивительно крупную любимого Шаинога цвета, бурую, влажную, одна штука, раскрытая, как книжица, стояла торчком на этом прекрасном холмике, и солнце просвечивало ее насквозь. Шая не сводил с нее глаз, любовался ее красотой и глотал слюну. До войны абрикосы в их городе были не в диковинку, и Шая ел их часто, а из косточки делал свисток. Курагу за войну ни разу не попробовал - не по карману.

- Купи, - сказал узбек.

Шая покачал головой и пошел дальше.

На рынке жулья всякого водится много. Игорь Модестович являлся на толкун в базарные дни со своим портфелем подмышкой устанавливать справедливость, - это в торговле то!- а если справедливость не торжествовала, вскидывал кулак вверх и над толкучкой проносился его рык «Сакре – ном!», пугая барыг.

Робинзон ходил на рынок в будни, когда народу толклоь мало. И сегодня он тоже появился, неся в руке белый сверток, прошел в центр площади. Ничего стыдного не было в том, чтобы продать свою водку на базаре, ее и давали как премию, чтобы продать, но при Робинзоне неловкость мешала. Шая держался от него подальше. Прикрывая собой бутылку, опрокинул ее вверх доньшком, надеясь, что капли воды по какому-то волшебству исчезли, а они повисли, крупные, предательские, как и прежде – ах, надо было отдать инвалиду за сотню, теперь находишься, пока с рук сбудешь. Робинзон тем временем развернул сверток, предъявил миру четверть ржаного кирпича - полкило, свою дневную пайку. Его тут же обступили - хлеб – не сивуха - и в момент заплатили не торгуясь. Получив

деньги, он отправился в дальний угол толкуна к старику, торговавшему подержанными книгами, присел там на корточки и принялся листать страницы. Уже не первый раз Шая видел это безумие, как Робинзон продавал свой хлеб и покупал книги. Как ни любил Шая чтение, не настолько еще рехнулся, чтобы отдавать хлеб за книгу.

А библиотека для чего?

Наконец, Шае повезло. Набежала молодая женщина и взяла бутылку не торгуясь. Шая тут же отправился к своему старику, разыграл с ним обычную сценку:

- Попробовать можно?

- Попробуй, милоч.

Он скрутил себе сигарку и от первых затяжек ожил. Когда есть деньги, сам черт тебе не брат.

- Полстакана, - сказал он.

Полный никогда не покупал: и денег столько сразу отвалить не хотелось, да и выгода была. Граненый стакан книзу сужался и где половина, можно было поспорить, выторговать чуть больше. Старик не жадничал и, когда Шая потребовал еще и на поход, зачерпнул краем стакана в мешке и ссыпал бурый добавок в оттопыренный карман Шаиной куртки.

Расплатившись, счастливый, дымя, Шая отправился домой.

Впереди по дороге шагал Робинзон с книгами подмышкой и красным бураком, держа его двумя пальцами за хвостик. Обгонять его не хотелось и Шая держал дистанцию, занятый своими мыслями. Вывело его из задумчивости громкое восклицание впереди:

- Кого вижу! Кого вижу! - майор внутренних войск в зеленом кителе, синих галифе и хромовых сапогах в гармошку преградил Робинзону путь и широко улыбался. Красный бурок выпал из руки Робинзона и покатился в сторону. Проходя мимо, Шая оглянулся и, пораженный, застопорил. Лицо Робинзона было ужасным, из серого стало лиловым, как у припадочного. Нижнюю губу свело петлей вбок, подбородок дрожал.

- Ты чего это? Испугался, что ли? - говорил майор приветливо. Он снял с головы форменную свою фуражку и носовым платком вытирал пот на внутреннем околыше.- Ты меня не бойсь. Я не кусаюсь. Посмотри на себя, мать твою за ногу, дрожишь, как собачий хвост. Тухляком был, тухляком, гляжу, остался. Орлова помнишь? Позже тебя вышел. На днях встречаю – здоров, весел и счастлив. Мне, как отцу родному, обрадовался. В гости звал. А уж его я как ломал, из пердильника не вылезал у меня. К тебе я всегда был по-хорошему. А ты посмотри на себя. Тьфу! Смотреть тошно.

Шая, стоя в нескольких шагах от них, не мог подыскать слова тому состоянию, что отражалось на лице Робинзона, той страшной его сути, что скрытая всегда пугала его, а сейчас, в эту минуту так резко обнажилась. Это было полное абсолютное безволие, поразившее каждый мускул, каждую клеточку организма, обреченность жертвы, неспособной к сопротивлению. Словно сама смерть стояла перед ним.

Шая вернулся и тронул майора за плечо. Тот резко обернулся.

- Оставьте его.

- Чего?! Откуда такой смелый выискался?

- Оставьте, я сказал.

Майор с насмешкой смерил Шаю взглядом с ног до головы.

- Шустрый ты. Рви, покуда цел. А то, как плевков, разотру.

- А я и испугалась. Прямо вся дрожу.

Еще двое прохожих остановились в стороне. Майор надел фуражку.

- Ну и народ, мать вашу за ногу, - сказал он, покачав удивленно головой, и пошел восвояси, походкой легкой пружинистой.

Робинзон где стоял, там и сел на землю, прямо в дорожную пыль. Было неловко уйти, оставив его сидящим вот так в пыли. Шая ждал, докуривая сигарку, и улыбался сам себе, тому, как у него вырвалось: “А я и испугалась!” Прямо, как Дашка...

Мало-помалу Робинзон пришел в себя,-- щеки из лиловых снова стали серыми - ухватился за протянутую руку и встал на ноги. Шая подобрал бурак и книги.

- Ты хоть знаешь, с кем говорил?- спросил Робинзон, когда пошли рядом.

- Кто же не знает этого волкодава?!

- И не боишься?

- А чего мне их бояться? Они только того и ждут, чтобы их боялись. А шо это у вас так коленки перед ним тряслись? Шо он может вам сделать? Вы на свободе.

Робинзон только тяжело вздохнул. После неожиданной встречи ослаб и еле-еле волочил ноги. Нельзя было сунуть книги и бурак ему в руки и со спокойной совестью идти спать. На сон, кстати, оставалось четыре-пять часов.

Робинзон привел его к дому, где снимал угол, опустился на лавочку у ворот и прислонился к забору. Шая положил на лавочку бурак и книги, сел рядом, свернул две сигарки. Робинзон по обыкновению сосал свою, не размыкая губ, дым вяло выходил у него из ноздрей, изо рта, стелился по лицу к глазам. Шая разглядывал его руку, большую, как кувалда. Один удар таким кулаком по голове загнал бы начальника лагеря в землю, как гвоздь под самую шляпку.

- Вы в детстве часто дрались?

- Почему это тебя интересует?

- Кулаки у вас, как у молотобойца.

Робинзон сжал левую руку в кулак и стал разглядывать его.

- Мне это никогда не приходило в голову.

- А я дрался часто, - сказал Шая.

- Зачем?

- Ну сцепишься с кем-нибудь. Раз, раз, ты врежешь, тебе врежут, такая блиц-драка, тут же разведут. Чаще мы дрались просто так, ради удовольствия. Весь день с приятелями на улице. У кого-то руки чешутся дать кому-нибудь по морде. Пристанет: "Пошли подеремся". Я драки не затевал, но не отказывался. У нас был закон: драться при свидетелях, чтобы все было по-честному, ниже пояса не

бить и до первой крови. Нос тебе расквасят или ты расквасишь и драке конец. Рядом с нашей Ерусалимкой есть турецкая крепость, стены по-украински. В мурах мы и дрались.

- Неужели в драке есть удовольствие?

- Еще какое! Но в тринадцать я завязал. Увлёкся книжками.

- Мне Александр Михайлович сказал, ты много читаешь. Серьезные книги. Получаешь от них удовольствие?

- Берите выше. Для меня чтение - отдушина. Но менять хлебную пайку на книжки не стал бы.

- Не хлебом единым, знаешь, жив человек.

- То правда, когда хлеба досыта, а когда его нет, то сидит он в печенках.

Шая замолчал, докуривал свою сигарку, молчал и Робинзон. Вероятно, это был удобный момент извиниться, или дать понять, как сказал Сафьян, но Шая чувствовал, что получится глупо. Посидели вместе, покурили, поговорили, как люди, - что еще нужно? Он сделал движение, показывая, что ему пора, Робинзон пожал ему руку, без силы, два раза.

- Спасибо, дружок. Пока на свете есть такие ребята, как ты, еще не все потеряно.

- Вы так не расклеивайтесь, Амос Исаевич, это нехорошо. И не бойтесь никого. У вас кулаки вон какие!

Едва заметная улыбка тронула лицо Амоса Генали, но тут же исчезла в табачном дыму, видно было, что навалилась на него усталость, да такая тяжелая, что не хватало сил даже курить, и он закрыл глаза. И как всегда, при закрытых глазах, лицо его стало выразительным. Высокий лоб и мефистофелев бугор над межбровьем, казались вылепленными.

Первый раз жалость к этому человеку, какой ни есть, шевельнулась в душе Шай.

Ночью Шае снился родной город, улица Ленина, центральная, мощеная тесаным гранитом, огромная черная толпа народу, как на демонстрации, но это была не демонстрация; все высыпали из домов и в тревоге

прислушиваются к гулу, движущемуся откуда-то на город. Ничего не видно, но гул приближался, стали различимы в нем рокот моторов и лязг гусениц. Вдруг всех осенило: танки! Кто-то отчаянно завопил:

- Танки! Тикайте!

И все бросились очертя голову бежать вниз по Ленинской, толпа, с которой несся Шая между белыми домами, быстро урежалась, кто сворачивал в переулок, кто во двор, успеть спрятаться дома. Шая остался один, бежал со всех ног домой, но вдруг вспомнил, что дома его нет, что немцы снесли его, он не остановился, а продолжал удирать от настигающего его грохота и лязга, не соображал толком, куда бежит, свернул с Ленинской, пронесся мимо почты, и теперь уже знал, что бежит к реке, к Бугу, и там на крутом его берегу в бурьяне спрячется. Ему надо было пересечь Первомайскую, параллельную Ленинской, он выскочил на нее прямо перед надвигающимся танком с черным крестом на борту, и у него перехватило дыхание.

...У него перехватило дыхание, он резко сел на койке, сердце у него бешено колотилось. Фу, черт! Все чаще снится ему эта похабень - что погибает.

Арье Бацаль Чепуховинка

*Императрица Доброта корону продавала,
Чтобы голодных накормить,
Но новая над ней корона засияла,
Такую не купить.*

Я помню себя с четырёх лет. Что было до этого, тоже вспоминается, но смутно и не полностью. А с четырёх всё очень чётко. Помню, мы с мамой шли по парку, и моё внимание всё время отвлекалось на бабочек, на камешки у края аллеи, на лягушку, которая вдруг выпрыгнула из травы. Потом мама замедлила шаг и сжала мою руку. Я подняла на неё глаза. У неё было растерянное лицо. Навстречу шёл высокий дядя. Он остановился напротив нас.

- Мирьям! - удивился дядя, - ты ли это? Привет! Сколько лет!

- Привет, Ариэль! - мама вдруг отпустила мою руку.
- Как ты здесь оказался?

Я спряталась за маму и оттуда с любопытством поглядывала на дядю.

- В больнице вашего города нужна была срочная нейрохирургическая операция, а хирург в отпуске. Вот меня и вызвали. - Он помолчал. - Как поживаешь, Мирьям? Это твоя девочка?

- Моя.

- Сколько ей? - его пристальный взгляд пугал меня.

- Четыре годика.

- А как её зовут?

- Ариэла.

- У неё моё имя, - отметил дядя, - и лицо тоже.

- Это тебе показалось, - мама решительно взяла меня за руку. - А называли её в честь бабушки.

- Мирьям... - дядя хотел возразить, но мама прервала его.

- Извини, Ариэль, я очень тороплюсь. Всего хорошего.

Мы двинулись дальше. Я сразу же оглянулась. Он продолжал стоять на аллее, глядя нам вслед.

- Не оглядывайся, это неприлично, - мама достала сигареты и закурила.

Взрослые нередко недооценивают детей. Конечно, в то время мне было не по силам разобраться в услышанном. Я сделала это позже, поскольку всё запомнила. А тогда моё внимание привлекли слёзы на мамином лице.

- Почему ты плачешь, мама?

- Что ты, Ари, придумываешь? - возмутилась она. - Просто в глаз попала соринка.

- Наверно, тебе попали соринки в оба глаза?

- Ох, Ари, какая же ты нудная.

Последнее слово было незнакомое. Интересно, знает ли его папа? До самого дома мы больше не разговаривали. Возле дома нас ждал папа. Увидев меня, он присел на корточки, расставив руки, и я бросилась в его объятия. Мне было необходимо сообщить ему очень важные новости.

- Папа, папа, ты знаешь, кто я?

- Знаю. Ты солнечный зайчик.

- Нет, папа, я нудная! - я наслаждалась произведённым впечатлением. - Я такая нудная!

- Вы можете погулять пол часика, - улыбнулась мама, - пока я приготовлю ужин.

Мы направились к парку. Мама всегда была задумчивой и часто курила. Ей приходилось делать усилие, чтобы оторваться от своих мыслей и поговорить со мной. А папа целиком был сосредоточен на мне. С ним гулять было намного интереснее.

- Ты слышишь? - я остановилась у куста, из-за которого доносилось тихое повизгивание.

Мы заглянули за куст и увидели щенка. Он держал навесу переднюю лапку и жалобно скулил.

- Это спаниельчик, - папа присел возле него на корточки. - У бедной собачки нет мамы, и болит лапка. Такая крохотная, ну просто чепуховинка какая-то.

- Чепуховинка?! - в этом слове было что-то трогательное и доброе.

Папины родители были из России, и он объяснил мне, что это русское слово означает нечто маленькое, незначительное, почти несуществующее. Потом он встал и взял меня за руку.

- Папа, а как же Чепуховинка? У неё же нет мамы, и болит лапка. Давай возьмём её к себе.

Я смотрела снизу вверх глазами, полными слёз. Этого вынести он не мог.

- Но что скажет мама? И кто будет за щенком ухаживать?

- Я буду ухаживать, - в этом не было никаких сомнений.

- Ну, хорошо, - пробормотал папа, - но мама будет против.

Он взял Чепуховинку на руки, и мы пошли домой. Войдя в квартиру, я побежала на кухню.

- Мама, мы с папой принесли Чепуховинку.

- Хорошо, - она расставляла на столе посуду, - сейчас будем ужинать. Мойте руки и за стол.

В это время в проёме кухонной двери показался папа.

- Мирьям, мы тут с Ариэлой кое-что принесли, - вид у него был смущённый, почти виноватый.

- Я уже знаю, чепуховинку. А что это такое?

- Это щенок спаниеля. Его просто кто-то выбросил. Я постелил ему в прихожей газету.

- Что?! - мама смотрела на папу остекленевшими глазами, в то время как щенок появился у папиных ног и сразу же заковылял к столу.

- Вы что, с ума сошли?! - взгляд мамы остановился на мне, - Ариэла, быстро мыть руки.

Мама всегда отсылала меня, когда собиралась ругать папу. Но я лишь скрылась из виду и остановилась, вслушиваясь в их разговор.

- Мирьям, я всё понимаю. Но Ариэла очень просила взять его с собой.

- Ничего ты не понимаешь, Ешуа, - выкрикнула мама. - Собаку нужно кормить, мыть, убирать за ней, делать прививки, выгуливать. Это всё равно, что второй ребёнок. Её нельзя оставлять одну дома, она загадит квартиру и будет скулить на весь дом. Соседям это не понравится. Ариэлу можно понять, она ребёнок. Но ты, взрослый человек, как ты мог так поступить?

- Я и поступил, как взрослый, - тихо ответил папа. - Не мог же я преподать ребёнку урок жестокости. Она запомнила бы его на всю жизнь.

- Нет, вы только на него посмотрите! - распалилась мама. - Послезавтра, в воскресенье, мы пойдём на работу, Ариэлу отведём в садик, а что делать с собакой?

- Мы подумаем, - пообещал папа.

- Он подумает! Бери щенка и неси его туда, откуда взял!

Заливаясь слезами, я бросилась на кухню.

- Папа хороший. Это я во всём виновата. А у Чепуховинки нет мамы и болит лапка. Она же совсем крохотная. Разве её можно выбрасывать?!

- Ну вот, - мама в отчаянии всплеснула руками, - не успеваю я слова произнести, как у тебя появляется защитница. И так всегда. Да вы меня просто терроризируете!

- Ну что ты, Мири, - папа незаметно подмигнул мне, - мы тебя очень любим.

- Да, мама, - поддержала я, - мы тебя очень любим.

- Не подлизывайтесь, - она отвернулась и выдержала короткую паузу, - поговорим потом. А сейчас за стол. Хотя... Это чудище тоже нужно накормить. А что ему дать?

- Ужасному, злему, дикому зверю не больше полутора месяцев, - рассудил папа. - Чем питалась наша Ариэла в таком возрасте?

- Ужасному, злему, дикому зверю нужно налить в блюдце молочка, - догадалась я.

Мама так и сделала и, сверх того, накрошила в молоко немного хлебной мякоти. Чепуховинка стала жадно

опустошать блюдце. Она даже опустила на пол больную лапку. Потом она облизалась, благодарно повиляла хвостиком и сделала возле блюдца лужицу.

- Вот, - воскликнула мама, - это только начало прелестей, которые нас ожидают.

В субботу мы отправились в парк на прогулку. Я несла Чепуховинку на руках, а потом отпустила. Но она, глупая, понеслась по аллее в противоположную сторону. Я догнала её у скамейки, на которой сидели два дяди. Они смотрели на моих родителей и беседовали.

- Смотри, Ури, какое вызывающее несоответствие, - заметил один из них. - Жена такая высокая, стройная и красивая, а муж низкорослый, невзрачный, какой-то никудышный.

Он говорил о папе, и его слова возмутили меня до глубины души. Мне хотелось закричать: "Неправда! Мой папа хороший. Он самый лучший! Я его люблю больше всех!"

- Видишь ли, Дани, - возразил второй дядя, - кроме внешности у людей есть ещё кое-что.

Я, наконец, поймала беглянку и догоняла родителей. "Наверно, в этом всё дело, - думала я, - у папы есть ещё "кое-что", и этого "кое-что" у него много. Очень много. Поэтому он лучше всех".

Что касается Чепуховинки, я не стану рассказывать все подробности. Скажу только, что папа договорился с соседкой-пенсионеркой, у которой был пудель. Родители оставляли у неё нашего щенка, когда уходили на работу, и забирали после возвращения. За это ей немного платили. Через год мы решили отказаться от помощи соседки. Но она изъявила готовность ежедневно, в полдень, бесплатно прогуливать нашу собаку вместе со своим пуделем. Так Чепуховинка стала неотъемлемой частью нашей семьи и неизменным участником прогулок и выездов на природу.

В Израиле в любое время года можно увидеть цветущие растения. Но весной страна превращается в настоящее царство цветов. Воздух напоён ароматом цитрусовых садов, а гористая пустыня Негев покрывается красными каланиётами - разновидностью анемонов.

Полюбоваться этим зрелищем мы и отправились на автомобиле в одну из суббот. Папа с мамой на передних сидениях, а мы с Чепуховинкой сзади. Мне было уже двенадцать лет.

Долина анемонов расположена недалеко от потухшего вулкана Большой Махтеш вблизи городка Ерухам. Мы съехали с дороги в сторону долины метров на десять и остановились. Вышли из машины и любовались сказочным морем ярко-красных цветов. Потом решили перекусить. Нашли местечко с достаточным количеством каменных глыб, на которых можно и присесть и развернуть снесь. Я села на небольшой, гладкий камень. Он слегка покачивался, что мне даже нравилось. Но Чепуховинка моего выбора не одобрила. Она обляяла мой камень со всех сторон, а потом принялась стаскивать меня с него, ухватив зубами за полу куртки.

- Чем-то Чепуховинка не довольна, - заметил папа.

- Она хочет сидеть со мной рядом, как всегда, - нашла я объяснение, - а здесь места не хватает.

На этом мы и успокоились. Но не Чепуховинка. Она отошла от меня на пару шагов и продолжала лаять обиженно и тревожно. И вдруг у мамы из рук вывалился нож.

- Змея! - мама смотрела на меня, и её побледневшее лицо застыло от ужаса.

Я увидела её буквально в двух сантиметрах от своей голой ноги. Бежать было уже поздно. Она была жёлтая с черным протекторным рисунком на спине, длиной около метра и довольно толстая. Позже я узнала, что это ближневосточная гадюка Сефа. Весной у неё повышенная агрессивность. Я потревожила её, раскачивая камень, под которым она пряталась.

Среди нас, застывших от ужаса, только Чепуховинка не растерялась. Она мгновенно вцепилась зубами в змеинный хвост. Сефа ответила ей молниеносным ударом в нос. Это позволило мне отбежать в сторону, а Чепуховинка отпустила змею, отскочила назад и жалобно закулила. Змея же несколько секунд раскачивала приподнятой передней частью тела, затем начала медленно уползать под камень. Мы с папой бросились к Чепуховинке.

У неё на обнажённом участке носа выступила кровь. Это было место змеиного укуса.

- Мирьям, собери всю еду быстренько в скатерть и потом в багажник, - распорядился папа, - Поедем в Ерухам. А пока мы попытаемся удалить яд.

Я держала Чепуховинку, а папа пытался выдавить из ранки на её носу побольше крови. Но существенных результатов это не дало. Потом электрическим проводом, найденным в багажнике, мы наложили жгут на верхнюю челюсть Чепуховинки повыше ранки. Минут через семь наша машина уже была на пути в Ерухам. В субботу ветлечебница не работала, и мы направились в полицейский участок. Там помогли нам дозвониться до квартиры ветеринара.

С момента укуса прошло около часа, когда ветеринар начал осматривать собаку. Он сказал, что шансов практически нет, потому что змеиный укус тем опаснее, чем ближе к голове. Всё-таки папа уговорил его сделать инъекцию противозмеиной сыворотки. Мы возвращались домой, снабжённые инструкциями ветеринара. Чепуховинка без движения лежала на заднем сидении машины рядом со мной. Я держала ладонь на её распухшем, горячем носу и молилась.

- Боженька, милый, хороший, добрый, пожалуйста, спаси Чепуховинку! Не дай ей умереть!

Но часа через два Чепуховинки не стало. Пелена траура опустилась на нашу семью. Я возвращалась из школы в опустевшую квартиру, где не было уже мохнатого, ушастого друга, который радостно бросался ко мне, виляя хвостом и тыкаясь мокрым носом в мои руки. И дружба эта была непоказная. В решительную минуту Чепуховинка без колебаний отдала свою жизнь, чтобы спасти меня. Её гибель никак не изглаживалась из памяти. Смерть была постоянной и неотъемлемой частью жизни. Она присутствовала рядом и была непредсказуемой. Я не формулировала эти мысли в словах. Они стали частью моего мироощущения.

Как-то вечером я готовила уроки. Потом сделала перерыв и отправилась на кухню. Мама стояла у газовой плиты, а папа менял прокладку водопроводного крана. Я

молча достала из холодильника баночку йогурта, выпила его и пошла обратно.

- Она почти не разговаривает, - донёсся до меня мамин голос. - Ходит, как тень.

- Не может забыть Чепуховинку, - объяснил папа.

Через несколько минут они постучали в дверь моей комнаты, вошли и остановились у порога.

- Хочешь, Ари, мы снова заведём собаку? - это говорила мама, которая вечно ворчала, что Чепуховинка везде оставляет свои волосы и после прогулки лезет с грязными лапами на диван.

- Нет, не хочу.

- Почему?

- Потому, что это будет не Чепуховинка.

Я окончила школу с высокими баллами и по успеваемости и по психотесту. Передо мной открывались двери израильских университетов. Но сначала предстояла служба в армии. Перед моим уходом на службу родители устроили вечеринку и пригласили своих друзей - тётю Дафну и дядю Элиезера. Пришли и одноклассники - Рахель и Ноам. Ноам был признанным красавцем нашего класса. Девчонки заглядывались на него, а он на меня. Но его недвусмысленное внимание не вызывало во мне ответного чувства. Я вообще не любила красавцев.

- Какую девчонку вырастили! - говорила тётя Дафна, оглядывая мою фигуру. - Высокая, стройная, красивая. В кого же это ты такая?

- Да, - поддержал её дядя Элиезер, - я тоже об этом подумал. Такая же задумчивая, как мать, и такие же манеры, как у отца, но, в основном, видимо, в какого-то дедушку или в бабушку.

В ответ на их слова папа улыбнулся, а мама украдкой бросила на него обеспокоенный взгляд.

Девушки в израильской армии, преимущественно, выполняют функции, прямо не связанные с боевыми действиями. Я служила в штабе авиационной части и каждую субботу приезжала домой. Через год, в один из таких приездов, папа сообщил мне, что мама серьёзно больна.

- У неё рак груди, - пояснил он. - Проблема в том, что она обратилась к врачу слишком поздно.

- Что значит слишком?

- У неё рак третьей степени. Врач сказал, со второй степенью ещё на что-то можно было бы надеяться.

- Но почему, папа? Ей же всего сорок три года! - как будто мои слова что-то могли изменить.

- Она очень много курила, - он достал из ящика стола бумагу. - Вот заключение врача. Тут есть графа "Иксспектед лайф" - ожидаемая продолжительность жизни.

Там было написано "Двенадцать месяцев". Вот она, непредсказуемая смерть, которая всегда рядом. Вскоре мама вернулась от тёти Дафны, и я бросилась к ней на шею.

- Что с тобой, доченька? Ты всегда такая сдержанная.

- Просто, мама, я по тебе очень соскучилась.

Прослужив год и восемь месяцев, я вернулась домой, и мы с родителями обсуждали, в какой университет мне поступать. Остановились на Иерусалимском Еврейском университете. Я хотела стать фармацевтом. К моменту моего отъезда на учёбу, мама уже перенесла операцию и носила парик, потому что курс химиотерапии вызвал выпадение волос. Я по-прежнему приезжала домой по субботам. И каждый раз к моему приезду мама делала тщательный макияж. Она не хотела пугать меня видом своего измождённого лица. Через три месяца её состояние значительно ухудшилось, и она попала в больницу.

- Папа, может мне не уезжать? - заколебалась я.

- Нет, доченька, ты должна учиться. Если что, не дай Бог, я тебя вызову.

Он позвонил уже в среду, сказал, что мама хочет со мной поговорить. Я приехала в четверг. Папа всё время был рядом с больной. На работе он взял отпуск. Увидев меня, мама слабо улыбнулась.

- Ешуа, раз Ари здесь, сходи домой, прими душ, позавтракай, - предложила она.

Папа помолчал и вышел из палаты. Я опустилась на стул рядом с маминой койкой.

- Мне подключили капельницу, - она избегала моего взгляда. - Но я же медик, я знаю, это наркотик, подавляющий боль. Его дозу будут увеличивать. Вот я и попросила папу вызвать тебя, пока я ещё хорошо соображаю. Мне необходимо рассказать тебе что-то очень важное.

Я держала её за руку и никак не могла справиться со слезами. Мама начала спрашивать меня об учёбе, о друзьях. Она никак не решалась заговорить о том, что считала очень важным.

- Ты хочешь рассказать мне об отце? - отважилась я прийти ей на помощь.

- О каком отце? - испугалась мама.

- О том, которого мы с тобой случайно встретили парке, когда мне было четыре года.

- Кто тебе сказал?

- Никто. Просто я запомнила всё, что вы говорили, а став взрослой, кое-что поняла.

- Это удивительно! - её глаза заметно оживились. - Но раз ты что-то знаешь, я расскажу. Его зовут Ариэль Гальпер - нейрохирург в иерусалимском госпитале "Хадасса". Он был красивый и очень талантливый. Я, молоденькая медсестра, сразу же потеряла голову. И он не пренебрёг мною. Но потом, когда я забеременела, он дал понять, что о браке речи быть не может, и предложил помочь избавиться от ребёнка. А я, что называется, закусил удила. Прервала наши встречи, уехала в Беэр-Шеву и устроилась в здешний госпиталь "Сорока".

Для мамы эта речь была утомительной. Она закрыла глаза, а я сидела рядом, не выпуская её руку. Немного отдохнув, она продолжила.

- Здесь мы и познакомились с твоим папой. Он монтировал медицинское оборудование в нашем отделении и не сводил с меня глаз. На следующий день принёс мне цветы.

- Тебе он понравился?

- Да. В нём было что-то очень надёжное. Но я уже никому не верила. Я прямо сообщила ему, что беременна. А он спросил, какие у меня отношения с отцом будущего

ребёнка. И когда узнал, что их нет и быть не может, сделал мне предложение.

- И ты согласилась?

- Не сразу. А когда согласилась, поинтересовалась, не хочет ли он, чтоб я сделала аборт. Но он даже слышать об этом не хотел. И потом, в течение двадцати лет совместной жизни, он был таким преданным, любящим, терпеливым. Его нельзя было не полюбить. А какой он отец! Мне казалось, ты его любишь даже больше, чем меня. Счастлив тот, кому в жизни встречается такой человек.

- А нейрохирург знает о моём существовании? - осмелилась я.

- Да. После встречи в парке мы виделись ещё один раз. Он приезжал по делам в нашу больницу.

Мама умерла через четыре дня. От этого удара я не могла прийти в себя несколько лет. Возвращаясь к мыслям о маме, я каждый раз заново переживала историю её отношений с моим биологическим отцом. А ведь он находился в Иерусалиме, совсем рядом. Нет, особого желания знакомиться у меня не было, но взглянуть на него, наверно, следовало бы. Эта мысль постепенно обретала форму решения. Я уже была на третьем курсе университета. Узнать по телефону часы приёма больных доктором Ариэлем Гальпером не представляло большого труда.

И вот я в больнице Хадасса, сижу в конце очереди из пяти человек. У всех у них на руках результаты обследований. Доктор Гальпер должен определить, нужно ли их оперировать. Сначала в кабинет прошла симпатичная медсестра, моя ровесница. Потом появился сам доктор, статный, с проседью на висках и неопределённой полуулыбкой на лице. У него был мой овал лица, мои губы, подбородок. На первых двух больных ушло двадцать минут, и я, прикинув время, решила сходить в банкомат у входа в больницу, чтобы снять нужную сумму. Там тоже была очередь. Я вернулась, казалось бы, вовремя, но перед кабинетом уже никого не было. Может быть, последний больной как раз сейчас в кабинете? Я тронула дверь, заглянула в образовавшуюся щель и тут же отшатнулась.

Доктор Гальпер и медсестра целовались, стоя посреди кабинета.

Я брела домой, и никакого желания встречаться с доктором Гальпером у меня уже не было. Он ведь тоже мною не интересовался. Я силилась разобраться в его личности, вспоминая черты и, в особенности, выражение лица. То была улыбка Нарцисса? Да. Скольким действительно красивым и талантливым людям не удалось избежать этого комплекса. Очевидно, самолюбование так и не позволяет им достичь духовной зрелости.

В пятницу я возвращалась в родной город. От автобусной станции дорога домой пролегла через парк. У входа на боковую аллею сидел на корточках парень и гладил по головке щенка. Что-то мучительно знакомое сладко заняло у меня под сердцем. Я подошла.

- Его, наверно, кто-то бросил?

- Очевидно, - парень взглянул на меня и сразу же отвёл глаза, - искалечили и бросили. А какой он красивый, ты видишь. Настоящий лабрадор.

Щенок лежал на животе, неестественно вытянув передние лапы, и тихо скулил.

- Что с ним? - я опустилась на корточки рядом.

- У него повреждены передние лапы.

- Боже мой, какой крохотный, - у меня навернулись слёзы, - совсем чепуховинка какая-то.

- Что? Чепуховинка? Я его так и назову, если удастся выходить.

- Как ты собираешься его выхаживать?

- Мне бы только за машиной сходить, - он смотрел на меня со сдержанным восхищением. - Я хочу показать его ветеринару.

- Сходи, - предложила я, - а я пока побуду со щенком.

- Спасибо. Я вернусь минут через двадцать.

Он быстро зашагал к выходу из парка. Это был крепкий парень лет двадцати трёх, небольшого роста и неприметной внешности. Он вернулся через двадцать минут и взял щенка на руки.

- Мне тоже хотелось бы узнать, что скажет ветеринар, - робко промолвила я.

- Тогда помоги мне. Пока я буду управлять машиной, щенка кто-то должен держать.

Его аргумент был неубедительным, но я им воспользовалась. Между нами начиналась игра, у которой была своя логика. Вскоре мы стояли у ветеринара. Он осмотрел щенка и обернулся к нам.

- У него раздавлены кончики передних лап, снизу имеются разрывы. Может быть, на них наступили, или переехали. Но основные суставы не повреждены.

- Его можно вылечить?

- Я обработаю и перевяжу ему лапы, сделаю укол и дам таблетки. Если за ним ухаживать, через недельку начнёт ходить и станет нормальной собакой. Это стоит денег. Вы согласны?

- Согласны, - произнесли мы одновременно и засмеялись, глядя друг на друга.

- Ты возьмёшь его домой? - поинтересовалась я, когда мы вышли из ветлечебницы.

- Нет. Домой не получится. Я отнесу его в контору гаража, в котором работаю.

- А что скажет хозяин?

- Это мой отец. Я с ним договорюсь. А Чепуховинка потом станет сторожем и своё отработает.

- Чепуховинка, - уточнила я. - Мне хотелось бы узнать, как у неё дела?

- Пожалуйста. Моё имя Шалев. Запиши телефон.

- А меня зовут Ариэла, - я записала его номер и протянула ему листок со своим телефоном.

Наша квартира блистала чистотой. Папа делал всё, чтобы дом не потерял для меня привлекательности. Мы поужинали, и он стал спрашивать о моей жизни в Иерусалиме.

- А ты, папа, как справляешься? Нелегко же работать и самому вести домашнее хозяйство?

- Я уже привык.

- Папа, ты ведь совсем не старый. Я хотела тебе сказать, но всё не решалась. Если ты захочешь как-то

устроить свою жизнь, я отнесусь к этому с пониманием. Я не возражаю.

- Спасибо, доченька. Но сначала ты должна окончить университет. Кроме того, я хотел бы выдать тебя замуж. А потом посмотрим.

- Замуж? Это может быть очень нескоро.

- Почему? Тебе уже минуло двадцать лет. В таком возрасте девушке пора об этом подумать. Я помню, за тобой ухаживал Ноам, симпатичный парень. Вы не поддерживаете связь?

- Нет. После школы он целый год звонил мне. Но я не подала ему никаких надежд.

- А в армии разве за тобой никто не ухаживал? Там же столько замечательных ребят.

- Да. Моего расположения добивался один молодой офицер, инженер электроник. Девчонки говорили, красавец. Но он не вызывал у меня ответных чувств.

В это время зазвонил мой сотовый телефон.

- Извини, Ариэла, это Шалев. Я неплохо устроил Чепушинку в конторе, постелил ей старый коврик. Но накормить её никак не удаётся. Дал сосиску, а она только урчит, но не ест.

- Во-первых, Шалев, она не Чепушинка, а Чепуховинка. Постарайтесь запомнить. А во-вторых, она слишком маленькая. Ей нужно молочко. Накроши туда немного хлебной мякоти.

- Шалев? - удивился папа, когда я положила телефон. - Значит, есть у тебя парень?

- Есть, - этот ответ был неожиданным даже для меня самой.

- Ты можешь мне хоть немножко рассказать о нём?

- Могу. Он здешний, лет двадцати трёх, ростом с меня, внешность неприметная.

- Какое у него образование?

- Очевидно, он окончил школу. Работает в гараже.

- Что же ты в нём нашла?

- Ничего особенного, папа, если не считать одной сущей чепуховинки. Он очень добрый.

- Ты можешь нас познакомить?

- Я постараюсь.

Утром позвонил Шалев. Но я, увидев его номер, выключила телефон. Мне было стыдно за своё вчерашнее поведение. Нельзя так вешаться на шею малознакомому парню. Он, наверно, уже решил, что я у него в кармане. В течение субботы Шалев так же безответно звонил ещё несколько раз. Вечером я уехала в Иерусалим. На следующий день звонки продолжались, но я не дрогнула, хотя всё время только о нём и думала. Передо мной был мамин пример. Если девушка теряет голову, она совершенно безоружна. Так прошла неделя и наступила пятница. Я возвращалась домой через парк и вдруг у входа в боковую аллею увидела знакомую фигуру с крохотным щенком на руках. Неужели это судьба?

- Здравствуй, Шалев.

- Привет, Ариэла! Как хорошо, что я тебя встретил, - он заметно волновался. - Я решил, что ты в пятницу в то же самое время можешь опять здесь появиться. И не ошибся.

- А зачем я тебе?

- У тебя, возможно, есть опыт выхаживания щенков.

- Шалев, мой папа большой специалист по бездомным щенкам. Я познакомлю вас. Пойдём.

Папа открыл дверь и с интересом взглянул на моего спутника.

- Здравствуй, папа! Я обещала показать тебе своего парня. Знакомься, это Шалев.

- Ешуа, - папа пожал руку гостю и пригласил нас войти.

Я взяла щенка и отправилась на кухню. Когда я принесла кофе, они оживлённо беседовали, сидя на диване. Папа устроил гостю форменный допрос. Этот разговор продолжался и за столом.

- А где ты служил? - спрашивал папа.

- В воздушно-десантных войсках, в бригаде Гивати. Я участвовал во Второй ливанской войне.

- Но после армии ты мог поступить в университет?

- Насчёт университета не уверен, - скромно заметил гость, - а в колледж меня бы приняли. У меня неплохой багрут (израильский аттестат зрелости – А.Б.). Но мой отец,

офицер-резервист, тоже участвовал во Второй ливанской и был тяжело ранен. Года полтора он не мог работать, перенёс несколько сложных операций. Наш семейный бизнес, гараж по обслуживанию автомобилей, оказался под угрозой. Мне пришлось заменить отца.

- У вас большая семья?

- Родители, две сестры и младший брат. А гараж - основной источник нашего благополучия.

- Но как ты мог заменить отца? Эта же работа требует высокой квалификации.

- Да, - согласился Шалев. - Но я, начиная с седьмого класса, каждое лето работал в гараже и кое-чему научился. Да и отец помогал своими консультациями.

- Нелегко было?

- Разумеется. Я работал без выходных, иногда по четырнадцать часов в день.

- Ты работал? - не понял папа. - А сейчас что-то изменилось?

- Конечно. Отец поправился, вернулся к работе, и теперь я надеюсь поступить в колледж.

- Это было бы замечательно!

Наступила короткая пауза.

- Вы давно знакомы с Ариэлой? - поинтересовался папа.

- Мне кажется, давно. Но мне очень хотелось встретиться с вами.

- Зачем?

- Чтобы попросить у вас руки вашей дочери. Я люблю её. Она очень, очень красивая.

- Что?! - растерялся папа. - Но ты должен поступить в колледж. Это моё условие, - произнёс он как-то невпопад и, спохватившись, добавил: - А что думает она сама?

В этом представлении, поставленном самой жизнью, простой, маленький человек сдавал свой главный экзамен на счастье. Этим человеком был Шалев, а я как будто числилась среди увлечённой публики. Но вот я вдруг из безответственной зрительницы превратилась в главную героиню, стоящую на сцене в ярком свете рампы. Я пыталась скрыть своё смятение под маской

непроницаемости. Этот паренёк, добрый и надёжный, проявил отчаянную смелость, столь неожиданно попросив моей руки. Его смелость завораживала. "Счастлив тот, кому в жизни встречается такой человек", - вспомнила я мамыны слова.

- У меня тоже есть условие, - я постаралась придать своему голосу холодность, - ты должен правильно произнести имя своей собаки.

Папа смотрел на меня с недоумением, в то время как Шалев сразу же принялся за дело.

- Чепушиновка? Нет. Чепухошинка? Нет. Я сейчас. Че-пу-хо-вин-ка. Вот. Чепуховинка!

- К сожалению, - я развела руками, - всё правильно. Я просто вынуждена дать своё согласие.

- Подождите! - папа, наконец, пришёл в себя. - У меня в буфете стоит бутылка "Къянти".

Он в два счёта достал и откупорил вино, извлёк из буфета три рюмки и наполнил их.

- Как жаль, что нет с нами мамы! - очевидно, в эту минуту папа не мог не думать о ней.

- Моя мама умерла два года тому назад, - тихо ответила я на немой вопрос в глазах Шалева.

- Давайте всё-таки выпьем, - предложил папа после минутного молчания.

Мы пили вино и закусывали тортом. Потом наступил час, когда Шалев стал прощаться с папой. Я пошла его провожать. Мы вышли из квартиры, спустились этажом ниже и вдруг услышали папин голос.

- Ребята! Вы забыли Чепуховинку!

Роланд Кулесский

Жизнь души в ранге метафоры

Мистическое в романах И.Б. Зингера
"Шоша" и О.Уайльда "Портрет Дориана Грея"

*- Что же вы сидите в темноте, хотела бы
я знать? Хаймл улыбнулся:*

- Мы ждём ответа.

"Шоша"

*Под влиянием какой-то качественно
напряжённой скрытой жизни портрета
проказа порока постепенно его разъедала.*

"Портрет Дориана Грея"

Введение

Символика "Портрета Дориана Грея" загадочна и, вопреки некой "усталости" темы, продолжает волновать и искать разгадку. Вероятно, прав А.Аникст, говоря, что этот вымысел красив и что Уайльду этого было достаточно, так что любой вариант разгадки будет правильной для того, кто её предложит.

Как представляется автору, это мистический роман о "проказе порока", поражающей и разъедающей душу человека высокого интеллекта, успешно скрывающего свои (не всегда очевидные по последствиям) преступные действия, - преступные с позиций иудео-христианской морали. Возможно, именно, подобные Дориану, люди мировой элиты не только оказывали поддержку деспотическим режимам и Сталина, и Гитлера, но и накануне второй мировой войны приняли ряд катастрофических для еврейского народа решений (достаточно упомянуть Эвианскую конференцию 1938 г.), отдавших евреев Европы в руки нацистов для физического

уничтожения. Заметим, что всегда можно оправдываться незнанием последствий своих действий, но незнание само по себе безнравственно.

Обстановка, сложившаяся после Эвианской конференции в Варшаве, о которой повествует Зингер в "Шоше", ставит перед героем проблему поиска линии поведения в обстановке крушения идей всех авторитетов. То есть "Шоша" – роман **об одиночестве человека, мистический по сути, и о поиске пути, "чтобы жить человеку в его положении и быть в согласии с внешним миром и в ладу с самим собой"**.

Тем самым, оба романа, дополняя друг друга, представляют модель мира, в которой, с одной стороны, можно поставить людей, дорианов, убеждённых в

необходимости очистить мир путём уничтожения миллионов (Сообщество Зла), а с другой, - стремящиеся спастись от убийц.

Заметим, что о "Шоше" часто говорят как о еврейской "Лолите", пытаясь тем самым поставить этот роман в особое положение в мировой литературе рядом с "Лолитой" Набокова. Однако стоит заметить, что Набоков в "Лолите" повествует о земной любви-страсти в рамках сомнительной этики на грани сексуальной патологии, а Зингер в "Шоше" - о целомудренности и цельности человеческой натуры, о духовности и верности в любви.

Можно видеть в Шоше *"дурочку, посланную как спасение интеллектуалу, хасиду... отпрыску раввина... И потому, он же, изоцирэнный писатель Аарон Грейдингер» - и он же Ареле, Цуцик, "которого знают в Америке, отказывается и от спасительной визы, и от искренней помощи влюблённых в него поклонниц, разумных и практичных, заокеански благополучных, - он женится на блаженной дурочке и остаётся с ней ждать своей судьбы"*. И далее: *"почему женится на "дурочке, блаженной", на девочке Шоше, место которой в лечебнице? - не знаю, отвечает герой"*. Это как бы тоже патология (как у Набокова), но в духовной сфере.

Согласись, читатель, что такое видение удовлетворяет лишь первый взгляд, однако лишает образ Шоши той глубины и тайны, которые непреодолимо притягивают и читателя, и героя, не дают последнему с ней расстаться, вопреки любым доводам рассудка и обстоятельств.

Мистическое в Портрете: договор с Дьяволом

Сюжет "Портрета Дориана Грея" всегда будет завораживать воображение своей иррациональностью, фактически, тем, что мистическое привлекается как модель реального.

Действительно, Дориан получает в подарок свой портрет, отражающий его душевную чистоту, целомудренность и красоту молодости (на момент позирования Дориан несовершеннолетний): *"...я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно*

молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если бы могло быть наоборот! Если бы старился портрет, а я навсегда остался молодым! За это я бы отдал всё на свете... Душу бы отдал за это!"

И хотя дьявол не появляется перед ним, как перед Энохом Сомсом (герое одноименного рассказа М.Бирбома), чтоб скрепить договор, но готовность отдать душу получает воплощение в реальности, как если бы дьявол присутствовал в этой сцене..

После самоубийства Сабины Вейн, виной которому был Дориан, он впервые видит изменения в портрете: *"Дориан протёр глаза и, подойдя к портрету вплотную, снова стал внимательно рассматривать его. Краска, несомненно, была нетронута, никаких следов подрисовки. А между тем выражение лица явно изменилось... человек на портрете смотрел на него с жестокой усмешкой, портившей его прекрасное лицо"*.

Ошеломлённый Дориан достаточно быстро приходит в себя: *"...если портрету суждено меняться, пусть меняется... ведь наблюдать этот процесс будет истинным наслаждением... Портрет станет для него волшебным зеркалом. В этом зеркале он когда-то по-настоящему увидел своё лицо, а теперь увидит свою душу..."*.

Следуя за наслаждением, Дориан идёт от падения к падению, каждый раз с вожделением наблюдая изменения в портрете. Его тайная, не на виду, жизнь наполняется

низменными пристрастиями, растлениями, убийствами, при этом Дьявольское стечение обстоятельств уничтожает все улики против него, которые могли бы привести его на скамью подсудимых.

Остаётся лишь единственный свидетель – портрет и в страхе ли перед случайным разоблачением, или в ужасе от содеянного, Дориан пытается его уничтожить. Однако портрет является его "материализованной" душой и бросаясь с ножом на портрет, Дориан убивает себя.

Мистическое в Шоше

Давайте предположим, что у И.Б.Зингера был художественный замысел представить происходящее метафорически как роман художника (его материального начала, тела) с его собственной душой, Шошей. Тогда многое из описанного в романе, а именно поступки главного героя, перестаёт быть загадочным для читателя и друзей Аарона. Действительно:

– Шоша – душа художника, так как она неизменна во времени, сохраняя детскость в течении всей жизни, неспособной и не предназначенной создавать ничего материального (*.. я не могу иметь детей...доктор сказал..*);

– покинуть Варшаву, уехать в Америку Аарон не видит для себя возможным, так как это значит предать свою душу, расстаться со своей душой, ведь для Шоши невозможно получить визу;

– жениться на Бетти, уехать в Америку, спастись от нацистов, обеспечить себя – значит бросить и убить Шошу то есть убить свою душу, (*.. я умру тысячу раз подряд, говорит Шоша.*);

– но жениться на Шоше значит примириться, понять, соединиться наконец-то со своей душой, многократно предаваемой и бросаемой (*...если всё идёт к тому, что придётся умереть, так умрём вместе...*).

– И Шоша умирает, когда погибает душа художника, уходящего из Варшавы в толпе беженцев, преследуемых нацистами: *"...Шоша умерла на следующий день, как мы ушли из Варшавы... как прамагерь Рахель... она умерла в точности, как мне однажды приснилось. Мы шли по дороге на Белосток. Близился вечер. Люди*

торопились, и Шоша не попевала за ними. Она начала останавливаться каждые несколько минут. Вдруг она села прямо на землю. А через минуту уже умерла... Думаю, она просто не захотела больше жить и умерла".

Концептуальная близость

Теперь нетрудно обнаружить концептуальные элементы сходства "Шоши" и "Портрета Дориана Грея".

Действительно, Портрет Дориана - это его "материализованная" душа. Пока Дориан предаётся пороку, Портрет изменяется, приобретая черты извращенца и негодяя. Уничтожение Портрета ведёт к гибели души - смерти личности, при этом Портрет наследует "ангельские" исходные черты Дориана, став "обычным" портретом.

Шоша – "материализованная" душа Аарона. Пока Аарон ведёт жизнь завсегдатая богемы, и его душа счастливо избегает порока, в памяти Шоши он духовно чист. Смерть Шоши – смерть для души Аарона, он "потухает" и

несёт в себе "ангельское" в духовном портрете Шоши, став "обычным" человеком.

Сообщество Зла

Жизнь оригинала – это жизнь Дориана “на виду”, то есть в глазах окруженья, которое не догадывается о его тайне:

Он прекрасен и юн, блестящий музыкант, интерпретатор Шопена и поклонник Вагнера, знаток и коллекционер музыкальных инструментов, обладатель безупречного вкуса и законодатель мод, увлекается дарвинизмом, искатель и знаток древней литературы, коллекционер и авторитет в драгоценных камнях, желанный и почётный гость аристократических салонов, и пр., короче, - предмет зависти и восхищения.

Как говорит ему лорд Генри, *“...вас боготворят и всегда будут боготворить. Вы тот человек, которого ищет наш век... и боится, что нашёл. Я рад, что вы не изваяли никакой статуи, не написали картины, вообще не создали ничего вне себя. Вашим искусством была жизнь. Вы положили себя на музыку. Дни вашей жизни – это ваши сонеты”*.

Внешне Дориан может служить портретом современного западного интеллектуала. гуманиста левой политической ориентации, борца за мир и демократию, поклонника мультикультурного общества, защитника прав личности и т.п. достоинств. Наряду с этим, он может разделять теорию "гнилого зуба" (изложенную Т.Манном в "Докторе Фаустусе"), который бесполезно лечить и следует удалить, имея в виду еврейский народ. Это множество дорианов и составляет Сообщество Зла.

Нравственная пропасть между портретом и оригиналом глубочайшая, у читателя возникает ощущение неизбежности катастрофы, однако не понятно, почему? Ведь Дориан мог бы вести свою, скрытую от людских глаз, жизнь сколь угодно долго. С этой точки зрения, символическому вымыслу *не хватает завершённости*. Ниже мы попытаемся найти её в Ветхом Завете.

Ветхий Завет о проказе

Ветхий Завет в части, касающейся обязанностей священников, содержит загадочные по смыслу, тёмные места, с рекомендациями на случай возникновения проказы на доме, стенах и одежде. К примеру (Левит 14 33-45): *“...на доме показалась как бы язва...придёт священник осматривать дом... если увидит, что язва на стенах дома состоит из зеленоватых и красноватых ямин...запрёт дом на семь дней...в седьмой день, если увидит, что язва распространилась по стенам дома, то выломать камни, на которых язва и бросить их вне города на место нечистое...и возьмут другие камни и вставят вместо тех камней... и если язва опять появится и будет цвести... то нечист он и должно разломать сей дом...”*. Аналогичные описания касаются проказы на одежде и стенах жилища.

Эти места всегда ставили в тупик комментаторов тем более, что нигде в исторических летописях не зафиксированы подобные сверхъестественные явления. Подавляющее большинство комментаторов склоняются к тому, что появление признаков такой проказы - предупреждение человеку, что его грехи (которые не видны людям, как в случае Дориана) замечены на Небе и что наказание неизбежно! Заметим, что как пишет О.Уайльд в романе, *“под влиянием какой-то качественно напряжённой скрытой жизни портрета проказа порока (выделено - РК) постепенно его разъедала”*.

То есть речь идёт о духовном падении человека или общества и последующем за это наказанием. Что касается Дориана, то его место в аду, как это, скорее всего, следует из аналогичных договоров с Дьяволом. Такая же судьба вероятно выпадет и современному Сообществу Зла. Если дополнить символический вымысел Уайльда таким развитием, он сможет приобрести большую завершённость

Время катастроф и духовный авторитет

Одна из главных тем романа – одиночество героя, когда он не способен довериться внешнему авторитету, ибо не видит такого для себя.

В Германии уже хозяйничал Гитлер, не скрывая своих намерений в отношении евреев, особенно после

позорной Эвианской конференции. Америка ввела иммиграционную квоту и её консульства, как и консульства почти всех стран отказывали евреям во въездных визах. В России начались массовые чистки и бежавшие из Польши в Россию евреи уничтожались как немецкие шпионы. Английские корабли не пропускали беженцев в Палестину. Весь мир хотел в очередной раз наконец-то покончить с евреями.

Marc Chagall

Lovers in the moonlight

Говорит Аарон: *"приходя в библиотеку, я ощущал проблеск надежды: может быть, в одной из этих книг я найду ответ на свой вопрос – как жить человеку в моём положении и быть в согласии с внешним миром и в ладу с самим собой? Я не нашёл ответа – ни у Толстого, ни у Кропоткина, ни в Писании. Конечно, пророки призывали к строгой жизни, но их обещания обильного урожая, плодородных олив и виноградников, защиты от врагов не привлекали меня. Я знал, что мир всегда был и будет таким, каков он и сейчас. Только моралисты называют злом то, что сплошь и рядом происходит в жизни"*.

В этом случае Аарон сам должен был стать для себя духовным авторитетом, ориентируясь на нравственные критерии в своей душе, то есть на Шошу.

В статье "Модный экзистенциализм" израильский философ А.Барац пишет: *"одиночество современного человека обусловлено его неспособностью довериться внешнему авторитету, оно вызвано сознанием того, что полюбить, поверить и подумать за него не может никто, как за него никто не может пообедать или подышать воздухом. Философия одиночества и сегодня - философия экзистенциализма, в том числе, религиозного"*.

Но, как следует из романа, именно вера в необходимость действия у героев как бы отсутствует и ни о каком поиске речи не идёт, хотя за рамками романа, как мы знаем сегодня, остаются поиски и действия в этот период в Варшаве, например, З.Жаботинского, М.Бегина, которые реализовались в конечном итоге в образовании государства Израиль.

Как мне кажется, Аарон не был искренен со своими друзьями, неизменно отвечая "не знаю" на их вопросы - почему он отказывается от визы в Америку, почему он женится на Шоше и пр. Есть вещи, которыми не делятся даже с близкими друзьями, может быть, из суеверного чувства потерять внутреннего собеседника. Такой собеседник, возможно, совершенно не хочет свидетеля или стесняется своих странных, старомодных воззрений, которые часто совершенно невозможно рационально объяснить и поэтому пропадает желание их объяснять в самом начале разговора. И если Шоша - душа художника - столь непонимаемая никем, даже из близких друзей, то понятно, что у Аарона не было желания раскрывать свою душу, без малейшего шанса на понимание - он был абсолютно одинок.

Носительницей и хранительницей исходных и неизменных нравственных норм является Шоша. Она и есть "эго" известного писателя Аарона Грейдингера и его духовный авторитет. Ведь когда судьба позаботилась, чтобы он встретил Шошу после почти 20 лет вынужденной

разлуки, на вопрос Бетти, что вы в ней нашли, он отвечает, - "себя".

Мир с собой и его критерий

Итак, предполагая, что Шоша – материализовавшаяся душа писателя Аарона Грейдингера, мы неизбежно должны согласиться, что у Шоши он должен был искать ответы на вопросы, что делать и как поступать - в том смысле, что с её нравственными критериями, базирующимися по существу на религиозном воспитании, он должен был сопоставлять последствия того или иного своего решения, и тем самым, искать линию поведения и мир с собой.

Аарон говорит, что после провала пьесы, без денег, без надежд на будущее, *"ибо, что ждать здесь, на Земле, где существуют нацисты, кроме голодной смерти и концентрационных лагерей"*, оставалось, казалось бы, лишь покончить с жизнью. При этом, однако, можно было принять предложение Сэма жениться на Бетти, уехать в Америку, спастись и, вероятно, спасти Шошу. Вопреки этому, Аарон вдруг принимает решение жениться на Шоше, *"делая величайшую глупость из всех, что делал когда-либо"*. Однако то, что он "не жалел о сделанном", внутренне успокоившись, говорит об ощущении освобождения и полученном от Него ответе. Так известно, что человеку свойственно внелогичное, иррациональное ощущение истинности или ложности умозрительно видимого явления, решения или поступка. К примеру, фараон, услышав толкования его снов Иосифом, сразу решил, что оно верно, внутренне ощущая его правду.

Тут же после принятия решения, казавшегося величайшей глупостью, *"дела начали поправляться, без суеты и почти автоматически"*. Ему заказана серия статей и рассказов о Якобе Франке, то есть материальные проблемы получили разрешение. Появилась известность, слава нашла его, исчезла всегдашняя стеснительность и мысли о самоубийстве, и это при том, что ситуация в стране и мире не изменилась никак. Именно это – "дела начали поправляться, без суеты и почти автоматически" является, на мой взгляд, согласись, читатель, критерием оценки

правильности принятого решения, то есть достижения мира с собой, словно именно этого решения ждал Тот, от которого зависит - помочь или отказать в помощи.

Заключение

В иудаизме вернувшегося в лоно веры называют "вернувшимся за ответом" (хазар бэтшува), а покинувшего – "вернувшимся за вопросом" (хазар бэшеела).

В конце романа Аарон встречается в Тель-Авиве с Геймлом, единственным из варшавских друзей, оставшимся в живых. Аарон как бы "потух", ведь Шоши нет, и душа погибла, так что в повествовании Волшебника сменяют Рассказчик и Учитель, а "*гора Синайская, что шла за ними*", как определила Бетти, на продолжении всех лет скитаний, привела их к себе. Ощущение, что "их вели" как бы материализуется, но они не получили ответа на "вопросы, к которым вернулись" в период захвата Варшавы нацистами, они – *хозрим бэшеела*. Что-то очень существенное остаётся для них без ответа, недосказанным (сегодня мы знаем, что), и вот они снова "ждут ответа"... они станут *хозрим бэтшува*, только получив от Него ответ, если он вообще может быть получен... но если ответ придёт, то на адрес Израиля.

Виктор Гопман Общие места

турист туристу рознь: кто по приезде в чужой город спешит посетить музей или познакомиться с местными достопримечательностями, кто идет прямехонько на пляж, кто предпочитает детально изучать меню местных предприятий общепита... Впрочем, у всех, без исключения, имеется нечто общее: рано или поздно каждый, причем в обязательном порядке, посещает так называемые места общественного пользования.

Отправимся и мы по этим самым местам. Для начала обратимся к авторитетным источникам. Первым делом, к "Большому толковому словарю русского языка" (БТС), который дает нам: "Уборная – помещение для отправления естественных надобностей; туалет". Интересно, что у Владимира Ивановича Даля оба этих ключевых слова хотя и зафиксированы, но имеют иные значения: "Уборная – комната, в коей одеваются, убираются, наряжаются, моются, притираются и пр." (Заметим в скобках, что слово "убираться", согласно тому же Далю, вовсе не означает то, чем мы занимаемся перед праздниками и в конце недели; оно значит "рядиться, наряжаться, украшаться нарядами".) Что же касается туалета, то здесь Даль дает следующие значения: "убор, одевание и одеяние, наряжанье и наряд", а также "уборный стол, с зеркалом и всеми принадлежностями".

А для основного разбираемого нами понятия Даль приводит такую синонимическую цепочку: "нужное место, нужник, отхожее, сортир". В этом с ним полностью согласны составители БТС: "Сортир – уборная, отхожее место". Впрочем, дамы и господа, впрочем... Да, конечно, место-то отхожее, то есть, речь идет о том, что туда отходят, да к тому же отходят подальше, в смысле, удаляются. Причем с известной целью... Но ведь и не только. Отнюдь. Слово "отходить" – полисеманлично. То есть, многозначно. "Ты отходишь в сумрак алый, // В бесконечные круги..." Или: "Ты в поля отошла без возврата, // Да святится Имя Твое!" Обращение к Прекрасным Дамам Александра Блока тянет

иную цепочку ассоциаций, вытягивает из клубка ниточку вовсе даже другого цвета. Совместить же казалось бы несовместимое ухитряются японцы. А. Мещеряков, приводя в соответствующей главе своей замечательной "Книги японских обыкновений" изящный термин "какурэюки" (что буквально означает "скрытое снегами"), поясняет: "Здесь имеется в виду расположение отхожего места к северу от усадьбы или буддийского храма, а также физическая отдаленность от жилища туалета, далекого, как пики покрытых снегом гор".

Итак, мы видим, что в разных культурах равно доминирует идея удаления, причем на расстояние значительное – по причинам вполне естественным (впрочем, таковы же и надобности, для отправления которых отходят все, включая не только прекрасных, но и самых распрекрасных дам). Одним словом, "элементарно, Ватсон!" А кстати о просвещенных мореплавателях: вот у них туалет – он и есть TOILET. То самое старофранцузское слово, вошедшее в большинство языков мира (в том числе и в русский, и в японский – где оно, правда, звучит "тойрэ", поскольку японцы, как известно, букву "л" не выговаривают, заменяя ее на "р"). Ну, британцы общеизвестны своей, как бы поточнее сказать... чисто британской прямоотой. Не то, что американцы, у которых это самое дело не просто завуалировано, а подвернуто аж двойному табуированию. Понятие "табуированное" в лингвистике означает, что слово или выражение полагается запрещенным для произношения – по причинам этическим, политическим, идеологическим и прочим. В числе "прочих" могут быть, кстати, не только так называемые соображения приличия, но и вполне прагматические резоны – например, элементарный страх. Простейший пример: ни в одном из современных европейских языков не существует исходного, древнего слова для обозначения медведя. И не удивительно: ведь этот внешне добродушный зверь по сути своей является абсолютно совершенным убийцей. Он настолько быстр, что способен догнать любое животное, делящее с ним ареал обитания, умеет плавать – не спасешься и в реке, может залезть на дерево – и там от него не уберечься (как, например, от голодного зимнего волка). Медвежья сила вошла в пословицы, да и ловкости ему не занимать. Потому

носители самых разных языков старались не называть этого зверя настоящим, изначальным именем, а именовали уклончиво, с использованием всяческих прозвищ, дабы не накликал беду. А то сболтнешь некстати ЭТО слово – а ОН тут как тут. И – цап!

Прозвища же выбирались льстивые или невинные: английское, равно как и немецкое, слово передает идею силы, выносливости; французы, итальянцы, испанцы в той или иной степени намекают на смелость, отвагу, тогда как русские простодушно фиксируют самое безобидное свойство зверюшки: МЕДВЕДЬ – это же тот, кто "ведает, где можно отыскать мед". Однако первичное табуирование показалось носителям русского языка недостаточным, и было решено заменять МЕДВЕДЯ еще более описательными вариантами: ХОЗЯИН, или МИХАЛ ПОТАПЫЧ, или КОСОЛАПЫЙ, или ТОПТЫГИН, и так далее. Примерно то же самое сделали американцы с ключевым словом нашей статьи. Сначала это место стали именовать уклончиво BATH ROOM, то есть "ванная комната" – ну, в том смысле, что там и умывальник имеется, и... ну, и все прочее. А потом этого показалось недостаточно, и возникло еще более утонченное словосочетание REST ROOM, то есть буквально "комната для отдыха" – ну, в смысле, помещение, оборудованное соответствующим образом, чтобы уж отдыхать, так отдыхать.

Впрочем, самое, пожалуй, популярное у англоговорящего народа название данного заведения – это john. Именно так, с маленькой буквы, хотя и происходит от едва ли не наиболее распространенного мужского имени. Речь идет, кстати, о мужском туалете, тогда как женский нередко именуется jane. Ну, известно, что Джейн (на уровне еще средневековой латыни – Johanna) – это женский вариант имени Джон. А впрочем, эвфемизмов по рассматриваемой тематике хватает – как вполне широко распространенных (типа "одно местечко", "кабинет задумчивости"), так и весьма специфических, узкого либо очень узкого употребления. К примеру, на филологическом факультете МГУ (в старые времена, еще на Моховой) мужской туалет

располагался в некоем отнорочке, на целый лестничный пролет ниже самого нижнего этажа. Вот мы его и называли – "downstairs", то есть, "внизу, в нижнем этаже". Так и говорили: "Сейчас, только забегу в downstairs..." Интересно, сколь долго продержалось это словечко в этом самом смысле после того, как мы перешли из категории студентов в категорию выпускников?

А известно ли вам, о читатель, где находился один из самых комфортабельных общественных туалетов в Москве? Рассказываю, причем не спеша, размеренно. Во второй половине семидесятых организация, в которой я получал официальную зарплату согласно штатному расписанию, проводила международный семинар на вовсе уж немыслимом уровне, с участием пары десятков европейских министров, первого человека (в соответствующей отрасли) из Канады, второго человека из США, а уж ооновских бонз было – как грязи. И по такому случаю была оккупирована свежееоткрытая гостиница, называвшаяся вроде бы "Международной", да только никто ее так не звал, поскольку проходила она в определенных кругах под кличкой "Центр Хаммера". Построил эту гостиницу Арманд Хаммер, американский миллиардер и большой друг Страны Советов аж еще с ленинских времен – собственно, он хотел построить себе апартаменты, чтобы было где жить, если ему приспичит в Москву, по делу – но как-то само собой вышло, что выстроилась целая гостиница. Со знаменитыми часами и составляющим с ними единое конструктивное целое разноцветным петухом, орущим во всю глотку и машущим хвостом каждый час. Со скоростными лифтами, причем задняя стенка каждой кабинки была прозрачной, дабы путешествующие этим видом вертикального транспорта могли, находясь в пути, любоваться панорамой гостиничного вестибюля, украшенного аллеей искусственных пальм. И, разумеется, туалеты там были соответствующие. Темно-красный, с черным геометрическим узором, кафель, зеркала во всю стену, рассеянное освещение, сферические или там сфероидальные – короче, прямо-таки аэродинамические, чуть ли ни космической формы писсуары, под стать им

раковины умывальников... Ну, и все прочее оборудование, призванное вызвать у простого советского человека, случайно попавшего в этот храм, чувство глубокой и непреходящей неполноценности.

Заметим как бы в скобках: известное чувство подавленности возникло у автора этих строк также и при посещении общественного туалета в знаменитой Голубой мечети, расположенной в Аммане, столице Иорданского Хашимитского Королевства. Вход в мечеть открыт каждому, вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания: за какие-то два иорданских динара (что составляет порядка трех долларов США) и в свободное от культовых мероприятий время администрация с широкой душой допускает туристов. Разумеется, для ознакомления с интерьером памятника архитектуры – все же остальное вторично и попутно. Так вот, каждая кабинка там оборудована верхним сливным бачком впечатляюще больших размеров, изготовленным из мощного чугуна, с клеймом "Made in China" – что, впрочем, естественно для наших дней, ибо какой товар не возьми, обязательно нарвешься на китайского производителя. Буквы выпуклые, высотой сантиметра три, явственно свидетельствующие об имперском величии. И вместо цепочки привязана белая веревочка, представляющая собой цветовой контраст черному бачку. С петелькой на конце. Просунув в которую палец, следует дернуть за означенную веревочку для достижения желаемого эффекта.

Кстати о сантехническом оборудовании: в общественных туалетах Бельгии и Голландии популярны писсуары производства фирмы "Сфинкс" дизайна весьма оригинального: чуть слева от оси симметрии и на ладонь повыше сливного отверстия изображена муха, причем в стиле гиперреализма: так и ждешь, что она взлетит, как только ее потревожат первые... ну, скажем так, капли золотого дождя.

И еще кстати о Ближнем и Среднем Востоке: прочитал где-то в интернете насчет ориентации унитазов в этом регионе. Но ориентация не в том самом смысле, а просто по странам света. Оказывается (многого же мы еще

не знаем!), мусульманин, справляя ту или иную нужду, не может стоять (сидеть) к Мекке спиной или лицом. Только боком. И вот в некотором царстве-государстве (какое не называю отнюдь не по цензурным соображениям, а потому что не помню) некую стройку начали вроде бы немцы. И ставили они унитазы не по правилам. Потом, когда немцев погнали и пригласили российских строителей, проект был изменен – в нужную сторону. (Слово "нужный" в данном контексте связано не с "нуждой", а с "необходимостью", точнее, "правильностью"; слово же "сторона" означает одну из четырех сторон горизонта...) И все стало хорошо.

Но вернемся в Москву: замечательны были места общественного пользования у Хаммера Арманда – но, между прочим, не многим хуже они были и в музее его личного друга, Ленина Владимира Ильича. Не знаю, право, что сейчас расположено в этом здании и сохранились ли высочайшие стандарты, которыми тогда славилось "это местечко". Но в те блаженно-застойные годы... Ведь вход в такой музей не мог не быть, по определению, бесплатным, и потому всякий раз оказавшись в районе Красной площади, я навещал, разумеется, не то ужасное заведение, что напротив ГУМа. И уж Боже упаси, чтобы в самом ГУМе. Не-ет! Путь мой лежал в монументальное здание из красного кирпича под серебристой шатровой крышей, где до революции заседала Городская дума: на величественное крыльцо, а там вниз, по уже известной, протоптанной дорожке... Хотя, заметим в скобках, подземное заведение, расположенное по другую сторону от псевдоготического здания Исторического музея, пусть и более скромное, тоже было вполне ничего себе – ну, тут, видимо, сказывалась общая близость Кремля, поскольку оно находилось буквально в десяти метрах от Кремлевской стены.

Известно, что все на свете познается в сравнении, и роскошь московского музея лишь оттеняла убожество его киевского аналога. Мы говорим, впрочем, не о музеях с их экспонатами, а о музейных туалетах – то есть, не музейных, разумеется, а примузейных, или, скорее, внутримузейных... Так вот, когда строительство киевского музея В.И. Ленина подходило к концу, то вдруг – как это частенько бывало на протяжении всей многотрудной истории основанного В.И. Лениным государства

рабочих и крестьян – выяснилось, причем совершенно неожиданно и ко всеобщему удивлению, что денежки-то тютю. На исходе. И потому приняли мудрое решение: сэкономить на туалете, сделав его по облегченной, общенародной, так сказать, модели. Ну, советскому человеку оно, конечно, не привыкать, а вот некоторые интуристы впадали в недоумение – до такой степени, что отдельно взятые зарубежные дамы наотрез отказывались пользоваться услугами данного учреждения и требовали от гидов срочно везти их в иное, более приспособленное (на их, чужестранный и изнеженный, взгляд) местечко.

А казалось бы, чего там такого! Ведь аналогичную систему – когда каждое посадочное место представляет собой подставки для ног по обе стороны от дыры в полу – мне довелось наблюдать не где-нибудь, а в султанском дворце города Стамбула. (Разумеется, вход в помещение там перегорожен витым шнуром, дабы никому из туристов не пришла в голову дикая мысль: воспользоваться уникальной возможностью и хотя бы пару минут пожить по-султански.) Единственная разница между данным заведением и его советскими аналогами заключается в том, что турецкий султан ни с кем не делил это помещение, комнату примерно три на пять, плюс потолок не ниже пяти (все размеры, разумеется, в метрах).

Впрочем, что там Турция!.. Тем более что дворец, о котором идет речь, расположен не в европейской, а в азиатской части Стамбула. Обратимся-ка мы в Европу, причем не куда-нибудь, а в город, славу которого составила одна из самых трогательных любовных историй из числа описанных мировыми классиками. Да, речь идет о Вероне. В трех минутах ходьбы от дома, который занимало в свое время семейство Капулетти, имеется одно кафе, куда мы с женой и зашли, после того, как посетили дворик Джульетты с его пресловутым балконом, безвкусной статуей синьорины Капулетти и стенами, сплошь увешанными записочками влюбленных со всего мира. Привлекла нас как роскошная, всячески изукрашенная витрина этого кафе, так и сами торты с пирожными, которые вне всякой критики – и на вид, и на вкус. А также капучино – впрочем, капучино равно прекрасен по всей Италии. Но прежде чем сесть за столик,

мы вознамерились, условно говоря, помыть ручки, причем жена пошла первой. Возвращается – хохочет. "Ты чего?" – спрашиваю. – "Сейчас сам увидишь". Короче – все как во дворце турецкого султана. То есть, та же дыра в полу и подставки для ног по обе стороны. Разница только в материалах: у султана – мрамор, здесь – белый, с синими прожилками, фаянс.

Но вернемся в столицу Блистательной Порты. Заговорив о султанском дворце, я вдруг сообразил, что вот в российских дворцах, ни в Москве, ни в Питере, как-то не доводилось мне обозревать аналогичные места – те самые, о коих принято говорить, что "туда и сам царь пешком ходит". Жаль – ведь было бы любопытно сопоставить достопримечательности этой категории. Хотя бы потому, что помнится, как в музейных помещениях другого султанского дворца, который на противоположной, европейской, стороне Босфора, местный экскурсовод с энтузиазмом демонстрировал российским туристам весьма ограниченное количество витрин, в которых негусто были размещены разные сосуды, блюда и прочие табакерки, и при этом явно удивлялся отсутствию зрительской реакции. А ведь, если честно, то какая же тут реакция после Оружейной палаты и сокровищ Эрмитажа? Может, это и не очень этично, но прямо-таки тянет повторить фразу некоего нового русского из классического анекдота: "Что ж... Бедненько, но чистенько..." Так вот, хотелось бы сопоставить не только музейные экспозиции, но также царские и султанские отхожие места, дабы увидеть, существует ли и между ними разница, сколь она значительна, и – главное – в чью пользу было бы сравнение.

Ведь сопоставления всегда дают как минимум пищу для размышлений – что бы ты ни сравнивал: размеры валового национального продукта, богатство картинных галерей, ассортимент колбасных изделий, количество солнечных (в скобках: дождливых) дней в году, численность ядерных боеголовок, имеющихся на вооружении страны – или количество общественных туалетов и их качественный уровень.

А если сопоставлять не дворцы, а более близкие к народу строения, то ведь ничего экстраординарного в киевском музее нет. Более того, сооружение украинских товарищей ни структурно, ни концептуально не выделяется из системы аналогичных заведений, имеющих в целом ряде "Ленинских мест" – взять, хотя бы, сортир на подмосковной железнодорожной станции "Заветы Ильича". Действительно, ни уровень архитектуры, ни степень комфорта, ни мера чистоты – ничто не дотягивает до высочайших стандартов головного московского учреждения. Но с другой стороны: признаем, что "Заветы Ильича" в данном смысле вполне общенародны. Во всяком случае, ничем не отличаются от большинства известных мне железнодорожных станций, полустанков, платформ. Сказанное – сразу оговорюсь – относится к сети железных дорог России, о которой я имею некоторое представление и потому могу сравнивать. Что же касается, допустим, Эстонии, то здесь есть смысл прислушаться к Довлатову, который, обозревая вокзальный пейзаж эстонского городка Пайде ("Довоенное здание, плоские окна, наполненные светом часы..."), задается риторическим вопросом: "Интересно, почему архитектура вокзальных сортиров так напоминает шедевры Растрелли?"

Ну, что ж, уж коли зашла речь, то поговорим об общественных туалетах на железной дороге. Многое здесь зависело от самого вокзала. Простейший пример: казалось бы, рядышком стоят на Комсомольской площади Ярославский и Ленинградский, но ведь на Ярославский человек мог пойти только если приперло – или по неведению. А на Ленинградском – как войдешь, направо – там и в самые отчаянные времена было вполне ничего себе... Но все-таки Ленинградский вокзал был скорее исключением – в том числе и потому, что поездов оттуда отправлялось немного, и в основном по "чистым" направлениям, а это определяло качественный состав пассажиров. Да, разумеется, и Рижский был вполне – как по вышеназванным причинам, так еще и потому, что располагался подальше от центра города и от мест скопления народа. Но в целом вокзальные туалеты были

равноценны – от Москвы до самых до окраин. Пользоваться ими следовало лишь в случае крайней нужды – извините за нечаянный и неудачный каламбур. В большинстве случаев целесообразнее было потерпеть до поезда. Хотя, конечно, и вагонные туалеты в массе своей... Впрочем, в СВ бывало вполне опрятно, особенно в "Красной стреле" и некоторых так называемых "фирменных поездах".

От железнодорожного транспорта перейдем к воздушному. Оставим в стороне и московское "Быково", и воздушные гавани других городов страны Советов, ибо положение дел там фактически ничем не отличалось от общесоюзного средневокзального. Обратимся к "Шереметьево-2", международному аэропорту, построенному специально к Московской олимпиаде, то есть к 1980 году. Первые годы там была сказка, сон наяву. Приехав в аэропорт встречать иностранную делегацию, переводчики первым делом шли к табло в центре зала, чтобы посмотреть, не опаздывает ли самолет и в какое крыло его намерены посадить. А потом направлялись в это – правое или левое – крыло, где в торцах как раз и располагались названные дворцы из белого кафеля и фаянса. И там, в обстановке максимально приближенной к западной, мы как бы переключались на иностранный образ жизни, как бы внутренне изготавливались к встрече с зарубежными гостями. Кстати, проводив последнего участника мероприятия, мы также посещали один из этих четырех дворцов (два на первом этаже, на "Прилетах", два на втором, на "Вылетах"), чтобы – в известном смысле, ритуально – проститься с ненашей жизнью до следующего раза, до следующей делегации. И ведь это притом, что в гостинице "Спутник", где преимущественно жили наши клиенты, профессиональная дисциплина поддерживалась железной рукой, и в туалетах было вполне пристойно (хотя, разумеется, и победнее, чем у Хаммера). Но прошли годы, и шереметьевский сон золотой сменился суровыми буднями, причем первые признаки упадка стали проявляться именно в названных дворцах, которые, согласно известному лозунгу ("Мир хижинам, война дворцам!") начали стремительно

превращаться в эти самые хижины. А также чумы, вигвамы, иглу, юрты и так далее, вплоть до бараков.

Аналогичную деградацию претерпел, кстати, и JFK, главный нью-йоркский аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Последний раз я вылетал оттуда осенью 2002 года и был просто шокирован его совершенно неамериканским видом, запахами и сомнительной чистотой, уже с видимым трудом балансирующей на краю пропасти. Похоже, что всех уборщиков переквалифицировали в таможенных и прочих досмотрщиков, причем процесс переквалификации прошел без заметных успехов. Зато теперь на один пассажирский чемодан кидаются сразу трое ответственных сотрудников и не успокаиваются, пока не извлекут оттуда пилочку для ногтей размером в три сантиметра. Совершить теракт с помощью такой пилочки способен лишь высококвалифицированный диверсант – которому, впрочем, не нужна никакая пилочка, поскольку он в состоянии обойтись любыми подручными средствами, включая зубочистку, а лучше всего он действует вообще голыми руками. Зато теперь туалетные работники заняты высокоинтеллектуальным трудом, что явственно написано на их лицах, которые... ну, здесь мы остановимся, чтобы не преступить черту политкорректности.

А взять парижский аэропорт имени Шарля де Голля – кто же не помнит тамошний жуткий сортир (слово, кстати, и происходит от французского глагола "sortir" – "выходить"), где-то в самом низу, и идти туда надо по каким-то катакомбам, и искать его чуть ли не по запаху, да и внутри отнюдь не сказка. А наш родной Бен-Гурион: там в писсуары положили такие прокладочки, именуемые Nilodor. То есть, если в буквальном переводе – "без запаха", в смысле: "Запаху – нет!" Но это на словах, а на деле... Да что там рассусливать – все и так знают.

Если же вы меня спросите, где чище всего, то отвечу, не задумываясь: в Великобритании. Я вообще хорошо отношусь к этой стране, и ведь имеются всяческие к тому основания. Я сейчас даже не о Великой хартии вольностей, не о Шекспире и не о джине с тоником, хотя значение каждого из этих элементов в системе культурных

ценностей человечества трудно переоценить. Я – о самом простом. Во время полета, тем более на длительные расстояния, человеческий организм обезвоживается – это медицинский факт. Ну-ка, вспомните, в аэропортах какой еще страны вы видели бесплатные поилки для жаждущих путников? Но ведь путники бывают всякими (сейчас я говорю только о привычке к соблюдению чистоты). Так вот, в английских аэропортах учитывают и это обстоятельство. И потому стаканчики для водопоя там имеют форму конуса. Пить из них – нормально, а вот поставить никак нельзя. Ни на таможенную стойку, ни на прилавок в дьюти-фри, ни просто на стул, за отсутствием иного выбора. Физически нельзя, потому что нет плоского дна. И не вынужден, а просто принужден утоливший жажду путник бросать использованный стакан в урну. То есть, он, может, и бросил бы его на пол – но чистота вокруг такая, что даже ко многому привычные израильские туристы призадумаются. Тем более что урна – вот она, рядышком. Не надо озираться в поисках, не надо тащиться на другой конец зала... Да, это по-английски: с одной стороны, тебе обеспечены все условия для соблюдения чистоты, а с другой – тебя ставят в такое положение, что и рад бы намусорить, но сделать это крайне трудно. Впрочем, дамы и господа, впрочем... Вот, скажем оксфордский музей Эшмолен, куда люди стремятся со всего света, чтобы увидеть "Ночную охоту" Паоло Учелло и, стоя у холста, прочувствовать тот фантастический эффект головокружения, который, как справедливо утверждал Джон Фаулз, не могут дать никакие репродукции... Но туалет там – на уровне средней московской публичной библиотеки: бедненько и не очень чтобы чистенько, в смысле, пахивает.

Вообще туалеты московских библиотек – в отличие от их книжных фондов – никогда даже и не стремились к совершенству. Самый приличный был в Иностранке – наверное, по причине своей новизны. Потом еще более новым стало заведение в ФБОН (расшифруем: Фундаментальная библиотека общественных наук) – когда они переехали в мраморный дворец на Профсоюзной. В Ленинке тот, что побольше, внизу, рядом с буфетом – он не

то, чтобы ужасен сам по себе, но путь туда лежал через курительную комнату, где табачный дым был буквально непроходимым. Или, во всяком случае, непроницаемым. Для человека, бросившего курить, это представляло реальное испытание, и потому я предпочитал ходить на самый верхний этаж, где располагались читальные залы естественных наук. Кстати, там, наверху, еще оставались телефонные кабинки с плотно закрывающейся дверью, обеспечивающие какую ни на есть приватность телефонных разговоров. Просто так звякнуть и договориться о встрече можно было и с тех телефонов, что висели на голой стене при входе, но для того, чтобы уговорить девушку на эту встречу, требовался какой-никакой интим, обеспечиваемый лишь кабинкой на последнем этаже. Четвертая же крупнейшая московская библиотека – ГПНТБ (Государственная публичная научно-техническая) – была в рассматриваемом нами смысле самой технологически отсталой; к тому же рискну заявить, что научно-техническая интеллигенция, как коллективный пользователь, все же уступала в этом самом смысле интеллигенции гуманитарного профиля.

Так мы снова вернулись к незатейливой мыслишке о тесной причинно-следственной связи между внутренним состоянием общественного туалета и внутренним миром его клиентуры. Не только на вокзалах весьма отчетливо проявляется эта зависимость, но и в ряде иных мест, активно посещаемых самой широкой общественностью. Взять хотя бы те стоянки туристических автобусов, где и водители, и пассажиры-туристы могут отдохнуть, размять ноги, выпить водички или кофе. Увы, и здесь мы далеко не впереди планеты всей. Достаточно вспомнить известную всем израильтянам Ципору, и комментарии уже излишни. Кстати, именно в Ципоре, в тамошнем сортире, я впервые прочел на стене соответствующего содержания стихотворение на иврите. Цитировать его я, разумеется, не стану – не все поймут, а понявшие могут и осудить. Но то обстоятельство, что я и сам понял через пень-колоду, только побудило меня тогда к более усердным занятиям языком.

Одним словом, везде пишут! И даже, как справедливо заметил бард, "в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке..." Может, именно поэтому вход в сии достопримечательные места французской столицы практически повсеместно платный – чтобы можно было заодно и полюбоваться на эти, в своем роде, фрески. Возьмем хотя бы подземный магазинно-ресторанный комплекс под Лувром: на женскую половину вход исключительно за деньги, тогда как у мужчин доступ к писсуарам свободный, но за посещение кабинок надо платить. С целью наблюдения за тем, исправно ли производится плата (путем опускания соответствующего достоинства монеты в щель монетоприемника, задействующего соответствующее запорное устройство), на входе в мужскую половину дежурит юная дева, по виду явно выходец (выходка?) из бывших французских колоний. То есть, из Алжира или из Марокко. Своими глазами наблюдал, как она бодро ворвалась на подведомственную ей территорию и пресекла попытку незаконного проникновения: один человек (честно говоря, непонятого происхождения, причем не факт, что российского) вышел из оплаченной кабинки, не дав двери захлопнуться, а его приятель попытался было влезть туда забесплатно – но не вышло! Девица так заорала "Нон, месье!", что слышно было по всей рю де Риволи.

В той же Лютеции на Сене сталкиваешься с вовсе уникальной ситуацией – когда посетителей кафе принуждают еще и оплачивать посещение мест общественного пользования, расположенных в этой общепитовской точке. Аналогичная практика, кстати, получила распространение и в ряде городов Германии, включая такие знаковые (для потребителей пива, я имею в виду), как Мюнхен и Кельн. Бывает такое и в Амстердаме, но там общая острота ситуации несколько сглаживается за счет уникального сооружения – уличного бесплатного писсуара. Эдакая вроде бы беседочка, похожая на кабинку для переодевания на пляже средней руки – то есть, видны ноги пользователя и отчасти его голова, что должно послужить другим желающим в качестве знака "Занято".

Правда, эта бесплатная роскошь по определению предназначена только для мужчин, и я удивляюсь, как это феминистки до сих пор не разобрались с городскими властями в связи со столь вопиющей дискриминацией. Кстати: сходный дискриминационный подход наблюдается и в некоторых пивных заведениях Праги. Пиво стоит и для мужчин, и для женщин одинаково, но вот все сопутствующие (или последующие) услуги для мужчин – бесплатно, а с женщин за вход берут соответствующую сумму, аналогичную той, что взимается во всех городских общественных туалетах.

Впрочем, я могу назвать заведение, платность которого трудно оспаривать. Оно находится в одном из венских домов, построенных едва ли не самым необычным архитектором нашего времени Фриденсрайхом Хундертвассером. Речь идет не о том разноцветном жилом доме, фасад которого не имеет ни единого прямого угла ("Прямая линия чужда человеческой природе", – говаривал этот своеобразный градостроитель), а о расположенном напротив уж вовсе залихватском домике, где под одной крышей мирно сосуществуют два десятка разнообразнейших крошечных магазинчиков, радующих глаз и сердце всеми цветами радуги, и где имеется абсолютно уникальный расписной общественный туалет – единственное в мире, как мне кажется, заведение такого рода, где брать деньги за вход – закономерно и логично.

Но при всем при этом не следует забывать: отсутствие бесплатных общественных туалетов имеет своим следствием лишь то, что народ, доведенный до крайности, забывает обо всем и действует исходя из старинной максимы: пусть лучше лопнет совесть, чем мочевой пузырь. В этой связи вспоминается замечательная табличка при входе в парадное дома, расположенного хотя и в центре Дюссельдорфа, но на полутемной улочке. Выполнена она в стилистике стандартного дорожного знака: в красном круге на белом фоне запрещающей чертой перечеркнуто изображение двоюродного брата Писающего мальчика, делающего то же, что и его брюссельский кузен. Не полагаясь на силу убеждающего искусства, владельцы

подъезда к тому же перегородили вход толстой цепью, к которой и привешен этот запрещающий знак. Впрочем, заметим справедливости ради, что мужчины, согласно известному анекдоту, очень застенчивы по своей природе: например, когда они мочатся на улице, то всегда отворачиваются к стене.

А вот в Японии общественные туалеты бесплатны концептуально – считается, что брать деньги за отправление естественных потребностей столь же дико, как взимать плату за воздух, которым дышит человек. Этой же совсем неглупой мыслью руководствовались и создатели "Макдоналдса" – ведь бесплатность туалетов в заведениях данной системы декларируется как один из основных принципов ее, то есть, системы, функционирования. Любой человек может зайти в любой филиал этой сети, густо оплетшей весь мир, и, даже не подвергая свое здоровье опасности, сопряженной с употреблением "Большого Мака", воспользоваться сопутствующими услугами. Впрочем, это чисто теоретически – поскольку жизнь не стоит на месте. Нет, в Америке незыблемость принципа соблюдается. Соблюдается она даже в Италии – где мы просто для интересу заскочили в Макдональдс, расположенный в центре Неаполя, и получили полное удовольствие за бесплатно. (Надо ли присовокуплять, что сроду я не ел в этом заведении и, надеюсь, в дальнейшем Бог также милует. И вообще, как сказано в известном анекдоте: не приведи Господь так оголодать...) Но вот посетили мы соответствующий филиал в Мюнхене – а там на входе сидит гастарбайтерша и требует сыпать евроценты в специально приспособленную для этого тарелочку. Причем на вопросы, связанные с правомерностью нарушения концепции отцов-основателей, она не отвечает, в силу невладения английским и неполного владения немецким. Есть смысл в этой связи сказать также пару слов о постановке дела в Праге, где решительно и в корне пресекаются попытки всех желающих и на унитазах сесть, и в то же время "Биг Мак" не съесть – причем проделывается это с таким хитроумием, о котором Швейк сказал в свое время: "Да это прямо-таки иезуитский номер!" Значит, так: посетителей буквально с порога

открытым текстом извещают, что данное общепитовское заведение не располагает сантехническим оборудованием, после чего отсылают в общественный туалет напротив. А уже в том туалете, заплатив за соответствующие услуги из расчета пяти крон на человека, посетитель получает квитанцию, которую он затем вправе предъявить кассиру Макдональдса, и тогда данная сумма будет списана с его счета. Тем самым принцип бесплатности для клиентов вроде бы не нарушается, и вместе с тем идее халявности наносится сокрушительный удар.

Заметим, что сама концепция платности общественных туалетов возникла еще в Древнем Риме: император Веспасиан, взошед на престол в 69 г. н.э., не преминул обложить налогом общественные отхожие места. Когда его сын Тит (тот самый, что в 70 г. захватил и разрушил Иерусалим) выразил было свое недоумение по поводу такого государственного решения, Веспасиан, поднеся к его носу пригоршню монет, сказал в высшей степени исторические слова: "Non olet". Или, в переводе с классической латыни: "Не пахнут" – в смысле, деньги не пахнут. С тех пор так и повелось на Апеннинском полуострове, и лишь Макдональдсы (ну, не считая, правда, музеев Ватикана и галереи Уффици) предоставляют соответствующую услугу бесплатно.

Интересно вспомнить, что начало новых экономических отношений в СССР (вторая половина восьмидесятых годов прошлого века) было ознаменовано приватизацией мест общественного пользования (в первую очередь, на вокзалах и в больших магазинах типа "Детского мира") – надо ли уточнять, что новые хозяева тут же – как бы для разгона – установили плату за вход, не проведя ни обновление технического парка подвластных им заведений, ни хотя бы косметический ремонт. Кстати, платными являются туалеты, расположенные на центральных автобусных станциях израильских городов – до недавнего времени Иерусалимский автовокзал сохранял столичную марку, но вот и они сломались под грузом экономической необходимости. Заметим, что любопытна в этом плане политика Иерусалимской мэрии, которая с широкой душой

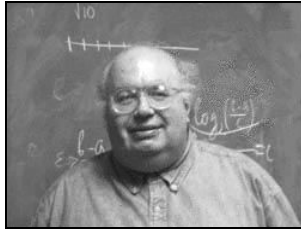
обеспечивает всем, что называется, жителям и гостям столицы, бесплатный доступ во вполне комфортабельные туалеты, расположенные в самом здании мэрии. Здесь, правда, имеется некоторая тонкость: чтобы попасть туда напрямую, с улицы, надо знать ходы-выходы, но в принципе дорога открыта для любого и каждого через центральный вход. И вообще в столице нашей исторической родины особых претензий к этому виду коммунальных услуг у меня нет. Разве что таких точек могло быть побольше. Как это было при старом режиме в столице нашей доисторической родины, городе-герое Москве.

Об авторах

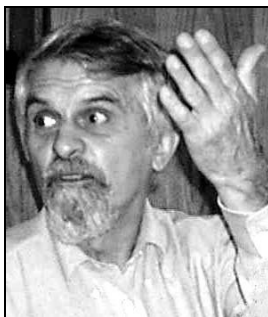
Михаил Зеликин – советский и российский математик, доктор физико-математических наук, профессор.

Евгений Гордон – математик, профессор Восточного Иллинойского Университета в городе Чарльстон, Иллинойс, США.

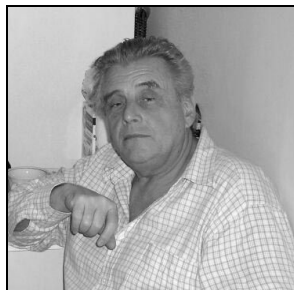
Хаим Соколин - геолог, литератор.

Владимир Тихомиров – российский математик, писатель и педагог, профессор МГУ, член Московского математического общества.

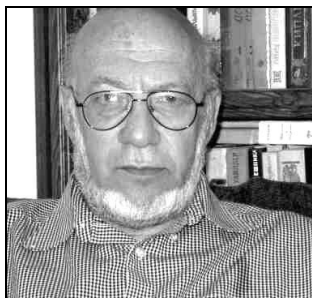

Василий Демидович – российский математик, доцент механико-математического факультета МГУ.

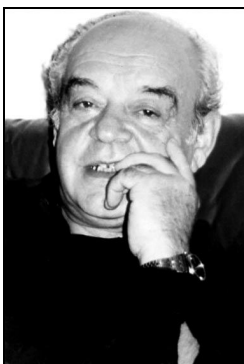

Андрей Тоом – математик, профессор Федерального университета в Пернамбуко в Бразилии.

Анна Тоом – профессор психологии, Международный Университет Тридент, США

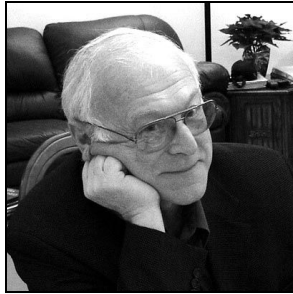
Александр Лейзерович – доктор техн. наук. Переводчик стихов и прозы, печатается в периодических изданиях.

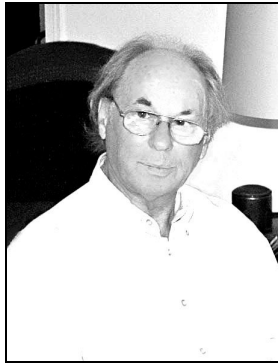
Семен Талейсник – врач с многолетним стажем.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Эрнст Зальцберг – редактор-составитель книжной серии «Русские евреи в Америке».

Наум Зайдель – музыкант с многолетним стажем.

Александр Баршай – журналист, публицист. Постоянный автор газеты «Вести». Автор двух публицистических книг

Марк Фукс – инженер-электрик, автор статей, опубликованных на портале «Заметки по еврейской истории».

Александр Зелинский – научный работник в области информационных технологий.

Йеѓуда Векслер – Музыковед, переводчик. Автор нескольких книг. В Израиле с 1979 г.

Елена Минкина – врач-терапевт, член Союза писателей
Израиля

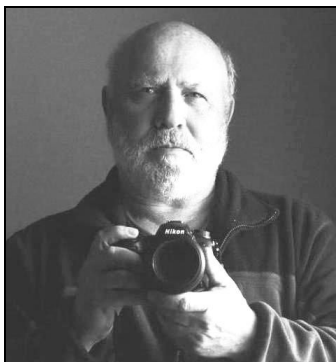
Надежда Далецкая – литератор

Эстер Пастернак – поэт, журналист, прозаик.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

Артур Кальмейер – литератор

Вильям Баткин – писатель, публицист.

Людмила Штерн – литератор, научный сотрудник университета Брандайс.

Владимир Матлин – автор пяти сборников рассказов и повестей, опубликованных в Америке и России.

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, филолог.

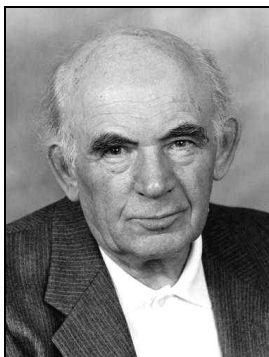
Яков Лотовский – писатель.

Евсей Цейтлин – культуролог, литературовед, критик, прозаик. Автор множества книг. Редактор газеты «Шалом».

Александр Каневский – писатель, сценарист, сатирик.

Михаил Вайнер – писатель, переводчик.

Арье Бацаль – писатель и поэт.

Роланд Кулесский – доктор технических наук, профессор.

Виктор Гопман – переводчик.

Журнал «Семь искусств», Ноябрь 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 601 стр. 25,09 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины